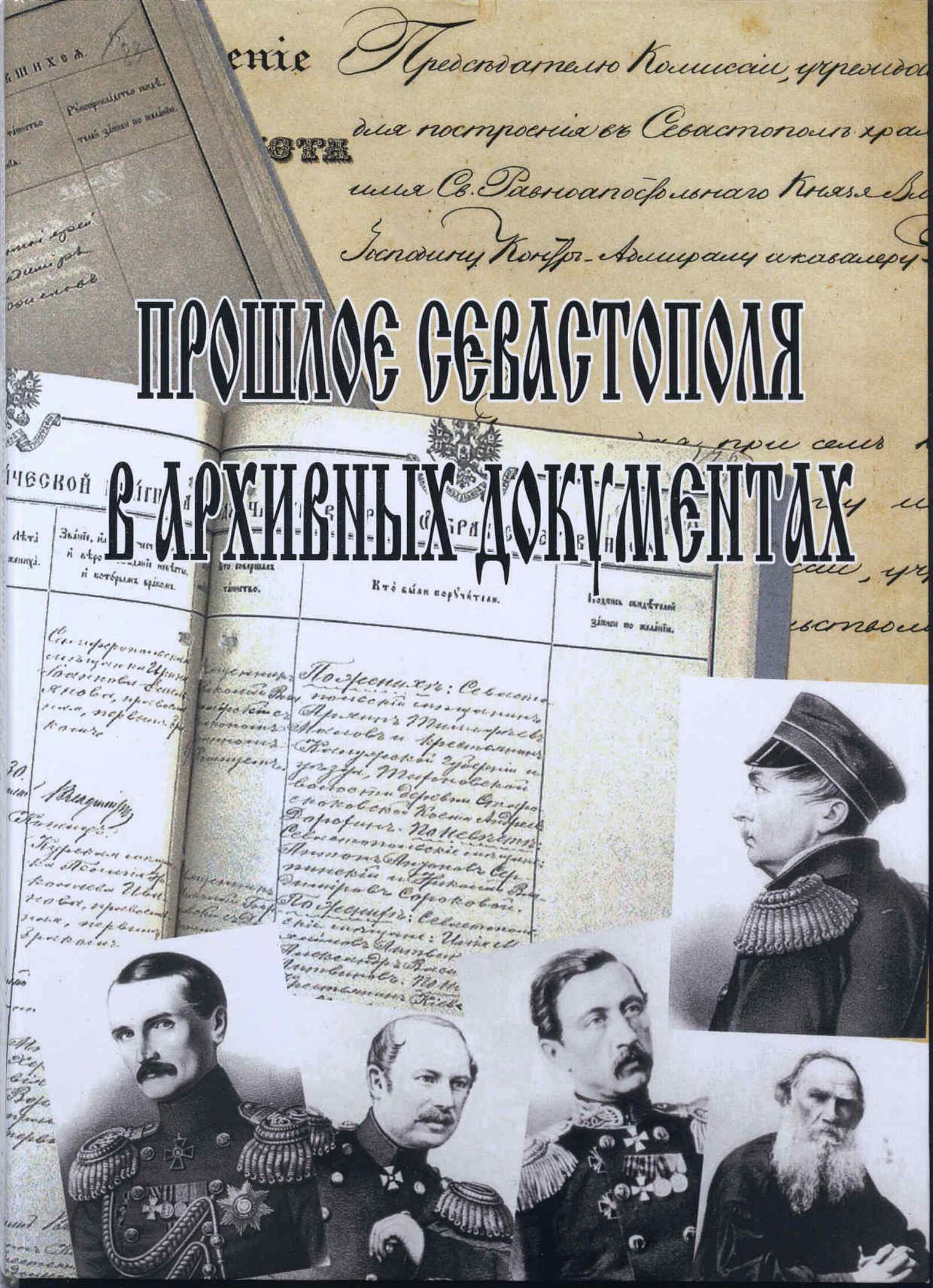

ение *Председателю Комиссии, учрежденной*
для построения в Севастополе храма
СТИ *имя Св. Павлопостольника Князя Вл*
Господину Контр-Адмиралу и кавалеру

ПРОШЛОЕ СЕВАСТОПОЛЯ

В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА УКРАИНЫ
СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ГОРОДСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ

*90-летию Государственного архива
города Севастополя посвящается*

ПРОШЛОЕ СЕВАСТОПОЛЯ В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ

Научные статьи сотрудников
Государственного архива
г. Севастополя

Севастополь · СПД Арефьев М. Э. · 2011

УДК 94(477.75-25)(06)
ББК 63.3(4Укр-2Сев)
П 84

Составители: Кузнецова Татьяна Александровна
Терещук Наталья Михайловна

Рецензент: С. Б. Филимонов — доктор исторических наук,
профессор Таврического национального
университета им. В. И. Вернадского

П 84 Прошлое Севастополя в архивных документах: Сборник научных статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя/Сост. Т. А. Кузнецова, Н. М. Терещук. — Севастополь: СПД Арефьев М. Э., 2011. — 252 с.
ISBN 978-966-8738-22-7

Сборник содержит научные статьи сотрудников Государственного архива города Севастополя. Книга является продолжением сборников «Севастополь: взгляд в прошлое» (2006) и «Память о прошлом» (2007). На основе архивных документов прослеживается становление и развитие Севастополя и Черноморского флота с конца XVIII до середины XX веков. При подготовке материалов были использованы документы Государственного архива г. Севастополя, Государственного архива в Автономной Республике Крым, зарубежных архивов.

Для историков, архивистов, преподавателей и студентов вузов, краеведов.

УДК 94 (477.75-25)(06)
ББК 63.3(4Укр-2Сев)

ISBN 978-966-8738-22-7

© Сост. Т. А. Кузнецова. 2011
© Сост. Н. М. Терещук. 2011

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	6
Кузнецова Т. А. Государственному архиву города Севастополя — 90 лет	7
I. Севастополь от основания до середины XIX века	
Ивицкая О. Е. Ф. Ф. Ушаков и Корфу (к истории русского мореплавания в Средиземноморье в XVIII веке)	10
Терещук Н. М. Греческое селение Карань	18
Терещук Н. М. Финансовый орган, ведающий хранением казны	24
Терещук Н. М. Севастопольский военный карантин. Накопление фактологического материала (1-я пол. XIX века)	27
Фесенко А. А., Шпакова И. Е. Роль М. С. Воронцова в подавлении восстания в городе Севастополе в 1830 году. Анализ источников	29
Терещук Н. М., Зубарев А. А., Аругюнян В. Г. Адрес-календари Российской империи как источники информации о должностных лицах государственных учреждений XVIII– начала XIX вв.	36
Терещук Н. М. Медицина и метрические книги первой половины XIX века. Анализ исследований	39
Крестьянников В. В. Российская армия накануне Крымской войны 1853–1856 годов: комплектование, организация и устройство родов войск	41
Крестьянников В. В. Российский флот накануне Крымской войны: структура, комплектование, подготовка кадров, судостроение, артиллерия	49
Терещук Н. М. Православные священники епархиального ведомства в период первой обороны Севастополя 1854–1855 гг.	59
II. Севастополь и Черноморский флот во 2-й половине XIX — начале XX века (1857–1917 гг.)	
Шпакова И. Е. Некрополи Севастополя периода Восточной (Крымской) войны — национальные духовные святыни	63
Терещук Н. М. Роль представителей торгового сословия в религиозно-нравственных устоях города Севастополя в XIX веке	67
Терещук Н. М. Историко-научный потенциал метрических книг по изучению истории греческого населения Севастополя	72
Фесенко А. А. Влияние ислама на будничное мироотношение мусульман Севастополя: сопоставление традиций XIX–XX веков и практики начала XXI века. (По материалам Государственного архива г. Севастополя)	75
Терещук Н. М. Караимская община Севастополя в условиях поликультурного общества (вторая половина XIX века — 1920-е годы)	83

Терещук Н. М.	
Крымчаки. Современные исследования (по документам Государственного архива города Севастополя)	89
Крестьянников В. В.	
Некрополь Херсонесского монастыря	92
Шпакова И. Е.	
Церковь во имя св. Митрофана Воронежского и часовня иконы Федоровской Божией Матери в Севастополе	95
Ивицкая О. Е.	
Нормативные документы Севастопольского полицеймейстера как источник по изучению истории градоустройства России в конце XIX — начале XX вв.	100
Крестьянников В. В.	
Летчики Черноморского флота (1914–1918 гг.)	103
Крестьянников В. В.	
Действия Черноморского флота в северо-западной и западной части Черного моря в Первой мировой войне	117
Крестьянников В. В.	
Тайна гибели «Императрицы Марии»	122
Крестьянников В. В.	
Боевые действия Черноморского флота у Кавказского побережья Черного моря в 1914–1917 годах	126
III. Севастополь революционный (1917–1920 гг.)	
Терещук Н. М.	
Октябрь 1917. Срочно. Циркулярно. По всем учреждениям России	133
Крестьянников В. В.	
Черноморский флот в 1918 — марте 1920 гг.	134
Ивицкая О. Е.	
«Двадцатый год — прощай, Россия» (по воспоминаниям участников событий)	138
Терещук Н. М.	
Деятельность учетно-контрольных органов Севастополя после исхода Русской армии	144
IV. Севастополь в советский период	
Терещук Н. М.	
К вопросу о лишении прав севастопольских караимов (на материалах Государственного архива города Севастополя)	148
Терещук Н. М.	
Историческая память: Севастополь в период обороны 1941–1942 гг. (по документам городского комитета обороны)	152
Фесенко А. А.	
Злодеяния немецко-румынских войск в период оккупации г. Севастополя в 1942–1944 гг.	156
Коротун Е. В.	
Многотиражные газеты Черноморского флота периода обороны Севастополя 1941–1942 гг. (по документам фонда М. А. Любчикова)	161
Шпакова И. Е.	
Вопросы устной истории. Севастополь в период обороны и оккупации (1941–1944 гг.) в воспоминаниях детей	164
Авакян В. Р.	
Динамика восстановительных работ в послевоенном Севастополе 1944–1957 гг.	168
Коротун Е. В., Терещук Н. М.	
Улица Подгорная в документах Государственного архива г. Севастополя	176

V. Севастополь в судьбах людей

Фесенко А. А.

Новый взгляд на деятельность адмирала А. С. Грейга — главного командира Черноморского флота и портов Черного моря. 1813–1833 гг.182

Фесенко А. А.

Адмирал П. И. Кислинский. Моряк и создатель188

Ивицкая О. Е.

Великий русский хирург Н. И. Пирогов в благодарной памяти потомков190

Фесенко А. А.

Морской министр И. К. Григорович — почетный гражданин дореволюционного Севастополя194

Фесенко А. А.

За труды на благо Отечества. К 180-летию Е. В. Богдановича — почетного гражданина дореволюционного Севастополя, участника Крымской войны198

Ивицкая О. Е.

Неизвестный автограф знаменитого издателя Григория Москвича в фондах Государственного архива г. Севастополя203

Терещук Н. М., Зубарев А. А.

Балаклавский провизор М. О. Золотницкий208

Калинина Н. С.

История семьи Апошанских в фондах Государственного архива г. Севастополя214

Белая И. Н., Калинина Н. С.

Документы Инны Анатольевны Антоновой в фондах Государственного архива г. Севастополя218

Авакян В. Р.

История песни «Легендарный Севастополь»: новые находки220

Фесенко А. А.

Юрий Гагарин — почетный гражданин города Севастополя225

Ивицкая О. Е.

В. М. Шукшин и Севастополь228

Указатель имен232

Географический указатель243

Указатель названий судов247

Список сокращений251

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Предлагаемый вниманию читателей сборник научных статей сотрудников Государственного архива города Севастополя посвящен 90-летию архива и является продолжением сборников «Севастополь: взгляд в прошлое» и «Память о прошлом».

Подготовленный сборник не является тематическим. Его основу составили доклады и научные статьи сотрудников Госархива, часть которых опубликована в материалах международных конференций и научных сборниках.

Целью сборника является введение в научный оборот новых документов, которые существенно дополняют сведения об известных и малоизвестных исторических фактах и событиях, связанных с Севастополем и Черноморским флотом. Публикации документов и фотодокументов гармонично дополняют и иллюстрируют содержание статей.

Материалы сгруппированы по хронологическим разделам. Научно-справочный аппарат включает в себя следующие указатели: именной, географический, наименований судов, а также список сокращений. Содержание, повторяющее схему систематизации материалов, может быть использовано в качестве краткого тематического указателя.

Все даты, использованные в научных статьях, до 1918 года приведены по старому стилю, в дальнейшем — по новому. В географический указатель не вносились топонимы: Крым, Севастополь, Черное море, так как они употребляются почти во всех статьях.

Все статьи приводятся в авторской редакции. Указатели и список сокращений подготовлены главным специалистом отдела информации и использования документов НАФ Коротун Е. В.

Сборник научных статей печатается по решению Научно-методического совета Госархива от 13 декабря 2010 года № 9.

Заместитель директора — главный хранитель фондов
Государственного архива города Севастополя
Н. М. Терещук

ГОСУДАРСТВЕННОМУ АРХИВУ ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ — 90 ЛЕТ

После Октябрьской революции новые органы власти незамедлительно приняли меры по охране архивов ликвидированных учреждений царского и временного правительства.

В 1918 году Совнарком принял Декрет «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», в котором были заложены основы принципиально новой организации архивного дела. По всей стране начала складываться структура архивных учреждений.

В 1919 году В.И. Ленин подписал еще ряд декретов по вопросам архивного дела, в том числе о хранении и правилах уничтожения архивных дел, о военных делах, об отмене частной собственности на архивы умерших деятелей русской культуры.

Первая попытка создания архива в Севастополе была предпринята в 1919 году, но помешала гражданская война. В Севастополе, как и в других городах Крыма, наблюдались расхищения архивов, продажа ценных документов. Время было такое, когда невольно, а иногда и сознательно, уничтожалось все, что было связано с прошлым. В условиях гражданской войны и разрухи возросла опасность утраты бесценного документально-го наследия.

С окончанием гражданской войны значительно сократилось бесконтрольное уничтожение документов. В срочном порядке выделялись помещения под архивохранилища. С этого времени, 90 лет назад, началось создание архивной службы в Севастополе.

В отчете Крымского архивного управления значится, что с 27 июня по 20 июля 1921 года уполномоченным Главархива были обследованы и взяты на учет созданные отделения Крымского архива.

Севастопольское отделение Крымского архива приступило к работе 21 июля 1921 года. Этот день и принято считать днем рождения Государственного архива г. Севастополя.

9 августа 1921 года вышел приказ исполнительного комитета Севастопольского городского Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и военно-морских депутатов, который обязывал всех руководителей учреждений «принять решительные меры» к сохранению документальных материалов.

Основной функцией архива был прием документов ликвидированных дореволюционных учреждений города.

В конце 30-х годов XX века в работе крымских архивистов появились новые направления: научные исследования, популяризация архивного дела, выявление новых фондов, переподготовка архивных работников. С целью обмена опытом работы начали проводиться конференции архивистов Крыма. Изменяется и структура архивных учреждений.

В 1930 году Севастопольский архив получил юридическое оформление как архивное бюро со штампом и печатью. В архиве числилось 114 фондов.

Через 5 лет Севастопольское архивное бюро было преобразовано в отделение Центрального архивного управления (ЦАУ) Крымской АССР. Количество фондов значительно увеличилось. Документы содержали сведения по истории борьбы трудящихся за восстановление советской власти в Крыму, о ликвидации неграмотности и построении социалистического общества, росте промышленности, сельского хозяйства, развитии здравоохранения, деятельности сельских Советов. В 1937 году в архиве числилось 255 фондов (45 — дореволюционного и 210 — послереволюционного периода).

С 10 февраля 1938 года Севастопольское отделение ЦАУ Крымской АССР преобразовано в Севастопольский государственный архив. На учет городского архива взято 170 учреждений. На 1 июня 1941 года в архиве на государственном хранении числилось 359 фондов, 150 комплектов газет и 12399 книг.

С первых дней Великой Отечественной войны архив, работая в сложных условиях постоянных бомбежек, осуществлял прием документов, архивные фонды переносились в подвальное помещение. В июле 1942 года Севастопольский городской комитет обороны принял решение об эвакуации документальных материалов на Кавказ. Война нанесла архиву Севастополя непоправимый ущерб, были безвозвратно утрачены документы дореволюционного периода и за 1920–1938 годы в количестве 320 фондов (95357 единиц хранения).

Деятельность архива возобновилась в апреле 1945 года.

Государственный архив прошел долгий путь становления. Год за годом обогащался, попол-

нялся новыми документами. Все эти годы перед архивистами стояла основная задача по комплектованию фондов и сохранению документов. При этом первостепенной задачей оставалось обеспечение физической сохранности документов. Размещался архив в разных помещениях. В довоенное время — в здании исполкома, затем — в Петропавловской церкви на Центральном холме, в послевоенное время — в Покровском соборе, а с 1994 года по настоящее время — в здании СФ ОАО «Укртелеком» (пр. Героев Сталинграда, 64).

В 1980 году архив получил новое название — Государственный архив города Севастополя со статусом научного учреждения.

За 90 лет существования архива в его хранилищах собрано 465 фондов (в том числе 32 фонда дореволюционного периода), насчитывается более 231 тысячи дел на бумажной основе, самое раннее из которых датируются 1794 годом, 1300 видеодокументов, 17 тысяч фотодокументов, 840 аудиозаписей. Особо ценными являются документы Балаклавского Георгиевского монастыря, в которых имеются автографы адмиралов М. П. Лазарева, П. С. Нахимова, В. А. Корнилова и других не менее известных лиц. Документы Херсонесского Владимирского монастыря содержат уникальные сведения о раскопках в Херсонесе, строительстве Владимирского собора, возвращении Херсонесского колокола из Парижа. В метрических книгах церковью Севастопольского благочиния с записями о рождении, заключении брака и смерти отображены факты рождения писателя Аркадия Аверченко и известной украинской певицы Оксаны Петрусенко, венчания Дарьи Михайловой (Даши Севастопольской) и другие.

Документы советского периода и периода независимой Украины содержат информацию о создании и деятельности органов государственной власти, местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций г. Севастополя, судебном делопроизводстве, проведении избирательных кампаний.

В 2009 году закончена работа по пересмотру грифов секретности, и у исследователей архива появилась возможность ознакомиться с новыми рассекреченными документами и подробнее узнать о восстановлении Севастополя после Великой Отечественной войны, проектировании и застройке города в 1970-80-е годы, восстановлении промышленности и судостроения.

В Госархиве проводится большая работа по созданию фондов личного происхождения. Это документы выдающихся людей своей эпохи, в том числе заслуженного художника Украины Брусен-

цова Геннадия Яковлевича, члена Союза писателей Крыма, члена содружества русских, украинских и белорусских писателей Лезинского Михаила Леонидовича, участника обороны и освобождения Севастополя в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, члена Союза журналистов СССР Любчикова Михаила Андреевича, историка-краеведа Семина Георгия Ивановича, заслуженного историка Украины, директора Госархива города Севастополя в 1998–2008 годах Крестьянникова Валерия Васильевича, заслуженного художника УССР, скульптора Чижа Станислава Александровича и многих других. В 2011 году архив пополнился новыми документами заслуженного работника культуры УССР, историка, археолога, директора Херсонесского заповедника в городе Севастополе в 1955–1971, 1980–1985 годах Антоновой Инны Анатольевны. В этом же году началось комплектование документами севастопольских коллекционеров.

Деятельность архива сегодня многогранна. Здесь не только хранят документы и продлевают им жизнь, большое место отводится справочной работе — ведь архивные сведения постоянно требуются в повседневной жизни. За последние пять лет каждый 20-й житель нашего города обращался в архив за помощью, чтобы защитить свои права. С помощью архивных документов подтверждаются трудовой стаж, размер заработной платы, участие в боевых действиях, проживание на территории Севастополя в период оккупации 1942–1944 гг. Кроме того, предоставляются выписки из решений о выделении в пользование земельных участков, разрешении на строительство, приемке домов в эксплуатацию и другие. Благодаря усилиям сотрудников Госархива многие граждане укрепили социальную защищенность, им предоставлены положенные пенсии, льготы, компенсации.

Количество обращений в архив постоянно растет. Приходят письма из ближнего и дальнего зарубежья. Есть запросы из Германии, Франции, Греции, Израиля, США и других стран.

В архиве ведется активная работа по популяризации архивных документов через СМИ, веб-сайт и выставки. Цель такой работы, с одной стороны, объективно показать с помощью подлинных архивных документов сущность исторических событий, происходивших в нашем городе, деятельность отдельных личностей, оставивших след в истории. С другой стороны, значительно повысить престиж профессии архивистов и архива в целом.

Весомым вкладом в науку является участие сотрудников архива в международных научных

конференциях, таких как Таврические научные чтения, конференции по религиоведению, Альминские чтения, Лазаревские чтения и др.

Интеллектуальный потенциал и фонды архива в полной мере позволяют заниматься издательской деятельностью. В 2009 году Госархивом был издан сборник «Варфоломеевские ночи. Декабрь 1917 — февраль 1918 гг.». Впервые в научный оборот введены документы из фондов исполкома служащих Севастопольской почтово-телеграфной конторы и исполкома Севастопольского отдела Всероссийского союза моряков и речников торгового флота.

Активная деятельность Госархива отмечена двумя наградами: Почетной грамотой Севастопольского городского Совета и Севастопольской городской государственной администрации с вручением памятного знака «За заслуги перед городом» (2001 год) и Почетной грамотой Кабинета Министров Украины (2006 год).

Архив — это хранилище исторической памяти, имеющее непреходящую общественную, государственную и культурную ценность. Несмотря на изменения в обществе, каждое поколение обращается к опыту своих предшественников, старается взять от прошлого все положительное, что способствует улучшению жизни. Именно сотрудникам архивной службы выпала честь сбереечь, сохранить и передать это достояние от поколения к поколению.

Севастопольские архивисты бережно хранят наследие прошлого. Выполняя благородную миссию, открывая новые и сохраняя старые страницы нашей истории, они вносят неоценимый вклад в обеспечение сохранности, пополнения и использования Национального архивного фонда и верят, что документы будут востребованы будущими поколениями.

Кузнецова Т. А.,
директор Государственного архива
города Севастополя

I. СЕВАСТОПОЛЬ ОТ ОСНОВАНИЯ ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

ИВИЦКАЯ О. Е.

Ф. Ф. УШАКОВ И КОРФУ (к истории русского мореплавания в Средиземноморье в XVIII веке)

*«Ура! Русскому флоту! Я теперь говорю сам себе:
«Зачем не был я при Корфу хотя мичманом?»
А. В. Суворов*

Адмирал Ф. Ф. Ушаков известен многими блестящими победами на Черном и Средиземном морях, а взятие Корфу стало вершиной флотоводческого искусства выдающегося русского адмирала. «Корабли штурмовали бастионы», — так писали об этом событии литераторы, а военные историки определили, что взятие Корфу явилось редчайшим случаем атаки мощной крепости преимущественно силами флота. С того памятного 1799 года имя адмирала Ф. Ф. Ушакова и название острова Корфу навсегда поставлены рядом.

Первая значительная экспедиция российских моряков в Средиземное море состоялась во время русско-турецкой войны 1768–1774 годов под командованием вице-адмирала Г. А. Спиридова.

Тогда известие о появлении русского флота в глубоком тылу Османской империи вызвало огромную радость греков. Российская эскадра появилась в водах Мореи в начале 1770 года. Спустя несколько месяцев сюда же пришел еще один отряд под командованием контр-адмирала Д. Эльфинстона. Объединенная эскадра должна была разгромить турецкий флот и заблокировать Дарданельский пролив со стороны Эгейского моря, чтобы прервать турецкие морские коммуникации.

24–26 июня 1770 года произошло сражение в Хиосском проливе, близости от крепости и порта Чесма. Русские моряки одержали победу, хотя турецкая эскадра была значительно многочисленнее русской. В результате Чесменской победы русский флот установил свое полное господство в Эгейском море и заблокировал Дарданеллы. Его успешные действия способствовали победам русской армии на суше и, как результат, заключению выгодного для России Кучук-Кайнарджийского мирного договора.

Свой первый боевой опыт Ф. Ф. Ушаков получил в ходе именно этой русско-турецкой войны, однако участвовать в экспедиции ему тогда

не пришлось. В плавании по Средиземному морю он впервые оказался в 1776 году, будучи капитан-лейтенантом, там же принял командование над фрегатом «Св. Павел». За три года плавания по портам Средиземного моря Ушаков получил немалый опыт, ознакомился с театром военных действий. Тогда впервые в жизнь будущего адмирала вошел корабль с названием «Св. Павел». Позднее в судьбе Ф. Ф. Ушакова будет еще один корабль с таким названием — флагманский корабль эскадры Черноморского флота, на котором подписывался Акт капитуляции крепости Корфу в 1799 году.

Весной 1781 года Ушаков вновь отправился в плавание по Средиземному морю, будучи командиром линейного корабля «Виктор» в эскадре контр-адмирала Я. Ф. Сухотина. Посылка русских кораблей в этот район была обусловлена известной Декларацией императрицы Екатерины II «о вооруженном нейтралитете». Перед эскадрой стояла задача охраны русской морской торговли. Именно в царствование Екатерины II флот становится важным инструментом российской внешней политики. Основные положения Декларации о праве нейтральных государств на свободную торговлю впоследствии стали основой международного морского права. Сохраняя нейтралитет в войне, российская императрица Екатерина II твердо заявила о намерении защищать «честь флага своего и безопасность торгового и плавания Ея подданных».

Вскоре после возвращения из Средиземноморской экспедиции, капитан 2 ранга Ф. Ф. Ушаков был переведен на Черное море, где принял непосредственное участие в создании нового флота и обустройстве его будущей главной базы — города Севастополя. Именно из Севастополя в течение многих лет уходили корабли под командованием Ф. Ф. Ушакова, возвращаясь сюда

с неизменной победой над врагом. Каждое сражение, проведенное адмиралом, содержало новые тактические приемы, отвечавшие конкретной обстановке и условиям боевых действий. Прославленный флотоводец обогатил тактику широким применением маневра в морском сражении. Не исключая линию, как один из элементов боевого порядка, Ушаков сочетал ее с маневрированием и перестроением в другие боевые порядки. В решительном отказе от устаревших взглядов на бой, смелости исканий заключалась творческая сила искусства адмирала. Главным смыслом своей службы и всей жизни Ф. Ф. Ушаков считал заботу о благе Отечества.

В тяжелые годы Отечественной войны 1812 года, когда на землю России ступила нога наполеоновского солдата, адмирал обратился к своим соотечественникам с пророческими словами: «Не отчаивайтесь, сии грозные бури обратятся к славе России». Адмирал Ушаков был одним из первых российских военачальников, успешно сражавшихся с наполеоновскими войсками еще в 1798–1800 годах, освобождая Ионические острова. Тогда Россия вместе с союзниками пыталась остановить Наполеоновскую агрессию.

Окончательно Наполеон был разбит российскими войсками спустя 15 лет, в преклонном возрасте, Ф. Ф. Ушаков стал свидетелем новой славы «любезного Отечества».

Будучи мастером морского боя, Ф. Ф. Ушаков блестяще проводил боевые действия, связанные с блокадой неприятельского побережья, высадкой десантов, атакой крепостей. Ярким примером этого является осада и взятие им в 1799 году крепости Корфу, считавшейся тогда неприступной.

В конце XVIII века во многих европейских государствах произошли значительные внутриполитические изменения, которые привели к изменению и внешней политики этих стран. Наполеоновская Франция далеко устремила свои агрессивные взгляды. В 1797 году французские войска оккупировали Венецианскую республику и захватили Ионические острова принадлежавшие ей с конца XV века. По плану Наполеона эти острова должны были стать основной базой Франции в ее экспансии на востоке Средиземноморья. 27 августа 1797 года он заявил в одном из своих донесений Директории: «Острова Корфу, Занте и Кефаллония важнее для нас, чем вся Италия вместе» [2, с. VI]. В мае 1798 года Бонапарт предпринял поход на Египет, являвшийся тогда провинцией Турции.

В 1796 году на российский престол вступил Павел I (1754–1801 гг.). В начале царствования он

изменил многое из того, что сделала его мать Екатерина II, но, продолжая ее внешнюю политику, император принял участие в коалиционной войне против Франции. Именно в этот период российский Черноморский флот осуществил успешную Средиземноморскую экспедицию под командованием адмирала Ф. Ф. Ушакова. Среди обширных и сложных задач, поставленных императором перед Ушаковым, первостепенным было освобождение от французов Ионических островов. 7 августа 1798 года Павел I своим Указом предписал адмиралу Ушакову следовать с эскадрой к Константинопольскому проливу на соединение с турецким флотом для совместных действий против Франции. Недавние противники становились главными союзниками.

12 августа 1798 года русская эскадра покинула севастопольскую бухту и взяла курс на Константинополь. Флагманский корабль «Св. Павел» имел 84 орудия и 875 человек экипажа. Командиром корабля был капитан первого ранга Сарандинаки Евстафий Павлович. Грек по национальности, он начал службу на российском флоте еще волонтером. Всего в составе эскадры было 6 линейных кораблей, 7 фрегатов и три авизы (парусное судно, используемое для связи и разведки), с общим количеством пушек 792. Личный состав насчитывал 7406 человек, в том числе 1700 солдат «черноморских адмиралтейских батальонов».

18 августа эскадра подошла к Босфору. В тот же день адмиралу Ушакову был представлен доклад военного совета эскадры с заключением о повреждениях, полученных кораблями во время похода. Большинство повреждений удалось устранить своими силами, однако линейный корабль «Св. Троица» и акат «Св. Ирина» должны были временно вернуться в Севастополь для осуществления ремонта.

Отсутствие договора о союзе с Турцией потребовало от российского посланника в Константинополе В. С. Томары (грека по национальности) дополнительных усилий для получения согласия Турции на вход русской эскадры в Константинопольский пролив и беспрепятственное ее возвращение в Черное море. 24 августа эскадра Ушакова вошла в пролив. Спустя несколько дней адмирал сообщил Павлу I: «... по всем видимостям Блистательна Порта и весь народ Константинополя прибытием вспомогательной эскадры обрадован... доброжелательство во всех случаях... 28-го числа прошен был я в конференцию в которой объявлено мне желание Блистательной Порты о действии соединенных флотов в Архипелаге» [2, с. 81]. На этом совещании был разработан план

совместных действий союзных эскадр. Сообщая о разработанных планах в Петербург, Ф. Ф. Ушаков особое внимание уделил вопросу Ионических островов. Адмирал ясно представлял себе их важнейшее стратегическое значение. При этом он уже четко осознавал, что взятие Корфу будет делом сложным и потребует дополнительных сухопутных сил. Анализ сохранившихся документов того времени дает полное представление о том, что именно Ушаков предложил направить основные силы соединенной русско-турецкой эскадры к Ионическим островам, чтобы освободить их и предупредить высадку французских войск на Балканский полуостров (тогда владение Османской империи). Английский представитель в Турции Спенсер Смит предлагал основные силы эскадры направить в Египет. Эту же точку зрения позднее будет отстаивать командующий английской эскадрой адмирал Горацио Нельсон. Несмотря на это, Ушаков будет настойчиво реализовывать позицию России в данном вопросе.

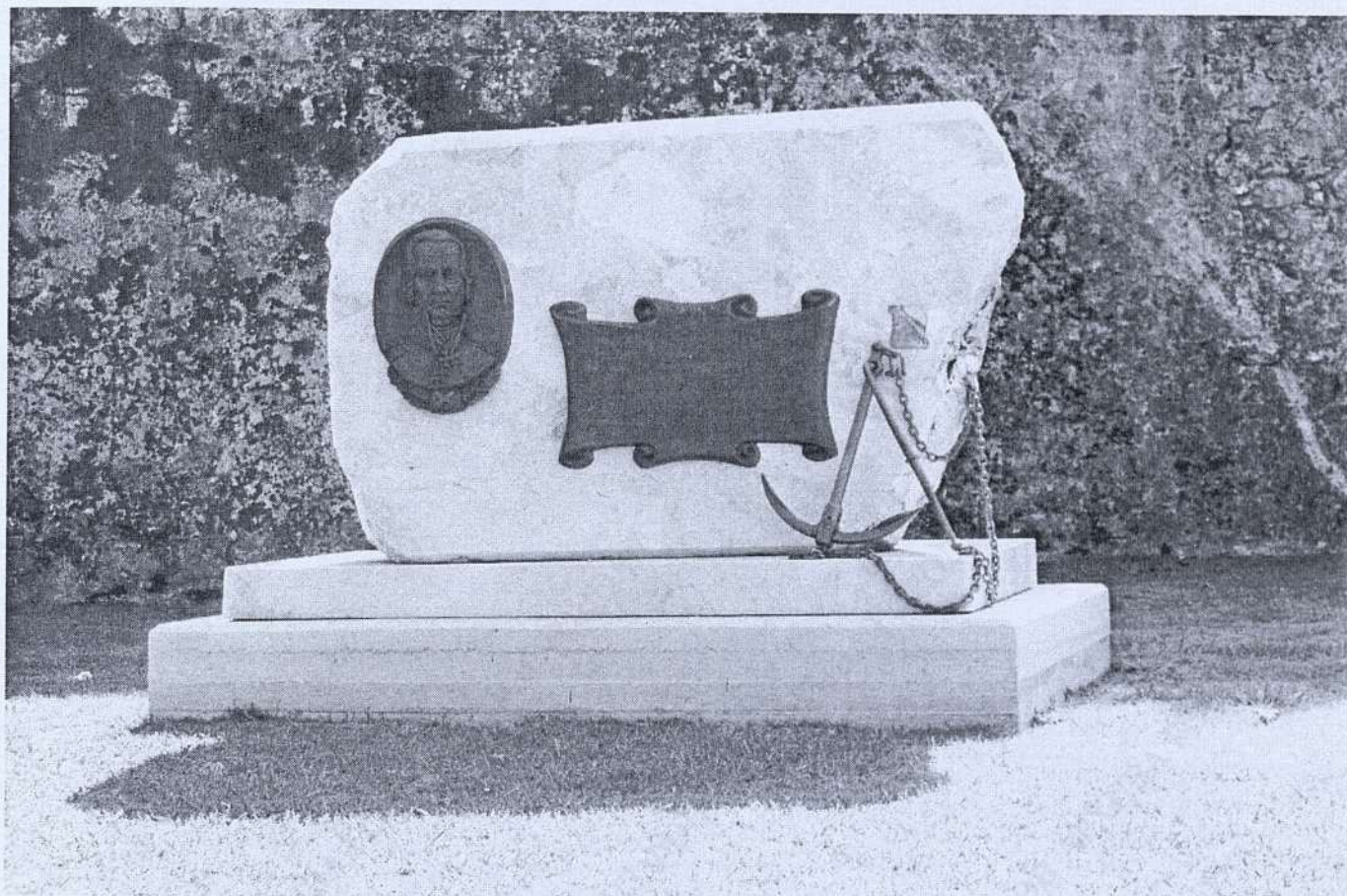
Для совместного похода в Средиземное море Турция выделила эскадру во главе с Кадыр-беем. В ее составе было 4 линейных корабля, 6 фрегатов, 4 корвета и 14 канонерских лодок [2, с. 114]. Все они поступали под общее командование вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова. Докладывая в Санкт-Петербург о прибытии эскадры Ушакова в Константинополь, русский посланник В. С. Томара писал: «Здесь принята она была со всяким благоприятием, и его величество султан в знак своего благоволения и поспешного оной прибытия прислал с драгоманом Порты Федору Федоровичу богатую бриллиантами украшенную табакерку. Отсюда через несколько дней отправится эскадра к Дарданеллам для соединения с находящеюся тамо турецкою» [2, с. 92]. После соединения русской и турецкой эскадр офицером для поручения и связи при турецком адмирале Кадыр-бее Ушаков назначает лейтенанта Егора Метакса «яко искуснейшего и должности знающего с отличностию офицера» [2, с. 107]. Егор Павлович Метакса, (грек по национальности) оставил интереснейшие записки об Ионической кампании 1798–1800 годов, которые являются одним из основных источников по рассматриваемой теме. Прекрасно зная греческий и турецкий языки, он не только состоял при Кадыр-бее, но и постоянно использовался адмиралом Ушаковым для ведения переговоров с греческим населением Ионических островов. В этот период немало греков состояло на российской службе, были они и среди командиров русских кораблей эскадры Ушакова. Так, кроме Е. П. Сарандинаки,

командиром 72-ти пушечного корабля «Богоявление Господне» был капитан 1 ранга Антон Павлович Алексиано. Позднее, уйдя в отставку, многие из них селились на постоянное место жительства в многонациональном Крыму.

В то время, когда соединенная русско-турецкая эскадра двинулась к Ионическим островам, французы срочно стали укреплять крепость Корфу. Дивизионный генерал Шабо, комендант Корфу, отдал приказ: основные силы с островов Занте, Кефаллония, Цериго и Св. Мавры перевести в главную крепость острова Корфу, где были проведены работы по усилению наружных укреплений. Оказавшись на Корфу после взятия крепости, Ушаков был восхищен устройством ее укреплений. 13 марта 1799 года в рапорте Павлу I он писал: «Старая и Новая крепости Корфу со многими к Новой крепости наружными пристройками укрепления имеют бесподобное, а в нынешнее время французы, защищавшиеся здесь, непрерывными работами укрепили их еще наисовершеннее» [2, с. 423].

Перед освобождением Ионических островов среди местного населения было распространено обращение Константинопольского патриарха Григория, призывавшего греков свергнуть французское иго. В борьбе с французскими войсками русский адмирал рассчитывал на поддержку греческого населения островов — единоговерного и традиционно питавшего добрые чувства к России, поэтому Ф. Ф. Ушаков также разослал воззвание к Ионическим грекам.

Первым на пути соединенной эскадры был остров Цериго. Его обороне французы придавали большое значение, так как использовали остров в качестве оперативной базы флота. Для освобождения о. Цериго был отправлен отряд из трех кораблей с десантом на борту под командованием капитан-лейтенанта И. А. Шостака (командир фрегата «Григорий Великия Армении»). 28 сентября отряд ушел к острову Цериго, а эскадра отправилась для пополнения запаса воды к острову Хиос. Греческое население острова, увидев турецких моряков, бросилось запирает свои дома и лавки, прекрасно зная нравы турок. Попытки разбоя и грабежа турецкими моряками были пресечены энергичными действиями адмирала Ушакова. Кадыр-бей вынужден был объявить, что в случае жалоб местного населения провинившиеся будут подвергаться смертной казни. Когда соединенная эскадра вернулась к острову Цериго, там была взята только одна крепость. Вторую крепость под названием Капсали Ушаков решил брать штурмом. С рассветом 1 октября батареи, установленные на берегу, открыли огонь. Он про-

Памятник адмиралу Ф. Ф. Ушакову на острове Корфу.

должался до 12 часов дня, а когда к крепости приблизились штурмовые отряды, французы подняли белый флаг.

Уже при взятии Цериго проявилось отношение русского командования к местному населению и пленным французам. Пленные были отпущены на родину под честное слово — не воевать с Россией. Ушаков отстаивал интересы Отечества честными методами, избегая политических провокаций. В отношении к местному населению адмирал проявил исключительную доброжелательность. Он наставлял коменданта о. Цериго поручика Диаманти: «С обывателями острова старайтесь быть ласковей и не входить в дела, которые до Вас касаться не будут, раздоры их мало важные не стоят следствий, старайтесь примерять, отводя от себя прочь, чтобы решало их правление» [2, с. 507].

Вопрос об устройстве управления на освобожденных островах адмиралу Ушакову пришлось решать сразу же после освобождения каждого из Ионических островов. Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на то, что адмирал имел определенные рекомендации на этот счет от своего правительства, ему приходилось часто решать многие дипломатические вопросы самостоятельно, ввиду сложности переписки на таком большом расстоянии. В целом характеристика де-

ятельности адмирала Ушакова в этот период будет неполной, если ничего не будет сказано о его дипломатических способностях и политическом кругозоре. Эти качества Ф. Ф. Ушакова с особой силой проявились в период освобождения Ионических островов. Несмотря на сложность поставленных задач, он вел твердую и последовательную политику, направленную на защиту интересов своего православного Отечества и греческого населения островов.

13 октября объединенная эскадра подошла к острову Занте, взятие которого адмирал вновь поручил капитан-лейтенанту Шостаку. Командование турецким десантом, во избежание недоразумений во взаимоотношениях с местным населением, было поручено Е. Метакса. Французы сдали крепость практически без сопротивления. В этом была большая заслуга греков, которые подняли восстание в городе. Как и в предыдущем случае, адмирал Ушаков предложил местным жителям самим устроить управление островом. Однако греки на острове Занте настойчиво стремились перейти в подданство России. Жители острова еще со времен экспедиции эскадры адмирала Г. А. Спиридова сохранили доброе отношение к русским морякам, побывавшим тогда на о. Занте.

Для ускорения освобождения Ионических островов Ушаков и Кадыр-бей решили разде-

Икона святого праведного воина Феодора Ушакова.

лить соединенную эскадру на отряды. Отряд под командованием капитана 1 ранга Д. Н. Сенявина отправился к острову Св. Мавры, второй отряд во главе с капитаном 2 ранга И. С. Поскочинным — к острову Кефаллония, третьему отряду предстояло блокировать остров Корфу. Во главе последнего отряда был командир линейного корабля «Захарий и Елизавета» капитан-лейтенант И. А. Селивачев. В составе отряда Поскочина отправились два грека, уроженцы Кефаллонии, Спирос Ричардопулос и Антон Глезис, бывшие офицеры российского флота. Они первые сошли на берег вместе с отрядами русских моряков. Десантные отряды объединились с отрядом местных греков, во главе которых стояли отставные офицеры российского флота. После окончательного освобождения Кефаллонии (17 октября) греки, как и на других островах, с искренним ликованием встречали русского адмирала. Затем традиционно был отслужен благодарственный молебен в местном соборе.

На острове Св. Мавры французы оказали активное сопротивление. 31 октября 1798 года к острову подошел адмирал Ушаков. После этого был высажен дополнительный десант, началась подготовка к штурму. Видя бесполезность дальнейшего сопротивления в таких условиях, французы согласились подписать капитуляцию, что и было сделано 3 ноября.

На острове Св. Мавры произошел инцидент с турецкими моряками, которые разбойничали

и грабили жителей острова. Депутацией местных греков они были доставлены к Ушакову. Адмирал строго предупредил союзников о недопустимости таких действий.

5 ноября адмирал Ушаков и Кадыр-бей довели до сведения местных греков Открытый лист, в котором сообщали о принятии острова под покровительство и защиту России и Турции [2, с. 168].

В результате проведенных операций французы потеряли четыре острова и 1500 человек убитыми, ранеными и взятыми в плен. По этому поводу 10 ноября 1798 года Ушаков отправил рапорт императору Павлу I, в котором сообщал, что «прежде бывшие Венецианские острова, большие и малые, все нами Соединенными эскадрами от французов освобождены, кроме Корфу, который содержится эскадрами нашими в блокаде... во всех островах замечено мною в рассуждении обывателей чрезвычайная приверженность к вашему императорскому величеству... Я сего числа с эскадрою подхожу в близость к крепости и острову Видо, намерен его атаковать и стараться десантом Соединенных эскадр овладеть, а после действовать по обстоятельствам» [2, с. 191, 195].

Еще 1 ноября адмирал Ушаков получил донесение капитан-лейтенанта Селивачева о прибытии отряда к о. Корфу и начале его блокады. В этом документе капитан-лейтенант сообщал о французах следующее: «Я решился послать по приходе сюда капитан-лейтенанта Шостака в крепость спросить, нет ли у них намерения сдаться; которого с завязанными глазами ввели в крепость, в огромный зал, наполненный генералами и старшинами французскими, кои приняли его с великим учтивством и на требования отвечали, что еще не видят кому бы сдаться и удивляются, что сего от них требуют; но при всем том угощали его обеденным столом, пили за его здоровье и после пригласили в театр и на ужин. Ветер был крепкий, так что выехать нельзя было, и потому капитан-лейтенант Шостак согласился принять их учтивость, равно и на шлюпке нашей матросы были накормлены» [2, с. 163].

Французы иронизировали и веселились, так как были уверены в своей непобедимости. Остров Корфу издавна считался ключом к Адриатическому морю. Хорошо укрепленный венецианцами, а затем и французами, он превратился в непреступную крепость. У французов было здесь 650 крепостных орудий, гарнизон в 3000 человек и полугодовой запас продовольствия. В море крепость прикрывалась двумя островами: Видо и Лазаретто. Интересным и важным источником по рассматриваемой теме является исторический

журнал Ф.Ф. Ушакова, который велся во время Ионической кампании историографом флота С.М. Телесницким. В нем сообщалось о том, что раннее остров Лазаретто использовался оккупантами в качестве карантина. «Между тем, когда суда наши подходили в близость крепостей, французы делающие батарею на маленьком островку Лазарете, с оною бежали», — писал историограф флота. Таким образом, при приближении соединенной эскадры французы усиливали не только крепость Корфу, но и близлежащие острова. В историческом журнале сохранилось подробное описание устройства крепости и на острове Видо.

12 ноября 1798 года флагманский корабль «Св. Павел» прибыл к острову Корфу. Эскадра встала на якорь южнее крепости. Ушаков распорядился немедленно усилить блокаду острова. На берег были высажены десантные отряды, которые во взаимодействии с местными греками соорудили осадные батареи. В это время союзный флот испытывал острый недостаток в продовольствии и обмундировании. Союзники не выполняли свои обязательства. Кроме того, обещанные Турцией войска, столь необходимые для атаки крепости, не прибывали. Ушакову потребовалось несколько месяцев переговоров, дипломатической переписки, прежде чем удалось добиться от союзников — турок поставок продовольствия и частичного прибытия войск. В результате к Ушакову вместо обещанных 10 тысяч прибыло около 4 тысяч плохо организованных воинов-албанцев. Накануне нового 1799 года к соединенной эскадре присоединился прибывший для подкрепления из Севастополя отряд контр-адмирала П.В. Пустошкина в составе двух 74-пушечных линейных кораблей. Это были все силы, на которые мог рассчитывать Ф.Ф. Ушаков. В таких условиях дальнейшее осуществление блокады крепости он считал не результативным и принялся деятельно готовиться к штурму. Адмирал сам детально разработал план проведения штурма, организовал обучение сухопутным действиям и оружейной стрельбе матросов; провел ряд учений, в которых уделил особое внимание изготовлению осадных лестниц и умению пользоваться ими.

Изучив подходы к острову Корфу, Ушаков сделал правильный вывод о том, что остров Видо служит ключом к крепости. Поэтому общий сигнал к штурму внешних укреплений острова Корфу намечалось дать одновременно со штурмом острова Видо. Устроенные русскими моряками при помощи греков батареи были готовы и с 16 февраля вели активный обстрел крепости.

17 февраля, накануне штурма, был собран военный совет, где Ушаков довел до сведения командиров план боевых действий. Атака о. Видо началась на следующий день в 7 часов утра. Фрегаты, идя под парусами, открыли огонь по батареям и береговым сооружениям острова. Далее последовал мощный огонь по живой силе и по береговым батареям противника с остальных кораблей, которые встали на якорь по диспозиции. Несколько кораблей было выделено в отдельный отряд для охраны рейда и противодействия подвозу подкрепления. Адмирал Ушаков на флагманском корабле «Св. Павел» в сопровождении фрегата лично проверил правильность расстановки кораблей, а затем, подойдя на дистанцию картечного выстрела к самой большой батарее, открыл огонь. В короткий срок батарея была разрушена. К 11 часам огонь неприятеля значительно ослабел, и на флагманском корабле был поднят сигнал: «начать высадку десанта». Всего было высажено около 2 тысяч человек. Огонь корабельной артиллерии продолжался и во время высадки десанта. О. Видо был взят около полудня. К моменту штурма его гарнизон насчитывал 800 человек. Французов, пытавшихся на гребных судах перейти с о. Видо на о. Корфу, в проливе встретили русские корабли «Св. Петр» и «Навархия». Два переполненных баркаса были потоплены. Переправиться удалось лишь небольшой части гарнизона. В полдень лейтенанты Головачев и Томиловский доставили к Ушакову плененных французов. Русская эскадра потеряла убитыми 9 человек и ранеными 28, турецкая — 8 убитыми и 7 ранеными.

О потерях французов адмирал Ушаков доносил Павлу I: «В плен нами взяты на о. Видо генерал от инфантерии Пиврон, комендант острова, штаб и обер-офицеров 20, урядников и рядовых 422; прочие побиты и потоплены» [2, с. 429]. Одновременно с атакой о. Видо начался штурм наружных укреплений о. Корфу.

При штурме этих укреплений, по сообщению самого адмирала, «российских войск убито 19, ранено 55, турок убито 38, ранено 50, албанцев убито 23, ранено 42... и на батареях наших убито из наших войск нижних чинов 3, ранено 17» [2, с. 430].

Ушаков сообщал, что наши войска «с помощью русских и турецких кораблей, соединяясь с турками и албанцами бывшими на берегу, атаковали наружные укрепления крепости и штурмом произведя долговременно жестокий бой с неприятелем, взошли на Сальвадор и форт Абрам» [2, с. 429]. Форт Сальвадор штурмовал отряд капитана Кикина. Укрепления с северной

стороны одновременно атаковал отряд капитана Дмитриева.

Береговые батареи захваченных фортов обрушили огонь на остальные наружные укрепления. «Французы таковым сильным и неожиданным действием утрачены беспредельно», — доносил Ушаков в Петербург.

19 февраля 1799 года комендант о. Корфу генерал Шабо отправил Ушакову своего адъютанта в качестве парламентаря с предложением о перемирии. В его письме говорилось: «Господин Адмирал! Мы полагаем, что бесполезно подвергать опасности жизнь нескольких сотен храбрых русских, турецких и французских солдат в борьбе за овладение Корфу» [2, с. 381].

Адмирал Ушаков по согласию с командующим турецкой эскадры Кадыр-беем назначил 24 часа на перемирие и определение условий сдачи крепости. Вечером к французам был направлен адъютант Ушакова лейтенант Балабин с основными условиями сдачи крепости [2, с. 495]. Гуманность и благородство российского адмирала определили эти условия.

20 февраля Акт капитуляции Корфу был подписан. В нем оговаривались вопросы не только касающиеся французского гарнизона, но и местного населения: «Командиры соединенной эскадры объявляют, что все лица какой бы религии и национальности они не принадлежали, также и все жители города и о. Корфу и их собственность не могут подвергаться ни каким преследованиям, притеснениям и оскорблениям...» [2, с. 383, 384].

Утром 22 февраля баркасы доставили с русских кораблей, вошедших в бухту, специальную команду во главе с капитаном 1 ранга И. И. Юхариным. Им предстояло разоружить гарнизон и занять все укрепления о. Корфу.

В полдень из крепости вышли колонны французских войск. Они положили к ногам выстроившихся российских моряков свои знамена и оружие. Разоружившись, французские войска вернулись в крепость. Туда же вошел и русский гарнизон. Ушаков принял решение турецкие войска во избежание конфликтов в крепость не вводить. Над крепостными сооружениями взвились российские и турецкие флаги.

Победителям достались значительные трофеи — свыше 600 орудий, ружья, порох, гранаты, много немолотой пшеницы и большое количество добротного леса. В музее Черноморского флота России (г. Севастополь) представлены в экспозиции французские трофеи с о. Корфу — пушка и знамя.

Всего на Корфу было взято в плен 2931 человек, в том числе Генеральный комиссар Французской республики Дюбуа.

Взятием о. Корфу Ф. Ф. Ушаков завершил освобождение Ионических островов. В это же время прославленный английский адмирал Г. Нельсон несколько месяцев безрезультатно осаждал о. Мальту. Он одним из первых поздравил Ушакова с победой. Неаполитанский король Фердинанд IV прислал флотоводцу ленту ордена Св. Януария, султан Селим III — высшую награду — «челенг» (алмазное перо из своей чалмы), соболиную шубу и 1000 червонцев.

Когда в ходе франко-русской войны 1805–1807 годов среди дворянства России начался сбор средств для армии, адмирал Ф. Ф. Ушаков внес в фонд 2000 рублей, 5 пушек и тот самый алмазный челенг. Император Александр I в рескрипте на имя предводителя Петербургского дворянства графа А. С. Строганова написал: «Отдавая полную справедливость благородным чувствованиям, к таковому пожертвованию его побудившим, почитаю, что сей знак сохранен должен быть в потомстве его памятником подвигов, на водах Средиземного моря оказанных. Посему и желаю я, чтобы вы объяснили адмиралу Ушакову благодарность мою за столь знаменитое пожертвование, возвратили ему сию вещь, которая будет свидетельствовать сверх военных его подвигов и примерное соревнование к благу любезного Отечества».

25 марта 1799 года Ф. Ф. Ушаков был произведен в адмиралы Российского флота «за покорение всех похищенных французами прежде бывших Венецианских островов и взятие последнего из них острова Корфу с крепостями, укреплениями и военными кораблями». Для награждения нижних чинов Павел I прислал 300 орденов Св. Анны.

В своих записках Егор Метакса отмечал, что уважение неприятеля к адмиралу было столь же нелицемерно, сколь любовь к нему русских. Французы восхищались храбростью русских, но еще более были поражены их великодушием и человеколюбием. Таким образом, русские воины подтверждали, что «звание воина и христианина должны быть неразлучны».

12 марта 1799 года адмирал Ушаков сообщал в Петербург и о заслугах жителей Корфу при освобождении острова. «Многие из обывателей Корфу и других островов: духовные, дворяне разных чинов и простые мещане, усердствуя к пользе его императорского величества при взятии Корфу, весьма наиусерднейше старались нам помогать... почему за такие деятельности заслуживают благоволения... и прошу покорнейше исходатайствовать для таковых высочайшую монаршую милость» [2, с. 422]. Аналогичные положительные отзывы адмирала о действиях гре-

ков встречались и ранее, например, в его рапорте Павлу I 18 декабря 1798 года [2, с. 266, 267].

В сохранившемся списке особо отличившихся при взятии Корфу называется «грек, по своей воле вступивший на батарею» Св. Пантелеймона Дмитрий Янычаре, проявивший исключительную храбрость. Он, выражаясь языком документа того времени, «употребляем был для отыскания секретных мин» [2, с. 476].

Восторженную встречу устроили освободителям жители острова Корфу. Очевидец и участник этих событий Егор Метакса позднее напишет: «Радость греков была неопишуемой». Когда Ф. Ф. Ушаков сошел на берег, чтобы направиться в соборную церковь на молебен, улицы и площади были заполнены многотысячной толпой.

Вместе с освобождением Ионических островов от оккупантов Ф. Ф. Ушаков утвердил на них и новую форму государственного правления, продолжавшую демократические традиции далекой античности. Была создана Республика Семи островов. По мере освобождения на каждом острове создавалось местное самоуправление. Этот деликатный вопрос был необычным для адмирала и, по его собственному мнению, достаточно сложным в исполнении. «Я по необходимости должен установить их в законах, сделать некоторые учреждения, приказать быть послушными правлению учреждаемому», — писал он в те дни русскому посланнику в Константинополе В. С. Томаре [2, с. 407]. В этом важном деле адмирал проявил незаурядные политические и дипломатические способности, государственную мудрость и прозорливость. При непосредственном участии адмирала Ушакова депутатами Сената, избранного в мае 1799 года, был разработан Проект Организации управления Республики Ионических островов. Предварительно, в своем предписании депутатам и старейшинам островов, 12 апреля 1799 года адмирал сообщал: «...дали мы повеление депутатам избрать выборами и балотацию между первейшими жителями искусных, честных, справедливых, достойных и с лучшими дарованиями особ» [2, с. 490]. Такие люди были избраны греками в Сенат, среди них был Антонио Марио Каподистрия, отец будущего президента Греции Ивана Каподистрия. Председателем Сената, по предложению Ф. Ф. Ушакова, стал граф Анжело Орио. Впоследствии адмирал вспоминал об этих событиях с гордостью: «... имел щастье освободить острова от неприятелей, установить правительство и содержать в них мир, согласие и спокойствие» [3, с. 461].

Главный результат деятельности Ф. Ф. Ушакова на Ионических островах — создание под про-

тектором Турции и при покровительстве России национального греческого государства.

В августе 2001 года произошло знаменательное событие — Русская Православная церковь прославила в лике святых местночтимых святых праведных воинов адмирала Федора Ушакова.

В связи с этим Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II отметил, что «... гармоничное сочетание личной праведности и ревности общественного служения и стало главным побуждением к прославлению Феодора Ушакова Церковью Христовой». Это заставляет нас иначе взглянуть на судьбу прославленного адмирала. Монашеское братство Санаксарского монастыря, где настоятелем был родной дядя адмирала, стало последней гаванью прославленного флотоводца, здесь же он был похоронен согласно завещанию.

«Итог жизни праведника обладает особой назидательностью для оставшихся. Феодор Ушаков, исполнив с помощью Божией свой ратный подвиг во славу любезного Отечества, окончил свою земную жизнь в подвиге поста, молитвы, милосердия и благотворительности» [5, с. 398].

На о. Корфу торжества по случаю освобождения были приурочены к дню Святой Пасхи 27 марта 1799 года. В 9 часов утра адмирал Ушаков вместе с офицерами своей эскадры направился на берег, где по случаю победы был отслужен благодарственный молебен. Торжественное богослужение проходило в церкви святителя Спиридона Тримифунтского. Затем состоялся грандиозный крестный ход, во время которого адмирал и русские офицеры имели возможность приложиться к мощам святителя Спиридона. Ф. Ф. Ушаков проявил особое уважение к памяти св. Спиридона. Так на греческом о. Корфу переплелись судьбы двух почитаемых святых — святителя Спиридона Тримифунтского и святого праведного воина Феодора Ушакова.

В связи с этим интересен еще один факт в истории освобождения о. Корфу и других Ионических островов. Все линейные корабли и большинство фрегатов эскадры адмирала Ушакова несли на своем борту священные имена: «Св. Троица», «Сошествие Св. Духа», «Богоявление Господне», «Св. Павел», «Св. Петр», «Богородица Казанская», «Св. Михаил», «Мария Магдалина», «Захарий и Елисавета», «Григорий Великия Армении», «Панагия Апотуменгана», «Св. Ирина».

Скончался Ф. Ф. Ушаков в 1817 году. Один из современников написал в те дни: «Он довольно жил для Отечества, для службы и для славы. ... Имя Адмирала Ушакова причислилось к именам знаменитых Русских мореходцев» [6, с. 19].

Источники и литература:

1. Суворов А. В. Письма. — М., 1986.
2. Ушаков Ф. Ф.: Документы. Т. 2. — М., 1952.
3. Ушаков Ф. Ф.: Документы. Т. 3. — М., 1956.
4. Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы. — Пг., 1915.
5. Иеромонах Венидикт, Рождество-Богородичный Санакарский монастырь//Овчинников В. Д. Святой адмирал Ушаков. — М., 2003.
6. Известие о кончине адмирала Ф. Ф. Ушакова//Русский вестник. — 1817. — № 23–24.

ТЕРЕЩУК Н. М.

ГРЕЧЕСКОЕ СЕЛЕНИЕ КАРАНЬ

Селение Карань (Флотское) расположено в трех километрах западнее Балаклавы. Недалеко от селения находится Балаклавский Георгиевский монастырь. По поводу названия «Карань» существует несколько версий. Севастопольские краеведы Е. Веникеев и В. Шавшин придерживаются мнения исследователя Крыма В. Х. Кондараки, который считал, что оно произошло от татарского слова «кара» — черный и греческого имени Яни (Иван) [40, с. 40]. По предположению некоторых топонимистов слово Карань арийско-иранского происхождения и означает камень. Обратившись к монографии кандидата филологических наук В. А. Бушакова «Лексичний склад історичної топонімії Криму» удалось установить, что к иранской лексике в Крыму относится лишь небольшое количество топонимов и слова, напоминающего Карань, там нет, а в тюркской лексике слово «каран, карани, карану» означает мрак, мгла, тьма, темнота [35, с. 128].

Первое упоминание о Карани датируется началом XVI века. После османского завоевания число христианского населения уступило мусульманскому. Эту динамику можно увидеть, проанализировав две переписи населения, проведенные в 1512–1520 и 1542–1543 годах. Например, за 20 лет в с. Кады-кой численность дворов христиан уменьшилась с 40 до 27, а мусульман возросла с 16 семей и 4 холостых до 80 семей и 16 холостых. А в Карани из 7 переписанных мусульман — жителей села два были новообращенцами. Произошла ассимиляция греков, причиной которой могли послужить как адаптация в новых условиях, так и материальные выгоды в связи с тем, что налогообложение мусульман было гораздо ниже [33, с. 644].

Еще за 5 лет до основания Севастополя, в 1778 году, по данным А. В. Суворова из Крыма были вывезены 31088 человек христианского населения, 18394 из которых были греки [36, с. 32]. Делалось это с целью подрыва экономики ханства, которое лишилось бы существенных по-

полнений в свою казну, и, кроме того, для защиты православия от мусульманского гнета. Часть жителей-переселенцев была из Балаклавы и прилегающей территории, куда входила Карань. Известно, что Карань в 1778 году была довольно крупным населенным пунктом, в котором было 30 дворов и проживало 128 человек (65 — мужчин и 63 — женщин) [34, с. 43]. Не смирившись с вынужденной эмиграцией в Азовскую губернию, некоторые семьи попытались вернуться на родину. Имеются сведения, что несмотря на пресечения несанкционированной миграции примерно в 1790 году в селения Камара и Карань вернулось несколько семей греков-земледельцев. Однако из-за того, что переселение было стихийным, не представляется возможным назвать точную дату и количество мигрантов. Впоследствии они перемешались с балаклавскими греками, которые были расквартированы в этих селах [32, с. 487].

Манифестом Екатерины II от 8 апреля 1783 года Крым был включен в состав России. В 1784 году в Балаклаве разместили греческий пехотный полк (в 1797 году переименованный в Балаклавский греческий батальон), сформированный в 1776 году из греков островов Архипелага, принимавших участие в боевых действиях на стороне России в войне с Турцией в 1768–1774 годах. Сначала служащие батальона получали только жалование, а затем их наделили участками земли. Офицеру полагалось 60 десятин, нижним чинам по 15, впоследствии увеличенных до 20 десятин [34, с. 38]. Первоначально предоставленные им для проживания земли находились не только в Балаклаве, но и в близлежащей местности, например, Кадыковке (вошла в черту Балаклавы), Камарах (с. Оборонное) и Карани (с. Флотское). Впоследствии служащие батальона проживали в деревне Керменчик (с. Высокое Бахчисарайского района) и Лаки (бывшее с. Горянка этого же района).

До создания учреждений на новой территории вся власть — гражданская и военная — находилась в руках командующего войсками, распо-

женными в Крыму и южных губерниях, генерал-поручика О. А. Игельстрома. До образования Таврической области в 1784 году административно-территориальное деление в обретенном крае сохранялось таким, каким оно было в Крымском ханстве (каймаканства и кадылыки)¹.

В 1784 году по поручению генерал-губернатора Г. А. Потемкина и под руководством О. А. Игельстрома было подготовлено Камеральное описание Крыма. Полное название этого документа — «Регистр разным письмам, изъясняющим состояние Крымского полуострова и какое было в оном течение дел земских с 16 августа 1783 года». Камеральное описание состояло из списка населенных мест. В Крыму было 6 каймаканств, состоящих из 42 кадылыков. Один из каймаканств назывался Бахче-сарайский. В его состав входило 6 кадылыков — Бахче-сарайский, Мангупский, Каракуртский, Солгирский, Муфти-Арпалыкский и Качи Беш Паресы. Самое большое количество деревень входило в Мангупский кадылык. Их насчитывалось 97, и среди этих деревень значилась деревня Каранне, состоявшая из 51 дома и 1 церкви [31, с. 102].

Указом Екатерины II от 2 февраля 1784 года образована Таврическая область, в состав которой кроме Крымского полуострова вошла Тамань и земли к северу от Перекопа до границ Екатеринославского наместничества [31, с. 7]. Таврическая область была разделена на 7 уездов, в числе которых значился Симферопольский, в который входили Севастополь, Балаклава и близлежащие населенные пункты.

В результате административных преобразований было сформировано 6 уездов, а в 1838 году добавился седьмой — Ялтинский, куда вместе с Балаклавой вошло селение Карань.

Путешественник П. Кеппен, объезжая Россию, в 1819 году побывал в Крыму, о котором написал: «Я имел случай проехать по Южному берегу Крыма и тогда же родилось во мне желание сделаться некогда постоянным жителем той прелестной страны, которой красоты оставили во мне столь живое воспоминание» [37, с. 128]. И хотя речь здесь идет о Южном берегу Крыма, это высказывание в полной мере можно отнести к Балаклаве и ее окрестностям. Собранные путешественником материалы были дополнены в 1820-е годы, и, благодаря Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору графу М. С. Воронцову, в 1837 году появилось издание

«О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических». Все в том же Мангупском кадылыке мы находим в числе других знакомые нам названия: Камара, «Карану или Карани», Балаклава, Кадыкой, Ахтиар. Возле названия Ахтиар имеется примечание — «Ахтиар в 1786 г. получил название Севастополя (*правильно — 1784 — авт.*); уверяют, однако же, что деревня Ахтиар (или Ак-Яр) находилась там, где ныне Сухарный завод» [37, с. 172 (85)]. П. Кеппен также упоминает о том, что в 1753 году французское правительство направило в Крым Пейсонеля, который писал, что к Мангупскому кадылыку относились 74 деревни, в числе которых значилась Карань.

В периодическом справочном издании «Новороссийский календарь на 1846 год» приведены данные по Балаклавским окрестностям. Самым крупным селением значилась Карань, в которой в 1845 году насчитывалось 48 дворов, 103 человека мужского населения и 97 — женского. На втором месте было селение Камары, состоящее из 42 дворов и имеющее такое же количество населения. В Карани 46 десятин земли было занято садами, а производство вина насчитывало 3790 ведер белого вина и 2110 — красного. Стоимость ведра вина составляла от 60 коп. до 1 руб. серебром, а пуд винограда стоил от 70 коп. до 1 руб. 15 коп. серебром [30, с. 338–342].

В 1865 году Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел был издан 40-й том «Списков населенных мест Российской империи», включавший наиболее полный список и точные названия населенных пунктов Таврической губернии. В Ялтинском уезде на «Южно-Берегском шоссе от Севастополя» значится «казенное греческое селение при колодцах Карань» [31, с. 193].

В селении Карань располагалась церковь во имя Святых Константина и Елены, которая, по сведениям из клировых ведомостей, была построена в 1775 году на средства прихожан — греков.

После переселения греков из Крыма ощущалась нехватка в священно- и церковнослужителях, особенно в сельских церквях. Не было священника и в Константино-Еленинской церкви. В 1798 году обыватели Балаклавы и окрестных селений просили Феодосийскую духовную консисторию назначить в балаклавский приход вторым священником Кириака Трапезарова [5, л. 1]. С 1804 года жители Карани начали обращаться в Перекопское духовное правление и даже непосредственно в Екатеринославскую духовную консисторию с просьбой «возобновить и снабдить священником, дабы они не лишились слушания слова Божия и христианских треб» [2, л. 1]. После

¹ Каймакан — средняя административно-территориальная единица Османского государства. Делилась на кадылыки — округа

обследования было доложено Екатеринославскому, Херсонскому и Таврическому архиепископу Афанасию, что церковь осталась без священника и антиминса еще «от времен изгнания из Тавриды христиан», очень ветхая, жителей 222 души обоюбого пола, которые хотели за свой счет ее возобновить и содержать священника. Кроме того, церковь была очень маленькая, сделанная наподобие избы и вся вросла в землю, стены начали разрушаться, черепица поломана. Переписка затянулась на несколько лет. А в 1806 году по решению консистории церковь упразднили, прихожан приписали к Камарской Марининской церкви. В июне 1807 года утварь, облачение, книги и иконы были переданы в Камары, а церковь была опечатана [2, л. 16, 18, 21]. Впоследствии церковь отремонтировали. В Крымскую войну по сведениям причта, представленным в консисторию в 1874 году, Константино-Еленинская церковь была разрушена, затем восстановлена и освящена 6 августа 1856 года. Вместе с тем в докладе Таврической консистории, представленном в 1861 году преосвященному Алексию, епископу Таврическому и Симферопольскому, указывалось, что в церкви в период Крымской войны совершались богослужения, а затем она была занята «казенным неприятельским складом и как самая церковь, так и все почти здания в деревне Карани находятся в целости» [6, л. 19 об.]. После Крымской войны Константино-Еленинская церковь была причислена к Кадыковской Троицкой церкви. Все богослужения велись на греческом языке, поскольку все прихожане были «природные греки». 20 сентября 1861 года Таврическая духовная консистория слушала ходатайство общества селения Камаров о назначении к Марининской церкви священника, которого они будут сами содержать, и просили причислить к ним Караньскую Константино-Еленинскую церковь, в которой по бедности и малочисленности прихожан никогда не было отдельного священника. Всего в Карани, как сообщалось на заседании консистории, было 107 душ (*мужского пола — авт.*) [1, л. 105 об.]. За требоисправлениями караньские жители обращались в Георгиевский монастырь, находящийся от Карани в трех верстах. Решение Таврической духовной консистории было следующим: «Жителей предместья Кадыковки, согласно их прошению, по скудности средств к содержанию отдельного причта приписать приходам вместе с их церковью и Караньской церковью к Балаклавскому Николаевскому собору, при котором должно быть священнику, дьякону, дьячку и пономарю» [1, л. 110]. По документам Таврической

духовной консистории удалось установить, что самостоятельной церковью становится в 1866 году. Сказалось, наверное, и то, что после окончания Крымской войны прошло 10 лет, и хозяйственная жизнь жителей Карани постепенно наладилась. Именно в этот год преосвященным архиепископом Крымским и Симферопольским Алексием был назначен священником Константино-Еленинской церкви Федор Георгиевич Феофанидис из азиатских греков. Причту были выданы приходно-расходные и обыскные книги. В 1867 году к Караньской церкви назначается дьячок Константин Николаевич Бамбуко, из почетных граждан. В отличие от вдового 35-летнего священника в его семействе была жена и 5 детей. И священник, и дьячок хорошо знали греческий язык и вполне прилично русский. С 1866 года два трехлетия служил церковным старостой отставной рядовой упраздненного Балаклавского греческого пехотного батальона Апостол Николаевич Бамбуко. На содержание причта прихожане выделяли жалованья 200 руб. серебром священнику и 75 руб. дьячку. Для причта имелся церковный дом и 1 десятина хлебопахотной земли. Впоследствии количество земли увеличилось за счет пожертвований. 2 десятины земли передала причту вдова отставного унтер-офицера София Бамбуко и 1 десятину и 520 сажень — балаклавский мещанин Георгий Христодуло, утвержденный в должности церковного старосты в 1872 году. В 1874 году в селении насчитывалось 24 двора и 188 прихожан [3, л. 64 об.].

С 1867 года в Карани действовала земская школа. Имеются сведения, что в 1894 году в ней обучалось 13 мальчиков и 4 девочки. В Карани к этому времени уже насчитывалось 34 ½ двора и 268 прихожан (68 — мужчин и 60 — женщин) [4, л. 64, 66 об.].

В 1873 году было создано Севастопольское градоначальство, в которое вошли два города: Севастополь и Балаклава. Все близлежащие селения, в числе которых была Карань, были отнесены к Балаклаве.

Первым в начале XX века и последним досоветским официальным списком населенных мест стал «Статистический справочник Таврической губернии», изданный в Симферополе в 1915 году по распоряжению председателя Таврической губернской земской управы. Все в том же Ялтинском уезде значится селение Карань, а при нем еще и 28 частных владений, большинство которых принадлежали грекам: Арони, Безони, Какулиди, Кендронису, Сивропуло, Тиктопуло, Энглези и другим. Большинство из них были

купцами. Например, братья Николай и Георгий Федоровичи Арони владели по соседству «виноградными садами», занимались виноделием. В 1919 году германское интендантство изъяло из склада Шитта в Балаклаве 114 бочонков белого и красного вина, которое принадлежало Николаю Федоровичу Арони, от чего ущерб виноторговца составил 650 тысяч рублей. Чуть позже немцы частично оплатили стоимость вина из расчета 27 руб. за 1 ведро [28, л. 52–55]. Еще один собственник земли в Карани, Тиктопуло, долго значился владельцем виноградного участка Золотой балки и даже в 1930 году свой урожай винограда передавал райкоопсоюзу в Центральный рабочий кооператив (ЦРК) «Труд» [29, л. 235].

С установлением советской власти изменилось административно-территориальное деление Крыма. В созданный 8 января 1921 года Севастопольский уезд были включены Севастопольский и Бахчисарайский районы. А постановлением Севастопольского исполкома от 12 июля 1921 года город Балаклава с деревнями Кадыковка, Камары, Карань и Золотая балка был выделен в особую административную единицу с городским управлением [38, с. 180].

Караньский ревком на первом своем заседании, состоявшемся 3 декабря 1920 года, рассматривал вопрос об арестованных особым отделом 46-й дивизии жителях села, мобилизованных белой армией. Ревком встал на защиту граждан и возбудил ходатайство перед особым отделом об освобождении их из-под ареста, как привлеченных на военную службу «силою оружия». На этом же заседании было заслушано сообщение А. Целио, который доложил, что группа подводчиков, ездивших по наряду 51-й Московской дивизии, у города Армянска была захвачена отрядом махновцев, которые предложили присоединиться к ним или, в противном случае, «вернуться в свои дома, оставив у них подводы и лошадей». За отказ следовать с махновцами А. Целио был избит нагайками, подводы и лошади были отобраны, и группа односельчан пешком добиралась домой [9, л. 1].

После ужасов террора надвинулась вторая беда — голод. В Севастополе и Балаклаве были созданы Помголы, которые пытались помочь населению с продовольствием. В Карани была открыта американская столовая «Ара», где кормили детей. В период голода 1921–1922 годов люди за бесценок продавали свои дома, земли, имущество. Впоследствии такие торговые сделки зачастую были признаны недействительными. Одна из таких сделок на продажу виноградника была заключена между Дмитрием Терленди и зажи-

точным жителем Карани Антоном Пляблясом. Встав на защиту больного тифом отца многочисленного семейства бедняка Д. Терленди, общество граждан Карани на своем собрании 31 января 1923 года постановило обратиться с просьбой в особую сессию Севастополя о расторжении данного акта [9, л. 16 об.–17].

В первой половине 1920-х годов в Карани, как и во всей стране, проходила муниципализация строений. Было муниципализировано около 10 домов, владельцы которых уехали за границу, умерли или просто отсутствовали. В числе их два церковных дома, которые использовали под избу-читальню [11, л. 19 об.–20].

В 1926 году в СССР проводилась Всесоюзная перепись населения, давшая свежий статистический материал для издания «Списка населенных пунктов Крымской АССР». Селение Карань в составе Караньского сельсовета вошло в Севастопольский район, а после его ликвидации в 1930 году — в Балаклавский район. В Государственном архиве города Севастополя сохранились документы о том, что 30 января 1926 года на собрании жителей Карани Терленди Георгий Константинович был избран председателем, а Целио Александра секретарем Караньского сельского Совета крестьянских и красноармейских депутатов. Избрание было подтверждено приказом Севастопольского райисполкома 23 февраля 1926 года [8, л. 31]. По своему социальному положению 37-летний Г.К. Терленди был бедняком и впервые избирался в выборный орган. Имеются сведения и о других жителях селения с аналогичной фамилией. В основном это были семьи отставных военных упраздненного Балаклавского греческого батальона. В отличие от председателя, имевшего «низшее» образование, 33-х летняя Александра Целио была учительницей. Под ее руководством 7 декабря 1922 года возобновились занятия в сельской школе, где обучалось 17 учеников, из которых 13 уже обучались ранее. Всего по переписи детей школьного возраста в начале 1920-х годов в Карани значилось 50 человек [17, л. 26]. По данным 1926 года территория Караньского сельсовета, состоящего из одного населенного пункта Карань и 22 близлежащих хуторов, занимала площадь 1555 гектаров. На данной территории находилось 108 крестьянских хозяйств с общим числом жителей 432 человека, из которых 326 были греками [16, л. 2].

В 1926 году в Карани появились первые наименования улиц. На заседании секции благоустройства Караньского сельсовета 5 августа 1926 года было решено присвоить улицам следующие на-

звания: Советская, Крепостная, Севастопольская, Первого Мая, Георгиевская, двум переулкам — Балаклавский и Севастопольский [10, л. 7].

В 1927 году Карань в числе других населенных пунктов пострадала от землетрясения. 8 декабря 1927 года на заседании Севастопольской чрезвычайной тройки по ликвидации последствий землетрясения рассматривалось заявление крестьян об оказании помощи на ремонт зданий, разрушенных землетрясением. Постановлением тройки 14 жителям Карани была предоставлена долгосрочная (на 20 лет) беспроцентная ссуда от 20 до 50 руб. [11, л. 10].

Лишение избирательных прав, которое проводилось в стране в 1920-е годы, коснулось и жителей Карани. Лишили прав сельского учителя Тиктопуло Георгия Ахиловича как иждивенца отца — кулака. В своем заявлении о восстановлении избирательных прав Г.А. Тиктопуло писал, что материально независим от отца и проживает с братьями. Но на заседании членов бедноты Караньского сельсовета 19 ноября 1929 года собрание постановило: «Просить районо в самый кратчайший срок снять с работы сына-лишенца Тиктопуло, прислав на его место другого, греческого, в крайнем случае, русского учителя». Закончилось дело тем, что Г.А. Тиктопуло, который был греческим подданным и по советским законом не имел права участвовать в выборах, в 1930 году выбыл за границу [23, л. 19]. Л.Г. Христодуло и А.П. Целио вменяли в вину использование наемного труда, превышающего норму [24, л. 5; 25, л. 1], а 66-летнего Ф.В. Васильева как имеющего в Севастополе дом и сдающего его в наем поместили в концлагерь в Георгиевский монастырь [26, л. 3 об.].

В период всеобщей коллективизации в стране в Карани отдельные хозяйства объединились сначала в артели «Объединение», «Согласие» и «Братство» [11, л. 10; 12, л. 40], а затем в колхоз «Путь к социализму». ² В паспорте Балаклавского района на 1 июля 1939 года указывалось, что в Карани коллективизация составила 100%, посевная площадь колхоза составляла 73,2 га, озимых зерновых — 52,40 га, огородно-бахчевых — 1 га, а сенокосной земли — 14 га [20, л. 107].

По переписи 1939 года ни в названии Карани, ни в его административном подчинении изменений не произошло.

По состоянию на 1941 год в Карани значилось 83 двора, из общего количества коренного населения, составляющего 401 человек, 207 являлись трудоспособными. В селе насчитывалось 60 коров, 60 овец и 35 лошадей [20, л. 104].

² Одноименный колхоз был на территории Упшинского сельсовета

В период обороны Севастополя 1941–1942 годов Балаклава и близлежащие населенные пункты: Кадыковка, Камары, Карань — входили в состав 1-го сектора Севастопольского оборонительного района (СОРа). В ноябре 1941 года в районе Карани дислоцировались два батальона 383-го стрелкового полка, а в июне 1942 года к северо-западу от Карани находился штаб сектора и 109-я стрелковая дивизия [39, с. 146–147, 328].

Оккупация немецко-фашистскими войсками Карани продлилась с 30 июня 1942 года до 18 апреля 1944 года. Отголоском военных действий явилось новое кладбище, расположенное «против гражданского кладбища». К нескольким могилам погибших в 1942 году добавились братские и одиночные могилы павших при освобождении Балаклавского района. 9 июня 1944 года старший лейтенант Кушнир передал председателю сельсовета Целио два кладбища: одно — в 100 м от Карани, другое — возле хутора Джаншиева [15, л. 2, 4].

После освобождения Балаклавского района 18 апреля 1944 года в Карани насчитывалось 183 человека [22, л. 65–68]. В акте об ущербе, причиненном немецко-фашистскими оккупантами, составленном 29 сентября 1944 года, указывалось, что причиненный ущерб исчислялся в 24 тыс. 067 руб. Было повреждено и уничтожено имущество сельсовета и полностью разрушена крыша здания сельсовета, крытая татарской черепицей [20, л. 5 об.].

Война внесла свои коррективы в политику государства. После депортации крымских народов, в числе которых были греки, начали переименовываться и населенные пункты. Крымская АССР 30 июня 1945 года была преобразована в Крымскую область, а 21 августа 1945 года селение Карань получило свое новое название — Флотское, сельсовет, соответственно, — Флотский [31, с. 400]. В документах сельсовета появился новый вид документов — акты о передаче домов и строений в пользование колхозникам-переселенцам [14]. Греческих фамилий в документах не было. Балаклавский район, насчитывающий 18 сельсоветов, 27 колхозов и 2274 личных хозяйства, после спецпереселения насчитывал 395 дворов [20, л. 102].

Секретным постановлением СНК Крымской АССР от 16 июня 1946 года был запрещен въезд эвакуированному населению в города Симферополь, Севастополь, Балаклава и населенные пункты Балаклавского района, куда входила Карань, без разрешения СНК Крымской АССР [19, л. 19]. В селении практически не осталось коренных жителей. Летом 1944 года оставшееся насе-

ление для уборки урожая прибегло к помощи военных [13, л. 1]. Под руководством председателя сельсовета И. А. Цветкова и председателя колхоза «Путь к социализму» Мозгового колхозники постановили в период осеннего сева из 10 га озимых 2 га засеять в фонд помощи инвалидам и детям-сиротам, откликнулись на призыв правительства подписаться на 4-ю денежно-вещевую лотерею, собрали в фонд обороны 1150 руб., оказали помощь детям фронтовиков и инвалидам, которая выразилась в 300 кг зерна и 175 руб. денег. На 1 января 1945 года на территории Караньского сельсовета значилось 43 хозяйства, у населения было 20 коров, 30 коз, 4 овцы и 1 теленок. Общественного скота насчитывалось: 6 коров, 8 лошадей, 17 коз и 2 теленка [13, л. 4].

В процессе разукрупнения колхозов 2 августа 1950 года в соответствии с решением Балаклавского райисполкома произошло слияние колхоза «Путь к социализму» Флотского сельсовета с аналогичными колхозами Пригородненского сельсовета, находящимися рядом: «Красное знамя» и «Большевик». Был создан единый колхоз «Большевик». В решении отмечалось, что земельная площадь этих колхозов «представляет из себя единый земельный массив и составляет 710,62 га» [21, л. 18].

24 августа 1950 года было издано решение Балаклавского райисполкома «О слиянии сельских Советов Пригородненского и Флотского в один Ушаковский сельсовет». Мотивировали это решение органы власти тем, что при слиянии колхозов затруднено «повседневное руководство и помощь колхозу». На то время Флотский сельсовет состоял из одного населенного пункта с количеством населения 235 человек. На территории сельского Совета находились начальная школа, фельдшерский пункт и сельский клуб. Земельная площадь бывшего колхоза «Путь к социализму» составля-

ла 373 га, в том числе 44 га пахотной земли [21, л. 39 об.]. Решение Балаклавского райисполкома было отклонено Крымским облисполкомом, и ходатайство перед Президиумом Верховного Совета РСФСР не возбуждалось. 22 сентября 1950 года издается следующее решение Балаклавского райисполкома «О ликвидации Обороневского, Гористовского и Флотского сельских Советов района». Флотский сельсовет был ликвидирован, а его территория вошла в состав Пригородненского сельсовета, центром которого было определено село Ушаково [18, л. 66 об.]. Вместе с тем Флотский сельсовет продолжал свою деятельность до 1954 года. Из документов сельсовета видно, что на должность его председателя 25 февраля 1953 года была избрана прибывшая по переселению в 1944 году из Воронежа Вернигорина Анастасия Павловна [27, л. 5].

С февраля 1954 года дальнейшие административно-территориальные преобразования проводил Верховный Совет УССР. В 1957 году Балаклава с прилегающей территорией была включена в черту Севастополя [38, с. 184]. Но Флотский сельсовет там уже не значился. Село Флотское исключено из учетных данных и в настоящее время является частью Балаклавского района.

В современных архивных документах имеются сведения, что после депортации на родину вернулись потомки греков, ранее проживавших в этом районе. В 1993 году по ходатайству комиссии депортированных народов Севастопольской городской государственной администрации в не существующем официально селе Флотском получили земельные участки под индивидуальное строительство греки Ф.К. Ангелиди, Г.Л. Трикмении и О.В. Целио [7, л. 210].

Источники и литература:

1. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК), ф. 118, оп. 1, д. 1321.
2. ГААРК, ф. 118, оп. 1, д. 5442.
3. ГААРК, ф. 118, оп. 1, д. 6129.
4. ГААРК, ф. 118, оп. 1, д. 6202.
5. ГААРК, ф. 343, оп. 1, д. 116.
6. Государственный архив города Севастополя (ГАГС), ф. 4, оп. 1, д. 3.
7. ГАГС, ф. Р-79, оп. 2, д. 4762.
8. ГАГС, ф. Р-420, оп. 1, д. 290.
9. ГАГС, ф. Р-423, оп. 1, д. 1.
10. ГАГС, ф. Р-429, оп. 1, д. 19.
11. ГАГС, ф. Р-429, оп. 1, д. 49.
12. ГАГС, ф. Р-429, оп. 1, д. 58.
13. ГАГС, ф. Р-429, оп. 2, д. 1.
14. ГАГС, ф. Р-429, оп. 2, д. 2.
15. ГАГС, ф. Р-429, оп. 2, д. 3.
16. ГАГС, ф. Р-429, оп. 3, предисловие.
17. ГАГС, ф. Р-430, оп. 1, д. 16.
18. ГАГС, ф. Р-430, оп. 1, д. 57.
19. ГАГС, ф. Р-430, оп. 2, д. 3.
20. ГАГС, ф. Р-430, оп. 2, д. 39.
21. ГАГС, ф. Р-430, оп. 2, д. 67.
22. ГАГС, ф. Р-430, оп. 3, д. 1.
23. ГАГС, ф. Р-430, оп. 5, д. 521.
24. ГАГС, ф. Р-430, оп. 5, д. 573.
25. ГАГС, ф. Р-430, оп. 5, д. 582.
26. ГАГС, ф. Р-430, оп. 5, д. 643.
27. ГАГС, ф. Р-430, оп. 6, д. 75.
28. ГАГС, ф. Р-437, оп. 1, д. 14.

29. ГАГС, ф. Р-518, оп. 1, д. 136.
30. Новороссийский календарь на 1846 год. — Одесса, 1845.
31. Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998. — Симферополь, 1999.
32. *Арадждиони М. А.* Возвращение в Крым старожильческого христианского населения после эмиграции 1778 г. //Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VIII. — Симферополь, 2002.
33. *Арадждиони М. А.* Греки Крыма: к истории формирования общины в период позднего средневековья — нового времени//Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XIII. — Симферополь, 2007.
34. *Арадждиони М. А.* Формирование новой общины греков Крыма в конце 18 — начале 19 века//Греки в истории Крыма: Краткий биограф. справ. — Симферополь, 2000.
35. *Бушаков В. А.* Лексичний склад історичної топонімії Криму. — Київ, 2003.
36. *Ефимов А. В.* Греческое население Крыма в 15–18 веках//Греки в истории Крыма: Краткий биограф. справ. — Симферополь, 2000.
37. Историческое наследие Крыма. — 2003. — № 1.
38. Краткий справочник по фондам Государственного архива города Севастополя. — Севастополь, 2000.
39. *Моргунов П. А.* Героический Севастополь. — М., 1979.
40. У карты Севастополя/Ляхович А. А. и др. — Севастополь, 1982.

ТЕРЕЩУК Н. М.

«ФИНАНСОВЫЙ ОРГАН, ВЕДАЮЩИЙ ХРАНЕНИЕМ КАЗНЫ»

В последней четверти XVIII века в Российской империи выделались в отдельную группу учреждения с финансово-хозяйственными функциями. В состав одной из коллегий, а именно Адмиралтейской, была включена казначейская часть. В губерниях были созданы Казенные палаты, а в уездах — казначейства. В начале XIX века на смену коллегиальной формы управления создается новая — министерская, основанная на принципе единоначалия. Финансовые вопросы решались в трех центральных государственных учреждениях: Министерстве внутренних дел, Министерстве коммерции и Государственном казначействе. В 1802 году создается Министерство финансов, которое приняло в 1810 году все дела от упраздненного Министерства коммерции. В 1821 году в состав Министерства финансов было включено Государственное казначейство. Главным назначением Минфина, а соответственно и Госказначейства, было заведование источниками государственных доходов, взимание налогов, распределение сумм, изготовление металлической монеты и бумажных денег и, конечно, разработка бюджета. Каждое министерство ежегодно, не позднее 15 ноября, представляло министру финансов свои сметы, которые сводились в единую роспись доходов и расходов и вносились на рассмотрение Государственного совета, а затем поступали на утверждение императору. Составление и реализация бюджета происходили в полной секретности. Лишь после утверждений новых правил составления, утверждения и исполнения Государственной росписи, начиная с 1862 года, они стали общедоступными и публиковались в официальных газетах. На ме-

стах по-прежнему действовали Казенные палаты и уездные казначейства, которые ведали приемом, хранением денежных сборов и доходов и выдачей денежных сумм. Они выдавали по распоряжению местных властей паспорта, подорожные и вели продажу всех видов гербовой бумаги [15, с. 201].

«Месяцеслов с росписью чиновных особ» за 1776 год, включавший в себя общий штат Российской империи, сохранил для нас имена первых чиновников — казначеев. Первым управляющим казначейства был Иван Логинович Голенищев-Кутузов, «вице-адмирал, генерал-казначей и кавалер». Советником казначейства был Василий Леонтьевич Шмаров, а секретарем Наум Кашин. 26 января 1797 года произошла смена руководства Госказначейства и управляющим был назначен тайный советник Алексей Васильев [9, с. 107].

К последней четверти XVIII века, вследствие присоединенных новых территорий на юге России, относится появление в империи Таврической губернии и основание Большой крепости Севастополь. В губернском городе Симферополе (тогда это был город Акмечеть) была создана Казенная палата. Севастополь, состоявший в большинстве своем из военнотружущих и относившийся на тот момент к Симферопольскому уезду, имел свое «местное», так называемое «портовое казначейство». Гражданское население Севастополя к началу XIX века насчитывало всего лишь 246 человек [14, с. 32], а военнотружущих около 10 000 человек, поэтому вполне понятно такое название казначейства.

В начале XIX века Государственные казначейства были только в Санкт-Петербурге и в Москве.

В структуру госказначеств входили: экспедиция по должности госказначей, занимавшая государственными доходами, экспедиция заготовления листов для государственных ассигнаций и казначейство о «заготовлении разной гербовой и для плакатных пашпортов бумаги». Казначейская часть входила в структуру третьего отделения правительствующего Сената.

Тот же Месяцеслов за 1814 год сообщает нам структуру Морского министерства, в состав которого входил Черноморский департамент. Из опубликованных в нем сведений видно, что в том году в казначейской экспедиции должность главного казначей была вакантной. Казначеем был капитан 1 ранга Всеволод Иванович Тулубьев, столоначальником — титулярный советник Иван Гавришев, бухгалтером — губернский секретарь Василий Широков, а журналистом (канцелярский служащий, ведущий входящий и исходящий журнал) — губернский секретарь Лев Кива. В Севастопольском порту казначеем состоял надворный советник Андрей Вильгельмович Дандри, кавалер ордена Св. Анны 3 степени [10, с. 270].

Что же еще известно о деятельности такого важного учреждения как казначейство и о людях, которые работали в те далекие годы в нашем городе? Как и сейчас, это были государственные чиновники. При приеме их на работу обращалось внимание на их образ жизни и поступки [13, с. 137]. Интересен тот факт, что в соответствии с Сенатским указом каждые три года уездных казначеев увольняли. Новые назначения по представлению казенной палаты определял Государственный казначей. От должности отстранялись чиновники, подавшие заявление об отставке по болезни, а также не справившиеся с должностными обязанностями. Хорошо работавшие уездные казначеи оставлялись на следующий трехгодичный срок. Казначеи при вступлении в должность обязательно давали подписки, сейчас это называется присяга. Исполнительная власть принадлежала только одному казначею, остальные чиновники принимались на работу «ему в помощь и исполняют приказания его». Если вдруг у казначеев обнаруживался недостаток или растрата казенных денег, то они должны были пополнить ее принадлежащим им имуществом, а также вычетом из жалования его третьей части. Чтобы исключить подобную недостачу в казначействах проводили «срочные свидетельства» [13, с. 136]. Сейчас мы можем это назвать проверкой или ревизией. Это делалось ежемесячно, по истечении трехлетнего срока службы казначей, а также в случае увольнения его от должности. В распоряжении казначей находилась печать, и он нес ответственность «за правильность упо-

ребления оной». Финансирование казенных палат и местных казначейств осуществлялось Министерством финансов. Им же устанавливалось прибавочное жалование нижним служащим: не более 50 руб. в год за выслугу одного пятилетия, 100 руб. — двух пятилетий и 150 руб. — трех пятилетий [13, с. 125]. В ведении казенных палат также находились податные инспекторы. Кроме продажи гербовой бумаги и марок казначействами продавались бланки свидетельств и патентов по питейному, табачному и другим акцизным сборам. В обязательном порядке в казначейство подавался и хранился один экземпляр «сказок о числе душ, состоящих по городу и уезду» [13, с. 133]. В кладовые казначейства также принимались на временное хранение суммы из присутственных мест, общественных учреждений и от должностных лиц. Разрешалось принимать и хранить доходы «для особых предметов учиненные». Например, взносы в пользу кабинета Его Императорского Величества, приказов общественного призрения, комитетов в пользу раненых и др. [13, с. 133].

Очень интересным источником оказались метрические книги севастопольских церквей, хранящиеся в Государственном архиве города Севастополя. Первые сведения о работниках казначейства относятся к 1817 году. Именно в этом году у счетчика 14 класса севастопольского казначейства Ивана Иванова родилась дочь Параскева, которую он с женой Марией крестили в Адмиралтейской соборной Николаевской церкви [4, л. 4 об.]. Благодаря метрикам удалось проследить служебное продвижение еще одного работника казначейства Льва Кивы. В Месяцеслове за 1814 год он указан в звании губернского секретаря. В 1817 году в метрической записи о смерти годовалого сына Николая он уже указан как коллежский секретарь [4, л. 13 об.], а в 1826 году при рождении дочери Анны он значится титулярным советником и кавалером [5, л. 4]. Крестной матерью, или, как тогда писали, восприемницей была жена его коллеги, казначей 7 класса Медведева. Насколько Л. Кива был уважаемым человеком в городе, подтверждается метрической записью о его смерти. В метрике Адмиралтейского собора указано, что 6 апреля 1831 года умер секретарь Севастопольского казначейского отделения Лев Кива в возрасте 48 лет от чахотки и хоронили его из Адмиралтейского собора **соборно** (*выделено автором*) на севастопольском общем кладбище (ныне ул. Пожарова) [6, л. 82]. Следует отметить, что соборно, то есть когда обряд погребения проводился несколькими священниками, хоронили только значимых людей города.

С конца 1830-х годов казначейское отделение в Севастополе возглавлял казначей 9 класса, а впоследствии коллежский асессор Андрей Григорьевич Некора (Никора) [11, с. 94]. На этой должности он пробыл до 1855 года. Его сменил коллежский асессор Александр Росновский [12]. По-видимому, он тоже не один год возглавлял севастопольское казначейство. Календарь и Памятная книжка Таврической губернии на 1893 год сообщает нам сведения еще об одном казначее, надворном советнике Николае Николаевиче Величковском, который являлся не только казначеем, но был также членом городской управы [7]. С 1896 года должность казначея в Севастополе была вакантной [8].

По мере развития города увеличивался штат казначейства. В начале XX века севастопольское казначейство имело собственный дом в центре города на Екатерининской улице в доме № 41 (совр. ул. Ленина). Исполняющим должность казначея в 1908 году был коллежский асессор Саприко Телесфор Лаврентьевич, который проживал в здании казначейства. Штатная численность казначейства составляла 9 человек, в числе которых были: старший бухгалтер, бухгалтер 1 разряда, два кассира 1 разряда, три бухгалтера 2 разряда и счетный чиновник [1, с. 78].

В 1911 году казначеем был коллежский советник Евгений Вячеславович Кохманский. В казначействе работало 8 человек, а также имелась сберегательная касса № 765 [2, с. 81].

Источники и литература

1. Адрес-календарь на 1908 год. Описание и путеводитель по Севастопольскому градоначальству. — Севастополь, 1909.
2. Адрес-календарь Севастопольского градоначальства на 1911 год. — Севастополь, 1910.
3. Государственный архив в Автономной Республике Крым, ф. 150, оп. 1, д. 180.
4. Государственный архив г. Севастополя (ГАГС), ф. 23, оп. 1, д. 2.
5. ГАГС, ф. 23, оп. 1, д. 8.
6. ГАГС, ф. 23, оп. 1, д. 11.
7. Календарь и памятная книжка Таврической губернии на 1893 год.
8. Календарь и Памятная книжка Таврической губернии на 1896 год.
9. Изменения в государственном строе страны повлекли за собой ликвидацию старых и создание новых государственных учреждений. На следующий день после октябрьского переворота 8 ноября 1917 года были созданы 13 наркоматов. Казначейства среди них не было. Но в Севастополе смена власти произошла намного позже. Казначейство продолжало выполнять свои функции до ноября 1920 года. О его ликвидации в период эвакуации врангелевских войск из Севастополя мы узнаем из документов городской управы. 2 ноября 1920 года Севастопольская городская управа вынесла определение № 1114, в котором сообщалось: «Заведующий хозяйственной частью 50 пехотного Белостокского полка, в виду закрытия Казначейства и Государственного банка, обратился в управу с просьбой принять на хранение остаток сумм полка р. 43 281 250. Принимая во внимание, что суммы эти должны считаться достоянием государства, городская управа определила:
1. Принять вышеуказанную сумму на хранение в кассу управы, записав на приход по счету переходящих сумм ...» [3, л. 7].
- На долгие годы слово «казначейство» оставалось лишь в словарях русского языка. В словаре С.И. Ожегова давалось пояснение: «В некоторых капиталистических странах: финансовый орган, ведающий хранением казны» [16, с. 232].
- Но, как известно, новое — это хорошо забытое старое. В 1995 году Указом Президента Украины создается Государственное казначейство, действующее в нашей стране и поныне.
9. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1776. — СПб., 1776.
10. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1814. — СПб., 1814.
11. Новороссийский календарь на 1840 год. — Одесса, 1839.
12. Новороссийский календарь на 1856 год. — Одесса, 1855.
13. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 2. Раздел IV. Свод губернских учреждений. — СПб., 1892.
14. Севастополю 200 лет. 1783–1983: Сборник документов и материалов. — К., 1983.
15. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. — М., 2008.
16. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М., 1981.

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ВОЕННЫЙ КАРАНТИН. НАКОПЛЕНИЕ ФАКТОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА (1-я половина XIX века)

С момента создания Черноморского флота в стране возникла потребность не только защиты своих границ от внешних врагов, но и ограждения от проникновения эпидемий на территорию империи. С этой целью были созданы карантинно-таможенные учреждения, состоявшие в ведении департамента таможенных сборов министерства финансов [12, с. 450]. Деятельность карантинных определялась врачебным уставом. В 1800 году был принят «Устав пограничных и портовых карантинных», который кроме прочего предписывал в самых опасных местах внутри карантинных привлекать к работе в первую очередь преступников. В архивных документах имеется «Список именной находящимся при Севастопольском карантине для работы преступникам», датированный июлем 1806 года, со сведениями, что в Севастопольском карантине числились три преступника: Федор Таран, Семен Зацепа и Петр Бубырь [3, 62].

Точную дату создания Севастопольского военного карантинного пока установить не представляется возможным. В 1805 году было создано Николаевское и Севастопольское губернаторство. Военный губернатор объединял в своих руках военную и гражданскую власть. Губернатору подчинялись все государственные органы управления и самоуправления. Ему же был подчинен и Севастопольский карантин. Начиная с 1806 года на имя главного командира Черноморского флота, Николаевского и Севастопольского военного губернатора маркиза И. И. де Траверсе инспектор Севастопольского карантинного надворный советник К. Плющ направлял рапорты о том, какие суда выдерживают карантин, о здоровье команды и пассажиров [3, л. 59]. В 1808 году штат Севастопольского карантинного составлял: карантинной конторы — 4 человека, карантинного дома — 4 человека. В карантинный дом нанимались 3 карантинных надзирателя, 2 надворотных служителя, служители для внутреннего в карантине караула и разных работ — 10 человек нижних чинов, неспособных к строевой службе. Карантинная брандвахта с командиром и служителями и карантинный катер назначались от морского ведомства с полным его содержанием [4, л. 1].

21 августа 1818 года Александр I в именном указе, данном Сенату, утвердил «Устав о Каран-

тинах». Согласно Уставу предписывалось ежегодно выделять по 50 000 руб. из таможенных доходов на «построение карантинных одежд, на материалы для очищения товаров и другие не определенные надобности» [7, с. 474]. Один из пунктов Устава касается Севастополя и звучит так: «Севастопольский карантин ввести в общую зависимость карантинных и подчинить его Министерству Полиции». В 1819 году Министерство полиции было упразднено и его аппарат вошел в Министерство внутренних дел [1, с. 150].

В карантинном управлении распорядительная власть была отделена от исполнительной. Распорядительная власть отнесена к карантинной конторе, создаваемой при каждом карантине. Контора являлась присутственным местом, осуществляющим надзор над заставами и кордонами. В штате карантинной конторы состояли: карантинный инспектор, вице-инспектор, главный медицинский чиновник, два «члена от Короны» и представитель купечества. Купечество должны были представлять купцы 1-й гильдии, но если таковых в данном регионе не имелось, то они заменялись любой другой гильдией. Представитель купечества избирался на два года и вводился в карантинную контору для того, чтобы «особенно наблюдать, чтобы по карантину не происходило несправедливых притязаний и стеснения купечеству, мореходцам и проезжающим, коих права они защищают в Карантинной конторе». Известно, что в конце 1830-х — начале 1840-х годов представителем в Севастопольском военном карантине был купец 1-й гильдии Василий Михайлович Носов (городской голова в 1830–1834 годах) [6, с. 105]. Издаваемые императорской Академией наук в Санкт-Петербурге периодические справочные издания «Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи» позволяют узнать штатный именной состав Севастопольского карантинного. Так, например, в Месяцеслове 1814 года указывалось, что при военной карантинной конторе несли службу: инспектор, надворный советник Карл Григорьевич Плющ, штаб-лекарь Егор Иванович Эк. Секретарем был титулярный советник Павел Шлычевский-Шлык. Должность переводчика в том году была вакантная. По карантинному дому значились сле-

дующие чиновники: штаб-лекарь Максим Григорьевич Любарский, комиссар коллежский асессор Денис Мионович Куликов, помощник комиссара титулярный советник Федор Осипович Шапошников, унтер-комиссар Николай Григорьевич Бардака [5, с. 276].

Главная обязанность карантинной конторы состояла в установлении сроков «очищения для людей, товаров и судов и в распоряжениях о выпуске их из карантина». В их же функции входило управление денежной казной и хозяйственной частью. Обязанностью главного медицинского чиновника было представление своих соображений по поводу заболеваний, надзор над карантинной аптекой, контроль за младшими медицинскими чиновниками.

Исполнительная власть была представлена карантинным домом. Карантинный дом возглавлялся директором. В него входили комиссары, надзиратели и другие служители. Директор карантинного дома был обязан постоянно докладывать карантинной конторе обо всех происшествиях и вести записи об этом. Карантинный порт состоял в ведении капитана над портом. Ему подчинялись карантинные брандвахты, катера с командами и судовая стража.

Абсолютно всем карантинным чиновникам предписывалось хранить в тайне все дела, которые проходят по карантину, а также сведения о поступивших из других мест известий об опасности. В целях пресечения коррупции чиновникам и служителям карантинных домов строго предписывалось не принимать подарков и вознаграждений от купцов, пассажиров и других людей. Но следует отметить, что все-таки чиновники были замечены в злоупотреблениях [11, с. 66].

28 сентября 1832 года указом императора Николая I выделяются дополнительные штаты Одесской, Керченской и Таганрогской таможен и таможенного надзора при Севастопольском карантине [8, с. 625]. 31 января 1833 года был утвержден новый, значительно увеличенный штат Севастопольского военного карантина, который состоял из 165 чиновников разного ранга и рядовых нижних чинов. В Балаклавской карантинной заставе значилась одна штатная должность комиссара и добавлялась одна должность лекаря. На содержание карантина ежегодно выделялось 15 620 руб. При карантине работал лазарет, в котором иногда одновременно содержалось до 700 человек [11, с. 66]. Этим же указом с 1 января 1833 года образована внутренняя карантинная стража, в которую входили Одесский батальон, Керченский, Измаильский и Прутский полубатальоны, Феодосийская и Севастополь-

ская отдельные роты. Морское ведомство обязательно было исключить из своего ведомства нижних чинов, находящихся при карантине и поступающих в состав внутренней карантинной стражи, а Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору М. Воронцову предписывалось своевременно решить вопрос по смете с Министерством финансов.

Следует упомянуть о том, что на протяжении многих лет штаб-лекарем Севастопольского карантина являлся коллежский асессор Августин Михайлович Валявский. Карантинным врачом он был назначен 1 июля 1825 года, сменив службу на судах Черноморского флота во флотских экипажах на эпидемиологическую работу. Именно на его период деятельности приходится «чумной» бунт в Севастополе в 1830 году. В годы Крымской войны он был врачом на корабле «Ягудиил» и проживал с семьей в своем хуторе [2, л. 60]. Последние сведения о нем в документах Госархива г. Севастополя датируются 1857 годом. В метрической книге Адмиралтейского собора имеется запись о том, что 11 января 1857 года умер коллежский советник, старший врач 30 флотского экипажа в возрасте 68 лет «от старческой немочи» [1, л. 57 об.–58]. А. М. Валявский был также членом правления Севастопольского карантина [9, с. 64–66]. Примерно в этот же хронологический период при карантинном доме служил штаб-лекарь Игнатий Францович Мысловский, сведения о котором имеются начиная с 1832 года. Во многом их судьбы были даже схожи. Оба католического вероисповедания, у обоих жены православного вероисповедания, и, по выявленным на данный момент метрическим записям, у обоих было по четверо детей (но у А. Валявского из четверых детей двое умерло). Разница, пожалуй, была в должностном окладе каждого. Годовой оклад А. Валявского составлял 1200 руб. и значился он как штаб-лекарь и инспектор карантинной конторы, в то время как И. Мысловский был лекарем карантинного дома и его годовой оклад составлял 600 руб. [4, л. 1].

В Севастополе местом для карантина была определена Карантинная бухта (откуда и пошло ее название). Имеются данные, что во второй половине XIX века в Карантинной бухте было пассажирское отделение и два небольших здания — одно для сжигания вещей, бывших в употреблении больных, а другое для карантинного очищения предметов путем проветривания. Пассажирское каменное здание состояло из 9 комнат площадью 84 кв. саженей. Общая площадь, занимаемая карантинном, составляла 8 тысяч кв. саженей, огражденных с трех сторон Карантинной

бухтой, а с четвертой каменной стеной длиной в 110 саженей. В Александровской бухте находилось здание для опроса и осмотра судовых людей и наблюдения за проходящими в порт судами. Ни одно судно не имело права приблизиться к порту без осмотра их брандвахтой.

Если суда приходили из благополучных мест, на судне не было подозрительно больных и документы были в порядке, то судно освобождалось от карантинного очищения. При наличии заболеваний устанавливались сроки карантинного очищения для людей и для судов. Срок составлял от 24 часов до 14 дней, а иногда и более. В первой половине XIX века применялось четыре способа очищения: окуривание газом пресыщенной соляной кислоты, серным газом, проветривание и омовение. Зараженные люди помещались в так называемой чумной квартал.

Источники и литература:

1. Государственный архив города Севастополя (ГАГС), ф. 23, оп. 1, д. 70.
2. ГАГС, ф. Р-584, оп. 1, д. 115.
3. Государственный архив Николаевской области (ГАНО), ф. 230, оп. 1, д. 8.
4. ГАНО, ф. 230, оп. 1, д. 170.
5. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1814. Ч. 1. — СПб., 1814.
6. Новороссийский календарь на 1840 год. — Одесса, 1839.
7. Полное собрание законов Российской империи. Т. 35. — СПб., 1830.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том VII. — СПб., 1833.
9. *Богданов А. Б.* Забытый в Польше и России: шляхтич Августин Валявский — усмиритель чумы в Севастополе // *Вестник морского врача.* — 2008. — № 5.
10. *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. — М., 1997.
11. *Левченко Л. Л.* История Николаевского и Севастопольского военного губернаторства (1805–1900 гг.). — Николаев, 2006.
12. Энциклопедический словарь / Под ред. Ф. А. Брокгауза, И. А. Эфрона. Т. XIV. — СПб., 1895.

ФЕСЕНКО А. А., ШПАКОВА И. Е.

РОЛЬ М. С. ВОРОНЦОВА В ПОДАВЛЕНИИ ВОССТАНИЯ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ В 1830 г. АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ

7 июня 1830 года восстание в Севастополе, вошедшее в историю как «чумной», а в некоторых источниках «бабий» бунт, было жестоко подавлено. К следствию было привлечено 6 тысяч человек. 1580 человек предстали перед судом: 497 гражданских лиц, из них 423 — жены и вдовы матросов и мастеровых, 480 матросов флотских экипажей, 128 солдат разных частей, 14 младших офицеров, 11 карантинных чиновников и врач, 6 комиссионеров. К смертной казни приговорили несколько десятков человек, затем приговор был изменен, и 11 августа 1830 года в слободках были публично казнены семь человек: квартирмейстер Тимофей Иванов, унтер-офицер Крайненко, мещанин Яков Попков, фельдфебель Петр Щукин,

квартирмейстер Кондратий Шкурпетов, слесарь рабочего экипажа Матвей Соловьев, боцман Федор Пискарев. Несколько сот осужденных прогнали шесть раз сквозь строй, многие погибли, не вынеся тяжелых телесных наказаний шпицрутенами, другие были сосланы на каторгу и в арстантские роты. Свыше 4200 матросов с семьями были высланы в Архангельск и другие отдаленные районы страны [5, л. 48–48 об.].

Эти события были связаны с именем видного военного и государственного деятеля России первой половины XIX столетия, генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии, графа Михаила Семеновича Воронцова.

В связи с созданием 20 марта 1805 года Николаевского и Севастопольского губернаторства Севастополь имел особый статус и вся власть находилась в руках Главного командира Черноморского флота и порта, военного губернатора Алексея Самуиловича Грейга. Власть же Новороссийского генерал-губернатора на Севастополь не распространялась. В канцелярию наместника поступали указы императора и сената, распоряжения разных ведомств для общего исполнения.

Однако именно М. С. Воронцов сыграл значительную роль во время восстания 1830 года. Ему императорским указом были предоставлены неограниченные полномочия как в подавлении восстания, так и в расследовании причин восстания, которое было проведено после бунта.

Сегодня особое внимание историков привлекают межличностные отношения, влияющие на ход исторических событий. В исследуемой теме авторы попытались понять, почему лучшие друзья М. С. Воронцов и А. С. Грейг стали врагами, а их непримиримость повлекла за собой столь масштабные исторические последствия.

По свидетельству многих исследователей (О. Ю. Захарова, Б. И. Гаврилов, С. А. Андросов и др.), занимающихся эпохой Воронцова, Михаил Семенович способствовал подъему экономики Крымского полуострова, благоустройству городов, развитию морских и сухопутных коммуникаций. По его инициативе проложено шоссе, соединившее Севастополь с Симферополем, построены пристань в Балаклаве, провиантские магазины в Севастополе и других городах Крыма, приведены в порядок почтовые и военные дороги. Однако в этот период ему пришлось столкнуться с острейшей проблемой — борьбой с эпидемическими заболеваниями, несущими опасность распространения по всей территории Российской империи. Первый успешный опыт борьбы с чумой М. С. Воронцов получил в 1825 году в Измаиле.

Во время русско-турецкой войны 1828–1829 годов в действующей армии вспыхнула эпидемия чумы, охватившая Бессарабию и Одессу, которая была быстро ликвидирована. Но суда Черноморского флота, постоянно взаимодействуя с армией, часто заходили в порт Севастополь, доставляя беженцев, пленных, пополняя запасы продовольствия и вооружения. Поэтому, во избежание распространения инфекции по всей территории Российской империи, Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор граф М. С. Воронцов, которому был подчинен и Крым (но не подчинен Севастополь), отдал приказ о взятии Севастополя в мае 1828 года в карантинное оцепление.

На окраине города в районе Херсонеса расположена бухта, где пришедшие в Севастополь суда выдерживались в карантине. Вполне достаточно было оцепить определенную площадь вдоль бухты. Однако карантинной цепью в радиусе 30 верст окружен был весь город.

До июня 1829 года в город свободно ввозились продукты и производился выпас скота через Северную и Южную заставы, но с назначением Воронцовым начальником карантинного оцепления полковника князя Херхеулидзева положение резко ухудшилось. Не советуясь с Главным командиром Черноморского флота и портов А. Грейгом, а также с руководством города, пользуясь полномочиями, полученными от Воронцова, он с 17 июня восстановил «полный карантинный термин». В этот период в городе не наблюдалось никаких эпидемических заболеваний, а на рейд не заходило ни одно судно. На флоте не отмечено сходных по признакам с чумой заболеваний, и на всех судах в море, по указанию адмирала Грейга, соблюдались строгие профилактические меры [6, с. 24–25].

В результате мер, предпринятых Херхеулидзем, город оказался в полной изоляции. Цены резко подскочили, на карантинных заставах процветали спекуляция и коррупция. Ухудшилось положение беднейших слоев населения. Однако полицейские, карантинные чиновники и врачи в этот период получали достаточно высокие суточные. До 23 августа в городе не было ни одного подозрительного заболевания. Лишь 23 августа на корабле, шедшем в Севастополь, умерло 4 матроса, и то не от чумы. Однако и этот факт послужил поводом для ужесточения карантинных мер. Через 4,5 месяца контр-адмирал Сальти доносил, что «Севастополь состоит благополучным». 10 ноября А. Грейг писал князю Меншикову «нашел сей порт в совершенно благополучном состоянии... Приняты все меры к оцеплению тех мест, где помещаются больные, свозимые с судов, и к отделению судов сомнительных...». Несмотря на то, что инкубационный период чумы составляет несколько дней, по показаниям свидетелей «сомнительных держали в карантине до 140 дней», что вызывало недовольство горожан [4, л. 15–15 об.].

В чумное и карантинное отделения на Павловском мысу в не приспособленные для этого помещения свозили больных и тех, кто был в контакте с ними. Многие умирали там от бесчеловечного обращения, невежественных методов лечения, плохого питания. Адмирал Грейг писал в своих замечаниях к делу о восстании, что «Павловский мыс казался для людей могилой» [4, л. 30–30 об.].

В интересах чиновников было выгодно доказать наличие чумы в Севастополе, и контр-адмирал Сальти 27 сентября 1829 года доносил о том, что «Карантинная контора... усиливается и обыкновенные болезни показать чумными...». По свидетельству Грейга «...В течение 5 месяцев люди не слышали, чтобы болели и умирали естественной смертью, а кто бы ни заболел в командах или на дому — объявлялись за чуму» [4, л. 1–28].

Наступление холодов, отсутствие топлива, недостаточное питание и недоброкачественные продукты повлекли увеличение заболеваемости и, как следствие, смертности. Это послужило поводом для признания в городе чумы. Однако 1 декабря 1829 года Медицинский совет отверг существование чумы. Объективное мнение Медицинского совета не смутило местное карантинное начальство и М.С. Воронцова. Однако со стороны Воронцова были предприняты попытки узнать истинное положение дел в городе Севастополе и оказать помощь. Он направил предписание губернатору Таврической губернии Казначееву позаботиться о снабжении города. Воронцов писал: «...если имеется нужда — пособить Севастополю дровами за справедливую плату». Однако Казначеев в рапорте от 9 декабря 1829 года возразил: «Город со времени учреждения карантинной линии никогда не терпел и не терпит такой крайности». Хотя и не отрицал «возвышения цен от ранней зимы и дурных дорог» [4, л. 1–68].

Новый военный генерал-губернатор Севастополя генерал-адъютант Столыпин, которого современники характеризовали как «бездеятельного, безвольного», всецело доверял своим подчиненным. В первую очередь это были назначенные губернатором Казначеевым председателем комиссии «по погашению чумы в Севастополе» инспектор Таврической врачебной управы Ланг и штаб-лекарь Верболозов, которому, согласно его собственному утверждению, принадлежала «заслуга» открытия в Севастополе чумы [4, л. 1–68].

Врачи, утверждавшие наличие чумы в городе, создали свой медицинский совет, который признал существование чумы и ввел новые профилактические меры: город был закрыт, разделен на 9 зон (однако Грейг в письме императору указывает 5 зон), еще более ужесточены карантинные меры, создавшие серьезные проблемы для беднейших слоев населения, запрещено свободное передвижение и общение, кроме должностных лиц (медицинский персонал, поставщики продовольствия, торговцы). Из переписки А. Грейга с императором Николаем I следует, что имелись доносы от команды Воронцова на действия

А. Грейга. В письме от 11 ноября 1929 года Грейг указывает: «Я ни в коем случае не думал ослаблять карантинные правила, как по видимому донесено было Вашему Императорскому Величеству. Напротив всегда наблюдал о исполнении строжайших мер к недопущению заразы не только в пределы Империи, но и на флоте» [4, л. 31].

Однако семя сомнения было посеяно. Также начались доносы на адмирала Грейга по поводу злоупотреблений во флоте на предмет плохого снабжения продовольствием на кораблях. По поручению императора контр-адмирал Беллингаузен и капитан 2 ранга Корсаков провели ревизию в Севастопольском порту. Злоупотреблений практически не было выявлено, кроме найденных недоброкачественных сухарей на фрегате «Флора». А. Грейг сообщал императору: «...показания Корсакова неосновательны, ...подрядческий хлеб по необходимости завозится в казенные магазины, что забракованная солонина не могла быть отпущена, что малость негодного такелажа не была отдана на казенный завод и т. д.», далее сообщал, что «...препроводительными рапортами частных командиров ясно отмечается неисправность доноса, ибо на всех судах, кроме фрегата Флоры, где часть сухарей попортилась от особенных причин провизия оказалась доброкачественной» [4, л. 21–24].

В городе образовалось противостояние и две команды — А. Грейг со своими единомышленниками и М. Воронцов со своими сторонниками.

По поручению М. Воронцова в Севастополе была создана своя комиссия «на предмет продовольствия» под председательством генерал-майора Примо. Население бесплатно, хотя и в недостаточном количестве, обеспечивалось дровами, продовольствием и лекарствами. Совет ограничил доступ врачей к чумным больным, кроме четырех: Ланг, Шрамков, Верболозов и Валявский. Об этом указывают как архивные документы, так и свидетельства современников. Несмотря на то, что они осматривали заболевших чумой, никто из них не пострадал. Как указывает исследователь А. Полканов, это был единственный пример в истории чумных эпидемий [6, с. 36].

Неправильная диагностика, нетрадиционные методы лечения, как-то репрессивное купание зимой в море, привело к увеличению смертности среди населения города от горячки. Действительно, в метрических записях Адмиралтейского Николаевского собора в январе 1830 года зафиксировано самое большое количество умерших — 73 смертных случая, из которых 16 дети: 29 умерло от поноса, 15 — от горячки, 3 от водяной, но ни одного случая от чумы. В последующие месяцы количе-

ство умерших составило: февраль — 27, март — 23, апрель — 19, май — 15, июнь — 26 [1].

Анализ частично сохранившихся метрических книг позволил выявить только одну запись о смерти от чумы — 13 мая 1830 года прапорщика севастопольского военного карантина 50-летнего Андрея Семенова [1, л. 48].

Однако данный диагноз можно подвергнуть сомнению. Это подтверждают и выводы исследователя А. Полканова, и исследования документов, хранящихся в фондах РГАВМФ. В исторической записке о событиях в Севастополе 3 июня имеется выписка в виде таблицы с указанием умерших и выживших в карантине. Так, в январе 1830 года общее количество заболевших составило 307 человек, умерших — 110, выздоровевших — 197, что составило 60% [4, л. 48]. «Картина, совершенно исключая наличие действительной чумы» [6, с. 39]. То, что смертность находилась в прямой зависимости от условий содержания больных и методов их лечения, доказывают не только протоколы Медицинского совета, но и письменные свидетельства Грейга, Сальти, воспоминания доктора Закревского, заведовавшего противочумными мероприятиями в Корабельной слободе под непосредственным начальством Ланга, и других современников [3; 4, л. 1–68].

По мнению специалиста по чуме профессора С.М. Щастного чумы в Севастополе не было, так как в условиях содержания и купания в море она неизбежно приняла бы форму легочной чумы и скосила бы весь город. В специальной литературе по истории чумных заболеваний имеются указания на чуму в 1827–1829 годах в Румынии, Бессарабии и Одессе, однако нет упоминания о Севастополе [6, с. 42].

Карантин держали до 27 мая 1830 года, а для Корабельной слободки продлили еще на 7 дней. Но и после его окончания начальство приказало вывести жителей слободки за город и продлило карантин еще на 2 недели. Эта мера была вызвана стремлением изолировать население самой «бунтарской» (так она называлась в архивных документах) слободки от населения других частей города. Тем не менее, восстания в Севастополе избежать не удалось.

Вечером 3 июня по набату колокольной Адмиралтейского собора жители с криками «ура» двинулись к дому временного военного генерал-губернатора Столыпина, адмиралтейству и Собору. К мятежникам примкнули матросы флотских экипажей, 17-го и 18-го рабочих экипажей и рабочие военного ведомства. Многие авторы, исследовавшие севастопольский бунт (Полканов, Гаврилов, Семин и др.), указывают, что восстание

было заранее спланировано и возглавлено «Доброй партией». Однако документы, хранящиеся в личном фонде Грейга в РГАВМФ, опровергают эти сведения.

Доведенные до отчаяния повстанцы 3 июня убили Столыпина, а вместе с ним еще нескольких чиновников [5, л. 27 об.]. Об этом сохранилась запись в метрической книге Адмиралтейского Николаевского собора, хранящейся в Государственном архиве г. Севастополя. Кстати, Николай Столыпин был родным братом бабушки М.Ю. Лермонтова. Кроме Столыпина были убиты карантинный инспектор 60-летний генерал Степан Стулли и бригадный командир 48-летний полковник Степан Воробьев [1, л. 48 об.–49].

Ранее, 11 марта 1830 года, имеется запись об убитом лейтенанте Дмитрие Делаграмматике матросом 13-го ластового экипажа. То есть, отдельные случаи неповиновения и негодования случались и ранее, поэтому нельзя утверждать об организованном бунте, скорее этот случай указывает на стихийный характер восстания [2, л. 66; 3].

К 22 часам мятежники захватили весь город. Они разгромили дома и квартиры 42 чиновников и офицеров, избили плац-адъютанта военного губернатора Родионова. Вся полиция бежала из Севастополя. Войска гарнизона (860 человек при трех пушках) отказались подавлять бунт. Комиссар Батищев, капитан Матусевич, штабс-капитан Перекрестов, лейтенант Энгельгардт, прапорщики Дмитриев, Кулаков и многие другие офицеры сочувствовали восставшим. У руководителей «комиссии по погашению чумы», включая контр-адмирала Скаловского, организовавшего карантинное оцепление, коменданта города генерал-лейтенанта Турчанинова и городского голову И. Носова, были взяты подписки о том, что «никакой чумы в городе не было». Четвертого июня комендант Турчанинов издал по требованию народа следующий приказ: «Объявляю всем жителям города Севастополя, что внутренняя карантинная линия в городе снята, жители имеют беспрепятственное сообщение между собой, в церквях богослужение дозволяется производить, и цепь вокруг города от нынешнего учреждения перенесена далее на две версты». Свою победу над произволом администрации жители Севастополя отметили молебном и крестным ходом.

В фондах ГАГС был найден интересный документ, который не описан ни в одном источнике, ни одним исследователем. В рапорте А. Казначеева М. Воронцову от 5 июня 1830 года значилось: «В буйстве и умерщвлении участвовали действительно матросские жены; говорят однако же, что в числе их были мужчины одетые в женское пла-

ть. После злодеяний мятежники заставили священника служить молебен, потом ходили по улицам с образами и хоругвями. Пехотные войска отдавали им честь. Из числа 6 батальонов в Севастополе среди них орловский батальон ведет себя хорошо; прочие участвуют иногда в грабежах, а большею частию ничего не делают» [3].

По свидетельствам исследователей в большинстве своем беднейшая часть населения участвовала в восстании, главным образом, из чувства ненависти к «своим притеснителям во время чумы» и, найдя выход своему гневу, в ночь на 4 июня постепенно вернулась к обычным будничным заботам. В различных источниках имеются разночтения по поводу прекращения бунта. 12 августа следственная комиссия докладывала императору о том, что «бунт не прекращен, а прекратился сам собой».

Однако архивные документы свидетельствуют, что бунт «прекратился» не 5 июня, когда в город были введены первые войска, а 7 июня, об этом неоднократно в своих рапортах упоминает А. Грейг, прибывший из Николаева [4, л. 1].

11 июня Грейг издал приказ по командам и городу, в котором призывал: «...виновных явиться добровольно к начальству и чистосердечным признанием и раскаянием, обещал им предстательство пред Всемилостивейшим Государем, о смягчении их участия или о самом прощении, кроме зачинщиков мятежа и злодеев дерзнув их обагрить руки свои в крови Императорского наместника и других чиновников» [4, л. 2–2 об.].

А. С. Грейг обещал наказать карантинных чиновников и помиловать всех, кроме зачинщиков и убийц.

Независимо от добрых намерений Грейга население было обмануто. В Исторической записке по поводу возмущения 3 июня, хранящейся в РГАВМФ, указывается на тайные доносы, порочащие А. Грейга, посылаемые из Севастополя императору в Санкт-Петербург.

Как следствие, вышел приказ императора о неограниченных полномочиях М. С. Воронцову, а Грейгу предписывал «состоять по сему случаю в начальстве у графа Воронцова и исполнять все распоряжения его... графа Воронцова командировать к Севастополю и куда надобность потребует достаточное число войск от состоящих в заведывании графа Витта...» [4, л. 1–65].

Стали стягивать к Севастополю войска. Гражданский губернатор Казначеев вызвал из Феодосии 12-ю дивизию генерала Тимофеева, прибывшую с театра военных действий.

Воронцов не рискнул прибыть в сам Севастополь, а поселился на Северной стороне.

А. Грейг, приехав в Севастополь, встретился с населением. Его окружила «толпа народа», в том числе и малолетних детей и голодных женщин, жалующихся на «изнурительный карантин» [4, л. 1].

После вступления в город надежных частей дивизии «боевого» генерала Тимофеева началась расправа.

Над выяснением обстоятельств дела работали следственные комиссии: одну возглавлял сам Воронцов, вторая была организована Грейгом и называлась она «по приему жалоб разных лиц морского ведомства и жителей на карантинное управление во время бывшей в Севастополе чумы в 1830 г.».

Комиссию, назначенную приказом Грейга 11 июня, возглавил капитан 1 ранга Патаниоти. Приказом от 12 июня Воронцов назначил в комиссию своего представителя — майора греческого Балаклавского батальона Качони [5, л. 1 об.].

Состав комиссии постоянно менялся, однако она собрала много доказательств грубейшего произвола и беззакония со стороны чиновников, притеснения со стороны властей. В комиссию были сданы свидетельские показания о бесчеловечном поступке «мортусов» с умершею от родов вдовою Христиною Фгученковою, о противозаконных поступках Качони и аудитора Рыжкова, о докторе Верболозове, который склонял к сожительству жену унтер-офицера Кириллова, о недостатке продовольственных пайков, о купании населения в море и др. [5, л. 4].

В исторической записке значится: «...Некоторых женщин умерших от родов, но признанных за чумных мортусы таскали днем через весь город в самом позорном положении, не омыв их от кровей. И почти нагих привязанных и окровавленных младенцев» [4, л. 11].

Представитель Воронцова майор Качони прибыл в комиссию 29 июня, а 18 июля вынес тайно рапорт, подготовленный императору о положении жителей Корабельной стороны, и, объявив себя больным, отказался от заседаний в комиссии [4, л. 7].

Как указывают письма Меньшикова, Толстого и др., «комиссия Грейга могла открыть многое, т.к. было собрано много жалоб, но она была закрыта Воронцовым 19 июля» [5, л. 28 об.].

Воронцов заменил комиссию Грейга другой, во главе с Г. В. Гинтовном, и это «...неволью поражает всякого, произвольно разрушивши комиссию вдруг одному лицу предоставлять все права оной, одно лицо полагают достаточно там, где многие ошиблись» [5, л. 28 об.].

Возможно, если бы делу был дан законный ход тогда, не произошло бы последующих траги-

ческих событий. По настоянию графа Воронцова комиссию обвинили в превышении полномочий и распустили, протоколы аннулировали, но вторая комиссия во главе с графом А. П. Толстым не только подтвердила выводы первой, но и отказалась подписывать фальсифицированные протоколы о числе «умерших от чумы».

То, что выявила комиссия А. Грейга о злоупотреблениях гражданских чиновников, было не выгодно Воронцову, а так как главными участниками восстания были матросы флотских и рабочих экипажей — это компрометировало Главного командира ЧФ и портов Грейга.

Примечательно то, что в отличие от Воронцова А. Грейг добивался полного оправдания восставших севастопольцев, поскольку чувствовал в происходящем и большую долю собственной ответственности. Он неоднократно обращался к императору с просьбой о помиловании офицеров, которые были приговорены к смертной казни. «...Почитаю дело сие весьма спорным и опасаясь ответственности, как изъявления моего согласия, так и препятствование исполнению распоряжений... Воронцова, я осмеливаюсь придать сие обстоятельство всеподданнейше на благоусмотрение Вашего Императорского Величества, о чем уведомил и Одесского градоначальника отношением с сего копий подносимых» [5, л. 15 об.]. Далее прилагался список офицеров, где о каждом Грейг писал, что знает этих офицеров с хорошей стороны: «...кои долговременно и усердно, или отлично службою своею лично мне известны, и которые судя по выражению: за неисполнение своих обязанностей без всякого участия в злонамеренных действиях возмутителей, так токмо имели несчастье соделаться виновными, что среди беспорядков и заблуждении буйной черни, не нашлись удержать в повиновении людей» [5, л. 18–30].

В личном фонде Грейга в РГАВМФ сохранились письма императору с просьбой о помиловании многих нижних чинов морского ведомства и жителей, высланных за пределы Севастополя. В одном из писем сообщалось: «...они (*жители* — прим. авт.) ведут в окрестностях Севастополя беспризорную жизнь, снискивают себе пропитание испрошением подавания и распутством, они умоляют... к соединению их с мужьями и дозволении до того местожительства в Севастополь». Далее Грейг писал, что многие уже умерли от холода и голода и просил пощадить оставшихся в живых [5, л. 19–19 об.].

Однако после расправы над восставшими были проведены «суды офицерской чести» над

высшим военным руководством города. Суды постановили «изгнать из армии и исключить со службы» всех высших офицеров, принявших участие в организации «чумного карантина» в Севастополе, включая коменданта Севастополя, командующего войсками генерал-лейтенанта Турчанинова, который, помимо обвинений в казнокрадстве, был осужден «за трусость и попустительство».

Противостояние между Грейгом и Воронцовым продолжалась 3 года, об этом свидетельствует переписка между Грейгом и Воронцовым, рапорты императору, переписка Меншикова с Грейгом и Воронцовым, и, наконец, материалы, переданные в Комитет министров. 3 года шли разбирательства жалоб Грейга и Воронцова. Вот что написано в выписке из журнала Комитета министров от 30 октября 1833 года: «...Грейг обвиняет Воронцова, как главного местного начальника распространителя карантинных мер, которые в 1830 г. были предприняты в Севастополе против чумы. Граф Воронцов обвиняет начальников морских». Комитет прямо утверждает: «Граф Воронцов и Адмирал Грейг по занимаемому званию каждый из них имеет право на равную степень веры, а потому ни одному из них не верит: Воронцову в обвинениях морского ведомства, а Грейгу в обвинениях гражданского. ...Посему Комитет, согласно заключению Министра Внутренних дел, полагает настоящим делом почесть оконченным и оставить без всяких дальнейших последствий. Государь Император положение Комитета высочайше утвердить соизволил» [4, л. 61–66].

Однако нельзя не отметить и далее сочувственного отношения Грейга к участникам севастопольского восстания. Он пишет на имя императора историческую записку, копия которой хранится в фондах РГАВМФ, и это свидетельствует о том, что подлинник все-таки был отправлен императору. В ней А. Грейг описывает все происходящее в Севастополе, излагает причины бунта, считая, что это жестокие карантинные меры, введенные графом Воронцовым, а также незаконие и произвол чиновников. Это было доказано свидетельскими показаниями матросов, солдат, и населения (украдены из канцелярии Качони), однако Воронцов, стремясь отвести от себя ответственность, отменил действия А. Грейга, а самого его отстранил от расследования дела.

Авторы сделали вывод, что более важным для императора стало скорейшее наведение порядка в севастопольской крепости, а какими методами — это уже другой вопрос. Николай I принял сторону своего наместника М. С. Воронцова.

Роль М. Воронцова была велика не только в подавлении восстания, но и казнях. Через конфирмацию графа Воронцова прошли все осужденные, и только после этого списки подавались на утверждение императору, который оказался более толерантным. В результате из 626 человек, приговоренных к смертной казни, казнили только семь. Первые казни были совершены публично 11 августа 1830 года по распоряжению Воронцова одновременно в трех концах города: у Корабельной слободки, у Артиллерийской бухты и у шлагбаума, т. е. у места жительства наиболее активных участников восстания в целях их устрашения.

Следует также отметить, что за подавление восстания многие гражданские чиновники из команды М. Воронцова были отмечены наградами. Самую высшую получили непосредственные усмирители простого люда — генерал Тимофеев и князь Херхеулидзе. Оба получили пожизненную аренду, что выражалось в нескольких десятках тысяч дохода в год. Более двухсот человек офицеров и унтер-офицеров, а также карантинные и медицинские чиновники получили различные награды.

Таким образом, севастопольское чиновничество в дополнение к незаконному обогащению во время карантина получило и «законное» вознаграждение от императора. Награды раздавались щедро, и зависело это от благорасположения высших ведомственных начальников, которые получили право представлять и аттестовать своих чиновников.

Из команды А. Грейга к наградам представлений не было, а сам адмирал вскоре, после окончательного разбирательства по делу «чумного бунта» и вынесенного Комитетом министров

вердикта, в 1833 году был переведен с должности Главного командира Черноморского флота и портов в Санкт-Петербург, по мнению авторов, не случайно.

Дореволюционные авторы пытались представить восстание в Севастополе в виде «бабьего бунта», в советской историографии события в Севастополе трактовались как «одна из ярких страниц истории освободительной борьбы в России».

Неверные идеологические выводы из истории с фальшивым «чумным карантинном» позволили списать произвол местных властей, пользовавшихся полным доверием у М. С. Воронцова, на «Николаевский режим».

Однако исследования архивных документов и объективная оценка событий свидетельствуют, что никто из восставших не имел никаких политических требований. Напротив, в ходе восстания собирались доказательства взяточничества и коррупции «комиссии по погашению чумы», создания невыносимых бытовых условий населению с целью личного обогащения. М. Воронцов применил слишком радикальные меры в этом вопросе, что можно объяснить высокой государственной должностью и оторванностью от тех должностных лиц, которые знали истинное положение дел, но, воспользовавшись доверием Воронцова, использовали свое положение для обогащения.

Взрыв социального негодования в Севастополе выявил важную особенность государственного управления: нельзя спускать на региональный уровень бесконтрольное выполнение общегосударственных задач по жизнеобеспечению всего населения страны. Это неминуемо приведет к грубейшим злоупотреблениям властью. Так и произошло в Севастополе.

Источники и литература:

1. Государственный архив г. Севастополя (ГАГС), ф. 23, оп. 1, д. 10.
2. ГАГС, ф. 35, оп. 1, д. 1.
3. ГАГС, м/п 1186.
4. Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ), ф. 8, оп. 1, д. 17.
5. РГАВМФ, ф. 8, оп. 1, д. 21.
6. *Полканов А. И.* Севастопольское восстание 1830 года. — Симферополь, 1936.

АДРЕС-КАЛЕНДАРИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ О ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.

Адрес-календарь — известный и широко используемый источник по истории дореволюционной России. Чаще всего к нему обращаются генеалоги и биографы как к уникальному собранию тысяч имен известных, малоизвестных и вовсе неизвестных лиц. Совсем иной взгляд на это издание фактически закреплен в библиографии, где его принято относить к календарям. Между тем, прежде всего это справочник по государственным учреждениям. Само возникновение адрес-календаря во второй половине XVIII века и его последующая эволюция тесно связаны со становлением абсолютизма в России, с постепенным усилением бюрократического начала в управлении.

С самого начала адрес-календарь — это официальное периодическое справочное издание, отражающее структуру и личный состав государственных учреждений. Так, полное заглавие первого выпуска было: «Адрес-календарь российский на лето от Рождества Христова 1765, показывающий о всех чинах и присутственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит». Однако это название уже в 1768 году было заменено более четким — «Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве», в котором немецкое слово «адрес-календарь» было переведено на русский язык. Впоследствии, уже в XIX веке, заглавие менялось еще несколько раз, но, независимо от того, что стояло на титульном листе, издание продолжали именовать адрес-календарем даже в делопроизводстве и законодательстве.

Издание адрес-календаря вначале было поручено Академии наук и лишь с 1868 года передано Департаменту герольдии Правительствующего Сената. Дело в том, что в 1727–1865 годах Академия пользовалась исключительным правом издания календарей. Ежегодно академическая типография печатала разных календарей — «ординарных», стенных, карманных, придворных — десятки тысяч экземпляров. Но составление адрес-календаря было делом совершенно особым. Непосредственно оно курировалось административно-хозяйственным управлением Академии наук: в XVIII веке это была Канцелярия, а с 1803 года Комитет Правления. Каждый год «о напечатании адрес-календаря» в бухгалтерском столе заводи-

лось особое дело. В таких делах откладывались преимущественно документы финансовой отчетности: рапорт фактора типографии, записка о выдаче вознаграждения издателю и др.

При императоре Павле, в 1797–1801 годах, издание не выходило. Но тем интереснее его возрождение в начале XIX века на фоне государственных реформ Александра I. В настоящее время выявлены дела по двенадцати выпускам: на 1803–1805, 1807–1811, 1813, 1814, 1818 и 1821 годы [16, с. 212–215]. Эти материалы позволяют выделить некоторые узловые моменты истории адрес-календаря 1801–1825 годов.

Возобновление издания было санкционировано указом 14 июня 1801 года «О предметах, кои в календарях помещать надлежит», второй пункт которого гласил: «Месяцослов с росписью чиновных особ в Государстве печатать в таком точно виде, как оный издаваем был до 1797 года с именами и отчествами чиновников; но Губернии для удобнейшего отыскания поставить или алфаветным порядком, или же с разделением на три известные полосы» [4, с. 697–698]. Однако еще летом 1800 года по приказу Павла I тайным советником Ф. М. Брискорном был составлен «Санктпетербургский адрес-календарь» [16, с. 250]. В сентябре он был напечатан и поступил в книжную лавку, но император остался недоволен этим изданием, «в коем противу должного порядка находится много погрешностей», и приказал изъять его из продажи [10, л. 20, 21]. Из 1042 экземпляров к 12 ноября 1800 года было продано только 37 [10, л. 14–15, 22]. Тем не менее, уже 26 ноября Канцелярии Академии наук была объявлена «Высочайшая Государя Императора воля об издании на следующий 1801 год Адрес Календаря новым расположением по алфавиту» [9, л. 2]. Второе издание «Санктпетербургского адрес-календаря» было подготовлено унтер-библиотекарем академической библиотеки П. И. Соколовым [9, л. 16, 37, 38] и отпечатано в январе 1801 года тиражом 2530 экземпляров [9, л. 39–39 об.]. По существу это издание явилось сокращенной модификацией «месяцослова с росписью», но продолжения оно не имело: адрес-календарь на 1802 год вышел в прежнем, екатерининском виде, под прежним заглавием, подготовленный прежним составителем И. В. Мейсманом при участии П. Кедрина [8, л. 42].

В первые три года по возобновлении структура справочника не претерпела серьезных изменений. Но 19 сентября 1804 года академик А. К. Шторх представил Конференции Академии наук особую записку о реформе адрес-календаря, в которой впервые были сформулированы общие требования к нему как к официальному изданию [6, л. 118–118 об.]. Суть их заключалась в том, что структура подобного издания (автор ссылался и на европейские аналоги) должна в точности воспроизводить всю систему государственного управления [7, л. 4 об.–5]. Предложенный Шторхом новый план был сразу одобрен. Товарищ министра внутренних дел гр. П. А. Строганов (министром был В. П. Кочубей) «соблаговолил принять на себя получение Высочайшего утверждения» этого плана [6, л. 118], а президент Академии Н. Н. Новосильцев фактически взял подготовку адрес-календаря под личное наблюдение [11, л. 2, 34, 82]. Возможно, инициатива реформы исходила от кого-то из участников бывшего Негласного комитета.

Составление адрес-календаря на 1805 год по предложению Новосильцева было поручено секретарю Герольдии Г. Т. Мальгину [11, л. 2]. К старому заглавию было добавлено еще одно, подчеркивающее основное содержание книги: «Месяцослов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи». Но изменение плана издания вызвало затруднения, и этот адрес-календарь вышел из печати лишь в мае 1805 года [11, л. 84–84 об.]. В «Предупреждении» было сказано: «Императорская Академия Наук, при сочинении Адрес-Календаря желая, не только сделать сей общепользительный указатель всем Присутственным местам в Российской Империи удобнейшим для людей должностных, но и составить из оного источник для подробнейшего познания России в Политическом ее устройстве, старалась в его расположении соблюсти, сколько возможно более, систематический порядок. При сем первом опыте нельзя было достигнуть совершенно сей цели, чему были причиною от части недостатки в доставленных от некоторых Департаментов списках о местах, в ведомстве их состоящих, по чему Академия просит всех Господ Начальствующих в Департаментах, к будущему году дополнить сии недостатки» [2]. С 1806 года объем справочника вырос настолько, что его пришлось разделить на две части: центральные и местные учреждения.

Дальнейшие изменения содержания были вызваны очередным витком административных реформ. В феврале 1810 года Шторх отредакти-

ровал раздел, посвященный Государственному Совету [12, л. 273–274 об.], а в октябре Комитет Правления Академии наук обратился в Конференцию с просьбой внести в «прежнее начертание Адрес-Календаря, сделанное Г-м Академиком Шторхом», перемены, «коих требует новое образование Министерств и их Департаментов» [12, л. 643]. 15 января 1811 года Шторх представил Конференции перечень исправлений, но в заключение заметил, что «Комитет поступил бы надежнее, если б приказал списать Оглавление Адрес-Календаря прошлого года с учиненными в сем представлении замечаниями и предложить Его Превосходительству Господину Сперанскому, для узнания от него, сообразно ли сие начертание с внутренним устройством Государства» [13, л. 655–656].

Эти изменения совпали и с назначением нового составителя: 15 ноября 1810 года им был определен унтер-библиотекарь и издатель «Санктпетербургских ведомостей» коллежский советник П. И. Соколов [19, л. 647]. При нем, начиная с 1811 года, в адрес-календаре стала указываться точная дата получения списка от каждого учреждения и каждой губернии. Тогда же было запланировано еще одно важное усовершенствование — издание полугодовых прибавлений о переменах в чиновниках. В указе 19 июля 1811 года было предписано, «чтобы о случившихся после Декабря в течение полугода новых переменах, таковые списки доставляемы были к июню месяцу, по прошествии коего ежегодно будут оные от Академии издаваемы в виде прибавления» [5, л. 814–815]. Известны такие прибавления на 1812–1816 и 1822–1825 годы, но вскоре их издание прекратилось. Сохранились документы о выпусках 1813–1815 годов. Кроме того, архивные материалы подтверждают, что по специальным распоряжениям министра народного просвещения прибавления на 1820 и 1821 годы «по причине недостаточности» не печатались [14, л. 21–21 об., 106]. Благодаря прибавлениям усилился периодический характер издания, а его информация стала более оперативной.

В таком виде адрес-календарь просуществовал до конца 1820-х годов, и только в 1817 году имело место отступление от заведенного порядка. Еще Н. П. Собко в свое время писал, что не нашел адрес-календаря на этот год ни в одной из крупнейших библиотек России [17, с. 6, 53]. Тем не менее, этот пробел не отмечен в больших тематических библиографиях [18, с. 153]. Но существовал ли вообще адрес-календарь на 1817 год? 12 июня 1817 года исправляющий должность

министра народного просвещения кн. А. Н. Голицын направил Комитету Правления Академии наук следующее предписание: «Государь Император, желая сделать перемену в порядке распределения в Адрес-Календаре помещаемых в оном мест и лиц, Высочайше повелеть соизволил, приостановить издание сего Календаря впредь до времени» [14, л. 413]. В журнальной записи от 14 июня уточнялось, что речь идет «о приостановлении издаваемого на сей год календаря». Очевидно, именно в силу этого распоряжения адрес-календарь на 1817 год (а, следовательно, и прибавление к нему) так и не был издан. Однако новая реформа не состоялась, и 29 октября 1817 года уже другой исправляющий должность министра О. П. Козодавлев извещал Комитет: «Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил, чтобы Адрес-Календарь напечатан был обыкновенным доселе порядком на будущий 1818 год» [17, л. 415]. Он вышел в феврале 1818 года.

Во всех вышеуказанных адрес-календарях имеются сведения об учреждениях и должностных лицах Черноморского флота и Севастополя. На региональном уровне эти сведения были включены в «Новороссийский календарь на 1839 год» издававшийся при Ришельевском лицее в Одессе [13]. В календарь частично включены начальствующие лица, а также статистическое обозрение города, сведения об организациях народного просвещения, о количестве пришедших и отошедших судов в порты Черного и Азовского морей. На протяжении второй половины XIX и начала XX века в Таврической губернии было несколь-

ко видов справочных изданий: «Таврический календарь», «Памятная книжка Таврической губернии», «Адрес-календарь и справочная книга Таврической губернии», «Календарь и памятная книжка Таврической губернии». Севастополь в этих изданиях был представлен сведениями о территории, населении, промышленности, имелись сведения о Балаклаве.

В Севастополе издание адрес-календаря Севастопольского градоначальства было предпринято в 1908 году. Севастопольский купец 1-й гильдии, помощник старосты купеческого общества, член Таврической ученой комиссии, присяжный заседатель и член многих общественных организаций Арон Яковлевич Гидалевич разослал по почте извещения во все учреждения с просьбой сообщить сведения о них [1]. Не все учреждения откликнулись на эту просьбу, и А. Я. Гидалевич многие данные собирал сам. В результате этой работы был подготовлен «Адрес-календарь на 1908 год. Описание и путеводитель по Севастопольскому градоначальству». Издан он был в Севастополе, в типографии «Прогресс», принадлежащей А. Я. Гидалевичу. Его стоимость была 25 копеек. Несмотря на желание издателя подготовить такой адрес-календарь на 1909 год, переиздать его не удалось, и следующие адрес-календари были изданы в 1910, 1911 и 1913 годах.

Адрес-календари — одно из старейших русских официальных изданий, имеющее полуторавековую историю. Их изучение позволило нам исследовать структуру государственных учреждений и ввести в научный оборот новые, до последнего времени не известные имена.

Источники и литература:

1. Адрес-календарь на 1908 год. Описание и путеводитель по Севастопольскому градоначальству. — Севастополь, 1908.
2. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1805. — СПб., [1805].
3. Новороссийский календарь. — Одесса, 1838.
4. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. XXVI. — № 19915.
5. ПСЗ. Т. XXXI. — № 24730.
6. Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (ПФА РАН), ф. 1, оп. 1-а, д. 15.
7. ПФА РАН, ф. 1, оп. 2, д. 25.
8. ПФА РАН, ф. 3, оп. 1, д. 59.
9. ПФА РАН, ф. 3, оп. 21, д. 5.
10. ПФА РАН, ф. 3, оп. 21, д. 47.
11. ПФА РАН, ф. 3, оп. 21, д. 65.
12. ПФА РАН, ф. 4, оп. 2, кн. 25.
13. ПФА РАН, ф. 4, оп. 2, кн. 32.
14. ПФА РАН, ф. 4, оп. 2, кн. 44.
15. ПФА РАН, ф. 4, оп. 2 (доп.), д. 845.
16. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. IV. Периодические и продолжающиеся издания. — М., 1966.
17. Собко Н. Русские и славянские календари и месяцесловы за 100 лет (1725–1825). — Берлин, 1880.
18. Справочники по истории дореволюционной России: Библиогр. указ. — Изд. 2-е, пересмотр. и доп. — М., 1978.

МЕДИЦИНА И МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА. АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ

В 1-й половине XIX века в Севастополе действовали 3 православных культовых храма: Севастопольская соборная Адмиралтейская Николаевская и придельная Владимирская церкви, Севастопольская морская госпитальная Петропавловская церковь и греческая Петропавловская церковь (на городском холме). Первые две выше-названные церкви находились в ведении Армейского благочиния, греческая Петропавловская находилась в ведении Херсонской духовной консистории.

Так как гражданское население Севастополя составляло примерно седьмую часть от военных и насчитывало от 246 человек в 1792 году [8, с. 32] до 6,5 тысяч человек в 1846 году [10, с. 158], то работа проводилась в первую очередь с метрическими книгами Петропавловской церкви морского госпиталя, где регистрировались в большинстве случаев военнослужащие. К сожалению, отсутствуют метрические книги со дня основания Севастополя и за первые два десятилетия XIX века. Из-за их отсутствия не представляется возможным представить сведения о чуме 1812 года.

Вопросы здравоохранения 1-й половины XIX века затрагиваются частично в «Военно-статистическом обозрении Российской империи. Таврическая губерния», изданном в 1849 году 1-м отделением Департамента Генерального штаба. К особым военным учреждениям, «служащих для предохранения южных границ империи от чумной заразы», как утверждается в этом издании, относятся карантинные стражи. В Севастополе такие функции выполняла рота в Севастопольском карантине. «Пограничная стража, которой главное назначение есть таможенный надзор, содействует также карантинной страже, к охранению берегов от внесения чумной заразы» [1, с. 41]. В этом же обозрении указывается, что в Севастополе «главнейшие болезни были: лихорадка, нервная горячка, поносы простые и натуральные; а на детях скарлатина» [1, с. 221]. Действительно, вспышка скарлатины хорошо просматривается зимой 1848 года, когда в январе умерло 16 детей из 29 умерших, зарегистрированных в Адмиралтейском соборе, что составило 55%. В феврале этот процент снизился до 41%, в марте — 26%, апреле — 20%. В июне от скарлатины умерло только 2 человека, но зато город охватила эпиде-

мия холеры [6]. Именно в июне было зарегистрировано самое большое количество умерших от холеры по двум церквям — 447 человек, в июле — 98, в августе 14 (в Петропавловской (на холме) ни одной записи нет). Всего летом 1848 года от холеры умерло 643 человека, что составило 45% от общего количества умерших. По метрическим книгам выявлена также эпидемия холеры в 1833 году, когда умерло 155 человек (18,5%).

Морской, а затем городской врач Н. И. Закревский оставил замечательные воспоминания о Севастополе начала 1830-х годов, в том числе о «чумном бунте». Эти воспоминания опубликованы в Морских сборниках в 1861–1864 годах. Они ценны описанием Севастополя того времени, изобилуют бытовыми сценами, донесли до нашего времени сведения о различных должностных лицах, как военных, так и гражданских. И, что характерно, послужили впоследствии основанием для написания различных материалов, касающихся «чумного бунта» [9, с. 289–312].

Наиболее серьезной работой по вопросу «чумного бунта» 1830 года, написанной на основании архивных источников, является книга члена Общества Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории и этнографии А. И. Полканова «Севастопольское восстание 1830 года», изданная в 1936 году. Несмотря на то, что материал «чумного бунта» представлен в духе времени и политики страны 1930-х годов, автор публикует много документов из фондов Военного и Морского ведомств и фонда адмирала А. С. Грейга из Российского государственного исторического архива. Из этой работы стало известно о существовании единственной дореволюционной работы Хартахая «Женский бунт в Севастополе», опубликованной в 1861 году в 10 номере журнала «Современник» [12, с. 4]. А. Полканов, вступая в дискуссию с Хартахаем, пишет: «Задача Хартахая была — умалить и дискредитировать Севастопольское восстание и стараться доказать, что оно, «вовсе не отличаясь политическим характером, не отличаясь серьезным размером и не представляя даже никаких особенных ужасов», было простой «вспышкой» обычного чумного «бабьего и детского бунта», направленного против докторов» [12, с. 5]. Но работа А. Полканова направлена доказать не медицинский аспект событий 1830 года, а политический, направлен-

ный на «расшатывание самих устоев царского самодержавно-крепостнического строя».

По утверждению автора, во флоте не было случаев чумы, а было много случаев цинги, тифа и др. Но анализ метрических книг за 1-ю половину XIX века, а в частности Петропавловской церкви морского госпиталя, которая была взята за основу для анализа смертности, показывает, что число случаев смерти от цинги или тифа чрезвычайно мало. Скорее всего, данные о случаях цинги и тифа были сильно преувеличены. Сведения о смертных случаях от тифа стали появляться с 1845 года, когда был зарегистрирован 1 случай смерти, и 8 человек умерли от тифа в 1848 году. По утверждению доктора медицины Николая Прусакова, защитившего в 1869 году диссертацию по теме «Медико-топографическое описание Севастополя», соотношение заболевших тифом к умершим от него составляет 1:8 [11, с. 72]. Тогда можно предположить, что с 1845 по 1850 год тифом болело всего 192 человека, так как зарегистрировано 24 смертных случая. Сведения о вспышках цинги со смертельным исходом имеются в метрических книгах за весь период, но наибольшее количество умерших от цинги зафиксировано в 1833 году — 61 человек, в 1834 году — 50 человек, в 1840 году — 30 человек. По одному человеку умерло от цинги в 1822, 1837, 1847 годах.

К сожалению, отсутствие метрических книг Петропавловской церкви морского госпиталя за 1827–1832 годы не позволяет проследить случаи смертности от чумы в 1830 году. Анализ метрической книги Адмиралтейского Николаевского собора позволил выявить одну запись о смерти от чумы 13 мая 1830 года прапорщика Севастопольского военного карантина 50-летнего Андрея Семенова [5, л. 48] и 5 записей о смерти от холеры. Введенная репрессивная мера купания в море всех заболевших привела к повышению заболеваемости горячкой. По утверждению В.Х. Кондараки и А. Полканова с января месяца заболеваемость и смертность в городе значительно увеличилась, «что склонило к признанию чумы Сальти и медицинского инспектора Радецкого, ранее отрицавших ее наличие. Однако увеличение смертности именно и способствовали безобразные мероприятия врачей Ланга, Верболозова и Шрамкова, захвативших всю власть по борьбе с «чумой» в свои руки», — утверждает А. Полканов [12, с. 36]. Действительно, в 1830 году в метриках Адмиралтейского Николаевского собора в январе зафиксировано самое большое количество умерших — 73 человека, из которых 16 — дети, 29 умерло от поноса, 15 — от горячки, 3 — от водяной, но ни одного случая смерти от простуды.

В последующие месяцы количество умерших было: февраль — 27, март — 23, апрель — 19, май — 15, июнь — 26 [5]. Именно в июне имеется актовая запись об убитом во время «чумного бунта» 60-летнем военном губернаторе генерал-лейтенанте Николае Столыпине, о котором А. Полканов написал как о дряхлом, безвольном и бездеятельном старике. Но не будем пока обсуждать этого человека, который, кстати сказать, был родным братом бабушки М.Ю. Лермонтова. Кроме него были убиты карантинный инспектор 60-летний генерал Степан Стулли и бригадный командир 48-летний полковник Степан Воробьев [5, л. 48 об.–49]. Чуть раньше, 11 марта 1830 года, матросом 13-го ластового экипажа был убит лейтенант Дмитрий Делаграмматик [7, л. 66].

По мнению ученых-медиков наличие болотных мест в Инкермане и на Бельбеке являлось источником лихорадки и малярии, которая заносилась ветрами в Севастополь. И Н. Прусаков, и К. Яблонский берут за основу величины отдельных климатических элементов, в том числе среднюю температуру воздуха, и доказывают связь болезней с метеорологическими явлениями. Анализ метрик позволил выявить их количество по годам и по месяцам. Для анализа был взят 1850 год, когда было 223 смертных случая от лихорадки (этот диагноз был на первом месте). Самое большое количество умерших зарегистрировано в сентябре месяце — 41 человек. По мнению ученых на этот месяц приходится одна из трех разновидностей лихорадки — гастрическая. На холодные месяцы года приходятся ревматическая и катаральная [11, с. 66].

Проблема венерических заболеваний в Севастополе всегда стояла очень остро в связи с большим количеством военнослужащих, значительное число которых были холостыми. Учитывая, как тогда писали, «секретную проституцию, не подлежащую медико-полицейскому надзору», этот показатель был высоким. Как сообщалось в Военно-стратегическом обозрении, в 1849 году в Севастополе «одержимых любострастною болезнию найдено 138» [1, с. 222]. Точную цифру заболевших привести не представляется возможным, так как многие больные пользовались услугами не врачей, а знахарей. В метрических книгах первые сведения об умерших от венерических болезней появляются в 1826 году. В этот год умерло 3 человека [2]. Максимальное количество зарегистрированных смертей было в 1834 году — 9 человек [3], минимальное — по одному человеку в 1836, 1845 и 1846 годах [4]. Не было ни одного случая в конце 1830-х — начале 1840-х годов.

По мнению вышеупомянутых Н. Прусакова и Е.К. Яблонского смертельные случаи от кро-

вавых поносов приходится на время постов [13]. Но когда был проведен анализ метрик, то оказалось, что это не соответствует действительности. Самое большое количество смертельных случаев от поноса приходится на октябрь, когда нет постов. Увеличение начинается с июля, и к декабрю этот показатель снижается.

Источники и литература:

1. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Таврическая губерния. Сведения специальные. — СПб., 1849.
2. Государственный архив города Севастополя (ГАГС), ф. 11, оп. 1, д. 10.
3. ГАГС, ф. 11, оп. 1, д. 12.
4. ГАГС, ф. 11, оп. 1, д. 14, 24, 25.
5. ГАГС, ф. 23, оп. 1, д. 10.
6. ГАГС, ф. 23, оп. 1, д. 52.
7. ГАГС, ф. 35, оп. 1, д. 1.
8. Севастополю 200 лет. 1783–1983: Сборник документов и материалов. — Киев, 1983.
9. *Закревский Н.И.* На берегу в Севастополе. 1830 год (записки морского врача)//Морской сборник. — 1861. — № 3.
10. История Севастополя в лицах: военные и гражданские руководители города и флотов/Куликов И.И. и др. — Севастополь, 2008.
11. Медико-топографическое описание Севастополя: Диссертация на степень доктора медицины Николая Прусакова. — СПб., 1869.
12. *Полканов А.И.* Севастопольское восстание 1830 года. — Симферополь, 1936.
13. Севастополь в медико-топографическом отношении: Диссертация на степень доктора медицины Е.К. Яблонского. — СПб., 1908.

КРЕСТЬЯННИКОВ В. В.

РОССИЙСКАЯ АРМИЯ НАКАНУНЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 ГОДОВ: КОМПЛЕКТОВАНИЕ, ОРГАНИЗАЦИЯ И УСТРОЙСТВО РОДОВ ВОЙСК

После окончания русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и подавления восстания 1830–1831 годов в Польше, в Российской империи была реорганизована армия. Было уменьшено количество дивизий, бригад, полков (в основном легкой пехоты) и резервных бригад. Более глубокие преобразования в Российской армии были не возможны без отмены крепостного права, то есть отмены феодально-крепостнической системы. Но к этому еще вел длинный путь в двадцать с лишним лет через поражение в Крымской войне.

Комплектование армии рядовым составом производилось по рекрутскому уставу 1831 года. Военная служба являлась обязательной лишь для крестьян, мещан, детей и вообще для лиц податных сословий. Ежегодный контингент рекрутов с 1840 по 1852 годы составлял от 25 до 140 тысяч. Один рекрут приходился на 26 человек, подлежащих рекрутскому набору. Рекрутская повинность являлась общинной, т.е. призыв проводился не индивидуально, а путем разверстки по отдельным группам населения. Вся империя в отношении рекрутских наборов была разделена с 1839 года на две полосы — восточную и западную, набор рекрутов в каждой полосе произво-

дился через год из расчета 5–7 человек на тысячу душ. Срок службы в 1793 году был установлен 25 лет, в царстве Польском — 16 лет (с 1816 года). Рекруты должны были быть не ниже 2 аршин, 3 вершков (155,5 см), рост гренадерам был установлен не ниже 167 см.

Увеличить контингент призываемых за счет сокращения сроков службы, чтобы создать, таким образом, кадры запаса, необходимые для развертывания армии в случае войны, было невозможно, так как рекруты, призванные в армию, освобождались от крепостного права. Следовательно, в условиях существования феодально-крепостнического строя нельзя было увеличить количество призываемых и создать обученные кадры запаса. Таким образом, обученного людского запаса не существовало. В случае войны правительство прибегало к чрезвычайным мерам — неограниченному набору рекрутов и призыву ополчения. Однако все это обеспечивало армию лишь совершенно необученными кадрами, подготовка которых во время военных действий была чрезвычайно трудна. В 1855 году все народное ополчение насчитывало 360 тысяч человек, от военной службы освобождалось поч-

ти 20% мужского населения страны — дворяне, купечество, духовенство и члены их семей, т. е. до 2-х миллионов мужчин. По территориальному признаку освобождались от призыва все жители отдаленных районов Сибири, Архангельской губернии и т. д., переселенцы — немцы, сербы, болгары и греки. По национальному признаку (полностью или частично) освобождались от службы ряд народностей Сибири, жители Кавказа, Башкирии, Бессарабии, крымские татары, а также армяне и татары Астраханской губернии [10, с. 70]. По числу призываемых рекрутов наборы разделялись на обыкновенные (до 6 на 1000 душ), усиленные (7–10 на 1000) и чрезвычайные (более 10 на 1000). Чрезвычайный набор был в 1855 году с западной половины, когда было призвано по 12 рекрутов на 1000 душ [1, с. 2].

При призывах ежегодно были недоборы до штатной численности войск. Так, в 1833 году недобор составил 2031 человек, в 1840 г. — 1725, в 1841 г. — 1599, в 1842 г. — 1082.

В 1834 году в целях создания резерва был издан указ о сокращении сроков действительной службы с 25 до 20 лет. В кадровых частях солдаты должны были служить «беспорочно» 15 лет, после чего их переводили в резервные батальоны со сроком службы 5 лет. В результате этой меры в запас уходило ежегодно 27 тысяч человек. К 1853 году на миллионную армию насчитывалось всего 212433 человека находившихся в запасе. В действительности же запас этот был еще меньше, так как большинство увольняемых в бессрочный отпуск были людьми больными, к тому же и пожилого возраста, и значительный процент их уже не мог возвратиться в строй [1, с. 18–19].

В докладе императору в 1861 году о реформе русской армии военный министр Д. А. Милютин подчеркивал, что большинство армий западноевропейских государств, наоборот, имеет возможность значительно увеличить свои силы. Так, например, прусская армия, обладая в мирное время штатом в 200 тысяч человек, в случае войны увеличивается до 695 тысяч, австрийская — с 280 до 625 тысяч, французская — с 400 до 800 тысяч, т. е. прусская армия может увеличиться в 3,4 раза, австрийская в 2,2, французская в 2 раза. Далее в докладе говорилось, что «содержа в мирное время более войск, чем какая-либо из других первостепенных держав... мы в действительности можем выставить во всей Европейской России (за исключением Кавказской армии, Оренбургского и Сибирского отдельных корпусов) не более 769 тысяч». Если из этого числа вычесть местные войска, не предназначен-

ные для военных действий, то боевая сила русской армии была бы менее прусской, австрийской и французской, отдельно взятых.

Для пополнения армии офицерским составом существовало два пути: через военноучебные заведения и путем производства в офицеры нижних чинов. Все военно-учебные заведения военного ведомства во второй четверти XIX века делились на два класса. В учебных заведениях 1-го класса срок обучения продолжался 9 лет. В этот класс входили Пажеский корпус, Артиллерийское и Инженерное училища, школа гвардейских подпорщиков, Дворянский полк и 13 кадетских корпусов. В 4 кадетских корпусах 2-го класса срок обучения был 5 лет, после чего можно было поступать в корпуса 1-го класса [2, с. 23]. Однако если в армию поступило в 1854 и 1855 годах 5683 и 5779 человек офицерами, то из военно-учебных заведений произведено в офицеры соответственно 716 и 798 человек. Основная масса офицеров была произведена из унтер-офицеров и вольноопределяющихся (1854 г. — 3934, 1855 г. — 4476). Производство в офицеры производилось в зависимости от сословной принадлежности и полученного образования. Так, поступившие в армию «на правах студентов» производились в офицеры по выслуге в унтер-офицерском звании от 3 до 6 месяцев; поступившие в армию «на правах дворян» производились в офицеры по выслуге в унтер-офицерском звании 2–3-х лет. Поступившие вольноопределяющимися для производства в офицеры делились на три разряда, в зависимости от «прав происхождения»:

Через 4 года (дети личных дворян, священников и врачей).

Через 6 лет (дети почетных граждан и купцов).

Через 12 лет (по рекрутскому набору).

Лица всех этих категорий, за исключением поступивших «на правах студентов», количество которых было ничтожным, обладали крайне низким общеобразовательным уровнем и не имели почти никаких военных познаний. Офицеры частично проходили подготовку перед производством в учебных частях. С 1825 по 1850 годы из 55091 офицера, вступивших в ряды армии, 36152 человека (т. е. 61,18%) были произведены из унтер-офицеров. Конечно, знания, которые получали будущие офицеры в Артиллерийском и Инженерном училищах, были высоки — как общевые, так и специальные. Артиллерийские офицеры часто переходили в пехоту и занимали впоследствии высокие должности (генерал от артиллерии Горчаков, генерал от артиллерии Сухожанет 2-й, генерал-лейтенант Хрулев, генерал-

лейтенант Ушаков, генерал-майор Тимофеев, генерал-майор Сухотин).

Обер-офицеры полевой артиллерии и саперных батальонов имели перед офицерами пехоты преимущество на одно звание (например, прапорщик переходил в пехоту подпоручиком и наоборот). В конце XIX века процент офицеров, окончивших военные училища, повысился и составлял: в гвардейской пехоте 86,3%, в кавалерии — 94,5%, в артиллерии — 100%, в армейской пехоте — только 18,9%.

Многочисленный унтер-офицерский состав готовился в учебных и образцовых частях, кантонистских школах, в артиллерии — в специальных дивизионных школах артиллерии. На 1852 год дивизионные школы были в гвардейской, гренадерской, 1–6-й армейских артиллерийских дивизиях и 1-й и 2-й конно-артиллерийских дивизиях. Во всех школах работало 62 офицера (от 2 до 9 в школе) и 131 унтер-офицер (от 4 до 22 в школе). Рекруты

обучались три года и выпускались фейерверкерами. В 1852 году обучалось в старшем классе всех школ 406 человек, в среднем — 338, в младшем — 485, всего 1213 человек [3].

Унтер-офицеры, служившие по 3 разряду и прослужившие беспорочно в чине 12 лет, по сдаче экзамена могли быть произведены в первый офицерский чин, служившие в звании фельдфебеля — в подпоручики. В 1833 году было Высочайше повелено, что «...тем из чинов которые по выслуге в унтер-офицерском звании определенных: в Гвардии 10, а в армии 12 лет отказались от производства в офицеры — но прослужившие с того времени добровольно еще не менее пяти лет, и таким образом в гвардии 15, а в Армии 17 лет, при увольнении их по желанию в отставку назначить им пенсион производящиеся в жалованье две трети Прапорщичьего или Корнетского оклада» [9, с. 1].

Российская императорская армия состояла из регулярных и иррегулярных войск.

Регулярные войска:

Год	Батал.	Эскадр.	Батар.	Всего			В том числе (в тыс.)			
				Ген.	Офиц.	Н. чины	Пех.	Кав.	Арт.	Инж. в.
1833	698	582	176	671	22190	840426	634	103	82	21
1840	750	704	224	622	23690	891904	680	107	88	17
1850	860	736	235	767	26442	1091144	859	116	97	19
1853	859	665	239	868	26868	1123583	893	110	101	19
1854	863	691	244	894	27071	1146412	789*	95*	93*	19*
1855	1057	684	277	879	31014	1527748	1237	129	139	23
1856**				937	34377	1742342				

* по родам оружия распределена численность только действующих войск

** кроме того в ополчении 26 генералов, 5603 офицера и 364421 солдат.

Иррегулярные войска [1, с. 46]:

Год	Генералы	Офицеры	Ниж. чины
1833	24	4478	187125
1846	27	2652	232945
1850	24	3254	195172
1853	23	3624	242203
1854	32	4808	273864
1855	30	5007	278785
1856	36	5047	406981

Готовность в любой момент подавить военной силой революционное движение в той или иной европейской стране, а также слабое развитие путей сообщения внутри империи обуславливали необходимость содержания на западных границах и в условиях мирного времени действующей

армии со всеми органами военно-полевого управления. До 1833 года (до реорганизации армии) существовали две армии, расположенные на трех границах, а после этого времени осталась одна, носившая наименование «Действующая армия». Она состояла из 1, 2, 3 и 4-го армейских корпусов,

расположенных в Польше и западных губерниях. Во главе ее стоял главнокомандующий, соединивший в своем лице и звание наместника Царства Польского.

Гвардейский и Гренадерский корпуса находились на особом положении, подчинялись особому главнокомандующему, обычно назначаемому из лиц императорской фамилии. Расположенные на окраинах (Оренбург, Сибирь, Кавказ) армейские корпуса имели совершенно иное управление. Командир корпуса являлся вместе с тем и военным, и гражданским начальником местного края. Таким образом, эти корпуса представляли не только строевую, но и военно-административную единицу, являясь прообразами военных округов. Только 4-й и 5-й армейские корпуса, дислоцированные внутри России, были подчинены Военному министру.

Вместе с тем, законодательством не было предусмотрено создание армейских штабов в случае открытия крупных военных действий в других районах, как это случилось в Крымскую войну. Князь Меншиков, назначенный главнокомандующим войсками, расположенными в Крыму, не имел штаба. Назначенному новым главнокомандующим князю Горчакову штаты были утверждены в феврале 1855 года.

В 1833 году армия была реорганизована (Кавказский корпус в 1834 году) с введением новых штатов, уменьшением количества пехотных частей. После реорганизации армии осталось тринадцать корпусов: Гвардейский, Гренадерский, Отдельный Кавказский, 1–6-й армейские, 1–3-й резервные кавалерийские корпуса и Гвардейский резервный кавалерийский корпус [9, с. 12]. **Корпус** — это высшая тактическая и административная единица российской армии, в состав которой входят все роды войск. Впервые корпусная система была введена в буржуазной Франции в 1804 году, в России корпуса были сформированы в 1810 году. Корпуса были различны по своему составу. В корпусах Гвардейском, Гренадерском и 1–6-м армейских было три пехотные, одна кавалерийская, одна артиллерийская дивизии, один саперный и один стрелковый батальоны. Однако в Гвардейский корпус входили Гвардейский флотский экипаж и лейб-гвардии гарнизонный батальон.

В состав Отдельного Кавказского корпуса помимо трех пехотных, одной артиллерийской дивизий, саперного и стрелкового батальонов входила резервная Гренадерская бригада (два полка), один драгунский полк и бригада пешей артиллерии (четыре батареи) резервной Гренадерской бригады.

Гвардейский, 1, 2 и 3-й резервные кавалерийские корпуса состояли из двух кавалерийских и конно-артиллерийской дивизий. Во время Крымской войны на Крымском полуострове принимали участие в боевых действиях части 2, 3, 4, 5 и 6-го корпусов, однако 13-я и 15-я дивизии 5-го корпуса и 18-я дивизия 6-го корпуса воевали на Кавказе и Дунае.

Оренбургский и Сибирский корпуса состояли из линейных батальонов: Оренбургский из 10 батальонов и 3 казачьих батарей, Сибирский — из 15 батальонов и 3 казачьих батарей. Была еще 22-я пехотная дивизия, находившаяся в княжестве Финляндском (переформирована в 1835 году из Отдельного Финляндского корпуса) и состоящая из 12 линейных батальонов. В составе армейского корпуса было от 24 до 36 батальонов пехоты, от 24 до 36 эскадронов и 14 батарей артиллерии (от 60 до 90 орудий), из которых две конные. В корпусе состояло от 30 до 45 тысяч человек. В 1853 году при вступлении в Дунайские княжества в 4-м пехотном корпусе насчитывалось 57794 человек [12, с. 270]. Командовал корпусом генерал от инфантерии [11, с. 379–380]. Штатной ведомостью 1833 года предусматривался корпусной штаб в составе 19 офицеров и 5 военных чиновников [9, с. 123–124].

Дивизия впервые образована во Франции в 1804 году, в России переход к дивизионной системе осуществлен в 1806 году. Каждая дивизия состоит из двух бригад. Гвардейские дивизии состоят из 4 трехбатальонных полков, из которых три гренадерские и один егерский. Гренадерские и пехотные дивизии состояли из 4 полков каждая, полки армейской пехоты были четырехбатальонного состава.

Кавалерийские дивизии состояли их 4 полков каждая. Семь легко-кавалерийских дивизий при Гренадерском и 1–6-м армейских корпусах состояли из двух уланских и двух гусарских полков. Гвардейская кирасирская, 1-я и 2-я гвардейские легко-кавалерийские дивизии состояли из разнородных полков. 1-я и 2-я резервные кирасирские, 1-я и 2-я резервные уланские и 1-я и 2-я резервные драгунские дивизии состояли каждая из 4 однородных полков. Кавалерийские дивизии 4-го и 5-го армейских корпусов были отделены от них и образовали так называемый сводный кавалерийский корпус. Артиллерийская дивизия — соединение всех бригад и батарей, принадлежащих одному пехотному или резервному кавалерийскому корпусу. В Гренадерском и 1–6-м армейских корпусах дивизии назывались артиллерийскими, в резервных кавалерийских корпусах — конно-

артиллерийскими. Состав их был разным. В Гренадерском и 1–6-м армейских корпусах артиллерийские дивизии состояли каждая из трех пеших и конной бригад, конно-артиллерийские дивизии состояли из четырех конно-артиллерийских батарей и на бригады не делились. Соединение артиллерийских бригад и батарей в дивизию существовало только для удобства в управлении инспекторской, материальной и учебной частью и потому представляло только хозяйственное, а не боевое соединение, так как во время боевых действий артиллерия распределяется между полками или выставляется большими батареями на позиции. Начальник дивизии определен в чине генерал-лейтенанта. По штатной ведомости 1833 года в дивизионном штабе должно быть 5 офицеров и 5 военных чиновников [11, с. 105–108; 9, с. 125].

Бригады — слово французское, однако введено в военную терминологию в 1631 году шведским королем Густавом Адольфом, сформировавшим при Шведте первые бригады. В России постоянное разделение пехоты и кавалерии на бригады из двух или трех полков учреждено Петром I. Бригады составлялись из полков или частей одного рода войск. Дивизии пехотные и кавалерийские делятся на две бригады:

Гренадерские дивизии:

1-я — два гренадерских полка

2-я — один гренадерский и один карабинерный

Пехотные дивизии:

1-я — два пехотных полка

2-я — два егерских полка

Легкие кавалерийские:

1-я — два уланских полка

2-я — два гусарских полка

Кирасирские, драгунские, уланские дивизии состоят из однородных полков в составе двух бригад в дивизии. Бригады пешей артиллерии состоят из четырех батарей: в первой бригаде дивизии из двух батарейных и двух легких, а во второй и третьей бригадах — из одной батарейной и трех легких. Нумерация в составе дивизии у батарей единая для батарейных и легких: батарейные №№ 1–4, легкие №№ 1–8. Конно-артиллерийские бригады состояли из двух конно-артиллерийских батарей. Артиллерийские бригады были приданы пехотным и кавалерийским из расчета одна батарея на пехотный полк, или одна конно-артиллерийская батарея на два кавалерийских полка. Пешие артиллерийские бригады имели номера своих дивизий, конно-артиллерийские бригады легко-кавалерийских дивизий имели номера, идентичные номерам дивизий и корпусов.

Артиллерийская дивизия Отдельного Кавказского корпуса состояла из четырех бригад, различных по своему составу:

19-я — одна батарейная и три легких;

20-я — одна батарейная, две легкие и одна горная;

21-я — две батарейные, одна легкая и две горные;

Резервная гренадерская — две батарейные, одна легкая и одна горная.

При Действующей армии была Донская конно-артиллерийская бригада в составе трех батарей. Командир бригады был в звании генерал-майора, при нем был бригадный адъютант [11, с. 105–108; 9, с. 126].

Полк был основной тактической и хозяйственной единицей российской армии. В 1833 году по новым штатам количество батальонов было увеличено до четырех (кроме гвардии и гренадер, где оставалось три, и Отдельного Кавказского корпуса, где было пять). С 1801 года, по указу Александра I, полки должны были называться по городам, а не по шефам. Однако даже в середине XIX века при описании полков чаще употреблялось название по имени шефа. Каждый полк, кроме гвардии, имел номер. Нумерация была у каждого рода войск своя: пехота, егеря, гренадеры, уланы, драгуны, гусары и т. д. Например:

31-й генерала от инфантерии князя Горчакова Владимирский пехотный полк;

31-й Углицкий егерский полк;

11-й Императорского Высочества герцога Максимилиана Лихтенбергского Киевский гусарский полк.

Все полки имели отличия в форме.

Пехота в середине XIX века делилась на линейную и легкую. К линейной относились 10 гвардейских, 12 гренадерских и 42 пехотных полка. Легкую пехоту составляли 4 карабинерных и 42 егерских полка. Всего в пехоте насчитывалось 110 полков. Кроме того, в состав пехоты входили 9 стрелковых батальонов (легкая пехота), 84 линейных батальона (18 грузинских, 16 черноморских, 10 оренбургских, 15 сибирских и 12 финских). Линейные батальоны практически постоянно находились в соприкосновении с противником: на Кавказе — грузинские и черноморские, на границе со Среднеазиатскими государствами — оренбургские.

Полки назывались по городам России, как правило, произвольно, и только Екатеринбургский, Томский и Селенгинский названы по имени городов, где они формировались. Пехотные и егерские полки армейских корпусов по тактике

боя не отличались. Нумерация пехотных и егерских полков в составе дивизий совпадала:

- 9-я пехотная дивизия
- 17-й Елецкий пехотный полк
- 17-й Брянский егерский полк
- 18-й Севский пехотный полк
- 18-й Орловский егерский полк

Отличались полки по цвету перевязей (у линейной пехоты — белые, у легкой — черные), цветом металлической арматуры (пуговицы и эмблемы на касках у линейной пехоты медные, у легкой — оловянные) и цветом прибора, т. е. сукна на погонах (в пехотных полках: первый полк в дивизии — красные, второй — белые, в егерских полках: первый полк в дивизии — светло-синие, второй — зеленые с красной выпушкой) [9, с. 51]. На касках и пуговицах был номер полка, на погонах — номер дивизии, на фуражках нижних чинов — номер роты. Командир полка в армии был в чине полковника, в гвардии — генерал-майора. Полковой штаб составляли 4 офицера и 3 военных чиновника и два священника.

До конца 1860-х годов полковой командир распорядился хозяйством полка совершенно самостоятельно, не отдавая никакого отчета в расходе отпускаемых на содержание полка сумм.

Во время войны 1853–1856 годов в боевых действиях на Крымском полуострове принимали участие в разное время 52 пехотных и егерских полка из 72, состоявших в пяти армейских корпусах. Батальоны имели по четыре роты:

Гренадерские — одна гренадерская и три фузилерные

Пехотные — одна гренадерская и три мушкетерские

Карабинерные — одна карабинерная и три егерские.

В части 3 «Свода военных постановлений» в пункте 1, разделе 1, главе 1, параграфе 9 сказано: «Гренадерские или карабинерные роты состояются из людей, особенно отличающихся мужеством в бою, хорошим поведением... нижние чины, выбранные за отличную службу в гренадеры или карабинеры, ни в коем случае не называются рядовыми или солдатами, но всегда и во всех рапортах именовются гренадерами или карабинерами или стрелками».

Каждая рота состояла из 4 офицеров, 230 рядовых, 20 унтер-офицеров, 4 барабанщиков, 2 горнистов и 2 флейтчиков. В батальоне с его штабом состояло 19 офицеров, 1 военный чиновник, 82 унтер-офицера, 922 рядовых и 10 музыкантов [9, с. 146–153].

Всего в полку в 16 строевых и нестроевой роте, в полковом и батальонных штабах по штату воен-

ного времени было положено: 81 офицер, 9 классовых чиновников, 348 унтер-офицеров, 97 музыкантов, 3680 рядовых и 122 нестроевых — всего 4388 человек. В российской армии расчет боевых сил велся по количеству батальонов и эскадронов. Следует отметить, что в строю батальон делился на два полубатальона, четыре дивизиона и восемь взводов (в 1856 году это деление отменено). В строю рота называлась дивизионом.

Каждая рота делилась на два взвода. Взводы делились на четыре отделения, каждое из них делилось на пять десятков. При каждом десятке состоял десяточный ефрейтор. В каждый десяток, сверх числа положенных унтер-офицеров, «назначается по одному, а если нужно, то и по два старослужащих... солдата, которые называются дядьками». Вновь определенные на службу по распределению порочные рекруты отдавались дядькам, а нештрафованные — унтер-офицерам. Кроме питания и обмундирования солдатам было положено денежное довольствие: — гренадерам — 9 рублей 90 копеек, мушкетерам — 9 рублей 39 копеек в год.

Знамена в русской армии были положены только в батальонах. С 1807 года батальонам жаловались за особые боевые отличия Георгиевские отличия. С 1883 года знамена были положены только полкам (жалованные ранее Георгиевские знамена батальонам разрешалось выносить только в особых торжественных случаях). За боевые отличия в обороне Севастополя Георгиевские знамена с надписью «За Севастополь в 1854 и 1855 годах» были пожалованы 134 строевым и 16 резервным батальонам.

Как уже говорилось, к пехоте относились и **стрелковые батальоны**. Учебный стрелковый батальон был сформирован в 1818 году, впоследствии переименован в лейб-гвардии Финский батальон. В 1846 году в армии было уже 9 стрелковых батальонов, по одному на корпус. Они имели в своем составе так же 920 нижних чинов, но только 4 офицера и 20 унтер-офицеров. В 1853–1856 годах численность в стрелковых батальонах была доведена до 1000 человек.

Главное внимание в подготовке войск уделялось строевой подготовке и приемам с оружием. Согласно ведомости о назначении учебных припасов войскам на 1851 год для учебных стрельб каждому солдату в год было положено 10 боевых и 30 холостых патронов и только вооруженным Литтихскими штуцерами (застрельщиками) выдавалось 100 боевых патронов [7]. Инспекторская проверка в армии в 1852 году показала плачевное состояние стрелковой подготовки. Например,

на 600 шагов (шаг ровнялся 80 см) из 80 унтер-офицеров и отборных стрелков в цель попало только 50 (менее 70%).

Кавалерия в российской армии делилась на тяжелую и легкую. После переформирования кавалерии в 1834 году к тяжелой относились кирасиры (10 полков, из них 2 в гвардии), жандармы (1 полк). К легкой кавалерии относились драгуны (10 полков, из них 2 в гвардии), уланы (24 полка, из них 2 в гвардии) и гусары (16 полков, из них 2 в гвардии). Кроме того, в гвардии были два отдельных эскадрона и шесть отдельных полуэскадронов. Всего в армии накануне Крымской войны было 63 регулярных кавалерийских полка (из них 10 в гвардии), 2 отдельных эскадрона и 6 отдельных полуэскадронов. Полки делились на дивизионы, имевшие штандарты. В составе дивизиона было два эскадрона, однако количество эскадронов в полках тяжелой и легкой кавалерии было различное. В кирасирских было по 6 эскадронов, в гусарских и уланских — по 8, в драгунских — по 10. Каждому полку предавалась нестроевая рота. Из десяти действующих эскадронов каждого драгунского полка девятый и десятый ружей не имели, были вооружены карабинами и пиками. Цель их — прикрывать лошадей при спешивании полка, преследовать и фланкировать в конном строю. Эскадроны делились на четыре взвода. Штатный состав уланских и гусарских полков — 1630 человек (57 офицеров, 7 классных чиновников, 156 унтер-офицеров, 25 музыкантов, 1280 рядовых и 105 нестроевых). Штатный состав драгунских полков — 2049 человек (70 офицеров, 7 классных чиновников, 194 унтер-офицера, 53 музыканта, 1600 рядовых и 125 нестроевых) [9, с. 232–242, 284–335].

Артиллерия делилась на полевую, осадную и гарнизонную. Полевая артиллерия делилась на дивизии, бригады и батареи. Число дивизий равно числу армейских корпусов, к которым дивизии причислены. Артиллерия составляла 3 гвардейские, 4 гренадерские, 21 пешую артиллерийские бригады и 7 конно-артиллерийских бригад (2 артиллерийские дивизии при резервных кавалерийских корпусах на бригады не делились), т. е. всего 28 бригад пешей и 8 конной артиллерии. С учетом отдельных и казачьих батарей в российской армии накануне Крымской войны было 179 пеших, 56 конных и 1 ракетная батарея.

Батареи делились на батарейные, легкие, горные и ракетные. Батареи имели на вооружении 12-фунтовые пушки (вес 802 кг) и ½-пудовые единороги. Действенная стрельба из батарейных орудий была до 1065 м, скоро-

стрельность до 1–1,5 выстрелов в минуту. Легкие батареи имели на вооружении 6-фунтовые пушки и ¼-пудовые единороги, весившие до 360 кг. Действенная стрельба из них была до 850 м. Действенный огонь картечью из 6-фунтовой пушки начинался с 700 шагов. Это пространство пехота проходила за 6–8 минут, а кавалерия за 3 минуты. Скорострельность этих орудий до двух выстрелов в минуту, но в ущерб точности. Боевая подготовка в артиллерии, так же как и в пехоте, желала лучшего. Согласно приказу учебные стрельбы следовало проводить ежегодно, но «соображаясь с количеством отпускаемого пороха» [8]. Инспекторская поверка 1852 года показала, что из 82 пеших и конных батарей Гвардейского, Гренадерского и шести армейских корпусов стрельба 15 была признана неудовлетворительной (18,4%) [4].

В мирное время в батареях было 8 орудий, в военное — 12. Батареи делились на дивизионы по два взвода в каждом (во взводе два орудия). В батарейной батарее в мирное время было 262 человека, в военное — 380, в легкой батарее соответственно 211 и 303 человека.

Всего в батареях в мирное время было 1140 орудий (902 пеших и 232 конных). В военное время полагалось в батареях иметь 1446 орудий (1214 пеших и 232 конных), однако в наличии на 1 января 1853 года было всего 1272 орудия.

В боевых действиях на Крымском полуострове приняли участие 42 пеших и 11 конных батарей, 16 пеших батарей в разное время находились на позициях в осажденном Севастополе.

Осадная артиллерия состояла из двух осадных парков, разделенных на четыре отделения, и трех отдельных отделений. Второй осадный парк был сформирован в 1854 году из запасных батарей артиллерийских бригад. На вооружении осадной артиллерии находились 18- и 24-фунтовые пушки, 1-пудовые единороги и 1-, 2- и 5-пудовые мортиры.

Гарнизонная артиллерия, предназначенная для действий из орудий в крепостях, делилась на 12 артиллерийских округов. В каждом округе находились одна или несколько артиллерийских бригад и окружной арсенал. В состав гарнизона входили несколько гарнизонных артиллерийских рот и часть или целая лабораторная рота. Гарнизонные роты именовались артиллерийскими гарнизонами по именам пунктов, в которых находились [11, с. 573].

Южный артиллерийский гарнизонный округ имел в своем составе 10-ю гарнизонную артиллерийскую бригаду. В Севастопольский артиллерийский гарнизон входили 1, 2, 3, 4-я и половина

5-й артиллерийские роты, вторая половина 4-й лабораторной роты, Южный окружной арсенал и пять местных парков (полторы роты этой бригады находились в Кинбурне и Херсоне). На вооружении береговой артиллерии стояли 36-, 24-, 18-, 12-, 6- и 3-фунтовые пушки, 1- и 1/2-пудовые единороги, 2-, 1- и 1/2-пудовые гаубицы, 5-, 3-, 2- и 1/2-пудовые мотиры, 68-, 42-, 36-, 24-, 18-, 12- и 6-фунтовые карронады [13, с. 573]. Среднесписочное число солдат в Севастопольском артиллерийском гарнизоне в 1854 году составляло 1107 человек [5]. Командовал артиллерийским гарнизоном подполковник Карпов 6-й, а в апреле 1855 года его сменил подполковник Дахнович-Гацийский.

За мужество и стойкость Севастопольскому артиллерийскому гарнизону пожалованы знаки отличия на головные уборы с надписями «За Севастополь с 13 сентября 1854 года по 27 августа 1855 года».

Инженерные войска состояли из полевых и гарнизонных. Полевые инженерные войска составляли саперные батальоны: гвардейский, учебный и гренадерский под начальством начальника инженеров Гвардейского корпуса; 1, 2, 3-й и 1-й резервный саперные батальоны составляли 1-ю саперную бригаду; 4, 5, 6-й и 2-й резервный саперные батальоны составляли 2-ю саперную бригаду; кроме того, в составе саперных войск были Кавказский, 3-й резервный саперные батальоны, 1-й гвардейский и 1-й армейский коннопионерские эскадроны. Каждый батальон состоял из четырех рот по 250 человек, из которых 1-я и 2-я роты — саперные, а 3-я и 4-я — минерные. Каждый саперный батальон включал также один понтонный парк. Резервные саперные батальоны имели по одной саперной роте и по три понтонных парка. За участие в обороне Севастополя 3, 4 и 6-му саперным батальонам были пожалованы Георгиевские знамена с надписью «За Севастополь в 1854 и 1855 годах». 4-му саперному батальону были пожалованы еще и знаки отличия на головные уборы с надписью «За Севастополь в 1854 и 1855 годах».

Гарнизоны инженерного ведомства составляли десять округов: Петербургский, Финляндский, Лифляндский, Западный, Киевский, Дунайский (бывший Херсонский), Грузинский, Оренбургский и Сибирский. Между округами были распределены военно-рабочие (1–25) и арестантские (1–55) роты. Инженерные команды были предназначены для строительства долговременных оборонительных укреплений и подчинялись генерал-инспектору по инженерной части и начальнику инженерного штаба [11, с. 113].

Местные и вспомогательные войска состояли из корпуса внутренней стражи, корпуса жандармов, местных и осадных артиллерийских парков, полевого инженерного парка и других мелких подразделений.

Иррегулярные части состояли из казачьих и так называемых «инородческих» частей. В начале 1850-х годов в их состав входили Донское, Черноморское, Кавказское линейное, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Дунайское, Азовское, Сибирское линейное, Забайкальское и Башкиро-Мещерское казачьи войска. Казачьи части состояли из казачьих полков, пеших батальонов и конно-артиллерийских батарей. Помимо этого, к иррегулярным войскам относились Закавказский конно-мусульманский полк, Дагестанский конно-иррегулярный полк и другие. Общее количество иррегулярных войск составляло 245850 человек, из которых в мирное время состояло на службе 89168 человек. В военное время иррегулярные части составляли 130 конных и 12 пеших полков, 4 пешие и 22 конные батареи. В боевых действиях на Крымском полуострове принимали участие Донские казачьи полки, Донские конно-артиллерийские батареи № 2, 3, 4 и резервная № 4, Черноморская конно-артиллерийская № 11 батарея и пешие казачьи № 2 и 8 батальоны Черноморского казачьего войска. В 1854 году первыми в российской армии за оборону Севастополя были награждены Георгиевскими знаменами 2-й и 8-й батальоны пластунов.

Резервные и запасные войска в дореформенный период четкого разделения функций не имели. В мирное время они имели крайне незначительные кадры, составлявшие в общей сложности 440 офицеров и 13270 нижних чинов. В каждом полку были 5-й и 6-й резервные батальоны. Резервные батальоны одной дивизии были сведены в резервные бригады. Резервные бригады одного корпуса сводились в резервную дивизию, носившую номер своего корпуса. В шести армейских корпусах было 108 резервных батальонов. На базе их проходили подготовку рекруты, а случае военных действий сюда поступали бессрочно отпускные солдаты. Батальоны, бригады и дивизии резервных войск в мирное время подчинялись только командующим резервными войсками. Во время Крымской войны резервные и запасные части были частично переформированы из-за большой убыли живой силы в действующих войсках. Так, приказом Военного министра от 26 января 1855 года были переформированы 7-я и 9-я пехотные дивизии. К ним были присоединены 7-й и 8-й запасные батальоны и были сформированы

четыре дивизии — из 1, 3 и 7-го батальонов сформированы действующие полки, а из 2, 4 и 8-го — резервные. Из двух резервных пехотных полков составлялась 1-я бригада, а из резервных егерских полков — 2-я бригада. Полки дивизий стали трехбатальонными. С приведением 7-й и 9-й дивизий в новый состав, новые дивизии были названы 7-й и 9-й резервными [6].

В артиллерии на каждую бригаду имелись одна резервная и одна запасная батареи. В 18 артиллерийских бригадах шести армейских корпусов было 36 резервных и запасных батарей. В 1854 году на базе их были развернуты резервные артиллерийские бригады, которые придавались резервным пехотным дивизиям. В мирное время резервные и запасные батареи в составе резервных и запасных бригад замыкались на начальника резервной артиллерии, а запасные и ре-

зервные конно-артиллерийские батареи подчинялись инспектору по части резервной кавалерии.

Несмотря на мужество и героизм солдат и офицеров, Крымская война Россией была проиграна, показав ее военную отсталость. В России в 1860–1870-х годах под руководством военного министра Д. А. Милютин были проведены реформы в армии. В результате реформ была заменена рекрутская повинность всеобщей, создан обученный резерв запаса, образована военно-окружная система управления, введено новое «Положение о полевом управлении войсками в военное время», армия была перевооружена нарезным стрелковым оружием и артиллерией, реорганизована боевая подготовка войск и система подготовки офицерских кадров. Это способствовало усилению российской армии.

Источники и литература:

1. Военно-статистический сборник. — СПб., 1871. — Отд. 11.
2. Краткий отчет о положении и ходе обучения в военных учебных заведениях. — СПб., 1835.
3. Приказ инспектора всей артиллерии от 10.01.1853 № 6.
4. Приказ инспектора всей артиллерии от 3.05.1853 № 90.
5. Приказ инспектора всей артиллерии от 18.01.1855 № 18.
6. Приказ инспектора всей артиллерии от 31.01.1855 № 36.
7. Приказ инспекторского департамента Военного министерства от 28.12.1850 № 36.
8. Приказание инспектора всей артиллерии от 25.08.1853 № 15.
9. Собрание законов и постановлений до части военного управления относящихся. Кн. 1 — СПб., 1833.
10. *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке. — М., 1873.
11. Военный энциклопедический лексикон. — Ч. VII. Кн. 27. — СПб., 1844.
12. *Тарле Е. В.* Крымская война. — М.—Л., 1950.
13. *Четверухин Г. Н.* История корабельной и береговой артиллерии. — М., 1942.

КРЕСТЬЯННИКОВ В. В.

РОССИЙСКИЙ ФЛОТ НАКАНУНЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ: СТРУКТУРА, КОМПЛЕКТОВАНИЕ, ПОДГОТОВКА КАДРОВ, СУДОСТРОЕНИЕ, АРТИЛЛЕРИЯ

Составной частью вооруженных сил России XIX века был военно-морской флот. Утвердившись в XVIII веках на Балтийском и Черном морях, Российская империя стала одной из морских держав. Однако во второй четверти XIX века значение парусных судов стало падать в связи с появлением парового флота, Балтийский флот в этот период мог вести только оборонительные операции, и лишь Черноморский флот традиционно действовал активно.

Развитие флота определялось положением, сформулированным Николаем I в рескрипте от 31 декабря 1825 года: «Россия должна быть третья по силе морская держава после Англии

и Франции и должна быть сильнее союза второстепенных морских держав». Согласно штатов 1826 года в России имелись Балтийский, Черноморский флоты и Беломорская, Каспийская и Сибирская флотилии. Во всех флотах и флотилиях должно быть 341 парусное и паровое судно и 105 гребных судов. Было предусмотрено иметь 52 паровых фрегата и парохода для дозорной службы и буксировки парусных судов.

В организационном отношении флоты делились на дивизии, бригады и экипажи. Дивизия — это соединение нескольких береговых флотских экипажей. В Балтийском флоте были 1, 2 и 3-я дивизии, в Черноморском — 4-я и 5-я. Дивизи-

ей командовал вице-адмирал. Флаги были только у Балтийских дивизий, Черноморские дивизии использовали флаг 2-й Балтийской дивизии (Андреевский флаг). Каждая дивизия делилась на три бригады, которыми командовали контр-адмиралы. Бригада состояла из трех флотских экипажей и приписанных к ним военных судов. В бригаде состояло 3000 строевых нижних чинов, которые в строю составляли 3 батальона. В море нижние чины комплектовали три линейных корабля, парусный фрегат, паровой фрегат и несколько мелких судов [2, с. 110; 4, с. 495].

Все нижние чины для удобства берегового управления разделены на экипажи, образованные в 1810 году (в 1816 году определено в экипажах иметь 1000 строевых нижних чинов каждый, в 1844 году экипажи разделены на четыре роты). В Балтийском флоте был Гвардейский и 28 флотских экипажей (№№ 1–28), в Черноморском — 17 (до 1854 года №№ 28–44, затем 28-й экипаж был переименован в 45-й) и по одному экипажу в Каспийской и Сибирской флотилиях. Беломорская флотилия комплектовалась чинами Балтийского флота. Экипажи имели знаменные флаги, учрежденные 10 апреля 1837 года, представлявшие собой флаг дивизии, которой принадлежал экипаж. В наверхии древка было два крестообразно сложенных якоря и корона. В экипажах, судам которых был пожалован Георгиевский флаг, в наверхиях древка — крест Военного ордена Св. Георгия и Георгиевские ленты с серебряными кистями. Знаменный флаг выносился, когда экипаж находился в строю. В экипаже по штату было 30 офицеров (капитанов 1 ранга — 1, капитанов 2 ранга — 1, капитан-лейтенантов — 4, лейтенантов — 12, мичманов — 12), унтер-офицеров — 80, музыкантов — 25, рядовых — 1000. Всего 1135 человек [3, с. 277]. На берегу морские команды находились в подчинении командиров портов. Портные управления были на Черном море в Севастополе, Николаеве, Одессе, Херсоне и на Дунае. Порты Кавказского побережья (Новороссийск, Сухум-Кале, Геленджик) подчинялись начальнику Черноморской береговой линии, штаб которого находился в Керчи.

Как уже говорилось выше, экипаж комплектовал команды нескольких судов. Было положено на 120-пушечный линейный корабль 3 роты, на 84-пушечный линейный корабль 2,5 роты, на 50-пушечный фрегат 1,5 роты, на корвет 5/8 роты, на бриг 1 рота, на пароходо-фрегат 1 и 1/8 роты, на тендер 1/8 роты и на транспорт 1/4–1/8 роты. Например, 41-й флотский экипаж комплектовал команды 120-пушечного линей-

ного корабля «Великий князь Константин», брига «Аргонавт», шхуны «Смелая» и пароходо-фрегата «Бессарабия» [9, л. 15].

Поскольку в России кадры для частных пароходов и пароходов других ведомств не готовились, то матросы Черноморских экипажей комплектовали команды пароходов гражданских ведомств, транспортов и пароходов Кавказского ведомства (Черноморская береговая линия).

На Черноморском флоте следующие экипажи имели знаки отличия: 43-й экипаж имел знаки на головные уборы «За отличие», полученные за сражение при переходе через Дунай в 1829 году; 44-й экипаж имел знаки на головные уборы «За отличие», полученные за разгром турецкой флотилии под Браиловом в 1828 году; бриг «Меркурий» 32-го флотского экипажа имел Георгиевский флаг и выпел за бой с двумя турецкими линейными кораблями в 1828 году.

В Российском флоте существовал еще целый ряд корпусов.

Корпус морской артиллерии был создан в 1734 году. В него входили офицеры и кондуктора судовой артиллерии. На 84-пушечный линейный корабль было положено два офицера и два кондуктора, на фрегат — офицер и кондуктор, на корвет и бриг — по одному. Чины морской артиллерии подчинялись на Балтике инспектору Корпуса морской артиллерии, на Черном море — начальнику артиллерии флота и портов, а также начальникам артиллерии в портах. В состав корпуса входили восемь арсенальных рот (в Николаеве рота № 6 и в Севастополе № 7) и две лабораторные (в Севастополе и Николаеве рота № 2) [1, с. 196].

Корпус флотских штурманов был учрежден в 1827 году. На флотах чины корпуса подчинялись инспекторам корпуса штурманов, которые расписывали их на суда для кампаний. Штурманские офицеры, кроме плавания на судах, занимались гидрографическими работами. На 84-пушечный линейный корабль было положено два офицера и два кондуктора.

Корпус корабельных инженеров был учрежден при Петре I и состоял из офицеров и кондукторов, занимавшихся постройкой судов. На Черноморском флоте корабельных инженеров возглавлял начальник корпуса корабельных инженеров. Корпус инженеров строительной части учрежден в 1838 году для строительства арсеналов, адмиралтейств, доков, гаваней и т. д. Корпус состоял из двух округов — Северного (для Балтийского флота) и Южного (для Черноморского флота). На округа замыкались инженерные команды и военно-рабочие роты (в Севастополе

и Николаеве роты №№ 7, 8, 9 и 10). Инженерные команды находились в Севастополе, Николаеве и Измаиле.

Корпус инженер-механиков флота учрежден в 1854 году и первоначально комплектовался из кондукторских рот морских рабочих и учебных экипажей для службы на паровых судах.

Для обслуживания портовых судов на Балтийском и Черном морях были сформированы ластовые бригады (на Черном — 4-й и 5-й ластовые экипажи, находившиеся в Севастополе, Николаеве и Измаиле (Дунайская флотилия). В состав флотов входили также рабочие экипажи (на Черном море №№ 11–19), портовые роты (на Черном море №№ 22–34), доковые роты (на Черном море №№ 27–30), госпитальные роты (Севастополь и Николаев), арестантские роты (на Черном море №№ 11–26) [8, с. 28].

Комплектование флота личным составом шло на общих с армией основаниях. Часть призванных по очередному рекрутскому набору направлялась на флот. Однако в 50-х годах XIX века было определено восемь губерний для Балтийского и пять для Черноморского флотов, откуда поступали рекруты (приморские и приречные губернии). На флот поступало ежегодно от 10000 до 20000 рекрутов. В 1830-х годах получили развитие цеха «вольных матросов». Эти цеха были учреждены в Алешках, Николаеве и Кронштадте. В 1850 году в Балтийском флоте было 100, а в Черноморском — 1600 «вольных матросов», в 1853 году — 1305.

Всего в российском флоте в 1852 году находилось на службе 91000 адмиралов, офицеров и нижних чинов, из них на Черноморском флоте — 35594. По вероисповеданию нижние чины распределялись следующим образом (в период с 1 ноября 1851 года по 1 ноября 1852 года): православные — 28422, лютеране — 171, католики — 5360, иудеи — 1178, магометане — 349, иудеи, принявшие христианство, — 103, магометане, принявшие христианство, — 11 [8, с. 100].

Условия службы матросов, особенно на Балтике, были тяжелыми. Проведенное в 1855 году исследование быта нижних чинов, особенно семейных, представило безрадостную картину. Большею частью сырые, холодные, плохо освещаемые и отапливаемые, без всяких хозяйственных удобств, матросские казармы представляли самые неудобные для жилья и вредные для здоровья помещения. Для холостых матросов в казармах устраивались нары, на которых они должны были спать рядом, друг возле друга, без промежутков, под нарами в ящиках и чемоданах хранилось все их имущество. Нары препятство-

вали свободному проветриванию казармы и, кроме того, мешали соблюдению необходимой чистоты. Женатым нижним чинам отводились голые стены, а вся незатейливая обстановка принадлежала им самим. Кровати устраивались с деревянными шатрами, с которых свешивались пологи, и в этом небольшом пространстве должна была помещаться семья иногда в несколько человек. При таком тесном помещении, конечно, не могло быть и речи о чистоте и опрятности; воздух, не имея свободного протока по всей комнате, был удушлив и едва годен для дыхания; не могло быть также речи о взаимной пристойности живущих [5, с. 48].

Во флоте среди матросов было 10556 человек имевших семью на родине, и 11219 человек имело семью при команде (последние составляли 13% от числа всего рядового состава).

Смертность была очень велика. Так, в 1853 году на 1000 матросов на Балтийском флоте умерло 44,4, на Черноморском — 21,5 человек (с ноября 1851 по ноябрь 1852 года на Балтийском флоте умерло 2546 человек, на Черноморском — 1044). Тяжелые условия службы доводили матросов до самоубийства и побегов. Самоубийств на Балтийском флоте в 1852 году было 8, в 1853–4, на Черноморском соответственно 39 и 11. В 1852 году на Балтике бежало 204, на Черном море — 420 человек [8, с. 101].

«Две главные болезни, тиф и цинга, которые в прежнее время были самыми тяжелыми недугами во флоте, значительно утратили свою распространенность и напряженность. Так, если сравнить трехлетие 1854–1856 и 1876–1878 г., то оказывается, что в первое трехлетие на каждую 1000 человек команды приходилось тифозных больных 62 и умерших 19, на последнее трехлетие больных 10, умерших 1,9» [5, с. 55].

Офицеров для флота готовил в основном Морской кадетский корпус, привилегированное дворянское учебное заведение. За вторую четверть XIX века корпус подготовил для флота 1855 офицеров. На юге готовила офицерские кадры «Школа флотских юнкеров», созданная в Николаеве. Штурманских офицеров для Балтийского флота готовили в 1-м штурманском полуэкипаже, для Черноморского — в Черноморской штурманской роте. Офицеров Корпуса корабельных инженеров готовили в кондукторских ротах Учебного рабочего экипажа. Во всех подразделениях флота в 1853 году было адмиралов и генералов — 125, штаб-офицеров — 657 и обер-офицеров — 2726. Всего 3508 человек.

Рекруты поступали для обучения сразу во флотские экипажи. Унтер-офицеров гото-

вили в 1-м (Балтийский флот) и во 2-м (Черноморский флот) учебных экипажах, учебном рабочем экипаже и штурманском полуэкипаже. В среднем на 13 матросов приходился один унтер-офицер. Боевая подготовка шла по морскому уставу 1720 года. Новый устав был утвержден в 1853 году, но, построенный на основе принципов линейной тактики парусного флота, отражал вчерашний день.

Главная задача обучения состояла в отработке навыков, необходимых для обслуживания парусных судов. И на Балтике, и на Черном море на кораблях господствовала муштра, подавлявшая личность матроса, телесные наказания делали службу невыносимой. Хотя по уставу полагалось обучать матросов морскому делу, однако их больше занимали строевой подготовкой на Балтийском флоте, отчасти учили артиллерийскому делу. Так было вплоть до отмены крепостного права. В отчете Морского министерства за 1853 и 1854 годы указывалось, «что служба Балтийского флота имела ту особенность перед морской службой в других государствах, что у нас морские офицеры, матросы проводили каждый год, все военное время, в тягостном и усиленном труде вооружения двух дивизий, для того чтобы, пробыв только несколько недель в море опять провести всю осень в работах разоружения и потом прямо перейти на всю зиму к занятиям фронтовой частью, дабы усиленными учениями вознаградить время, потерянное для фронта летом...» [6, с. 75].

На Черноморском флоте во вторую четверть XIX века получила развитие лазаревская школа боевой подготовки. М. П. Лазарев считал, что корабль станет боеспособным лишь тогда, когда матросы и офицеры будут стремиться к одной цели, и если командир корабля будет являться образцом сознательного отношения к службе. Он был требователен и строг, но во время его командования телесные наказания были редкостью на флоте. Основным условием боеспособности всего флота М. П. Лазарев считал соблюдение строгой и четкой организации службы. Для этого им был разработан ряд инструкций, регулировавших подготовку личного состава флота. Военные суда Черноморского флота, в отличие от Балтики, были укомплектованы опытными в морском деле экипажами. Такому состоянию Черноморского флота способствовала и международная обстановка на юге России. С присоединением к России Кавказского черноморского побережья и созданием Черноморской береговой линии было организовано круглогодичное дежурство отрядов судов (Абхазская экспедиция). Постоянно совер-

шали рейсы суда Кавказского ведомства, пароходы на линии Одесса — порты Кавказа, Одесса — Константинополь, черноморские брига несли дежурство в Греции при посольстве.

Повседневная боевая подготовка позволила Черноморскому флоту в 1853 году перебросить в кратчайший срок из Севастополя на Кавказ 13-ю дивизию с артиллерийской бригадой, и, конечно, вершиной учебы явилась победа при Синопе.

В результате отличной выучки личного состава паруса на черноморских линейных кораблях ставились и убирались значительно быстрее, чем это делалось во флотах других государств. Все прямые паруса при встречном ветре ставились за 6–7 минут, при входе в бухту под парусами постановка на якорь занимала 8–10 минут.

Дивизии, бригады и экипажи — это береговые соединения, для действия на море суда соединялись в эскадры. Число эскадр обычно совпадало с числом дивизий. Суда в эскадры для плавания назначались не обязательно из состава одной дивизии, а в зависимости от готовности судов и других потребностей флота. Командовал эскадрой начальник дивизии, командиры бригад назначались младшими флагманами и начальниками отрядов, крейсерствующих у кавказских берегов.

Штаты 1826 года были последними штатами парусного флота. Ими были предусмотрены и паровые суда, которым, впрочем, предназначалась вспомогательная роль. Вскоре в утвержденные штаты были внесены поправки. В 1835 году от адмирала М. П. Лазарева поступило предложение усилить Черноморский флот в связи с возросшей ролью черноморского театра. Он считал необходимым иметь в составе флота 15 линейных кораблей, 7 фрегатов, 25 бригов, шхун и тендеров, 15 транспортов, 5 яхт и, кроме 24 малых пароходов, еще 2 крупных военных парохода. Этот штат был утвержден императором, но с условием, что его реализация может быть осуществлена «по мере того, как министр финансов будет находить возможность отпускать нужные для сего предмета суммы» [7, с. 181–182]. Одновременно в Петербурге командиром одного из экипажей был поднят вопрос об усилении Балтийского флота, но это было оставлено без внимания.

Накануне Крымской войны (к 1853 году) в составе Балтийского и Черноморского флотов находилось следующее количество судов [6, с. 2]:

Суда	Балтийский флот	Черноморский флот
Линейные корабли	26	16
Фрегаты и корветы	16	8
Пароходо-фрегаты	9	7
Малые пароходы	13	24
Бриги и шхуны	12	25
Транспорты	10	32
Суда других классов	55	41
Гребные суда	77	28

Основной судостроительной базой на Черном море были верфи в Николаеве, Херсоне и Севастополе. Здесь строили суда офицеры Корпуса корабельных инженеров Суровцев, Осьминин, Воробьев, Акимов, Чернявский (построил линейные корабли «Париж» и «Великий князь Константин»), Апостоли (построил линейный корабль «Силистрия»), Прокофьев, Карачурин, Афанасьев, Дмитриев 2-й (построил линейный корабль «Императрица Мария»), Кириллов, Вейнбергер, Пчельников, Делабель и другие [11, с. 171–176].

Основными типами судов в это время были линейные корабли, фрегаты, корветы и бриги, но по конструкции и водоизмещению Балтийские отличались от Черноморских.

Линейный корабль — трехмачтовое парусное судно с прямыми парусами, с двумя или тремя закрытыми батарейными палубами и одной открытой. На Балтике строились 110-, 84- и 74-пушечные корабли, на Черном море — 120-пушечные (длина до 65 м, водоизмещение 4700–4800 т) и 84-пушечные (длина до 60 м, водоизмещение 3800–4150 т). На 120-пушечный корабль было положено 1015 человек команды.

Фрегат — то же, но с одной закрытой и одной открытой палубами. На Балтике строились 52- и

44-пушечные фрегаты, на Черном море — 60-пушечные (длина 54 м, ширина до 14 м) и 44-пушечные (длина до 50 м, ширина до 13,5 м). Команда 300–500 человек.

Корвет — трехмачтовое парусное судно с прямыми парусами и одной открытой батарейной палубой. На Балтике строились 36-, 26- и 20-пушечные корветы, на Черном море — 20- и 18-пушечные (длина от 46 до 32 м, ширина от 8 до 11 м).

Бриг — двухмачтовое парусное судно с открытой батареей и прямыми парусами. На Балтике строились 20-пушечные бриги, на Черном море — 18-, 16- и 12-пушечные бриги (длина от 27 до 34 м, ширина от 8 до 10 м).

Российские верфи не справлялись с судостроительной программой. При потребности для Балтийского флота строить ежегодно три новых корабля, строились только один корабль через год в Архангельске и один корабль через два года в Петербурге и притом с плохим качеством. А так как строить новые не успевали, наскоро сырым лесом тимберовали старые корабли, которые от этого становились еще менее надежными. Строительство судов обходилось дорого, стоимость их без артиллерии до 1853 года составляла [13, с. 70]:

	Строительство (тыс. руб.)	Тимберовка (тыс. руб.)
Корабль 120-пуш.	641	—
Корабль 84-пуш.	405	576
Фрегат 44–74-пуш.	110–350	367–554
Бриг 20-пуш.	49	49
Шхуна	34	32
Пароход 400 л. с.	161	—
Пароход 240 л. с.	102	108

Суда Балтийского флота были большей частью из сырого соснового леса плохой постройки, и при каждом учебном плавании по портам Финского залива многие из них получали повреждения. Составить из них эскадру для продолжительного плавания в дальние моря было невозможно, и с большим трудом можно было найти несколько отдельных судов, которые считались способными совершить переход из Кронштадта

к берегам Восточной Сибири. Из семи посланных в Тихий океан дошли только три, два затонуло, один вернулся, один продан по непригодности.

Другими были суда Черноморского флота. По словам адмирала П. С. Нахимова, вообще 84-пушечные корабли имеют превосходные качества, и трудно отдать решительное преимущество кому-либо из них. По боевым качествам 120-пушечные корабли «XII Апостолов», «Париж»

и «Великий князь Константин» не имели равных среди парусных кораблей мира и, кроме того, отличались красотой форм и изяществом. Скорость корабля «XII Апостолов» достигала 12–13 узлов. Иностранцы высоко оценили качества кораблей Черноморского флота. Главный сарвайер английского флота Уильям Саймондус, побывав в 1844 году в Николаеве и Севастополе, писал английскому консулу в Одессе: «...Там пахнет морской наукой и ежели правительство поддержит, то морская часть в Черном море вскоре усилится». Английский капитан Дринкуотер, осмотревший в 1835 году строившиеся в Николаеве корабли, получил от адмирала М. П. Лазарева разрешение взять чертежи линейного корабля «Три святителя». Следует отметить, что установленные премии за долговечное служение кораблей в основном получали корабельные инженеры Черноморского флота. Из всех парусных судов Черноморского флота, состоящих в строю на 1853 год, только 8 транспортов было закуплено в Англии (один в 1838 году, три — в 1839 и четыре — в 1843).

В России из-за слабого экономического развития, отсутствия заводов паровые и винтовые суда почти не строились. В 1851 году пароходный комитет разработал программу постройки 14 винтовых судов — 9 для Балтийского и 5 для Черноморского флотов. В этом же году было заложено 9 судов, но к началу Крымской войны был готов один винтовой фрегат и привезена машина из Англии для другого. В 1852 и 1853 годах в Николаеве были заложены два 120-пушечных линейных винтовых корабля (800 л. с.), но они были закончены в 1858 году. В 1854 году в док Севастопольского адмиралтейства для переделки под винтовой был введен корабль «Три Иерарха», разобранный в конце года на дрова. Шло сооружение колесных пароходов. Так, для Балтийского флота было построено на петербургских заводах 15 пароходов, в Николаеве для Черноморского флота 13 пароходов. Для Беломорской, Каспийской и Камчатской флотилий было построено 18 пароходов. Одновременно Морское ведомство разместило ряд заказов и на иностранных заводах; за это время было приобретено 18 железных пароходов для Балтийского и 17 — для Черноморского флотов. Наряду с пароходами сооружались и пароходо-фрегаты, имевшие машины от 240 до 600 л. с. и вооружение от 4 до 16 орудий. Для Балтийского флота был приобретен один пароходо-фрегат в Англии и девять построены в России, для Черноморского — приобретено три и построено в Николаеве три. Балтийские пароходо-фрегаты имели машины от 300 до 450 л. с. (один 540 л. с.) и от 5 до 18 ору-

дий на борту. Черноморские пароходо-фрегаты имели машины 260 л. с. («Владимир» — длина 61 м, ширина 11 м, водоизмещение 1200 т, 400 л. с., на испытаниях на р. Темза показал среднюю скорость 11 узлов) и имели на вооружении 6 орудий [13, с. 71–73, 14, с. 104].

В 1852 году на Черноморском флоте числилось 4 пароходо-фрегата, в 1853 году — 7. Разница в количестве объясняется тем, что пароходы «Херсонес», «Одесса» и «Крым» в 1852 году были пакеботными пароходами Новороссийской пароходной экспедиции, а пароход «Эльбрус» числился по Кавказскому ведомству. В октябре 1853 года по распоряжению вице-адмирала В. А. Корнилова на пакетботные пароходы было установлено по 8 орудий, а машины их были блиндированы мешками с песком уже в ходе обороны Севастополя.

К середине XIX века гладкоствольные артиллерийские системы достигли пика своего развития. На вооружении судовой артиллерии состояли пушки (8–36-фунт.), единороги 1-пуд., пушки-карронады (18–36-фунт.), карронады (12–68-фунт.) и фальконеты (3-фунт.).

В 1834 году на флоте были введены 68-фунт. бомбические пушки, в 1838 году в России была утверждена новая система всех орудий (орудия внешне выглядели проще, на них отсутствовали украшения (фризы). До 1838 года на военных судах устанавливалась артиллерия до 36 фунтов и мортиры 3- и 5-пуд. В 1841 году на линейных кораблях Черноморского флота были впервые поставлены 68-фунт. бомбические пушки (на Балтике в 1842 году). Если в вооружении судов Балтийского флота «не было видно никакой основной мысли», то на Черноморском флоте артиллерия на судах была упорядочена и унифицирована для судов определенных классов.

120 пушечные линейные корабли вооружались 68-фунт. бомбическими и 36-фунт. пушками, 36- и 24-фунт. пушками-карронадами и 24-фунт. карронадами; 84-пушечные линейные корабли — 68-фунт. бомбическими и 36-фунт. пушками и 24-фунт. карронадами; фрегаты — 24-фунт. пушками и пушками-карронадами (44-пушечные — 18-фунт.); корветы и бриги — 18-фунт. артиллерией; пароходо-фрегаты — 10-дюйм., 68-фунт. бомбическими и 36-фунтовыми пушками и 24-фунт. пушками-карронадами.

Поскольку парусные суда предназначались не только для артиллерийских ударов по побережью, но и для высадки десанта, то на судовых гребных судах также устанавливалась артиллерия. Так, 24-весельный баркас вооружался 24- и 18-фунт. пушками и двумя фальконетами, 14-весельный полубаркас — двумя пушками.

К середине XIX века производство корабельной артиллерии было сосредоточено на Александровском заводе (г. Петрозаводск), изготавливавшем более 80% морских орудий. Остальные 20% давали уральские заводы (в основном Каменский) [10, с. 97; 15, с. 18]. Основной базой по производству боеприпасов для Черноморского флота был Луганский завод, созданный в 1795 году, достигший наибольших результатов во время Крымской войны (в 1854 году выпустил 64480 пудов боеприпасов, в 1855 году — 294778 пудов). Холодное оружие поставляла Златоустовская оружейная фабрика, Тульский, Сестрорецкий и Ижевский заводы, порох — Шосткинский, Охтинский и Казанский пороховые заводы, а капсули — Шосткинское и Охтинское капсульные заведения.

Петр I, создавший регулярную армию и флот России, ввел для них и единообразное обмундирование, претерпевшее к середине XIX века большие изменения. Офицерское обмундирование. Повседневным головным убором была фуражка зеленого цвета, с козырьком, введенная в 1811 году. Парадным головным убором была шляпа-треуголка. Верхней повседневной одеждой офицеров был темно-зеленый сюртук, введенный в 1803 году. Сюртук плотно облегал фигуру до талии, имел широкие полы, доходящие до колен, высокий стоячий воротник и застегивался по правому борту на шесть пуговиц. При повседневной одежде носились эполеты (эполеты обер-офицеров без бахромы). Для различия чинов на эполетах адмиралов вышивались орлы, на эполеты штаб- и обер-офицеров в 1830 году были введены кованые звездочки разной величины. Парадно-выходным являлся виц-мундир, по крою повторявший мундир, который носился

с небольшими поперечными контр-погончиками из золотого галуна. При виц-мундире носили кортики, а при парадном мундире только саблю. Шинель для офицеров и адмиралов была введена в 1805–1806 годах и по своему внешнему виду напоминала колоколообразный серо-голубого цвета плащ с большим висячим, в виде пелерины, воротником. Шинель носилась внакидку без погон.

Обмундирование нижних чинов. Повседневным головным убором была фуражка (фуражная шапка) темно-зеленого цвета без козырька с тремя белыми кантами — один наверху и два по краям околышка. С 1844 года на околышках фуражек делались просечные, на желтой подкладке, номера рот (1 Р, 2 Р и т. д.). Парадными головными уборами являлись кивера, а позже каски с металлической арматурой. Рабочей одеждой являлись голландская рубаха и канифасные брюки. Мундир темно-зеленого цвета был со стоячим воротником. На погонах нижних чинов были просечные номера флотских экипажей. В 1832 году на погоны унтер-офицеров введены поперечные галунные нашивки для различия чинов. Пуговицы были металлические с изображением скрещенных якорей. В 1803 году была введена длиннополая шинель из грубого серого сукна. Она имела застегивающийся на три крючка высокий воротник, восемь бортовых пуговиц и узкий стянутый пояс. В 1848 году в русском флоте было введено короткое двубортное «полупальто на урсовой подкладке» из простого зеленого сукна, застегивающееся на шесть пуговиц. Адмирал Ф. П. Литке дал этому полупальто название — брушлат (с 1917–1918 годов стал называться бушлатом) [12, с. 213–222].

Приложение

На 1854 год в составе Черноморского флота в 17 флотских экипажах на судах флота находилось 10 адмиралов и генералов, 478 штаб- и обер-офицеров, 1935 нижних чинов; нестроевых: 85 штаб- и обер-офицеров и 476 нижних чинов; по береговой части: 10 адмиралов и генералов и 48 штаб- и обер-офицеров.

В КМА состояло: 63 штаб- и обер-офицера, 194 нижних чина; по береговой части состояло 2 генерала, 7 штаб- и обер-офицеров и 3 нижних чина.

В арсенальной и лабораторной ротах по береговой части 22 штаб- и обер-офицера, 47 нижних чинов, 8 нестроевых штаб- и обер-офицеров и 459 нестроевых нижних чинов.

В КФШ состояло: 1 генерал, 142 штаб- и обер-офицера и 57 нижних чинов; по береговой части 14 штаб- и обер-офицеров и 22 нестроевых нижних чина.

В КИМ состояло: 3 генерала, 37 штаб- и обер-офицеров, 61 нижний чин; по береговой части 19 строевых штаб- и обер-офицеров и 3 нестроевых нижних чина.

В ластовых экипажах состояло: 2 генерала, 42 штаб- и обер-офицера, 2049 нижних чинов, 8 нестроевых штаб- и обер-офицеров и 80 нестроевых нижних чинов; по береговой части 23 строевых штаб- и обер-офицера, 1 нестроевой штаб-офицер и 2093 нестроевых нижних чина.

В рабочих экипажах состояло: по береговой части 148 строевых штаб- и обер-офицеров и 8155 нижних чинов.

В КМСЧ состояло: по береговой части 1 генерал, 29 штаб- и обер-офицеров, 14 нижних чинов.

В военно-рабочих ротах состояло 10 штаб- и обер-офицеров, 453 нижних чина и 12 нестроевых нижних чинов.

В арестантских ротах состояло 72 штаб- и обер-офицера, 359 нижних чинов и 55 нестроевых нижних чинов.

Всего на Черноморском флоте проходило службу 35 адмиралов и генералов, 1401 штаб- и обер-офицер и 33933 нижних чина.

На 26 февраля 1854 года:

29 флотский экипаж

Формировал команды линейного корабля «Селафаил» (10 офицеров и 638 нижних чинов), корвета «Пилад» (4 офицера и 166 нижних чинов), тендера «Поспешный» (2 офицера и 35 нижних чинов), транспортов «Рион» (1 офицер и 67 нижних чинов) и «Цемес» (1 офицер и 39 нижних чинов), пароход «Крым» (3 офицера и 88 нижних чинов). Всего 21 офицер и 1033 нижних чина.

В Крымскую войну убит 1 офицер, ранено 8, контужено 11.

Награды: Монаршее благоволение — 3, очередной чин — 13, орден Св. Георгия 3 ст. — 1, Св. Георгия 4 ст. — 6, золотое оружие — 5, Св. Владимира 3 ст. — 1, Св. Владимира 4 ст. — 12, Св. Анны 1 ст. — 2, Св. Анны 2 ст. — 2, Св. Анны 3 ст. — 20, Св. Анны 4 ст. — 8, Св. Станислава 1 ст. — 2, Св. Станислава 2 ст. — 5, Св. Станислава 3 ст. — 2.

30 флотский экипаж

Формировал команды линейного корабля «Ягудиил» (9 офицеров и 671 нижний чин), фрегата «Кагул» (7 офицеров и 338 нижних чинов), шхуны «Опыт» (2 офицера и 46 нижних чинов), транспорта «Прут» (1 офицер и 43 нижних чина), парохода «Колхида» (1 офицер и 23 нижних чина). Всего 20 офицеров и 1121 нижний чин.

В Крымскую войну убито и умерло от ран 4 офицера, ранено 12, контужено 9.

Награды: Монаршее благоволение — 2, очередной чин — 18, орден Св. Георгия 4 ст. — 2, золотое оружие — 3, Св. Владимира 3 ст. — 1, Св. Владимира 4 ст. — 12, Св. Анны 1 ст. — 1, Св. Анны 2 ст. — 2, Св. Анны 3 ст. — 15, Св. Анны 4 ст. — 6, Св. Станислава с имп. короной — 3, Св. Станислава 2 ст. — 6, Св. Станислава 3 ст. — 2.

31 флотский экипаж

Формировал команды линейного корабля «Храбрый» (9 офицеров и 674 нижних чина), бри-

га «Тезей» (3 офицера и 135 нижних чинов), бригада «Фемистокл» (3 офицера и 71 нижний чин), яхты «Стрела» (1 офицер и 15 нижних чинов), транспортов «Березань» (1 офицер и 81 нижний чин), «Дунай» (1 офицер и 67 нижних чинов), парохода «Таганрог» (12 нижних чинов). Всего 18 офицеров и 955 нижних чинов.

В Крымскую войну ранено 11 офицеров, контужено 10.

Награды: Монаршее благоволение — 4, очередной чин — 15, орден Св. Георгия 4 ст. — 1, золотое оружие — 1, Св. Владимира 3 ст. — 1, Св. Владимира 4 ст. — 8, Св. Анны 2 ст. — 1, Св. Анны 3 ст. — 14, Св. Анны 4 ст. — 8, Св. Станислава с имп. короной — 1, Св. Станислава 2 ст. — 2, Св. Станислава 3 ст. — 4.

32 флотский экипаж

Формировал команды линейного корабля «Три Святителя» (11 офицеров и 874 нижних чина), бригада «Меркурий» (2 офицера и 103 нижних чина), яхты «Орианда» (33 нижних чина), парохода «Тамань» (1 офицер и 22 нижних чина). Всего 14 офицеров и 1132 нижних чина.

В Крымскую войну убито и умерло от ран 4 офицера, ранено 12, контужено 9.

Награды: Монаршее благоволение — 4, очередной чин — 13, орден Св. Георгия 4 ст. — 1, золотое оружие — 5, Св. Владимира 3 ст. — 1, Св. Владимира 4 ст. — 13, Св. Анны 2 ст. — 2, Св. Анны 3 ст. — 11, Св. Анны 4 ст. — 5, Св. Станислава с имп. короной — 1, Св. Станислав 2 ст. — 5.

33 флотский экипаж

Формировал команды линейного корабля «Чесма» (11 офицеров и 664 нижних чина), корвета «Ариадна» (4 офицера и 167 нижних чинов), бригада «Эндимион» (2 офицера и 68 нижних чинов), тендера «Проворный» (1 офицер и 334 нижних чина), транспорта «Соча», парохода «Боец» (1 офицер и 23 нижних чина). Всего 19 офицеров и 935 нижних чинов.

В Крымскую войну убито и умерло от ран 6 офицеров, ранено 7, контужено 9.

Награды: Монаршее благоволение — 1, очередной чин — 21, орден Св. Георгия 3 ст. — 1, Св. Георгия 4 ст. — 4, золотое оружие — 2, Св. Владимира 3 ст. — 1, Св. Владимира 4 ст. — 14, Св. Анны 1 ст. — 2, Св. Анны 2 ст. — 1, Св. Анны 3 ст. — 16, Св. Анны 4 ст. — 9, Св. Станислава с имп. короной — 1, Св. Станислава 2 ст. — 5.

34 флотский экипаж

Формировал команды линейного корабля «Уриил» (6 офицеров и 545 нижних чинов), корвета «Андромаха» (2 офицера и 545 нижних чинов),

пароход «Эльборус» (1 офицер и 54 нижних чина). Всего 11 офицеров и 898 нижних чинов.

В Крымскую войну убито и умерло от ран 9 офицеров, ранено 13, контужено 13.

Награды: Монаршее благоволение, очередной чин — 9, орден Св. Георгия 4 ст. — 3, Св. Владимира 3 ст. — 2, Св. Владимира 4 ст. — 13, Св. Анны 1 ст. — 1, Св. Анны 2 ст. — 1, Св. Анны 3 ст. — 15, Св. Анны 4 ст. — 4, Св. Станислава с имп. короной — 1, Св. Станислава 2 ст. — 3.

35 флотский экипаж

Формировал команды линейного корабля «Париж» (9 офицеров и 855 нижних чинов), шхуны «Ласточка» (3 офицера и 66 нижних чинов), транспорта «Кинбурн» (1 офицер и 33 нижних чина), парохода «Дарго» (1 офицер и 15 нижних чинов). Всего 14 офицеров и 969 нижних чинов.

В Крымскую войну убито и умерло от ран 3 офицера, ранено 10, контужено 13.

Награды: Монаршее благоволение — 1, очередной чин — 21, орден Св. Георгия 4 ст. — 1, золотое оружие — 8, Св. Владимира 3 ст. — 1, Св. Владимира 4 ст. — 16, Св. Анны 1 ст. — 1, Св. Анны 2 ст. — 3, Св. Анны 3 ст. — 15, Св. Анны 4 ст. — 7, Св. Станислава с имп. короной — 1, Св. Станислава 2 ст. — 4.

36 флотский экипаж

Формировал команды линейного корабля «Ростислав» (9 офицеров и 621 нижний чин), фрегата «Сизополь» (5 офицеров и 332 нижних чина), транспорта «Субаши» (1 офицер и 34 нижних чина), транспорта «Рени» (1 офицер и 26 нижних чинов), парохода «Петр Великий» (2 офицера и 13 нижних чинов). Всего 17 офицеров и 1029 нижних чинов.

В Крымскую войну убито и умерло от ран 2 офицера, ранено 9, контужено 4.

Награды: Монаршее благоволение, очередной чин — 17, орден Св. Георгия 4 ст. — 4, золотое оружие — 4, Св. Владимира 4 ст. — 13, Св. Анны 2 ст. — 4, Св. Анны 3 ст. — 16, Св. Анны 4 ст. — 7, Св. Станислава с имп. короной — 2, Св. Станислава 2 ст. — 1, Св. Станислава 3 ст. — 1.

37 флотский экипаж

Формировал команды линейного корабля «Гавриил» (7 офицеров и 675 нижних чинов), корвета «Орест» (3 офицера и 166 нижних чинов), брига «Неарк» (1 офицер и 68 нижних чинов), тендера «Легкий», транспорта «Гагра» (71 нижний чин), транспорта «Кишинев» (1 офицер и 35 нижних чинов), парохода «Молодец» (1 офицер и 27 нижних чинов). Всего 13 офицеров и 1037 нижних чинов.

В Крымскую войну убито и умерло от ран 8 офицеров, ранено 11, контужено 13.

Награды: очередной чин — 9, орден Св. Георгия 4 ст. — 3, золотое оружие — 3, Св. Владимира 3 ст. — 1, Св. Владимира 4 ст. — 13, Св. Анны 2 ст. — 3, Св. Анны 3 ст. — 15, Св. Анны 4 ст. — 3, Св. Станислава 2 ст. — 2, Св. Станислава 3 ст. — 2.

38 флотский экипаж

Формировал команды линейного корабля «Двенадцать Апостолов» (7 офицеров и 731 нижний чин), шхуны «Забияка» (2 офицера и 71 нижний чин), транспорта «Арагва» (1 офицер и 35 нижних чинов), транспорта «Ялта» (33 нижних чина), парохода «Владимир» (3 офицера и 170 нижних чинов). Всего 13 офицеров и 1040 нижних чинов.

В Крымскую войну убито и умерло от ран 5 офицеров, ранено 14, контужено 12.

Награды: Монаршее благоволение — 2, очередной чин — 15, орден Св. Георгия 4 ст. — 3, золотое оружие — 6, Св. Владимира 3 ст. — 1, Св. Владимира 4 ст. — 13, Св. Анны 1 ст. — 2, Св. Анны 2 ст. — 3, Св. Анны 3 ст. — 14, Св. Анны 4 ст. — 3, Св. Станислава 2 ст. — 1, Св. Станислава 3 ст. — 1.

39 флотский экипаж

Формировал команды линейного корабля «Святослав» (10 офицеров и 671 нижний чин), брига «Орфей» (1 офицер и 134 нижних чина), шхуны «Дротик» (1 офицер и 65 нижних чинов), транспорта «Феодосия» (66 нижних чинов), транспорта «Кубань», транспорта «Лаба» (36 нижних чинов), парохода «Громомосец» (2 офицера и 108 нижних чинов). Всего 13 офицеров и 1080 нижних чинов.

В Крымскую войну убито и умерло от ран 6 офицеров, ранено 7, контужено 10.

Награды: Монаршее благоволение — 3, очередной чин — 12, орден Св. Георгия 4 ст. — 4, Св. Владимира 3 ст. — 1, Св. Владимира 4 ст. — 9, Св. Анны 2 ст. — 1, Св. Анны 3 ст. — 15, Св. Анны 4 ст. — 5, Св. Станислава 2 ст. — 4, Св. Станислава 3 ст. — 1.

40 флотский экипаж

Формировал команды линейного корабля «Императрица Мария» (8 офицеров и 650 нижних чинов), фрегата «Месемврия» (4 офицера и 403 нижних чина), транспорта «Днестр» (65 нижних чинов), транспорта «Мамай» (1 офицер и 34 нижних чина), парохода «Бердянск» (1 офицер и 15 нижних чинов). Всего 14 офицеров и 1157 нижних чинов.

В Крымскую войну убито и умерло от ран 7 офицеров, ранено 9, контужено 7.

Награды: очередной чин — 11, орден Св. Георгия 4 ст. — 2, золотое оружие — 4, Св. Владимира

4 ст. — 15, Св. Анны 2 ст. — 3, Св. Анны 3 ст. — 14, Св. Анны 4 ст. — 4, Св. Станислава с имп. короной — 1, Св. Станислава 2 ст. — 4, Св. Станислава 3 ст. — 1.

41 флотский экипаж

Формировал команды линейного корабля «Великий князь Константин» (6 офицеров и 816 нижних чинов), брига «Аргонавт» (2 офицера и 69 нижних чинов), шхуны «Смелая» (1 офицер и 66 нижних чинов), парохода «Бессарабия» (2 офицера и 117 нижних чинов). Всего 11 офицеров и 958 нижних чинов.

В Крымскую войну убито и умерло от ран 4 офицера, ранено 9, контужено 10.

Награды: очередной чин — 13, орден Св. Георгия 3 ст. — 1, Св. Георгия 4 ст. — 1, золотое оружие — 8, Св. Владимира 3 ст. — 1, Св. Владимира 4 ст. — 20, Св. Анны 1 ст. — 1, Св. Анны 2 ст. — 4, Св. Анны 3 ст. — 15, Св. Анны 4 ст. — 3, Св. Станислава 2 ст. — 3, Св. Станислава 3 ст. — 2.

42 флотский экипаж

Формировал команды линейного корабля «Трех Иерархов» (док), корвета «Калипсо» (3 офицера и 168 нижних чинов), брига «Птолемей» (1 офицер и 137 нижних чинов), брига «Эней» (2 офицера и 138 нижних чинов), транспорта «Сухум-Кале» (35 нижних чинов), транспорта «Доб» (34 нижних чина), парохода «Грозный» (2 офицера и 41 нижний чин), парохода «Андия» (1 офицер и 14 нижних чинов), парохода «Корнилов» (в доке). Всего 9 офицеров и 407 нижних чинов.

В Крымскую войну убито и умерло от ран 4, ранено 11, контужено 8.

Награды: очередной чин — 13, Св. Георгия 4 ст. — 2, золотое оружие — 4, Св. Владимира 4 ст. — 11, Св. Анны 1 ст. — 3, Св. Анны 2 ст. — 6, Св. Анны 3 ст. — 13, Св. Анны 4 ст. — 11, Св. Станислава с имп. короной — 5, Св. Станислава 2 ст. — 6, Св. Станислава 3 ст. — 3.

43 флотский экипаж

Формировал команды линейного корабля «Босфор» (строился в Николаеве), фрегата «Флора» (6 офицеров и 313 нижних чинов), брига «Персей» (5 офицеров и 127 нижних чинов), тендера «Скорый» (39 нижних чинов), транспорта «Буг» (33 нижних чина), транспорта «Кодос» (1 офицер и 38 нижних чинов), парохода «Одесса» (4 офицера и 182 нижних чина). Всего 16 офицеров и 583 нижних чина.

В Крымскую войну убито и умерло от ран 4 офицера, ранено 9, контужено 9.

Награды: Монаршее благоволение — 1, очередной чин — 12, Св. Георгия 4 ст. — 3, золотое оружие — 1, Св. Владимира 4 ст. — 10, Св. Анны

2 ст. — 3, Св. Анны 3 ст. — 16, Св. Анны 4 ст. — 8, Св. Станислава с имп. короной — 1, Св. Станислава 2 ст. — 2, Св. Станислава 3 ст. — 1.

44 флотский экипаж

Формировал команды фрегата «Коварна» (7 офицеров и 398 нижних чинов), фрегата «Кулевчи» (6 офицеров и 398 нижних чинов), транспорта «Бзыбь» (1 офицер и 39 нижних чинов), транспорта «Гостогай» (34 нижних чина), транспорта «Балаклава» (74 нижних чина), парохода «Херсонес» (3 офицера и 116 нижних чинов). Всего 17 офицеров и 1049 нижних чинов.

В Крымскую войну убито и умерло от ран 6 офицеров, ранено 15, контужено 8.

Награды: Монаршее благоволение — 3, очередной чин — 14, орден Св. Георгия 3 ст. — 1, Св. Георгия 4 ст. — 2, золотое оружие — 2, Св. Владимира 3 ст. — 2, Св. Владимира 4 ст. — 11, Св. Анны 1 ст. — 1, Св. Анны 2 ст. — 2, Св. Анны 3 ст. — 19, Св. Анны 4 ст. — 8, Св. Станислава с имп. короной — 1, Св. Станислава 2 ст. — 3, Св. Станислава 3 ст. — 1.

45 флотский экипаж

Формировал команды линейного корабля «Варна» (6 офицеров и 563 нижних чина), фрегата «Мидия» (2 офицера и 355 нижних чинов), транспорта «Килия» (42 нижних чина), транспорта «Аккерман» (1 офицер и 36 нижних чинов), транспорта «Портица» (22 нижних чина), парохода «Могучий» (24 нижних чина), паровой шхуны «Аргонавт» (1 офицер и 23 нижних чина). Всего 10 офицеров и 985 нижних чинов.

В Крымскую войну убито и умерло от ран 2 офицера, ранено 11, контужено 6.

Награды: очередной чин — 10, орден Св. Георгия 3 ст. — 1, Св. Георгия 4 ст. — 1, золотое оружие — 5, Св. Владимира 3 ст. — 2, Св. Владимира 4 ст. — 11, Св. Анны 1 ст. — 1, Св. Анны 2 ст. — 2, Св. Анны 3 ст. — 15, Св. Анны 4 ст. — 3, Св. Станислава 2 ст. — 2.

За период Крымской войны офицеров Черноморского флота: убито — 81, ранено — 197, контужено — 183. Из числа раненых: 3 офицера ранены 2 раза, 9 офицеров — 3 раза; из числа контуженных: 22 офицера — 2 раза, 12 офицеров — 3 раза, 3 офицера — 4 раза.

КМА

В Крымскую войну убито и умерло от ран 21 офицер и 1 кондуктор, ранено 32 офицера и 28 кондукторов, контужено 35 офицеров и 2 кондуктора.

Награды: Монаршее благоволение — 8, очередной чин — 139, орден Св. Георгия 4 ст. — 2, золотое оружие — 3, Св. Владимира 4 ст. — 11,

Св. Анны 1 ст. — 1, Св. Анны 2 ст. — 7, Св. Анны 3 ст. — 38, Св. Анны 4 ст. — 50, Св. Станислава с имп. короной — 2, Св. Станислава 2 ст. — 14.

КФШ

В Крымскую войну убито и умерло от ран 5 офицеров и 2 кондуктора, ранено 14 офицеров и 2 кондуктора, контужено 26 офицеров и 4 кондуктора.

Награды: Монаршее благоволение — 14, очередной чин — 126, орден Св. Владимира 3 ст. — 1, Св. Владимира 4 ст. — 5, Св. Анны 1 ст. — 1, Св. Анны 2 ст. — 5, Св. Анны 3 ст. — 40, Св. Анны 4 ст. — 67, Св. Станислава 2 ст. — 6, Св. Станислава 3 ст. — 31.

КИМ, КИМСЧ, ККИ

В Крымскую войну убито и умерло от болезней 1 офицер, ранен 1 офицер и 2 кондуктора, контужено 10 офицеров.

Награды: Монаршее благоволение — 7, очередной чин — 33, орден Св. Владимира 4 ст. — 3, Св. Анны 1 ст. — 1, Св. Анны 2 ст. — 2, Св. Анны 3 ст. — 14, Св. Анны 4 ст. — 11, Св. Станислава 3 ст. — 1.

Ластовые экипажи

и состоящие по адмиралтейству

В Крымскую войну убито и умерло от болезней 10 офицеров, ранено 32, контужено 52.

Награды: Монаршее благоволение — 1, очередной чин — 78, орден Св. Владимира 4 ст. — 1, Св. Анны 1 ст. — 1, Св. Анны 2 ст. — 3, Св. Анны 3 ст. — 43, Св. Анны 4 ст. — 60, Св. Станислава 3 ст. — 24.

Итого офицеров корпусов и ластовых экипажей убито 40, ранено 110, контужено 159.

Источники и литература:

1. Военная энциклопедия. Т. 13. — СПб., 1913.
2. Военный энциклопедический лексикон (ВЭЛ). Ч. 5. Кн. XVIII. — СПб., 1841.
3. ВЭЛ. Т. 14. Кн. 54. — СПб., 1851.
4. ВЭЛ. Т. 2. — СПб., 1853.
5. Всеподданнейший отчет по морскому ведомству за первые 25 лет царствования Государя Императора Александра Николаевича. — СПб., 1880.
6. Краткий отчет по Морскому ведомству за 1853–1854 годы. — СПб., 1860.
7. Лазарев М. П.: Сборник документов. Т. 3. — М., 1956.
8. Памятная книжка Морского ведомства на 1853 год. — СПб., 1853.
9. РГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 101.
10. Балагуров Я. А. Олонецкие горные заводы в дореформенный период. — Петрозаводск, 1958.
11. Голенищев-Кутузов Л. О судах Черноморского флота построенных со времени вступления на престол Государя Императора Николая Павловича. — СПб., 1844.
12. Дыгало В. Откуда и что на флоте пошло. — М., 1993.
13. Мордвинов П. Русское военное судостроение в течении последних 25 лет//Морской сборник. — 1880. — № 10.
14. Мордвинов П. Указ. соч.//Морской сборник. — 1881. — № 7.
15. Холостов П. Е. Краткий исторический очерк горнозаводского дела в Олонецком крае и обзор деятельности Александровского пушечно литейного завода в продолжении его столетнего юбилея (1774–1874). — Петрозаводск, 1874.

ТЕРЕЩУК Н. М.

ПРАВОСЛАВНЫЕ СВЯЩЕННИКИ ЕПАРХИАЛЬНОГО ВЕДОМСТВА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ 1854–1855 ГГ.

Отказ от устаревших, отвергнутых жизнью и обществом стереотипов мышления, связанных с прошлой идеологией государства, открыл новые направления изучения истории богатыми событиями Крымской войны. Это в полной мере относится к оценке роли церкви. В прошлом веке В. О. Ключевский писал: «Политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной» [7, с. 632]. Во время военных событий в Крыму эта «сила нравственная» проявилась у генералов и адмиралов, матросов и солдат, мирных жителей и, конечно, у духовенства.

В обороне Севастополя участвовало почти два десятка священнослужителей-монахов. Свой пастырский долг исполняли иеромонахи Балаклавского монастыря, даже в подземно-минных галереях совершались богослужения. В период плена в Балаклавском монастыре также совершались богослужения, и монахи молились о победе российского воинства.

В последнее время написано достаточно много научных работ, связанных с участием военных священников в Крымской войне. Можно поименно называть многих флотских священников. Жур-

нал «Вестник военного духовенства» в одном из своих номеров описывал, как в ходе напряженного момента боя из ночной темноты раздалась громкая молитва и сражавшиеся увидели иеромонаха с поднятым крестом. Солдаты, ободренные священником, опрокинули французов и, несмотря на сигнал отступления, не хотели покидать поле боя. Имя этого священника было Иоаникий Савинов [9, с. 19].

Данный материал является первой попыткой осветить участие в обороне Севастополя священно- и церковнослужителей Севастопольского благочиния епархиального ведомства. Исключая церкви военного ведомства, в период Крымской войны в Севастопольское благочиние входило 9 церквей:

Петропавловская церковь (на центральном городском холме, бывшая греческая);

Евпаторийская соборная Николаевская церковь;

Бахчисарайская соборная Николаевская церковь;

Петропавловская церковь казенного селения Мангуш и приписная к ней церковь Иоанна Предтечи в деревне Биассалы;

Марининская церковь в военном селении Камары и Алсу;

Константино-Еленинская церковь в селении Карань;

Троицкая церковь в казенном селении Кадыковка;

Лукинская церковь в военном селении Лаки и Крименчике;

Покровская церковь урочища Кача.

Севастопольское благочиние в период Крымской войны возглавлял благочинный протоиерей, магистр богословия Арсений Лебединцев. На эту должность он был назначен в 1848 году высокопреосвященнейшим Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим. 5 мая 1855 года великая княгиня Елена Павловна поручила ему духовное попечение о сестрах Крестовоздвиженской общины, а 17 ноября 1855 года А. Лебединцев был назначен «духовником к Крестовоздвиженской общине сестер попечения о раненых и больных в военных госпиталях» [1, л. 4 об., 5 об.]. На этой должности его сменил протоиерей Александр Демьянович, настоятель Петропавловской церкви. Именно А. Лебединцев оставил замечательные воспоминания об этом времени, которые были опубликованы в ежемесячном историческом журнале «Киевская старина» и назывались «Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церквей Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию, архиеписко-

пу Херсонскому и Таврическому, с донесениями о ходе военных действий и состоянии церквей и духовенства во время 11-месячной осады Севастополя». В его письмах нет описаний военных подвигов православных священников епархиального ведомства, но по описанию событий видно, как проявлялась преданность служения Богу и Отечеству в тяжелое военное время. Например, описывая шестой день бомбардировки Севастополя 10 октября 1854 года, А. Лебединцев писал: «Церковь оставалась, как и теперь, ежедневно открытой до вечера». И далее: «Люди, не отходившие от церкви (большей частью женщины) таяли от страха и плакали. Я нашел лучшим вторично пригласить их на молитву в церковь...» [5, с. 151]. Так продолжалось день за днем. В это тяжелое время люди как никогда нуждались в пастырской поддержке и мудром слове священников.

Через несколько дней А. Лебединцев напишет следующее: «12 числа в 4 часа, когда уже звонили к вечерне, пала бомба близ самой церкви нашей, взрывом вышибла на южной стороне стекла, два окна даже с рамами и повредила немного крышу. Обошлось без несчастий, хотя в церкви были люди, и я сам там находился. Убравши из церкви сор и стекла и затворив в побитых окнах ставни, я отслужил вечерню». Но уже на следующий день, по окончании обедни, осколком разорвавшейся над церковью в воздухе бомбы «вырвало кусок железа из каменного карниза». Несмотря на значительные повреждения церкви, благочинный, тем не менее, говорил: «Службу будем продолжать, пока будет где служить» [5, с. 160].

Можно с уверенностью сказать, что среди православных священников южного региона страны, исполнявших свой долг, особым авторитетом пользовался преосвященный Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический. В течение многих месяцев архиепископ постоянно напутствовал войска, направлявшиеся на военные действия, посылал им и жителям Севастополя свое благословение и приезжал сюда. Не случайно современники называли архиепископа «русским Златоустом» и «Великим гражданином земли Русской». Арсений Маркевич в своей речи, произнесенной на заседании Таврической ученой архивной комиссии 15 декабря 1900 года, посвященной деятельности в Тавриде архиепископа Иннокентия, произнес: «На следующий день (имеется в виду Альминское сражение — авт.) 15 сентября Иннокентий сказал опять проповедь в нашем соборе, полную утешения, одобрения, упокоения. Он внушал слушателям великий дух твердости и мужества, воодушевляющий теперь всю Россию» [6, с. 46–47].

В тот же день преосвященный Иннокентий прибыл в Бахчисарай и «движимый святой любовью к России» послал письмо Главнокомандующему военно-сухопутными и морскими силами в Крыму князю А. С. Меншикову с просьбой разрешить прибыть в Севастополь, помолиться вместе с войсками и передать им Касперовскую икону Божьей Матери, которую он привез с собой из Одессы и с которой хотел обойти войска.

К сожалению, он получил отказ А. С. Меншикова, который ответил, что не ручается за безопасность преосвященного на месте военных действий. Огорченный Иннокентий вернулся в Симферополь и 16 сентября произнес в соборе речь: «Сколько градов великой России желали бы теперь быть на месте вашем! Покажите же, что вы были на своем месте, и что Россия не будет иметь причины стыдиться за вас и сожалеть о том, что ея на это время здесь не было!» Тогда же преосвященный Иннокентий благословил Симферополь и весь Крым иконой Касперовской Божией Матери и оставил икону в Симферополе в кафедральном соборе.

Преосвященный Иннокентий посетил Севастополь в конце июня 1855 года. Остановился на Северной стороне в простой солдатской палатке, бесстрашно переехал на южную часть города, несмотря на то, что во время переправы одна неприятельская бомба упала перед носом катера, а другая за кормой [6, с. 50].

25 июня служил литургию в Лагерной церкви на Северной стороне. После литургии обратился к защитникам города, высказал радость от вида «священных для всех сынов отечества», напомнил мысль свою, высказанную при закладке храма св. Владимира, что «скорее не останется камня на камне в горах здешних, нежели уступится врагам эта колыбель русского православия». Призывая защитников к продолжению своих подвигов, преосвященный Иннокентий сказал: «Помните, что за вами Россия, перед вами потомство, над вами Бог и его пресвятой промысел» [6, с. 50].

А 26 июня при непрерывной бомбардировке Иннокентий совершил богослужение в Николаевском соборе, после обедни окропил собранные на площади войска «большую частью Георгиевских кавалеров» и передал иконы генералам и адмиралам.

До конца обороны Севастополя преосвященный Иннокентий следил за военными действиями, вел переписку с князем М. Д. Горчаковым и графом Д. Е. Остен-Сакеном, заботился о госпиталях и госпитальном духовенстве.

Слова его разносились по всей России и везде вызывали чувства патриотического воодушевле-

ния. Даже иностранцы и неприятели прониклись к нему уважением. После Крымской войны 26 августа 1856 года преосвященный Иннокентий был возведен в звание члена Святейшего Синода.

По архивным документам установлено, что в период 1853–1856 годов в благочинии было почти 30 священно- и церковнослужителей (четверть из них была греками). Один из них, протоиерей Антоний Аргириди, начинал свою деятельность в 1843 году в Петропавловской церкви, а затем в Николаевской церкви Балаклавского греческого пехотного батальона. Когда в сентябре 1854 года в Балаклаву входили английские войска, он не прервал службу в церкви и не покинул Балаклаву в период всей обороны Севастополя [10, с. 14–17].

Все священно- и церковнослужители после Крымской войны были награждены бронзовыми крестами на Владимирской ленте и светло-бронзовой медалью на Андреевской ленте. Награждали «За благоразумие и примерную неустрашимость», «За особое присутствие духа и труды». Протоиерея Бахчисарайской соборной Николаевской церкви Николая Ивановича Паксимаде наградили золотым наперстным крестом «За труды по Бахчисарайскому военному госпиталю и за усердную службу» [3, л. 21]. «За безмездное служение раненым и больным воинам во всех госпиталях во время военных действий в Крыму» был награжден священник Дмитрий Михайлович Родионов [3, л. 30]. Следует отметить, что наград были удостоены и церковные старосты. Так, церковный староста Бахчисарайской соборной Николаевской церкви бахчисарайский мещанин Михаил Анастасьевич Дримджи за погребение за свой счет раненых и умерших от болезней более двух тысяч воинских чинов был награжден серебряной медалью на Анненской ленте для ношения на шее, за оборону Севастополя получил медаль с надписью «За усердие» на Анненской ленте для ношения в петлице, за защиту Севастополя на Георгиевской ленте и темно-бронзовую медаль на Анненской ленте в петлице [4, л. 38].

Более высоких наград — золотыми крестами на Георгиевской ленте — по представлению морского начальства были удостоены наряду с флотскими священнослужителями протоиерей Арсений Лебединцев и священник Александр Демьянович. А. Г. Лебединцев за оборону Севастополя был также награжден золотым наперстным крестом с драгоценными камнями на Георгиевской ленте и бриллиантовым перстнем. А. П. Демьяновичу 24 октября 1854 года была объявлена архипастырская признательность, 7 мая 1855 года пожалован золотой наперстный крест на Георгиевской ленте.

Также за оборону Севастополя имел бронзовый крест на Владимирской ленте, бронзовую медаль на Андреевской ленте и серебряную на Георгиевской ленте [1, л. 4 об., 5 об.; 2, л. 2 об., 3 об.].

Интересен тот факт, что в конце Крымской войны в севастопольских церквях служили священниками В. Ф. Соколов и К. В. Красовский, которые в конце 1840-х годов принимали участие в кампании против «мятежных венгров» и были награждены серебряными медалями «За усмирение Венгрии и Трансильвании», а впоследствии и медалями за Крымскую войну [1, л. 7, 12].

Уже в конце 1854 года все церкви епархиального ведомства имели повреждения: в Херсонесе здание церкви было цело, но в ней все расхищено, были выломаны двери и даже полы; кладбищенская пострадала меньше всех — у нее была повреждена железная кровля и выбиты два окна ядром. Больше всего пострадала Петропавловская церковь на городском холме: у входа в церковь выбита колонна, осталась только ее нижняя половина, почти во всех окнах выбиты стекла. На вопрос А. Лебединцева одному из офицеров: не целятся ли специально в церковь, тот ответил, будто слышал от другого офицера, что «кто-то передал неприятелям, что в церквях наших находится порох и снаряды, «а потому будто бы выстрелы неприятельские имеют такое направление» [5, с. 161].

Из-за того, что церковь постоянно находилась под обстрелом, в нее ни разу не приглашались великие князья. Они посещали Михайловскую

церковь, как наиболее безопасную, хотя нередко после обедни поднимались к зданию Морской библиотеки для осмотра окрестностей и неприятельского лагеря, посещали могилы прославленных адмиралов. На день св. Георгия в Михайловской церкви на литургии и молебне присутствовали все кавалеры этого ордена от генералов до нижних чинов. Здесь же находились великие князья, Д. Е. Остен-Сакен и П. П. Липранди. За два дня до праздника защитникам Севастополя было вручено 22 ордена Св. Георгия [5, с. 273].

В мае 1856 года преосвященный Иннокентий доносил Святейшему Синоду о всех разрушениях церковей Севастопольского благочиния. Рапорт в Святейший Синод был составлен на материале, представленном А. Г. Лебединцевым после осмотра им севастопольских и окрестных церковей. Петропавловскую церковь на городском холме, как наиболее разрушенную, он предлагал разобрать, а камень использовать для постройки собора св. Владимира на городском холме. Несмотря на то, что Херсонская консистория согласилась с его мнением, этому предложению не суждено было состояться, и Петропавловский собор в настоящее время является достопримечательностью и украшением Севастополя [8, с. 55–56].

Оценивая вклад православного духовенства в героическую оборону Севастополя, становится очевидным, что православные священники епархиального ведомства вместе со всем народом показали перед целым миром, как православный человек понимает честь и долг перед Родиной.

Источники и литература:

1. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК), ф. 118, оп. 1, д. 5850.
2. ГААРК, ф. 118, оп. 1, д. 5860.
3. ГААРК, ф. 118, оп. 1, д. 5906.
4. ГААРК, ф. 118, оп. 1, д. 6129.
5. Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церковей Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию, архиепископу Херсонскому и Таврическому, с донесениями о ходе военных действий и состоянии церковей и духовенства во время 11-месячной осады Севастополя//Киевская старина. — 1896. — Том 52.
6. Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). — 1901. — № 31.
7. *Ключевский В. О.* Избранные произведения. — М., 1990.
8. *Крестьянников В. В.* Возрождение Севастопольского благочиния и монастырей после Крымской войны//Севастополь: взгляд в прошлое: Науч. статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя. — Севастополь, 2006.
9. *Крестьянников В. В.* Участие иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. //Севастополь: взгляд в прошлое: Науч. статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя. — Севастополь, 2006.
10. *Терецук Н. М.* Греческие священнослужители севастопольских церковей//Память о прошлом: Документы, исследования, научные статьи, подготовленные сотрудниками Государственного архива г. Севастополя. — Севастополь, 2007.

II. СЕВАСТОПОЛЬ И ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ ВО 2-Й ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА (1857–1917 гг.)

ШПАКОВА И. Е.

НЕКРОПОЛИ СЕВАСТОПОЛЯ ПЕРИОДА ВОСТОЧНОЙ (КРЫМСКОЙ) ВОЙНЫ — НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДУХОВНЫЕ СВЯТЫНИ

Историческая судьба Крыма и, в том числе, Севастополя — это сообщество этносов, конфессий и культур. В середине XIX века Севастополю суждено было стать ареной борьбы разных государств, а, значит, различных идеологий и культур. Восточная кампания 1853–1856 годов вошла в историю как один из самых кровавых военных конфликтов XIX века. Основной театр военных действий находился в Крыму, в частности, в Севастополе. Именно поэтому, в силу исторического столкновения на его территории интересов западного и восточного миров, эта война была названа Крымской.

В данной работе не рассматривается аспект военных действий и итоги этой войны. В результате огромных потерь воюющих стран в Севастополе появились новые некрополи, как защитников Севастополя, так и представителей таких стран, как Англия, Франция, Турция, Сардиния.

К 1856 году в Севастополе насчитывалось 16 основных кладбищ защитников города [3, л. 4]. Самым большим воинским некрополем на территории Севастополя по праву считается Братское кладбище на Северной стороне, организованное в конце 1854 года по указанию вице-адмирала Корнилова. Первоначально называлось Петропавловским, позже получило народное наименование Братское из-за большого количества братских могил, в которых похоронено около 50 тысяч защитников Севастополя. Благоустройство кладбища началось в 1856 году. Кладбище было обнесено оградой из крымбальского камня с двумя чугунными воротами. У ворот установили по 2 орудия времен Крымской войны. Для четырех инвалидов — смотрителей кладбища построили два жилых домика в готическом стиле. Одновременно велись паркостроительные работы. В течение 5 лет высадили множество доставленных из Императорского Никитского ботанического сада и Одесского питомника саженцев: каштана, миндаля, белой и желтой акации, сирени, туи и др. [2, л. 3, 7, 8].

До наших дней сохранились 638 могил с памятниками. По различным источникам удалось установить, что могилы 30 офицеров не сохранились. Здесь, в частности, покоится прах бывшего главнокомандующего князя М. Д. Горчакова, руководителя инженерной обороны графа Э. И. Тотлебена, генерала С. А. Хрулева, генерала А. Я. Адлерберга и двух его сыновей, князя Максудова, контр-адмирала М. Н. Кумани и многих других солдат, матросов и офицеров — защитников Севастополя [5, л. 6].

В 1870 году на территории Братского кладбища был сооружен храм св. Николая — общий памятник погибшим защитникам Севастополя, за проект которого архитектор А. А. Авдеев был удостоен звания академика архитектуры [2, л. 6]. В 1895 году из запасного кредита сметы Военного Министерства было выделено 8 000 рублей на постройку дома для священника на Братском кладбище [4, л. 9].

Кладбище имело статус мемориального, и с начала 1860-х годов на его территории хоронили по завещанию и с разрешения Императора умерших участников обороны Севастополя. Последнее захоронение было произведено в 1912 году (П. В. Щепанский) [2, л. 7].

До революции 1917 года Братское кладбище было местом поклонения павшим защитникам Севастополя, практически все посещавшие город приезжали на это священное место. После гражданской войны работы на кладбище не производились, оно постепенно приходило в запустение. В период второй обороны Севастополя храм и многие памятники кладбища были повреждены. Реставрационные работы велись с 1968 года [2, л. 13]. В 1988 году храм св. Николая передан общине Русской православной церкви. В этом же году, в день Святителя Николая 19 декабря, храм был освящен и в нем проведена после шестидесятилетнего перерыва первая служба.

Кроме православного, на Северной стороне Севастополя, в Панаиотовой балке, находится ев-

рейское кладбище, на котором похоронено около 500 еврейских воинов, павших при обороне города. На братской могиле в 1864 году по проекту одесского скульптора Ф. Вернета сооружено надгробие из белого мрамора в виде трехгранного обелиска. На постаменте мемориальные надписи на русском языке и иврите: «Памяти еврейских солдат, павших за отечество при обороне Севастополя во время войны 1854–1855 гг.» [6, с. 595].

Еще в ходе мирных переговоров в Париже английский уполномоченный лорд Джордж Уильман Фредерик Кларендон обратился к графу А. Ф. Орлову «с уверением, что он не сомневается в согласии России сохранить в целости под Севастополем и в других местах русской территории могилы павших воинов союзной армии и памятники, воздвигнутые англичанами и французами над кладбищами погибших в бою» [1, л. 2]. Перед уходом из Крыма они нанесли на карты места захоронений.

После Крымской войны, по договоренности с русским правительством, под Севастополем были устроены три воинских кладбища: английское, французское и итальянское. Приказом Главнокомандующего, генерала-инспектора по инженерной части и кавалерии великого князя Николая по инженерному корпусу от 22 мая 1871 года № 28 предписывалось сделать точное описание памятников на французском и английском кладбищах, одновременно приняв эти кладбища в непосредственное заведывание инженерного ведомства [4, л. 2].

В 1882 году в трех километрах от города был открыт и сформирован как памятник ландшафтно-парковой и кладбищенской архитектуры английский некрополь. На Каткартовом холме (топоним возник от имени генерала Георга Каткарта, погибшего в Инкерманском сражении и похороненного на этом холме еще в период осады Севастополя) нашли упокоение английские генералы Гольди, Торренс, Кемпбел, Стренгвейс... По данным историка и краеведа В. Г. Шавшина на кладбище было устроено 450 общих и индивидуальных могил. На территорию кладбища перезахоронили останки англичан с других некрополей, но далеко не со всех. Ведь на территории Крыма от Севастополя до Балаклавы и от Камышовой бухты до реки Черной (не считая Альму и Керчь) располагались 130 английских кладбищ и мемориалов. Одиннадцать из них бригадный генерал Дж. М. Эдди и полковник С. Дж. Гордон, inspectуруя в 1872 году английские памятники и места захоронений, уже найти не смогли [15, с. 240].

На кладбище было захоронено немало лиц из известных в Британии семей. Одиночные и братские могилы располагались восемнадца-

тью параллельными рядами. Большинство памятников были небольшими по размерам, не выше человеческого роста. Каждый памятник (без исключения) был своеобразным по архитектурному решению (стела, надгробие, ступенчатая пирамида, саркофаг...) и по материалу (мрамор, гранит, цемент, чугунное литье...). Многие памятники созданы скульптором Б. В. Эдуардсом. Часть эпитафий была высечена на русском языке: «Чтите могилу храбрых воинов», «Сей памятник воздвигнут братьями и сестрами усопшего в знак к нему их любви...», «...в 13 и 14 году был в сражениях с Русскими против французов» (Каткерт), «Стренг-Вейс, кавалер Анны, которую он получил от императора Всероссийского Александра в знак отличия... (при Лейпцигском сражении 1813 года).

Кладбище находилось в ведении английского консула. На благоустройство некрополя и для поддержания порядка правительством Великобритании ежегодно выделялось триста фунтов. У входа, на воротах которого изображен мальтийский крест, была построена сторожка, в которой располагался небольшой музей [15, с. 272].

Примечателен факт захоронения на этом кладбище журналиста английской газеты «Дейли Телеграф» Клода Хейя, скончавшегося в Севастополе 11 (24) октября 1920 года. Клод Хейя находился в Крыму и освещал в английской прессе события Гражданской войны. Накануне, как писала газета «Крымский вестник», он предпринял поездку на фронт и привез обширный материал, но написать последнюю статью не смог, так как в поездке сильно простудился и умер от воспаления легких. В газете подчеркивалось, что Клод Хейя приходился внуком лорду Раглану, командовавшему в период обороны Севастополя 1854–1855 годов английской армией и погибшему под Севастополем. Дед 65 лет тому назад «... нашел себе могилу в Севастополе, защищая английское дело против нас. Ныне внук его умер здесь на славном посту журналиста, но уже отстаивая одно общее дело борьбы за великую демократическую Россию». Далее указывалось, что он, возможно, движимый предчувствием быть похороненным на английском кладбище в Севастополе, уделял много времени его благоустройству [11].

В период обороны Севастополя 1941–1942 годов на холме шли ожесточенные бои. Кладбище сильно пострадало, но в 1944 году еще существовало. В период работы Ялтинской конференции (1945 год) его посетил премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль с дочерью Сарой [15, с. 241].

В последующие годы кладбище пришло в запустение, надгробия утрачены, а его территория передана садово-огородническому товариществу.

В сентябре 1993 года на вершине холма Каткарта открыт мемориальный комплекс (архитектор К. Злыдин), посвященный англичанам — участникам Крымской войны. В 1998 году произведена реконструкция мемориала (архитектор К. Хортон). В разные годы с целью поклониться праху своих соотечественников его посетили многие члены Британской королевской семьи, в том числе наследник английского престола принц Чарльз Уэльский (1996), брат королевы Англии Елизаветы II Его Высочество принц Майкл Кентский (2002), а также лорд Алан Каткерт — потомок Георга Каткарта, Майкл Спрингрис — потомок графа М. С. Воронцова, экс-президент США Джеральд Форд. В 1998 году в Севастополе побывала английская делегация, в составе которой находился посол Великобритании в Украине Рой Стивен Рив, военно-морской атташе каперанг Литтлбой, начальник оборонного штаба Великобритании генерал Генри Гетри [12, с. 131–133].

Согласно Указу Президента Украины «О 150-летию Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг.» от 23 июля 2003 года в районе хутора Дергачи на месте бывшего английского лагеря в период осады Севастополя 1854–1855 годов возведен обелиск (архитектор Ю. Олейник) в память о погибших в Крымской войне английских воинах. Надпись, выполненная на двух языках (украинском и английском) гласит: «Памяти британцев, погибших в Крымской войне в 1854–1856 гг. В честь 150-летия». В церемонии открытия в сентябре 2004 года приняла делегация Великобритании во главе с братом королевы Елизаветы II принцем Майклом Кентским и первым лордом Британского адмиралтейства адмиралом А. Уестом [14, с. 493–494].

Французское военное кладбище было устроено в 1863 году недалеко от главной квартиры французских войск между Балаклавой и Севастополем, в районе пятого километра Балаклавского шоссе, на земле, приобретенной у генерала А. Б. Бракера. Автор проекта ландшафтно-паркового ансамбля и кладбищенской архитектуры инженер-капитан Форпос. Огороженное каменной оградой с металлическими воротами в центре, с часовней, на которой были нанесены имена погибших генералов: Бизо, Бретона, Брюне, Понтеве, Сен-Поля, двухэтажным домом смотрителя и семнадцатью склепами — оно поражало своей оригинальностью. В подземной части склепов, в нишах, лежали черепа и кости погибших французов. У входа в склепы возле металлических кованых дверей были установлены мраморные плиты с указанием родов войск. На ограде

некрополя имелась мраморная доска с надписью на французском и русском языках: «Французское кладбище 1854–1855 гг.» и «Земля Французской республики» [1, л. 2, 3].

В период Второй мировой войны кладбище пострадало, но в целом сохранилось. В первой половине 1950-х годов бывший дом смотрителя, часть ограды и несколько саркофагов разобрали на стройматериалы, а в 1982 году часовню и склепы варварски уничтожили по устному указанию одного из севастопольских чиновников [15, с. 246].

Осенью 2004 года на территории бывшего французского воинского некрополя, на 5-м километре Балаклавского шоссе, при участии французской делегации во главе с Чрезвычайным и полномочным послом Франции в Украине Ф. Де Сюрменом, состоялось открытие французского мемориального комплекса, построенного на средства Французской Республики.

Говоря о французских воинских захоронениях нельзя не сказать о братской могиле на Малаховом кургане. В ночь с 27 на 28 августа 1855 года Малахов курган пал. Но пал с такой славой, что потрясенные французы похоронили своих и русских погибших воинов в одной братской могиле. Это было впервые в военной истории. На могиле они установили простой деревянный крест с надписью на французском и русском языках, которая гласила: «Их разъединяло стремление к победе, а соединила смерть. Такова доля солдата, таков удел храбрецов». Впоследствии, после оставления французами Севастополя, вместо деревянного креста установили мраморный памятник [1, л. 2].

Итальянцы перезахоронили своих соотечественников на горе Гасфорта, где в 1855 году находились их позиции. Построенная на ее вершине итальянским инженером Герардини часовня в ламбордийском стиле из балаклавского мраморовидного известняка восхищала современников изящной архитектурой, пропорциональностью, гармонией с окружающим пейзажем. Под часовней находился склеп, в который вели несколько ступеней. Возле часовни имелся колодец глубиной до сорока метров. На некрополь площадью около 230 квадратных метров, окруженный каменной оградой, перенесли останки двух тысяч сардинцев, погибших и умерших у Севастополя, в том числе генералов Ла-Мармора (старшего брата командующего сардинской армией в период осады Севастополя), Аноальди, Ланцавеккиа и других. 16 августа 1882 года на траурной церемонии открытия итальянского воинского кладбища русские солдаты ружейным салютом отдали последний долг погибшим [15, с. 249].

Однако спустя некоторое время несколько надгробий были повреждены. А 23 января 1901 года из часовни «украли распятие красной меди, корону такой же меди и никелированную трубку», в которой находились списки убитых [8].

В период второй обороны Севастополя по горе Гасфорта проходил передовой оборонительный рубеж. Бывали дни, когда за сутки высота несколько раз переходила из рук в руки. Некрополь и часовня были разрушены. Остатки часовни разобрали в конце 1950-х годов. А по частично сохранившимся зарослям кактусов-опунций, завезённых из Италии, еще можно определить бывшее месторасположение некрополя.

В 2004 году у подножия горы Гасфорта, в 150 метрах от трассы Севастополь — Ялта, был открыт мемориал воинам сардинского королевства (архитектор Ю. Олейник), который удачно вписался в окружающий пейзаж. МонуMENT напоминает об утраченной часовне — творении итальянского инженера Герардини, в воинском некрополе сардинцев [13, с. 349].

Все иностранные кладбища в Севастополе сооружались с разрешения правительства России на средства союзных держав. Из бюджетов Англии, Франции и Италии ежегодно выделялись средства на ремонтные работы и оплату сторожам. Соблюдение порядка на воинских некрополях находилось в ведении консульских служб. В начале XX века смотрителем французского кладбища был консул Л. А. Ге, вошедший в историю в связи с возвращением в Севастополь Херсонесского колокола и крестов, снятых с православных церквей и вывезенных во Францию. Должность смотрителя сохранялась до 1936 года, последним был француз Жозеф Раве, похороненный впоследствии на этом же кладбище. Известно также, что итальянский вице-консул Мошетти, находившийся в Одессе, организовал подготовку к перезахоронению на родине генералов А. Ла-Мармора и Г. де-Монтевеккьо.

Севастопольцы, и в первую очередь ветераны Крымской войны, с пониманием, всепрощением и уважением относились к этим воинским кладбищам, которые заставляли задуматься о смысле войны и мира, а также о ценности человеческой жизни...

Примечателен факт, что архитектурно оформленных турецких военных кладбищ в Севастополе после Крымской войны не было. Генеральное консульство Турции в Севастополе было учреждено только в 1899 году [7]. Впервые о попытке сооружения турецкого национального некрополя упоминается на страницах газеты «Крымский

Вестник» 20 апреля 1914 года: «Центральное турецкое правительство предложило своему представителю, турецкому консулу в Севастополе, войти в переговоры с владельцем участка земли в Балаклаве, на котором погребены останки воинов, павших в кампанию 1854–1855 гг. с целью покупки участка для устройства там военного братского кладбища по примеру существующих английского, французского и итальянского. Если же по каким-либо причинам достичь этого нельзя, то поручено приобрести ему другой, подходящий для означенной цели участок, и перенести туда останки воинов. Переговоры консула с владельцем участка еще не завершены» [9]. Через месяц, в мае 1914 года, в этой же газете сообщалось, что турецкое правительство окончательно решило вопрос об устройстве собственного братского кладбища в Севастополе, куда будут перенесены останки воинов, павших в Крымскую кампанию. Место для турецкого кладбища было выбрано около французского кладбища [10]. Однако осуществлению этих планов помешала начавшаяся через несколько месяцев Первая мировая война. И только в 2004 году в верховье Килен-балки, на месте турецкого кладбища, выявленного в 1980-х годах во время земляных работ, на средства Турецкой республики был открыт мемориал (архитектор Ю. Олейник). В церемонии его открытия приняла участие турецкая делегация во главе с командующим военно-морскими силами Турции адмиралом О. Орнеком. На обелиске высечена надпись на турецком и украинском языках: «Священной памяти турецких солдат, которые полегли в Крымской войне 1853–1856 годов. Мир их душам» [16, с. 902, 903].

В настоящее время уделяется особое внимание переосмыслению значения военных захоронений. На протяжении 2003–2006 годов в Крыму осуществлялась государственная программа мероприятий, приуроченных к 150-летию Крымской войны. Был восстановлен ряд памятников, разрушенных войной, политической нетерпимостью и человеческим невежеством. Появились и новые военно-исторические памятники.

Некрополи — места почитаемые, а те, на которых покоится прах воинов, — особенно. Все они объединены темой увековечивания памяти исторических событий. Сюда по-прежнему идут люди, чувствующие потребность прикоснуться к святыням прошлого и задуматься о будущем.

Источники и литература:

1. Государственный архив города Севастополя (ГАГС), ф. Р-567, оп. 1, д. 186.
2. ГАГС, ф. Р-567, оп. 6, д. 34.
3. ГАГС, ф. Р-567, оп. 6, д. 150.
4. ГАГС, ф. Р-567, оп. 6, д. 163.
5. ГАГС, ф. Р-567, оп. 6, д. 750.
6. *Гельман Б. Н.* Памятник еврейским солдатам-участникам обороны Севастополя 1854–1855 гг. //Севастополь: Энциклопед. справ. — Изд. 2-е. — Севастополь, 2008.
7. Крымский вестник. — 1899. — 21 сентября.
8. Крымский вестник. — 1901. — 23 января.
9. Крымский вестник. — 1914. — 20 апреля.
10. Крымский вестник. — 1914. — 22 мая.
11. Крымский вестник. — 1920. — 13 (26) октября.
12. *Шавшин В. Г.* Балаклава: Истор. очерки. — Симферополь, 2002.
13. *Шавшин В. Г.* Итальянское воинское кладбище//Севастополь: Энциклопед. справ. — Изд. 2-е. — Севастополь, 2008.
14. *Шавшин В. Г.* Мемориал в память погибших в Крымской войне английских воинов//Севастополь: Энциклопед. справ. — Изд. 2-е. — Севастополь, 2008.
15. *Шавшин В. Г.* Севастополь в истории Крымской войны. — Севастополь-Киев, 2004.
16. *Шавшин В. Г.* Турецкое воинское кладбище 1854–1855 гг. //Севастополь: Энциклопед. справ. — Изд. 2-е. — Севастополь, 2008.

ТЕРЕЩУК Н. М.

РОЛЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТОРГОВОГО СОСЛОВИЯ В РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННЫХ УСТОЯХ ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ В XIX ВЕКЕ

Купеческое сословие юридически оформилось в России лишь в конце XVIII века, с момента оформления гильдейского купечества. К этому хронологическому периоду относится основание Севастополя (1783) как военной крепости. Закономерно, что вскоре в городе стали появляться купцы. Но в конце XVIII — начале XIX вв. их число было столь незначительное, что говорить о купечестве как о социальной общности не представляется возможным. По сведениям Таврического губернского землемера количество купцов в Севастополе в 1798 году составляло 31 человек [12, с. 32].

Актуальность этого вопроса связана, во-первых, с тем, что в стране в настоящее время существуют рыночные отношения и можно проводить какие-то аналогии; а во-вторых, что существовавшие долгое время в государстве идеологические мотивы не позволяли в полной мере освещать эти вопросы.

В данной работе автор попытается рассмотреть конкретные примеры вклада торгового сословия в область моральных и религиозных устоев. В связи с ограниченной источниковедческой базой этот вопрос будет рассматриваться регионально, на примере севастопольского купечества.

В первую очередь купечество сыграло огромную роль в развитии промышленности. В качестве примера можно привести строительство Алексеевских и Александровских доков купцами С. П. Кундышевым-Володиным и его зятем А. А. Максимовым, будущим городским головой. А. А. Максимова 6 мая 1886 года «За отличную рас-

порядительность при производстве работ по сооружению Алексеевских доков в городе Севастополе, по представлению г. управляющего Морским министерством, всемилостивейше пожалован орденом Св. Станислава 3 ст.» [3, с. 2]. Его тесть, коммерции советник С. П. Кундышев-Володин, являясь главным подрядчиком дока, получил титул коммерции советника и «удостоился высочайшего приема» в Гатчинском дворце [27, с. 2]. Это положительно повлияло на развитие экономики города. Не менее важным и не менее значимым является вклад севастопольского купечества в другие отрасли.

Благотворительность купечества можно разделить на две разновидности: персональную и коллективную. Ярким примером коллективной благотворительности является факт, что севастопольское купечество на день св. Николая дало обед нижним чинам, вернувшимся с победой после Синопского боя. Об этом свидетельствует письмо мичмана 30-го флотского экипажа Федора Григорьевича Иванова своим родным в Николаев: «Севастополь, 1853 год, декабрь, 10, пятница.

...Здесьнее купечество на день Николая давало обед нижним чинам, которые были под Синопом, а как всех они были не в состоянии (в Синопе были три стопушечных, 3 восьмидесятых, да сверх того пришли после фрегат наш Кагул и несколько пароходов с Корниловым), то отобрали со всех кораблей 1200 человек, с утра вывели их на площадь против Графской — одеты были в мундиры — унтер-офицеры в тесаках

и все в киверах — офицеры в полной форме. Часу в 12 вывели их на площадь перед батареею и там построили четверугольником. Когда приехало начальство и духовенство, то отслужив в середине четверугольника молебн. После этого татарский мулла сказал всем присутствующим чрезвычайно умную речь на русском языке, на котором он хорошо говорит — и после всех церемоний матросы взошли с музыкой за столы, поставленные так, что концы их упирались в крепость. Перед каждым матросом стояли шкалик водки и бутылка вина. Во все время обеда были Корнилов, Новосильский, Станюкович и другие. Нахимов не было — он был болен — князь тоже не был. Все матросы после обеда решительно перепились и когда офицеры в 5 часу привели их в казармы, то они были больше похожи на комья грязи, чем на людей. В тот же день князь в зале благородного собрания давал обед для всех офицеров, которые были под Синопом и офицерам парохода Владимир...» [10, л. 35–36].

К традиционной сфере благотворительности следует отнести религиозную, отличающуюся от светской. Типичной формой было строительство церквей, пожертвованиям монастырям, исполнение функций ктиторов (церковных старост).

В 1841 году в Балаклавском Георгиевском монастыре обрушилась часть горы, завалив камнями монастырскую кухню. После этого происшествия началось жертвование денег на сооружение контрфорса и ремонт монастырских построек. Поскольку монастырь был флотским, а также учитывая, что судьба монастыря была небезразлична главному командиру Черноморского флота и портов адмиралу М. П. Лазареву, то в первую очередь собирались деньги в воинских частях: Брестский полк 13-й пехотной дивизии собрал 142 руб. 82 $\frac{3}{4}$ коп., 17-й рабочий экипаж — 63 руб. 11 $\frac{1}{4}$ коп., 38-й флотский экипаж — 21 руб. 43 $\frac{4}{7}$ коп. Но самый большой вклад сделал севастопольский купец 2-й гильдии Л. А. Бородин, пожертвовавший 5 тысяч рублей [31, с. 56]. Купец И. Я. Гуцин еще до Крымской войны на одной из площадок Балаклавского Георгиевского монастыря устроил фонтан, о чем стало известно из «Обозрения Южного берега Тавриды», составленного Дюбровским [13, с. 37]. Севастопольский купец 1-й гильдии И. Я. Гуцин в 1843–1846 годах был городским головой. В период обороны Севастополя в 1854–1855 годах занимался торговлей сначала в городе, затем на Северной стороне. Имел свой трактир. Впоследствии, в период Крымской войны, И. Я. Гуцин передал свой дом в центре города (совр. проспект Нахимова) для раненых нижних

чинов. В нем размещался 1-й перевязочный пункт [15, с. 158].

Самые ранние сведения о пожертвованиях культовым храмам датируются 1823 годом, когда в сведениях об утвари или, говоря современным языком, инвентаризационной описи Всехвятской Кладбищенской церкви при ее передаче греческой Петропавловской церкви указывалось, что купцом Л. Сергеевым была подарена церкви риза «темно-зеленой шелковой материи» с атласною лентой и подшита зеленой китайкой [2, л. 56]. А купцом 1-й гильдии В. М. Носовым, будущим городским головой, было передано в дар этой же церкви «паникадило о 14 свечах», под ним киот из фольги и серебряный шнурок [2, л. 57].

Петропавловская церковь на городском холме, одна из первых церквей в Севастополе, построенная в 1792 году, на протяжении XIX века несколько раз перестраивалась: сначала в 1812 году, затем в 1837 году. Была сильно разрушена в Крымскую войну. По свидетельству Севастопольского благочинного протоирея Арсения Лебединцева Петропавловская церковь представляла собой только стены, внутри «обезображенные надписями и карикатурами, для святых оскорбительными» [16, с. 55]. (На период ее восстановления причт перешел в Петропавловскую церковь на улице Большой Морской, о строительстве которой речь пойдет позже). Восстанавливали Петропавловскую церковь на городском холме все те же коммерции советник С. Л. Кундышев-Володин и его зять Алексей Максимов, значившийся тогда еще николаевским купцом 1-й гильдии. Восстановление храма им обошлось в 60 тысяч рублей, из которых 15 тысяч рублей пожертвовал А. Максимов, остальные — его тесть [20, с. 3].

В 1884 году Министерство народного просвещения объявило признательность не только Севастопольской городской думе и чиновникам, но и группе купцов: П. А. Телятникову, Я. В. Долголенко, И. К. Куртину, Н. И. Евтееву и купчихе И. А. Веприцкой — «за пожертвования и труды при постройке в здании Севастопольского реального училища храма во имя князя Александра Невского, в память Императора Александра II» [25, с. 2].

Ярким примером такой же благотворительности является строительство Петропавловской церкви после Крымской войны на улице Большой Морской. 12 сентября 1857 года двенадцать севастопольских купцов во главе с городским головой купцом 1-й гильдии Иваном Максимовичем Красильниковым обратились с ходатайством к военному губернатору Севастополя контр-адмиралу П. М. Вукотичу о разрешении построить на до-

бровольные пожертвования каменную церковь на подворье Балаклавского монастыря, находящегося на Большой Морской улице. Церковь была построена и просуществовала с 1858 по 1905 год [15, с. 160]. В 1888 году один из директоров Севастопольского тюремного комитета купец П. Базов пожертвовал 500 рублей на строительство часовни при «здешней тюрьме» [17, с. 3].

В 1890 году была освящена и открыта Греческая церковь во имя Трех Святителей — св. Василия Великого, св. Григория Богослова и св. Иоанна Златоуста. Церковь полностью была построена на средства почетного потомственного гражданина Василия Ивановича Феолого. Через несколько месяцев после ее открытия, 29 октября 1890 года, он умер в возрасте 98 лет. Греческое общество в знак уважения к своему жертвователю похоронило его «под полом Греческой Трехсвятительской церкви с правой стороны при входе в церковь» [8, л. 57 об.—58].

В 1904 году на средства городского головы потомственного почетного гражданина А. А. Максимова была построена церковь во имя Христа Спасителя при городской больнице [9, л. 21]. С 1909 года церковным старостой этой церкви был купец Н. Гаврилов [9, л. 21].

Церковными старостами, как правило, избирали состоятельных граждан, зачастую купцов. Для решения хозяйственных вопросов они не только добивались выделения средств из казны, но и использовали свои деньги. После восстановления Петропавловской церкви купец 1-й гильдии А. А. Максимов помог привести в порядок церковный дом, в котором разместились церковно-приходская школа, квартиры учителя и сторожа [3, л. 1]. Старостой возобновленной церкви с 1889 года был коммерции советник С. Л. Кундышев-Володин, «за отсутствием его должность церковного старосты исполняет помощник его николаевский 1-й гильдии купец Алексей Андреевич Максимов». И тот, и другой были утверждены в должностях епископом Мартинианом 22 сентября 1889 года [3, л. 1 об.—2]. Разрушенную в Крымскую войну Всехсвятскую кладбищенскую церковь и церковный дом принял «на собственный счет» церковный староста бердянский купец 1-й гильдии Иван Корнилович Пикин [4, л. 3]. Ктитор Херсонесской св. Владимира кинонии купец 1-й гильдии Петр Телятников после окончания войны в 1857 году вместе с братом Михаилом Телятниковым, видя совершенно разоренную Херсонесскую кинонию, «изъявил готовность и усердие возвести за свой счет каменные постройки». Они построили храм

с кельями во имя Семи Священномучеников Херсонесских. Это было отмечено архиепископом Херсонским и Таврическим Иннокентием: «Очень рад благочестивому усердию...» [7, л. 9 об.]. Более 13 лет состоял в должности церковного старосты Петропавловской церкви на Северной стороне, а после ее закрытия перешел в Вознесенскую, севастопольский купец 2-й гильдии А. Н. Резанов. Присяжный заседатель, торговый депутат А. Н. Резанов был удостоен многих наград не только по гражданскому ведомству. 6 мая 1902 года за заслуги по духовному ведомству он был награжден золотой медалью на Станиславской ленте [28, с. 985]. Таких примеров можно привести немало. В газете «Крымский вестник» от 15 марта 1897 года была помещена информация: «Вчера в Севастопольской городской управе были вручены всемилостивейше пожалованы награды торговым депутатам: Степану Мачуке — золотая медаль с надписью «За усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте; Андрею Мадееву и Алексею Резанову — серебряные для ношения на шее на Анненской ленте».

Филантропическая деятельность купцов всячески поощрялась властью, которая награждала их почетными званиями, орденами и медалями. Особенно это проявилось в период Крымской войны. Тогда о купцах, и, в первую очередь, севастопольских, заговорили на государственном уровне. За услуги раненым нижним чинам, оказанные севастопольским купцом 2-й гильдии Сергеем Агеевичем Орловским, в 1858 году ему было объявлено монаршее благоволение, которое внесли в его формулярный список и объявили об этом в присутствии магистрата [5, л. 1—1 об.].

Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором «монаршая благодарность» была также объявлена севастопольскому купцу 3-й гильдии Михаилу Лушникову, пожертвовавшему 125 рублей серебром в пользу раненых [1, л. 128].

Серебряной медали, бронзовой светлой медали на Андреевской ленте в память минувшей войны, золотой медали с надписью «За усердие» для ношения на шее на Владимирской ленте, а также права ношения в отставке мундира за выслугу лет на выборной должности ратмана Севастопольского магистрата с зачетом службы в период обороны был удостоен купец 1-й гильдии Петр Андреевич Телятников [24; 7, л. 9—9 об.].

За пожертвование перевязочных материалов и медикаментов севастопольский купец 1-й гильдии И. Тарасов по ходатайству Главного штаба бывшей 2-й армии был награжден серебряной, а затем, по ходатайству магистрата, бронзовой медалями [5, л. 7—8; 11, л. 14].

«За особые труды во время минувшей войны» государь Император наградил золотой медалью «За усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте ратмана Севастопольского городского магистрата купца 1-й гильдии Якова Долголенко. Он был также награжден серебряной медалью за защиту Севастополя и бронзовой — в память минувшей войны [6, л. 12–13].

Сформировавшийся веками этноконфессиональный баланс был характерен для Севастополя с момента его основания. Из переписки благочинного крымских церквей протоирея Михаила Родионова с членом правительствующего Синода, архиепископом Херсонским и Таврическим Иннокентием в 1856 году стал известен факт, что в Камышовой бухте во время Крымской войны были построены французами и англичанами две церкви. Два караимских купца Кефели и Фиркович, выкупая бараки для складов, выкупили эти церкви и пожертвовали: первую — «Херсонскому скиту, а последнюю перенести на Северную сторону с перевозкою туда нескольких барачков для устройства помещения церковнослужителей». В своем письме 29 августа 1856 года вице-губернатор Таврической губернии, обращаясь к протоирею М. Родионову, писал, что этим пожертвованиям не надо давать «другого назначения». 8 сентября 1856 года церковь на Северной стороне был обновлена и освящена, дом для причта был закончен 20 октября, «а Херсонская церковь оставлена в Камыше при складах. Нужно о. Евгению лично быть при перевозке церкви и при поставлении оной на месте» [7, л. 5–5 об.].

Разнообразны были сферы общественной жизни, куда направлялись купеческие пожертвования.

Среди купеческих пожертвований следует отметить их вклад в образование. Купцы, будучи убеждены, что деловая карьера зависит от уровня образованности, активно содействовали развитию этой отрасли. Многие из них состояли в попечительских советах и личным участием помогали в решении многих проблем. При этом следует отметить, что некоторые купцы иногда сами не умели читать и писать. Интересен факт, что в брошюре «Севастополь по переписи 1886–1887 годов» приводятся статистические данные о количестве грамотных жителей города по сословиям и вероисповеданиям. На 630 лиц купеческого сословия приходилось 458 грамотных [19, с. 3].

По имеющимся в Госархиве г. Севастополя сведениям почетный гражданин купец 1-й гильдии городской голова А. А. Максимов состоял почти во всех благотворительных или обще-

ственных организациях. Он был действительным членом попечительства детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии, почетным попечителем Севастопольского Константиновского реального училища, членом правления Общества вспомоществования недостаточным ученикам, почетным попечителем Севастопольской мужской гимназии, заместителем председателя Севастопольского отделения Крымского горного клуба и так далее. Участие было не формальным, а вполне реальным.

В июне 1917 года член севастопольского городского попечительства детских приютов купец В. Ю. Куцер предложил попечительству устроить при приюте на свои средства мастерскую по плетению сеток, садовых кроватей, корзинок, колясок, цепочек для часов и т. п. вещей [23, с. 3].

Севастопольскими купцами было организовано коммерческое училище, которое содержалось за их счет.

Наряду с помощью сфере образования купцы вносили свой вклад в организацию системы социальной помощи бедным слоям населения, в создание и содержание специальных заведений: приютов, богаделен, ночлежных домов, дешевых столовых. Например, в 1888 году купец Н. Левин пожертвовал 100 рублей «в пользу устройства ночлежных приютов» [18, с. 3].

В Севастополе можно выделить еще одну разновидность благотворительности — на военные нужды. Накануне Крымской войны на Малаховом кургане была построена двухъярусная оборонительная башня. Средства на сооружение — 12 500 рублей — собрали жители города и моряки Черноморского флота, среди жертвователей были и севастопольские купцы [14, с. 8].

Свой вклад в первую оборону Севастополя внес купец Волохов. На Северной стороне на его средства была построена башня, называвшаяся «Волохова башня». По свидетельствам современников (они называли ее крепостью) он «дал камни, каменщиков и инструменты — от казны только матросы — таскать камни и подносить известь» [10, л. 83]. Говорили, что она ему обошлась в 8 000 тысяч рублей серебром [30, с. 57].

Почетный потомственный гражданин караим Сима Осипович Кефели в период обороны города, будучи заступающим место городского головы, принял на себя обеспечение продовольствием раненых офицеров и выстроил для них помещения. В период русско-турецкой войны 1877–1878 годов он также оказывал услуги во время продвижения войск. Был награжден за участие в обороне Севастополя золотой медалью на Анненской лен-

те, серебряной на Георгиевской ленте и установленным в память осады крестом, а также бронзовой медалью на Андреевской ленте. За войну 1877–1878 годов он был награжден золотой медалью на Андреевской ленте. Имел ордена Св. Станислава 3-й степени и Св. Анны 2-й степени.

На собственные средства С. О. Кефели были построены казармы для военнослужащих 50-го Белостокского полка, располагавшегося в Севастополе [29, с. 214].

Часть представителей купеческого сословия ограничивалась мелкими единовременными взносами или пожертвованиями. Тем не менее, в общей массе пожертвований они были более существенными по сравнению с такой же деятельностью дворян или мещан. Особенно активизировалась благотворительность купеческого сословия в период религиозных праздников. Например, в 1908 году содержатели иллюзионов пожертвовали средства «на улучшение пищевого довольствия» арестантов на праздник Рождества Христова [21, с. 3].

Вполне закономерно, что филантропия порождает и негативные явления — социальное иждивенчество, и пожертвования купцов в некоторых случаях уже рассматривались как их обязанность.

Примером коллективной благотворительности общественной организации является факт, что когда в Севастополе 21 мая 1886 года было открыто отделение Российского Общества Красного Креста, находившееся под покровительством императрицы, то среди огромного количества пожертвований почти половина поступила от севастопольских купцов. Все тот же С. О. Кефели со своими коллегами изъявили желание стать

членами Общества и внесли взнос в размере по 10 рублей каждый. Казначейские обязанности безвозмездно взял на себя бывший купец, управляющий Севастопольским отделением Соединенного банка С. И. Билибин. Современники отзывались о нем как о корректном, приветливом, благовоспитанном, честнейшем и порядочном человеке, не способном ни на какие самые незначительные компромиссы с совестью [26, с. 1]. Во время Первой мировой войны в 1915 году севастопольское купечество направило Всероссийскому союзу городов 500 рублей на белье воинам. Главноуполномоченный этого союза Челноков выразил благодарность севастопольским купцам в лице В. К. Энглези, который являлся купеческим старостой в этот период [22, с. 3].

Делая выводы из представленного материала, можно сказать, что для провинциального купечества характерно сочетание светских и религиозных форм филантропии. Благотворительность купцов способствовала развитию местного образования, здравоохранения, системы социальной помощи нуждающимся. Даже если филантропию в какой-то степени можно назвать модным увлечением и средством повышения своей респектабельности, тем не менее, ее значение нельзя переоценить. Купечество, занимавшее определенное место в общественной структуре Севастополя, оказало влияние не только на экономическую, но и духовную жизнь городского общества.

Сегодня новый класс предпринимателей можно назвать еще формирующимся, но хочется надеяться, что они унаследуют лучшие традиции своих предков.

Источники и литература:

1. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК), ф. 26, оп. 1, д. 20194.
2. ГААРК, ф. 118, оп. 1, д. 5570.
3. ГААРК, ф. 118, оп. 1, д. 6187.
4. Государственный архив города Севастополя (ГАГС), ф. 4, оп. 1, д. 3.
5. ГАГС, ф. 18, оп. 1, д. 4.
6. ГАГС, ф. 18, оп. 1, д. 11.
7. ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 2.
8. ГАГС, ф. 30, оп. 1, д. 19.
9. ГАГС, ф. Р-567, оп. 6, д. 103.
10. ГАГС, ф. Р-584, оп. 1, д. 115.
11. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 396, оп. 3, д. 227.
12. Севастополю 200 лет. 1783–1983: Сб. док. и материалов. — К., 1983.
13. *Домбровский Ф.* Обзорение Южного берега Тавриды: Пособие для путешественников. — Одесса, 1850.
14. *Доронина Э., Шавшин В.* Легендарный Малахов курган: Путеводитель. — Симферополь, 1983.
15. История Севастополя в лицах: военные и гражданские руководители города и флота/И. И. Куликов и др. — Севастополь, 2008.
16. *Крестьянников В. В.* Возрождение Севастопольского благочиния и монастырей после Крымской войны//Севастополь: взгляд в прошлое. — Севастополь, 2006.
17. Крымский вестник. — 1888. — 17 февраля (№ 2).
18. Крымский вестник. — 1888. — 19 февраля (№ 4).
19. Крымский вестник. — 1888. — 1 сентября.
20. Крымский вестник. — 1889. — 14 декабря.
21. Крымский вестник. — 1908. — 30 декабря.
22. Крымский вестник. — 1915. — 5 февраля.
23. Крымский вестник. — 1917. — 26 июня.

24. Санкт-Петербургские Сенатские ведомости. — 1859. — 13 ноября (№ 91).
25. Севастопольский листок. — 1884. — 25 ноября.
26. Севастопольский листок. — 1886. — 10 августа (№ 94).
27. Севастопольский листок. — 1886. — 26 ноября (№ 140).
28. Таврические епархиальные ведомости. — 1902. — № 17.
29. Терещук Н. М. Караимская община Севастополя в условиях поликультурного общества (вторая половина XIX–1920-е гг.): по данным Государственного архива города Севастополя//Культурно-цивилизационный диалог и пути гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму. — Симферополь, 2008.
30. Ходасевич Р. Голос из-за стен Севастополя. Рассказ о Крымской кампании и событий осады/Пер. Е. Савельевой//Мilitari Крым. — 2009. — № 12.
31. Шавшин В. Г. Балаклавский Георгиевский монастырь. — Симферополь, 1997.

ТЕРЕЩУК Н. М.

ИСТОРИКО-НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ГРЕЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ

В основу работы положены однородные источники, а именно метрические книги православных севастопольских церквей. Общеизвестно, что метрические книги являются одной из самых стабильных документных систем любого государства. Метрические книги, которые велись в культовых учреждениях по хронологическому принципу, представляют собой акты записи регистрации событий у конкретных лиц: рождения-крещения (2 даты), венчания (брака), смерти-погребения (2 даты). В первую очередь, метрические книги имеют гражданско-правовое значение, если же взять их значение шире, то мы получим прекрасный первоисточник по генеалогии, статистике, демографии, конфессиональной принадлежности и так далее. В конце XIX века метрические книги служили основным источником информации лишь при проведении демографических и историко-медицинских исследований. В большинстве научных работ ученые привлекают метрические книги в качестве дополнительных источников, но уже в последние время стали появляться работы, посвященные собственно метрическим книгам: Д. Н. Антонов, И. А. Антонова «Метрические книги России XVIII — начала XX вв.» [17]; О. В. Хабарова «Информационный потенциал метрических книг Севастополя первой четверти XIX в. (характеристика базы данных)» [24, с. 165–193]; С. Зворський «Метричні книги: історія їх ведення на теренах України та зберігання в державних архівах» [18, с. 7–19]. По данной тематике автором написаны материалы: «Метрические книги второй половины XIX в. как источниковая база по изучению истории греческой диаспоры г. Севастополя» [22, с. 153–157]; «Метрические книги православных церквей г. Севастополя периода Восточной (Крымской) войны (1853–1856 гг.)» [23, с. 317–340]; «Медицинские работники первой половины XIX в. в метрических книгах Государственного архива города

Севастополя» [21, с. 14–17]; «Медицина и метрические книги первой половины XIX в. Анализ исследований» [20, с. 126–131].

Первым официальным документом, послужившим основанием для ведения метрических книг, является указ Петра I от 14 апреля 1702 года «О подаче в Патриарший духовный приказ приходским священникам недельных ведомостей о родившихся и умерших» [14, с. 192]. Обязательное ведение метрических книг на всей территории Российской империи было подтверждено в 1772 году «Прибавлением к Духовному регламенту» [15, с. 707]. Затем последовали другие законодательные документы с формами метрических книг, об обязательном составлении экстракта и направлении его в Синод (№ 4480), а затем в Академию наук (№ 12061); Правила ведения и хранения метрических книг (№ 20266); «при неравных браках не уклоняться от записей в метрических книгах» (№ 21847) и другие.

На региональном уровне самые ранние выявленные документы о работе с метриками датируются 1816 годом. В феврале этого года указом Таврического губернского правления предписывалось Севастопольской городской полиции «о непременном доставлении в оное и его сиятельству графу Ланжерону ведомостей о родившихся, браком сочетавшихся и умерших..» [1, л. 1–1 об.]. То же подтверждается указом Симферопольского духовного правления (в которое входили севастопольские церкви) от 9 марта 1816 года об обязательном ежемесячном представлении в Севастопольскую городскую полицию до 29 числа сведений о сделанных метрических записях с напоминанием об обязательном указании возраста умерших [1, л. 2].

Помимо того, что метрические книги отражают биографические сведения, они также освещают социальное положение, а подчас профессиональные занятия человека в разные периоды

его жизни. Метриками также подтверждается подданство того или иного государства. Особенно много метрических записей о греческом подданстве содержится в метрических книгах греческой Трехсвятительской церкви. Кроме того, метрические книги — это источник со сведениями о священно- и церковнослужителях. Историки-архивисты смотрят на метрики еще и как на источник по изучению норм делопроизводства.

К сожалению, в Государственном архиве города Севастополя хранятся метрические книги только православных церквей. Метрические книги других конфессий полностью отсутствуют.

Для исследования были выбраны греки Севастополя, как один из коренных народов региона, исповедующий православие. Сведения о них имеются во всех метрических книгах севастопольских церквей. Греков приняла на морскую службу Екатерина II. Еще до основания Севастополя, в 1776 году, был создан Балаклавский греческий пехотный батальон. После указа Екатерины II «О свободной торговле в городах Херсоне, Севастополе и Феодосии» в городе начали селиться греческие купцы [16, с. 29]. С момента основания Севастополя, 3 июня 1783 года, была заложена церковь св. Николая. Вторая, построенная в 1792 году анатолийскими греками, была греческая церковь святых апостолов Петра и Павла. В Государственном архиве города Севастополя самые ранние сохранившиеся метрические книги датируются 1815 годом (Адмиралтейский Николаевский собор) и 1820 годом — метрические книги греческой Петропавловской церкви. В Петропавловской церкви службы велись на греческом языке. Со дня основания церкви большинство священно- и церковнослужителей были «греческой нации». В 1843 году М. П. Лазарев в письме к архиепископу Гавриилу ставит вопрос о том, что служба в Петропавловской церкви должна вестись на русском языке, так как Севастополь заселен, в основном, русскими, не понимающими греческого языка, и небольшой частью греческого населения, вполне понимающих русский [19, с. 14–17]. Следует отметить, что сохранившиеся метрические книги Петропавловской церкви велись на русском языке. К сожалению, большинство церквей военного ведомства свои метрические книги отсылали в Санкт-Петербург обер-священнику Армии и Флотов Военного и Морского ведомств, и они в городе не сохранились.

Севастополь был основан как военная крепость, поэтому гражданское население составляло лишь небольшое количество. Все сведения о Севастополе подавались непосредственно

в Санкт-Петербург, минуя присутственные места Таврической губернии, поэтому очень сложно выявить информацию о гражданском населении города. В большинстве статистических документах губернии отсутствуют сведения по Севастополю. Иногда в них делались приписки «...а в целой губернии, считая Севастополь...» В ведомости по Таврической области, составленной не ранее 1792 года, приводятся сведения о населении города без учета военных — 197 жителей мужского и 49 женского пола, часть из которых были греками [16, с. 32]. Если мы, например, возьмем метрики греческой Петропавловской церкви, то процент греков в разделе «Родившихся» составляет 50%.

По метрическим книгам можно проследить изменение социального статуса. В большинстве случаев статус повышался, но были исключения. В качестве примера хочется упомянуть случай, когда человек, родившийся в дворянской семье, ушел из жизни крестьянином. Речь идет об известном народовольце Тригони Михаиле Николаевиче. Отец — Тригони Николай Иванович, участник Отечественной войны 1812 года, генерал-майор, 2 июля 1847 года в возрасте 48 лет впервые женился на сестре писателя-мариниста К. М. Станюковича, дочери контр-адмирала, 23-летней Ольге Михайловне Станюкович [9, л. 348 об.–349]. Их первенец, сын Иван, родившийся в 1849 году, 16 октября 1850 года умер [7, л. 70 об.–71], но за день до его смерти, 15 октября, на свет появился сын Михаил, будущий народоволец [2, л. 38 об.–39]. Впоследствии Михаил Николаевич Тригони, несмотря на свое высокое социальное положение, создает народовольческие кружки, участвует в подготовке покушения на Александра II. За свои убеждения сидел в Трубецком бастионе и в Шлиссельбургской тюрьме, был лишен дворянского звания и в 1906 году возвращается в Крым. Умер 3 июля 1917 года от острого отека легких. В метрической книге Балаклавской Николаевской церкви М. Н. Тригони записан как «крестьянин Таврической губернии Симферопольского уезда, Дуванкойской волости, приписанный для счета народонаселения». Похоронен на Балаклавском приходском кладбище [3, л. 393 об.–394].

После упразднения Балаклавского греческого пехотного батальона по метрическим книгам можно проследить не только судьбы, но и профессиональные занятия бывших военных. Большинство приобрели статус балаклавских мещан, некоторые становились купцами, и лишь отдельные греки оставались на военной службе.

Следует сказать о том, что метрические книги являются прекрасным источником конкретно-

исторического исследования семьи. Именно в метриках фиксируется информация о ней. Семья является традиционным объектом изучения этнографов. В период формирования нового научного направления — социальной истории — возник интерес к исследованиям семьи, так как семью стали рассматривать как социальный институт. Хочется привести пример со сведениями о греке-революционере Орионе Алексакисе. Старшее поколение помнит его как активного участника революционных событий и организатора в Севастополе Союза социалистической молодежи. Вместе с тем, практически нигде в научной литературе нет упоминания о его купеческой семье, о том, что его дед по матери, Христопуло Афанасий Христофорович, был купцом, домовладельцем, директором Балаклавского городского общественного банка. В семье Орион был не единственным ребенком. После бракосочетания родителей 6 сентября 1898 года [4, л. 36 об.–37] 30 июня 1899 года родился Орион [5, л. 13 об.–14]. В 1901 году родился его младший брат Дормидонт, но, к сожалению, умер в возрасте 5 месяцев [6, л. 34 об.–35]. Такая же участь постигла и сестру Екатерину, умершую 28 марта 1907 года от дифтерита в возрасте 1 года [10, л. 140 об.–141]. И, наконец, 16 мая 1910 года родилась еще одна дочь Екатерина, дальнейшая судьба которой неизвестна [12, л. 5 об.–6]. В период

гражданской войны в 1920 году погиб Орион, направленный на партийную работу в Грецию. Отец из-за сына в 1919 году был арестован белыми и находился в севастопольской тюрьме. Судился с новой властью из-за конфискованного имущества красными в 1919 году, отстаивал свои права на вывоз собственного пианино в Константинополь [11, л. 58]. Дед Христопуло Афанасий Христофорович в конце 1920-х годов был лишен избирательных прав. Греческое население не проживало обособленно, и смешанные браки не были исключением. Например, выкрест Ротголец Давид Михайлович, врач, общественный деятель, городской голова, чей период деятельности на должности главы местного самоуправления получил у горожан название «Золотые дни Севастополя» или «Эпоха Ротгольца», был женат на дочери капитана 2 ранга грека Бальзама Спиридона Дмитриевича. От этого брака родилось 6 детей. Таких примеров можно привести множество. Хорошо известна общительность греков. Нередко греческие семьи в своем общении тесно переплетались с другими нациями кумовством.

В заключение хочется сказать, что метрические книги составляют важный массив источников и должны изучаться методами исторических наук, и задача историка правильно и умело использовать такую историческую информацию.

Источники и литература:

1. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК), ф. 134, оп. 1, д. 85.
2. Государственный архив города Севастополя (ГАГС), ф. 30, оп. 1, д. 41.
3. ГАГС, ф. 30, оп. 1, д. 45.
4. ГАГС, ф. 30, оп. 1, д. 57.
5. ГАГС, ф. 30, оп. 1, д. 86.
6. ГАГС, ф. 30, оп. 1, д. 100.
7. ГАГС, ф. 30, оп. 1, д. 143.
8. ГАГС, ф. 35, оп. 1, д. 1.
9. ГАГС, ф. 35, оп. 1, д. 4.
10. ГАГС, ф. Р-245, оп. 1, д. 9.
11. ГАГС, ф. Р-247, оп. 3, д. 25.
12. ГАГС, ф. Р-430, оп. 1, д. 6.
13. ГАГС, ф. Р-430, оп. 1, д. 9.
14. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. IV. (№ 1908).
15. ПСЗ. Т. VI. (№ 4022).
16. Севастополю 200 лет. 1783–1983: Сб. док. и материалов. — Киев, 1983.
17. Антонов Д. Н., Антонова И. А. Метрические книги России XVIII — начала XX вв. — Москва: РГГУ, 2006.
18. Зведений каталог метричних книг, що зберігаються в державних архівах України. Т. 1. — Київ, 2009.
19. Терещук Н. М. Греческие священнослужители севастопольских церквей//Память о прошлом. — Севастополь, 2007.
20. Терещук Н. М. Медицина и метрические книги первой половины XIX в. Анализ исследований//Х Таврические научные чтения. — Симферополь, 2009.
21. Терещук Н. М. Медицинские работники первой половины XIX в. в метрических книгах Государственного архива города Севастополя//Память о прошлом. — Севастополь, 2007.
22. Терещук Н. М. Метрические книги второй половины XIX в. как источниковая база по изучению истории греческой диаспоры г. Севастополя//Студії з архівної справи та документознавства. Том 10. — Київ, 2003.
23. Терещук Н. М. Метрические книги православных церквей г. Севастополя периода Восточной (Крымской) войны (1853–1856 гг.)//Вестник морского врача. — 2007. — № 3.
24. Хабарова О. В. Информационный потенциал метрических книг Севастополя первой четверти XIX в. (характеристика базы данных)//Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики: Труды IX конференции Ассоциации «История и компьютер»//Под ред. Л. И. Бородкина, В. Н. Владимирова. — Москва–Барнаул, 2005.

**ВЛИЯНИЕ ИСЛАМА НА БУДНИЧНОЕ МИРООТНОШЕНИЕ
МУСУЛЬМАН СЕВАСТОПОЛЯ:
СОПОСТАВЛЕНИЕ ТРАДИЦИЙ XIX–XX ВЕКОВ
И ПРАКТИКИ НАЧАЛА XXI ВЕКА.**

(По материалам Государственного архива г. Севастополя)

На северном берегу Ахтиарской бухты в XVIII веке находилось небольшое поселение Ак-Яр (Белый обрыв), жители которого принадлежали к мусульманскому вероисповеданию суннитского толка. С момента создания Черноморского флота в его составе проходили службу и представители мусульманского вероисповедания. В то время уже существовала традиция не только в православии, но и у мусульман, провожать напутственной речью своих единоверцев на участие в военных кампаниях. Представители мусульманского духовенства участвовали в различных мероприятиях, связанных с деятельностью севастопольского гарнизона. До Крымской войны для удовлетворения религиозных нужд в местах компактного проживания мусульман имелись культовые сооружения, в Севастополе действовала соборная мечеть, разрушенная в годы первой обороны. На начало 1853 года на Черноморском флоте значилось: магометан — 349 человек, евреев — 1178, католиков — 5360, лютеран — 171, православных — 28422 [21, л. 17 об.].

22 ноября 1853 года севастопольцы восторженно встречали героев Синопа на Графской пристани.

В архиве сохранилось письмо мичмана Ф. Г. Иванова, очевидца чествования победителей Синопского сражения, написанное 10 декабря 1853 года:

«...Здесьнее купечество на день Николая давало обед нижним чинам, которые были под Синопом... то отобрали со всех кораблей 1200 человек. С утра вывели их на площадь против графской — одеты были в мундиры — унтер офицеры в тесаках и все в киверах — офицеры в полной форме. Часу в 12 вывели их на площадь перед батареею и там построили четырехугольником. Когда приехало начальство и духовенство, то, отслужив в середине четырехугольника молебен, татарский мулла сказал всем присутствующим чрезвычайно умную речь на русском языке, на котором он хорошо говорит — и после всех церемоний матросы взошли с музыкой за столы, поставленные так, что концы их упирались в крепость. Перед каждым матросом стояли шкалик водки и бутылка вина. Во все время обеда были Корнилов, Новосильский, Станюкович и другие» [20, с. 35, 36].

На 1 января 1866 года население Севастополя состояло из 10 074 человек, из них 136 были мусульманами [26, с. 269, 271].

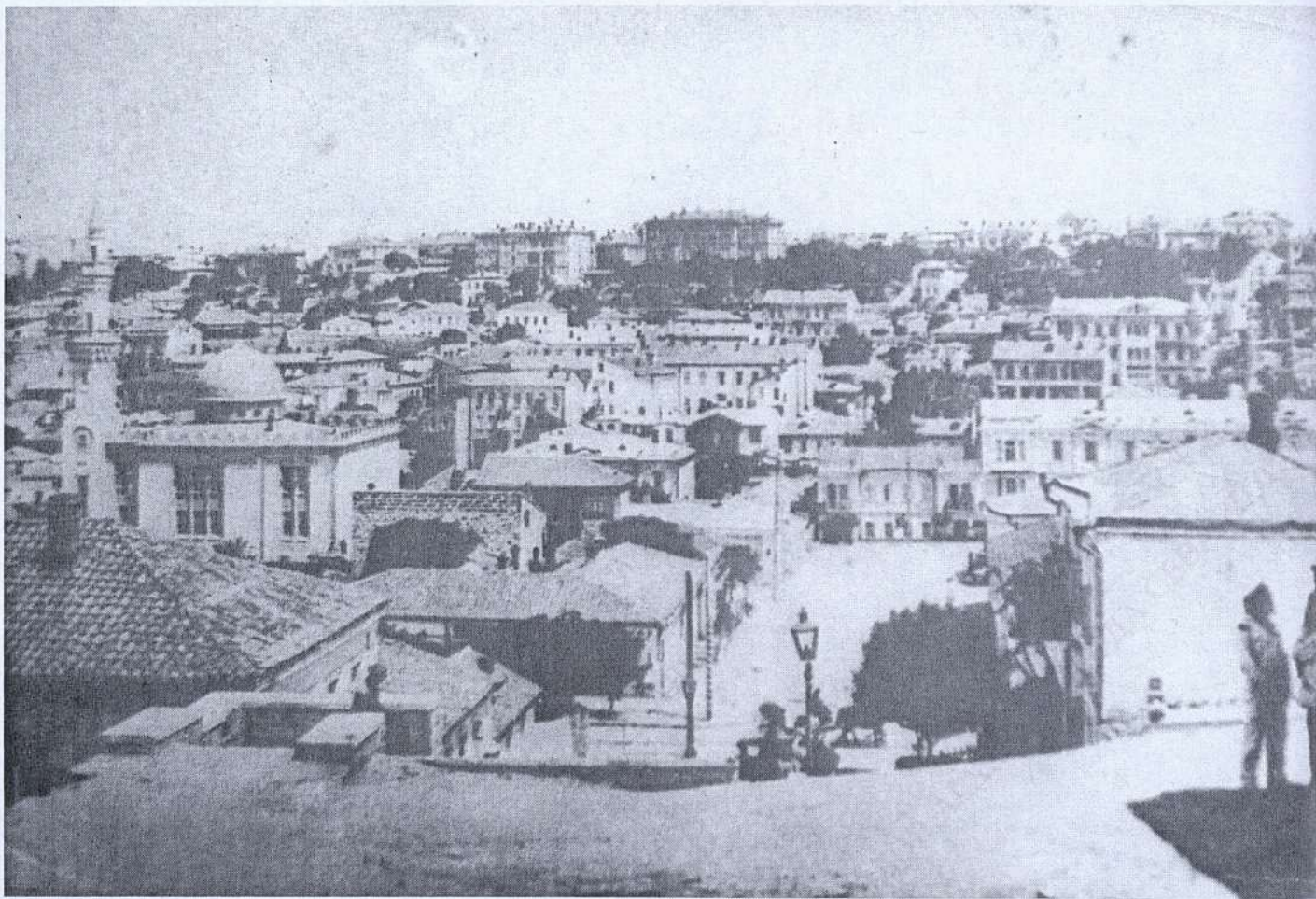
В начале XX века значительно увеличилось население Севастопольского градоначальства, в котором проживало 63 тысячи 117 человек, из них около тысячи мусульман, не считая военных [22]. Активно шло городское строительство, особенно поощрялось властями возведение культовых учреждений. Открылись новые православные храмы, кирха, строилась кенаса, и представители мусульманского общества настойчиво добивались открытия соборной мечети.

20 апреля 1914 года в Севастополе была открыта вновь выстроенная соборная мечеть. Открытие мечети было своевременным, так как к этому времени количество мусульман увеличилось до 2500 человек [25].

Мечеть имела двойной статус: была гражданской и военной одновременно. Муллой гражданского населения стал Рахимов Юсуф Исмаилович, анухом (военным священником) Черноморского флота — Мухамед-Захир Замалетдин.

При мечети было открыто Общество пособия бедным мусульманам, председателями которого был имам-мулла Юсуф Рахимов и Чешмеджи Сеит Джелиль. Членами правления значились: Беглов Хасан, Баранов Селямий, Бекбулатов Мухамеджан, Дженгоз Аджи и другие. Секретарем был Головин Ариф Кушиаевич. При мечети действовала мусульманская школа — мектеб, учителем в которой стал Камеметдин Мухамеджанов. В 1913 году в школе обучалось 39 учеников [23, 24, 25].

На территории градоначальства в это время действовали 28 мусульманских общин, имелась широкая сеть мусульманских школ — мектебе, причем имелись новометодные, в которых был введен звуковой метод слогового письма (метод Ушинского). Во второй половине XIX века в среде мусульманской интеллигенции возникло реформаторское движение джадидизм (от араб «усул-и-джадид» — новый метод), представителем и вдохновителем этого метода в Крыму стал Исмаил Гаспринский [32, с. 17]. Изначально это движение касалось только области образования,

Вид на Соборную мечеть г. Севастополя. Начало. XX века.

впоследствии затронуло и другие стороны жизни мусульманского общества. В Севастополе новый метод образования приобрел широкое развитие благодаря имаму и мулле Юсуфу Рахимову и его соратникам: Буберджа-Беял-Темир-Кая Эмирову, Сеит Халилю, Амарджи Эмир-Сале, Имимеджи Мемет Мамутовичу и другим. Юсуф Исмаилович преподавал историю и географию в школе, открытой в его доме, где наряду с крымскими обучались казанские татары, причем и мальчики, и девочки. Став директором народной школы, Рахимов начал нововведения в ней. В учебный процесс добавлялись такие дисциплины, как математика, физика, химия. Это важный момент, так как функции дореволюционной мусульманской школы сводились к заучиванию религиозных толкований [5, л. 112].

Естественно, нововведение было встречено «в штыки» не только властями города, но и консервативными религиозными кругами, так как они усматривали в этом покушение на их монополию в сфере просвещения.

Но, несмотря на это, новый метод обучения в Севастопольском регионе приобрел широкое развитие. Новометодные татарские школы со звуковым методом преподавания создаются в пери-

од с 1908 года, к 1917 году их число достигло 25. Программы и учебники для новометодных школ приобретались в Турции или на Кавказе. Учительский состав состоял из воспитанников «медресе» — татарских духовных семинарий. Содержались новометодные школы севастопольского региона на средства сельских обществ. Одновременно с ними имелись так называемые «бабьи» школы, которые помещались в квартире учительницы, не имели школьного оборудования и ограничивались изучением Корана [15, л. 301–302]. Кроме этих двух типов школ существовал третий — земские школы, возникшие в последнее десятилетие перед мировой войной. Такие школы имелись в деревнях Байдары, Биюк-Мускомья, Уркуста, Узунджа. Они имели приличное оборудование, программу и педагогический состав с определенной подготовкой, полученной в Симферопольской учительской семинарии. Преподавание в них велось и на русском языке. Каждый из типов имел свои тенденции: «бабьи» — характер клерикальный, новометодные — национальную, земские — русификаторскую [15, л. 301–302].

В школах, где обучались мусульмане севастопольского градоначальства, соблюдались все религиозные обычаи и традиции, присущие

Мулла Юсуф Рахимов с учениками татарской школы. 1913 год.

данной конфессии. Дети освобождались от занятий в школе каждую пятницу учебной недели, а также в дни священных праздников мусульман. 27-го числа месяца Рамадан (когда крымские татары должны были совершать денежное пожертвование кадыр, его раздавали бедным), в ариффе (святой вечер) — за день перед праздником Рамадан Байрам (в конце 30-ти дневного поста месяца Рамадана отмечался Ураза Байрам, начинавшийся в первый день десятого новолуния) и за день перед Курбан-Байрамом (праздновался через 62 дня после Ураза-Байрама, в 10-й день двенадцатого новолуния). Три дня ученики отдыхали непосредственно в Рамадан-Байрам и четыре дня в Курбан-Байрам. Кроме того, в первый четверг и 15-го числа месяца Шабан, 10-го числа месяца Мухаррам (в мусульманский праздник Ашир-Куню). Всего же из 310 дней учебного года учащиеся пропускали 55 дней, выпадавших на различные религиозные праздники. Также уважительной причиной для пропуска занятий являлась свадьба родственника, поминание умерших близких и т.п. Кроме того, школьники освобождались от занятий для совершения над ними обряда обрезания (сюнет-той). Внутренний распорядок в школах был составлен с учетом со-

блюдения учащимися мусульманских постов. Помимо того, не учились и в дни «высокоторжественных» православных праздников [1, л. 13; 3, л. 9; 2, л. 6].

Таким образом, мусульмане, получавшие светское образование в школах, интегрируя в российское языковое и культурное пространство, в XIX — начале XX века и до установления советской власти сохраняли этническое и конфессиональное самосознание и имели возможность соблюдать религиозные обряды и обычаи.

После установления советской власти в Севастополе в 1920 году и проведения в жизнь Декрета СНК РСФСР от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» меняется отношение к верующим, постепенно органами власти проводится политика, направленная на искоренение религии.

По данным переписи 1921 года в Севастополе национальную структуру представляли 8 основных этнических групп: русские (79,8%), евреи (7,2%), греки (2,3%), поляки (2%), украинцы (1,8%), караимы (1,7%), армяне (1,4%) и татары (1,3%).

Проведение декрета в жизнь было возложено на местную власть в лице исполнительного комитета Севастопольского районного Совета и его

структурное подразделение — церковный стол (с 1925 года — стол религиозных культов), который осуществлял учет культовых зданий и церковной собственности. В соответствии с циркуляром ЦАУ КрАССР от 1924 года № 139 культовые здания подлежали страхованию в Госстрахе и передавались группам верующих (в количестве двадцати человек) во временное пользование по договору [6, л. 9; 16, л. 2–3].

Городская мусульманская община во главе с Ю. Рахимовым встречает советскую власть с большими надеждами на позитивные перемены как в области образования, так и в других областях общественной жизни.

17 ноября 1922 года мусульманская община заключает договор об использовании мечети для удовлетворения религиозных нужд населения Севастополя. На каждого члена «двадцатки», в соответствии с инструкциями церковного стола, составляется карточка с указанием фамилии, имени, отчества, места жительства, социального положения, имущественного положения, общественного и служебного положения с 1914 года, сословной принадлежности до революции, времени вступления в культ [4, л. 2–8].

В районе дело обстояло значительно хуже, к 1924 году было зарегистрировано 9 мусульманских общин, при этом действовало 25 [19, л. 47]. Мусульмане, проживающие в деревнях, неохотно шли на регистрацию и фактически не несли юридической ответственности за находившееся в их собственности имущество. В одном из протоколов стола религиозных культов НКВД Крымской АССР значится: «В 1925 году в православии и других конфессиях наблюдался раскол, а среди мусульманского духовенства борьбы религиозных течений не наблюдалось и даже появилось прогрессивное течение (джадидизм — прим. авт.), которое начало проводить свою линию» [19, л. 3 об.].

Вести собрания и шествия в религиозные праздники позволялось только с разрешения Административного отдела РИКа и при представителе ОГПУ. Анализ документов религиозных общин показывает, что муллы, которые возглавляли мечети, были весьма образованными людьми, многие закончили Зинджирлы-медресе в Бахчисарае. Общая же грамотность «двадцаток» по району выглядела следующим образом: 50–60% имели образование — школы 1 ступени, 40–50% — неграмотные. Возрастной ценз: 3% — 35–40 лет, 7% — 70 лет, 80–90% — от 45 до 65 лет [14, л. 39, 76]. Так что в «двадцатки» вошли люди взрослые, с сформировавшимся мировоззрением и соблюдавшие религиозные обряды и традиции.

Школы были отделены от мечетей, было ограничено и преподавание религиозного вероучения, но, тем не менее, по району открывались нелегальные школы мусульманского вероучения. В докладной записке от 1925 года председателю религиозных культов Быкову значится: «...много татарских деревень имеют поползновение обучать своих детей мусульманскому вероучению, изучению Корана ...переводу с арабского на татарский язык» [10, л. 55 об.]. Такое явление с точки зрения советской власти было недопустимым, поэтому 14 марта 1925 года в свет вышла инструкция Наркомпроса ЦАУ Крымской АССР «О порядке преподавания мусульманского вероучения на территории Крыма». Преподавание допускалось только с соответствующего разрешения Административного Отдела РИКа. На преподавателей мусульманского вероучения заводилась регистрационная карточка, при этом он нес персональную ответственность, если начал занятия без предварительной регистрации. В исполком предоставлялся полный список учащихся и план преподавания. Занятия могли проводиться в специально выделенном при мечети помещении, которое должно соответствовать санитарным нормам. Работникам культурно-просветительных учреждений запрещалось исполнять обязанности преподавателей вероучения [18, л. 2]. Поскольку наиболее активными и многочисленными в районе были мусульманские общины в деревнях Узен-Башик, Шули, Байдары, Верхний и Нижний Чоргунь, Уппа, именно при них открылись первые школы вероучения [17, л. 3]. Затем открываются в деревнях Ай-Тодор, Уркуста, Камышлы и другие [7, л. 129].

Ответной мерой органов власти было введение в 1927 году института надзирателей, которые принимали меры к выявлению случаев преподавания вероучений в частных домах, а также в мечетях без предварительной регистрации в Административном отделе. Если такие выявлялись, то преподаватель нелегальной школы привлекался к судебной ответственности [7, л. 33]. В результате мер, проведенных советской властью в отношении вероучения, в отчете стола религиозных культов за 1929 год указывалось, что «...преподавание мусульманского вероучения в районе прекращено и никаких школ в данной отрасли не имеется» [10, л. 153]. Исключение составляет преподаватель деревни Ай-Тодор Ибрали Зарядинов, о чем сообщено в Административное Управление КрЦИКа [7, л. 63 об.–64].

Учитывая высокий уровень религиозности среди мусульман Севастополя, органы власти,

с одной стороны, старались поставить под контроль деятельность мусульманского духовенства, а с другой стороны — подтачивать приверженность исламскому вероучению с помощью атеистической пропаганды через систему школ, клубов, читален. При Севастопольском райсовете активно действовала татарская секция Союза безбожников. Заказывались атеистические лекции, избам-читальням передавалась специальная литература, накануне мусульманских праздников организовывались выезды агитпоездов в район. В газете «Маяк Коммуны» за 9 февраля 1929 года опубликован отчет Союза безбожников о подготовке к антибайрамовской кампании. Так, в протоколе общего собрания членов артели «Красный Октябрь» от 23 декабря 1929 года имеются сведения о том, что «Религиозные праздники являются рассадником пьянства и дурных поступков. В знак отказа от дурмана религии собрание постановило выйти на карнавал-шествие ... и вступить всем в союз безбожников» [10, л. 287].

Антирелигиозные кампании практически не влияли на религиозность мусульман. В одном из протоколов за 1928 год стола религиозных культов значится: «...что касается мулл, которых в Сахтике 2, они до сих пор продолжают служение с выкриком ежедневно два раза с мечети ... мусульманская религия в данном сельсовете очень крепка и чтобы пошатнуть ее, или убедить их в бестолковости верования, нет никакой возможности, да и нет таких людей, которые могли это доказать» [7, л. 207].

Насколько была сильна вера у мусульман, показывает тот факт, что в деревнях Байдары и Уркуста верующие вынесли постановление о том, что все крестьяне обязаны кормить своего муллу и передавать ему ежегодно по 300 пудов хлеба. В столе религиозных культов верующим разъяснили, что они не имеют права на подобные заявления, и разрешаются лишь добровольные пожертвования. На что верующие ответили, что столько собрать добровольно они не смогут, а чтобы мулла не уехал и продолжал служить в мечети, его необходимо кормить [7, л. 128].

О силе веры говорит и тот факт, что к 1928 году не было ни одного случая отхода мусульман от религиозного верования, сообщал начальнику милиции председатель Байдарского сельского совета, исключение составлял тов. Неби Халиль, принадлежащий к партии ВКП (б) и находившийся в Симферополе в партшколе [7, л. 207]. Здесь уместно вспомнить и дореволюционные времена. С 1900 по 1919 год только 18 магометан приняли православие: 4 дворянина, 4 персидско- и турец-

коподданных, 1 мещанин, 2 поселянина, 1 студент и 6 крестьян. Изменили веру перед вступлением в брак 7 человек. Фактов изменения веры у крымских татар не выявлено. Объясняется это, очевидно, тем, что в городе была сильна мусульманская община под руководством Ю. Рахимова. Из военнослужащих мусульман по архивным документам установлен 1 случай смены веры. Следование национальным традициям, строгое соблюдение религиозных ритуалов способствовали укреплению и формированию национального самосознания татарского населения г. Севастополя [27, с. 51].

Местные власти, сообщая о мероприятиях по антирелигиозной пропаганде в районе, докладывали в Административный отдел КрЦИКа об отсталости мусульман: «...некультурный, мало видящий ранее света мусульманин до сих пор опутан своим социальным врагом — муллой». Даже во время полевых работ мусульмане по 5 раз в день отрываются от работы и идут молиться в мечеть [7, л. 207].

Для усиления антирелигиозной пропаганды власть предлагала открывать новые избы-читальни, культурные очаги, вследствие чего «безболезненно закрыть кое-какие культовые здания». Началось проведение массовых митингов с требованиями закрытия мечетей. Дополнительные проблемы в деятельности мусульманских общин возникли в результате землетрясения 1927 года, когда многие мечети пострадали. В соответствии с циркуляром № 351 НКВД РСФСР от 19 сентября 1927 года «О порядке закрытия молитвенных зданий и ликвидации культового имущества» были закрыты мечети в деревнях Варнаутка и Уркуста. Мечеть в Ай-Тодоре была приспособлена под маслобойный завод, а в деревне Мамашай — под клуб [7, л. 65, 66 об., 6, л. 11, 10, л. 168, 11, л. 82].

На 1928 год по севастопольскому региону действовало 24 общины, в которых состояло 70 человек по городу и 1820 по району. Служили следующие представители духовенства: 3 имама, 24 муллы, 9 муэдзинов [7, л. 133, 163].

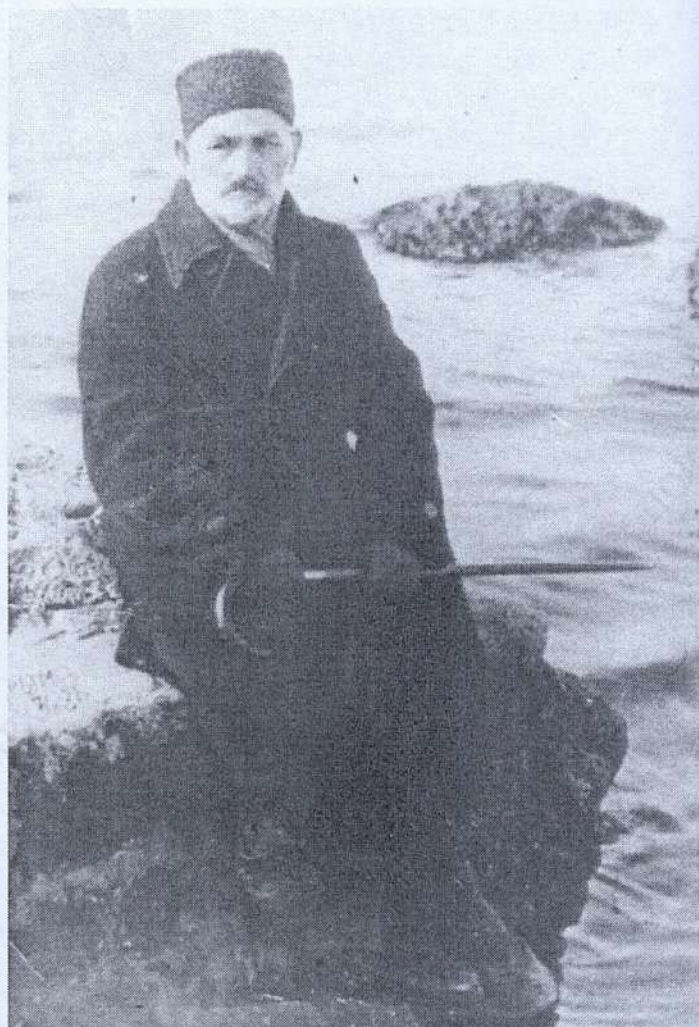
В 1930-е годы параллельно с коллективизацией и раскулачиванием шла кампания по лишению избирательных прав представителей духовного сословия. Руководством служила статья 15, п. «м» инструкции ВЦИК от 4 ноября 1926 года, по которой лишались избирательных прав все служители культа, независимо от того, получали ли они за исполнение своих обязанностей вознаграждение. За 1927 год в Севастополе и районе по этой статье были лишены избирательных прав

44 человека, в том числе и мулла Ю. Рахимов и его жена, как иждивенка муллы, Фатьма. Отреклись от сана 8 человек [9, л. 9; 13, л. 14–15]. Чтобы не попасть в списки лишенцев и не лишиться хлебной карточки, дети отказывались от родителей, жены от мужей. Так, сын муллы Юсуфа Рахимова, Наиль, отрекся от отца. Его письмо разместили на страницах газеты «Маяк Коммуны» [29]. Вынужденное отречение от сана власти активно использовали в антирелигиозной пропаганде. Все заявления представителей духовенства печатались в газете. Так, 20 июля 1928 года опубликовано заявление Сеит Аппас Сейдона, муллы деревни Узенбашик, с просьбой снять его с учета, как представителя духовного сословия «... ибо ... считаю большим позором обманывать отсталую массу рабочих и крестьян религиозным дурманом» [18].

Ограничения в деятельности мусульманских организаций, гонения на представителей духовного сословия привели к тому, что в 1930 году из 19 действующих общин 8 не прошли перерегистрацию, служащего духовенства не осталось, а в 8 общинах не было даже заштатного духовенства. В 5 общинах духовенство отказалось от сана и не проводило служб, служили сами верующие. Имели место случаи, когда один представитель мусульманского духовенства обслуживал несколько сел, переходя из деревни в деревню и совершая службы в двух, трех мечетях [7, л. 53–56]. Так, в 1928 году в деревне Ай-Тодор сразу мулла и муэдзин сняли с себя сан. Мусульманская община пригласила муллу Муслим Халилия из Бахчисарайского района. Руководитель стола религиозных культов разрешил это сделать, однако на разрешении сделал приписку: «мы питаем надежду, что этого муллу удастся убедить отказаться от сана, или по крайней мере выехать из Ай-Тодора» [8, л. 75].

К концу 1930 года, в связи с проводимой кампанией раскулачивания крестьянства, все мечети по району были закрыты. Духовенство было лишено избирательных прав и выслано на Урал. В деле имеются отметки: «мечеть закрылась после раскулачивания», в графе о служителях мечети: «Мулла Осан Амет, не служит с февраля 1929 года, лишен избирательных прав. Муэдзин Умер Мустафа, занимался единоличным хозяйством, за что лишен избирательных прав». В 1931 году верующие самовольно открыли 14 мечетей [12, л. 13–17].

Однако несмотря на жесткий прессинг со стороны органов власти, уровень религиозности среди верующих мусульман почти не снижался. В 1932 году по пятницам и праздникам му-

Мулла Юсуф Рахимов
на Приморском бульваре, нач. XX века

сульмане из сел приезжали на богослужение в город за 20, 30 км. Мечеть посещали в основном верующие преклонного возраста, так как молодежь, как отмечалось в отчете председателя стола религиозных культов Быкова, на 90% отошла от веры и приспособилась к новой власти, число молящихся в праздничные дни составляло от 600 до 1000 человек. По этой причине соборную мечеть в городе не возможно закрыть [7, л. 53–56]. В конце 1930-х годов к верующим были предприняты репрессивные меры.

Соборная мечеть в городе была закрыта в 1938 году, после ареста и расстрела ее духовника муллы Ю. Рахимова. Изменение государственной национальной политики, русификация образования привела к исчезновению национальных школ. В 1938 году закрылись школы национальных меньшинств, в том числе и татарские.

По данным переписи 1939 года в Севастополе проживали: русские (70,5%), украинцы (14,1%), евреи (5,5%), татары (4,3%), греки (1,5%), армяне (0,9%), немцы (0,39%), болгары (0,13%), прочие (2,7%).

В целом анализ документов Госархива г. Севастополя за 1920–40-е годы подтверждает, что

политика, проводимая советской властью, была направлена на искоренение религии и внедрение новой идеологии, защищавшей и обслуживавшей интересы советского государства и правящей в ней партии, при этом не учитывалось, что многовековые устои очень прочно держались на вере, и ислам для мусульман был не только вероисповеданием, но и традиционным укладом жизни, поэтому преодолеть религиозность масс, уничтожить традиции и обычаи народа, действуя такими методами практически невозможно. Религиозные гонения со стороны советской власти крайне болезненно воспринимались и еще больше спланивали народ.

Подлинной трагедией для крымскотатарского народа стала депортация 1944 года. Многие исламские святыни были разрушены, мечети приспособлены под складские помещения. Переименованы названия крымскотатарских сел, хранящих историю народа, дома отданы переселенцам. Последующая жизнь вдали от родины не могла не повлиять на мировоззрение и многовековые традиции мусульман. Национальные структуры крымских татар были сильно размыты. В ссылке татары перемешались с тюрко-язычными крымскими цыганами-мусульманами, с узбеками и таджиками. Однако в депортации мусульманская вера не только не разрушилась, но даже окрепла, чему способствовали и условия проживания, и кризис доверия к коммунистической идеологии и пропаганде.

Массовое возвращение татар в Крым, начавшееся в конце 1980-х годов, совпало с «религиозным бумом» в Советском Союзе. Первые переселенцы встретили в Крыму почти полное отсутствие следов того, что полуостров был когда-то «землей ислама». В Севастопольском районе не было ни одной мечети, а соборная мечеть в городе была занята под архив Черноморского флота. Со стороны правительства были сделаны первые шаги, демонстрирующие веротерпимость и готовность обеспечивать права верующих мусульман. 26 марта 1993 года вышло Постановление Верховного Совета Крыма «Об установлении праздничных дней для граждан Республики Крым, исповедующих Ислам». Выглядело оно следующим образом: «В соответствии со статьей 73 Кодекса Законов Украины о труде и исходя из того, что в Крыму проживают граждане, традиционно исповедующие ислам, численность которых постоянно увеличивается в связи с продолжением процесса возвращения в Крым депортированных народов, Верховный Совет Крыма постановляет:

Установить для жителей республики Крым мусульманского вероисповедания нерабочий день для празднования «Курбан-Байрам» и «Ураза-Байрам».

После возвращения крымских татар на историческую родину отчетливо обнаружился отрыв основной массы мусульман от канонического ислама, то есть опирающегося на Коран и шариат, обусловленный более чем полувекowym отстранением исламского духовенства от политической и социальной жизни мусульманской общины. Эта ситуация осложнилась нехваткой мечетей и подготовленных кадров духовенства, несоблюдением подавляющей массой татар норм шариата, подменой последнего различными формами обычного права («адат»), распространенностью, особенно в среде городских жителей и молодежи, атеистических взглядов и т. п.

По данным социологических исследований 78% крымских татар считают себя верующими мусульманами, однако менее половины посещают мечеть, 10% ежедневно совершают намаз и соблюдают обряды и ограничения, и из опрошенных не нашлось ни одного человека, совершившего хадж в Мекку и знающего наизусть Коран. Единственным мусульманским обрядом, которому строго следуют почти все без исключения крымскотатарские семьи, является обряд захоронения умершего. В остальных случаях (свадебные обряды, обрезание младенцев, соблюдение поста, отношение к пище и алкогольным напиткам) часто допускается отклонения от мусульманских правил. Понятно, что такие колебания вызваны социальными причинами и ограниченными материальными и физическими возможностями людей.

По данным Всеукраинской переписи 2001 года численность населения Севастополя по национальностям распределилась следующим образом: 70% — русские, 22,4% — украинцы, 5% — крымские татары, 2,6% — прочие.

На 1 января 2008 года в Севастополе зарегистрировано 113 религиозных культовых организаций, 28 конфессий и других религиозных течений. Зарегистрировано 5 мусульманских общин по Севастопольскому району и 2 по г. Севастополю. Пять подчинены Духовному управлению мусульман Крыма (ДУМК) и две находящиеся в Севастополе независимые религиозные организации мусульман ханифизского мазхаба: «Мюневвер», зарегистрированная в 1991 году, председатель Ресульев Энвер Ибрагимович, действующая при соборной мечети «Акъяр-Джами» (Белый утес), и «Ай», зарегистрирована в 2002 году, председатель Мингазов Гумер Халитович, ориентирована на российский ислам. Община «Мюневвер» наи-

более многочисленна, в ней насчитывается более 300 человек, ее усилия направлены на духовное возрождение народа, соблюдение многовековых традиций и жизни по законам шариата. Общину поддерживают единоверцы из Турции, на средства которых было не только отремонтировано здание мечети, но и открыто в 2003 году медресе, в котором преподают три учителя (гражданин Турции, Грузии и 1 крымский татарин — Сеттаров Омар). В медресе учатся 12 мальчиков в возрасте 15 лет, которым преподают историю и культуру ислама, обучают мусульманским основам веры (арабскому языку, читать и понимать Коран) и этике. Мечеть существует на пожертвования, а содержание учащихся и оплата учителям производится из Турции, откуда поступает и литература для училища. К сожалению, пока обучают мусульманскому вероучению только мальчиков, хотя традиционно было в Севастополе обучение и девочек.

В ментальности и характере севастопольских мусульман нет агрессивности и фанатизма. Ислам возрождается здесь, прежде всего, как культура и нравственность. Речь идет о бытовой, семейной культуре, традиционных формах межличностного общения, объединения людей в общины, отношений между поколениями (уважения к старшим, норм послушания в поведении молодежи), а также о высокой профессиональной художественной культуре, в частности, об архитектурной традиции (реставрация и строитель-

ство мечетей), об элементах мусульманского искусства в современной музыке, поэзии, театре. Так, 5 июля 2002 года в Севастополе был открыт крымско-татарский ресторан «Виктория». Ресторан имеет оригинальный стиль и крымско-татарскую кухню. Только там в национальных костюмах под живую музыку выступают артисты крымско-татарского академического театра и фольклорного танцевального ансамбля «Крым» из Симферополя. Ресторан «Виктория» — это еще один шаг к знакомству с восточной культурой и традициями [30, с. 1]. В селах Севастопольского района Верхне-Садовом и Орлином действуют крымско-татарские танцевальные коллективы.

Община, со слов Э.И. Ресульева, не участвует в политических акциях. Однако исключать или недооценивать политическое начало в мусульманском движении, в том возрождении ислама, которое происходит в Крыму в целом, было бы не верно. Несомненно роль политического ислама будет расти. Основной составляющей этого роста, вне всякого сомнения, будут внешние силы и идеи.

В настоящее время есть все основания надеяться, что представители различных религий, мировоззренческих позиций, атеисты, живущие в Севастопольском регионе, следуя многовековым традициям, смогут сохранить взаимоуважение друг к другу, а возникшие проблемы будут разрешаться толерантно и путем конструктивного сотрудничества.

Источники и литература:

1. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК), ф. 3, оп. 1, д. 189.
2. ГААРК, ф. 3, оп. 1, д. 255.
3. ГААРК, ф. 3, оп. 1, д. 357.
4. ГААРК, ф. Р-663, оп. 18, д. 2 а.
5. ГААРК, ф. Р-4808, д. 479.
6. Государственный архив города Севастополя (ГАГС), ф. Р-79, оп. 1, д. 139.
7. ГАГС, ф. Р-79, оп. 1, д. 316.
8. ГАГС, ф. Р-79, оп. 1, д. 317.
9. ГАГС, ф. Р-79, оп. 1, д. 318.
10. ГАГС, ф. Р-79, оп. 1, д. 502.
11. ГАГС, ф. Р-79, оп. 1, д. 673.
12. ГАГС, ф. Р-79, оп. 1, д. 676.
13. ГАГС, ф. Р-79, оп. 2 л, д. 65 а.
14. ГАГС, ф. Р-363, оп. 1, д. 72.
15. ГАГС, ф. Р-420, оп. 1, д. 58.
16. ГАГС, ф. Р-420, оп. 1, д. 223.
17. ГАГС, ф. Р-420, оп. 1, д. 246.
18. ГАГС, ф. Р-420, оп. 1, д. 713.
19. ГАГС, ф. Р-420, оп. 1 вст., д. 6.
20. ГАГС, ф. Р-584, оп. 1, д. 115.
21. ГАГС, ф. Р-567, оп. 6, д. 155.
22. ГАГС, м/п 361.
23. ГАГС, м/п 364.
24. ГАГС, м/п 365.
25. ГАГС, м/п 1123.
26. Памятная книга Таврической губернии. Вып. 1. — Симферополь, 1867.
27. *Коротун Е. В.* Изменение вероисповедания как фактор социальной жизни//Память о прошлом. — Севастополь, 2007.
28. Маяк Коммуны. — 1928. — 20 июля.
29. Маяк Коммуны. — 1932.
30. Панорама Севастополя. — 2002. — 11–17 июля (№ 28).
31. *Прохоров Д. А.* Религиозная обрядность у крымских татар и караимов в условиях реформирования Российской государственности системы народного образования тюркоязычных народов Крыма (вторая половина XIX в.)//Sacrum et profanum II. Религиозное мировоззрение в древнем и современном обществах: праздники и будни. — Севастополь-Краков, 2007.
32. *Силантьев Р. А.* Новейшая история исламского общества России. — М., 2005.

**КАРАИМСКАЯ ОБЩИНА СЕВАСТОПОЛЯ
В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕСТВА
(вторая половина XIX века — 1920-е годы)**

В последнее время среди историков и краеведов наблюдается повышенный интерес к проблемам истории и культуры крымских караимов. Результатом исследований на эту тему стали работы Д. А. Прохорова, О. Б. Белого, А. Г. Зарубина, В. Г. Зарубина, М. Б. Кизилова, Д. Шапиры, Е. Г. Баккала, Э. И. Лебедевой [16, 19–21, 26–28, 32–35, 40]. Но в публикациях указанных авторов сведения о севастопольских караимах встречаются лишь эпизодически; ограничен и круг использовавшихся источников по данному вопросу. Поэтому в задачи предлагаемой работы входит анализ некоторых аспектов, связанных с историей возникновения караимской общины в Севастополе, а также с деятельностью ее отдельных представителей в этом городе во второй половине XIX — начале XX вв.

Источниковой базой по выявлению сведений о севастопольских караимах послужили, прежде всего, фонды Государственного архива города Севастополя. В частности, речь идет о документах Севастопольского городского магистрата, управления Севастопольского полицмейстера, Севастопольского райисполкома за 1920-е годы. Помимо этого, при работе над публикацией использовались документы, содержащиеся в личном фонде бывшего директора Госархива В. В. Крестьянникова, а также материалы газеты «Крымский вестник», издававшейся в Севастополе. Сведения биографического характера об отдельных представителях караимской общины Севастополя содержатся в документах отдела ЗАГС.

Ввиду ограниченного количества архивных документов конца XVIII — первой половины XIX веков не представляется возможным установить конкретное количество представителей этноконфессиональных групп населения (в том числе, и караимов), проживавших в Севастополе. В конце XVIII века сведений о наличии других культовых храмов, кроме православных, не выявлено. Не было в указанный период времени и национальных некрополей. Известно только, что перед началом Крымской войны в Севастополе функционировала караимская молельня [26, с. 55].

Со дня основания Севастополя в 1783 году город был открыт для проживания представителям всех национальностей и религиозных

групп. Ограничения были введены спустя 15 лет, в 1798 году в Севастополе, как в «военной гавани», было запрещено проживание иностранцев. Впоследствии, в 1829 году, ограничения коснулись не служащих евреев. Эти меры не относились к караимам, поэтому можно предположить, что они проживали в городе со дня его основания.

После окончания Крымской войны городской думой Севастополя было принято решение устроить национальные кладбища рядом с православным в районе Кладбищенской балки. Национальные некрополи включали в себя еврейский, караимский и магометанский. Самое раннее захоронение, выявленное на караимском кладбище, датируется 1863 годом. В 1965 году кладбище было закрыто. В 1990 году, в результате полевых исследований, проводившихся севастопольским краеведом В. Г. Шавшиным, на караимском кладбище было выявлено 715 могил. Из них 310 могил обозначены только могильным холмом. Имеется несколько склепов. Общая площадь некрополя — 1,3 га. На сохранившихся памятниках имеются отдельные надписи как на древнееврейском языке, так и двуязычные (на древнееврейском и на русском). На кладбище сохранилась символическая могила (так называемый «йолджи-таш» — «камень путнику», или безмогильный памятник) последнего севастопольского караимского газзана Т. С. Леви-Бобовича [39, с. 327–330]. В акте об ущербе, составленном 18 июня 1944 года, указывалось, что в период войны на территории кладбища было уничтожено 50% зеленых насаждений, на 50% разрушен каменный забор, полностью разрушено 34 мраморных памятника, частично разрушено — 27. Ущерб составил 135 тыс. рублей [11, л. 16, 17]. Для выявления сведений о захоронениях на караимском кладбище, которые сохранились на сегодняшний день, но при этом не имеют каких-либо обозначений для их идентификации, могли бы послужить данные метрических свидетельств, но, к сожалению, метрических книг других конфессий, кроме православной, в Госархиве Севастополя не имеется. С 1921 года таким основанием служат актовые записи ЗАГСа.

Все выявленные сведения о севастопольских караимах относятся ко второй половине XIX —

началу XX века. Известный путешественник и исследователь П. П. Семенов-Тяньшанский, описывая Новороссию и Крым, указал, что в этнографическом отношении население края представляет из себя весьма пеструю смесь языков и народов. Он привел данные, из которых следует, что по Таврической губернии караимов и крымчаков (общая цифра) насчитывалось 8900 человек, что составляло 0,6% от всего населения губернии [31, с. 182, 216]. Более конкретные ранние сведения о численности караимов, проживавших в Севастополе, имеются в Государственном архиве Автономной Республики Крым (ГААРК) в фонде Таврического и Одесского караимского духовного правления (ТОКДП). Из этих данных следует, что в 1860 году в Севастополе проживало караимов 69 мужчин и 68 женщин, иногородних — 26 и 14 соответственно [3, л. 51].

В отчете Севастопольского градоначальника указывается, что в 1874 году численность караимов составляла 342 человека (178 мужчин и 164 женщины), что составило 1,8% от общего количества населения в Севастополе (всего — 19114 чел.) [6, л. 52]. В окрестностях Севастополя и в Балаклаве сведений о числе проживавших там караимов не выявлено, что, в свою очередь, подтверждает тезис П. П. Семенова-Тяньшанского о том, что «караимы <...> главным образом живут в городах Крымского полуострова — Евпатории, Феодосии, Армянске, Севастополе и Симферополе» [31, с. 215]. В последующие годы в отчетах Севастопольского градоначальника караимское и еврейское население было представлено общей цифрой, без разделения по этноконфессиональному признаку. Процентное соотношение караимов к общему количеству гражданского населения прослеживается и по спискам призывов новобранцев на военную службу. Так, в 1878 году из 46 человек, принятых к воинской повинности, лишь один был караимом, что составило 2,2% от общего призыва [6, л. 9]. В последующие годы эта цифра колебалась от 2 до 7%.

В 1884 году караимская община приобрела за 6,6 тыс. руб. место для строительства здания новой караимской кенасы в центре города на ул. Большой Морской [18, с. 17].

В 1896 году было начато ее строительство рядом со зданием старой кенасы, для чего строителям пришлось даже взорвать часть скалы. По-видимому, старая кенаса была небольшой по размерам и не могла вместить всех прихожан. Новое здание кенасы, рассчитанное на 400 человек, было, по свидетельству очевидцев, «весьма изящной архитектуры в стиле ренессанс», и обо-

шлось караимскому обществу в 70 тыс. рублей. О том, что севастопольская караимская кенаса была оборудована электричеством, можно судить по тому факту, что в январе 1908 году в ней были установлены люстры, полученные из-за границы «для электрического освещения». Председателем распорядительного комитета по торжественному освящению кенасы был избран караимский предприниматель, председатель севастопольского караимского благотворительного общества Ф. И. Харченко. На освящение караимской кенасы, состоявшееся 15 мая 1908 года, прибыл из Евпатории Таврический и Одесский караимский гахам Самуил Моисеевич Панпулов (участник обороны Севастополя в Крымскую войну). Это был видный караимский общественный деятель, просветитель, стремившийся к сохранению караимами этнического и конфессионального самосознания [34, с. 64]. Он не раз встречался с императором Николаем II, который «очень одобрительно отзывался о караимах» [29, с. 3]. Через три с половиной года, 31 декабря 1911 года, когда С. М. Панпулов скончался (о чем 1 января 1912 года сообщила газета «Крымский вестник» [22, с. 3]), на похороны авторитетного караима, уроженца Евпатории, бывшего гласного Евпаторийской городской думы, городского головы, одного из основателей Александровского духовного караимского училища, человека, занимавшего должность Таврического и Одесского караимского гахама более 30 лет, отправилась и севастопольская депутация (при этом все текущие расходы взяли на себя члены севастопольского караимского общества). Прибывшие в Евпаторию севастопольцы возложили на могилу С. М. Панпулова серебряный венок с надписью, выполненной на древнееврейском и русском языках.

Следует сказать несколько слов о караимских священнослужителях. По данным на 1842 год газзаном в севастопольской синагоге (так раньше называлась кенаса) служил Гавриил Фиркович, зять известного караимского деятеля А. С. Фирковича [18, с. 16]. В 1845 году газзаном состоял Ш. Б. Сараф, в начале 1860-х годов — Исаак Муки [18, с. 16, 17], а 27 сентября 1889 года приказом Севастопольского градоначальника утвержден «по избранию общества» в должности младшего газзана севастопольской караимской кенасы младший газзан Керченского караимского молитвенного дома Авраам Азарьевич, что также подтверждается материалами дел №№ 494 и 724 фонда ТОКДП в ГААРК [30, с. 1; 4, л. 1–32; 5, л. 1–92]. Однозначно можно утверждать, что он состоял в этой должности до конца 1907 года, вплоть до своей

смерти. До 1911 года должность газзана временно исполнял Абрам Яковлевич Кокей. Габбаем (старостой) кенасы был Яков Соломонович Коджак. В 1911 году местным газзаном становится Товия Симович Леви-Бобович, прибывший в Севастополь из Феодосии, где он также исполнял обязанности газзана. Т.С. Леви-Бобович состоял в должности караимского газзана Севастополя вплоть до закрытия севастопольской кенасы.

Значительный вклад в дело развития города и своих единоверцев вносило севастопольское купечество и, в том числе, караимские купцы. К середине XIX века крупные севастопольские купцы (такие, как купец 1-й гильдии Мордехай Айваз, Эммануил Леви, Моше Казас и др.) имели в центре города добротные каменные дома со службами и лавками. Многие купцы-караимы не уехали из осажденного города, когда началась первая оборона Севастополя, а остались оказывать посильную помощь защитникам города; некоторые из них стали непосредственными участниками боевых действий, а после окончания Крымской войны продолжали активно участвовать в общественной жизни города [36, л. 47–53]. Впоследствии они стали почетными и потомственными почетными гражданами. К плеяде таких граждан относятся караимы, носящие фамилию Кефели. На сегодняшний день выявлено 9 потомственных почетных граждан с такой фамилией. Это были достойные люди города: гласные городской думы, присяжные заседатели, предприниматели, некоторые из них были удостоены наград и дипломов за участие в международных выставках.

Но, пожалуй, самым ярким примером достойного служения своему отечеству был Сима Осипович (Иосифович) Кефели (1821–1904). В некоторых книгах он ошибочно указан как севастопольский городской голова, занимавший этот пост в период Крымской войны. Однако в действительности он таковым не являлся — С.О. Кефели значился лишь заступающим место городского головы и в его отсутствие исполнял эту должность. Он не уехал из осажденного города, выстроил помещения для раненых офицеров и взял на себя снабжение их продовольствием. Услуги военным он оказывал также в русско-турецкую войну 1877–1878 годов. С начала Крымской войны и до 1897 года был гласным севастопольской городской думы. По высочайшему повелению, после окончания Крымской войны С.О. Кефели было дано право на ношение мундира; также он был награжден многими государственными наградами. Он был инициатором создания и первым директором городского бан-

ка; в течение 12 лет находился в этой должности. На собственные средства С.О. Кефели были построены казармы для военнослужащих 50-го Белостокского полка. Он был одним из учредителей общества Взаимного кредита, состоял членом почти всех севастопольских благотворительных учреждений, всегда оказывал им, как и своим единоверцам, значительную материальную помощь. До конца своих дней С.О. Кефели являлся самым почетным членом караимского общества. И опять хочется процитировать П.П. Семенова-Тяньшанского, отметившего, что отличительные черты характера караимов — нравственная честность и трудолюбие. И далее: «...к этому можно присоединить также стремление к благотворительности, носящей у караимов характер общественный, а не частный, и развитой настолько широко, что нищих среди караимов вовсе нет» [31, с. 216]. В подтверждение этих слов можно привести тот факт, что один из членов караимского общества О.Д. Бурназ передал в 1907 году дом стоимостью 25 тыс. рублей и 5 тыс. рублей деньгами в пользу беднейших членов общества, за что получил глубокую благодарность от своих единоверцев [17, с. 3]. Но не только в адрес караимов делались пожертвования. В архивных документах имеются сведения, что в 1856 году после окончания Крымской войны два караимских купца — Кефели и Фиркович — купили у французов в Камышовой бухте деревянные бараки, «в коих совершалось богослужение», и один из барачников пожертвовал Херсонесскому монастырю для строительства храма; другой же был перевезен на Северную сторону, где в нем была устроена Петропавловская церковь [7, л. 1–5].

В 1897 году министр внутренних дел утвердил устав «вновь возникшего в Севастополе караимского благотворительного общества» [38, с. 3]. Судя по данной газетной формулировке, можно предположить, что оно существовало и ранее. Но когда оно впервые было создано и почему прерывало свою деятельность, пока по документам выяснить не удалось. В 1911 году благотворительное общество возглавил председатель правления врач Марк Семенович Ага. Среди его членов были: Ефим Семенович и Иосиф Исаакович Кефели, купец Юфуда Ильич Баккал и др. На добровольные пожертвования прихожан в 1912 году был образован неприкосновенный фонд в размере до 35 тыс. руб., на проценты с которого можно было бы содержать кенасу. Фонд было решено назвать «панпуловским». Следует также сказать о том, что в Севастополе располагались караимское частное мужское и караимское частное женское училища [1, с. 93].

Среди достойных представителей караимской интеллигенции необходимо также упомянуть Моисея Ильича Казаса (младшего брата известного караимского ученого и педагога И. И. Казаса, активного участника просветительского движения, развернувшегося в Крыму во второй половине XIX — начале XX веков), преподававшего историю и географию в Константиновском реальном училище Севастополя [8, л. 11 об., 66]. Его речь, подготовленная к приезду учащихся сербской земледельческой школы в 1912 году, была пронизана любовью к России и славянским народам. М. И. Казаса можно также назвать последователем своего старшего брата. Будучи председателем школьной комиссии, в 1912 году он предложил местному караимскому обществу упорядочить и реформировать конфессиональные школы, что было одобрено караимским обществом. Кстати, в документах Константиновского реального училища, где преподавал М. И. Казас, только за 1912/13 учебный год выявлено 17 учащихся караимов.

Что касается участия караимов в работе судебных органов Севастополя, отметим, что на сегодняшний день выявлены сведения о 28 караимах — присяжных заседателях Севастополя и Балаклавы конца XIX — начала XX веков, что составило от 4 до 6% по Севастополю и 5,7% по Балаклаве от общего количества присяжных заседателей [9, л. 1–10; 10, л. 1–12].

Произошедшие в 1917 году февральская, а затем октябрьская революции нарушили мирную жизнь населения. Активное участие в политической жизни в Севастополе в 1917 году принимал один из сыновей умершего Таврического и Одесского караимского гахама С. М. Панпулова, инженер путей сообщения Александр Самойлович (Самуилович) Панпулов, который проживал в Севастополе. Еще будучи учеником Константиновского реального училища в начале 1900-х годов, он посещал небольшой кружок молодежи у Нины Васильевны Никоновой, о чем писал в 1917 году в своих мемуарах бывший эсер, севастопольский городской голова С. А. Никонов. Являясь членом руководящего ядра эсеровской организации в Севастополе, А. С. Панпулов в июне 1917 года был выдвинут кандидатом, а через месяц был избран гласным Севастопольской городской думы. Тогда же, в июле 1917 года, незадолго до выборов в городскую думу, А. С. Панпулова избирают членом исполкома Севастопольского Совета от фракции эсеров, а затем — товарищем председателя Совета. 23 августа 1917 года он, как инженер по поручениям управления начальни-

ка гидротехнических работ армии Западного фронта, чиновник военного времени, приказом войскам Севастопольского гарнизона и крепости «Севастополь» был назначен на службу в Севастопольское крепостное инженерное управление. В ночь с 15 на 16 декабря 1917 года А. С. Панпулов был арестован как «пособник контрреволюции», но был освобожден, на 21 декабря 1917 года он значился депутатом Севастопольского городского Совета военных и рабочих депутатов, гласным Севастопольской городской думы и председателем продовольственного комитета Севастопольской городской управы. При немецкой оккупации в 1918 году А. С. Панпулов оставался в городе и возглавлял продовольственную управу. Дальнейшая его судьба неизвестна [15].

Не менее активную деятельность вел один из руководителей партии левых эсеров в Севастополе в 1917 году, сын севастопольского купца, присяжного заседателя Юфуды Ильмовича Баккала Илья (Юлий) Юфудович (1893–?). Юрист по образованию, в 1917 году он — заместитель председателя Севастопольского Совета (в который избирался несколько раз); вместе с Бундовым ездил в Петроград «с просьбой ходатайствовать об освобождении от наказания черноморцев за незаконное смещение Колчака». В июле 1917 года И. Ю. Баккал был избран членом Севастопольского Совета от команды линкора «Евстафий». Являлся делегатом II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Кроме того, в 1917 году являлся гласным городской думы. С июля 1918 года И. Ю. Баккал был председателем фракции левых эсеров во ВЦИКе. С 1920 года — секретарь Центрального бюро партии левых эсеров (легалистов). В августе 1922 года он был осужден «за антисоветскую деятельность» и выслан из пределов РСФСР за границу [15; 23, с. 171].

Как известно, революция — это не только смена политического строя. Это и массовые репрессии, жертвы, кровопролитие. Жертвами убийств и расстрелов вооруженной толпы матросов 23 февраля 1918 года стало 8 человек караимов. Были убиты: известный художник, прапорщик Михаил Моисеевич Казас (племянник известного караимского просветителя И. И. Казаса), подполковник в отставке Юлиан Иосифович Харченко и его братья, известные караимские общественные деятели — гласный Севастопольской городской думы, председатель севастопольского караимского благотворительного общества Феликс Иосифович Харченко и Давид Иосифович Харченко, владелец типографии; купцы Арон Соло-

монович Казас, Ефим Семенович и Ефрем Семенович Кефели, Исаак Ерахмиелевич [2, с. 211–215; 19, с. 101–103].

Жизнь после революции изменилась кардинально, и вчерашние уважаемые жители города обрели совершенно другой статус. Многие из них были лишены избирательных прав. Бывшие купцы приобрели статус «торговцев». Например, у купца Койчу был муниципализирован дом в Балаклаве на Кефало-Вриси; были лишены избирательных прав Пембек Яков как помещик, домовладелица Анна Яковлевна Кумыш. Лишены избирательных прав с выселением за пределы Севастополя, как слугитель религиозного культа, Т. С. Леви-Бобович. Ходатайства о восстановлении в избирательных правах, направлявшиеся даже во ВЦИК РСФСР, как правило, результатов не приносили и были отклонены.

По переписи 1921 года численность караимов в Севастополе составляла 1245 человек (1,7% от общего населения) [24, с. 63]. 16 ноября 1922 года севастопольское караимское религиозное общество заключило договор с Севастопольским райисполкомом на пользование зданием. Число прихожан составляло 175 человек [14, л. 8–18].

В 1927 году руководитель стола религиозных культов Севастопольского райисполкома в своей докладной записке отмечал, что караимская вера, по сравнению с другими культами, находится в более устойчивом положении [12, л. 63–65]. Посещаемость кенасы прихожанами на протяжении 1920-х годов практически не изменялась. Власти объясняли это тем, что караимский священнослужитель Севастополя (Т. С. Леви-Бобович) был красноречивым и активным агитатором, всегда находился среди караимов, вследствие чего пользовался большим авторитетом и уважением среди верующих. Кроме того, как отмечалось в документе, среди караимов было много грамотных прихожан. Однако почему-то в другом документе чиновник называет караимов «отсталой массой в культурном отношении». По-видимому, такое расхождение в оценках может быть объяснено тем, что властям было трудно убедить верующих, что их проповедник — «ловкий и корыстный» агитатор, а сами прихожане и понятия не имели о его «лжеучении». Тем не менее, в процессе активной антирелигиозной работы со стороны органов власти в конце 1920-х годов верующие все же были вынуждены отказаться от аренды здания кенасы. Постановлением КрымЦИКа от 5 февраля 1931 года караимская религиозная община прекратила свою деятельность, а здание кенасы было переоборудовано под клуб — правда, для самих караимов и крымчаков [12, л. 27].

В период Великой Отечественной войны здание севастопольской кенасы было разрушено в результате попадания в нее авиабомбы и снарядов. Из конструктивных элементов сохранились только фундаменты и цоколь, а также частично стены [13, л. 10].

По данным общегосударственной переписи в 2001 году в Севастополе проживало 44 караима (18 мужчин и 26 женщин). Из этого числа 2 женщины признали родным языком караимский, 1 мужчина указал родным украинский язык, 1 — не указал, остальные опрошенные признали родным языком русский. Все севастопольские караимы проживают непосредственно в самом городе. Несмотря на то, что в настоящее время караимская община Севастополя насчитывает значительно меньшее число членов, чем в до-революционное и довоенное время, тем не менее, следует отметить, что ее руководство ведет активную организаторскую и общественно-культурную работу. Так, в 1998 году в Севастополе была зарегистрирована Ассоциация крымских караимов «Фидан». В настоящее время в ней числится 78 человек. В архиве ассоциации хранятся интересные документы, фотографии и редкие печатные издания. Принятие государственными законодательными органами соответствующих постановлений, направленных на сохранение историко-культурного наследия малых народов, к которым относятся и караимы, позволяет надеяться на возрождение интереса к проблемам караимского населения Крыма.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что севастопольские караимы играли значительную роль в жизни караимских общин Крыма на протяжении более полутора веков. Активная меценатская деятельность караимских предпринимателей Севастополя в значительной степени способствовала возрождению города после опустошительной осады в годы Крымской войны. Многие представители караимской интеллигенции и общественные деятели, по мере своих сил, способствовали широкому распространению идей просвещения и культурному развитию не только своих единоверцев, но и представителей других конфессий и национальностей. Архивные документы, в совокупности с архивом ассоциации крымских караимов «Фидан», составляют часть региональной истории, наполняют ее действующими лицами, местными событиями, деталями, всем тем, что, по мнению академика Д. С. Лихачева, «придает местности историзм, открывает в ее прошлом, хотя бы и очень недавнем, что-то совершенно новое, ценное» [37, с. 21].

Источники и литература:

1. Адрес-календарь Севастопольского градоначальства: город Севастополь и город Балаклава. — Севастополь, 1911.
2. Варфоломеевские ночи в Севастополе. Декабрь 1917 — февраль 1918 гг.: Документы и материалы/Сост. В.В. Крестьянников, Н.М. Терещук. — Севастополь, 2009.
3. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК), ф. 241, оп. 1, д. 19.
4. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 494.
5. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 724.
6. Государственный архив г. Севастополя (ГАГС), ф. 15, оп. 1, д. 1.
7. ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 2.
8. ГАГС, ф. 26, оп. 1, д. 1 б.
9. ГАГС, ф. 27, оп. 1, д. 1.
10. ГАГС, ф. 27, оп. 1, д. 2.
11. ГАГС, ф. Р-45, оп. 1, д. 9.
12. ГАГС, ф. Р-79, оп. 1, д. 676.
13. ГАГС, ф. Р-308, оп. 2, д. 914.
14. ГАГС, ф. Р-420, оп. 1, д. 119.
15. ГАГС, ф. Р-567, оп. 6, картотека.
16. Баккал Е., Белый О. Обзор архива караимского просветителя Давида Марковича Гумуша (1899–1980 гг.)//Материалы Одиннадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. — М., 2004.
17. В Севастопольском караимском обществе//Крымский вестник. — 1907. — 12 декабря.
18. Дьяконова И. А. Караимская община Севастополя (в XIX — начале XX века)//X Дмитриевские чтения. История Южного берега Крыма: Сб. науч. статей. — Симферополь, 2008.
19. Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. 1918 год в Крыму: большевики приходят к власти//Историческое наследие Крыма. — 2006. — № 16.
20. Кизилов М. Б. К истории малоизвестных караимских общин Крымского полуострова//Тирош. Труды по иудаике. Сер.: Judaica Rossica/Под ред.: Е. Ремпель, М. Членов. — М., 2003. Вып. 6
21. Кизилов М. Б. Свидетельства путешественников как источник сведений по изучению этнической истории, традиционной культуры и быта крымских караимов в 18–19 вв.//Материалы Седьмой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. — М., 2000.
22. Кончина караимского гахама С. М. Панпулова//Крымский вестник. — 1912. — 1 января.
23. Крестьянников В. В. Севастопольская городская организация партии социалистов-революционеров в 1917 г. //Севастополь: взгляд в прошлое: Науч. статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя/Сост. В. В. Крестьянников. — Севастополь, 2006.
24. Крылов С. Красный Севастополь. — Севастополь, 1921.
25. Крымский вестник. — 1889. — 28 сентября.
26. Лебедева Э. И. Крымская война и караимы. — Симферополь, 2004.
27. Лебедева Э. И. Очерки по истории крымских караимов-тюрков. — Симферополь, 2002.
28. Лебедева Э. И. Пример для потомства. — Симферополь, 2002.
29. Освящение караимской кенасы в Севастополе//Крымский вестник. — 1908. — 17 мая.
30. Официальный отдел//Крымский вестник. — 1889. — 28 сентября.
31. Полное географическое описание нашего отечества. Россия/Под общим руководством П. П. Семенова-Тянь-Шанского. Новороссия и Крым. — СПб., 1913. Т. XIV.
32. Прохоров Д. А. К истории женского караимского образования в Крыму (вторая половина XIX — начало XX вв.)//VI Таврические научные чтения. Симферополь, 27 мая 2005 г.: Сб. материалов. — Симферополь, 2005.
33. Прохоров Д. А. И. И. Казас и проблемы развития библиотечного и архивного дела в Крыму в XIX — начале XX вв.//V Таврические научные чтения. Симферополь, 21 мая 2004 г.: Сб. материалов. — Симферополь, 2005
34. Прохоров Д. А. Просветительский проект караимского гахама С. М. Панпулова — малоизвестный источник конца XIX в. по истории народного образования крымских караимов//VII Таврические научные чтения. Симферополь, 19 мая 2006 г.: Сб. материалов. Ч. 2. — Симферополь, 2007.
35. Прохоров Д. А. Религиозно-философский компонент в программах караимских учебных заведений Таврической губернии (середина XIX — начало XX вв.)//Sacrum et profanum III. Небесные патроны и земные служители культа: Сб. науч. трудов. — Севастополь, 2007.
36. Терещук Н. М. Документальные источники по истории севастопольского купечества периода Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. //Севастополь: взгляд в прошлое: Науч. статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя/Сост. В. В. Крестьянников. — Севастополь, 2006.
37. Цит. по: Туманов В. Е. Информационный потенциал документов по личному составу как исторических источников: проблемы и решения//Отечественные архивы. — 2007. — № 5.
38. Хроника//Крымский вестник. — 1897. — 17 апреля.
39. Шавшин В. Г. Караимское кладбище в Севастополе (по материалам обследований)//Материалы Восьмой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. — М., 2000.
40. Шатира Д. Йицхак Сангари, Сангарит, Бецалель Штерн и Авраам Фиркович: история двух поддельных надписей//МАИЭТ. Вып. X. — Симферополь, 2003.

КРЫМЧАКИ. СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (по документам Государственного архива города Севастополя)

Настоящий материал посвящен одной из коренных народностей Крыма — крымчакам. Изданная в 1890 году Еврейская энциклопедия, опираясь на сведения Новороссийского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова, которые он представил министру внутренних дел, так описывает эту этническую группу: «Крымчаки живут преимущественно в Карасубазаре и Симферополе <...> они поступили в подданство России при присоединении Крыма к империи, сохраняют обычаи своих предков, говорят наречием татарского языка и носят обыкновенную одежду крымских татар» [23, с. 887–888]. Действительно, анализируя выявленные документы, можно сказать, что большинство из севастопольских крымчаков были уроженцами Карасубазара. Основным языком они называли «крымско-татарский» или «турецкий», также писали, что владеют «росейским» языком.

За последние два десятилетия проведены основательные исследования по истории крымчакской этнической группы в целом. Результатом стал ряд работ Б. М. и И. В. Ачкинази, М. Б. Кизилова, Б. В. Бабина, В. П. Власова [19–22, 26]. Между тем, в приведенных в них данных об общинах крымчаков в разных регионах мира, включая территорию Крыма, практически отсутствуют сведения о севастопольских крымчаках. Поэтому в задачу настоящей работы входит анализ документов и сведений, связанных с историей крымчакской общины Севастополя и ее отдельных представителей.

Базовыми источниками для выявления сведений о крымчаках, проживавших в Севастополе, послужили, в первую очередь, фонды Государственного архива города Севастополя. Частично сведения были выявлены в документах Севастопольского городского магистрата. В большей степени научный интерес представляют документы церковного стола Севастопольского райисполкома за 1920-е годы, в которых отложились документы по регистрации крымчакской религиозной общины. В документах Севастопольского горисполкома выявлены сведения о лишении крымчаков избирательных прав. Сведения биографического характера, в частности, периода голодоморов, содержатся в документах ЗАГСа, а периода Великой Отечественной войны — в документах редакции Книги Памяти. Для использования ста-

тистических сведений о количестве крымчаков, проживавших в Севастополе в последней четверти XX века, были использованы документы переписи из фонда управления статистики.

П. П. Семенов-Тяньшанский, описывая Новороссию и Крым, указывает на то, что в этнографическом отношении население Новороссийского края представляет собой «весьма пеструю смесь языков и народов». И далее: «Что касается так называемых крымчаков, то это также очень стародавние обитатели Крыма. По их собственным преданиям, они поселились там в VI веке по Р. Х.» [26, с. 217].

После присоединения Крыма к России была сделана попытка определить численность населения в присоединенной территории. Ф. Лашков в своей работе «К вопросу о количестве населения Таврической губернии в начале XIX в.» пишет о том, что «определить с точностью количество населения Крыма в период, предшествовавший присоединению его к России, почти невозможно ввиду отсутствия проверенных данных». Он приводит данные командующего войсками в Крыму барона О. А. Игельстрема о том, что в момент присоединения Крыма в нем проживало 1407 евреев [24, с. 158–159]. Можно только предположить, что большинство из них были крымчаками.

В последнее десятилетие XVIII века гражданское население в Севастополе насчитывало всего 246 человек обоего пола, и потому не представляется возможным говорить о крымчаках как об одной из национальных общин Севастополя в этот период [17, с. 32]. Тем более, что в городе, кроме двух православных церквей, не значились другие культовые храмы.

Кроме того, в начальный период развития Севастополя очень сложно установить численность тех или иных этнических групп, так как история города традиционно писалась в первую очередь как военная история. На начало XIX века Севастополь по численности гражданского населения находился на десятом месте в Крыму. Крупнейшими городами были: Бахчисарай — 2645 жителей, Карасубазар (Белогорск) — 2285, Козлов (Евпатория) — 1912, Балаклава — 995; очень мало жителей было в губернском городе Акмечеть (Симферополь) — 815 и Ахтиар (так прежде назывался Севастополь) — 171 житель [17, с. 165–168]. По наци-

ональности большинство было татар. Что касается других национальностей, то определить их число трудно. К примеру, численность мещан-евреев или купцов-евреев приводилась по Севастополю вместе с христианами и составляла: купцы — христиане и евреи — 34 человека, мещане — христиане и евреи — 102 человека [17, с. 165].

П. П. Семенов-Тяньшанский, опираясь на данные переписи 1897 года, пишет, что в Таврической губернии караимы и крымчаки составляли 0,6% от общей численности населения [26, с. 182]. Более конкретные цифры по Крыму представлены переписью 1913 года, согласно которой крымчаков насчитывалось около 7 тысяч человек [18, с. 5].

Интересный материал о жителях Таврической губернии содержится в Военно-статистическом обозрении Российской империи (1849). Крымчаки представлены в нем как евреи турецкие или крымские, проживающие только в Крыму, в Карасубазаре. О другой группе евреев, которые называются еврей-талмудисты, или польские, написано, что они явились в южном краю недавно, перешедши сюда из Запорожья, где они вели розничную торговлю, были откупщиками соли у крымских ханов и ростовщиками [2, с. 104].

Несмотря на то, что местом компактного проживания крымчаков указываются Карасубазар и Симферополь, небольшое их количество проживало и в Севастополе. В начале XX века здесь действовало Общество пособия бедным крымчакам-евреям «Сомех Нохлим», председателем которого был Гота Яков Исаакович.

Работа по выявлению персоналий усложнялась тем, что за основу были взяты те фамилии, где четко была указана национальность — крымчак. Вместе с тем граждане, носящие фамилию Леви, имеются не только среди крымчаков — с такой фамилией встречаются евреи и даже караимы. Н. Берг в своих «Записках об осаде Севастополя» публикует пофамильный перечень севастопольских купцов, «торговавших в городе, а затем на Северной стороне во время осады» [1]. Среди них значится купец Эммануил Леви, торговавший бакалеей. В документах Севастопольского городского магистрата за 1858 год выявлены сведения о городском присяжном, оценщике, севастопольском купце 1-й гильдии Эммануиле Леви, который имел в 1-й части Артиллерийской слободки имение: каменный дом со службами [3, л. 10 об., 12, 15]. Возможно, речь идет об одном и том же человеке, и это на сегодняшний день самые ранние конкретные сведения о крымчаках, проживавших в городе Севастополе.

Крымчаки не имели своего национального некрополя. До середины 1960-х годов их хоро-

нили на еврейском кладбище, а после его закрытия — на общегородском.

В отличие от Карасубазара, в котором во второй половине XIX века насчитывалось 3 крымчакских синагоги, в Севастополе лишь в 1887 году была открыта небольшая крымчакская синагога, называемая молитвенным домом Крымской еврейской общины, а в 1920 году (по другим данным — в 1918 году) община приобрела в собственность частный дом и переоборудовала его под синагогу [10, л. 11, 38]. Председателем крымчакской синагоги в 1910-е годы был Ландшафт Моисей Маркович.

Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», принятый 20 января 1918 года, в Севастополе начали претворять в жизнь только после того, как в ноябре 1920 года в городе окончательно установилась новая власть. В 1922 году крымчакская религиозная община заключила с органами местной власти договор на право пользования культовым зданием, подтвердила то, что синагога считалась до 1917 года приходской, и тем самым продлила период ее деятельности.

В 1923 году в крымчакской религиозной общине значился 171 прихожанин [10, л. 26–27]. На протяжении 1920-х годов органами власти активно проводилась антирелигиозная работа, в результате которой количество прихожан уменьшилось до 50 человек. В 1929 году заведующий столом религиозных культов Н. А. Быков в своей докладной записке писал о том, что «произвести ликвидацию будет очень тяжело, без особо законных материалов, которые говорили бы о нарушении «двадцаткой» закона в отношении отделения церкви от государства, как-то: страхование, ремонт, контрреволюционные выступления и т.п., а поэтому считаю вопрос о ликвидации крымчакской синагоги в данное время, пока временно оставить и поручить крымчакскому клубу продолжать вести антирелигиозную пропаганду среди оставшихся верующих. Остальные же материалы, как-то: разложение верующих, финансовые нажимы, в смысле производства ремонта синагоги и другие будут проводиться со стороны стола религиозных культов совместно с отделом ГПУ и по проведению нами этой работы, удастся легко и на законном основании произвести ликвидацию синагоги» [10, л. 112].

По-видимому, планируемая работа органами власти была «успешно» доведена до конца, так как 26 октября 1929 года на заседании бюро Севастопольского райкома ВКП (б) слушался вопрос о закрытии шести культовых храмов, в числе ко-

торых была крымчакская синагога, и вынесено постановление о ее закрытии [10, л. 106]. Аналогичное постановление 25 февраля 1930 года было вынесено на заседании президиума КрымЦИКа [10, л. 125] и окончательно подтверждено его постановлением 25 ноября 1930 года [10, л. 126].

Для крымчаков всегда были характерны религиозная образованность и стремление отстоять свою самобытность. Возможно, по этой причине проживали они довольно компактно, в центре города. Только на одной Подгорной улице (бывшая Артиллерийская слободка) проживали 17 человек, причем 6 из них состояли в 1920-х годах в управляющей «двадцатке». Из 68 домов на этой улице 4 принадлежало крымчакам [4, л. 17].

Началом репрессивной политики государства можно считать кампанию по лишению избирательных прав, проводившуюся в 1920-х годах. Так государство расправлялось с враждебно настроенной, на их взгляд, частью населения. Этой участи не избежали и крымчаки. Избирательных прав лишались в первую очередь торговцы и домовладельцы, а также служители культов. Семьи этих категорий людей также попадали в разряд «лишенцев» — как иждивенцы.

Всего было лишено избирательных прав 68 крымчаков [7, л. 25–26], в том числе несколько домовладельцев и, соответственно, их иждивенцев. Между тем, анализ документов показывает, что большинство крымчаков были ремесленниками, и только некоторые из них в тяжелое послереволюционное время занимались торговлей. Так, сапожник Бакши Гидалий Вениаминович, участник Первой мировой войны, раненный в руку и признанный инвалидом, из-за увечья не мог заниматься своим ремеслом. В 1920-е годы он переключился на торговлю обувным товаром. За это его лишили избирательных прав. Те, кто перевели сапожника в разряд «лишенцев», отказались принять во внимание «смягчающие обстоятельства»: его инвалидность, большую — семь человек — семью и то, что он — единственный в семье кормилец. Он был лишен социальной пенсии, а в ходатайстве о восстановлении избирательных прав ему было отказано [8].

Отметим, что по документам, связанным с антирелигиозной работой и лишением избирательных прав, было выявлено 6 крымчаков, пострадавших от властей, — участников Первой мировой войны. По этим же документам на начало 1930-х годов выявлено трое граждан других стран: Леви Абрам Захарович [6, л. 11] и Леви Анна Яковлевна [6, л. 12] — подданные Турции, и Мизрахи Мордехай [6, л. 11] — подданный

Персии. Их дальнейшая судьба по документам не просматривается.

Украинский Институт Национальной памяти признал, что Голодомора в Севастополе не было. Процент умерших от голода в Севастополе в 1932–1933 годах был незначительный — 0,18% [27, с. 95–106]. Всего умерло от истощения, как указывалось в актовых записях, 180 человек. Среди них были два крымчака — Юсуфов Халил Юсуфович, умерший 6 июля 1933 года в возрасте 69 лет от истощения [16], и Шанито Рахель Яковлевна, умершая 8 мая 1933 года в возрасте 41 года от истощения и хронических болезней [14, л. 1, 1 об.].

В первый день начала войны 22 июня 1941 года ночью, в 3 часа 15 минут, на Севастополь были сброшены первые немецкие морские мины, одна из которых попала на улицу Подгорную. В числе первых 19 жертв была семья Мангупли — Иосиф Иванович и Сара Анисимовна [15], оба уроженцы Карасубазара. В 1920-е годы они были лишены избирательных прав, затем добились восстановления. Их имена выбиты на памятнике, установленном в память о трагическом событии в военной истории города. Кстати, фамилия Мангупли единственная у крымчаков, образованная от крымского топонима Мангуп, города, где крымчаки проживали до конца XVIII века.

В период обороны Севастополя погибла или пропала без вести семья крымчаков Шолом — отец и два сына [15]. 15 декабря 1941 года был убит бомбой 51-летний крымчак Ачкинази Исаак-Давид Иосифович [14, л. 24]. В период оккупации Севастополя 24 июля 1942 года были расстреляны вместе с другими евреями крымчаки Измерли Давид Исаакович, работавший до войны в артели «Молот» [14, л. 26] и Измерли Сара Давидовна Исаковна [5, л. 5–6], Ачкинази Яков Моисеевич и Эстер Давидовна и их дети — Ревека и Сара [11, л. 122], Пейсах Лия Михайловна [13, л. 54] и Това Давидович [12, л. 128], Абрабен Эммануил Иосифович [12, л. 128] и другие.

В заключение необходимо привести статистические данные, которые, к сожалению, указывают на уменьшение численности этой этнической группы в Севастополе. Согласно Всесоюзной переписи населения 1989 года в городе проживало 102 крымчака, из которых 93 человека указали своим родным языком русский и двое — татарский [9, л. 10]. По данным Украинской общегосударственной переписи 2001 года в Севастополе проживало 76 крымчаков (38 мужчин и 38 женщин). 70 человек указали родным языком русский, 4 человека указали родным язык своей национальности (согласно формулировке опро-

сного листа) и 2 человека — другой (без указания). Из них 72 человека проживают в городе и 4 (2 мужчины и 2 женщины) — в сельской зоне. Следующая украинская перепись населения сведений о национальности уже не давала.

Несмотря на то, что крымчаки являются малочисленной этнической группой населения

Источники и литература:

1. *Берг Н.* Записки об осаде Севастополя. В 2-х т. — М., 1858.
2. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Таврическая губерния. Т. XI. — СПб., 1849.
3. Государственный архив города Севастополя (ГАГС), ф. 18, оп. 1, д. 5.
4. ГАГС, ф. Р-79, оп. 1, д. 732.
5. ГАГС, ф. Р-79, оп. 2, д. 21.
6. ГАГС, ф. Р-79, оп. 2 л, д. 14.
7. ГАГС, ф. Р-79, оп. 2 л, д. 106.
8. ГАГС, ф. Р-79, оп. 2 л, д. 128.
9. ГАГС, ф. Р-287, оп. 1, д. 1624.
10. ГАГС, ф. Р-420, оп. 1, д. 24.
11. ГАГС, ф. Р-511, оп. 1, д. 3.
12. ГАГС, ф. Р-511, оп. 1, д. 16.
13. ГАГС, ф. Р-511, оп. 1, д. 75.
14. ГАГС, ф. Р-570, оп. 1, д. 93.
15. ГАГС, картотека персоналий.
16. ГАГС, ф. Р-608, оп. 1, д. 223, 225.
17. Севастополю 200 лет. 1783–1983: Сб. документов и материалов. — Киев, 1983.
18. *Андривская И. Ю.* Из истории крымчакской общины г. Евпатории//VIII Таврические науч. чтения. — Симферополь, 2007.
19. *Ачкинази И. В.* Крымчаки: Историко-этнографич. очерк. — Симферополь, 2000.
20. *Ачкинази И. В.* Крымчаки: Историограф. обзор по публикациям XIX–XX в.//Материалы по истории, археологии и этнографии Таврики (МАИ-ЭТ). — 1991. — № 2.
21. *Бабин Б. В.* Особенности развития правового статуса крымчаков, как малочисленного народа Крыма. — <http://turkolog.narod.ru>
22. *Власов В. П.* Очерк этнической истории Крыма с древности до позднего средневековья//Культурно-цивилизационный диалог и пути гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму: Сб. науч. работ. — Симферополь, 2008.
23. Еврейская энциклопедия. Т. 9. — СПб., 1890.
24. ИТУАК. — 1916. — № 53.
25. *Кизилов М.* Крымчаки: современное состояние общины//Евроазиатский еврейский ежегодник — 5768 (1007/2008). — М., 2008.
26. Полное географическое описание нашего отечества. Россия/Под общ. руководством П. П. Семенова-Тяньшанского. Новороссия и Крым. — СПб., 1913. — Т. XIV.
27. *Терецук Н. М.* К проблеме голода в Севастополе в 1920–1930-е годы//Город славы и поклонения: Материалы юбилейной научно-практич. конференции, посвященной 225-летию города-героя Севастополя (12 июня 2008 г.)/Под общ. ред. д. и. н. профессора В. А. Динеса. — Севастополь, 2008.

КРЕСТЬЯННИКОВ В. В.

НЕКРОПОЛЬ ХЕРСОНЕССКОГО МОНАСТЫРЯ

В 1848 году Херсонесскую епархию (куда входил и Крым) возглавил архиепископ Иннокентий, задумавший создать в Крыму «Русский Афон» — крупный центр православия, организовать новые киновии и монастыри. В представленной в Синод докладной записке он предложил учредить скиты у Бахчисарая (Успенский), в Инкермане, Топлах, Космо-Демьяновский и на развалинах Херсонеса [12, л. 2–3]. Синод одобрил идею Иннокентия. Устройством киновии в Херсонесе занялся прибывший с Афона иеромонах Василий (Юдин), бывший офицер Донского войска. Иеромонах Василий устроил три кельи и соорудил храм во имя св. равноапостольной княгини Ольги,¹

¹ На этом месте позже построен двухэтажный настоя-

освященный 28 февраля 1853 года настоятелем Бахчисарайского Успенского скита архимандритом Поликарпом. Однако киновия просуществовала не долго, во время осады Севастополя в 1854–1856 годах на территории древнего Херсонеса располагались позиции французских войск и все сооружения были разрушены. После заключения Парижского мира архиепископ Иннокентий направил в Севастополь для восстановления киновии иеромонаха Евгения.² При нем, 18 марта

тельский корпус с домовою церковью.

² В конце 1874 года архимандрит Евгений был направлен настоятелем Карловского Троицкого монастыря Тамбовской епархии, а затем Златоустовского монастыря в Москве, где и умер.

1861 года, киновия была возведена в первоклассный монастырь [12, л. 5].

В связи с тем, что к 1858 году на территории киновии уже было несколько погребений, иеромонах Евгений обратился в Херсонскую духовную консисторию с просьбой узаконить кладбище. 15 ноября 1858 года был получен ответ:

«Игумену Евгению из Херсонской духовной консистории.

На рапорт № 85, коим испрашивается Архимандритского благоволения и разрешение на открытие при обители кладбища, для погребения желающих пользоваться благостью знаменательной купели Пророка Исаии и молитвенным поминовением, к резолюции Его Преосвященства на сем рапорте последовавшую такову: «Именем Господним благословляю похоронить усопших в пределах Херсонесской Обители, как находящейся в удалении от города».

Приказали: С прописанием резолюции Его Преосвященства к исполнению Вам Игумену Евгению послать указ» [3, л. 30–30 об.].

В деле подшит интересный документ «План кладбища Херсонесского Монастыря» [3, л. 31] со списком захороненных на кладбище. Список более поздний, может быть датированным не ранее апреля 1863 года, когда Евгений был возведен в сан архимандрита, и не позднее декабря 1874 года, когда архимандрит убыл из монастыря.

В этом списке указано двенадцать захоронений:

Склеп с костями древних жителей Херсониса, устроенный в 1859 году.

Севастопольский доктор Никифор Иванович Закревский (умер 11 апреля 1864 года, Севастопольский городской врач, коллежский асессор [15, л. 77–77 об.]. Автор «Записок врача морской службы», опубликованных в Морском сборнике за 1861–1865 гг.).

Священник Дмитрий Кесарев.

Священник Яков Сеницкий.

Иеромонах Маркелин.

Коллежский асессор Афанасий Климов (умер 30 января 1868 года, 48 лет от роду) [24, с. 183].

Два послушника Антоний и Александр, умершие в Херсонесе в 1853 году. Кости их перенесены сюда от нынешнего сарая.

Рабочий Евдоким Поддувалов.

Рядчик Петр Тумаков, производивший вырытие и планировку площади под Соборный Храм Св. Владимира в 1861 году.

Монах Савватий.

Двое внучат повара Давыда Григорьева Симеон и Евдокия Беловодские.

Сын Давида Григорьева, утопший отрок Роман.

По хозяйственным книгам монастыря, метрическим книгам и книге В.М. Чернопятава «Некрополь Крымского полуострова» удалось установить имена 54 захороненных на кладбище Херсонесского монастыря, в том числе 17 священнослужителей. Захоронения по периодам проводились не равномерно:

1853–1870	14
1871–1880	2
1881–1890	3
1891–1900	13
1901–1910	16
1911–1920	9
1938	1

Больше всего захоронений пришлось на 1900, 1902, 1904 и 1905 годы (по четыре). Это объясняется тем, что кладбище предназначалось в первую очередь для захоронения насельников монастыря. Частные лица платили в начале XX века 500 руб. за могильное место [7, л. 61 об.], после 1910 года — 300 руб.

Из 17 священнослужителей погребены: 1 архиепископ (Мартиниан), 2 архимандрита (17.07.1900 умер настоятель Херсонесского монастыря Александр [5, л. 27, 29 об.] и 01.08.1902 умер архимандрит Нафанаил (Куликов) [5, л. 56]), 3 заштатных священника, 3 иеромонаха, 5 монахов и 4 послушника.

В конце XIX — начале XX вв. по указам Св. Синода и епархиального начальства иерархи православной церкви, после выхода на пенсию и по старости, поселялись в монастыри на правах братии. Так, в 1896 году в Херсонесский монастырь был поселен бывший архиепископ Могилевский Евгений, в 1905 — бывший митрополит Санкт-Петербургский Климент, в 1906 — игумен Дидим, бывший настоятель Квабтахевенского Успенского монастыря Грузинской епархии, в 1908 — архимандрит Савва, бывший настоятель Ахтальского монастыря и т.д. На 1910 год в монастыре проживали епископ Кирион, архимандриты Исидор и Зосим, игумен Дидим [4, л. 2, 39, 42, 57, 71].

По указу Св. Синода от 19.01.1892 в Херсонесском монастыре был поселен бывший архиепископ Таврический и Симферопольский Преосвященный Мартиниан (Муратовский) (1885–1897). Он умер 5 июня 1898 года от старческой дряхлости и по завещанию погребен с правой стороны в нижнем храме Собора Св. Владимира. Все свои сбережения он завещал монастырю [4, л. 4, 5, 7].

Из 38 известных светских захоронений на территории кладбища монастыря интерес представляют следующие.

Профессор Отто Шнидер, 35 лет, умерший 11 марта 1888 года [24, с. 303].

Контр-адмирал Леонид Константинович Кологерас (1839–1896) [24, с. 190].

Контр-адмирал Геннадий Александрович Ратьков-Рожнов (8.12.1826–19.05.1897) [5, л. 2].

Контр-адмирал Константин Ростиславович Вальронд (1817–09.11.1899). Севастопольский градоначальник (24.06.1896–28.09.1899). Его родоначальник англичанин Ян Валронт в 1698 году поступил на службу в российский флот. В 1699 году он командовал кораблем «Меркурий». К. Р. Вальронд, будучи капитаном 2 ранга, командовал канонерской лодкой «Меркурий». В 1890–1895 годах он командовал эскадренным броненосцем «Чесма», затем 33-м флотским экипажем. В 1896–1899 годах контр-адмирал Вальронд — градоначальник Севастополя и командир его порта. Он внес достойный вклад в улучшение социального состояния города Севастополя. Так, 6 октября 1897 года было открыто пароходное сообщение между Графской пристанью и Павловским мыском через каждые 15 минут от 6 часов утра до 9 часов вечера. 12 сентября 1898 года начинается движение пассажирских вагонов для публики от железнодорожного переезда на Южной бухте до кондитерской Мисинского на Нахимовском проспекте с платой по 5 коп. в один конец. Еще пример, осуществилась заветная мечта Севастополя — иметь классическую гимназию: с 1 июля 1899 года учреждена шестиклассная гимназия, для чего ассигновано из средств госказначейства на содержание гимназии в 1899 году — 6725 руб., в 1900 году — 15195 руб., в 1901 году — 18062 руб. Деньги за могильное место на кладбище внесла его жена, Евгения Вальронд [6, л. 13 об.].

Действительный статский советник Иван Иванович Палимпсестов (07.09.1818–20.03.1901). Его сыновья Дмитрий Иванович, инженер, и Владимир Иванович, инженер-механик капитан 1 ранга, оплатили могильное место [24, с. 270; 8, л. 22 об.]. В июле 1901 — январе 1902 гг. Дмитрий Иванович оплачивал место и для матери, Елены Константиновны [8, л. 70 об., 145 об., 174 об.], которая умерла предположительно в 1911–1913 годах.

Вдова полковника Анна Фоминична Козлова умерла 21.12.1901. Деньги за место для погребения внес командующий Черноморским флотом адмирал С. П. Тыртов [24, с. 188; 5, л. 44 об.; 9, л. 173 об.].

Жена контр-адмирала, севастопольского градоначальника Надежда Михайловна Феодосьева (18.04.1849–12.01.1902) [13, л. 106 об.–107]. Деньги за могильное место внес ее муж, Евгений Петрович [9, л. 173 об.].

Генерал-лейтенант, начальник 13-й пехотной дивизии, Василий Васильевич Христиани (07.05.1841–22.01.1902). Деньги за могильное место на монастырском кладбище получены за неделю до его смерти от адъютанта штаба дивизии штабс-капитана Сорокина [9, л. 173 об.]. Василий Васильевич окончил Пажеский корпус и начал службу в лейб-гвардии Семеновском полку. Окончил Николаевскую Академию Генерального штаба. Служил начальником 45-й пехотной резервной бригады. 28 декабря 1896 года назначен начальником 13-й пехотной дивизии. Умер после тяжелой болезни [23, с. 366, 373; 21].

Действительный статский советник, член Пермского губернского присутствия Николай Семенович Назарьев (1841–17.09.1902), умер от брюшного тифа [13, л. 116 об.–117]. Деньги за могильное место внес Николай Орельников [9, л. 271 об.].

7 сентября 1900 года внес деньги за место на монастырском кладбище «для устройства фамильного склепа» [5, л. 30 об.] капитан 1 ранга, а с 1901 года контр-адмирал Михаил Федорович Лошинский — капитан над Севастопольским портом. Здесь была похоронена его жена, а сам Михаил Федорович убыл в начале 1904 года на Дальний Восток младшим флагманом эскадры флота Тихого океана к адмиралу С. О. Макарову [17, с. 143–144; 16, с. 533–537].

Заведующий раскопками в Херсонесе Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич (20.04.1847–17.12.1907). Образование получил в Горном корпусе, который не окончил, выбыл из старшего класса. Затем служил на Динабургско-Витебской железной дороге, на строительстве Лозово-Севастопольской железной дороги. В августе 1881 года оставил работу, приобрел дом и занялся изучением истории Крыма. С января 1885 года по октябрь 1890 года был на должности товарища директора Севастопольского городского банка. В апреле 1897 года избирался гласным Севастопольской городской думы, был награжден орденом Св. Анны 3 ст. [20]. В 1888 году начал раскопки в Херсонесе, став членом восьми археологических и архивных обществ. Умер от простуды. «16 декабря был погребен в ограде Херсонесского монастыря католическим и православным духовенством совместно» [2, л. 20].

9 декабря 1916 года умерла его жена Мария Павловна в возрасте 66 лет [14, л. 159 об.]. Деньги за могильное место внесла ее дочь Ксения. В ноябре 1918 года Ксения похоронила на территории монастырского кладбища и своих детей-близнецов [11, л. 88 об., 223 об.].

В феврале 1915 года была похоронена Ксения Владимировна Милохова, дочь начальника ар-

тиллерии Севастопольской крепости полковника В. А. Милохова [10, л. 231 об.]. В феврале и марте 1916 года Владимир Алексеевич сделал еще два взноса за запасное могильное место, однако в годы гражданской войны он с женой эмигрировал за границу и умер во Франции [22, с. 547].

В ноябре 1915 года на монастырском кладбище погребен капитан 2 ранга Сергей Александрович Берх (12.11.1874–11.1915), участник русско-японской войны, командовавший перед первой мировой войной канонерской лодкой «Уралец» [10, л. 304 об.; 18, с. 128].

Последним в Херсонесе был погребен Николай Михайлович Янышев (1859–17.11.1938), ху-

дожник и архитектор. До революции, в чине статского советника, он преподавал в Константиновском реальном училище [19, с. 339]. В Херсонесском музее работал с 1926 года архитектором, а с 1928 по 1938 годы — старшим научным сотрудником, продолжая преподавательскую работу в трудовой школе № 5 [1, л. 52].

Некрополи на долгие годы были забыты официальной наукой и все-таки существовали, оставаясь одной из самых актуальных и острых тем нашего прошлого. Некрополи — это вовсе не рассказы о мертвых, как может показаться вначале. Некрополи — это правда о наших предшественниках и точный диагноз состояния нашей памяти о них.

Источники и литература:

1. Архив Национального заповедника «Херсонес Таврический» (НЗХТ), д. 52/3.
2. Архив НЗХТ, д. 53/3.
3. Государственный архив г. Севастополя (ГАГС), ф. 19, оп. 1, д. 2.
4. Там же, д. 39.
5. Там же, д. 41.
6. Там же, д. 43.
7. Там же, д. 44.
8. Там же, д. 46.
9. Там же, д. 47.
10. Там же, д. 62.
11. Там же, д. 65.
12. Там же, д. 67.
13. ГАГС, ф. 30, оп. 1, д. 60.
14. Там же, д. 135.
15. ГАГС, ф. 33, оп. 1, д. 4.
16. Расписание Адмиралов, Генералов, Штаб и обер-офицеров, Гражданских и Медицинских чинов строевого состава. — СПб., 1904.
17. Список лицам, состоящим в Морском ведомстве и флота. Ч. 1. — СПб., 1904.
18. Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства. — Пг., 1915.
19. Адрес-календарь Севастопольского градоначальства. — Севастополь, 1911.
20. Крымский вестник. — 1897. — 8 мая.
21. Крымский вестник. — 1902. — 8 мая.
22. Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997. Т. 4. — М., 2004.
23. Павлюк К. К. История 51 пехотного Литовского ... полка: В 2-х т. Т. 2. — Одесса, 1909.
24. Чернопятов В. М. Некрополь Крымского полуострова. — М., 1910.

ШПАКОВА И. Е.

ЦЕРКОВЬ ВО ИМЯ СВ. МИТРОФАНА ВОРОНЕЖСКОГО И ЧАСОВНЯ ИКОНЫ ФЕДОРОВСКОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ В СЕВАСТОПОЛЕ

История Севастополя неразрывно связана с Черноморским флотом. Поэтому в числе первых зданий в центральной части города была сооружена часовня во имя св. Николая Чудотворца, на месте которой в 1795 году построили св. Николая Адмиралтейский собор [24, с. 351; 9, с. 60]. Все православные храмы, построенные впоследствии Морским ведомством, были приписными к Адмиралтейскому собору.

В первой половине XIX века Севастополь являлся главной базой Черноморского флота и крепостью первого класса. Естественно, что основное население города составляли моряки Черноморского флота, солдаты крепостной артиллерии

и пехотных полков. При этом подавляющее большинство военнослужащих исповедовало православие [11, с. 17]. Со времени основания Севастополя на Корабельной стороне строили казармы для экипажей военных судов, здесь же традиционно селились солдатские и матросские семьи. В первой половине XIX века на Корабельную сторону с Южной было переведено севастопольское Адмиралтейство, рабочие которого увеличили население Корабельной слободки. В этот период здесь насчитывалось 352 дома и проживало 1100 человек [24, с. 255]. В 1829 году при казармах 37-го флотского экипажа, располагавшихся на территории Корабельной стороны, построили

часовню во имя св. благоверного Великого князя Владимира [5, л. 20]. Она была единственным культовым сооружением в данном районе, поэтому служила для отправления религиозных нужд не только военнотружущих, но и гражданского населения [14]. С 1834 года часовня стала называться церковью с подвижным престолом во имя св. князя Владимира [5, л. 20–22]. В период обороны Севастополя 1854–1855 годов церковь была разрушена. Об этом свидетельствует рапорт архиепископа Херсонского Иннокентия Святейшему Синоду, написанный им в мае 1856 года [2, л. 15]. А крест с купола церкви был вывезен во Францию покидавшими Севастополь после подписания Парижского мирного договора французскими войсками [18].

В 1858–1859 годах за счет пожертвований жителей Корабельной стороны церковь была восстановлена на прежнем месте в виде деревянного барака [14]. В таком виде она просуществовала порядка десяти лет, постепенно разрушаясь. Вероятно, поэтому неподалеку от Владимирской была построена новая церковь. В связи с тем, что строило ее Морское ведомство, к наименованию добавлено слово «Портовая», престольный праздник отмечался 4 июня. Церковь была одноярусная, со стрельчатыми окнами, одноглавая, вместимостью до 200 человек. С южной стороны, отдельно от церкви, под одной крышей с певческой, находилась колокольня с семью колоколами. Во дворе церкви имелось несколько каменных жилых строений [5, л. 21]. Освящена была церковь во имя св. Митрофана Воронежского. Как известно, архиерей Митрофан Воронежский являлся духовным наставником Петра I, основателя и строителя российского военного флота. Владыко Митрофан одобрял планы Петра I в заведении флота, считал их спасительными для государства и неоднократно жаловал средства в казну на «ратных людей», т. е. на содержание армии и флота [26, с. 472]. Канонизирован 25 июня 1832 года [23, с. 353]. Факт освящения новой церкви именно во имя св. Митрофана, а не св. Владимира, вероятно, объясняется тем, что в этот период в Севастополе продолжалось строительство Владимирского собора на центральном городском холме, а в 1861 году заложен кафедральный собор св. Владимира в Херсонесском монастыре [25, с. 65; 8, с. 105]. К сожалению, в настоящее время установить точную дату окончания строительства и освящения св. Митрофановского храма не представляется возможным. Изученные имеющиеся в Севастополе источники позволяют предположить конец 60 — начало 70-х годов XIX столетия [5, л. 21; 10, с. 94; 14].

Во вновь выстроенную портовую Митрофановскую церковь были переданы образа и церковная утварь церкви св. Владимира. Деревянный барак, в котором она находилась после Крымской войны, был разобран, а престол сожжен на берегу Апполоновой балки в присутствии жителей Корабельной слободки, пепел сброшен в море. Обряд сожжения престола совершал протоиерей Г. Сокольский. На месте расположения Владимирской церкви первоначально был установлен деревянный столб с образом св. Владимира, замененный впоследствии особым столбом, обложенным камнем в виде низкого стола, обнесенным железной оградой. Он был снабжен фонарем для лампадки, зажигавшейся сторожами Митрофановской церкви во время богослужений [14].

В конце XIX века внешний вид и внутреннее убранство Портовой церкви св. Митрофана Воронежского требовали существенного ремонта, но из-за отсутствия средств долгое время произвести его не было возможности. И только в 1899 году на пожертвования немногочисленных прихожан и пособие от казны ремонт осуществили. Его вели хозспособом, руководил ремонтными работами человек, далекий от строительства — ктитор Митрофановской церкви Феодосий Григорьевич Яновский, капитан Севастопольского порта, член правления Морского потребительского общества. Однако он добросовестно отнесся к новым для него обязанностям. Церковь преобразилась внешне, изменилась и внутренняя отделка [13; 1, с. 339].

Хранящиеся в Государственном архиве г. Севастополя метрические книги как репрезентативный, однородный источник, позволяют научно изучить и проанализировать социально-демографическую структуру прихожан Митрофановской церкви и их эволюцию. В основном приход состоял из военнотружущих, портовых служащих, а также рабочих верфей и доков. Регистрация прихожан в метрических книгах и исповедальных ведомостях велась отдельно по морскому и епархиальному ведомствам. После 1917 года прихожанами были только гражданские лица, проживавшие на Корабельной стороне [5, л. 20, 21].

Об уровне образованности и гуманности священников, служивших в Свято-Митрофановской церкви, свидетельствует тот факт, что в начале XX века настоятелем храма был протоиерей Якиманский Евлампий Васильевич. Он входил в Совет церковного братства, учрежденного при церкви морского ведомства в Севастополе, которое оказывало материальную помощь нуждавшимся православным христианам всех сословий. Кроме

этого, Е.В. Якиманский занимался преподавательской деятельностью в Портовой ремесленной школе и начальном городском училище [1, с. 88, 98, 111, 337].

В 1911 году ктитор Митрофановской церкви капитан 2 ранга, старший помощник капитана порта, председатель правления ссудо-сберегательной кассы Севастопольского порта Николай Васильевич Ратьков стал инициатором строительства часовни на Корабельной стороне [1, с. 239]. Он предложил построить ее на месте, где располагалась ранее церковь св. Владимира. По замыслу Н.В. Ратькова часовня должна была увековечить не только место расположения Владимирской церкви, но и приближающееся значительное для России событие — 300-летие царствования Дома Романовых. Проект по его просьбе составил севастопольский гражданский инженер-строитель П.Ф. Абрамов. Проект, воззвание к жителям Севастополя, военнослужащим Черноморского флота и Севастопольского гарнизона были представлены Н.В. Ратьковым главному командиру Севастопольского порта, начальнику гарнизона вице-адмиралу И.Ф. Бострему. Идея понравилась, и на совещании по данному вопросу был намечен состав строительной комиссии, однако место строительства вследствие разногласий определено не было. Вице-адмирал И.Ф. Бострем подал рапорт Морскому министру с просьбой о ходатайстве перед императором об открытии подписки для сбора средств на строительство часовни. О высочайшем соизволении штаб Севастопольского порта уведомил главный морской штаб. На очередном совещании в конце ноября 1911 года вице-адмирал В.С. Сарнавский, сменивший к этому времени на посту главного командира И.Ф. Бострема, провел голосование по вопросу строительства часовни. 35 человек проголосовало «за» и 1 — «против». Причем, этот один голос был вовсе не против строительства, он предлагал вместо часовни строить полноценный храм. Однако большинством голосов было принято решение о строительстве часовни. Комитет по строительству возглавил вице-адмирал В.С. Сарнавский, товарищем председателя избрали градоначальника генерал-майора Кульстрема, секретарем — инициатора строительства капитана 2 ранга Н.В. Ратькова. В комитет вошли представители от действующего флота, береговых частей, крепости, городской думы, епархиального и военно-морского духовенства и других ведомств и обществ. Одновременно было решено приглашать впоследствии в комиссию тех, кто мог содействовать строитель-

ству часовни. Из комитета были также выделены 5 человек, которые образовали строительную комиссию [14]. 30 декабря 1911 года состоялось первое заседание комитета, а 14 января 1912 года комитет по сооружению часовни на Корабельной стороне в память 300-летия Дома Романовых объявил о начале работ [15]. Постановлением думы было отведено место на Владимирской площади Корабельной стороны. Городское управление постоянно оказывало помощь, в том числе и материальную. Но в основном строительство осуществлялось за счет пожертвований военнослужащих флота, гарнизона, порта и гражданского населения [21]. Причем пожертвования не всегда вносились в денежном виде. Так, инженер-технолог Д.И. Свечников и потомственный почетный гражданин Г.М. Сидоров пожертвовали в комитет по строительству часовни бронзовую люстру художественной работы стоимостью 500 рублей [17]. 6 мая 1912 года в день рождения императора Николая II в обстановке необычайной торжественности на Владимирской площади состоялась закладка часовни. Этому предшествовала литургия в Митрофановской церкви, которую провели преосвященный Феофан епископ Таврический и Симферопольский, настоятель Херсонесского монастыря епископ Иннокентий, настоятели соборов: Покровского — В. Баженов, Адмиралтейского — Р. Медведь и Митрофановской церкви — Е. Якиманский. По окончании литургии духовенство и все собравшиеся на молебен крестным ходом направились к месту закладки часовни. После окончания работ стоявшими на рейде военными судами был произведен салют. Завершилось все военным парадом, который принимал вице-адмирал В.С. Сарнавский. На торжествах по случаю закладки часовни присутствовали градоначальник генерал-майор Кульстрем, представители городского управления, военного и морского ведомств, духовенство, а также консулы: Франции Л. Ге, Великобритании Д. Лаудон, Турции Хаки-бей, Греции Апосталиди и Италии Мошетти. Музыкальное сопровождение обеспечивали оркестры портовых музыкантов, севастопольской крепостной артиллерии, городского шестиклассного училища, училища им. генерала Менькова и трубачи 13-й артиллерийской бригады. В этот же день о произошедшем событии были направлены в Санкт-Петербург телеграммы министрам: Морскому, Военному и Внутренних дел [16]. В начале марта 1913 года возвращенный из Франции и отреставрированный крест, снятый французскими войсками с купола Владимирской церкви, был выставлен в Митрофановской церк-

ви. Он был покрыт золотом и имел 12 сияний. 14 марта, в день восшествия на престол первого из Романовых — Михаила Федоровича, в обстановке большой торжественности крест был поднят и установлен на куполе часовни, сооружаемой в память 300-летия царствования Дома Романовых. Подъемом креста руководил помощник капитана Севастопольского порта подполковник Ф.Г. Яновский при участии такелажмейстера порта, коллежского советника П. И. Педжака [19; 1, с. 278]. Часовня была каменной, прямоугольной формы, выдержана в русском стиле и увенчана крестом. Высота от основания до купола составляла 12 саженей (25,5 м). На четырех выступающих углах перед куполом были установлены бронзовые двуглавые орлы, как символ российского самодержавия [20]. 10 августа часовня была в тожественной обстановке освящена в честь иконы Федоровской Божьей Матери. Это объясняется тем, что родоначальник царствовавшей династии Романовых Михаил Федорович был благословлен на царствование именно такой иконой [14]. В торжествах принимал участие Николай II. 16 августа, в день празднования явления иконы Федоровской Божьей Матери, часовня отпраздновала свой первый престольный праздник [22].

Трагической оказалась судьба Свято-Митрофановской церкви и часовни Федоровской Божьей Матери после октября 1917 года и издания 23 января 1918 года декрета СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [7, с. 373–374]. Проведение декрета в жизнь было возложено на местную власть, исполняющим органом которой стали церковные столы. Начало их активной деятельности в Севастополе пришлось на 1922 год, когда в соответствии с декретом ВЦИК РСФСР от 23 февраля «Об изъятии церковных ценностей для нужд голодающих» органы власти приступили к их выявлению. Некоторые предметы церковной утвари, а также собранные прихожанами 170 тысяч рублей приходским советом Митрофановской церкви по акту добровольно были переданы в помощь голодающим [5, л. 12, 112]. Однако через месяц, 11 апреля 1922 года, комиссия СевРИКа дополнительно изъяла большое количество церковной утвари и ритуальных (культовых) предметов [5, л. 14]. В ноябре этого же года был заключен договор о передаче здания Митрофановской церкви и богослужебных предметов в бесплатное пользование религиозной общины, которая в это время насчитывала 112 человек [5, л. 2, 2 об., 15]. В сложившейся обстановке обновленческого раскола в начале 20-х годов XX века, священнослужители

и прихожане Митрофановской церкви не изменили догматам апостольской церкви. Стремясь уничтожить любой ценой в Советской республике религию, государственная власть подготовила, инициировала и распространила раскол в Русской православной церкви, чтобы в последствии было легче бороться с отдельными, враждебными друг другу, «церковными группировками» [12, с. 16–18]. На общем собрании религиозной общины Митрофановской церкви 29 июля 1923 года были отвергнуты взгляды Российского поместного собора, представленные в Москве в весенней сессии 1923 года, особо подчеркивалось, что они противоречат исповеданию догматов и канонов христианских религий. Собрание постановило объединиться в совершенно самостоятельную общину соборно-апостольской церкви греко-русского христианского вероисповедания при Митрофановской церкви и часовне Федоровской Божьей Матери [5, л. 37]. Совершенно очевидно, что данная религиозная община придерживалась «тихоновского» направления, непримиримо относившегося к Советской власти. Не случайно вопрос о закрытии Митрофановской церкви начали поднимать уже с 19 марта 1923 года [5, л. 32]. В течение лета 1924 года Митрофановская церковь несколько раз подвергалась нападению грабителей. Впервые она была ограблена в ночь с 28 на 29 июня, замки взломаны, вскрыты шкафы, похищено 13 предметов культа и 1,5 фунта восковых свечей. Второй раз церковь ограбили в ночь с 5 на 6 августа, похищено 11 предметов, ущерб составил 165 рублей [5, л. 50–51 об.]. Настоятелем церкви и председателем церковно-приходского совета в начале 20-х годов XX века был протоиерей Иван Кузьмич Хорошунов. Выходец из крестьян, окончивший духовную семинарию, состоял в этом сане с 1904 года, служил до октябрьского переворота священником на судах Черноморского флота [5, л. 86 об., 87]. Интерес представляют сведения об имевшемся у И.К. Хорошунова наперсном кресте с частичками мощей Серафима Саровского. Вероятно, по доносу об этом стало известно в Севастопольском отделе ГПУ. Это привело к тому, что в июне 1926 года была создана при СевОГПУ специальная экспертная комиссия, в которую вошли государственный эксперт доктор Невский, химик Сушицкий, естествовед Астерман, заведующий церковным столом СевРИКа Быков, представители прихожан и духовенства. Крест был вскрыт, его содержание тщательно изучено. Оно состояло из 5 пористых и хрупких кусочков кости. Комиссия пришла к выводу, что это фрагменты

одной кости [5, л. 80, 83]. Изучая все эти факты, можно сделать вывод, что Митрофановскую церковь стремились ликвидировать любым способом. Возможно, и ограбления были не случайны. А эпизод с крестом — это, фактически, осквернение святыни и унижение священнослужителя в присутствии свидетелей. Хранящиеся в Государственном архиве г. Севастополя документы позволяют проследить дальнейшую судьбу протоиерея И. К. Хорошунова. В октябре 1926 года он выбыл из «двадцатки», а в списке снятых с учета служителей культа за июнь 1928 года значится, что Хорошунов Иван Кузьмич выслан в Соловки [5, л. 91; 4, л. 150].

Необходимо отметить, что после закрытия церкви Брестского полка во имя св. Николая Чудотворца временно на штат Митрофановской церкви были приняты протоиерей Феодосий Филиппович Станкевич и дьякон Дмитрий Георгиевич Ревенко. Причем, Д. Г. Ревенко даже проживал при церкви под колокольной [5, л. 86 об., 87]. После того, как протоиерей И. К. Хорошунов и дьякон Н. П. Тихомиров выбыли из церковной «двадцатки» в октябре 1926 года, Ф. Ф. Станкевич и Д. Г. Ревенко продолжали служить в Митрофановской церкви.

В июне 1928 года Президиум КрымЦИКа вынес постановление о закрытии церкви и передаче ее здания под клуб госпиталя [5, л. 195]. Однако верующие не согласились с таким решением и оспорили его сначала в Центральной комиссии по делам культа Президиума ЦИКа Крымской АССР, а затем во ВЦИК СССР [5, л. 148]. В жалобе указывалось, что церковь существует 60 лет, ей принадлежит значительный участок земли, постройки, которые в настоящее время пустуют. Верующие просили забрать землю, но оставить небольшую по своим размерам церковь (82x13 м) и колокольню (9x6 м). Они ссылались на циркуляр НКЮ от 23 апреля 1924 года (здания, занятые гражданами для отправления религиозных потребностей, не могут быть снесены и использованы для других надобностей), а также на то, что

советское законодательство гарантирует полную и всестороннюю веротерпимость и безусловную свободу религиозных культов [5, л. 134]. Ликвидация Митрофановской церкви была временно приостановлена до принятия окончательного решения ВЦИК, и еще в течение года прихожане имели возможность отправлять религиозные нужды в помещении своей церкви [5, л. 139, 152]. Президиум ВЦИК отклонил жалобу верующих, и постановление КрымЦИКа вступило в законную силу [5, л. 162]. 5 июня 1929 года церковь была передана морскому госпиталю, который использовал ее здания под клуб [5, л. 173]. Во время Второй мировой войны здание Митрофановской церкви было разрушено. В начале 1990-х годов сохранившийся первый ярус колокольни был использован в качестве часовни, где проводились службы. Позднее выполнена алтарная пристройка, и с 1997 года часовня переоборудована в храм, освященный во имя св. Митрофана Воронежского.

Приходской совет Митрофановской церкви в марте 1926 года собирался заключить договор об аренде здания часовни Федоровской Божьей Матери, однако материально было тяжело содержать два церковных здания. Поэтому совет вынужден был впоследствии отказаться [6, л. 1, 17, 19]. По постановлению Президиума ЦИК Крымской АССР от 10 февраля 1928 года Федоровская часовня на Корабельной стороне подлежала ликвидации [6, л. 22]. Но начальника административного подотдела СевРИКа заинтересовали бронзовые орлы, установленные на здании часовни, и крест, якобы имевший историческое значение. Для экспертизы был вызван представитель военно-исторического музея В. Бабенчиков, который определил, что орлы не имеют исторического значения, а крест необходимо сохранить [6, л. 14]. С часовни были сняты все церковные знаки: крест, купол, орлы и иконы, а здание передано району. Осенью 1928 года часовня была разобрана, а на ее месте оборудована детская площадка [4, л. 170, 279].

Источники и литература:

1. Адрес-календарь Севастопольского градоначальства на 1911 год. — Севастополь, 1911.
2. Государственный архив города Севастополя (ГАГС), ф. 4, оп. 1, д. 3.
3. ГАГС, ф. 5.
4. ГАГС, ф. Р-79, оп. 1, д. 316.
5. ГАГС, ф. Р-420, д. 17.
6. ГАГС, ф. Р-420, д. 660.
7. Декреты Советской власти. Т. 12. — М., 1957.
8. Антонова И. А. Херсонесский монастырь // Севастополь: страницы истории. Исторические улицы и памятники Севастополя. — Симферополь, 1996.
9. Бедарева Г. Я. Николаевский Адмиралтейский собор // Севастополь: страницы истории. Исторические улицы и памятники Севастополя. — Симферополь, 1996.
10. Доценко В. Д., Клавинг В. В. Морские храмы России. — СПб., 1995.

11. *Крестьянников В. В.* Религиозные праздники на Черноморском флоте и в крепости «Севастополь» в конце XIX — начале XX вв. // Память о прошлом: документы, исследования, научные статьи, подготовленные сотрудниками Государственного архива г. Севастополя. — Севастополь, 2007.
12. *Кривова Н. А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. — М., 1997.
13. Крымский вестник. — 1899. — 29 сентября.
14. Крымский вестник. — 1911. — 1 декабря.
15. Крымский вестник. — 1912. — 14 января.
16. Крымский вестник. — 1912. — 7 мая.
17. Крымский вестник. — 1913. — 1 марта.
18. Крымский вестник. — 1913. — 2 марта.
19. Крымский вестник. — 1913. — 16 марта.
20. Крымский вестник. — 1913. — 6 августа.
21. Крымский вестник. — 1913. — 11 августа.
22. Крымский вестник. — 1913. — 12 августа.
23. Православная энциклопедия. Русская православная церковь. — М., 2000.
24. Севастополь: энциклопед. справочник. — Симферополь, 2000.
25. *Спиридонова И. К.* Владимирский собор // Севастополь: страницы истории. Исторические улицы и памятники Севастополя. — Симферополь, 1996.
26. Энциклопедический словарь / Ред. Брокгауз Ф. А. и Ефрон И. А. Т. 37. — СПб., 1896.

ИВИЦКАЯ О. Е.

НОРМАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ПОЛИЦМЕЙСТЕРА КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ГРАДОУСТРОЙСТВА РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Трудно удивить историков-архивистов каким-то новым видом источников, а вот историков и краеведов архивы не перестанут удивлять, радовать и восхищать своими фондами, интересными документами и материалами по отечественной истории.

В Государственном архиве города Севастополя находится на хранении фонд № 27 «Управление городского полицмейстера Севастопольского градоначальства». Отложившиеся в нем документы можно условно разделить на 3 группы:

1. Приказы Управления севастопольского полицмейстера.

2. Списки присяжных заседателей по Севастопольскому градоначальству; а также списки лиц, имеющих право быть избранными присяжными заседателями в Севастополе и Балаклаве.

3. Документы «полицмейско-лоцманского порта», в которых представлена книга метеонаблюдений.

Все хранящиеся в фонде документы охватывают период конца XIX — начала XX веков.

Особый интерес для исследователей, занимающихся генеалогией, конечно, представляет вторая группа документов. Это Списки присяжных заседателей по Севастопольскому градоначальству; а также списки лиц, имеющих право быть избранными присяжными заседателями в Севастополе и Балаклаве. Однако эти документы красноречиво отражают и другие вопросы. В частности, становится понятен механизм работы государственных учреждений, таких как полицейские управления, здесь же рассматриваются нормы составления необходимой докумен-

тации. Из инструктивного письма председателя Комиссии по составлению списков присяжных заседателей, а им является предводитель местного дворянства, становится ясно, кто составляет общие списки и по каким показателям вносят туда претендентов. Несмотря на наличие комиссии, которая так и называется — «Комиссия по составлению списков присяжных заседателей», предварительную работу по составлению общих списков лиц, имеющих право быть присяжными поверенными, проводят начальники уездной или городской полиции. Присяжные заседатели являлись общественными представителями в суде. Их возраст определялся в границах от 25 до 70 лет. В документах определен и минимальный имущественный ценз для претендентов — 400 рублей. Не подлежали призыву в качестве присяжных заседателей священнослужители, монахи и лица, занимающие некоторые должности на государственной службе.

Списки подавались по определенной форме и включали следующие данные: фамилия, имя и отчество, чин или звание, должность или занятие, вероисповедание, место жительства. А еще необходимо было указать, не состоял ли претендент под судом, его имущественный ценз и когда он последний раз исполнял обязанности присяжного заседателя. Одна из граф звучала так: «Грамотен ли по русски, получал ли образование и где». Все эти графы были в документе четко заполнены и только одна, в которой указывалось основание, по которому претендент должен быть внесен в список, в документах не заполнена. Можно предположить, что ее заполняли уже представители вышеназванной комиссии.

Третья группа документов интересна, прежде всего, специалистам: метеорологам, гидрологам, гидрографам [1].

Особо хочется остановиться на первой группе документов — это приказы полицмейстера Севастопольского градоначальства за 1909–1910 годы [1; 2].

Они представляют собой оттиски на стеклографе. Переданы в Севастопольский архив из Симферополя в 60-е годы прошлого столетия. Ранее большинство документов этого фонда находились в Харьковском областном государственном архиве, о чем свидетельствует фрагмент сохранившегося титульного листа дела этого архива.

В России полиция находилась в ведении министерства внутренних дел, в составе которого был учрежден департамент полиции и отдельный корпус жандармов, шефом корпуса был министр внутренних дел [4, с. 329].

Городская полиция в Петербурге и некоторых крупных городах находилась в ведении особых градоначальников, власть которых приравнивалась к губернаторской. В губернских городах и более крупных, уездных, действовали особые городские полицейские управления с полицмейстером или обер-полицмейстером во главе.

В Севастополе в рассматриваемый период был полицмейстер, который подчинялся Севастопольскому градоначальнику. Важнейшим местным пунктом полицейской деятельности были полицейские участки.

Полицейстер в качестве инспектора наблюдал за исправным отправлением полицейской службы и «исполнением правил обязательных постановлений», он руководил надзором за соблюдением порядка в городе. Поэтому почти в каждом приказе был раздел: «Дежурства и наряды по городу». Обязательным было назначение дежурного в общем полицейском управлении. Кроме того, город был разделен 6 участков, из которых для несения службы в центральной части города назначались приставы, помощники приставов, а также представители полицейской стражи — околоточные надзиратели и городовые. Они дежурили на Приморском бульваре, Нахимовском проспекте, а также в местах, где проводились городские мероприятия: Городском собрании (в зимнее время — ул. Большая Морская, д. 2), Ремесленном собрании (ул. Ремесленная, 45), Летнем городском театре (Приморский бульвар), Народном театре (Народный дом на Базарной пл.) и др. [1, л. 105].

Надзор за порядком осуществлялся при многолюдных собраниях граждан. Дежурства прохо-

дили с 12 часов дня до 12 часов ночи в две смены. В театрах — до окончания представления.

Одним из подразделений полиции в Российской империи являлась конно-полицейская стража. Интересно, что в Севастополе действовала такая стража, состоящая из осетин. Конные городовые часто фигурируют в приказах севастопольского полицмейстера [2, л. 6, 8].

Важное место в приказах уделялось «исполнением правил обязательных постановлений». Военная специфика города диктовала и особый характер некоторых из них. Часто приказы полицмейстера начинались так: «Объявляю по вверенной мне полиции для сведения и неуклонного исполнения приказ Начальника Севастопольского гарнизона». Краткая форма приказа, обычно в один лист форматом 20x35 см, не делала его содержание безликим и не информационным. Немало интересных сведений может почерпнуть заинтересованный исследователь из этих документов. Вот один колоритный пример. В пункте 1 приказа полицмейстера от 20 августа 1909 года [1, л. 28] излагался приказ начальника Севастопольского гарнизона:

«В последнее время опять замечено, что нижние чины в нетрезвом виде большими компаниями катаются на извозчиках и не отдают чести, почему предписываю начальствующим лицам флота и гарнизона объявить нижним чинам, что катание в экипажах в районе крепости мною воспрещается. Этим приказом не воспрещается нижним чинам в одиночку посылаемым по делам службы, или по другим каким либо случаям, ездить но при этом они должны сидеть прилично и внимательно следить за проходящими офицерами и отдавать установленную честь». Можно сказать, что «дух свободы» вселился уже в будущих главных героев революции — нижних чинов флота. И далее еще один абзац документа: «Ввиду неоднократно замеченных случаев неприличного поведения нижних чинов гарнизона на Приморском бульваре около театра, начальник гарнизона приказал совершенно воспретить посещение этого бульвара нижними чинами». Однако при этом из приказа узнаем далее, что нижние чины, уволенные в театр, в антракте представления могут находиться в аллее, прилегающей к гостинице «Кист». В целом, характер приказов был скорее не карательным, а воспитательным. Часто в советской литературе любили писать о том, что до революции матросам запрещался вход на Приморский бульвар, но никто не пояснял истинной причины такого запрета.

В одном из приказов полицмейстера [1, л. 38] имеется «Выписка из правил отдания воинской

чести чинам полиции» и копия «Сравнительной табели» чинов полиции с чинами Военного и Морского ведомств. Так, полицмейстер — это должность 6 класса, она соответствовала чину коллежского советника, полковника или капитана 1 ранга. Причины появления такого приказа оговорены во вступительной части. Это было связано с имевшим место пренебрежительным отношением офицеров Севастопольского гарнизона к чинам полиции.

Немало документов посвящено еще одному направлению деятельности полиции — это вопросы городской медицины. Среди них выделяется тема эпидемий тяжелых болезней в городе, в частности, холеры [2, л. 53–55].

В связи с угрозой эпидемии в городе в июне 1910 года была создана специальная комиссия из представителей различных ведомств, городского самоуправления и полиции под председательством градоначальника. До введения в действие разрабатываемых ею мер, севастопольский полицмейстер издает приказ, где подробно были расписаны действия полицейских чинов в сложившейся в городе ситуации. Из числа жителей избирались санитарные попечители, город был разбит на санитарные участки. Приятно удивляет продуманность указаний, их четкость и своевременность. Из приказов также возможно обозначить круг деятельности старшего и младшего врачей Севастопольского градоначальства [2, л. 51]. Городовым предписывалось знать места жительства проживающих в районе каждого поста врачей, фельдшеров, акушерок и повивальных бабок, чтобы в случае необходимости оказания медицинской помощи населению, они знали бы, куда можно обратиться.

Действовало в городе и созданное 28 января 1909 года при Общем полицейском управлении временное сыскное отделение, заведовал которым околоточный надзиратель, а в качестве агентов прикомандировывались 4 городовых. «Сыскное отделение имеет целью облегчение чинам общей полиции розысков по уголовным преступлениям и ни под каким видом не должно вмешиваться в розыски по делам политического характера... натолкнувшись же случайно на преступление, носящее политический характер, должно немедленно приостановить всякие розыски и, представив собранные сведения начальнику охранного отделения, ожидать его распоряжений» [1, л. 5].

Из приказов по Управлению становится известно, какие праздники и как проходили в городе. Особое значение уделено православным праздникам, а также так называемым царским.

Это дни тезоименитства и дни рождения членов императорской семьи, день восшествия на престол, день коронавания и др. Отмечались дни знаменательных воинских побед русской армии и флота. Так, 27 июня, в день празднования 200-летия Полтавской битвы в городе проходили церковные службы не только в храмах. На Куликовом поле было проведено «благодарственное молебствие с возгласением вечной памяти Императору Петру I и павшим в Полтавском бою воинам, а по окончании ... произведен парад всем войскам гарнизона» [1, л. 26]. Приставы должны были следить за организацией в дни церковных праздников торговли в городе, которую можно было вести только после 12 часов дня, когда в храмах заканчивалась божественная литургия. Такие правила существовали по всей стране и должны были исполняться неукоснительно. В приказе Временного севастопольского генерал-губернатора главного командира Черноморского флота и портов Черного моря контр-адмирала Р. В. Вирена № 103 за 1908 год отмечалось:

«Праздники Св. Пасхи в Севастополе прошли без малейшего нарушения общественной тишины, спокойствия и благочиния даже в местах наибольшего скопления празднично настроенной публики. Отнеся наличность такого отрадного явления всецело к заслугам местной полиции, ее энергии, распорядительности, находчивости и такту, я ставлю себе приятным долгом выразить мою благодарность полицмейстеру Петровскому и всем классным чинам полиции. Городовым, полицейским урядникам и стражникам-осетинам объявляю «спасибо» [3].

Из документов видно, что руководителя севастопольской полиции волновало очень многое в жизни города. Какими только вопросами не приходится заниматься ему лично и его подчиненным. Многие из того далекого прошлого актуально и в наши дни. Оформление домов, украшение их в праздники, чистота в городе и деятельность дворников, бродячие собаки, посаженные деревья, езда граждан на различных средствах передвижения — все это и многое другое было предметом заботы городской полиции. Нравственный аспект поведения горожан и чинов полиции тоже являлся предметом внимания Севастопольского полицмейстера. Как в зеркале отражалась жизнь страны в жизни одного из городов империи. Иногда встречаются в приказах и сообщения об аресте, наложенном Санкт-Петербургским комитетом по делам печати на те или иные периодические издания. После событий 1905 года цензурные комитеты в апреле 1906 года

были преобразованы в комитеты по делам печати. Более лояльное название отвечало демократическим изменениям в жизни страны

Из приказов севастопольского полицмейстерского управления можно почерпнуть не только фактические, но и статистические сведения.

В ведении полицмейстеров в стране были адресные столы и действующие при них регистрационные бюро. Существовала должность заведующего адресным столом. В одном из приказов от 27 апреля 1910 года (№ 116) говорится о сверке домовых адресных книг [2, л. 36]. Из той части приказов, где были отражены вопросы по личному составу, можно поименно выявить тех, кто служил в управлении в эти годы. Можно с уверенностью сказать, что эти документы в определенный период советской истории были активно востребованы органами ЧК, НКВД, ГПУ, о чем свидетельствуют архивные материалы, отложившиеся в других фондах. С документов Севастопольского полицмейстерского управления гриф «Секретно» был снят в 1956 году.

Таким образом, нормативные документы Севастопольского полицмейстера являются важным и интересным источником по изучению истории градоустройства России в конце XIX — начале XX веков, а также по истории города Севастополя.

Источники и литература:

1. Государственный архив города Севастополя (ГАГС), ф. 27, оп. 1, д. 1.
2. ГАГС, ф. 27, оп. 1, д. 2.

Пришло время современным исследователям не основываться только на негативных выводах советской историографии в изучения деятельности полиции Российской империи, а приступить к серьезной работе с сохранившимися документами.

Еще Петр Великий определил в «Регламенте Главному Магистрату» сущность и цели полиции: «Полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков, и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства» [4, с. 339]. Так понимали свою службу большинство членов полиции. При вступлении в должность Севастопольский полицмейстер Бочаров написал в приказе: «Приказываю не забывать, что власть есть неумолимо карающая сила для элементов преступных, но для спокойного, мирного населения, желающего под покровом закона лишь спокойной, свободной жизни, власть должна быть опорой, и в этом последнем направлении полиция должна идти навстречу населению всеми законными средствами.

Я требую, чтобы честным и разумным исполнением своего долга подчиненные мне чины заслужили уважение населения градоначальства: тогда они простым словом достигнут в нужных случаях несравненно большего, чем силою, всегда в их распоряжении имеющеюся» [1, л. 5 а].

3. ГАГС, ф. КМФ-4, оп. 1, ед. хр. 637.
4. Энциклопедический словарь/Изд. Брокгауза Ф. А., Ефрона И. А. Т. XXIV. — СПб., 1898.

КРЕСТЬЯННИКОВ В. В.

ЛЕТЧИКИ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА (1914–1918 гг.)

Рождение гидроавиации на Черном море началось в 1910 году, когда Морское ведомство приобрело для Черноморского флота моноплан «Антуанетт», а первым русским морским летчиком стал лейтенант С. Ф. Дорожинский, получивший диплом пилота в Париже. Удалось установить имена 111 морских летчиков и 41 летчика-наблюдателя, служивших в авиации Черноморского флота с 1910 по апрель 1918 года.

Среди летчиков было 34 морских строевых офицера, 2 инженер-механика, 27 офицеров по адмиралтейству, 3 авиационных офицера, 25 армейских офицеров, 10 охотников (из них 7 произведены в офицеры), 12 нижних чинов (из них 4 произведены в офицеры) и 5 летчиков, звание которых установить не удалось.

Среди летчиков-наблюдателей было 2 морских строевых офицера, 6 офицеров по адмиралтейству, 31 армейский офицер и 2 нижних чина (один произведен в офицеры). Следует отметить, что механики самолетов часто летали со своими летчиками в качестве летчиков-наблюдателей. В ходе Первой мировой войны погибло 13 летчиков и летчиков-наблюдателей (из них в боевой обстановке 6 и один умер от ран), попало в плен 4 летчика.

Алексеев Сергей Тимофеевич (15.07.1894—?), прапорщик (1916), поручик. В 1916 младший унтер-офицер 16 КАО окончил Севастопольскую авиационную школу ОВФ и назначен в 05.1916 в авиацию Черноморского флота. В 1917–1918 — летчик 1-го корабельного дивизиона. В ноябре 1917 награжден

орденом Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом. В 1919–1920 служил в белом Черноморском флоте. На июль 1921 находился на территории королевства Сербии и Хорватии.

Аликин Иван Иванович, машинист 1 ст. отдельного батальона Гвардейского экипажа. Окончил Севастопольскую военную авиационную школу (04.1916) и назначен в Черноморскую гидроавиацию.

Алферьев Евгений Николаевич (28.12.1891 —?), инженер-механик лейтенант. В 1914 окончил Морское инженерное училище, Бакинскую школу морской авиации (1916) и назначен в 1-й корабельный дивизион. В августе 1919 назначен командиром 1-го морского авиаотряда ВСЮР. В эмиграции в Югославии, с 1921 служил в гидроавиации.

Алферьев Николай Николаевич (? — 6.04.1941), штабс-капитан 302-го пехотного Суражского полка. В 1915 окончил Гатчинскую авиашколу и служил в гидроавиации Балтийского флота. В 1917 переведен на Черноморский флот в 1-й корабельный дивизион. Награжден Георгиевским оружием. В конце 1918 — начале 1919 был летчиком 1-го отряда морской авиации в Севастополе, в апреле эвакуировался в Грецию. В августе 1919 вернулся в Севастополь. В эмиграции с конца 1920, жил в Югославии, убит во время бомбежки Белграда.

Андржеевский, ротмистр 14-го драгунского Малороссийского полка. В 1917 летчик-наблюдатель Черноморской Воздушной дивизии, в 06–10.1917 летчик-наблюдатель 10-го КАО. В гражданскую войну командир авиационного отряда (взвода) Либавского отряда Св. князя Ливена.

Анжельсон Владимир Сергеевич, прапорщик инженерных войск. В январе 1915 призван на службу в 1-ю авиационную роту, в июле того же года командирован в Севастопольскую военную авиационную школу, по окончании которой возвратился в свою часть (09.1916). В 1917 выдержал при Николаевском инженерном училище экзамен на первый офицерский чин и 17 апреля произведен в прапорщики инженерных войск. В мае 1917 прикомандирован к Черноморской Воздушной дивизии на должность летчика.

Антепович, прапорщик 32-го пехотного запасного полка. В феврале 1917 прикомандирован к Черноморской Воздушной дивизии на должность летчика-наблюдателя.

Аристов Ефим (? — 04.1917), унтер-офицер, кондуктор флота. В качестве летчика-наблюдателя с летчиком Б.Р. Миклашевским 24 ноября 1914 в районе Балаклавы впервые сбросил бомбу

на германо-турецкий крейсер «Бреслау». Морской летчик. Разбился о боновые заграждения при посадке на Северном рейде Севастополя.

Бабицкий Владимир Евгеньевич (02.05.1891–?), лейтенант. В 1911 окончил Морской кадетский корпус, в 06.1916 окончил Бакинскую школу морских летчиков и направлен в Черноморскую гидроавиацию. В мае 1917 назначен старшим офицером эскадренного миноносца «Гневный», с 10.1917 помощник начальника разведывательного отделения Штаба командующего флотом. Награжден орденами Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» и Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом. В гражданскую войну в белом Черноморском флоте, в 1920 эвакуировался из Одессы. К лету 1921 находился в Константинополе.

Бабушкин Михаил Сергеевич (1893–1938), прапорщик. Окончил Гатчинскую авиационную школу (1915) и Бакинскую школу морской авиации с назначением в гидроавиацию Черноморского флота. В гражданскую войну был в составе ВСЮР (?). Остался в СССР. Полярный летчик, Герой Советского Союза, депутат Верховного Совета СССР. Погиб за Полярным кругом.

Белавенец, прапорщик 191-го пехотного запасного полка. В апреле 1917 прикомандирован к Черноморской воздушной дивизии на должность летчика-наблюдателя.

Бердник, на февраль 1918 летчик 2-го корабельного дивизиона (воздушная станция «Круглая бухта»).

Беридзе Владимир Иосифович (02.07.1892–22.09.1916), лейтенант. В 1913 окончил Морской кадетский корпус и направлен на Черноморский флот. В 1916 сдал экзамен на звание летчика, в 07–09.1916 командир Сухумского авиационного отряда. Застрелился.

Бершковский, корнет. В июне 1917 прикомандирован к Черноморской воздушной дивизии на должность летчика-наблюдателя.

Бианки Антоний Иосифович, подпоручик по адмиралтейству (02.1917). Окончил Севастопольскую военную авиационную школу и назначен в Черноморскую гидроавиацию, в 1917 служил в Батумском авиационном отряде 4-го воздушного дивизиона. В гражданскую войну в белом Черноморском флоте. В 1921–1922 в составе русской эскадры в Бизерте.

Бильченко Олег Сергеевич (ок. 1896–?), из дворян. Принят на службу охотником-матросом 1 статьи. Летчик 1-го воздушного дивизиона, в 10.1917 произведен в прапорщики по авиационной части. На 11.1920 летчик Центральной станции гидроавиации красного Черноморского флота.

Бирюков Петр Иванович, авиационный унтер-офицер 1 ст. 1910 г. ср. сл., с февраля 1917 — авиационный кондуктор. Морской летчик, в сентябре 1917 «за особые заслуги по обстоятельствам военного времени» произведен в прапорщики по авиационной части. В гражданскую войну в составе белого Черноморского флота. В эмиграции во Франции.

Бойе Павел Георгиевич (25.01.1892 —?), лейтенант. В 1914 окончил Морской кадетский корпус и направлен в Сибирскую флотилию. В ходе войны переведен в Черноморский флот, окончил авиашколу. Летчик 2-го воздушного дивизиона. В гражданскую войну на судах белого Черноморского флота, с 08.1919 летчик морского воздушного отряда. В 03.1921 с Русской эскадрой прибыл в Бизерту.

Боклевский Владимир Константинович (? —09.01.1947), подпоручик по адмиралтейству. В 1916 окончил Бакинскую школу морской авиации и назначен в Черноморскую гидроавиацию. Летчик 1-го воздушного дивизиона. В эмиграции в Сирии, умер в Дамаске.

Боклевский Петр Константинович, подпоручик. Морской летчик 1-го корабельного авиаотряда. Награжден орденом Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом и Георгиевским оружием (10.1917). На февраль 1918 начальник 1-го воздушного дивизиона (станция «Бухта Нахимова»). В гражданскую войну в составе белого Черноморского флота, с 04.1919 в гидроавиационном отряде Азовского моря.

Бузин, на февраль 1918 летчик 1-го воздушного дивизиона (воздушная станция «Бухта Нахимова»).

Бушмарин Владимир Львович, зауряд-прапорщик по морской части, подпоручик по адмиралтейству. 24 января 1916 во время налета на Зунгулдак (летчик Г.В. Корнилович) летчик-наблюдатель 1-го корабельного отряда В.Л. Бушмарин первым из отечественных морских авиаторов визуально обнаружил германскую подводную лодку. Окончил авиационную школу, в кампании 1916–1917 морской летчик. Награжден орденом Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом.

Быков Андрей Павлович (? —1916), прапорщик по морской части (03.1915), подпоручик по адмиралтейству. С 1916 морской летчик Черноморского флота. В 01.1917 исключен из списков «погибший при исполнении служебного долга».

Ван-Кенербергер, поручик 611-го пехотного запасного полка. В марте 1917 прикомандирован к Черноморской Воздушной дивизии на должность летчика-наблюдателя. На август 1919 поручик по адмиралтейству, служил в белом Черноморском флоте.

Викторов, прапорщик по авиационной части. В кампании 1916 служил летчиком-наблюдателем во 2-м корабельном авиаотряде.

Вильковский Владимир Иустинovich (02.06.1889–16.02.1985), лейтенант (07.1917). В 1914 окончил Морской кадетский корпус и назначен на Черноморский флот. Морской летчик, в 1916 начальник авиационного отряда в Платане (в районе Трапезунда). 17.07.1916 из-за навигационной ошибки совершил посадку в расположении турецких войск и с механиком Ф.Ф. Бабак попал в плен. В 1918 возвратился из плена, в гражданскую войну в составе белого Черноморского флота. На 06.1921 находился в Югославии.

Вирен Николай Робертович (05.12.1886–02.09.1943), лейтенант. Окончил Морской кадетский корпус (1908), Штурманский офицерский класс (1909), Учебный воздухоплавательный класс (1912), Севастопольскую школу военных летчиков ОВФ (1912), морской летчик (1914). С июня 1914 командир боевого прибрежного авиаотряда. Во время гражданской войны старший лейтенант, воевал на бронепоезде «Адмирал Непенин». С 1920 в эмиграции в Чехословакии, затем в США, умер в Лордшипе (штат Коннектикут).

Воскресенский Анатолий Михайлович, прапорщик 32-го пехотного запасного полка. В марте 1917 прикомандирован к Черноморской воздушной дивизии на должность летчика-наблюдателя. На февраль 1919 находился в Севастополе.

Гавриленко, матрос. В кампании 1916 летчик-наблюдатель 2-го корабельного отряда.

Гавришев Логгин Логгинович (11.04.1893–после 1938), мичман. В 09.1915 окончил Морской кадетский корпус и назначен на Черноморский флот. Участвовал в боевых действиях на линкоре «Евстафий», с 01.1917 на эскадренном миноносце «Быстрый». В 05.1917 переведен в Воздушную дивизию, морской летчик. Награжден орденом Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом. В 04.1919 зачислен летчиком в морской авиационный отряд в Азовском море, в 08.1919 «за буйство и бесчиние» арестован на месяц гауптвахты и списан в Новороссийский флотский экипаж. В эмиграции во Франции.

Гапоненко, на февраль 1918 летчик 1-го воздушного дивизиона (воздушная станция «Бухта Нахимова»).

Гаркави Михаил И., прапорщик, морской летчик. В 1917 награжден орденом Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом. В чине поручика по адмиралтейству в 1919 служил в белом Черноморском флоте.

Голиневич Александр, прапорщик. В кампании 1917 летчик-наблюдатель 5-го воздушного отряда. Награжден орденом Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом.

Головинский Петр Александрович (? –14.10.1925), авиационный унтер-офицер 1 ст. 1915 г. ср. сл., поручик по адмиралтейству. Окончил Бакинскую школу авиации, морской летчик 11-го воздушный отряда в Батуме. В гражданскую войну в авиации Каспийской флотилии, затем в войсках Восточного фронта и Сибирской флотилии. В эмиграции в США, разбился во время полетов в Сан-Франциско.

Голубчик Б., прапорщик 474-й пешей Екатеринославской дружины. В 04.1917 прикомандирован к Черноморской воздушной дивизии в качестве летчика-наблюдателя. На 02.1919 подпоручик, летчик-наблюдатель 1-го воздушного дивизиона в Одессе.

Гордеев Михаил Афанасьевич, подпоручик по адмиралтейству. Морской летчик. В кампании 1917 летчик 1-го воздушного дивизиона (воздушная станция «Бухта Нахимова»). В 1919 служил в белом Черноморском флоте.

Гриванов Павел Игнатьевич, авиационный кондуктор 1907 г. ср. сл. До Первой мировой войны служил в Воздухоплавательном парке Морского ведомства в Севастополе. Морской летчик, 8.05.1917 самолет «М-5», пилотируемый Гривановым, столкнулся с катером. Летчик получил ушибы, механик погиб.

Грищенко Аркадий, заведующий фотографической лабораторией корабельной авиации (штурман 2 разряда). В январе 1917 определен на службу зауряд-прапорщиком по морской части и назначен летчиком-наблюдателем в 4-й воздушный дивизион, в 05.1917 переведен в водолазную и спасательную партию.

Гурский, поручик 16-го драгунского Глуховского полка. В апреле 1917 прикомандирован к Черноморской воздушной дивизии на должность летчика-наблюдателя. В июне переведен в Штаб Севастопольской крепости.

Даксергоф Михаил Георгиевич, прапорщик по авиационной части (из охотников 1-й авиационной роты). Окончил Севастопольскую военную авиационную школу (04.1916). Морской летчик в кампании 1916–1917, награжден орденом Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом. В январе 1918 уволен в трехмесячный отпуск по болезни.

Дзюбинский Александр Антонович, с 12.1912 прапорщик запаса по мех. части. В 1917 и на февраль 1918 летчик 2-го воздушного дивизиона (воздушная станция «Круглая бухта»).

Дмитриев Павел Федорович (1894/1895–?), рядовой 16-го КАО. В 04.1916 окончил Севастопольскую военную авиационную школу и направлен в Черноморскую гидроавиацию. В 1917 летчик 2-го, затем 8-го воздушного отрядов. В гражданскую войну служил в советском Волжском гидроавиационном дивизионе. 15.05.1919 попал в плен у Елабуги, приведя самолет в расположение противника.

Дмитриев, мичман. В марте 1917 назначен во 2-ю воздушную бригаду Черноморской воздушной дивизии. На 06.1917 помощник начальника воздушной станции «Батум».

Долгополов Григорий Иванович, охотник 1-й авиационной роты, поручик. Окончил Севастопольскую военную авиационную школу (02.1916) и назначен в Черноморскую гидроавиацию. В гражданскую войну в составе Донского и Каспийского гидроавиационных отрядов. В 1921 в составе Сибирской флотилии. В 1922 с флотилией эвакуировался на Филиппины.

Дорожинский Станислав Фаддеевич (06.10.1879–16.04.1960), лейтенант. Окончил Морской кадетский корпус (1901), Учебный воздухоплавательный парк (1904), авиационную школу во Франции (1910), офицерский класс подводного плавания (1913), морской летчик (1916). Первый морской летчик и первый гидроавиатор России. В 1909–1912 заведовал Черноморским воздухоплавательным парком. Плавал на подводных и надводных судах. В декабре 1915 произведен в капитаны 2 ранга, в 1916 назначен начальником 2-й воздушной бригады Балтийского флота, которую сформировал в Ревеле. После Октябрьской революции выехал в Севастополь. По мобилизации служил с июня 1919 в Гидрографическом управлении Черного и Азовского морей, но в сентябре ушел в «бессрочный отпуск, впредь до увольнения в отставку». Эмигрировал во Францию, умер в Ницце.

Дрон Леонтий, прапорщик 32-го пехотного запасного полка. В апреле 1917 прикомандирован к Черноморской воздушной дивизии на должность летчика-наблюдателя. Награжден орденом Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом.

Дыбовский Виктор Владимирович (07.01.1884–1919?), лейтенант. Окончил Морской кадетский корпус (1904), Учебный воздухоплавательный парк (1910), Севастопольскую школу военных летчиков ОВФ (1911). На броненосце «Император Николай I» участвовал в русско-японской войне, попал в плен. С 1907 служил на Черноморском флоте. Первый в России использовал самолет для разведки и фотографирования подводных

лодок. В 1912 совершил за 25 часов перелет Севастополь — Харьков — Орел — Тула — Москва — С.-Петербург. Во время Первой мировой войны закупал во Франции и Англии самолеты для Российской армии. Изобрел синхронизатор, позволявший вести стрельбу из пулемета через винт самолета. Находясь в командировке в 20-м КАО награжден в декабре 1915 орденом Св. Георгия 4 ст. Находился в заграничной командировке в США и Англии. Умер в Лондоне.

Ефимов Михаил Никифорович (1881–1919), первый российский летчик, получивший диплом пилота во Франции в феврале 1910. Из крестьян Смоленской губернии. В сентябре 1910 назначен старшим инструктором Севастопольской школы авиации ОВФ. 10 апреля 1911 императором ему пожаловано звание потомственного почетного гражданина. С 1 августа 1914 воевал в составе Гвардейского, 6-го корпусного и 4-го истребительного отрядов. Награжден Георгиевскими крестами 4, 3, 2 и 1 степеней и чином прапорщика. В апреле 1917 прикомандирован к Черноморской воздушной дивизии. В июле избран членом исполкома Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов, членом комитета авиации флота. Участвовал в установлении Советской власти в Крыму. Убит в Одессе белогвардейскими офицерами.

Жило Феодор Феодорович, на февраль 1918 морской летчик в Севастополе.

Жуков Александр Евлампиевич (10.07.1881–после 1960). На военной службе с 1903. В 1911 кондуктор флота, окончил Севастопольскую школу военных летчиков ОВФ, участвовал в Киевских и Варшавских маневрах на самолетах «Фарман» и «Ньюпор». В мае 1912 присвоено звание подпоручика по адмиралтейству, морской летчик (1914). В годы Первой мировой войны летчик берегового и корабельного авиаотрядов. Награжден орденами Св. Анны 3 ст. и Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость». В гражданскую войну в белом Черноморском флоте. В марте 1921 пришел с Русской эскадрой в Бизерту. В эмиграции служил в испанской авиации.

Жуковский-Волынский Николай, капитан 134-го пехотного Феодосийского полка. В марте 1917 прикомандирован к Черноморской воздушной дивизии, начальник воздушной станции «Бухта Нахимова». В конце 12.1917 уволен в отпуск по болезни на два месяца.

Завгородний Прокофий, прапорщик. В кампании 1917 летчик-наблюдатель 5-го воздушного отряда. Награжден орденами Св. Станислава 3 ст.

и Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2 ст. с мечами. На 06.1919 поручик, летчик-наблюдатель Донского гидроотряда.

Завьялов Лев, охотник. Окончил Одесскую военную авиационную школу и с июня 1917 назначен в Черноморскую воздушную дивизию на должность летчика. В октябре произведен в авиационные унтер-офицеры 2 ст.

Закаржевский Василий Яковлевич (?–26.01.1945), прапорщик по авиационной части (из охотников 1-й авиационной роты), поручик по адмиралтейству. Окончил Севастопольскую военную авиационную школу (10.1916). В кампании 1916–1917 летчик 5-го воздушного отряда, в феврале 1918 летчик 1-го воздушного дивизиона. Награжден орденами Св. Станислава 3 ст. и Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2 ст. с мечами, Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» и Георгиевским оружием. В гражданскую войну служил в белом Черноморском флоте, эмигрировал за границу.

Зверьков Сергей (?–1938), авиационный унтер-офицер 1 статьи 1915 г. ср. сл. (из охотников 1-й авиационной роты). Окончил теоретические курсы при Петроградском политехническом институте (1915) и Севастопольскую военную авиационную школу (04.1916). В 1916–1917 летчик Черноморской воздушной дивизии. В 05.1919 морской летчик, прапорщик, назначен в гидроавиационный отряд. В эмиграции, умер в Белграде.

Зелинский, прапорщик (?–19.05.1917), прапорщик. Ученик летчика, разбился на самолете «М-5» на Севастопольском рейде.

Зерен Борис Александрович, корнет 15-го драгунского Переяславского полка. В 04.1917 прикомандирован к Черноморской воздушной дивизии на должность летчика-наблюдателя, на 01.10.1919 с семьей находился в Севастополе.

Зюганов Дмитрий Васильевич, прапорщик по адмиралтейству (1916). Морской летчик, в 01.1917 назначен в Черноморскую воздушную дивизию. В 06.1919 подпоручик по адмиралтейству (01.1919), назначен на 3-й дивизион катеров белого Черноморского флота, затем переведен на Каспийскую флотилию. С 1921 в Сибирской флотилии, эвакуировался на Филиппины.

Иванович Николай Александрович (ок. 1878–23.02.1918), поручик. Морской летчик 2-го воздушного дивизиона. Убит в Севастополе в Круглой бухте во время февральских погромов.

Ивашкевич Вацлав Вацлавович (02.03.1893 —?), лейтенант. Окончил Морской кадетский корпус (1914). Морской летчик Черноморской воздушной дивизии, в декабре 1917 ко-

мандирован в распоряжение Штаба формируемого Корпуса Польской армии «как изъявивший желание служить в польских войсках». Оставался в Севастополе и 01.03.1918 уволен от службы.

Ильинский, подпоручик 26-го Сибирского стрелкового полка. В январе 1917 прикомандирован к Черноморской воздушной дивизии на должность летчика-наблюдателя.

Каминский Алексей Михайлович (? — после 1960), поручик 4-го стрелкового полка. Морской летчик. В июне 1917 награжден Георгиевским оружием «за успешно произведенные воздушные разведки согласно заданию под действительным огнем неприятеля». В гражданскую войну в авиации ВСЮР и Русской армии. В эмиграции в США, умер в Нью-Йорке.

Канарский, прапорщик по адмиралтейству. В 04.1917 назначен летчиком в Черноморскую воздушную дивизию.

Канделаки, прапорщик. В кампании 1917 летчик 3-го воздушного дивизиона (Одесса, Сулин, Килия), в 07.1917 уволен в отпуск на пять месяцев по болезни.

Карпов Семен Иванович, прапорщик 4-го Неманского пограничного полка. В январе 1917 прикомандирован к Черноморской воздушной дивизии на должность летчика-наблюдателя 1-го воздушного дивизиона. В бою в районе Констанцы в 05.1917 самолет мичмана Шустрова был подбит. Летчик был ранен и попал в плен, Карпову удалось вернуться на базу. В 11.1917 прикомандирован к главному интенданту Черноморского флота, награжден орденом Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом. В гражданскую войну находился в составе ВСЮР и Русской армии. Остался в Севастополе, на 12.1920 служил заведующим хозяйством Севастопольской милиции.

Касаткин А., подпоручик 156-го пехотного Елисаветпольского полка. В кампании 1916 летчик 1-го воздушного отряда, во время аварии в 10.1916 был тяжело ранен. С января по октябрь 1917 находился в отпуске по болезни.

Качинский Викторин Романович (28.06.1891–1986), лейтенант. Окончил Морской кадетский корпус (1910), Севастопольскую военную авиационную школу ОВФ (1912), морской летчик (1914). В кампаниях 1914–1917 летчик боевого отряда, командир 2-го корабельного отряда, командир 1-го воздушного отряда 1-го дивизиона, 1-й воздушной бригады. Награжден орденами Св. Станислава 3 ст. и Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2 ст. с мечами, Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом и Георгиевским оружием. В гражданскую войну в составе ВСЮР

и Русской армии. В эмиграции, с 1928 в США, где работал у Сикорского.

Киселевич Василий Павлович (1894–31.06.1975), прапорщик по авиационной части, поручик по адмиралтейству. Младший унтер-офицер 1-го авиационного парка, окончил Севастопольскую военную авиационную школу (06.1915). Морской летчик 2-го воздушного дивизиона. Награжден орденом Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом. В гражданскую войну служил в белом Черноморском флоте. В эмиграции в Болгарии, затем в США, умер в Нью-Йорке.

Кобылин Сергей Евгеньевич (ок. 1883–?), прапорщик (из запаса). В кампании 1917 летчик-наблюдатель 1-го корабельного отряда, на январь 1918 летчик-наблюдатель 4-го воздушного дивизиона. Награжден мечами к ордену Св. Станислава 2 ст.

Кованько Сергей Николаевич (04.02.1879 —?) прапорщик по морской части (1912). В 08.1915 окончил Севастопольскую военную авиационную школу. В кампании 1915 морской летчик 1-го корабельного отряда, 15 (28).03.1915 участвовал в первом авианалете на район пролива Босфор. На 03.1917 значился младшим офицером 3-й роты 1-го батальона Черноморского флота, награжден орденом Св. Станислава 2 ст. с мечами

Коведяев Евгений Егорович (29.01.1883–1957), лейтенант. Окончил Морской кадетский корпус (1910), окончил Севастопольскую военную авиационную школу (1912), морской летчик (1914). В кампании 1914 летчик 1-го берегового отряда, в кампаниях 1915 и 1916 командир 2-го корабельного отряда, в 1917 командовал 2-м дивизионом 1-й воздушной бригады. Первый морской летчик, награжденный Георгиевским оружием (1915). Во время гражданской войны командовал 1-м воздушным добровольческим дивизионом. В эмиграции в США, умер в Лос-Анджелесе.

Колбасьев Александр Евгеньевич (1891–22.03.1976), прапорщик по авиационной части (1915), подпоручик по адмиралтейству (1916). Окончил Бакинскую школу морских летчиков (1916). В 1917 летчик 1-го корабельного отряда, командир 14-го воздушного отряда. Награжден орденами Св. Станислава 3 ст. и Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом. В 08.1919 назначен летчиком в морской воздушный отряд. В эмиграции во Франции.

Колен Георгий Георгиевич (5.01.1893 —?) мичман. В 1914 окончил Морской кадетский корпус. В 1917 летчик 4-го воздушного дивизиона (воздушная станция «Батум») и флаг-офицер дивизиона. В 11.1917 уволен по болезни в отпуск

на два месяца. Участник белого движения, в эмиграции в США.

Колесник Прокофий Афанасьевич (ок. 1891–?), авиационный унтер-офицер 1 ст, в 09.1917 произведен в подпоручики по адмиралтейству «за боевые отличия». В 11–12.1920 значится морским летчиком Центральной станции гидроавиации красного Черноморского флота в Севастополе.

Комаров Михаил Семенович (23.05.1879 —?), капитан по адмиралтейству, в службе с 1904. В октябре 1910 получил во Франции диплом пилота, назначен инструктором в Севастопольскую школу военных летчиков ОВФ. В 1912 летчик Морского ведомства. Окончил курс Подводного плавания (1913). В Первую мировую войну командовал подводными лодками на Черном море. В гражданскую войну служил в белом Черноморском флоте.

Коплевский, прапорщик по адмиралтейству. В 01.1917 назначен летчиком-наблюдателем в Черноморскую воздушную дивизию, на 06.1917 летчик-наблюдатель 11-го воздушного отряда.

Корнилович Георгий Валерьянович (04.12.1888—после 1960), лейтенант. Окончил Морской кадетский корпус (1911), окончил Севастопольскую военную авиационную школу (1914), морской летчик (1914). В годы Первой мировой войны летчик резервного авиаотряда. Его экипаж 6 февраля 1916 в районе Зунгулдака первый в истории морской авиации Российской империи обнаружил германскую подводную лодку. В кампании 1917 командир 5-го авиаотряда 2-го воздушного дивизиона 1-й воздушной бригады. Награжден Георгиевским оружием. Во время гражданской войны служил в белом Черноморском флоте. В эмиграции во Франции.

Корсаков Семен Николаевич, подпоручик 14-й артиллерийской бригады. Окончил Севастопольскую военную авиационную школу (1915). Морской летчик, с 09.1916 командир Сухумского воздушного отряда.

Косоротов Владимир Георгиевич (29.03.1891–26.10.1939), лейтенант. Окончил Морской кадетский корпус (1911), морской летчик (1915). На 01.1917 командир 1-го воздушного отряда, в 09.1917 уволен в трехмесячный отпуск по болезни. Награжден орденом Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом. В эмиграции в США, умер в Нью-Йорке.

Краснянский Николай Евгеньевич, авиационный унтер-офицер (из охотников), прапорщик по адмиралтейству (01.1917). Окончил Севастопольскую военную авиационную школу (05.1916). Морской летчик, в 07.1916 в Сухумском воздушном отряде. В гражданскую войну служил в белом Черноморском флоте.

Крыгин Михаил Андреевич (1890–1938), капитан 2 ранга (12.1918). Окончил Морской кадетский корпус (1912). Морской летчик, в 1916–1917 командир 2-го корабельного отряда, командир 1-го дивизиона Черноморской воздушной дивизии. Награжден орденом Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом. В 02–04.1919 командир 1-го отряда морской авиации ВСЮР в бухте Нахимова, в дальнейшем в составе белого Черноморского флота. С 1922 служил в испанской гидроавиации, погиб, сражаясь на стороне генерала Франко.

Кубеницкий, подпоручик 27-й арт. бригады. В 02.1917 прикомандирован к Черноморской воздушной дивизии на должность летчика-наблюдателя, в 09.1917 уволен в отпуск на 28 дней по болезни. В гражданскую войну с 07.1919 служил в морском воздушном отряде.

Кудрявцев Валерий Михайлович (20.10.1890–15.08.1916), мичман. В 1912 окончил Морской кадетский корпус и направлен на Черноморский флот. В 1916 морской летчик воздушного отряда в Ризе. При заходе на посадку аппарат вошел в плоский штопор и упал на корму госпитального судна «Экватор» и взорвался. Летчик и механик погибли.

Кулевич Иосиф Игнатьевич, прапорщик по авиационной части. В кампании 1917 летчик 1-го воздушного дивизиона. 22 марта 1917, охраняя эскадру в районе пролива Босфор, вступил в бой с германскими самолетами и заставил их отступить. Самолет во время боя получил 33 пулевых попадания. Награжден орденом Св. Георгия 4 ст. (07.1917). С 28.05.1919 начальник морского авиаотдела авиации Крымской Советской социалистической республики. На 11–12.1920 летчик Центральной станции гидроавиации красного Черноморского флота в Севастополе.

Ламанов Константин Михайлович (09.11.1890 —?), старший лейтенант (03.1920). Окончил Морской кадетский корпус (1911), морской летчик (1914). В кампаниях 1915–1916 летчик 2-го корабельного авиаотряда, в 1917 летчик 8-го воздушного отряда. Награжден орденами Св. Станислава 3 ст. и Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2 ст. с мечами. В гражданскую войну в составе белого Черноморского флота.

Лилиенберг, прапорщик 108-го пехотного запасного полка. В 01.1917 прикомандирован в качестве летчика-наблюдателя ко 2-му воздушному отряду Черноморской воздушной дивизии.

Линдберг Иван Кириллович, охотник 1-й авиационной роты (инженер-механик), прапорщик по авиационной части (1916). Окончил Севастопольскую военную авиационную школу

(01.1916) и назначен в гидроавиацию Черноморского флота. Награжден орденом Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом. В 08.1917 назначен членом комиссии для «проэкзаменования на звание авиационного унтер-офицера, авиационного прапорщика и морского летчика».

Линденер Владимир Митрофанович (1887–?), инженер-механик мичман. В мае 1916 окончил Морское инженерное училище и назначен на Черноморский флот. Служил на линкоре «Императрица Мария», в Минной бригаде. Окончил Севастопольскую военную авиационную школу и в 07.1917 переведен в Черноморскую воздушную дивизию. В гражданскую войну в составе ВСЮР и Русской армии. Остался в СССР, осужден в 1920-е годы.

Лобанов-Ростовский Константин, князь, прапорщик, призванный из запаса армейской пехоты. В кампании 1916–1917 летчик-наблюдатель 2-го корабельного отряда. Единственный наблюдатель, которому удалось в годы Первой мировой войны сброшенной бомбой потопить пароход противника. В одном из воздушных боев был ранен. Награжден орденом Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость». В 12.1917 назначен флагманским обер-аудитором Штаба начальника Воздушной дивизии.

Лучанинов Борис Нилович (06.01.1888–02.1920), лейтенант. Окончил Морской кадетский корпус (1910), Учебный воздухоплавательный парк (1912), Севастопольскую школу военных летчиков ОВФ (1912), морской летчик (1914). В кампании 1914 летчик 1-го корабельного отряда, с мая 1915 начальник авиаотряда «Круглая бухта», в 1917 командир 1-го авиадивизиона 1-й воздушной бригады. В гражданскую войну в войсках Восточного фронта. Расстрелян в Иркутске.

Максимов Николай Николаевич, прапорщик по адмиралтейству. На 1917 морской летчик Черноморской воздушной дивизии, на 12.1920 летчик Центральной станции гидроавиации красного Черноморского флота в Севастополе.

Марченко Всеволод Михайлович (23.10.1890–14.09.1937), старший лейтенант (01.1919). Окончил Морской кадетский корпус (1911), морской летчик (1915). В Первую мировую войну летчик 2-го корабельного авиаотряда. В кампании 1917 командир 4-го авиаотряда 2-го воздушного дивизиона 1-й воздушной бригады, затем командир 8-го авиаотряда 2-й воздушной бригады. Награжден Георгиевским оружием. В гражданскую войну начальник гидроавиации Восточного фронта. В эмиграции в Испании, сбит над Сарагосой, воюя на стороне генерала Франко.

Мельниченко Дмитрий Феодосьевич (11.03.1882–?), прапорщик по морской части (04.1913). Морской летчик (1915), в кампании 1916–1917 летчик 5-го воздушного отряда, командир 9-го воздушного отряда. Награжден орденами Св. Станислава 3 ст. и Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом и Георгиевским оружием (07.1917).

Мерцалов Михаил Михайлович, штабс-капитан. В кампании 1916–1917 летчик-наблюдатель 5-го воздушного отряда. Награжден орденами Св. Станислава 2 ст. с мечами и Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом.

Миклашевский Борис Ричардович (25.08.1890–?), лейтенант. Окончил Морской кадетский корпус (1910), Учебный воздухоплавательный парк (1912), Императорский Всероссийский аэроклуб (1912), морской летчик (1914). В кампании 1914 летчик Черноморского флота. 24.11.1914 пытался бомбардировать германо-турецкий крейсер «Бреслау», бомбы упали в кильватерной струе. С 1915 служил в Морском Генеральном штабе, с февраля 1917 начальник 2-го дивизиона воздушной бригады особого назначения.

Миллер Борис Михайлович (25.07.1879–27.11.1925), капитан 2 ранга. В 1898 окончил кавалерийское училище, служил в Лейб-гвардии Драгунском полку. В 1911 окончил Севастопольскую школу военных летчиков ОВФ, в августе временно исполнял должность начальника школы. В сентябре 1914 переведен во флот старшим лейтенантом и назначен начальником авиационной станции на Балтийском флоте, морской летчик (1914). В феврале 1917 переведен на Черноморский флот и назначен начальником 14-го воздушного отряда. В гражданскую войну служил в белом Черноморском флоте. В эмиграции в Германии, умер в Берлине.

Михайлов Александр Леонидович (?–10.08.1917), поручик 24-го Сибирского стрелкового полка. В кампании 1917 летчик-наблюдатель 4-го воздушного отряда. Награжден орденами Св. Станислава 3 ст. и Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2 ст. с мечами и Георгиевским оружием. Разбился на самолете в районе Сулина 30.07.1917 и умер от ран.

Михайлов 3-й Николай Леонидович (9.08.1884 —?), инженер-механик старший лейтенант. Окончил Морское инженерное училище (1908), Учебный воздухоплавательный парк (1912), Севастопольскую школу военных летчиков ОВФ (1912), морской летчик (1914). В гражданскую войну служил в 1-м отряде морской авиации ВСЮР. В 03.1921 с Русской эскадрой пришел в Бизерту. Возвратился в СССР и на 1927 жил в Севастополе, как белый офицер лишен избирательных прав.

Мороз, на февраль 1918 летчик 2-го воздушного дивизиона (станция «Круглая бухта»).

Мысик Антон Маркович, поручик. На февраль 1918 летчик 1-го воздушного дивизиона (станция «Бухта Нахимова»). В гражданскую войну в составе ВСЮР и Русской армии. При эвакуации остался в Крыму.

Нагорный Борис Алексеевич (? — 14.12.1958), подпоручик по адмиралтейству (из вольноопределяющихся). Морской летчик 1-го корабельного дивизиона. Награжден орденом Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом. В гражданскую войну служил в 1-м отряде морской авиации ВСЮР. В эмиграции в США.

Наумов Николай Александрович (? — после 1960), прапорщик 245-го пехотного запасного полка. В 01.1917 прикомандирован в качестве летчика-наблюдателя к 1-му корабельному дивизиону Черноморской воздушной дивизии. В эмиграции во Франции, умер в Париже.

Негеревич Сергей Селивёров (Нигеревич Сергей Сильвестрович), прапорщик по авиационной части (1915). Охотник, матрос 2-го Балтийского флотского экипажа, окончил Севастопольскую военную авиационную школу (05.1915). В кампании 1917 командовал 12-м воздушным отрядом. Награжден орденами Св. Станислава 3 ст. и Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом. На 06.1920 начальник Волжско-Каспийской воздушной бригады, на 11.1920 начальник Воздушной бригады красного Черноморского флота.

Новицкий, поручик по адмиралтейству, Отряд судов и портов Восточной части Черного моря. В марте 1917 прикомандирован к Черноморской воздушной дивизии на должность летчика-наблюдателя.

Озеров, прапорщик по адмиралтейству, Севастопольский флотский полуэкипаж. В марте 1917 назначен летчиком-наблюдателем во 2-ю воздушную бригаду Черноморской воздушной дивизии.

Озоль, прапорщик 85-го пехотного запасного полка. В январе 1917 прикомандирован к Черноморской воздушной дивизии на должность летчика-наблюдателя.

Озоль Иван Яковлевич, прапорщик по авиационной части. Охотник 1-й авиационной роты, окончил Севастопольскую военную авиационную школу (01.1916) и назначен в Черноморскую гидроавиацию. В кампании 1916–1917 летчик 2-го корабельного дивизиона Черноморской воздушной дивизии. В 07.1917 награжден орденом Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом.

Окунев Владимир Григорьевич (12.09.1889–01.10.1963), прапорщик по адмиралтейству (1916), мичман военного времени. Летчик-наблюдатель, в 01.1917 назначен в 1-й корабельный дивизион Черноморской воздушной дивизии. В гражданскую войну служил в белом Черноморском флоте. В эмиграции во Франции, умер в Париже.

Олехнович Николай Александрович (23.01.1885–после 1978), прапорщик авиации (из охотников, 10.1916), подпоручик по адмиралтейству. В 1914 матрос 2-го Балтийского флотского экипажа, окончил Севастопольскую военную авиационную школу и оставлен руководителем полетов. В конце 1916 переведен в Черноморскую гидроавиацию, на 06.1917 начальник 2-го воздушного отряда. В эмиграции в США.

Осколков Филипп Яковлевич (ок. 1887–?), прапорщик по адмиралтейству (из унтер-офицеров). До Первой мировой войны служил в морском воздухоплавательном парке, затем в команде военно-морских летчиков Службы связи. В кампании 1916 летчик-наблюдатель, на 11.1917 и 02.1918 летчик 1-го воздушного дивизиона (станция «Бухта Нахимова»). 16.12.1917 избран членом Военно-Революционного комитета в Севастополе (ВРК), на 01–02.1918 значится начальником воздушного отряда и начальником революционного штаба авиации. В гражданскую войну воевал на Восточном фронте в армии адмирала Колчака. Остался в СССР, на 1927 жил в Севастополе.

Оссоланус Герберт Эдуардович (ок. 1893–29.01.1970), прапорщик по адмиралтейству. Морской летчик 2-го воздушного дивизиона (станция «Круглая бухта»). В гражданскую войну служил в белом Черноморском флоте. В эмиграции в США.

Остроградский Николай, прапорщик 46-го пехотного запасного полка. В январе 1917 прикомандирован к Черноморской воздушной дивизии на должность летчика-наблюдателя.

Павловский Александр Ильич, прапорщик 34-го КАО (из унтер-офицеров). Военный летчик, с 04.1916 летчик корабельного воздушного отряда. Награжден Георгиевским крестом 4 ст. В 01.1917 откомандирован в Севастопольскую военную авиационную школу.

Парфененко Владимир Александрович (1893–?), лейтенант (07.1917). В 1914 окончил Морской кадетский корпус и направлен на Черноморский флот. Во второй половине августа 1916 исполнял обязанности летчика-наблюдателя 2-го корабельного отряда Черноморской гидроавиа-

ции. Окончил Севастопольскую военную авиационную школу и 25.05.1917 сдал экзамен на звание «военный летчик», в дальнейшем служил в Балтийской (или Черноморской) воздушной дивизии. В эмиграции в Парагвае.

Плавинский Анатолий Казимирович, прапорщик. Охотник 1-й авиационной роты, окончил Севастопольскую военную авиационную школу (01.1916) и назначен в Черноморскую гидроавиацию. В кампании 1916–1917 морской летчик 5-го авиаотряда. Награжден орденами Св. Станислава 3 ст. и Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» и Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом. В 09.1917 уволен в отпуск по болезни на три месяца.

Плахотников (Плохотников) Дмитрий Петрович, поручик. На 1917 морской летчик Черноморской воздушной дивизии. С 03.1919 зачислен в резерв чинов белого Черноморского флота.

Погосский Евгений Иванович, подпоручик 36-го мотоциклетного отделения при штабе 1-й кавалерийской дивизии. Окончил Севастопольскую военную авиационную школу (06.1916) и в 11.1916 назначен в Черноморскую авиацию.

Подольский Евгений Александрович, старший унтер-офицер 1-го авиационного парка. Окончил Севастопольскую военную авиационную школу (03.1917) и назначен в Черноморскую гидроавиацию. На 02–09.1917 морской летчик Черноморской воздушной дивизии.

Полигнотов Евгений Владимирович, авиационный унтер-офицер 2 ст. (из охотников 1916 г. ср. сл., 02.1917). Матрос 1 ст. Балтийского флотского экипажа, окончил Севастопольскую военную авиационную школу (05.1916) и назначен в Черноморскую гидроавиацию. Морской летчик 1-го корабельного дивизиона Черноморской воздушной дивизии.

Прокопенко Лев Владимирович (? – 1920), прапорщик по адмиралтейству (1917). Окончил Киевскую авиационную школу, в 03.1917 назначен летчиком-наблюдателем 3-го дивизиона Черноморской воздушной дивизии. В гражданскую войну в составе ВСЮР и Русской армии. Застрелен в Крыму.

Протопопов Вадим Федорович, прапорщик. В кампании 1917 морской летчик Черноморской воздушной дивизии. Награжден орденом Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом. В 08.1919 летчик, подпоручик, зачислен в резерв чинов белого Черноморского флота. На 11–12.1920 летчик Центральной станции гидроавиации красного Черноморского флота в Севастополе.

Рагозин Николай Александрович (30.06.1891–21.09.1957), лейтенант. Окончил Морской кадетский корпус (1911), Севастопольскую военную авиационную школу ОВФ (1913), морской летчик (1914). В Первую мировую войну летчик 2-го корабельного отряда, в кампании 1916 командир 3-го корабельного отряда, в 1917 командир 5-го авиаотряда, затем командовал 1-м воздушным дивизионом 1-й воздушной бригады. 3 декабря 1916 сбил неприятельский истребитель — единственный летчик Черноморского флота, одержавший подтвержденную победу. Награжден орденами Св. Станислава 3 ст. и Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2 ст. и Св. Анны 2 ст. с мечами, Св. Анны 4 ст. с подписью «За храбрость», Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом и Георгиевским оружием. В гражданскую войну служил в белом Черноморском флоте. В эмиграции в Испании, участвовал в гражданской войне на стороне генерала Франко, подполковник испанской авиации. Умер на о. Майорка.

Реймерс Николай Александрович (1894–1951). Студент Петроградского политехнического института, охотник 1-й авиационной роты. Окончил Севастопольскую военную авиационную школу (01.1916) и в 06.1916 назначен в Черноморскую гидроавиацию. Произведен в авиационные унтер-офицеры 2 ст., в прапорщики. Летчик 3-го воздушного дивизиона Черноморской воздушной дивизии. В гражданскую войну служил в морском авиаотряде. В эмиграции в Тунисе.

Римский-Корсаков Тихон Ильич (? – 18.03.1965), штабс-ротмистр 19-го драгунского Архангелогородского полка. Окончил Севастопольскую военную авиационную школу (01.1916) и назначен в Черноморскую гидроавиацию. В январе 1917 утвержден в звании морского летчика, на 06.1917 начальник 11-го воздушного отряда. В гражданскую войну в составе ВСЮР и Русской армии. В эмиграции в Бельгии, умер в Брюсселе.

Савельев Авенир Александрович (31.08.1892–1960), поручик 52-го пехотного Виленского полка. В феврале 1917 прикомандирован к Черноморской воздушной дивизии на должность летчика-наблюдателя 1-го корабельного дивизиона. В гражданскую войну в белом Черноморском флоте. В эмиграции во Франции, умер в Париже.

Салабуга, на 02.1918 летчик 2-го воздушного дивизиона (станция «Круглая бухта»).

Светухин Борис Дмитриевич (19.11.1889–01.1915), мичман. Окончил Морской кадетский корпус (1911), морской летчик (1914). В кампании 1914 летчик резервного авиаотряда. Погиб в авиационной катастрофе на самолете «Кетрис-Д» близ Севастополя.

Сегал, подпоручик 1-й воздухоплавательной роты. В 01.1917 прикомандирован к Черноморской воздушной дивизии на должность летчика-наблюдателя. В августе уволен на два месяца в отпуск по болезни, в октябре откомандирован в свою часть.

Семенов, унтер-офицер. В кампании 1914 летчик-наблюдатель 1-го корабельного авиаотряда. На февраль 1918 подпоручик, морской летчик 2-го воздушного дивизиона (станция «Круглая бухта»). В гражданскую войну служил в белом Черноморском флоте.

Семенов Кирилл Романович (11.06.1879—?), лейтенант. В 1913 окончил Морской кадетский корпус и назначен на Черноморский флот. На 04.1916 ученик летчика, на 06.1917 летчик-наблюдатель 2-го воздушного отряда. В 03.1918 уволен от службы как самовольно покинувший свою часть.

Сергеев Михаил Михайлович (3.12.1891—1977), лейтенант. Окончил Морской кадетский корпус (1913). В Первую мировую войну морской летчик корабельного авиаотряда. Награжден Георгиевским оружием (опубликовано в газете «Русское слово» от 22.04.1917). В гражданскую войну служил в морской авиации Красного флота. Участник Великой Отечественной войны. В 1947 уволен в отставку в звании подполковника. Умер в Москве.

Скирмунт Иван, штабс-капитан Кавказского конно-горного арtdивизиона. Летчик-наблюдатель Черноморской воздушной дивизии. 24 февраля 1917 во время воздушной разведки смертельно ранен. «За доблестно выполненную разведку под сильным огнем неприятеля» посмертно награжден Георгиевским оружием (07.1917).

Скоробогатов Сергей Николаевич (ок. 1892 —?), охотник (из крестьян), мичман военного времени. Охотник, рядовой 17-го корпусного авиационного отряда, окончил Севастопольскую военную авиационную школу (02.1916) и в 05.1916 назначен в Черноморскую гидроавиацию. Морской летчик, на февраль 1918 летчик 2-го воздушного дивизиона (станция «Круглая бухта»). 24 февраля 1917, проводя фотосъемку неприятельских позиций, был тяжело ранен, но сумел посадить самолет и спасти фотоаппарат. Награжден Георгиевским крестом 4 ст. В 07.1917 уволен в трехмесячный отпуск по болезни. В гражданскую войну служил в белом Черноморском флоте.

Соляник-Краса Виктор Васильевич (27.03.1891—20.03.1975), сотник Кубанского казачьего войска (1-го Хоперского полка). Окончил Николаевское кавалерийское училище. В Первую ми-

ровую войну воевал на Кавказском фронте, был трижды ранен, награжден Георгиевским оружием. В 1916 окончил Киевскую авиационную школу и назначен летчиком-наблюдателем в Черноморскую гидроавиацию, в 02.1917 откомандирован в кавалерийское училище. В гражданскую войну в составе ВСЮР и Русской армии. В эмиграции в Югославии, во Вторую мировую войну на стороне Германии в составе Русского корпуса. Умер в Чили.

Сосновский Александр Тимофеевич, охотник, матрос 2-го Балтийского флотского экипажа. Окончил Севастопольскую военную авиационную школу (04.1915) и направлен в Черноморскую гидроавиацию. В 06.1916 произведен в прапорщики по адмиралтейству. В 11.1917 «за отличное мужество и распорядительность в делах против неприятеля» награжден орденом Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом. Дальнейшая судьба не известна.

Стаховский Вацлав, подпоручик (из запаса армейской пехоты). Морской летчик. В январе 1917 награжден орденом Св. Станислава 2 ст. с мечами.

Стаховский Иван Иванович (02.06.1881 —?), инженер-механик старший лейтенант. Окончил Морское инженерное училище (1908), Севастопольскую школу военных летчиков ОВФ (1912), морской летчик (1914). Заведующий Черноморским воздухоплавательным парком (1912), начальник воздушного района Службы связи (1914). В кампаниях 1914—1916 возглавлял авиацию Черноморского флота. В 01.1917 вступил в должность начальника 1-й воздушной бригады. В 01.1917 уволен в трехмесячный отпуск по болезни. Награжден орденами Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом и Св. Станислава 2 ст. с мечами. В эмиграции в Польше.

Степанов Михаил, подпоручик по адмиралтейству. Летчик 1-го воздушного дивизиона (станция «Бухта Нахимова») Черноморской воздушной дивизии. В гражданскую войну в составе белого Черноморского флота. В 03.1921 с русской эскадрой прибыл в Бизерту.

Судман, прапорщик. В кампании 1917 морской летчик 1-го воздушного дивизиона (станция «Бухта Нахимова»). В 12.1917 уволен в отпуск по болезни на два месяца.

Тараевич (Тераевич) Владимир Павлович (?—1920), штабс-капитан 21-го пехотного Муромского полка. Окончил Севастопольскую военную авиационную школу (07.1916) и назначен в 3-й армейский авиаотряд. В 04.1917 прикомандирован к Черноморской воздушной дивизии на должность летчика. Умер от туберкулеза в Севастополе.

Ткач Василий Семенович (1882—1925), прапорщик по морской части (1915), поручик. В кам-

пани 1916 летчик-наблюдатель 1-го корабельного авиаотряда, в кампании 1917 морской летчик 1-го корабельного и 4-го воздушного отрядов. Награжден орденами Св. Станислава 3 ст. и Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2 ст. с мечами, Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость», Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом и Георгиевским оружием. В гражданскую войну служил в белом Черноморском флоте и в марте 1921 пришел с Русской эскадрой в Бизерту.

Тюфяев Александр Александрович (07.10.1889–07.10.1953), старший лейтенант. Окончил Морской кадетский корпус (1910). В кампаниях 1914–1915 летчик резервного авиаотряда. В 1917 начальник разведывательной части Штаба воздушной дивизии. Награжден орденами Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость». В гражданскую войну служил в белом Черноморском флоте. В эмиграции в Турции, Румынии, затем в США. Умер в Санта-Барбаре.

Успасский Павел Павлович, прапорщик. Охотник рядовой 1-й авиационной роты, окончил Севастопольскую военную авиационную школу (10.1915) и назначен в Черноморскую гидроавиацию. В кампании 1916–1917 морской летчик. Награжден орденом Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом.

Утгоф Виктор Викторович (14.07.1889–11.10.1930), старший лейтенант. Окончил Морской кадетский корпус (1910), Севастопольскую военную авиационную школу (1912), морской летчик (1914). В кампании 1914–1915 командир 2-го корабельного авиаотряда. С сентября 1915 по март 1916 находился в служебной командировке в Америке. В кампании 1916 командир корабельного авиаотряда, в 1917 флаг-офицер по оперативной части Штаба воздушной дивизии. В 09.1917 окончил Севастопольскую военную авиационную школу, освоив управление истребителем, и утвержден в звании «военный летчик». Награжден орденами Св. Станислава 3 ст. и Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, Св. Анны 2 ст. с мечами, Св. Георгия 4 ст. (1915). В 1918 эмигрировал в США, служил в береговой охране. Погиб в авиационной катастрофе.

Федченко Венедикт Михайлович, подпоручик Севастопольской крепостной артиллерии. В 09.1917 окончил Севастопольскую военную авиационную школу и назначен в Черноморскую гидроавиацию.

Филянович Бронислав Адольфович, прапорщик 24-го мотоциклетного отделения. В декабре 1916 окончил Севастопольскую военную авиационную школу и назначен в Черноморскую гидроавиацию.

Францкевич Аркадий Иванович (ок. 1890–?), прапорщик Севастопольской крепостной артиллерии. В кампании 1917 летчик-наблюдатель 1-го корабельного авиаотряда. Награжден орденами Св. Станислава 3 ст. и Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом и Георгиевским оружием.

Фриде Георгий Анатольевич (31.05.1890–до 1960), лейтенант. Окончил Морской кадетский корпус (1910), Севастопольскую школу военных летчиков ОВФ (1912). Морской летчик Черноморской воздушной дивизии. С 09.1914 руководитель полетов и заведующий охотниками в Севастопольской школе авиации. В 02–04.1916 в командировке на фронте в 20-м корпусном авиаотряде. Позднее был руководителем полетов в школе морской авиации. В эмиграции, умер во Франции.

Хомяков Павел Евгеньевич, прапорщик инженерных войск. В кампании 1916–1917 летчик Черноморской воздушной дивизии. Награжден орденом Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом.

Цывинский Николай Яковлевич (26.01.1892–27.04.1916), мичман. В 1913 окончил Морской кадетский корпус. Морской летчик Черноморской гидроавиации, погиб в авиакатастрофе в Круглой бухте под Севастополем.

Чернавин Анатолий, штабс-капитан 534-го пехотного Новороссийского полка. В январе 1917 прикомандирован к Черноморской воздушной дивизии на должность летчика-наблюдателя. Награжден Георгиевским оружием.

Черный Александр Андреевич, кондуктор флота, подпоручик по адмиралтейству (01.1917), морской летчик с 1914.

Чика, штабс-капитан 51-го пехотного Литовского полка. В 06.1917 прикомандирован к Черноморской воздушной дивизии на должность летчика-наблюдателя.

Чуприна Валериан Иванович, авиационный унтер-офицер 1 ст., прапорщик по адмиралтейству (01.1917). Охотник, ефрейтор 1-й авиационной роты, окончил Севастопольскую военную авиационную школу (03.1916) и назначен в Черноморскую гидроавиацию. В кампании 1917 летчик (станция «Круглая бухта»). В 11.1917 уволен в отпуск по болезни на шесть недель.

Шахов Павел Васильевич (1891–30.09.1972), старший лейтенант (01.1919). В 1914 окончил Морской кадетский корпус и направлен на Черноморский флот. В 1915 окончил Петроградскую школу гидроавиации, на 09.1916 летчик-наблюдатель в корабельном отряде «Б-1». В 05.1917 назначен и. д. старшего флаг-офицера оперативной части Штаба командующего Черноморским флотом,

в 11.1917 — в распоряжение командира временного Одесского военного порта. В 1918 пробрался на Дальний Восток и был в Харбине в морской роте, затем в армии адмирала Колчака. В эмиграции в США, умер в Нью-Йорке.

Шевчук Федор Филиппович, прапорщик. Окончил Севастопольскую военную авиационную школу (10.1917) и назначен в Черноморскую воздушную дивизию.

Шейх-Ашири Михаил Александрович (?–28.11.1924), штабс-капитан 35-го КАО. Окончил Морской кадетский корпус, в 1912 по суду уволен от службы. В 03.1917 прикомандирован к Черноморской воздушной дивизии на должность летчика. В 08–11.1917 находился в отпуске по болезни. В эмиграции во Франции, умер в Париже.

Шустров Николай Николаевич, мичман. Окончил Севастопольскую военную авиационную школу (03.1917) В кампании 1917 летчик корабельного отряда Черноморской воздушной дивизии. Во время рейда на Констанцу 05.05.1917 получил два ранения в бою, приводнился и был захвачен в плен.

Энгельмейер Владимир Петрович (13.05.1893–02.10.1966), прапорщик (из вольноопределяющихся, 1915). Окончил Бакинскую школу морской авиации. В кампании 1916–1917 летчик 1-го корабельного, 4-го и 5-го воздушных отрядов. Награжден орденами Св. Станислава 3 ст. и Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2 ст. с мечами, Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом и Георгиевским оружием. В гражданскую войну служил в морском авиаотряде. В эмиграции во Франции, умер в Париже.

Эристов Сидамон, князь, подпоручик Гренадерского корпусного авиаотряда. В 05.1917 прикомандирован к Черноморской воздушной дивизии на должность летчика-наблюдателя.

В 07.1917 уволен в отпуск по болезни на два месяца. В гражданскую войну служил в белом Черноморском флоте.

Эссен Реймонд Федорович фон (07.10.1888–27.09.1931), старший лейтенант. Окончил Морской кадетский корпус (1910), Севастопольскую военную авиационную школу (1912), морской летчик (1914). В кампании 1914 летчик 2-го корабельного отряда, в кампаниях 1915 и 1916 командир 1-го корабельного отряда. В гражданскую войну служил в белом Черноморском флоте. В эмиграции в США, умер в Нью-Йорке.

Юнкер Александр Константинович (15.02.1890–до 1960), лейтенант. Окончил Морской кадетский корпус (1910), морской летчик (1915). Летчик 2-го корабельного авиаотряда, в кампаниях 1915 и 1916 иногда исполнял обязанности командира отряда. В марте 1917 назначен начальником 5-го воздушного дивизиона 2-й воздушной бригады. В гражданскую войну служил в белом Черноморском флоте. В эмиграции в Югославии.

Юткевич, прапорщик 85-го пехотного запасного полка. В 03.1917 прикомандирован к Черноморской воздушной дивизии на должность летчика-наблюдателя.

Ярыгин Сергей Яковлевич (20.03.1893–?), лейтенант. Окончил Морской кадетский корпус (1913), Севастопольскую военную авиационную школу (1917). Морской летчик 2-го корабельного отряда, командир 1-го воздушного отряда 1-й воздушной бригады. Награжден орденами Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» и Георгиевским оружием. В гражданскую войну служил в морском авиаотряде на Черном море, в 08.1919 назначен начальником воздушного отряда Каспийского моря. Летом 1921 находился в Югославии.

Источники и литература:

1. Адрес-календарь Севастопольского градоначальства. — Севастополь, 1911.
2. ГАГС, ф. 26, оп. 1, д. 26;
3. ГАГС, ф. 30, оп. 1, д. 103,
4. ГАГС, ф. 30, оп. 1, 107,
5. ГАГС, ф. 30, оп. 1, 109,
6. ГАГС, ф. 30, оп. 1, 111,
7. ГАГС, ф. 30, оп. 1, 117,
8. ГАГС, ф. 30, оп. 1, 127,
9. ГАГС, ф. 30, оп. 1, 128,
10. ГАГС, ф. 30, оп. 1, 130,
11. ГАГС, ф. 30, оп. 1, 136,
12. ГАГС, ф. 30, оп. 1, 138,
13. ГАГС, ф. 30, оп. 1, 140,
14. ГАГС, ф. 30, оп. 1, 142,
15. ГАГС, ф. 30, оп. 1, 143,
16. ГАГС, ф. 30, оп. 1, 145,
17. ГАГС, ф. 30, оп. 1, 149,
18. ГАГС, ф. 30, оп. 1, 152;
19. ГАГС, ф. Р-79, оп. 2 а, д. 65 а;
20. ГАГС, ф. Р-266, оп. 1, д. 8,
21. ГАГС, ф. Р-266, оп. 1, 13;
22. ГАГС, ф. Р-437, оп. 1, д. 18;
23. ГАГС, ф. Р-567, оп. 6, д. 249.
24. Музей КЧФ РФ, Приказы и приказания командующего Черноморским флотом за 1917 год.
25. Музей КЧФ РФ, Приказы главного командира флота и портов Черного и Азовского морей за 1919 год.

26. НМГООС, Приказы и приказания Центрального Комитета Черноморского флота за 01–04.1918.
27. НМГООС, Приказы врид начальника Морских сил Черного и Азовского морей за 11.1920.
28. НМГООС, Приказы и Циркуляры Штаба Действующего отряда судов и Морской обороны Крыма за 11–12.1920.
29. НМГООС, Циркуляры Штаба Действующего отряда судов и Морской обороны Крымского полуострова за 12.1920.
30. РГАВМФ, ф. 406, оп. 9, д. 118.
31. РГВА, ф. 40275, оп. 1, д. 13.
32. Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства. — Птг., 1915.
33. Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства. — Птг., 1916.
34. *Александров А. О.* Краткий курс одного великого перелета//Белая гвардия. — М., 2003. — № 7.
35. *Александров А. О.* Победы, потери... — СПб., 2000.
36. Бизертинский морской сборник. 1921–1923: Избранные страницы. — М., 2004.
37. *Вейгелин К. Е.* Воздушный справочник: ежегодник Императорского Всероссийского Аэро-Клуба. — Птг., 1916.
38. Вестник воздухоплавания. — СПб., 1910. — №№ 15, 16, 22.
39. Военный орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия: биобиблиограф. справочник. — М., 2004.
40. *Волков С. В.* Офицеры флота и морского ведомства. — М., 2004.
41. *Герасимов В. Л.* Георгиевские кавалеры морской авиации России//Военно-исторический архив. — 2004. — № 9.
42. *Герасимов В.* Пионеры морской авиации//Морской сборник. — 1991. — № 8.
43. Гражданская война. Военные действия на морях, речных и озерных системах. — Л., 1925. — Т. 111.
44. *Дружинин Ю. О., Емелин А. Ю.* Воздухоплавательный крейсер «Русь». — СПб., 1997.
45. *Дузь П. Д.* История воздухоплавания и авиации в России. — М., 1989.
46. История военно-воздушных сил Советской Армии. — М., 1953.
47. *Кадесников Н. З.* Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917–1921 гг. — СПб., 1992.
48. *Козлов А. Ю.* «Такого случая... за все время войны до сих пор не представлялось»//Военно-исторический журнал. — 2004. — № 1.
49. Мартиролог русской военно-морской эмиграции. — М.- Феодосия, 2001.
50. Морские судьбы за границей. — М., 2004.
51. Морской журнал. — 1928. — № 3, 12.
52. Морской сборник. — 1912. — № 5; 1913. — № 2; 1914. — № 3; 1915. — № 3; 1917. — № 1.
53. Морской сборник (Бизерта). — 1921. — № 1 (июнь), № 2 (июль).
54. Моряки в борьбе за власть Советов на Украине. — К., 1963.
55. Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997. — М., 2004. — Т. 4; М., 2005. — Т. 6. Кн. 3.
56. *Нитобург Э. Л.* Судьбы русских эмигрантов второй волны в Америке//Отечественная история. — 2003. — № 2.
57. Новый часовой. — 2002. — № 13–14.
58. Офицерская школа авиации (сводная летопись, часть 1: 1910–1913). — М.: «Охотник», 2009.
59. Офицерская школа авиации (сводная летопись, часть 2: 1914–1920). — М.: «Охотник», 2010.
60. Родина. — 2002. — № 6.
61. Русский морской и воздушный флот, сооруженный на добровольные пожертвования. — СПб., 1912.
62. *Симоненко В.* Воздушная бомбардировка не удалась//Флаг Родины. — 2004. — 3 декабря.
63. *Симоненко В.* Разведка над морем//Флаг Родины. — 2004. — 1 декабря.
64. *Симоненко В.* «Черноморские авиасуда вселяют надежды...»//Флаг Родины. — 2005. — 24 марта.
65. Тяжелее воздуха. — Харьков, 1912. — № 11.
66. Флот в белой борьбе. — М., 2002.
67. *Хайрулин М.* Авиация Северо-Западной армии (октябрь 1918–январь 1920 гг.)//Белая гвардия. — М., 2003. — № 7.
68. *Хайрулин М.* 16-й корпусной авиационный отряд. — М., 2008.
69. *Шебалин П. Л.* Первые русские авиаторы//Новый часовой. — 2004. — № 15–16; 2006. — № 17–18.
70. *Яковлев С.* Наши крылатые земляки. — Смоленск, 1962.

ДЕЙСТВИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ЧЕРНОГО МОРЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

15 (28) июля 1914 года Австро-Венгрия, используя в качестве предлога Сараевское убийство, объявила под прямым давлением Германии войну Сербии. 19 июля (1 августа) началась Первая мировая война. Российская империя, как и в первую и вторую Балканские войны, поддерживала Сербию. По приказу из Петербурга в начале августа в Сербию были направлены моряки Черноморского флота. Отряду была поставлена задача оказать помощь сербским войскам минным оружием. В период с 16 августа 1914 года по 29 января 1915 года на Дунае было поставлено 130 мин [24, с. 111]. На минах, доставленных с Балтики, в октябре и декабре подорвались австрийские мониторы «Темеш» и «Самос». В начале сентября моряки в устье р. Босут пустили торпеду (без аппарата) по шлюзу, за которым в бассейне стояли два австрийских монитора. Шлюз был взорван, и мониторы оказались на мели [18, с. 93, 98, 103].

Румынское правительство не стремилось к ухудшению отношений с Россией и не возражало против перевозок по Дунаю. Для оказания быстрой помощи союзнику в августе была создана Экспедиция Особого Назначения (ЭОН) под командованием капитана 1 ранга М. И. Веселкина, которому были даны права отдельно командующего флагмана. В состав ЭОН входили инженерный отряд морского ведомства, отряд заграждения Дуная (старший лейтенант Волковицкий), отряд защиты Железных ворот (старший лейтенант Семенов), отряд (потом соединение) транспортных судов и боевых кораблей для охраны перевозок и различные береговые части [33, с. 358]. В состав ЭОН на 29 марта 1915 года входило 14 пароходов, 40 барж, 40 подчалков и 28 понтонов и пристаней. Последний караван судов был направлен в Сербию накануне объявления войны Болгарией Сербии. Только в марте — мае 1915 года судами ЭОН было перевезено в Сербию 319 вагонов продовольствия и фуража [32, с. 135]. После поражения Сербии отряды моряков, уничтожив береговые укрепления, торпедные батареи, минные станции, мосты и плавсредства, ушли в Грецию и Румынию. Напряжение в отношениях с Турцией нарастало с каждым днем. Участились выходы в Черное море германо-турецкого флота, подкрепленного прорвавшимися из Средиземного моря

германскими крейсерами «Гебен» и «Бреслау», под командованием немецкого адмирала Сушона. Несмотря на полную уверенность в неизбежности войны с Турцией, Верховное Главнокомандование и МГШ отказались от постановки Черноморскому флоту активных наступательных задач и, более того, прямо запретив командованию флотом искать встречи с флотом противника, заставили флот пассивно ожидать нападения. В этих условиях Черноморский флот и, в первую очередь, его командование оказались не способны обеспечить оборону кораблей и баз от возможного внезапного нападения противника. В середине октября командование Черноморским флотом получило директиву об обороне северо-западной части Черного моря. В директиве указано, что главными объектами защиты с моря должны быть г. Николаев, как судостроительная база флота, и побережье района Одессы, как место доступное для высадки десанта противника. Был сформирован отряд судов северо-западной части Черного моря: три канонерские лодки, отряд минных заградителей («Бештау» и «Дунай»), две подводные лодки типа «Сом», партия траления, посыльные суда, служба наблюдения и связи, линкор «Синоп» и минные поля до параллели Тендры. (Минные поля были установлены в Одесском заливе уже после нападения противника, с 16 октября 1914 года по 29 января 1915 года поставлено 1684 мины [24, с. 111]). Береговую оборону составляли старые 6-дм мортиры и 6-дм пушки Канэ в районе Одессы и Очакова и двухорудийная батарея 4-дм пушек на Тендоровской косе [30, с. 54]. Отрядом командовал капитан 1 ранга М. И. Федорович. Готовность флота к отражению нападения и мероприятия по организации обороны баз оказались недостаточными, и это сразу привело к потерям [21].

6 (29) октября 1914 года два турецких миноносца около половины третьего ночи вошли в Одесский порт, потопили канонерскую лодку «Донец», повредили заградитель «Бештау», четыре парохода, электростанцию, подожгли несколько цистерн в нефтегавани и в четыре двадцать ушли в море, поставив 28 мин на линии Одесса — Севастополь. В то же утро неприятельские суда обстреляли Севастополь, Феодосию, Батум, Новороссийск и поставили у входа в Керченский пролив 60 мин и еще 60 мин перед входом на Севастопольском рейде.

Опасения командования высадки десанта в районе Одессы не были лишены основания. В октябре — ноябре 1914 года командующий 5-й турецкой армией Лиман фон Сандерс настаивал на высадке турецкого десанта южнее Одессы, с целью продолжения германо-австрийского фронта до Черного моря. Адмиралу Сушону с большим трудом удалось доказать, что десантную операцию флот провести не может при отсутствии в достаточном количестве десантных средств и слабо подготовленных войск, учитывая, что турецкому флоту от Босфора до Одессы необходимо было сделать переход морем в 300 миль, а главная база Черноморского флота — Севастополь находилась от пункта высадки на расстоянии 150 миль [23, с. 68–69]. Операция вылилась в авантюристическую высадку близ Аккермана двадцати четырех турецких кавалеристов, одетых в русскую форму и частично говоривших по-русски, с целью разрушения железной дороги Бендеры — Рени и уничтожения соседних деревень. Десант высадился 25 октября (7 декабря) и, как следовало ожидать, был обнаружен и взят в плен, не выполнив своей задачи [25, с. 220, 225, 245].

После того как англичане начали подготовку к Дарданельской операции, вопрос о захвате Босфора вновь остро встал перед Верховным Главнокомандованием. 16 февраля (1 марта) 1915 года англо-французский флот подошел к проливу и начал бомбардировку укреплений. Понимая значение операции по захвату проливов, Верховный главнокомандующий издал директиву о формировании на юге десантного корпуса. В Одессу была срочно переброшена 3-я Кавказская стрелковая дивизия, а в Севастополь — 1-я и 2-я Кубанские пластунские бригады. В феврале 1915 года командующий Черноморским флотом в письме предложил сделать промежуточной базой флота при десантировании на Босфор болгарский порт Бургас, но это предложение было отклонено Министерством иностранных дел, так как в этом случае пришлось бы идти на большие уступки Болгарии [24, с. 115]. Дарданельская операция союзников провалилась, отпала необходимость в высадке русского десанта. Тем более подготовка к десанту показала, что флот не готов к нему — Транспортная флотилия, как организация для перевозки войск, не существовала, пароходы не переоборудованы, не существовало средств для доставки войск на берег и, главное, операция не могла быть обеспечена боевым флотом из-за неготовности новых линкоров и эскадренных миноносцев. В период Дарданельской операции германо-турецкое командование при-

няло решение совершить набеговую операцию на Одессу. Для прикрытия ее в район Севастополя вышли «Гебен» и «Бреслау», а 22 марта (3 апреля) 1915 года к Одессе подошли крейсера «Меджидие» и «Гамидие» и четыре миноносца, приспособленные для траления мин. В начале операции «Меджидие» подорвался на mine и затонул, остальные суда, подобрав экипаж, ушли в Босфор [30, с. 58–60]. Следует отметить, что об этом набеге начальник морской обороны Одесского района узнал от проходивших пароходов, когда крейсер уже подорвался, и только после полудня в море были посланы суда на разведку. Этот случай свидетельствует, что боевое управление в этом районе было организовано плохо — отсутствовал морской дозор, и командование медленно реагировало на обстановку, преследование неприятеля не было организовано.

В период с января по сентябрь 1915 года Черноморский флот курсировал в районе побережья Румынии и Болгарии, «показывая флаг», и проводил незначительные операции по пресечению контрабанды грузов в Турцию. В 1915 году Черноморский флот пополнился двумя новейшими линкорами, пятью эскадренными миноносцами, тремя гидроавиатранспортами, десятью подводными лодками, и соотношение сил на Черном море изменилось в пользу России. Германо-турецкий флот потерял 14 боевых судов, и усилившие его германские подводные лодки существенной роли не сыграли.

К концу года Болгария решила присоединиться к Германии и Австро-Венгрии, надеясь вернуть потерянные во второй Балканской войне территории (Южная Добруджа отошла к Румынии, Северная Македония — к Сербии). 1 (13) октября 1915 года Болгария объявила войну Сербии и через несколько дней начала военные действия. Вскоре армия Сербии была разгромлена, а ее территория оккупирована. Предвидя вступление в войну Болгарии на стороне противника, Черноморский флот предпринял разведывательную операцию против потенциального противника. Утром 25 июля (6 августа) подводная лодка «Тюлень» прошла вдоль берега Варненского залива от мыса Калиакрия. На основании данных разведки подводный заградитель «Краб» 18 августа (2 сентября) на рейде Варны между берегом и болгарским минным заграждением поставил 30 мин [31, с. 83]. Через два дня после объявления Россией войны Болгарии 7–9 (20–22) октября Черноморский флот совершил поход к болгарским берегам и обстрелял Варну и Евксиноград (база германских подводных лодок). 12 (25)

октября обстрел повторился [33, с. 399]. 14 (27) октября в обстреле Варны приняли участие три линкора, два крейсера, одиннадцать миноносцев и гидроавиатранспорт «Император Николай I». 15 (28) октября обстрелу подверглись гавань, портовые сооружения, склады и береговые батареи. Летчики сбросили 21 бомбу на порт [26, с. 147, 153]. 26 февраля (10 марта) 1916 года отряд гидроавиатранспортов под прикрытием линкора «Императрица Екатерина Великая» и миноносцев подошли к Варненскому заливу с целью бомбардировки Варны. Шедший впереди эскадренный миноносец «Лейтенант Пущин» подорвался на mine. Для спасения экипажа эскадренный миноносец «Живой» спустил шлюпку, но, приняв какой-то предмет за перископ подводной лодки, бросил шлюпку и ушел к эскадре. Ввиду появления неприятельских самолетов и доклада о подводной лодке операция была отменена [29, с. 205]. Четыре офицера и матросы с погибшего эсминца попали в плен к болгарам [27, с. 214].

К августу 1916 года Румыния, наконец, решила расстаться с нейтралитетом и присоединиться к странам Антанты и 14 (27) августа объявила войну четвертному союзу. Россия усилила корабельную группировку в этом районе, избрав местом базирования Констанцу. Тем более что после удачных операций Кавказского фронта (взятие Эрзерумской крепости и Трабзона) освободились значительные силы флота. В отряд особого назначения вошли линкор «Ростислав», подводные лодки «Карп» и «Карась», 4-й дивизион траления (4 тральщика) и гидроавиационный отряд. В задачу отряда входило обеспечение безопасности порта Констанца со стороны моря, воспрепятствование высадке десанта на побережье Румынии и подготовка порта для базирования отряда судов. Подготовка была закончена к 13 (26) августа. Одновременно были приняты меры для обороны на р. Дунай в районе г. Рени. Был создан минно-артиллерийский отряд, в который входило впоследствии около 1250 человек, восемь 228-мм мортир, восемь 152-мм и четыре 120-мм пушек, 4 пулемета, 25 береговых (решетчатых) торпедных аппаратов и мины [33, с. 437]. (В дальнейшем этот отряд известен как Отдельная морская бригада особого назначения генерала Мазурова, имевшая в своем составе речную флотилию).

Накануне объявления войны Румынией, 12 (25) августа дивизион гидроавиатранспортов (три судна, 20 гидросамолетов) под прикрытием линкора «Императрица Екатерина Великая» и эскадренных миноносцев подошел на 25 миль от Варненского залива и спустил на воду гидросамолеты.

Из 20 самолетов взлетело только 5, а успешно отбомбились 3. На обратном пути отряд подвергся налету германских самолетов — две бомбы попали в эскадренный миноносец «Поспешный» (убито 8, ранено 20 человек), девять бомб безуспешно были сброшены на линкор [23, с. 413; 33, с. 438].

Открытие Румынского фронта потребовало от Ставки Верховного Главнокомандования переброски в помощь Румынии 35 пехотных и 11 кавалерийских дивизий. В Констанце высадились несколько дружин Государственного ополчения и бригада 3-й стрелковой дивизии. Отряд особого назначения под флагом контр-адмирала П. И. Паттон-Фантон-де-Веррайона вскоре был усилен, и в состав его входили 6 эскадренных миноносцев, 8 тральщиков, 2 транспорта, сторожевые катера и румынские суда [17, с. 180]. В это время усилилась роль авиации у противоборствующих сторон. Еще в сентябре 1914 года в устье Дуная был переброшен летучий (резервный) отряд гидросамолетов, а к концу 1916 года 3-й дивизион Черноморской воздушной дивизии (8-й и 9-й авиаотряды) базировался в Одессе, 13-й авиаотряд — в Сулине и Килии. В 1915–1917 годах во временном прикомандировании к Черноморскому флоту находились 31-й и 32-й армейские авиаотряды, в августе — сентябре 1916 года в Констанце — 36-й авиаотряд, в Измаиле — 6-й корпусной авиаотряд, в конце 1917 — в устье Дуная 26-й и 36-й корпусные воздухоплавательные отряды. Для защиты с воздуха городов Одессы и Николаева в 1916 году были сформированы два авиаотряда (в конце 1916 года отряд, защищавший г. Николаев, был переформирован в корпусной авиаотряд) [19, с. 126]. В районе Мачина и Галаца в начале 1917 года воевали французские летчики [28, с. 103, 106]. Германская авиация (появилась после вступления в войну Болгарии) базировалась в Элиское, Варне, Мангалии, Паланцу, а с конца 1916 года — в Констанце и на озерах Синое, Разелм и Бабадагском [15, с. 22, 24]. Неприятельская авиация почти ежедневно совершала налеты на позиции Приморского фланга и Констанцу, неоднократно атаковала наши суда. 4 (11) сентября в налете на Констанцу участвовало 18 самолетов, сбросили 150–170 бомб и стрелы. Был нанесен удар по нефтебакам, потоплены 2 баржи, поврежден тральщик № 238 («Жанетта») атакован линкор «Ростислав». Болгарские гидросамолеты базировались в устье р. Камчия и в Калиакрии [34, с. 162].

С момента вступления в войну и до конца 1916 года Румыния оставила неприятелю Добруджу, Валахию и часть Молдавии. Несмотря на ак-

тивную поддержку судами Приморского фланга фронта, 9 октября румыны оставили Констанцу с огромными запасами горючего и боеприпасов. Суда Черноморского флота и авиация постоянно обстреливали и бомбили болгарские порты Варну, Коварну, Балчик. В период с 26 августа (7 сентября) по 12 (25) декабря эскадренные миноносцы, подводная лодка «Краб» и тральщик № 234 («Роза») поставили в районе Варны 930 мин [16, с. 161, 162]. На минах в заливе подорвались германская подводная лодка «UB-45», болгарские миноносцы «Шумны» и «Варна» и спасательный буксир. Во время набеговых операций наши суда подвергались сильному огню береговых батарей и налетам германской авиации.

Так как отбить Констанцу сил не было, Черноморскому флоту была поставлена задача: уничтожить запасы нефти и бензина и заминировать подходы к порту. Намеченная на 1 (14) октября операция была отменена из-за свежей погоды. 4 (17) октября пятнадцатиминутный обстрел Констанцы крейсером «Память Меркурия» и тремя эскадренными миноносцами результата не дал. Более результативным был обстрел 9 (22) октября крейсером и миноносцами, когда была уничтожена часть нефтебаков, одновременно наши суда вели бой с береговыми батареями, гидросамолетами и уклонялись от атаки германской подводной лодки [17, с. 183–184]. В январе 1917 года большая группа матросов за бомбардировку Констанцы была награждена Георгиевскими крестами и медалями [5]. В конце 1916 — начале 1917 года на Констанцу было совершено семь набеговых операций. Минные постановки в этом районе осуществил тральщик № 234, выставив в ночь на 4 (17) декабря 220 мин.

После поражения в октябре 1916 года Румынский фронт отошел на приморском фланге к устью Дуная, где стабилизировался. В связи с тем, что 6-я армия оказалась не в состоянии оборонять район Дунайских гирл, 10 (23) декабря 1916 года оборона их была возложена на Черноморский флот. Приказом командующего флотом еще в ноябре была учреждена должность начальника обороны устьев Дуная (согласно приказу начальника Морского Штаба Верховного главнокомандующего № 320 от 13 октября 1916 года) [2]. Отряд обороны Дунайских гирл был подчинен командующему 6-й армии, а его начальником назначен контр-адмирал С. С. Фабрицкий. В марте 1917 года приказом по флоту был определен состав сил отряда. В него входили четыре морских полка с артиллерией Отдельной Балтийской морской дивизии, переброшенной с остро-

вов Рижского залива, части Отдельной морской бригады особого назначения генерала Мазурова, 1-я Севастопольская крепостная саперная рота, две береговые батареи, две батареи для стрельбы по воздушным целям и др. [7]. Воевавший в этом районе батальон Гвардейского экипажа в январе 1917 года отправлен на Балтику [6]. В этом же месяце были определены и морские силы, причем начальнику обороны Дунайских гирл напрямую подчинялись 1-й дивизион речных канонерских лодок, вооруженные румынские речные силы, речная флотилия бригады генерала Мазурова, два вооруженных парохода и четыре посыльных судна [9]. Начальнику обороны устьев Дуная были подчинены порт Сулин, миноносцы 5-го и 6-го дивизионов, отделение быстроходных (сторожевых) катеров, дивизион тральщиков, румынский крейсер «Елизавета» (постройки 1887 года, водоизмещением 1320 т), авиационный отряд, змейковая воздухоплавательная станция, две роты 470-й ополченческой дружины, Западный район службы связи и 7-я позиционная батарея на острове Фидониси [8]. Приближение фронта к границам России на юге потребовало усиления береговой обороны побережья. Были сооружены в конце 1916 года временные береговые батареи на острове Фидониси, в Вилково, на Тендре, пять батарей в районе Одессы, усилена оборона побережья Крыма [4; 13].

Весной 1917 года начала формироваться в противовес Австро-Венгерской Дунайской флотилии русская Дунайская флотилия. В основе ее был отряд канонерских лодок Черноморского флота — «Донец», «Кубанец» и «Терек». 29 декабря 1916 года канонерская лодка «Донец» под огнем неприятельской артиллерии прорвалась мимо города Тульча. В состав флотилии вошли 19 самоходных и несамоходных русских и румынских барж, вооруженных артиллерией, разделенных на четыре дивизиона [12]. В апреле была сформирована Дунайская транспортная флотилия, состоявшая из пароходов и паровых шхун Русско-Дунайского пароходства, управления Херсонского порта, Товарищества Алешковского пароходства и частных судовладельцев [22]. Транспортная флотилия Черноморского флота и Дунайская флотилия оказывали большую помощь фронту, осуществляя морские перевозки из Одессы и Николаева. Только с декабря 1916 года по 1 апреля 1917 года перевезено для Юго-Западного и Румынского фронтов 195 тыс. человек, 18 тыс. лошадей и голов скота, около 50 тыс. тонн грузов [20, с. 390].

В январе — июне 1917 года боевые корабли Черноморского флота совершали редкие походы

в район Констанцы с целью разведки, активизировала свои действия наша и германская авиация. Наши летчики бомбили расположения неприятеля в Тульче, Браилове, Мачине, Галаце, Махмудии, Констанце и в нижнем течении Дуная. Германские авиаторы совершали налеты в основном на Сулин и Килию. В период с апреля по июнь противник совершил шесть налетов на Сулин (25 самолетов), три налета на Килию (12 самолетов).

Не всегда налеты нашей авиации были удачны. 1 (14) марта три гидроавиатранспорта в охране эскадренных миноносцев подошли к Констанце. Но из 10 гидросамолетов выполнил задачу только один, сфотографировавший район порта [14, с. 234]. 3–5 (16–18) мая самолеты корабельной авиации также не смогли выполнить поставленную задачу из-за противодействия германских самолетов. Вместе с тем, атаки противника на наши суда были успешно отбиты нашими летчиками [14, с. 236].

В этот период на побережье и в устье Дуная велась активная разведка расположения противника и бои местного значения. 4 (17) января 1917 года в районе деревни Принчипе-Карольтару с тральщика № 292 («Работник») был высажен под артиллерийским и ружейным огнем десант из состава Отдельной Балтийской морской ди-

визии [1]. 9 (22) января у деревни Редери-Кароль высадили болгарский десант, но наш отряд удержал позицию и совместно с подошедшим резервом уничтожил десант. Командовавший нашей позицией прапорщик Герма был награжден орденом Св. Георгия 4 ст. [11]. Катера второго отделения дивизиона сторожевых судов с декабря 1916 по февраль 1917 года проводили на Дунае разведку с высадкой десантов и уничтожали плавучие средства противника в районе д. Махмудия — Моржиоль — Дунавцы — озеро Разелм [10]. Катера первого отделения совместно с солдатами 2-го морского полка провели 23 июня (6 июля) и 2 (15) июля разведывательные операции на озере Разелм [3] и др.

В июне 1917 года началось наступление армий Юго-Западного фронта, 9 (22) июля перешел в наступление и Румынский фронт в составе 4-й и 6-й русских и 1-й и 2-й румынских армий в районе Фокшан. Наступление протекало успешно, но, ввиду неблагоприятной обстановки на Юго-Западном фронте, уже 14 (27) июля было прекращено. И опять потянулись бои местного значения и разведывательные операции. В начале декабря 1917 года Советской Россией было подписано перемирие с Германией и боевые действия на фронте прекратились.

Источники и литература:

- Музей КЧФ РФ, инв. № 4710. Приказ Командующего Черноморским флотом № 1729 от 01.05.1917.
- Музей КЧФ РФ, инв. № 6957. Приказ Командующего Черноморским флотом № 311 с от 06.11.1916.
- Музей КЧФ РФ, инв. № 6958. Приказ Командующего Черноморским флотом № 4699 от 12.11.1917.
- Музей КЧФ РФ, инв. № 6996. Приказ Командующего Черноморским флотом № 20 с от 13.01.1917.
- Там же, Приказ Командующего Черноморским флотом № 195 от 15.01.1917.
- Там же, Приказ Командующего Черноморским флотом № 56 с от 05.02.1917.
- Там же, Приказ Командующего Черноморским флотом № 86 с от 10.03.1917.
- Там же, Приказ Командующего Черноморским флотом № 87 с от 10.03.1917.
- Там же, Приказ Командующего Черноморским флотом № 91 с от 18.03.1917.
- Там же, Приказ Командующего Черноморским флотом № 1722 от 01.05.1917.
- Там же, Приказ Командующего Черноморским флотом № 2210 от 30.05.1917.
- Там же, Приказ Командующего Черноморским флотом № 180 с от 07.07.1917.
- НМГООС, А-1131. Состав флота, его баз, приморских крепостей, прибрежных батарей и сухопутных войсковых частей, подчиненных командующему Черноморским флотом (состояние на 01.01.1918).
- НМГООС, нв-18215. *Ляхович А. А.* Боевые действия Черноморского флота по блокаде пролива Босфор в первой мировой войне: диссертация на соискание степени кандидата военно-морских наук. — 1951.
- Александров А. О.* Победы, потери... — СПб., 2000.
- Боевая летопись русского флота. — М: Воениздат, 1948.
- Васильев В.* Констанцкая операция//Морской сборник. — 1934. — № 8.
- И.* На Дунае в 1914 году. (По рассказам участника войны)//Морской сборник. — 1916. — № 4.
- История военно-воздушных сил Советской Армии. — М., 1954.
- История первой мировой войны. — М., 1975. — Т. 2.
- Козлов Д. Ю.* «Странная война» в Черном море (август-сентябрь 1914 года). — М.: Квадрига, 2009.
- Крестьянников В. В.* Мобилизованные суда Черноморского флота в годы первой мировой войны//Память о прошлом: сб. науч. статей. — Севастополь: ЧП Арефьев, 2007.

23. Лорей Г. Операции германо-турецких морских сил в 1914–1918 гг. — М., 1934.
24. Лукин В.К. Заметки о боевой деятельности Черноморского флота в период 1914–1918 гг. — СПб.: Petronius, 2008.
25. Морской сборник. — 1915. — № 1.
26. Морской сборник. — 1915. — № 11.
27. Морской сборник. — 1916. — № 5.
28. Морской сборник. — 1917. — № 5–6.
29. Новиков Н. Операции флота против берега на Черном море в 1914–1917. — М., 1937.
30. Пантелеев Ю. Оборона Одессы от набега германо-турецкого флота//Морской сборник. — 1939. — № 8.
31. Пантелеев Ю. Разведывательная операция подлодки «Тюлень» у Варны//Морской сборник. — 1935. — № 6.
32. Ростунов И.И. Русский фронт первой мировой войны. — М., 1976.
33. Флот в первой мировой войне. — М., 1964. — Т. 1.
34. Шишков П.А. Чорного море презь време на свътовната война//Епопея на Българские Воин. — София, 1926. — Т. 1.

КРЕСТЬЯННИКОВ В.В.

ТАЙНА ГИБЕЛИ «ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ»

8 июля 1915 года из главной базы Черноморского флота Севастополя одновременно вышли четыре подводные лодки (все наличные и боеспособные) и направились к проливу Босфор. На подходах к проливу они разделились: подводный минный заградитель «Краб» 10 июля выставил 58 мин между входными маяками пролива, после чего вернулся в Севастополь, а лодки «Тюлень», «Нерпа» и «Морж» заняли позиции перед проливом Босфор. В это же время эскадренные миноносцы блокировали «нефтяной» (побережье Болгарии и Румынии) и «угольный» (между Зунгулдаком и Эрегли) районы.

В море, между Босфором и побережьем Крыма, находились эскадренные миноносцы. Черноморский флот всеми имеющимися силами с 10 по 16 июля блокировал побережье Черного моря, контролировавшееся неприятелем. Так проходила специальная операция, обеспечившая переход из Одессы в Севастополь нового линейного корабля «Императрица Мария» под конвоем легкого крейсера, гидроавиатранспорта и эскадренных миноносцев.

Новейший линкор был построен в Николаеве на заводе Русского судостроительного общества и вступил в строй флота 6 июля 1915 года. Имея водоизмещение 22600 тонн и скорость 21 узел, линкор был вооружен 12 орудиями (в четырех башнях) калибром 305 мм, 20 орудиями 130 мм, 8 орудиями 75 мм, 4 орудиями 47 мм и 4 пулеметами. Экипаж состоял из 1220 офицеров и матросов [10, с. 237].

Появление на Черноморском театре нового линкора сводило на нет преимущество германо-турецкого флота, имевшего в своем составе линейный крейсер «Явуз Султан Селим» («Гебен»). Благодаря своей высокой скорости (27 узлов) он был практически неуязвим для устаревших русских броненосцев, имевших ход 16 узлов, мощ-

ность его артиллерии превосходила таковую двух «Евстафиев». Вступивший в строй линкор «Императрица Мария» не сразу включился в боевую работу, ему нужен был промежуток времени для испытания механизмов и прохождения боевой подготовки. Циркуляром командующего флотом Черного моря с 12 августа судно вошло в состав 1-й бригады линкоров.

С сентября 1915 года «Императрица Мария» ходила на боевые операции в «угольный район», прикрывая с моря броненосцы и эскадренные миноносцы, обстреливавшие порт и шахты Зунгулдака. 8 января 1916 года во время одной из таких операций линкор у пролива Босфор вступил в бой с германо-турецким крейсером «Гебен». «Императрица Мария» сделала до 150 выстрелов, «Гебен» — 5. Снаряды рвались вокруг крейсера, многочисленные осколки падали на палубу, был сбит флаг на гафеле. Но, имея преимущество в скорости хода, «Гебен» уклонился от решительного боя с линкором, имевшим более дальнобойную и крупнокалиберную артиллерию, и скрылся в проливе.

В связи с новыми задачами флота 1916 год стал более напряженным, особенно для 1-й бригады линкоров и минной бригады. «Императрица Мария» прикрывала в мае — апреле переброску в Ризе двух пластунских бригад и двух пехотных дивизий, в августе — сентябре прикрывала крупную минную постановку у Босфора, налет самолетов с гидроавиатранспортов на Варну и район Бургаса, воинские перевозки в Констанцу и, конечно, постоянные походы эскадренных миноносцев в «угольный» район. 22 июля линкору с кораблями сопровождения, благодаря своевременно полученным сведениям, удалось перехватить легкий германо-турецкий крейсер «Мидили» («Бреслау»), выходящий для постановки мин у Новороссийска. Положение крейсера, несмотря

на использование дымовых завес, противоартиллерийского зигзага и сбрасывания мин, было тяжелым, и только шквал с дождем с наступлением темноты позволили ему оторваться от преследовавших его кораблей. Крейсер имел два попадания с линкора «Императрица Мария». В июне — июле в районе Севастополя и Ризе линкор трижды подвергался атакам германских подводных лодок, но, благодаря бдительности охранявших его гидросамолетов и эскадренных миноносцев, атаки были безуспешны.

6 октября 1916 года «Императрица Мария» вернулась в главную базу из очередной боевой операции. Как обычно, после разрядки орудий команда спешно переодевалась для погрузки угля, а комендоры разводились для приема провизии, на вахту и в караул. Из-за спешки допускалось постоянно одно нарушение: полузаряды, вынутые из орудий, не убирались в соты, а лишь вкладывались в свои герметические пеналы. Ночь прошла спокойно.

В 6 часов 15 минут 7 (20 по новому стилю) октября 1916 года из люков и вентиляционных люков 130-мм погребов, расположенных около носовой башни главного калибра, показались пламя и дым. Через пять минут внутри корпуса произошел взрыв такой силы, что столб пламени и газов взметнулся на 200 метров. Носовая башня сместилась со своего места, взлетели на воздух боевая рубка, передняя труба и фок-мачта. Верхняя палуба от форштевня до второй башни оказалась вскрытой. Затем последовало еще около 25 меньших взрывов. Погасло освещение, вышла из строя пожарная магистраль, что вывело из строя корабельные средства по борьбе с пожаром, разрушило паропровод в носовой части. Затопив погреба второй, третьей и четвертой башен, команда тушила пожар с помощью портовых вспомогательных судов. К семи часам пожар начал стихать, но последний взрыв открыл доступ воде в носовые отсеки правого борта, и, кренясь на правый борт, линкор перевернулся и затонул на глубине около 20 м. Согласно справке штаба Севастопольского порта от 15 октября 1916 года погибло 300 человек и 206 попали в госпиталь с ранами и ожогами [6, с. 416]. По другим сведениям трагедия унесла 216 жизней, 232 человека были ранены и обожжены [8, с. 145].

Следственная комиссия, в состав которой входил и будущий академик А. Крылов, кроме недочетов чисто организационного характера отметила ряд конструктивных недостатков и упущений по службе и представила три версии гибели линкора: самовозгорание пороха, небрежность

в обращении с огнем или порохом и злой умысел. Однако после рассмотрения всех вариантов, комиссия заключила, что прийти к точному и доказательно обоснованному выводу не представляется возможным, приходится лишь оценивать вероятность этих предположений, сопоставляя выяснившиеся при следствии обстоятельства. «По обсуждению всего изложенного выше комиссия не находит в выяснившихся обстоятельствах таких, которые давали бы основание отнести гибель корабля к виновности тех и иных определенных лиц» [3, с. 241]. Под суд никого не отдали, так как в этом случае должен был быть наказан и недавно назначенный командующий Черноморским флотом вице-адмирал А. В. Колчак. В докладе по поводу гибели линкора Николаю II Морской министр И. К. Григорович просил отложить суд до окончания войны, отстранив от командования командира корабля капитана 1 ранга И. С. Кузнецова [2, с. 186]. А так как команда вела себя героически во время трагедии, то 45 членов команды были награждены медалями «За усердие» [4], 35 нижних чинов награждены Георгиевскими крестами и медалями, 7 из них посмертно [5].

Трагедия в Севастополе потрясла не только Черноморский флот, но и всю империю. Многие во время войны были убеждены, что гибель линкора дело рук германских агентов. Был в этом убежден и офицер этого корабля, девяностолетний охотник флота, подпоручик по адмиралтейству Александр Маркович Абакумов, участник Синопского сражения, обороны Севастополя и русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Его неоднократные обращения к императору, министру, командующему флотом оставались без ответа. После февральской революции он вновь пишет прошения министру А. И. Гучкову и командующему Черноморским флотом вице-адмиралу А. В. Колчаку. Версия Абакумова сомнительна, но все же отражает взгляд части экипажа линкора. В прошении на имя А. В. Колчака он писал: «Несколько придя в себя [после взрыва], я отправился к носовой части, где уже бушевал пожар. По дороге заметил, что кондукторы Корниенко и Покопцов закрывают крышку жилого люка. Матросы, бывшие вблизи, кричали им: «что вы делаете, там люди», на что те ответили, что это не их дело и, закрыв, поспешно ушли. Желая их заставить открыть люк, я погнался за ними, но они скрылись в общую кондукторскую каюту. Открыв дверь последней, я увидел, что между бывшими там кондукторами идет спор. Мой окрик вызвал возмущения и угрозы. Видя, что одному мне здесь нечего делать, я направился

к адмиральской каюте, откуда поднялся под 4-ю башню и в это время встретил кондуктора Корниенко уже в шинели и калошах, спокойно стоящим, руки назад. Подходя к нему, я крикнул: «люк открой», но он поспешил скрыться. Пройдя до 3-й башни, у офицерского люка я почувствовал, что у меня ранена нога, и стал ее перевязывать носовым платком. В это время появились лейтенанты Энгельман и Грибцов [Гривцов] и я услышал конец их разговора: «сделали очень хорошо, кондуктор Треба утверждает — концов не найти». Разговор их прервался, они увидели меня и поспешили уйти». Следствие было вновь назначено, но единственным допрошенным свидетелем стал сам Абакумов [8, с. 156–157].

Октябрьская революция, заставившая надолго забыть о трагедии, разбросала всех ее участников, но тайна гибели линкора «Императрица Мария» все же не давала покоя и волновала многих.

В издававшемся в Праге «Морском журнале» в 1928 году бывший старший офицер линкора А. В. Городыцкий высказал свое мнение о причине гибели корабля. «После многих расспросов, размышлений и сопоставлений разных фактов, я пришел к убеждению, что около 6 часов 10 минут 7 октября пожар начался с одного из необрушенных полузарядов 1-й башни, произошло же это вот как и почему: побудка 7 октября была на час позже, так как команды поздно кончили погрузку угля; одновременно с побудкой ко мне постучался дежурный по артиллерии кондуктор (он же кондуктор 1-й башни) и спросил ключ от ключей; я ключ выдал и ждал сигнала «на молитву», чтобы, наскоро одевшись, выйти к команде и объявить о моем назначении командиром э. м. «Фидониси».

Сигнала на молитву я не дождался, так как, по моему предположению, вот что произошло: дежурный по 1-й башне, старший комендор Воронов (погиб), получив свои ключи, спустился в погреб, чтобы записать температуру и, увидев необрушенные полузаряды, решил, не беспокоя «ребят», убрать их сам; по какой-то причине он уронил один из полузарядов, он начал гореть, обжег Воронова и зажег соседние заряды; дым, окрашенный парами цинка меди (материал кокоров) повалил из вентиляторов (исследовано пальто машиниста Воскресенского, пробежавшего мимо одного такого вентилятора); дежурный по палубам кондуктор Балицкий пробил пожарную тревогу, приказал двум ближайшим матросам бежать доложить мне о пожаре, а сам начал раскатывать шланги; все это продолжалось 2–2,5 минуты, и горение, по всем правилам науки, перешло во взрыв; посланные ко мне с докладом стол-

кнулись со мной у выхода из моей каюты, откуда я выбежал босой, успев, однако, надеть фуражку и набросить пальто, — докладывать им уже не пришлось, так как за несколько секунд до этого взрыв потряс корабль, свет погас, и началась 50-минутная агония корабля... Мне нужно ответить на вопрос: почему уроненный Вороновым полузаряд загорелся? Ведь это не могло произойти со «здоровым» полузарядом! В том-то и дело, что благодаря фатальному «наслоению» неблагоприятных обстоятельств, именно он, уроненный, мог оказаться — и оказался настолько испорченным, что падение вывело его из состояния медленного разложения и перевело в «бурный» процесс, то есть в горение» [7].

В 1934 году в сборнике «Эпрон» академик А. Крылов опубликовал очерк «Гибель линейного корабля «Императрица Мария», где привел выводы следственной комиссии, сопоставив их с показаниями командира корабля, офицеров и нижних чинов. В 1939 году Г. Есютин и П. Юфере выпустили брошюру «Гибель Марии». После Великой Отечественной войны появилась повесть А. Рыбакова «Кортик» и роман С. Сергеева-Ценского «Утренний взрыв», в которых в художественной форме авторы пытались воссоздать события на линкоре.

В 1970 году в журнале «Молодая гвардия» был опубликован журнальный вариант повести А. Елкина «Тайна «Императрицы Марии», где автор указывает конкретных исполнителей диверсии на линкоре. Получив возможность в середине 1970-х годов ознакомиться с архивными следственными делами на всех участников вскрытой чекистами организации, он приводил в повести цитаты из показаний их на допросах.

Но против этой версии выступили моряки-историки флота. В том же журнале инженер-капитан 1 ранга Н. Залесский обвинил А. Елкина в некомпетентности и бездоказательности, а в отдельных случаях и в надуманности многих фактов, приведенных в его повести.

В 1994 году сотрудники Центрального архива Федеральной службы контрразведки Российской Федерации А. Черенков и А. Шишкин, стремясь установить истину, писали в статье: «Дело в том, что в архивных материалах, которые использовал в книге А. Елкин, нет ни слова о гибели линейного корабля «Императрица Мария»! Более того, сопоставляя текст книги «Тайна «Императрицы Марии» и показания арестованных, мы нашли много существенных противоречий, которые, в итоге, опровергают версию автора о причастности Вермана (и его группы в Николаеве) к взрыву на линкоре» [9, с. 90].

В то же время известно, что в период первой мировой войны агент заграничной агентуры петроградского департамента полиции Бенциан Долин (псевдоним «Александров», «Ленин» и «Шарль») в результате проведенных оперативных комбинаций вышел на контакт с представителями немецкой военной разведки и получил от них задание по выводу из строя новейшего линкора «Императрица Мария». В своем докладе в департамент полиции «Шарль» писал, что «в марте [1916 г.] я получил предложение приехать в Берн для переговоров по очень важному делу. Приехав туда, я был у Бисмарка, и он сказал мне, между прочим, следующее: «У русских одно преимущество перед нами на Черном море — это «Мария». Постарайтесь убрать ее. Тогда наши силы будут равны, а при равенстве сил мы победим. Если нельзя окончательно ее уничтожить, то хоть постарайтесь выбить ее из строя на несколько месяцев». По прибытии в Россию агент доложил начальству о предложении противника, но в дальнейшем контакт с немцами не возобновлялся [12, с. 93].

Живший в Париже и внимательно следивший за советской прессой лейтенант В. В. Успенский, бывший в тот трагический день вахтенным начальником линкора, в конце 1970-х годов написал воспоминания и высказал свою версию гибели «Императрицы Марии».

«О гибели корабля, — пишет Успенский, — было много докладов компетентных лиц, было написано много статей в газетах и книгах. Эти статьи чаще всего носили самый фантастический характер, были неполными, иногда тенденциозными, похожими на отражения в кривом зеркале, умалчивающими не совсем благоприятные факты.

В настоящих воспоминаниях я не стану говорить об агонии корабля, длившейся 54 минуты. Ограничусь лишь сообщением об одном практически неизвестном факте, свидетелем которого мне выпала судьба...

Известно, что линкор вступил в строй с недочетами. Поэтому до самой его гибели на борту находились портовые и заводские рабочие. За их работой следил прикомандированный к офицерскому составу корабля инженер-поручик С. Шапошников, с которым у меня были приятельские отношения...

Разбор дела о гибели «Императрицы Марии» длился довольно долго. Допрашивали всех офицеров, кондукторов, матросов. О причине пожара в общем-то толком ничего и не выяснили. Затонувший на неглубоком месте корабль окружили баканами и вешками. Его положение — поперек Северной бухты — мешало движению кораблей, а посему решили его поднять.

Обследование показало, что особых затруднений для подъема линкора не предвиделось. Работы поручили инженеру Сиденсеру, который выбрал себе помощником С. Шапошникова. Когда линкор всплыл, у бортов сделали добавочные крепления и стало возможным через башенку проникнуть внутрь корабля. Вместе с Шапошниковым мне дважды удалось побывать там... Через два года после трагедии, когда линкор уже находился в доке, Шапошников в подбашенном помещении 2-й башни обнаружил странную находку, которая навела нас на очень интересные размышления. Найден был матросский сундучок, в котором находились одна целая и на три четверти сгоревшая свеча, коробка спичек, вернее то, что от нее осталось от пребывания в воде, набор сапожных инструментов, а также две пары ботинок, одна из которых была починена, а другая не закончена. То, что мы увидели вместо обычной кожаной подошвы, нас поразило: к ботинкам владелец сундучка гвоздями прибил нарезанные полоски бездымного пороха (пластины шириной 40 мм, толщиной 4 мм), вынутые из полузарядов для 12-дюймовых орудий! Рядом лежали несколько таких полосок.

Для того, чтобы иметь пороховые полоски и прятать сундучок в подбашенном помещении, следовало принадлежать к составу башенной прислуги. Так может и в 1-й башне обитал такой сапожник? Тогда картина пожара проясняется.

Чтобы достать ленточный порох, нужно было открыть крышку пенала, разрезать шелковый чехол и вынуть пластинку. Порох, пролежавший полтора года в герметически закрытом пенале, мог выделить какие-то эфирные пары, вспыхнувшие от близстоящей свечи. Загоревшийся газ воспламенил чехол и порох. В открытом пенале порох не мог взорваться — он загорелся, и это горение продолжалось, быть может, полминуты или чуть больше, пока не достигло критической температуры горения — 1200. Сгорание четырех пудов пороха в сравнительно небольшом помещении вызвало, без сомнения, взрыв остальных 599 пеналов... То, что я увидел своими глазами, то, что мы с инженер-поручиком предполагали, не может разве служить еще одной версией гибели линейного корабля „Императрица Мария“?» [11, с. 90].

В 2008 году по заданию Центрального музея военно-морского флота Российской Федерации в одном из Ленинградских НИИ с целью выяснения причин гибели линкора «Императрица Мария» был проведен анализ всех документов коммиссии 1916 года, а также материалов различных артиллерийских опытов на полигонах в то время.

На основе документов удалось установить, что пожар начался в погребе 12-дюймовых полузарядов под 1-й башней (трюм 25–33 шпангоута), а эпицентр мощного взрыва, произошедшего в 6 часов 20 минут, находился в погребе 130-мм снарядов и зарядов, расположенном на палубе кубрика между поперечными переборками между

33 и 39 шпангоутами [1, л. 19]. Но причина взрыва установлена не была.

Идут годы, но и сейчас нас волнует судьба линкора «Императрица Мария» и трагедия, разыгравшаяся в Севастополе в октябре 1916 года.

Источники и литература:

1. Государственный архив г. Севастополя, ф. Р-567, оп. 6, д. 303.
2. Григорович И. К. Воспоминания бывшего морского министра. — СПб., 1993.
3. Крылов А. Н. Мои воспоминания. — Л., 1984.
4. Приказ Командующего Черноморским флотом № 42 от 04.01.1917.
5. Приказ Командующего Черноморским флотом № 512 от 07.02.1917.
6. Боевая летопись русского флота. — М., 1948.
7. Городынский Г. А. Гибель линкора «Императрица Мария»//Морской журнал — 1928. — № 10.
8. Грибовский В. Ю. Линейный корабль «Императрица Мария»//Цитадель. — 2002. — № 10.
9. Загадка остается загадкой//Морской сборник. — 1994. — № 8.
10. Моисеев Е. В. Список кораблей русского парового и броненосного флота. — М., 1948.
11. Морской сборник. — 1995. — № 11.
12. Признание Шарля//Морской сборник. — 1994. — № 8.

КРЕСТЬЯННИКОВ В. В.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА У КАВКАЗСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ЧЕРНОГО МОРЯ В 1914–1917 ГОДАХ

После поражения России в русско-японской войне из-за нехватки средств Военное ведомство стремилось сократить расходы, в том числе и на строительство и содержание крепостей. В 1909–1912 годах было принято решение об упразднении ряда второстепенных крепостей, в том числе составлявших береговую оборону Черноморского побережья: Керченской, Михайловской (Батум) и Очаковской. В 1910 году из Михайловской крепости в Севастополь была перебазирована Михайловская крепостная минная рота и переименована во 2-ю Севастопольскую крепостную мину роту [15, с. 358]. Но в связи с тем, что Михайловская крепость являлась единственной маневренной базой флота на восточном побережье Черного моря, Морскому ведомству удалось доказать необходимость ее существования, и крепость не была разоружена.

В 1911 году исполняющий должность помощника начальника минного отдела ГУК капитан 1 ранга Н. Н. Шрейбер проверил состояние минного дела в Черноморском флоте. В результате было намечено три района, где требовались постоянные партии траления — Севастополь, Одесса и Керчь, а с началом войны — и Батум. Приказом командующего флотом 15 декабря 1914 года

была создана Батумская рейдовая партия траления [17, с. 64, 65].

Предвидя войну с Турцией, командование Черноморского флота, учитывая малочисленность гарнизона крепости, направило в августе летучий авиаотряд [13, с. 19] и сформированные из призванных из запаса офицеров и матросов 1-й и 2-й морские батальоны под командованием капитана 2 ранга В. Д. Чайковского [10]. Не имея возможности послать в Батум боевые суда, командование флота в начале сентября направило в распоряжение коменданта расположенной здесь крепости отряд судов в составе транспорта «Березань» и минного заградителя «Дыхтау» под командованием капитана 2 ранга К. К. Шуберта. «Дыхтау» должен был с началом войны поставить минные заграждения у Батума и Потти [29, с. 118; 24, с. 25–26].

Боевые действия на Черном море начались германо-турецким флотом без объявления войны 16 (29) октября 1914 года. Бомбардировке подверглись Одесса, Севастополь, Феодосия. Новороссийск был обстрелян крейсером «Бреслау» и минным крейсером «Берк-И-Сатвет». Артиллерийским огнем были разрушены радиостанция и элеватор, загорелись в порту нефтяные баки

и перегонный завод, повреждены портовые сооружения и стационарные постройки, затонуло и повреждено несколько пароходов и парусников [17, с. 147–149].

19 октября (1 ноября) начальник Штаба Верховного главнокомандующего сообщил в штаб Кавказской армии (которому подчинялась Михайловская крепость), что приказано Россию считать в состоянии войны с Турцией, перейти границу и начать наступление против турецких войск [23, с. 72]. Кавказская армия на всех направлениях продвинулась вперед, и только на Приморском участке фронта, в районе Хопа, туркам удалось высадить 5 (18) ноября два полка 1-го Константинопольского корпуса под командованием германского майора Штанке. При поддержке местного мусульманского населения турецкий отряд отеснил русские части к реке Аджарисцхали, занял пункты Ардануч, Артвин и Борчха и создал серьезную угрозу Батуму [20, с. 30].

В связи с успехами русской Кавказской армии, Турции потребовалась срочная переброска резервов в Трапезунд, откуда шло снабжение турецкой армии. 23 октября (6 ноября) германо-турецкие крейсера «Бреслау» и «Гамидие» отконвоировали в Трапезунд три транспорта с войсками и вооружением. На следующий день «Бреслау» обстрелял Потю, выпустив по городу 81 снаряд [21, с. 63]. 26–27 октября (9–10 ноября) турецкие крейсера сопроводили в Трапезунд еще 5 транспортов с войсками. В этом же день командование Кавказской армии сообщило командованию Черноморского флота, что «для предстоящих операций Кавказской армии важно не допустить возможности для турок получить подкрепление и боевые припасы через ближайший и удобный для Эрзерума порт Трапезунд. Поэтому продолжение действий вверенного Вам Черноморского флота на перерез морских снабжений с Самсуном и Трапезундом имеет для Кавказской армии весьма важное значение» [12, л. 33]. Однако флот не располагал достаточными силами для одновременной блокады Босфора, портов Восточной Анатолии и перехвата турецких судов на морских сообщениях, так как новые боевые суда, строящиеся в Николаеве, еще не вступили в строй. Из-за нехватки сил командование флота избрало комбинированный метод. 2 (15) ноября эскадра в составе 5 линкоров, 2 крейсеров, вспомогательного крейсера «Алмаз» и 13 эскадренных миноносцев вышла к берегам Восточной Анатолии и обстреляла Трапезунд. Через три дня вышедшие из Батума заградители «Ксения» и «Константин» выставили мины у Трапезунда

(123), Полатхане (77), Унье (100) и Самсуна (100) [28, с. 57]. Получив сообщение о бомбардировке Трапезунда, германо-турецкие крейсера «Гебен» и «Бреслау» вышли на перехват русской эскадры и 5 (18) ноября встретились с ней у мыса Сарыч. Эта разовая операция флота не прекратила подвоз турецких войск на Кавказ. Крейсера «Гебен», «Гамидие», «Берк-И-Сатвет» и «Пейк» сопроводили в Трапезунд и Ризе в этот период еще семь транспортов, после этого обстреляв Батум и Туапсе. Обстрел Батума не стал неожиданностью для гарнизона крепости, так как старшина наблюдательного поста на форте № 2 сигнальный боцманмат Михаил Мадан первым обнаружил появление «Гебена», что дало возможность батареям заблаговременно подготовиться к отражению бомбардировки [6].

К этому времени на батареях Михайловской крепости в Батуме находились 6-дюймовые пушки Канэ (4), 6-дюймовые пушки в 190 пудов образца 1876 года (4), 75-мм морские пушки (2), полевые поршневые пушки (8), 10-дюймовые пушки (4), доставленные по просьбе морского командования в октябре 1914 года, и четыре прожектора [29, с. 223]. Положение крепости и Батумского района оставалось тяжелым. Фронт Приморского отряда проходил на большом участке в гористой труднодоступной местности. В тылу восстало мусульманское население Чорохского края. Приморский отряд в составе 264-го пехотного Георгиевского полка, двух морских батальонов, батальона пластунов, нескольких сотен пограничников и срочно переброшенного в этот район в октябре — ноябре 19-го Туркестанского стрелкового полка противостоял переброшенной из Константинополя 3-й пехотной дивизии в составе 8 тыс. солдат и 24 орудий.

Для поддержки Приморского отряда «Буг» и «Дыхтау» были вооружены артиллерией, частично взятой в крепости. В конце октября в Батумский отряд выделен эскадренный миноносец «Жаркий», в ноябре (начале декабря) прибыл эскадренный миноносец «Живой», которые своей артиллерией блокировали район Архаве-Хопа-Макриал [29, с. 158–159]. Батумскому порту пришлось нести большую нагрузку по снабжению Кавказской армии. В январе 1915 года в порту была организована брандвахтная служба, которую несли пароходы «Лазарев», «Таврида», «Теодор» и моторный катер «Дозор». Из забранных по военно-судовой повинности транспортов составлен отряд, в который вошли пароходы «Цесаревич Алексей Николаевич», «Св. Николай», «Принцесса Евгения Ольденбургская», «Рома-

нов», «Ай-Тодор», «Черномор», «Северная звезда», «Трапезунд» и «Принцип» [22, с. 142]. В период с 16 октября 1914 года по 29 января 1915 года у Батума и Потти наши минные заградители выставили 226 мин [21, с. 105, 108, 109].

В декабре 1914 года генерал Елшин был назначен на австро-германский фронт и начальником Приморского отряда и комендантом Батумской крепости был назначен генерал-майор В. П. Ляхов.

В январе 1915 года Ставка категорически приказала Черноморскому флоту совершенно прекратить подвоз подкреплений и снабжение Анатолийской армии морем, а 17 января поставила задачу флоту на 1915 год: «... в настоящий момент задача флота заключается в недопустимости высадки крупных сухопутных сил на нашей территории и в районе Юго-Восточной Анатолии» [23, с. 129]. Вступление в строй в октябре 1914 года четырех быстроходных эскадренных миноносцев типа «Новик» позволило усилить Батумский отряд. Согласно директиве Ставки в Батум был перебазирован 5-й дивизион миноносцев («Завидный», «Заветный», «Звонкий» и «Зоркий»), что позволило высылать на неприятельские коммуникации одновременно до трех миноносцев, район действий которых был расширен до мыса Керос. В конце февраля (начале марта) миноносцы «Жаркий» и «Живой» были выведены из состава Батумского отряда.

В декабре 1914 — январе 1915 года германотурецкий флот был ослаблен, в связи с чем резко снизилась из-за отсутствия конвоя переброска турецких войск на Кавказ морем. 13 (26) декабря 1914 года подорвался на минах у входа в Босфор крейсер «Гебен», а 20 декабря (2 января 1915 года) подорвался на mine и вышел из строя до конца войны крейсер «Берх». Крейсер «Бреслау» в феврале — марте 1915 года находился в ремонте, а 18 июля подорвался на mine при выходе из Босфора и находился в ремонте до февраля 1916 года. В первой половине января 1915 года Кавказская армия разгромила у Ардагана и Саракамыша IX и X турецкие корпуса, а затем разбила турецкие войска у Караургана и Ени-Кея. В феврале — марте 1915 года, используя общую обстановку на Кавказе, Приморский отряд очистил Чорохский край от турок и восставших аджарцев, устранив опасность для Батума. В этот период турецкие крейсера иногда появлялись в районе наступления Приморского отряда. Так, в первых числах января крейсер «Бреслау» обстрелял кордон у границы, в конце января (6 февраля) 1915 года крейсер начал обстрел Батума, но, увидев отряд из четырех миноносцев, сделав по ним 50 выстрелов, ушел

в море [21, с. 75, 80; 28, с. 70]. Через два дня русские крейсера обстреляли Трапезунд.

На морских сообщениях у побережья Восточной Анатолии летом 1915 года действовали в основном миноносцы Батумского отряда. Иногда в этот район высылались поодиночке или группами миноносцы из Севастополя для действий на коммуникациях противника. 12 (25) июля 1915 года миноносцы в районе Самсун–Батум потопили 175 турецких парусников с грузом провизанта и военных припасов и обстреляли портовые сооружения в Самсуне, Унье и Ризе. С 11 по 16 (24–29) июля четыре миноносца уничтожили возле Самсуна более 150 парусников, с 18 по 21 июля (31 июля — 4 августа) три миноносца в районе Самсуна, Чива, Фац, Орду, Вона и Керасунда потопили свыше 120 парусников. 18 июля (1 августа) в районе Хопа и Ризе эскадренные миноносцы «Живой» и «Живучий» отправили на дно 46 парусников, а с 15 (28) августа по 20 августа (3 сентября) миноносцы «Лейтенант Пущин», «Завидный», «Заветный» и «Зоркий» уничтожили в районе Керасунда, Вона и на берегу 319 парусников, в ряде пунктов обстреляв мосты и административные здания [25, с. 217; 31, с. 391].

В июне — сентябре 1915 года в Черное море вошли германские подводные лодки. В сентябре 1915 года Болгария объявила войну странам Антанты и предоставила в Евксинограде под Варной базу для германских лодок. Опасения подводной угрозы казались столь серьезными на Черноморском флоте, что эскадренные броненосцы в июне — сентябре выходы к берегам противника прекратили, и только с вводом в строй новых линейных кораблей «Императрица Мария» и «Императрица Екатерина Великая» и эскадренных миноносцев выходы основных сил флота возобновились.

Во второй половине 1915 года германские подводные лодки совершали в основном походы в районы Одессы и Крыма. В восточный район Черного моря в этот период было совершено только два похода — в сентябре и ноябре. Лодки потопили в районе Абуиса, Сочи и Туапсе четыре парусника и два транспорта и поставили минные заграждения [14, с. 405; 21, с. 174–176]. Учитывая возросшую минную опасность, Батумскую партию траления к августу 1915 года укомплектовали восемью пароходами (1000–2000 т), полученными от РОПиТ и других обществ [17, с. 68].

9 сентября директивой Ставки были определены задачи Черноморскому флоту — препятствовать подвозу угля и военной контрабанды в Босфорский район и оказывать содействие Кавказской армии, для чего выделить в распоряже-

ние начальника Батумского района соответствующие силы [31, с. 396].

Накануне наступления Кавказской армии на Эрзерум, 17 (30) января 1916 года в распоряжение генерала Ляхова для поддержки отряда с моря был отправлен линкор «Ростислав», канонерская лодка «Кубанец», миноносцы «Лейтенант Пущин» и «Живой», которые присоединились к Батумскому отряду, в который входили канонерская лодка «Донец» и миноносцы «Строгий» и «Стремительный». Возглавил Батумский отряд капитан 1 ранга М. М. Римский-Корсаков.

23 января (5 февраля) 1916 года при поддержке Батумского отряда судов началось наступление Приморского отряда в районе Архаве — Вице. Для поддержки наступления вдоль побережья и одновременно с целью возможного набега германо-турецких крейсеров, 24 января (6 февраля) в район наступления пришла 2-я маневренная группа Черноморского флота, и линкоры «Пантелеймон» и «Иоанн Златоуст» поддержали огнем наступающие части. Через пять дней маневренная группа вернулась в Севастополь [28, с. 124].

В ходе Эрзерумской операции турки мобилизовали все возможности флота для срыва наступления Приморского отряда. На быстроходных «Гебене» и «Бреслау» в Трапезунд были доставлены пополнение и грузы [21, с. 186, 188]. Активизировали деятельность германские подводные лодки в восточной части Черного моря. В марте 1916 года в этом районе оперировали подводные лодки U-33 и UB-14. U-33 во время похода 30–31 марта утопила парусник, пароход, госпитальное судно «Португалия» и обстреляла Сухум [14, с. 408; 21, с. 66]. На госпитальном судне погибли уполномоченный Красного Креста граф Татищев, врач, 16 сестер милосердия и 79 санитаров и членов команды.

Эрзерум был взят Кавказской армией 3 (16) февраля 1916 года, успешно продвигались вперед и части Приморского отряда, взяв 22 февраля (7 марта) Ризе. Успехам отряда способствовала высадка десантов в тылу неприятеля с мелкосидящих азовских шхун. 28 февраля (13 марта) мичман Плеханов высадился с восемью матросами одного из морских батальонов в тылу турок, взял в плен десять солдат, устроил переправу через р. Колопотамус и этим «способствовал захвату наступающими частями неприятельских позиций». За свой подвиг лейтенант Плеханов был награжден орденом Св. Георгия 4 ст. [2].

Отступающей турецкой армии необходимы были резервы, которые двигались к фронту по горным дорогам. Удобный путь доставки резервов и воинских грузов по морю был ненадежен

из-за отсутствия транспортов и надежного конвоя. Крейсеру «Бреслау» удалось прийти в Трапезунд в этот период только два раза. Обстреляв позиции русских войск в заливе Сурмине, 21 марта (3 апреля) крейсер двинулся к Батуму, но, встретившись с маневренной группой во главе с линкором «Императрица Мария», ушел в море, пользуясь преимуществом в скорости [30, с. 69].

Но и для успешного наступления Приморского отряда нужны были свежие силы. По приказу Ставки для усиления отряда были направлены 1-я и 2-я пластунские бригады, снятые с Западного фронта. Посадка батальонов была произведена в Одессе. Далее пластуны на транспортах под охраной гидрокрейсеров и миноносцев шли к Ризе. Мористее конвой прикрывали линкоры «Императрица Мария», «Императрица Екатерина Великая» и миноносцы. Накануне высадки в Ризе пришли транспорты «Тревориан» и «Бурдейль» личным составом двух баз высадки с плавучими средствами. Сетевой заградитель «Аю-Даг» поставил противолодочные сети, ограждая стоянку транспортов [29, с. 158–159]. Германская подводная лодка пыталась помешать высадке, но была отогнана эскадренными миноносцами и гидросамолетом. 31 марта (13 апреля) для усиления Батумского отряда пришел линкор «Пантелеймон». 1 (14) апреля части Приморского отряда заняли Сурмине, а 3 (16) турки оставили Трапезунд, главную базу снабжения своей 3-й армии. В ходе боев за Трапезунд флот высадил в период с 4 по 7 (17–20) марта в тылу противника три тактических десанта.

Начальником Трапезундского укрепрайона был назначен генерал-майор А. В. Шварц, бывший до этого комендантом Карской крепости, начальником Трапезундского порта стал контр-адмирал В. И. Лукин. После решения задач в порту он вернулся на должность флагмана 2-й бригады линкоров. Для обороны Трапезунда и его района с моря в Батумский отряд вошли линкоры «Евстафий» и «Иоанн Златоуст». Эскадренные миноносцы продолжали бороться с военной контрабандой в этом районе, только 1 (14) апреля эскадренные миноносцы «Пронзительный» и «Беспокойный» уничтожили к западу от Трапезунда 58 парусников [28, с. 130]. Для усиления Приморского отряда по решению Ставки из Мариуполя в Трапезунд флотом в мае 1916 года были переброшены 127, а затем 123 пехотные дивизии. Первая дивизия на тридцати транспортах вышла из Мариуполя 3 (16) мая под конвоем двух крейсеров, двух гидрокрейсеров и эскадренных миноносцев. Линкор «Императрица Мария» в сопровождении миноносцев шел мористее конвоя, а линкор «Императрица Екатерина Великая»

держался у Босфора, блокируя возможный выход германо-турецких крейсеров. 6 (19) мая была высажена 127-я пехотная дивизия, 123-я пехотная дивизия была высажена 20 мая (2 июня).

Не имея возможности направлять постоянно в этот район крупные боевые суда, германо-турецкое командование постоянно держало здесь подводные лодки. В конце апреля — конце июля на позициях от Туапсе до Керасунда находились подводные лодки: UB-7 (4 раза), UB-14 (2 раза), U-38 (2 раза), U-33 и UB-8 по одному разу [21, с. 202]. Лодка U-38 была самая результативная, потопив три транспорта, пароход и три парусные шхуны, UB-45 потопила два транспорта, UB-7 — транспорт и пароход. Подводные лодки потопили у Батума 25 июня (9 июля) 1916 года еще одно госпитальное судно — «Вперед».

Для борьбы с подводными лодками неприятеля командование Черноморского флота пыталось по примеру англичан использовать суда-ловушки, которые они использовали с марта 1915 года [32, с. 135]. С этой целью были переоборудованы парусно-моторные шхуны «Елизавета Волонти-Дио» и «Евангелистрия» и зачислены в состав отрядов и средств борьбы с подводными лодками. Первое и единственное столкновение судно-ловушки произошло под Севастополем 19 апреля (2 мая) 1916 года с германской подводной лодкой UB-7. Г. Лорей описывал эту встречу так: «После длительного преследования выстрелом и сигналом шхуне было предложено остановиться. Когда при дальнейшем преследовании дистанция начала уменьшаться, UB-7 открыла огонь. Шхуна спустила паруса, но мотор ее продолжал работать, ввиду чего подводная лодка продолжала стрелять. С дистанции 20 км (11 кабельтовых) парусник внезапно открыл орудийный и ружейный огонь, так что UB-7 была вынуждена быстро погрузиться. Противолодочное судно-ловушка, здесь впервые наблюдавшееся, работало чрезвычайно удачно» [21, с. 198]. Однако при переоборудовании были допущены досадные промахи — судам был придан боевой вид вытянутым рангоутом, а корпус окрашен в шаровый цвет, и поэтому они легко угадывались впоследствии противником. В дальнейшем суда-ловушки действовали в районе «ту-

рецких вод между Керасундом и Терибли», о чем сообщалось приказом по флоту [1], в августе 1917 года обе шхуны были зачислены в состав отряда судов Восточной части Черного моря [4].

Приморский отряд продолжал с боями продвигаться вдоль побережья Анатолии. В июле 1916 года был взят г. Фолу между Трапезундом и Керасундом. Кавказская армия вышла на линию фронта г. Фолу — южнее озера Ван — юго-западнее озера Урмия (в Иране). В боях 20 июня — 22 июля (4 июля — 8 августа) отличились матросы 1-го батальона Черноморского флота, награжденные Георгиевскими крестами и медалями [9]. В июне Приморский отряд был преобразован в 5-й армейский корпус. В это время на Батум базировались 2-я бригада линкоров («Евстафий», «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон»), крейсера «Память Меркурия» и «Алмаз» и 5-й дивизион эскадренных миноносцев. Кроме того, на Батум, Ризе и Трапезунд базировались четыре миноносца, две канонерские лодки, две подводные лодки («Налим» и «Скат»), два отделения тральщиков, отряд сторожевых катеров и два отряда гидросамолетов. В июле 1916 года адмирала А. А. Эбергарда на посту командующего Черноморским флотом сменил вице-адмирал А. В. Колчак, который провел целый ряд операций по минированию пролива Босфор и портов Болгарии и Румынии. В результате после октября 1916 года германо-турецкие надводные и подводные суда у берегов Восточной Анатолии не появлялись. В сентябре — октябре были усилены группировка морской авиации и береговая оборона. В Ризе, Трапезунде, Батуми, Сухуми и Платане базировались гидросамолеты 9-го и 12-го авиационных отрядов 2-й бригады Черноморской воздушной дивизии [28, с. 163; 13, с. 22]. 15 августа у мыса Пицунда три гидросамолета 9-го авиаотряда шестью бомбами атаковали подводную лодку U-33, находившуюся в надводном положении. Лодка после атаки, не исчерпав запаса автономии, возвратилась на базу в Варну [19, с. 86].

В августе — сентябре 1916 года на всех важнейших приморских пунктах были установлены береговые батареи [11; 31, с. 433]:

Новороссийск	№ 3	Отдельная позиционная батарея Канэ (152-мм)
Туапсе	№ 6	Отдельная позиционная батарея Канэ (152-мм)
Хоста	№ 3	Прибрежная батарея 6-дюйм. пушек в 190 пудов
Сухум	№ 10	Отдельная позиционная батарея Канэ (152-мм)
Поти	№ 4	Прибрежная батарея 6-дюйм. пушек в 190 пудов
Ризе		Две батареи пушек Канэ (152-мм)
Трапезунд		Батарея Канэ (152-мм) Батарея 254-мм пушек

В конце июля — августе 1916 года, в связи с вступлением 12 (25) августа Румынии в войну на стороне Антанты и открытием нового фронта, в Севастополь ушли канонерские лодки, линкоры и подводные лодки. В конце года с фронта были сняты 1-й и 2-й морские батальоны и отправлены в Севастополь на укомплектование формируемой Отдельной Черноморской морской дивизии. В середине августа была учреждена должность начальника Отряда судов и портов Восточной части Черного моря, на которую был назначен контр-адмирал князь Н. С. Путятин. В состав отряда входили восемь эскадренных миноносцев, четыре тральщика, транспорта и вспомогательные суда. С 19 декабря 1916 по 13 апреля 1917 года транспортом было перевезено в порты Кавказа и Лизистана около 62 тысяч человек, более 9 тысяч лошадей и голов скота и 145 тысяч тонн грузов [16, с. 390].

Ввиду стабилизации фронта усилились разведывательно-диверсионные операции в тылу турецких войск. Десанты отвлекали значительные силы противника для обороны береговых объектов, заставляя держать в каждом прибрежном пункте не менее роты ополченцев и до 100 жандармов, а в наиболее крупных пунктах — целые воинские части. Успехи русской армии на Кавказе вызвали и активизацию борьбы армянского и греческого населения в восточных районах Турции. С 10 июля по 25 августа было высажено восемь партий разведчиков численностью 160 человек [31, с. 434].

В сентябре 1916 года одна из разведывательных партий, возвращаясь из разведки на берег, захватила лодку и пошла на веслах в Трапезунд. В море лодку атаковал турецкий катер, но несмотря на пулеметный и ружейный огонь с катера, разведчики забросали его гранатами и дошли в пункт назначения. Эта группа высаживалась в тылу неприятеля более десяти раз [7]. 11 (24) октября группа разведчиков высадилась у р. Терме между турецкими постами, доставила оружие в горы и сформировала из соотечественников отряд в 150 человек. 20 октября (2 ноября) отряд подошел к местечку Терме и напал на него. Одновременно с эскадренного миноносца «Капитан Сакен» были высажены еще одна партия разведчиков и десант матросов. Совместным ударом местечко было захвачено и удерживалось сутки. Были уничтожены линии связи, склады и много фелюг с грузом [3]. 2 (15) декабря с того же миноносца был высажен десант у с. Бафра, 15 (28) января 1917 года эскадренные миноносцы совершили набег на Самсун, где артиллерийским огнем уничтожили большое количество парусных судов.

В задаче, поставленной Ставкой Верховного главнокомандующего Черноморскому флоту, приказывалось «прекратить каботажное плавание мелких судов противника вдоль побережья Анатолии периодическими внезапными набегами эскадренных миноносцев на пункты скопления судов (Самсун, Синоп, Эрегли и другие)» [23, с. 222]. Эта задача успешно выполнялась до сентября 1917 года, несмотря на революционные события в России. В начале апреля был высажен десант в устье р. Терме, который сжег турецкий наблюдательный пост, сожжены парусные суда, а десять с грузом отведены в Трапезунд [26, с. 102]. 23 марта (5 апреля) был снова высажен десант в том же районе с миноносца «Завидный», который, несмотря на ожесточенное сопротивление противника, уничтожил связь и парусные суда [6]. 13 (26) мая разведгруппа, высаженная с миноносца «Стремительный» на мысе Чива, разгромила жандармский пост, уничтожила склад и четыре парусные лодки [8]. 4 (17) мая высаженный десант с подводной лодки «Кашалот» в районе Керемпе-Амастро уничтожил верфи и корпуса строящихся лодок на стапелях [5]. В середине августа (начале сентября) с миноносцев был высажен десант в Орду. Миноносцы обстреляли порт, а десант разрушил казенные здания, взорвал одиннадцать моторных и семь парусных судов [27, с. 121]. Выполняя указание Ставки, в июле с Черноморского флота отправлены несколько сот матросов на укомплектование флотилий на озерах Ван и Урмия.

25 октября (7 ноября) 1917 года произошли два события, которые стали поворотными в жизни государства. В этот день на Дону начался контрреволюционный мятеж генерала А. М. Каледина, а вечером в Петрограде открылся II Всероссийский съезд Советов, провозгласивший Советскую власть. В октябре германские подводные лодки вновь появились в районе Туапсе — Анакрия, потопив несколько судов и обстреляв береговую батарею в Туапсе [21, с. 268–269]. Созданный 15 (28) ноября Закавказский комиссариат (правительство Закавказья — Азербайджана, Армении и Грузии), проводивший политику отторжения Закавказья от России, 5 (18) декабря подписал соглашение с Турцией о прекращении военных действий, опередив заключение перемирия между Россией и Германией на десять дней. Кавказский фронт развалился, и перед Транспортной флотилией Черноморского флота стала задача — эвакуировать из кавказских портов десятки тысяч солдат, причем в обстановке недоверия к офицерам. В декабре 1917 года в районе Трапезунд — Батум

вспыхнула эпидемия чумы, и для борьбы с ней в район эпидемии были направлены санитарно-дезинфекционный и эвакуационный отряды во главе с флагманским врачом Штаба начальника высадки в Черном море профессором Г. Д. Белановским.

Источники и литература:

1. Библиотека Музея КЧФ РФ. Приказ Командующего Черноморским флотом № 103 с от 24.03.1917.
2. Библиотека Музея КЧФ РФ. Приказ Командующего Черноморским флотом № 2209 от 30.05.1917.
3. Библиотека Музея КЧФ РФ. Приказ Командующего Черноморским флотом № 2905 от 10.07.1917.
4. Библиотека Музея КЧФ РФ. Приказ Командующего Черноморским флотом № 194 с от 05.08.1917.
5. Библиотека Музея КЧФ РФ. Приказ Командующего Черноморским флотом № 3268 от 05.08.1917.
6. Библиотека Музея КЧФ РФ. Приказ Командующего Черноморским флотом № 3597 от 26.08.1917.
7. Библиотека Музея КЧФ РФ. Приказ Командующего Черноморским флотом № 3598 от 26.08.1917.
8. Библиотека Музея КЧФ РФ. Приказ Командующего Черноморским флотом № 4941 от 01.12.1917.
9. Библиотека Музея КЧФ РФ. Приказание Командующего Черноморским флотом № 2705 от 02.07.1917.
10. ГАГС, ф. Р-567, оп. 6, картотека.
11. НМГОиОС, А-1131. Боевое расписание флота.
12. РГАВМФ, ф. 609, оп. 3, д. 519.
13. Александров А. О. Победы, потери... — СПб., 2000.
14. Боевая летопись русского флота. — М., 1948.
15. Военная энциклопедия. — СПб., 1914. — Т. 14.
16. История первой мировой войны 1914–1918 гг. — М., 1975. — Т. 2.
17. Климовский С. Д. Тральщики Черноморского флота, переоборудованные из торговых судов//Судо-строение. — 1989. — № 9.
18. Козлов Д. Ю. «Странная война» в Черном море (август — октябрь 1914 года). — М., Квадрига, 2009.
19. Козлов Д. Ю. Топить лодки ... тараном//Морской сборник. — 1994. — № 8.
20. Корсун Н. Г. Первая мировая война на Кавказском фронте. — М., 1946.
21. Лорей Г. Операции германо-турецких морских сил в 1914–1918 гг. — М., 1934.
22. Лукин В. К. Заметки о боевой деятельности Черноморского флота в период 1914–1918 гг. — СПб.: Petronius, 2008.
23. Ляхович А. А. Боевые действия Черноморского флота во время блокады пролива Босфор в первой мировой войне: диссертация на соискание ученой степени кандидата военно-морских наук. — 1951.
24. Монастырев Н. А. На «Жарком». (Действия эсминца на Черном море в ноябре 1914 года)//Бизертинский морской сборник. 1921–1923: избранные страницы. — М.: Согласие, 2003.
25. Морской сборник. — 1915. — № 8.
26. Морской сборник. — 1917. — № 5–6.
27. Морской сборник. — 1917. — № 8.
28. Некрасов Г. У врат Царьграда. Боевые действия Черноморского флота в войне 1914–1917 гг. — СПб.: ООО «Риф Стела», 2002.
29. Новиков Н. В. Операции на Черном море и совместные действия армии и флота на побережье Лизистана. — Л., 1927.
30. Операции на Черном море в мировую войну в освещении германской официальной морской истории//Морской сборник. — 1934. — № 10.
31. Флот в первой мировой войне. — М., 1964. — Т. 1.
32. Чаттертон К. Суда-ловушки. — М., 1940.

III. СЕВАСТОПОЛЬ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ (1917–1920 гг.)

ТЕРЕЩУК Н. М.

ОКТАБРЬ 1917. СРОЧНО. ЦИРКУЛЯРНО. ПО ВСЕМ УЧРЕЖДЕНИЯМ РОССИИ

В 1917 году Севастополь, являвшийся главной базой Черноморского флота и имевший статус градоначальства, стал местом столкновения как державных, так и партийных интересов. Ключевое геополитическое положение обусловило не всегда бескровное решение многих вопросов. Но это будет немного позже. А в октябре 1917 года Севастополь, как и вся страна, оказался на пороге кардинальных перемен. Прежде чем в город поступили газеты из Петрограда и Москвы с призывом низвержения государственного строя, работники Севастопольской почтово-телеграфной конторы стали получать телеграммы. Они поступали из Петрограда, Одессы, других городов в тот день, когда произошла смена государственного строя, захват власти, вооруженное восстание, получившее со временем громкое и красиво звучащее название — Великая Октябрьская социалистическая революция. В силу своих должностных обязанностей телеграммы первыми приняли работники связи. Эти документы, хранившиеся в Государственном архиве города Севастополя, только с недавнего времени начали частично вводиться в научный оборот [1].

25 октября в 7 часов 30 минут из Одессы в Севастополь поступает первая телеграмма с сообщением о свершившейся революции: «В связи с выступлением большевиков окружной комитет призывает товарищей сохранять спокойствие, не делать отдельных выступлений... Будем держать в курсе происходящих событий. Сообщаем для сведения и исполнения циркулярную ЦК потель (Центральный комитет союза почтово-телеграфных и телефонных служащих — авт.) «Большевики Петрограда, других местах, пытаются захватить власть, грозят гибелью революции и срывом Учредительного собрания...» [2, л. 173]. Вслед за этой телеграммой с грифом «экстренно» из Петрограда поступает следующая: «Телеграф Петрограда занят большевиками. Просим все телеграммы, призывающие ниспровержению Временного правительства, неисполнению боевых приказов, задерживать» [2, л. 171].

Вышли утренние газеты. Ничто не напоминало в них о свершившемся событии. Город жил

своей жизнью. В цирке Труцци готовился первый народный концерт симфонического оркестра, городским продовольственным комитетом было начато распределение обуви между учебными заведениями, а в списке кандидатов в Учредительное собрание от Черноморского флотского округа значилась и Надежда Островская, журналистка, 36 лет, баллотировавшаяся от РСДРП (большевиков), и вице-адмирал А. В. Колчак, беспартийный, 42 года, выдвинутый от партии народной свободы и беспартийных.

Телеграммы из Петрограда поступали одна за другой, дополняя друг друга. «Записка занятия телеграфа большевиками передана была спешно... Путем переговоров убедили их снять свой караул» [2, л. 172].

На севастопольском телеграфе с получением соответствующих мандатов было установлено круглосуточное поочередное дежурство членами потельсоюза с 8 часов утра 26 октября. В этот же день на внеочередное заседание собралась городская управа. Доминирующее настроение — растерянность.

Одесский окружной комитет, куда структурно входил Севастопольский союз почтово-телеграфных и телефонных служащих (потельсоюз), советует угрожать саботажем. «...Большевистское восстание не должно иметь в нашей среде никакой опоры... В случае попыток большевиков занять телеграф ставьте их в известность, что это является бесцельным, так как работать на их корреспонденцию не будем. Открытых столкновений с большевиками избегайте... Цензура депеш должна производиться членами местных почтово-телеграфных комитетов, приложив все усилия быстрой передачи и доставки распоряжений Временного правительства...» [2, л. 196–197].

Поступившую в Севастополь телеграмму от Керенского можно было расценить двояко — и как то, что Временное правительство делало попытку удержать власть в своих руках, и как выражение тревоги за страну. «Наступившая смута, вызванная безумием большевиков, ставит государство наше на край гибели и требует напряжения всей воли мужества и исполнения

долга... Каждый должен оставаться на своем посту и исполнить свой долг перед истерзанной родиной... 25 октября. Псков. Керенский» [2, л. 192]. В одном он был точно прав, когда говорил, что каждый должен оставаться на своем посту. Из центра также советовали служащим конторы не нарушать непрерывную работу почты и телеграфа, занять нейтральную позицию до выяснения политического положения, охранять телеграф от пользования им как средством распространения ложных сведений о текущих событиях. Нельзя было допустить, чтобы профессиональный почтово-телеграфный союз использовался как орудие борьбы политических партий.

Телеграмм было еще много. Неискушенный в высоком стиле Симферополь советовал: «Все их распоряжения не передавайте и провода перепутайте, вот и все. Говорите, что так Бог дал, и делу конец... Скоро будет конец их авантюре» [2, л. 219]. Передавали также, что большевики добивались получения из Госбанка 10 млн. руб., но им не удалось открыть кладовые, что арестована жена Керенского за срывание плакатов во-

енревкома, что «преступные банды озверелых большевиков» учинили над служащими в Ревеле, Царицыне и других городах грубое насилие, вплоть до арестов и убийств, в Москве грабят Кремль, разбиты исторические часы, и Луначарский не вынес картины поругания величайших национальных святынь и ушел.

Города протестовали, требовали «не позволять кучке авантюристов творить свое наглое дело» и принимали все это как «угар большевистской авантюры». Большевиков еще всерьез не воспринимали.

Члены союза почтово-телеграфных работников четко высказывали свою позицию о том, что не признают правительство, «основывающее свою власть на силе штыков и пулеметов и общем терроре» [2, л. 291].

И хочется отдать должное работникам связи, которые оставались верными своему долгу и в любой политической ситуации осознавали ответственность и важность своей работы.

Но время расставило свои точки над і.

Источники и литература:

1. Варфоломеевские ночи в Севастополе. Декабрь 1917 — февраль 1918 гг.: документы и материалы/Сост.: В.В. Крестьянников, Н.М. Терещук. — Севастополь, 2008.
2. Государственный архив г. Севастополя, ф. Р-578, оп. 1, д. 2.

КРЕСТЬЯННИКОВ В. В.

ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ В 1918 — МАРТЕ 1920 ГГ.

Накануне прихода в Севастополь германских войск, 29 и 30 апреля 1918 года, из города на Кавказ ушли линкоры «Свободная Россия», «Воля», эскадренные миноносцы «Дерзкий», «Фидониси», «Пронзительный», «Керчь», «Калиакрия», «Пылкий», «Поспешный», «Громкий», «Гаджибей», «Живой», «Жаркий», «Лейтенант Шестаков», «Капитан-лейтенант Баранов», «Сметливый», «Стремительный», несколько транспортов и быстроходных катеров.

Вошедшие в Севастополь германские войска захватили в бухте шесть старых линкоров, два крейсера, яхту, четырнадцать подводных лодок (в том числе четыре учебные), пять плавучих баз, три румынских крейсера и двенадцать эскадренных миноносцев [7, с. 27].

По приказу оккупантов 3 мая на всех оставшихся в Севастополе судах были спущены украинские флаги, поднятые в целях спасти флот и город от германской оккупации, и подняты германские.

10 июня из Новороссийска в Севастополь возвратились часть судов во главе с линкором «Воля», поставленные сначала в Стрелецкой бухте, а затем переведенные в Южную бухту.

Германским командованием, которое воспользовалось создавшейся ситуацией, были введены в строй несколько судов под немецкими флагами и с немецкими командами: плавучая мастерская «Флейе» (транспорт «Кронштадт»), крейсер «Память Меркурия», эскадренный миноносец «R-10» («Зоркий»), подводные лодки «US-4» («Гагара») и «US-3» («Утка»), пароходы «F-20» (№ 410), «F-21» (канонерская лодка «K-15»), «F-22» («Олимпиада»), «F-24» (№ 328), дивизион тральщиков, состоящий из четырех буксиров [11, с. 300–301]. Летом немцы ввели в строй еще два эскадренных миноносца: «Счастливым» и «Капитан Сакен», а в начале августа на внешний рейд был выведен крейсер «Кагул» с целью иметь возможность произвести обстрел города и бухт.

Вскоре под захват флота была подведена юридическая база — 24 сентября 1919 года Берлин вынудил представителя РСФСР А. Иоффе подписать документ, в котором говорилось, что бывший императорский Российский флот, являясь собственностью Республики, до заключения мира находится в управлении германского Адмиралтейства, он передается с возмещением потерь и вознаграждений Российской Республике после мирного договора [7, с. 23].

Однако военная и внутривластная ситуация сложилась не в пользу Германии, и, хотя немцы готовились защищать Севастополь, из Берлина 6 ноября была получена радиограмма с распоряжением — «кораблей не топить» [12, с. 118]. А 23 ноября в севастопольские бухты вошла англо-французская эскадра.

Союзники не собирались восстанавливать боеспособность Черноморского флота, и в течение недели из Севастополя в порты Средиземного моря были уведены линкор «Воля», яхта «Алмаз» и эскадренные миноносцы «Беспокойный», «Капитан Сакен», «Звонкий», «Зоркий» [12, с. 120].

Во второй половине 1918 года на побережье Азовского моря, занятого войсками генерала А. П. Богаевского, по инициативе морских офицеров создавались Донская (в Ростове-на-Дону) и Азовская (в Таганроге) флотилии. Первой была создана Донская флотилия под командованием капитана 1 ранга Я. И. Подгорного и контр-адмирала И. А. Кононова. Речные пароходы вооружались 3-дюймовой артиллерией и пулеметами, а на болиндеры ставились 6-дюймовые пушки Канэ. Азовская флотилия под командованием капитана 2 ранга В. И. Собоцкого вооружала бывшие в порту пароходы. В мае — июне 1919 года обе флотилии были расформированы. В конце августа 1918 года белые войска заняли Новороссийск, где моряки под командованием капитана 1 ранга С. И. Медведева в декабре реквизировали пароход «Полезный» и вооружили его двумя 75-мм пушками.

В течение января — марта 1919 года пароход находился у северо-западного побережья Азовского моря от Мариуполя до Геническа, прикрывая операции белых войск и охраняя Арабатскую стрелку [9, с. 31, 34].

24 января 1919 года генерал А. И. Деникин утвердил проект боевого расписания Черноморского флота, представленный адмиралом В. А. Каниным, находящимся в Севастополе. В состав флота входили: сильно запущенный крейсер «Кагул», миноносец «Живой», подводная лодка «Тюлень» и вспомогательные суда «Георгий» и «Николай» [12, с. 120].

В начале марта штаб Черноморского флота находился на линкоре «Три Святителя», брандвахта — списанный в 1912 году линкор «Георгий Победоносец», в составе флота числились подводная лодка «Тюлень», канонерские лодки «Донец» и «Кубанец», транспорты «Дунай», «Буг», «Италия». Однако действующий флот состоял из подводной лодки «Тюлень», не вполне исправного эсминца «Живой» и одной плавбатарей [7, с. 43].

Деятельность адмирала Канина была направлена на организацию работы транспортов. В феврале — марте 1919 года на ремонт в Севастопольский портовый завод были поставлены транспорты «Италия», «Превеза», «Поти», «Возрождение» и «Саратов», но к началу мая ремонт так и не был окончен [1, л. 15, 16, 38, 45]. В марте по приказу Главнокомандующего ВСЮР был создан отряд судов, действующих на реках, сформированный из вооруженных катеров.

В апреле 1919 года Красная армия начала наступление на юге и войска ВСЮР были вынуждены после боев эвакуироваться в спешном порядке из Одессы, Николаева и Херсона. 11 апреля части группы Крымского направления освободили Симферополь и Евпаторию и двинулись к Севастополю.

В апреле 1919 года командующим Черноморским флотом был назначен М. П. Саблин, произведенный А. И. Деникиным в вице-адмиралы [4]. По дороге из Екатеринодара в Новороссийск его догнал курьер с письмом о том, что Севастополь будет сдан дней через десять, поэтому его надо срочно эвакуировать. Прибыв в Севастополь, М. П. Саблин, несмотря на заверения французского адмирала Амета, что ничего внезапного не произойдет, все-таки приступил к подготовке эвакуации.

Во второй половине апреля своим ходом в Константинополь ушло 31 судно, на внешний рейд на буксире было выведено 35 судов и 9 быстроходных катеров [14, с. 389]. Оставшиеся в Севастополе французы и англичане, по соглашению с командованием Красной армии [13], подорвали орудия батарей крепости, испортили, уничтожили машины на судах флота, утопив десять подводных лодок и выбросив оружие в море [10, с. 77].

В Севастополе остались старые линкоры 2-й бригады, эскадренные миноносцы «Быстрый», «Завидный» и «Жуткий», посыльное судно «Казарский», тральщики «Альбатрос», «Баклан», «Роза», «Амалия», транспорты «Надежда», «Березань» и «Поти».

В Крыму частям белой армии удалось закрепиться на Ак-Монайских позициях, где их поддерживали огнем своей артиллерии крейсер «Кагул», подводная лодка «Тюлень», канонер-

ская лодка «К-15», вооруженный пароход «Полезный». Эта корабельная группировка поддерживалась огнем английских, греческих, французских и итальянских судов [9, с. 34].

В мае 1919 года вспомогательный крейсер «Цесаревич Георгий» и спасательный пароход «Черномор» привели с Тендеровской косы в Новороссийск канонерскую лодку «Кубанец» и пять пароходов, выведенных туда союзниками при эвакуации Одессы [3, л. 6; 5]. На косе остались пароход «Урания» с углем и материалами и три стоявшие на мели парохода — «Грегор», «Четырдаг» и «Константин». В связи с потерей многих судов флота и частных владельцев много работ предстояло выполнить Мариинской партии. Как отмечалось в журнале заседаний совета по управлению делами Севастопольского портового завода № 9 от 20 августа 1919 года, «Мариинская партия обеспечена работой не менее чем на семь месяцев». Предстояли работы на линкоре «Императрица Мария», на миноносце № 270 и эсминце «Заветный», в Геническе на ледоколе № 4 и пароходах «Перикл» и «Коршун», на пароходе «Батум» в Балаклаве, подъем судов на Тендеровской косе, на пароходе «Эльбрус» в Новороссийске, исполнение заказов частных лиц на подъем судов. Начальник Морского управления в Екатеринодаре дал распоряжение приступить к подъему хотя бы двух из семи затопленных под Новороссийском эскадренных миноносцев [1, л. 122].

В июне 1919 года приказом начальника Морского управления был сформирован (с 1 мая) отряд судов обороны Азовского моря в составе одиннадцати вооруженных катеров и четырех вооруженных шлюпок. Расформирован с 1 июля в связи с занятием Крыма и Азовского побережья белыми войсками ВСЮР [3, л. 7 об.–9]. В июне был расформирован отряд судов для действия на реках, а сформированный на его базе из восьми катеров 3-й дивизион катеров переброшен на Волгу, где шли бои за Царицын [3, л. 6].

Во второй половине июня 1919 года войска генерала Деникина начали наступление на Крымском полуострове. 18 июня у Коктебеля (Планерское) с крейсера «Кагул» (с 05.07.1919 «Генерал Корнилов») и катера «Дельфин» высажен десант под командованием генерала Я. А. Слащева, который двинулся вглубь Крыма.

21 июня при поддержке отряда судов под командованием капитана 2 ранга В. И. Собецкого (канонерские лодки «К-10», «К-12» и «К-15», три болиндера и три парохода) был высажен десант. При высадке погиб пароход «Перикл», а десант был частично уничтожен [7, с. 70].

В августе белая армия начала наступление в северо-восточной части Черного моря. Отрядом судов под командованием капитана 1 ранга П. П. Остелецкого (крейсер «Генерал Корнилов», эсминец «Живой», транспорт «Маргарита», тральщики «Роза», «Адольф», буксир «Доброволец», три катера и три баржи) был высажен десант в районе Одессы [7, с. 81].

Почти одновременно с операциями под Одессой велись крупные операции под Херсоном и Николаевом Кинсбурнским отрядом под командованием капитана 1 ранга В. В. Бубнова, в который входили лодки «Терец» и «Грозный», «К-10», эсминец «Живой», вооруженный пароход «Граф Игнатъев» и быстроходный катер № 405 [9, с. 37]. Поддержка флота была высоко оценена начальником 4-й дивизии генералом Слащевым и командиром 3-го корпуса генералом Шиллингом [3, л. 16]. По приказу адмирала Саблина на буксире были уведены в Севастополь транспорты и тральщики «Добыча», «Туркестан», «Юлия», «София», «Веста», «Березань», «Скиф», «Язон» и «Чурубаш».

С захватом Николаева и Одессы флот белых получил господство на всем Черном море. В операциях против этих пунктов главная работа, и даже можно сказать, вся работа практически была выполнена русскими белыми судами, союзники выполняли лишь вспомогательную работу. В этих операциях доминировали белогвардейцы, тогда как в боях под Ак-Монаем в апреле — мае основную помощь оказал союзный флот.

Находясь в Новороссийске, адмирал М. П. Саблин заново сформировал штаб флота, флотскую инфраструктуру, утвердил временные штаты структурных подразделений [2, л. 32; 3, л. 1, 1 об., 2, 5 об., 6 об.–7]. По состоянию на 14 августа в состав Черноморского флота входили: крейсер, вспомогательный крейсер, две канонерские лодки, 3 эскадренных миноносца, 3 подводные лодки, 6 тральщиков, 13 транспортов, отряд судов особого назначения, 4 дивизиона вооруженных катеров, портовые суда [3, л. 10–11 об.]. Конечно, немалая заслуга в этом была и начальника Морского управления ВСЮР адмирала А. М. Герасимова.

В этот период в штаб генерала Деникина шли телеграммы адмирала Колчака, требовавшего отстранения от должности Саблина (Деникин в конце мая признал адмирала Колчака верховным правителем Русского государства и верховным главнокомандующим армии) [2, л. 2]. Узнав о закулисной борьбе, адмирал Саблин 2 (15) августа направил генералу Деникину докладную записку о положении дел на флоте и о своих действиях, в конце которой было написано: «Жду вашего решения» [12, с. 131].

Сам Деникин описывал эти события так: «Флотские дела не кончились морским управлением. Тайные осведомители вовлекли в них и Омск, вызвав однажды вмешательство самого верховного правителя; от него получена телеграмма о недопустимости пребывания на командной должности генерала Саблина, который в это время состоял главным командиром портов Черного моря. Саблина, совершенно эмансипировавшегося к тому времени от центра и не выполнявшего приказаний морского управления, адмирал Герасимов заменил Ненюковым...» [8, с. 20]. 20 августа (3 сентября) генерал Деникин издал приказ об учреждении в должности командующего Черноморским флотом адмирала Д. В. Ненюкова, а М. П. Саблин был назначен главным командиром Севастопольского порта, с подчинением ему портов Черного и Азовского морей [2, л. 170].

В августе — октябре 1919 года союзники вернули линкор «Генерал Алексеев» («Воля», прибыл в Севастополь 17 октября), яхту «Алмаз» (8 сентября), эскадренные миноносцы «Беспокойный» (23 августа), «Капитан Сакен» (23 августа), «Звонкий» (7 сентября) и «Зоркий» (4 октября). Командир линкора в докладной записке писал: «Все что можно разворовано, оба брашпиля не действуют... Люди, раздеты и не обучены... очень все плохо. Лучше всего было бы идти на Мальту, там привести корабль в порядок и к 1 апреля 1920 года он сможет вступить в строй» [7, с. 94–95]. Не в лучшем состоянии были и другие суда, находившиеся в Севастополе.

На крейсере «Генерал Корнилов» необходимо было отремонтировать освещение, «задраить» борта, открытые для снятия артиллерии, отремонтировать рефрижераторную машину, изолировать паропроводы, отремонтировать коллекторы и проч.

На яхте «Алмаз» — проконопатить верхнюю палубу, очистить и окрасить корпус, произвести ремонт кают и парового отопления. К 1 января 1920 года было готово только 15 кают.

На эскадренном миноносце «Капитан Сакен» — ремонт ручных помп, водяного трубопровода, котлов, насосов, замена подшипников в машине и гребном валу и т. д.

На эскадренном миноносце «Беспокойный» — окраска корпуса, ремонт электропроводки и электрооборудования, приборов в котельной, отцементировать цистерны, ремонт левой турбины и турбо-динамомашин и др.

Практически все суда нуждались в доковании, в очистке и окраске корпуса [1, л. 139–148, 149–156, 176–182, 391–392].

Отсутствие материалов, бензина, карбита, ацетилена, топлива вынуждало Севастопольский

портовый завод постоянно переносить срок окончания ремонта судов. Но вместе с тем, завод в течение июля — ноября 1919 года выполнил заказы только Морского ведомства на 24 135 159 руб. 77 коп. [1, л. 319–331 об.]. Основную тяжесть ремонтных работ в 1919–1920 годах взял на себя Севастопольский портовый завод, который ремонтировал не только суда, но и паровозы, подвижной состав, бронепоезда и т. д.

Осенью 1919 года отряды Махно начали наступление на побережье Азовского моря, где находились малочисленные гарнизоны белой армии. 6 (19) октября махновцы ворвались в Мариуполь и пришлось срочно эвакуировать гарнизон. Отряд В. В. Бубнова поддерживал гарнизон с моря. В этот же день эскадренный миноносец «Живой» огнем и высаженным десантом очистил деревни Горелое и Кирилловку от махновцев, и на другой день они отошли к Ефимовке. 14 (27) октября вспомогательный крейсер «Цесаревич Георгий» обстрелял Покровское, а на следующий день болиндеры без выстрелов заняли Бердянск.

25 сентября (8 октября) 1919 года Главком ВСЮР Деникин утвердил боевое расписание флота на период с 1 сентября 1919 года по 1 сентября 1920 года. В составе флота находились: крейсер «Генерал Корнилов», вспомогательный крейсер «Цесаревич Георгий», эскадренные миноносцы «Поспешный», «Живой», «Жаркий», подводные лодки «Гюлень» и «Утка», вооруженные суда (канонерские лодки) «К-12», «К-11», «К-3», «К-17», «Днепровец», «Терец», «Грозный», два посыльных судна, шесть тральщиков, шесть транспортов и спасательный пароход «Черномор». Сравнительно исправными только были «Генерал Корнилов», посыльное судно «Буг», тральщики «Альбатрос» и «Роза», транспорты «Екатеринодар» и «Поти». В ремонте находились два эсминца, две подводные лодки, пять тральщиков и три транспорта [7, с. 95].

В начале января 1920 года части Красной армии с боями освободили Бердянск и Таганрог, а в начале февраля вплотную подошли к Крыму.

Согласно директиве от 25.12.1919 (07.01.1920) флоту было приказано обеспечить поддержку правому фронту Перекопских позиций силами отряда капитана 2 ранга Н. Н. Машукова (канонерские лодки «Терец», «Грозный», и «Георгий», ледоколы «Гайдамак» и № 1). Поддержку левого фланга Перекопских позиций обеспечивал отряд капитана 1 ранга В. И. Собоцкого (болиндеры «К-1» и «К-2», тральщики «Альбатрос» и «Баклан», транспорты «Моряк» и «Харакс»). Этому отряду была поставлена задача воспрепятство-

вать переправе частей Красной армии через Каркинитский и Перекопский заливы [9, с. 40–41]. У Тендеровской косы было установлено постоянное наблюдение за Одессой и Очаковым. Там находились крейсер «Генерал Корнилов» и другие суда. В портах стационарами стояли: в Одессе — эсминец «Капитан Сакен» и «Жаркий», в Батуме — яхта «Колхида», у берегов Кавказа — эсминцы «Беспокойный», «Поспешный», вспомогательные суда «Буг» и «Георгий». В конце января 1920 года перешли в наступление грузинские части и на помощь Кавказскому отряду был послан крейсер «Генерал Корнилов» [7, с. 230]. В это же время на Кавказском побережье Черного моря активизировали свою деятельность отряды «зеленых». На борьбу с ними в район Кабардинки и Геленджика выходили эсминцы «Беспокойный», «Пылкий», «Капитан Сакен», посыльное судно «Летчик» и подводная лодка «Буревестник».

В феврале части 3-го корпуса генерала Я. А. Слащева предприняли контрудар на севере Крыма и отбросили Красную армию в Северную Таврию. Но это не остановило общего наступления Красной армии на юге.

Источники и литература:

1. Государственный архив города Севастополя (ГАГС), ф. Р-253, оп. 2, д. 2.
2. ГАГС, ф. Р-567, оп. 6, д. 81.
3. ГАГС, ф. Р-567, оп. 6, д. 169.
4. Приказ Главкома ВСЮР от 14.04.1919 № 663.
5. Приказ Главкома ВСЮР от 21.05.1919 № 976.
6. Российский государственный архив Военно-морского флота, ф. Р-72, оп. 1, д. 14.
7. Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. 3. — Л., 1925.
8. Деникин А. И. Поход на Москву — К., 1990.
9. Кодесников Н. З. Краткий очерк белой борьбы под андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917–1922 гг. — Л., 1991.
10. Крестьянников В. В. Вице-адмирал М. П. Саблин//Тайна великой княжны. Полуденный альманах. — Москва — Симферополь, 1998.
11. Лорей Г. Операция германо-турецких морских сил в 1914–1918 гг. — М., 1934.
12. Лукин В. Верхи белого морского командования вооруженных сил юга России и взаимоотношения с союзниками англичанами и французами 1918–1920 гг. //Морской сборник. — 1927. — № 7.
13. Прибой. — 1919. — 25 апреля. — № 430.
14. Севастополь: хроника революций и гражданской войны 1917–1920/Сост. В. В. Крестьянников. — Севастополь, 2007.

ИВИЦКАЯ О. Е.

«ДВАДЦАТЫЙ ГОД — ПРОЩАЙ, РОССИЯ». (По воспоминаниям участников событий)

«Над Черным морем, над белым Крымом
Летела слава России дымом.
Над голубыми полями клевера
Летели горе и гибель с Севера.
Летели русские пули градом,
Убили друга со мною рядом,
И Ангел плакал над мертвым ангелом...
Мы уходили за море с Врангелем».

3 февраля 1920 года был освобожден Николаев, а 7 февраля — Одесса. В этот же день в Одессу были посланы эсминцы «Зоркий» и «Пылкий», но было уже поздно. В январе — феврале Кавказский фронт начал наступление, в результате которого были разгромлены войска ВСЮР на Северном Кавказе.

3 (16) марта 1920 года в районе Хорлы в тыл частей Красной армии с вспомогательного крейсера «Цесаревич Георгий», посыльного судна «Веста» и транспорта «Волга» был высажен десант. Но было уже поздно, из Анапы в Крым из более чем 400-тысячной армии было эвакуировано на судах Азовского отряда капитана 1 ранга Машукова около 20 тысяч человек и несколько тысяч лошадей.

27 марта командование ВСЮР объявило Крым на осадном положении, а 4 апреля генерал Деникин подписал приказ о назначении генерал-лейтенанта барона Врангеля главнокомандующим ВСЮР [6, л. 66]. Врангель вновь назначил командующим Черноморским флотом вице-адмирала М. П. Саблина.

Автор этих строк Владимир Алексеевич Смоленский девятнадцатилетним юношей покинул родину, а умер в Париже в 1961 году поэтом русского зарубежья [1, л. 8–9].

В тяжелые годы революционных потрясений и гражданской войны именно в Крыму и Севастополе произошли самые значительные события, связанные с борьбой белой армии и ее исходом

в эмиграцию. Долгие годы господствующая советская идеология давала возможность узнавать об этих событиях по сложившимся стереотипам. Не изжиты они еще и сегодня.

Однако пришло время, и теперь широкая общественность получила возможность ознакомиться со многими подлинными документами того периода. Особенный интерес представляют воспоминания участников Крымской эвакуации. В них представлен широкий спектр различных точек зрения, не только освещаются трагические события, но и рассказывается о деятельности учреждений, организаций Севастополя и Крыма осенью 1920 года. Личные переживания авторов присутствуют в каждом из воспоминаний.

Всю мемуарную литературу о тех днях условно можно разделить на несколько групп:

Воспоминания генерала П. Н. Врангеля и его соратников.

Воспоминания представителей так называемой «оппозиции» П. Н. Врангеля из числа генералитета белой армии.

Воспоминания офицеров и рядовых белой армии.

Воспоминания гражданских лиц.

Как воспоминания в данном случае мы рассматриваем и мемуары, и дневниковые записи, и небольшие заметки авторов. Конечно, в кратком изложении невозможно охватить весь имеющийся огромный пласт документов того времени. Остановимся на некоторых из них, самых ярких и характерных, ограничив тему только последними днями пребывания Русской армии под командованием генерала П. Н. Врангеля в Крыму, т. е. самой эвакуацией.

Говоря о мемуарных произведениях тех лет прежде всего хочется остановиться на воспоминаниях самого генерала П. Н. Врангеля. Они представляют собой своеобразный дневник, вышедший под названием «Записки», в двух книгах, который был напечатан в альманахе «Белое дело» в 1928 году в Берлине. В текст изложения событий гармонично включены документы тех дней, строго соблюдается хронология, присутствуют выводы автора по изложенному материалу. В «Записках» подробно описаны и последние дни пребывания Русской армии в Крыму.

29 октября (11 ноября) 1920 года вышел известный приказ генерала Врангеля об эвакуации, в котором он писал, что «для выполнения долга перед армией и населением сделано все, что в пределах сил человеческих. Дальнейшие пути наши полны неизвестности» [3, с. 208–209].

Одновременно было выпущено сообщение, в котором правительство предупреждало всех

о тех тяжелых испытаниях, какие ожидают выезжающих за пределы России. Говорилось, что недостаток топлива приведет к большой скученности на пароходах, причем неизбежно длительное пребывание на рейде и в море. Кроме того, была совершенно неизвестна дальнейшая судьба отъезжающих, ни одна из иностранных держав к этому моменту не дала своего согласия на принятие эвакуированных. «Правительство Юга России не имеет никаких средств для оказания какой-либо помощи как в пути, так и в дальнейшем. Все это заставляет правительство советовать всем, кому не угрожает непосредственной опасности от насилия врага — остаться в Крыму» [3, с. 209].

В тот же день состоялось последнее заседание правительства под председательством А. В. Кривошеина. На следующий день началась погрузка многочисленных отделов военного и гражданского управлений [4, с. 7]. Сам Кривошеин выехал в Константинополь на отходящем английском крейсере «Centaur». Главнокомандующий просил его провести переговоры с французским Верховным комиссаром и организовать помощь беженцам. Особенно П. Н. Врангель рассчитывал на помощь американского Красного Креста. В Константинополе Кривошеин развил активную деятельность, через прессу призывал «весь культурный мир» оказать немедленную помощь уходящим из России изгнанникам.

Утром 30 октября (12 ноября) приказ генерала Врангеля и сообщение правительства были расклеены по городу. В ночь начальник штаба флота капитан 1 ранга Н. Н. Машуков доставил Врангелю тест переданного советским радио обращения, в котором красное командование предлагало генералу сдачу, гарантируя жизнь и неприкосновенность всему высшему составу армии и всем сложившим оружие. В ответ на это генерал Врангель приказал закрыть все радиостанции, за исключением одной, обслуживаемой офицерами.

Количество желающих выехать оказалось больше того, что первоначально планировалось. Адмирал М. А. Кедров, командовавший флотом, решил использовать все суда и баржи, способные держаться на воде.

31 октября (13 ноября) произошел официальный обмен письмами генерала Врангеля и французских представителей. Последние доводили до сведения генерала, что Франция дала свое согласие на покровительство всех покидавших Крым. Для покрытия расходов на содержание этих лиц французы брали в залог русские корабли.

Ночью Главнокомандующий решил перебраться в гостиницу «Кист», где размещалась

Генерал П. Н. Врангель. Ноябрь 1920 г.

оперативная часть его штаба. Утром началась погрузка прибывших из Симферополя раненых, которые грузились на госпитальное судно транспорт «Ялта».

П. Н. Врангель пишет об этом дне в Севастополе: «Около полудня я с адъютантом ходил по городу. Улицы были почти пусты, большинство магазинов закрыто, изредка встречались запоздавшие повозки обозов, спешившие к пристани одинокие прохожие» [3, с. 212]. К 12 часам дня 1 (14) ноября погрузку было приказано закончить.

Суда, принявшие уже достаточное количество людей, сильно перегруженные, выходили в море. 1 (14) ноября Главнокомандующий вместе с командующим флотом объехал на катере суда, которые еще загружались. Последними грузились заставы. «В 2 часа 40 минут мой катер отвалил от пристани и направился к крейсеру «Генерал Корнилов», на котором взвился мой флаг... «Генерал Корнилов» снялся с якоря. Суда, одно за другим, выходили в море. Все, что только мало-мальски держалось на воде, оставило берег Крыма» [3, с. 213]. После этого корабль Главнокомандующего зашел в Стрелецкую бухту, затем направился в Ялту. Вот описание этих часов его пребывания в Ялте: «Погрузка уже закончилась. Тоннажа оказалось достаточно, и все желающие

были погружены. В городе было полное спокойствие, улицы почти пусты. Я с начальником штаба флота капитаном 1 ранга Машуковым съехал на берег и обошел суда, беседуя с офицерами и солдатами. Прикрывая отход пехоты, наша конница сдерживала врага, а затем быстро оторвавшись, усиленными переходами отошла к Ялте. Красные войска значительно отстали... Я вернулся на крейсер «Генерал Корнилов».

Около полудня транспорты с войсками вышли в море, а корабль с главнокомандующим направился в Феодосию. Там погрузка прошла, по выражению самого Врангеля, «менее удачно». В адрес генерала Ф. Ф. Абрамова в Керчь Главнокомандующий отправил радиogramму, приказывая «во что бы то ни стало дожидаться погрузки кубанцев» [3, с. 213–214]. От генерала Ф. Ф. Абрамова было получено ответное радио с сообщением о том, что кубанцы и терцы прибыли в Керчь, погрузка идет успешно. Н. Н. Машуков, прибывший в Керчь, вскоре доложил, что взяты все до последнего солдата.

Резюмируя эти доклады, Главнокомандующий делает вывод: «Посадка прошла блестяще... Корабли вышли в море. (На 126 судах было вывезено 145693 человека, не считая судовых команд)» [3, с. 215].

Эти цифры вошли практически во все издания, посвященные крымским событиям октября — ноября 1920 года [6, с. 306].

Вывод генерала Врангеля и его соратников был однозначен — в целом эвакуация прошла хорошо организованно. Все суда, исключая погибший во время шторма эскадренный миноносец «Живой», прибыли в Константинополь.

Петр Николаевич в «Записках» передал свои личные человеческие настроения в тот момент: «Огромная тяжесть свалилась с души. Невольно на несколько мгновений мысль оторвалась от горестного настоящего, неизвестного будущего. Господь помог исполнить долг. Да благословит Он наш путь в неизвестность... Тускнели и умирали одиночные огни родного берега. Вот потух последний... Прощай Родина!» [3, с. 215]. Закончил записки генерал П. Н. Врангель в Сремских Карловцах в декабре 1923 года.

Интересно ознакомиться с описанием тех же событий генералом Я. А. Слащевым, который был основным оппонентом Врангеля. Свои мемуары он назвал «Требую суда общества и гласности. (Оборона и сдача Крыма)». Они вышли в издательстве М. Шульмана в 1921 году в Константинополе. В книге были опубликованы документы, главным образом, рапорты Слащева генералу Врангелю. Однако позднее сам Яков Александрович напишет, что создавалась книга по его личным документам и материалам генералом Н. А. Килениным (похоронен в 1926 г. в г. Панчево).

Анализируя воспоминания, нельзя не согласиться с генералом Я. А. Слащевым в том, что человек, «переживший бурный период, беспристрастно его описывать не может» [2, с. 141]. В своих суждениях он сам был, можно сказать, очень пристрастен, особенно когда речь шла о деятельности в те дни генерала П. Н. Врангеля.

Слащев использовал в своих воспоминаниях григорианский календарь, а на территории Вооруженных сил Юга России и Русской армии официально действовал юлианский календарь, который используют в своих воспоминаниях Врангель и многие другие авторы. Для удобства восприятия события в текстах воспоминаний даты даются двойным стилем.

Вот мнение генерала Слащева о тех же событиях, которые добросовестно описал в своих «Записках» Петр Николаевич Врангель: «Эвакуация протекала в кошмарной обстановке беспорядка и паники. Врангель первый показал пример этому, переехав из своего дома в гостиницу «Кист» у самой Графской пристани, чтобы иметь возможность быстро сесть на пароход, что он скоро

Автограф П. Н. Врангеля

и сделал, начав крейсировать по портам под видом проверки эвакуации. Проверки с судна, конечно, он никакой сделать не мог, но зато был в полной сохранности — к этому только он и стремился... Мой доклад по телеграфу Врангелю гласил, что фронта в сущности нет, что его приказ «спасайся, кто может» окончательно разложил его, а если нам уходить некуда, то нужно собрать войска у портов и сделать десант к Хорлам, чтобы пройти в Крым с другой стороны». Слащев подчеркивает, что для него места на судах не оказалось, и он был помещен на «Илью Муромца» по личной инициативе морских офицеров.

По словам Слащева, его позицию разделял тогда и генерал Александр Павлович Кутепов, который претендовал на лидерство в армии [2, с. 249]. Эта позиция очень сомнительна, если принять во внимание дальнейшую биографию последнего. Известно, что в эмиграции генерал от инфантерии А. П. Кутепов был ближайшим соратником генерала П. Н. Врангеля по Русскому Общевоинскому Союзу.

К третьей группе воспоминаний об этих событиях можно отнести, например, мемуары А. А. Валентинова, который служил в отделении связи полевого штаба главнокомандующего Русской армии генерала П. Н. Врангеля, а также его сослуживцев, чьи воспоминания о событиях исхода русской армии из Крыма в октябре — ноябре 1920 года были опубликованы в 1922 году в Берлине под названием «Крымская эпопея (По дневникам участников и по документам)». Вот текст одного из них: «Город узнать нельзя. Главные улицы буквально запружены народом, по Нахимовскому и Екатерининской тянутся подводы, груженные скарбом, вещами, в сопровождении вооруженных военных. Приказ об эвакуации явился для всех громом среди ясного неба. Все идут с озабоченными лицами, все торопятся к пристаням на погрузку... Магазины торгуют бойко, распродавая последний товар по баснос-

Эвакуация из Севастополя Русской армии. Ноябрь 1920 г.

ловным ценам... У булочных стоят огромные очереди... Валюты нигде нет. За нее готовы отдать все» [2, с. 382–383].

Вечером 30 октября (12 ноября) военнослужащие штаба главкома Русской армии во главе с начальником штаба генералом Павлом Николаевичем Шатиловым начинают собирать последние вещи и готовиться к переходу из Большого дворца командующего Черноморским флотом в гостиницу «Кист». До этого в гостинице располагались иностранные миссии. Теперь на первом этаже находился штаб генерала Михаила Николаевича Скалона (исполняющего обязанности Таврического губернатора, начальника Гражданского управления и командующего войсками тылового района). Штаб главнокомандующего погрузился почти полностью, в гостинице «Бристоль» остались еще некоторые высшие чины, там же действовал телеграф. С него сообщали о положении фронта. К обеду 31 октября (13 ноября) на английском миноносце прибыла из Константинополя баронесса О.М. Врангель. Главнокомандующий приказал не пускать ее на берег. «Постепенно у всех начинает появляться уверенность, что эвакуация пройдет благополучно» [2, с. 388].

Анализируя эти события, уместно ознакомиться и с воспоминаниями человека гражданского, чей взгляд достаточно объективно может оценить происходившее, т.к. не отягощен противоречиями военной среды того времени. Князь Владимир Андреевич Оболенский (1869–1951) — член городской думы Симферополя в период Деникина, председатель губернской управы, видный деятель земства при Врангеле. Отказавшись первоначально эвакуироваться с учреждениями Симферополя, он потерял время. Когда решение об отъезде было принято, возникло немало трудностей в его реализации. Отъезд Оболенского и его товарищей из Симферополя был стремительным, а путь до Севастополя очень тяжелым. Во втором часу ночи 1 (14) ноября они дошли, наконец, до Севастополя. Улицы города были пусты и темны, и только зарево пылающих складов американского Красного Креста освещало путь.

Оболенский вспоминал: «Оказалось, что все подлежащие эвакуации военные и штатские севастопольцы уже находятся на судах. Сам Врангель еще в Севастополе, но уже переехал из своего дворца в гостиницу «Кист», у Графской пристани, с тем, чтобы утром последним оставить город» [2, с. 135].

Владимир Андреевич с группой симферопольцев был взят на французский броненосец «Вальдек Руссо». В воспоминаниях он описал не только события тех дней, но и свое состояние в этот трагический для каждого покидавшего Родину момент: «Беженцы, нашедшие приют на броненосце, стояли на палубе и смотрели на удаляющийся Севастополь. У всех были сосредоточенные серьезные лица, у многих глаза подернулись влагой... По бухте мелькали двести лодки с запоздавшими беглецами. Подъезжая то к одному, то к другому отходящему пароходу, они беспомощно молили взять их с собой. Но эвакуация закончилась, и переполненные пароходы равнодушно проходили мимо. Наш броненосец подобрал нескольких из этих несчастных людей, которым ведь возврата уже не было...

С берега смотрела на нас сумрачная толпа. Одни завидовали нам, другие злорадствовали. Постепенно исчезают лица, и толпа превращается в черную полоску... Над Севастополем стоит желтый туман, из которого до нас отчетливо доносится воркотня пулемета» [2, с. 168].

Точка зрения князя Оболенского на происходящее в те дни в Крыму представляется наиболее взвешенной: «Когда говорят о какой-нибудь военной эвакуации, что она прошла в порядке, нужно это выражение понимать условно, ибо при всякой эвакуации, происходящей под натиском противника, всегда есть люди или группы людей, переживающие панику и вносящие беспорядок и суету» [2, с. 134–135]. Оболенский подчеркивает, что «не было полного порядка и при эвакуации Севастополя. Но все-таки приходится удивляться относительной организованности и порядку, каких достиг генерал Врангель при вывозе войск из Севастополя. Не было ничего похожего на те безобразия, какие происходили при эвакуации Новороссийска и Одессы». Как видим, автору есть с чем сравнить Крымскую эвакуацию. Известно, что резко изменившееся отношение армии к генералу А. И. Деникину связано с трагедией под Новороссийском.

Генералу П. Н. Врангелю позднее простят многое за то, что он организовал эвакуацию из Крыма и спас тысячи людей. Образ «белого рыцаря» стал синонимом барона Врангеля в среде русской эмиграции, в противовес советскому определению «черный барон».

Большой интерес вызвали появившиеся в России уже в нынешнее время книги с переизданиями воспоминаний Николая Кнорринга, Владимира Берга. В 1999 году вышла долгожданная книга Анастасии Александровны Ширинской «Бизерта.

Последняя стоянка». Каждый из авторов не обошел тему ухода из Крыма. Забыть эти трагические дни не могли ни взрослые, ни дети.

Особенно эмоционально ярко звучат литературные произведения тех, кто в те дни покидал Крым. Это тоже своего рода воспоминания.

Примером последних стали строки, написанные Георгием Ивановичем Газдановым, в эмигрантской литературе он известен как Гайто Газданов. В ноябрьские дни 1920 года он вместе с армией покинул Севастополь. Позднее писатель оставил и описание Севастополя 1920 года: «...я скитался по Севастополю... Вся грусть провинциальной России, вечная ее меланхолия наполняла Севастополь... И Черное море представлялось мне как громадный бассейн вавилонских рек, и глиняные горы Севастополя — как древняя стена плача...» [1, л. 11]. Он вспоминал, как пьяные офицеры со слезами на глазах пели в кабаках «Боже царя храни», что «звучало одновременно неприлично и грустно».

В его романе «Вечер у Клэр» также есть автобиографические строки: «В Севастополе яснее, чем где бы то ни было, чувствовалось, что мы доживаем последние дни нашего пребывания в России» [1, л. 12].

Особенно эмоционально ярко звучат поэтические произведения тех, кто тогда покидал Крым. В заголовок вынесены строки стихотворения «Крым» [5, с. 34] из книги «Путь», изданной в 1928 году в Париже, замечательного казачьего поэта русского зарубежья Николая Туроверова. (Есть у него и другое стихотворение под таким названием, опубликованное в 1940 году, еще более известное всем нам, «Уходили мы из Крыма»). Стихотворение «Отплытие» — это тоже воспоминание о тяжелых последних минутах на Родине [5, с. 36–37].

«Помню горечь соленого ветра,
Перегруженный крен корабля;
Полосою синего фетра
Исчезала в тумане земля;
Но ни крика, ни стонов, ни жалоб,
Ни протянутых к берегу рук, —
Тишина переполненных палуб
Напряглась, как натянутый лук;
Напряглась и такую осталась
Тетива наших душ навсегда.
Черной пропастью мне показалась
За бортом голубая вода,
И прощаясь с Россией навеки,
Я постиг, я запомнил навек
Неподвижность толпы на спардеке,
Эти слезы у дрогнувших век».

Тысячи тех, кто покинул Родину, унесли ее в своем сердце. У каждого свои воспоминания о тех днях, часто очень личные и субъективные. Вместе они составляют летопись Русского исхода

и представляют большой интерес не только для специалистов, но и для тех, кому не безразлична память о своих предках.

Источники и литература:

1. Государственный архив города Севастополя, ф. Р-509, оп. 1, д. 62.
2. Белое дело: Избр. произведения: В 16 кн. Кн. 11: Белый Крым. — М., 2003.
3. Врангель П. Н. Записки (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.): В 2 кн. — М., Пенза, [1991].
4. Крылов С. Красный Севастополь. — Севастополь, 1921.
5. Туроверов Н. Н. Двадцатый год — прощай, Россия! — М., 1999.
6. Черкасов-Георгиевский В. Г. Вожди белых армий. — Смоленск, 2000.

ТЕРЕЩУК Н. М.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧЕТНО-КОНТРОЛЬНЫХ ОРГАНОВ СЕВАСТОПОЛЯ ПОСЛЕ ИСХОДА РУССКОЙ АРМИИ

Контроль является одной из важнейших функций государственного руководства хозяйством. В дореволюционной России существовал Государственный контроль, возглавляемый государственным контролером, а на местах были учреждены контрольные палаты. Кроме того, некоторые ведомства, в их числе армия, имели свой внутриведомственный контроль [6, с. 237]. В октябре 1917 года в стране были созданы новые учреждения, выполнявшие эти функции. В Севастополе функции госконтроля стали осуществляться в ноябре 1920 года, после эвакуации войск Врангеля и вступления в город войск Красной армии.

После Октябрьской революции все ключевые позиции в области финансов перешли к советской власти. Новая власть сразу же взяла под контроль Государственный банк страны. Созданный Наркомат финансов приступил к работе в казначействе и провел ревизию сейфов [7, с. 138]. Владельцы сейфов приходили с ключами и в присутствии комиссии вскрывали сейфы: деньги вносились на текущие счета, а золото конфисковывалось. Все это было применено и в Севастополе, но на три года позже. Севастопольский ревком, взявший власть в городе в свои руки, первые приказы издал о сдаче оружия и регистрации бывших белогвардейцев, чья дальнейшая участь была трагической.

К моменту установления советской власти в Севастополе, в Москве, после очередных преобразований, 7 февраля 1920 года был организован Наркомат рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), а во второй половине ноября 1920 года отдел РКИ начал функционировать и в Севастополе. Приказ № 1, изданный заведующим отделом РКИ 24 ноя-

бря 1920 года, предписывал представить в 3-х дневный срок сведения о том, какое казенное имущество и денежные средства были выданы учреждениям и частным лицам бывшим правительством Врангеля. В этот же день был издан следующий приказ с разъяснением, что получить деньги из казны можно только тем учреждениям, которые зарегистрировались в ревкоме. Отпуск товаров, оборудования, теперь уже народного имущества со складов и магазинов разрешался только в присутствии представителей РКИ. «Лица, противящиеся законным требованиям представителей РКИ, — как указывалось в приказе, — будут считаться врагами РСФСР и предаваться суду Революционного трибунала» [2, л. 81–82]. В первую очередь отделом были обследованы отделение Государственного банка и казначейство, таможня и акцизный винный склад № 2. Следует отметить, что еще за две недели до эвакуации войск Врангеля Севастопольское отделение Государственного банка и казначейство были уже закрыты. В связи с этим заведующий хозяйством 50-го пехотного Белостокского полка обратился в городскую управу с просьбой принять на хранение остаток сумм полка 43 млн. 281 тыс. 250 рублей, что, по его мнению, являлось достоянием государства. 2 ноября 1920 года городская управа вынесла определение о принятии этой суммы в кассу, при первой возможности решив сдать деньги в Госбанк на особый счет [1, л. 7].

Комиссия, приступая к ревизии, установила, что из Севастопольского отделения Госбанка бывшим управляющим были вывезены иностранная валюта, романовские деньги и прочие ценности. Уточнить эти данные не представлялось возмож-

ным в связи с отсутствием необходимых финансовых документов. В день ревизии 17 ноября в банке находилось 5 млрд. 814 млн. 79 тыс. 223 рубля 87 копеек различных денежных знаков. В банковском хранилище оказались также советские деньги на сумму 6 млн. 235 тыс. 851 рубль 04 копейки. В казначействе оказалось 452 млн. 160 тыс. 726 рублей 68 копеек и 470 ящиков с денежными ценностями, привезенными из Константинополя, в числе которых были денежная бумага и гербовые знаки. При ревизии таможни выяснилось, что склады и цейхгауз были ограблены, но вместе с тем в наличии оказалось 250 бочек цемента, 30 огнетушителей, 17 бочек каустической соды, около 1 200 пудов листового табаку, а также катер «Пряткий». Финансовые документы полностью отсутствовали. Наличных денег было 133 млн. 383 тыс. 976 рублей 89 копеек. На винном складе все осталось не тронутым, там находилось 6 рулонов бумаги, 250 ведер спирта, более 600 пудов сахара и 6 вагонов стеклянной посуды в ящиках. В кассе склада хранилось 4 657 650 рублей. Аналогичные проверки были проведены и на других складах [2, л. 6–7].

3 декабря 1920 года представители уже созданного к тому времени финансового отдела ревкома, представители РКИ и казначейства уже полноценно осмотрели ценности и предметы, хранившиеся в казначействе. Согласно акту в казначействе значились: пакет Полевого казначейства, мешок Полевого казначейства, сундук Евпаторийского воинского начальства, ящик штаба Севастопольской крепости, ящик железнодорожного полицейского жандармского управления и пакет Временного Военного суда.

В пакете Полевого казначейства были Донские кредитные билеты на сумму 42 тыс. 340 рублей, процентные бумаги на 120 рублей и купоны на сумму 1 676 рублей 12 копеек.

В мешке Полевого казначейства оказались бонны Екатеринодарского отделения Госбанка, обеспеченные обязательствами Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики под поступление табачного акциза на сумму 89 тыс. 200 рублей, романовские и донские деньги, серебряные монеты и 2 векселя акционерного общества Левенговских стекольных и пробочных производств на сумму 7 млн. 306 тыс. 560 рублей.

В сундуке Евпаторийского воинского начальника, как указывалось в акте, находились лишь документы «на позаимствование денег».

В ящике штаба Севастопольской крепости лежало 5 ключей от несгораемых шкафов.

В ящике железнодорожного полицейского жандармского управления обнаружили как

золотые, так и стальные часы, броши, серьги, браслеты, золотые и металлические пенсне, позолоченные чайные ложки, 1 кожаный ридикюль, 8 серебряных иностранных монет и даже 1 татарский пояс с бляхами. Теперь мы уже никогда не узнаем, кому принадлежали эти предметы.

В пакете Временного Военного суда оказалось 28 серебряных монет принадлежащих английской подданной Гамильтон [3, л. 52].

31 декабря 1920 года комиссией под председательством заведующего финотделом была проведена полноценная ревизия кассы казначейства. В акте было указано наличие и физическое состояние валюты. Среди наличности оказалось: денежных советских знаков — годных 14 млн. 283 тыс. 551 рубль, ветхих — 7 650, керенок годных — 1 100, ветхих — 5 500, романовских годных — 120, ветхих — 3 215, украинских карбованцев годных — 17 700 и ветхих 514 890. Всего 539 млн. 417 тыс. 962 рубля 49 копеек [4, л. 55].

Окончив работу с государственными учреждениями, контрольные органы приступили к работе с частными банками, которые не были эвакуированы.

25 января 1921 года комиссия по ликвидации частных банков в Севастополе завершила свою работу. В городе были ликвидировано 7 кредитных учреждений:

- Городской общественный банк;
- Общество Взаимного кредита;
- Отделение Соединенного банка;
- Отделение Таврического коммерческого банка;
- Отделение Славянского национального банка;
- Отделение Донско-Кубанского коммерческого банка;

Отделение Петроградского международного коммерческого банка.

Так, например, в кассе Славянского банка комиссией было описано кредитных билетов на сумму 80 млн. 739 тыс. 725 рублей. Там же были выявлены фальшивые кредитные билеты на сумму 22 тыс. 500 рублей. Самым скромным документом банка оказалась расписка бухгалтера банка Осипова в получении 400 тыс. рублей аванса в счет жалования [4, л. 55].

Хочется отметить, что большая часть этих банков была создана во второй половине XIX века, и длительное время их возглавляли достойные грамотные специалисты.

Еще до вступления частей Красной армии в Севастополь сотрудники бывшего Морского контроля Черного моря проинформировали исполком профсоюза, что большинство работников не будут эвакуироваться и могут применить свой опыт

по охране народного имущества в работе с новой властью. Но в период смены власти предупредить хищения было невозможно. На чугунно-литейном заводе Василовуло обнаружилось хищение казенных дров, а в Белостокских казармах украли 60 погонных саженей деревянных нар [2, л. 97].

После вступления войск Красной армии в Севастополь по распоряжению начальника штаба 51-й Московской стрелковой дивизии началась работа по защите народного имущества, уточняли, что было вывезено эвакуировавшимися частями белой армии, выясняли случаи хищения имущества. Все сведения в связи с краткосрочностью поручения носили приблизительный характер.

В период с 18 по 20 ноября 1920 года приказами ревкома в городе кроме отдела РКИ были созданы Учетно-распределительная комиссия и Трофейная комиссия Южного фронта в г. Севастополе. В Севастопольском отделе РКИ среди других работали гражданский и морской подотделы. Гражданский подотдел Севастопольского отделения РКИ взял на себя проведение ревизий во всех отраслях народного хозяйства, кроме морского, военного и железнодорожного. Работала также и морская инспекция (отдел). В результате проверок учреждений разными инстанциями в некоторых случаях произошла путаница, кто какие учреждения должен проверять.

Работа морскому подотделу предстояла большая. Только один севастопольский порт состоял из 19 отдельных управлений и учреждений и имел 18 отдельных складов (не считая портового завода со складами). По приказу Бела Куна морской отдел был расформирован, что очень осложнило работу. В это время из Одессы приехал специальный уполномоченный Черноморской военно-морской РКИ и по согласованию с Москвой организовал отделение морской инспекции в Севастополе. В отдел были приглашены сотрудники бывшего Морского контроля. Решено было не организовывать РКИ водного транспорта, так как эти функции отошли к военно-морской инспекции. По сведениям РКИ весь штат бывшего государственного контроля при Врангеле состоял из 196 человек, из которых эвакуировалось только 44 человека. Из оставшихся 152 человек были отобраны 130 самых опытных специалистов, а 22 человека, в числе которых были канцелярские служащие и курьеры, были уволены за ненадобностью.

Учетно-распределительная комиссия провела полный учет всех продуктов, товаров и материалов, находящихся в Севастополе. С 25 ноября по 7 декабря 1920 года были учтены все крупные магазины и склады: продовольственные, техни-

ческие, аптекарские [2, л. 29]. Комиссией также было переписано все имущество частных магазинов и коммерческих предприятий. Проводя учет и распределение продуктов и другого имущества, комиссия подняла вопрос о предоставлении ей прав производить реквизицию излишков у буржуазии и связанных с ней обысков. Однако уездная ЧК этому воспротивилась [2, л. 182].

Трофейная комиссия совместно с военным подотделом РКИ провела учет имущества: в артскладе № 3 на Северной стороне, в амбарах того же склада на Царской пристани, в артиллерийской тыловой мастерской № 1, в складе сидел на Большой Морской и прочих инженерных складах и мастерских, включая станцию Севастополь, пароход «Петр» и полевые склады санитарного имущества Красного Креста. Трофейной комиссией всего было учтено 250 тыс. предметов, 16 грузовых и легковых автомобилей, 981 пуд керосина и бензина, рыболовный промысел в Балаклаве, 8 618 пудов угля, пушки, зарядные ящики, двуколки. Было погружено для отправки на Север 73 вагонов с танковым инженерным имуществом, оружием, табаком. Железнодорожной дороге были переданы 13 вагонов с железнодорожным имуществом и одна цистерна керосина, авиационному парку Красного воздушного флота комиссией было передано техническо-авиационное имущество 2-го автопарка белой армии [2, л. 34]. Говоря о работе Трофейной комиссии, следует отметить, что регион деятельности комиссии простирался до Бахчисарая включительно, т.е. примерно 50 верст в округе от Севастополя. Комиссия также проверяла наличие внетабельного имущества, количество которого, превышающее потребность, оказалось только у 51-й Московской стрелковой дивизии. Лишь на Перекопе эти излишки были изъяты у дивизии и отправлены в Харьков в управление Южных дорог. Трофейной комиссией было учтено 20 фабрик, заводов и мастерских. Пущены в ход 4 автомастерских, отремонтировавших буквально за месяц 80 машин. Запущен тавотный завод [2, л. 180 об.].

В конце декабря 1920 года в отделе РКИ числилось 94 человека. И уже был поднят вопрос об увеличении штатной численности. В качестве аргумента приводилось то, что не охвачены проверками учреждения Балаклавы, необходима специальная курортная комиссия для обследования не только Балаклавы, но и Георгиевского монастыря и имения Форос [2, л. 92 об.–93]. Вопрос решился привлечением практикантов, которых использовали как будущий кадровый резерв. 9 практикантов выделили профсоюзы: официан-

тов и поваров, работников народного просвещения, водного и местного транспорта, печатного дела, почтово-телеграфных работников. Кроме этого по особому распоряжению были приняты практиканты от политуправления Черного и Азовского морей, политотдела 46-й дивизии, коммунхоза и ревкома [2, л. 29 об.]. Санаторно-курортный подотдел РКИ был все-таки создан, но приступил к работе уже в январе 1921 года. Помимо Бактериологического института, Института физических методов лечения, управления рентгеновским кабинетом и др. к этому ведомству был отнесен Севастопольский морской госпиталь [2, л. 112; 3, л. 54]. Но не успел курортный подотдел начать работать, как особым отделом 46-й дивизии был арестован его старший инспектор Пасечник [2, л. 112].

Подводя итоги работы в конце декабря 1920 года, отдел РКИ отчитался, что принимал участие в работе почти 30 комиссий, в числе которых: по учету бесхозного имущества (например, в доме № 19 по Нахимовскому проспекту было обнаружено «громадное» количество лопат, неизвестно кому принадлежавших [3, л. 56 а]); по ремонту и приспособлению зданий и казарм инженерно-квартирного отдела; по приему автомашин и автоматериалов в складе автобазы и автоброневых мастерских; по приему 43 бочек соленой хамсы (была обнаружена в доме № 4 по Артиллерийской улице); по проверке сапожных материалов, по учету 6 национализированных аптек; учету медикаментов и зуботехнических кабинетов (41 кабинет); в ревизии 1-й советской городской больницы; по принятию наробразом библиотек от милиции и частной библиотеки Антонова; по учету имущества от представителя Красного Креста и Общины сестер и др. Представители РКИ принимали также участие в работе трофейной и учетно-распределительной комиссий [2, л. 101–102].

В начале января 1921 года, когда работа уже была довольно хорошо налажена и полноценно

работали 72 контролера, особым отделом 46-й дивизии были арестованы 47 контролеров. По документам Государственного архива города Севастополя удалось установить только несколько фамилий арестованных: уже упомянутый Пасечник, Барановский и Ляховский. Деятельность РКИ была настолько нарушена, что пришлось срочно менять план работы, так как опытных контролеров осталось очень мало [2, л. 99].

И если вспомнить о призывах, что надо к работе РКИ привлекать широкие массы трудящихся, [21] то становится понятным, что, используя опыт и силы бывших сотрудников контрольных органов, их просто «вычистили» из рядов РКИ.

Сложные отношения с 46-й дивизией и раньше имели место. 4 декабря 1920 года один из сотрудников РКИ докладывал, что дивизионный инженер 46-й дивизии отказался передать ключи от базисной инженерной мастерской в трофейную комиссию для учета имущества [3, л. 53]. Кроме того, в нарушение запрета ревкома по требованию начальника особого отдела 46-й дивизии было отпущено начальнику автоуправления 4-й армии 5 ведер виноградного вина для шоферов [2, л. 138 об.].

«Учет и контроль — вот главное, что требуется для правильного функционирования коммунистического общества», — писал В. И. Ленин [5, с. 266]. Но был и другой документ, озаглавленный «Имущество Крыма — достояние народа», содержавший приказ Главнокомандующего Русской армией генерала Врангеля, изданный 29 октября 1920 года: «В случае оставления Крыма, запрещаю, какую бы то ни было, порчу, или уничтожение казенного или общественного имущества, т.к. таковое принадлежит русскому народу. Ген. Врангель» [8, с. 39]. Не только новая советская власть думала о народе, генерал П. Врангель был того же мнения. И все были правы, но только в результате борьбы за власть получилась война братоубийственная — без победителей.

Источники и литература:

1. Государственный архив города Севастополя (ГАГС), ф. 25, оп. 2, д. 3.
2. ГАГС, ф. Р-599, оп. 1, д. 12.
3. ГАГС, ф. Р-599, оп. 1, д. 16.
4. ГАГС, ф. Р-599, оп. 1, д. 19.

5. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — Т. 36.
6. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. — М, 2008.
7. Коржихина Т. П. История государственных учреждений СССР. — М, 1986.
8. Севастополь. 1920. Исход. — Симферополь, 2010.

IV. СЕВАСТОПОЛЬ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

ТЕРЕЩУК Н. М.

К ВОПРОСУ О ЛИШЕНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ СЕВАСТОПОЛЬСКИХ КАРАИМОВ (на материалах Государственного архива г. Севастополя)

В 1920-е годы страной Советов был принят курс на ограничение возможности участия отдельных категорий граждан в политической жизни. В этот период самое широкое распространение получил институт так называемого «лишенчества». Согласно статье 65 (раздел IV, гл. 13) Конституции РСФСР 1918 года, не могли избирать и быть избранными те жители, которые входили в следующие категории: «а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором» [8]. Конституция Крымской ССР 1921 года (раздел IV, ст. 30) и Конституция РСФСР 1925 года (раздел IV, гл. 6, ст. 69) подтвердили ранее установленные ограничения [9, с. 256–262]. Лишение избирательных прав определенных категорий населения сегодня рассматривается историками в контексте карательной репрессивной политики государства и считается одной из форм репрессий. При этом данное действие справедливо увязывается с общей политической ситуацией в стране в указанный период времени.

В конце 1920-х годов Севастополь представлял собой развивающуюся главную базу Черноморского флота молодого советского государства. Расширялись военный порт и морской завод, заметно возросло население города, в Севастополь перевели эскадры кораблей с Балтийского флота. Остро встал вопрос жилищного строительства, для чего необходимо было время. Между тем, прибывшие военнослужащие с семьями, общим числом около 11 тысяч человек, требовали предо-

ставления жилья в кратчайшие сроки [22, с. 295]. Эта проблема частично была решена за счет группы «лишенцев», которым предписывалось выселиться из Севастополя в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 февраля 1930 года [22, с. 295].

Политика лишения избирательных прав была не просто открытой — она сопровождалась доведением до сведения населения отпечатанных типографским способом списков «лишенцев». Новое слово «лишенец» стремительно входило в обиход. «Лишенцев» выселяли из собственных домов, увольняли с работы, у многих из них конфисковывали имущество. В неуютную советской власти социальную прослойку попали служители культов и экономически активные представители населения. Всех, кто в 1920-е годы занимался торговлей, был коммерческим посредником, домовладельцем, ждала участь «лишенца». Борьба с «нетрудовым элементом» не зависела от национального состава населения. В число «лишенцев» попали представители всех этнических групп, проживавших в Севастополе и Севастопольском районе. Так, среди «враждебно» настроенной категории граждан в Севастополе оказались 492 еврея, 89 караимов и 68 крымчаков [1, л. 26]. Наиболее активные добивались восстановления в правах, но, как правило, таковых было очень немного. По указанным группам восстановления сумели добиться 7, 11 и 8 процентов соответственно.

Серьезные исследования института «лишенчества» по различным регионам историки начали проводить только со второй половины 1990-х годов. Что касается Крыма, то среди немногочисленных работ по данной тематике (а также по истории караимских общин в 1920-х — 1940-х годах в целом) [1, с. 376–397; 12, с. 87–94; 15, с. 73–76; 16, с. 74–81; 17; 18; 19, с. 182–198; 20, с. 106–109; 24, с. 257–262] следует выделить диссертацию Л. Серокуровой «Лишенцы» Крымской АССР в контексте социально-экономических и политических процессов» [21]. Эта работа наиболее полно отражает ситуацию с лишением избирательных прав, в том числе и в среде караимов.

В задачи настоящей публикации не входит изучение института «лишенчества» в Крыму на основе общих законодательных и нормативно-правовых документов. Собранный материал имеет региональную привязку; он изучался, в основном, по персональным делам севастопольских «лишенцев», хранящихся в Государственном архиве г. Севастополя. Целью исследования является анализ материалов, касающихся одной этноконфессиональной группы населения Крымской АССР — караимов.

В ходе изучения архивных и других данных неожиданно выяснился один немаловажный факт: выявленные данные о караимах-«лишенцах» не совпадают с официальной статистикой, представленной в документах местных органов власти. Вместо указанных выше 89 репрессированных караимов их выявлено 106 чел. Кроме того, в официальной статистике почти в три раза было уменьшено число караимов, восстановленных в избирательных правах после их обращения в соответствующие инстанции. Таким образом, из общего количества первоначально репрессированных караимов-«лишенцев» каждый третий был фактически оправдан и реабилитирован. Среди восстановленных в правах число мужчин и женщин практически было одинаковым. Что касается возраста, то наибольшее количество наказанных лишением прав выпало на возрастную категорию от 50 до 60 лет, что вполне объяснимо, если принять во внимание социальный состав репрессированных. Прежде всего, это экономически активные люди с устоявшимися взглядами, давно и уверенно ведущие свое дело и не во всем согласные с политикой новой власти по отношению к частным предпринимателям. Наоборот, в возрастной категории до 20 лет «лишенцев» было всего двое, а в самой старшей — от 70 до 80 лет — только четверо.

Ознакомление с архивными делами караимов-«лишенцев» позволяет сделать вывод о том, что к большинству пострадавших была применена ст. 15-з «Инструкции ВЦИК о выборах» — лишение прав за торговую и посредническую деятельность. «Лишенцам» чрезвычайно трудно было доказать, что торговля велась не ради прибыли, а исключительно для обеспечения семьи. Так, например, севастопольский караим Кальфа Исаак Вениаминович, который ранее из-за бедности вынужден был оставить 3-й курс медицинского факультета одного из российских университетов, писал в своем объяснении: «Будучи обременен большой семьей родных, из которых 3 инвалида, я вынужден был приняться

временно, до подыскания службы, за мелочно-бакалейную торговлю на лотке на открытом воздухе» [4, л. 3]. Его лишили избирательного права за то, что, имея бесплатный патент на торговлю, он варил домашнее повидло, изготавливал и продавал мороженое. Добиться восстановления в избирательных правах он смог только через ВЦИК РСФСР в 1930 году. Это один из примеров ошибочного применения избирательного законодательства, когда комиссия не учла права инвалидов и разрешение торговли по бесплатному патенту, выдававшемуся финансовыми органами для самообеспечения этой категории населения.

То, что часть «лишенцев» в результате апелляции была восстановлена в правах, объяснялось не гуманностью органов власти, а лишь тем, что некоторые из них, кто торговал по патенту в период НЭПа, к моменту начала кампании по лишению избирательных прав уже на протяжении не менее 5 лет как стали обычными тружениками. Причем часть из них работала по основному профилю — в госпредприятиях торговли.

Например, караим Харсун Лазарь Семенович начал трудовую деятельность в 14 лет, работая в Феодосии на табачной фабрике Стамболи с 1898 по 1911 годы. С 1911 года служил в Симферополе в музыкальном магазине Чорефа, что, по-видимому, в дальнейшем и повлияло на его профессиональную специализацию. Будучи призван в Первую мировую войну в русскую армию, в 1915 году он был демобилизован как больной туберкулезом. До установления советской власти в Севастополе владел нотно-музыкальным магазином, а впоследствии состоял на службе в качестве писаря рабочей роты Севастопольской морской крепостной артиллерии, где прослужил с февраля по апрель 1921 года, а затем был уволен по решению ревкома в связи с достижением предельного для службы возраста. В 1920-е годы Л. С. Харсун работал продавцом нотно-музыкального отдела в Представительстве Госиздата РСФСР в Севастополе, на аналогичных должностях в Севастопольском отделе народного образования и в Центральном рабочем кооперативе «Труд». В 1928 году, в связи с ухудшением здоровья, уволился с работы и, испытывая материальные затруднения, вынужден был жить на доходы от своего дома, сдавая его внаем. На ходатайство о восстановлении в избирательных правах Л. С. Харсун трижды получал отказ. И лишь 23 апреля 1930 года, согласно постановлению специальной комиссии по устранению нарушений избирательного законодательства, он был исключен из списков лишенных избира-

тельных прав как находившийся на протяжении продолжительного времени на государственной службе и имевший непродолжительное время незначительный доход от дома [7, л. 6].

Следующая группа — священнослужители. Следует сказать, что из этой группы практически никого в избирательных правах не восстанавливали. Минимальный шанс давало официальное и публичное отречение от сана. В Севастополе был единственный священник — караимский старший газзан Товий Симович Леви-Бобович (1879–1956), который от сана не отрекся. В 1928 году он проживал в центре города вместе с матерью, тремя братьями и сестрой. На момент лишения избирательных прав был вдовцом. Несмотря на представленные Т. С. Леви-Бобовичем доказательства, что он является священником прихода общины, его все же лишили избирательных прав. 10 февраля 1930 года Президиум ВЦИК принял постановление, по которому местным органам власти разрешалось производить выселение из Севастополя лиц, лишенных избирательных прав. В персональном деле караимского газзана на опросном листе стояла размашистая резолюция «Выселить» и приложена справка адресного стола о том, что Т. С. Леви-Бобович выбыл из Севастополя [2, л. 2, 5].

В характеристике газзана караимской кенасы, данной ему властями, в частности, говорилось, что он — «большой агитатор и всегда находится среди караимов, пользуется среди них большим авторитетом и уважением, (он) имеет высшее духовное образование, и считается ученым археологом <...> Они (караимы) находятся под его влиянием, благодаря чему не могут извне получать должное понятие о лжеучении своего ловкого, умного и корыстного проповедника» [13, с. 191]. В своем заявлении, поданном в Особую комиссию Севастопольского горсовета, Т. С. Леви-Бобович доказывал необходимость существования в городе караимской кенасы и оставления его самого в Севастополе, как единственного священника караимского общества [4, л. 3]. Однако в этой просьбе газзану было отказано. Очевидно, его выселение послужило лишь поводом для закрытия кенасы и передачи ее в пользование госучреждению. После этого распоряжения властей и закрытия кенасы в Севастополе Т. С. Леви-Бобович в 1934 году покинул Крым. Из его писем к своим братьям, сестре и сыну, хранящихся сегодня в личном архиве Д. С. Гумуша в Севастополе, в караимском обществе «Фидан», становится известно, что Т. С. Леви-Бобович отправился сначала в Одессу, а затем в Грецию; последнее письмо было им отправлено

из Каира. Там, в общине караимов Каира, изгнанный со своей родины священнослужитель был избран на должность гахама, и этот пост он занимал вплоть до смерти в 1956 году [10, с. 56–58].

Анализируя архивные документы, можно предположить, что, лишая население избирательных прав, власти смотрели на это довольно прагматично, ставя перед собой вполне конкретную цель — внести раскол между поколениями. Возможно, это делалось для того, чтобы уменьшить количество «лишенцев» более молодого поколения, которых еще можно было перевоспитать. Например, караим Кара Яков Маркович, которому в 1928 году было 19 лет, лишенный избирательных прав как иждивенец, в своем ходатайстве в избирательную комиссию при Севастопольском райисполкоме пояснял, что материально не зависит от своих родителей и имеет самостоятельные заработки. Он представил промысловый патент 1-го разряда, подтвердил документами, что работает как кустарь-одиночка, профессиональным фотографом, и указал, что состоит в товариществе «Фотоработник». Я. М. Кара заявлял, что он, как член караимского клуба, исполняет в нем обязанности казначея и принимает активное участие в работе клубного драмкружка [5, л. 3]. 12 февраля 1929 года на заседании Севастопольской городской избирательной комиссии Яков Кара был исключен из списка «лишенцев» [5, л. 6].

Необходимо подчеркнуть, что активная общественная работа играла большую роль в создании положительной репутации, была несомненным плюсом для молодых людей. Представители старшего поколения в силу известных причин не могли принимать активного участия в общественной жизни, и потому оказались в менее выигрышном положении. Практически невозможно было восстановиться в избирательных правах и женщинам. Они, как правило, занимались домашним хозяйством, не состояли в профсоюзе и не вели общественную работу. Доказать свою материальную независимость им было практически невозможно. Женщин восстанавливали в правах только в тех случаях, когда в них восстанавливали главу семьи.

Выявлялись случаи, когда работающие в госсистеме мужчины фактически оказывались иждивенцами своих жен-торговок. Так, караим Марк Яковлевич Кара был лишен избирательных прав именно как иждивенец жены. Однако в ходатайстве о восстановлении он сумел доказать, что материально от нее независим, имея сапожное ремесло, которому обучился у своего отца. Самостоятельный трудовой источник дохода послужил поводом для восстановления в избирательных правах [3, л. 13].

Из общего числа караимов только один был лишен избирательных прав за службу у белых. Борух Юфудович Тонгур, юрист по образованию, после окончания с отличием Севастопольского городского шестиклассного училища поступил в Новороссийский университет в Одессе и учился на средства, выделяемые ему кассой взаимопомощи студентов-караимов [6, л. 19]. Сохранился документ, свидетельствующий, что за период с 1908 по 1913 год его задолженность кассе составила 233 руб. По ходатайству одесского полицеймейстера перед университетом, ввиду тяжелого материального положения Б. Ю. Тонгура, он был освобожден «от платы за право держания государственного экзамена» [6, л. 33]. В 1916 году Борух Тонгур был мобилизован и служил в Севастопольской крепостной артиллерии. После занятия Крыма немцами был уволен с военной службы и занялся адвокатской практикой. В 1919 году был мобилизован белыми. После установления советской власти в Севастополе он служил в рядах Красной армии, в 1922 году был демобилизован. По согласованию с ГПУ в Москве был снят с учета и зачислен в запас административного состава РККА. Все эти сведения были документально подтверждены и представлены Б. Ю. Тонгуром в Севастопольскую городскую избирательную комиссию, которая 14 мая 1929 года восстановила его в избирательных правах. Но через два года он был арестован и постановлением «тройки»,

как бывший врангелевский офицер, Б. Ю. Тонгур на 5 лет был отправлен в ГУЛАГ. Наказание отбывал в Беломорско-Балтийском исправительно-трудовом лагере. Из материалов дела видно, что после пересмотра дела в 1932 года он был освобожден и уехал в Одессу [6, л. 56].

Следует также сказать, что в избирательную кампанию 1928/1929 годов центральные исполнительные органы настаивали на соблюдении обязательной процедуры документального подтверждения основания к лишению прав.

Таким образом, на основании сохранившихся в делах ГАГС справок из финотдела, документов о выборке торгового патента, договоров о найме, справок о трудовом стаже можно проанализировать то имущественное положение «лишенцев», которое повлияло на ограничение гражданских прав. Анализ персональных дел караимов также позволяет сделать вывод о том, что в советской бюрократической системе часто наблюдалось довольно формальное отношение к процедуре применения к отдельным гражданам репрессий в виде лишения избирательных прав. Иначе не было бы столь большого количества дел «лишенцев», спустя некоторое время в этих правах восстановленных. Кроме того, хотелось бы отметить, что, применительно к Севастополю, лишение избирательных прав в значительной степени являлось задачей стратегического характера, нежели социального.

Источники и литература:

1. Государственный архив г. Севастополя (ГАГС) ф. Р-79, оп. 2 л, д. 106.
2. ГАГС, ф. Р-79, оп. 2 л, д. 345.
3. ГАГС, ф. Р-79, оп. 2 л, д. 1693.
4. ГАГС, ф. Р-79, оп. 2 л, д. 1787.
5. ГАГС, ф. Р-79, оп. 2 л, д. 1856.
6. ГАГС, ф. Р-79, оп. 2 л, д. 2661.
7. ГАГС, ф. Р-79, оп. 2 л, д. 2762.
8. Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.). Режим доступа: Сайт Конституции Российской Федерации. <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/chapter/13/#4500>.
9. Конституция Крымской ССР (ноябрь 1921 г.)//Крымская АССР (1921–1945). (Прилож.). Симферополь, 1990. С. 256–262; Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.). Режим доступа: Сайт Конституции Российской Федерации. http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/5508617/chapter/6/#46000
10. Баккал Е. Г., Белый О. Б. Некоторые исторические документы из архива караимского просветителя Давида Марковича Гумуша (1899–1980)//Материалы 12-й Международ. междисциплинарной конференции по иудаике. Вып. 18. — М., 2005.
11. Белый О. Б. Документы из истории караимской общины г. Бахчисарая начала XX в.//Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 2.— Симферополь, 2001.
12. Вакатова Е. Г. Лишение избирательных прав//Немцы в Крыму: очерки истории и культуры. — Симферополь, 2000.
13. Давыдова Н. А. Отношение органов Советской власти к служителям религиозных культов в Севастополе в 1920–1930 годы//В поисках утраченного единства: сб. статей. — Симферополь, 2005.
14. Ельшечин Б. С. Караимский Биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.)//Караимы: материалы к серии «Народы и культуры»/Под ред. М. Н. Губогло, А. И. Кузнецова, Л. И. Миссоновой. Вып. XIV, кн. 2. — М., 1993.
15. Катунина Е. В. Деятельность уполномоченного совета по делам религиозных культов в Крыму

- в 1944–1946 годах//Культура народов Причерноморья. — 2005. — № 57. — Т. 2.
16. Катунина Е. В., Катунин Ю. А. Причины ликвидации религиозных общин караимов в 40–60-е гг. XX в.//Культура народов Причерноморья. — 2005. — № 62.
 17. Неизвестные страницы политических репрессий в Крыму. Права голоса лишены. — Симферополь, 1998.
 18. Политические репрессии в Крыму (1920–1940 гг.). — Симферополь, 2003.
 19. Прохоров Д. А. Караимские общины Крыма в 1920–1930-х годах. К вопросу о развитии караимского народного образования в условиях национально-культурного строительства в Крымской АССР// Историческое наследие Крыма. — 2007. — № 17.
 20. Рибак І. В. Особливості радянської релігійної політики в Криму у другій половині 20-х років// Культура народов Причерноморья. — 2002. — № 36.
 21. Серокурова Л. А. «Лишенцы» Крымской АССР в контексте социально-экономических и политических процессов (1921–1936): Автореф. дис. канд. ист. наук/07.00.02 Отечественная история; Москва, гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. — М., 2010.
 22. Серокурова Л. А. Проблема «лишенцев» в Севастопольском регионе в 1920–1930-е годы//Социальная история: ежегодник. 2008. — СПб., 2009.
 23. Терещук Н. М. Взаимоотношение религиозных общин нехристианских конфессий с органами Советской власти в 20-е годы//В поисках утраченного единства: сб. статей. — Симферополь, 2005.
 24. Фесенко А. А. Лишение избирательных прав крымских татар в 20–30-е гг. XX столетия в г. Севастополе//Севастополь: взгляд в прошлое: сборник науч. статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя/Сост. В. В. Крестьянников. — Севастополь, 2006.

ТЕРЕЩУК Н. М.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: СЕВАСТОПОЛЬ В ПЕРИОД ОБОРОНЫ 1941–1942 гг. (по документам городского комитета обороны)

В данном обзоре рассматриваются документы Севастопольского городского комитета обороны, который создан 23 октября 1941 года в соответствии с решением Государственного комитета обороны постановлением бюро Крымского обкома партии ВКП (б) как чрезвычайный орган власти. Наряду с Севастополем аналогичные комитеты были созданы в Симферополе и Керчи. При эвакуации работников горкома в 1942 году документы ГКО были эвакуированы в Кисловодск, а оттуда в город Уфу. В 1945 году они были реэвакуированы в Крым и 10 января 1947 года поступают официально на хранение в партийный архив. В 1992 году в соответствии с Указом Президента Украины партийные архивы были переданы в государственные и сейчас находятся на хранении в Республиканском архиве в г. Симферополе. Всего в Республиканском госархиве хранится 21 дело ГКО. Все документы рассекречены.

Городской комитет обороны в Севастополе возглавил первый секретарь горкома партии Б. А. Борисов. В его состав вошли председатель горисполкома В. П. Ефремов, начальник городского отдела НКВД К. П. Нефедов, зам. командующего ЧФ контр-адмирал Г. В. Жуков, которого позднее сменил П. А. Моргунов. Но возникает вопрос: разве могли, создавая такой серьезный орган гражданской и военной власти (еще

до создания СОРа), включить в него всего лишь 4-х человек? Анализ протоколов показал, что на всех 27 заседаниях ГКО (а именно столько документально зафиксировано заседаний) стабильно присутствовало 3 человека: Б. А. Борисов, В. П. Ефремов и К. П. Нефедов. Ни Г. В. Жуков, ни П. А. Моргунов в протоколы ни разу не вписаны. На первых трех заседаниях присутствовал на правах члена комитета А. П. Старушкин (командант Севастопольского гарнизона). А на заседании 20 мая 1942 года перед списком приглашенных вписаны фамилии члена Военного совета ЧФ Н. М. Кулакова и начальника политуправления ЧФ П. Т. Бондаренко. В числе приглашенных наиболее часто фигурирует фамилия секретаря горкома ВКП (б) А. А. Саринной. Таким образом, согласно постановлению Крымского бюро обкома партии в составе ГКО было 4 члена (постановление опубликовано в сборнике документов и материалов «Севастополю 200 лет») [13, с. 211]. Первое заседание состоялось 28 октября 1941 года, на повестке дня стоял один вопрос — постановление Военного Совета войск Крыма от 27 октября 1941 года «О введении на территории Крыма осадного положения». Было решено обратиться к населению со специальным обращением, провести собрания, в том числе среди неработающего населения. Начальнику милиции

города В. И. Бузину рекомендовано было усилить контроль за охраной порядка в городе, а руководителям предприятий — на производстве [1, л. 4].

Все основное внимание властей уделялось, конечно, работе промышленных предприятий и в первую очередь заводу № 201 (морзавод). К началу обороны Севастополя у флота было довольно критическое положение. Основные корабли находились в ремонте. Командующий флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский направил письмо директору завода Сургучеву о том, чтобы он решил вопрос о круглосуточной работе в доках, обеспечил светомаскировку. В первую очередь следовало отремонтировать 10 судов: лидер эсминцев «Ташкент», эсминцы «Бдительный», «Беспощадный», «Свободный», «Незаможник», «Железняков», сторожевые корабли «Шторм» и «Шквал», канлодки «Красная Абхазия» и «Красный Аджаристан» [2, л. 1 в].

Большое внимание со стороны органов власти уделялось заводу при ИТК (исправительно-трудовая колония) № 7, выпускающему оборонную продукцию. На 1 мая 1942 года там работало 233 заключенных (для полноценного производства следовало иметь 517 заключенных) и 184 человека вольнонаемных. По распоряжению Москвы в мае месяце было досрочно освобождено из-под стражи 30 заключенных и переданы в военкомат (токари, слесари, литейщики) [6, л. 1]. В УИТК ГУЛАГ НКВД СССР регулярно посылались из Севастополя плановые показатели и их выполнение. К сожалению, из-за уменьшенного количества рабочих план невыполнялся. По директивам ГУЛАГа вообще запрещалось содержание заключенных в осажденном городе. Их следовало эвакуировать, но вопрос об эвакуации встал только 26 мая 1942 года, при этом указывалось, что эвакуация не должна нарушать работу литейного цеха и выработку мин М-50. Продуктов для заключенных не хватало, начались заболевания цингой. Ждали также указаний ГУЛАГа с определением пункта назначения. Кроме того, по распоряжению из Москвы заключенных с двухгодичным сроком следовало направить в армию. Таковых оказалось 100 человек [6, л. 1 об.]. Людей в ИТК оставалось очень мало, не хватало чугуна, песка, необходимых инструментов, бомбежкой был частично разрушен литейный цех. 3 июня 1942 года начальник колонии докладывал Б. А. Борисову, что во время бомбежки 2 июня в колонию упало 9 бомб, разрушены производственные помещения, убиты 1 стрелок и шофер. По указанию А. А. Саринной на заводе были оставлены 40 человек рабочих и 21 человек административно-технического персонала [7, л. 31].

В период обороны города все промышленные предприятия направляли в ГКО информационные сводки. В июне 1942 года они подавались каждый день. 2 июня 1942 года директор хлебокомбината Ю. А. Сидоренко докладывает, что у них проблемы с водой, все резервы исчерпаны, в печах разрушены крыши и потолки, повреждено дутье печи. Он предлагал наладить выдачу муки населению города взамен хлеба, т. к. разбиты пекарни на Северной стороне и по ул. Восставших [7, л. 22–22 об., 116–117]. 4 июня 1942 года директор макаронной фабрики В. В. Ерина докладывает, что фабрика разрушена, тарный цех сторел, погибло пять лошадей и гужтранспорт. На складе находится 40 тонн макаронных изделий для флота и 30 тонн муки для города. Из информационной сводки мясокомбината за 14–15 июня 1942 года: «Сегодня в 15.06 рядом с колбасным цехом разорвались три вражеские бомбы, волной от которых выбиты двери, ставни и часть рам в рабочем зале цеха и сильно осыпалась штукатурка. Цех был убран, завезено до 1 т конины, часть которой будет готова к выработке 16 июня к 20.00» [7, л. 82]. На 19 июня за один только день было потушено на мясокомбинате 6 пожаров, а вечером загорелся колбасный цех [7, л. 114].

Из документов ГКО видно насколько была сложена работа городских и военных властей. Начиная с июня 1942 года Б. А. Борисовым через день (т. е. во все нечетные дни) подавались в политуправление ЧФ следующие сведения: количество сброшенных бомб и артснарядов, количество разрушенных домов и предприятий, количество возникших очагов пожаров, количество убитых и отдельно раненых из числа населения, численность населения города на отчетный день, сколько эвакуировано, сколько человек населения укрыто в убежища, как идет перемещение предприятий под землю. Подавались сведения о снабжении продовольствием и обеспеченности водой, наличии инфекционных заболеваний среди населения. Начиная с января 1942 года из осажденного Севастополя направлялись ходатайства о награждении. Отмечая хорошую работу, а также для моральной поддержки защитников города 16 января 1942 года на заседании ГКО было вынесено постановление о представлении к правительственным наградам первых 7 человек, в числе которых были директор и главный инженер треста «Водоканал» Н. Г. Семенюшкин, работники Севастопольской АТС, Ново-Шульской подстанции Крымэнерго, СевГРЭС, станции Севастополь и даже домохозяйка Ракова Лидия Алексеевна [1, л. 16–17]. В одном из дел ГКО хранятся характе-

ристики и наградные листы на граждан, представленных к наградам в период обороны города.

В мае и июне 1942 года из-за непрерывных бомбежек вражеской авиации значительная часть населения переехала на жительство в Инкерманские штольни, в которых была большая скученность населения, антисанитарное состояние, отсутствовало освещение, штольни обслуживали только один врач и медсестра. Такая ситуация не могла не отразиться на настроении населения и поэтому особое внимание силовых структур уделялось политико-моральному состоянию. Отмечая патриотическое настроение защитников города, заместитель наркома НКВД Крыма майор милиции Смирнов приводил примеры и упаднического настроения. 7 июня 1942 года в спецсводке секретарю горкома Б. А. Борисову сообщал:

«Снабжение продуктами питания крайне неудовлетворительное, население получает только хлеб и то за счет запасов воинских частей, расположенных в Инкермане. Горячей пищи и кипяченой воды население совершенно не получает. Снабжение водой населения штолен происходит из запасов завода шампанских вин, которые днями иссякают». Уделяя внимание политическим настроениям населения, Смирнов отмечал проявление паникерских и упаднических настроений, называл фамилии работниц филиала завода № 1, которые предсказывали «неизбежное падение Севастополя» и то, что скоро они будут получать по 400 г хлеба, а их иждивенцы по 150 г и они будут умирать от голода [6, л. 4–6].

В следующем своем спецсообщении от того же 7 июня 1942 года Смирнов отмечал, что антисоветские элементы активизировали антисоветскую деятельность, распространяют провокационные слухи. Например, слесарь автогаража 25-й стрелковой дивизии своим знакомым говорил: «Еще несколько дней и немцы от г. Севастополя ничего не оставят. Я воевать за советскую власть не хочу, так как пройдет еще немного времени и ее немцы уничтожат» [6, л. 8]. Путьеобходчик СевГРЭС рассказывал рабочим электростанции: «Немцы народ культурный, их не сравнить с нашими русскими, пьяницами и грубиянами». Некоторые жители поселка Инкерман, ожидая прихода немцев, сняли у себя в домах все портреты руководителей партии правительства [6, л. 9]. Все эти люди, как и некоторые другие, за подобные высказывания были арестованы.

Все бомбардировки города четко фиксировались соответствующими службами. Справки и сводки об этом также хранятся среди документов ГКО. Именно из таких документов мы узнаем, что в июне 1941 года количество дней с сиг-

налом «ВТ» (воздушная тревога) было 7 (самых сигналов было подано 12), в ноябре 1941 года количество дней составляло 16, а количество сигналов «ВТ» — 62. Самое большое количество дней, сопровождавшихся вражескими налетами, зафиксировано в апреле 1942 года — 26, т. е. практически город бомбили ежедневно. При этом количество поданных сигналов «ВТ» составило 97 [7, л. 15]. На 1 мая 1942 года приводятся сведения о количестве мирных жителей, погибших и раненных с начала обороны города: убитых — 409, раненных — 803 [7, л. 15]. Из другой сводки, которая зафиксировала авианалеты с 6 по 15 июня 1942 года, узнаем, что одним из тяжелых дней для Севастополя было 9 июня 1942 года. Именно в этот день было совершенно самое большое количество вылетов вражеской авиации — 282 вылета и сброшено 5300 авиабомб. С 6 по 15 июня было убито 185 человек и ранено 160. За это же время было разрушено 118 домов [7, л. 95].

Можно только условно предположить, сколько металла находилось на нашей крымской земле. Местному населению весной 1942 года было официально объявлено о необходимости сбора металлолома, в частности стальных шлемов, и «сдачи их за плату военному командованию». Было установлено следующее вознаграждение: за 1 стальной шлем — 3 руб., за 10 исправных шлемов — 40 руб., за 50 шлемов — 250 руб., за 100 — 600 руб. За сдачу немецких шлемов вознаграждение снижалось на 25% [12, л. 110].

По документам ГКО стало известно, что еще осенью 1941 года в городе находились родители И. Д. Папанина. Старший политрук Корсунский 15 ноября 1941 года направляет письмо начальнику политотдела оборонительного сектора о том, что «семья этого знаменитого человека находится в тяжелых материальных условиях, они не обеспечены ни продовольствием, ни одеждой... Отец тов. Папанина обижается на местные организации, что ему не оказывают никакой помощи... Старик Дмитрий Папанин в беседе сказал мне: «Раньше со мной носились, как с писаной торбой, от всяких корреспондентов отбоя не было, а теперь я никому не нужен стал». Политрук сообщил, что семье оказана соответствующая помощь, выделены продукты (хлеб, мясо, картофель, крупа) и добиваются их эвакуации [7, л. 110].

Необходимо отметить, что в период обороны городскими властями выплачивались пособия семьям защитников Родины. Общая сумма выплат составила 1 000 000 рублей. Наиболее нуждающимся семьям фронтовиков дополнительно выделили 60 000 рублей как единовременную денежную по-

мощь. Кроме того, семьям была оказана единовременная помощь продуктами питания [5, л. 150].

Часть населения, которая была эвакуирована осенью 1941 года из Севастополя, направляла в адрес Борисова письма с просьбой вернуться в город для его защиты. Писали из Казахстана, Кабардино-Балкарской АССР, Узбекистана, Таджикистана. «Прошу не отказать в моей просьбе», — так заканчивались многие письма. И надо отдать должное руководителям города, которые нашли время всем ответить. Ответы были краткие: «...Въезд в Севастополь запрещен... Вопрос вызова будет разрешен значительно позднее, по улучшению обстановки. С коммунистическим приветом. Борисов» [4, л. 21, 37].

Исключение было сделано для отдельных специалистов, в том числе для журналиста С.В. Суковского, которому в редакцию газеты «Казахстанская правда» была направлена телеграмма следующего содержания: «Немедленно выезжайте Севастополь работать редактором газеты... Выезжайте без семьи» Председатель городского комитета обороны Борисов» [10, л. 1].

Кажется, решая общегородские вопросы, руководители города не имели времени на мелочи. Вместе с тем, когда весной 1942 года в школе одного из учеников обозвали «гитлеровцем» и возмущенный отец ученика, красноармеец, защищавший Севастополь написал об этом письмо, Б.А. Борисов нашел время разобраться в ситуации. А причиной такого высказывания послужила обыкновенная ребячья драка [2, л. 36–38].

Следует упомянуть еще об одной группе документов. Это письма жителей города на фронт. Писали люди разных возрастов. Пенсионерка Церцанова с ул. Гоголевской: «...Получила пенсию за два месяца 203 руб., из которых 100 руб. внесла в фонд обороны... Посылаю вам 15 конвертов, общую тетрадь и 3 книги. Пусть и моя маленькая помощь участвует в разгроме гитлеровских людоедов...» Благодарные бойцы писали ответы, особенно девушкам. На одном из ответов Вале Колодкиной есть приписка: «...20 февраля 1942 года сам т. Горпищенко посетил Валю, передал ей благодарность и подарок» [3, л. 11]. А Вере Морозовой бойцы писали: «...живем мы весело, имеем теперь музыкальные инструменты, полученные от вас и других товарищей, за что всех благодарим. Наши земляные домики очень уютные, через каждые две недели ездим в баню. Нередко бросаем немецким извергам стальные многокилограммовые подарки прямо им в окопы и блиндажи...» [3, л. 9].

К нам в Госархив часто обращаются люди с просьбой выдать справки, что они были эвакуи-

рованы из севастопольского детдома. К сожалению, таких документов у нас нет, а в документах ГКО есть только несколько телеграмм о том, что городские власти в конце мая 1942 года просят оказать содействие в размещении эвакуированных детей детприемника НКВД и детдома в количестве 42 детей и 36 инвалидов [8, л. 21–22]. Из Краснодара была получена ответная телеграмма: «Для встречи эвакуированных представители командированы. Эвакуированные будут размещаться Грузии, Краснодарском крае» [8, л. 23].

В связи с этим интересен факт, что городским властям направлялись заявления от жителей о разрешении усыновления детей из детдома. «В Севастополе открыт интернат для детей погибших родных как на фронте, а также и в самом городе Севастополе... Мы, супруги Безотосовы просим вашего разрешения взять ребеночка и усыновить его, чтобы считать его как свое родное...» [8, л. 1]. Другое свидетельство: «Прошу вас дать мне ребенка на воспитание — девочку в возрасте от 1 года до 3 лет. У меня два мальчика — один уже работает в воинской части кинемехаником, другой дома. Муж работает, получает 450 руб. Кроме того у меня корова, куры, собственный дом. Буду воспитывать как мать своего ребенка. Успенская» [8, л. 2].

Боясь вспышек эпидемиологических заболеваний, руководство города организовало проведение массовых прививок против брюшного тифа, и количество заболеваний с 34 случаев во втором полугодии 1941 года снизилось до 4 случаев в январе — марте 1942 года. Все больные были госпитализированы. В сентябре и ноябре 1941 года было зарегистрировано всего 2 случая сыпного тифа. По состоянию на конец марта 1942 года в городе находилось 750 медработников (вместе с аптечными работниками), среди них 74 врача [8, л. 12].

До войны в Севастополе насчитывалось 3 тысячи доноров. После начала войны часть доноров ушла на фронт, часть эвакуировалась. И в ноябре 1941 года в городе осталось лишь 1100 доноров. А кровь была необходима, так как станция переливания крови снабжала 4 госпиталя, 5 медсанбатов, морской госпиталь ЧФ и 1-ю горбольницу. Чтобы стимулировать людей на сдачу крови, помимо оплаты за нее, которую производил санотдел Приморской армии, донорам стали выдавать дополнительно 1 кг сахара, 1 кг мяса, 0,5 кг жира и 2 кг крупы. В результате количество доноров возросло до 2 тысяч человек (а к маю 1942 года до 2500) и было собрано 800 л крови (для сравнения — в 1940 году было сдано 115 л) [8, л. 5, 20 об.].

В период обороны города на учет были взяты все молочные коровы, убой домашнего скота

запрещался. В магазинах была запрещена продажа спиртных напитков. Отпуск спиртного был под жестким контролем. В документах ГКО сохранились списки организаций, которым отпускалось вино из завода шампанских вин. Например, в ноябре и декабре 1941 года и январе 1942 года было отпущено: МПВО — 119 л, горсовету — 14 379 л, спецкомбинату № 1 — 1648 л, заводу № 201 — 5 680 л, хлебозаводу — 2001 л, СевГРЭСу — 2117 л и т. д. [9, л. 5–6].

Просто удивительно, но в осажденном городе 2 апреля 1942 года был проведен ученический слет. На нем ребята докладывали о сборе средств на постройку танка «Таня», сборе металлолома, работе на школьных огородах. И как становится больно, когда читаешь, что ученики школы № 25 подготовили грядки, «но посадить ничего не пришлось: вражеские бомбы превратили этот участок, созданный руками детей в груды камней» [11, л. 41]. А ученик 6-а класса школы № 13 Игорь Миронов рассказал о том, что два мальчика, Коля Крупинин и Костя Сорокин, задержали подозрительного старика, который ока-

зался немецким шпионом. Мы не знаем, насколько это правда, но на слете было озвучено, что это уже четвертый враг, задержанный при участии юных защитников Севастополя» [11, л. 47]. Это всего лишь маленькие фрагменты из жизни севастопольских школьников.

О Севастополе периода обороны знали не только в нашей стране. ТАСС переслал для публикации в газете «Черноморский коммунист» (по-видимому, имелась ввиду газета «Красный черноморец») первомайское приветствие советского писателя и публициста Ильи Эренбурга севастопольцам. Обращение начиналось такими словами: «Недавно на Севастопольском бульваре в Париже были арестованы две девушки. Они ударили оскорбившего их немецкого офицера. Когда их судили, они сказали: «Мы хотим быть такими сильными, как герои Севастополя...» [3, л. 53].

В заключение хочется подчеркнуть, что документы городского комитета обороны являются наиболее информативными и объективно показывают положение Севастополя в период его обороны с октября 1941 года по июнь 1942 года.

Источники и литература:

1. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК), ф. П-152, оп. 1, д. 1.
2. ГААРК, ф. П-152, оп. 1, д. 2.
3. ГААРК, ф. П-152, оп. 1, д. 3.
4. ГААРК, ф. П-152, оп. 1, д. 7.
5. ГААРК, ф. П-152, оп. 1, д. 9.
6. ГААРК, ф. П-152, оп. 1, д. 12.
7. ГААРК, ф. П-152, оп. 1, д. 15.
8. ГААРК, ф. П-152, оп. 1, д. 19.
9. ГААРК, ф. П-152, оп. 1, д. 20.
10. ГААРК, ф. П-152, оп. 1, д. 23.
11. ГААРК, ф. П-156, оп. 1, д. 12.
12. ГАГС, ф. Р-79, оп. 5, д. 1.
13. Севастополю 200 лет. 1783–1983: сборник документов и материалов. — Киев, 1983.

ФЕСЕНКО А. А.

ЗЛОДЕЯНИЯ НЕМЕЦКО-РУМЫНСКИХ ВОЙСК В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ г. СЕВАСТОПОЛЯ В 1942–1944 ГОДАХ

В Государственном архиве г. Севастополя с 1965 года начали создавать фонд, в который вошли документы по Великой Отечественной войне.

В «Коллекции документов по Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг.» хранятся воспоминания участников обороны и освобождения г. Севастополя, а также его жителей, повествующие о героизме защитников города, о военных операциях, о зверствах немецко-фашистских захватчиков и ущербе, нанесенном городу в период оккупации.

Тема выбрана не случайно. В последнее время некоторые «историки» фальсифицируют исто-

рию Второй мировой войны, принижают заслуги ветеранов, а каратели собственного народа получают статус «Героя Украины». Мы становимся свидетелями того, как переписывается история, а миссия немецко-румынских войск в Севастополе, по определению некоторых авторов, «несла освобождение стране от большевизма».

Однако архивные документы свидетельствуют об обратном. Разве можно нести освобождение расстрелами, сожжением и истреблением людей. Ответ каждый гражданин должен дать сам. Позиция автора высказана в докладе.

Если воспоминания в источниковедении являются субъективным фактором для науки, то акты

о совершенных злодеяниях — важный источник по изучению истории Великой Отечественной войны.

9 мая 1944 года Севастополь был освобожден, и вечером Москва салютовала воинам-освободителям 24 залпами из 324 орудий.

В мае для детального расследования кровавых злодеяний немецко-румынских войск были созданы районные и городская комиссии, которые занимались опросом свидетелей и организацией раскопок в местах массовых расстрелов. Были установлены факты планомерного истребления мирных граждан и военнопленных.

13 мая 1944 года был составлен акт о зверствах и разрушениях в Корабельном, 14 мая — в Центральном и Северном районах города.

3 июля 1944 года был составлен акт о совершенных злодеяниях и нанесенном ущербе немецко-румынскими захватчиками в городе Севастополе.

Акт составили: председатель городской комиссии Лесик Павел Иванович, заместитель председателя — председатель горсовета и депутат Верховного Совета СССР Ефремов Василий Петрович, секретарь Кирилук Михаил Васильевич, члены комиссии: Сарина А. А., Боровков А. Ф., Казаков С. И., Бакаев М. И., профессор медицины Славский Г. М., священник православной церкви отец Борис Пекарчук, учительница Пашистова Н. В.

Акт городской комиссии состоял из пяти разделов.

В первом разделе собраны факты о расстрелах, сожжениях, потоплениях в море и истреблении советских мирных граждан и военнопленных, подтвержденные актами районных и городской комиссий.

Из письма Александры Лазаренко ясно, что фашисты начали грабить и убивать людей сразу после вступления в город: «Три дня продолжался повальный грабеж. Затем немцы переписали все население. ...Виселицу устроили на той площадке, где был нарсуд, и нам со двора было все видно. Выйдешь утром, смотришь — висят три новых трупа. И так каждый день, вешали все больше молодых парней, пленных краснофлотцев и красноармейцев. Немцы начали устраивать на каждой улице запретные зоны. Жителям, чьи дома попадали в эти зоны, немцы приказывали выселиться в течение полутора часа. Кто не успевал этого сделать, тех расстреливали на месте» [5, л. 12].

В документах Госархива г. Севастополя сохранился подлинный акт о расстреле мирных жителей, подписанный председателем райисполкома Северного района г. Севастополя Моисеевым, помощником секретаря горкома ВКП (б) Терещен-

ко, начальником службы МПВО города капитаном Репиным и др.

С 19 на 20 июня 1942 года группа мирных жителей — стариков, женщин и детей в количестве 28 человек в поселке Учкуевка, укрываясь от вражеских бомб и артиллерийских снарядов, находилась в пещере на территории поселка. Неожиданно в пещеру ворвались несколько немецких автоматчиков, которые учинили зверскую расправу над находившимися там людьми. Расстреляли 27 человек. Спасти удалось только одной девочке: она вышла из пещеры за несколько минут до прихода фашистов, находилась недалеко и все видела. О чем и был составлен акт [2, л. 44].

Житель поселка Инкерман Федор Карпович Грибенюк показал: «В поселке Инкерман был устроен лагерь для советских военнопленных. Около лагеря я пас скот и видел, как военнопленных делили на 30–40 человек, выводили из лагеря и на расстоянии 400 метров расстреливали по одному. Перед расстрелом пленных заставляли рыть себе могилы. Затем каждого ставили на колени и стреляли в затылок из винтовок. Расстрелы производились ежедневно. Всего в этом лагере было уничтожено 450 человек» [2, л. 5].

В районе лагеря военнопленных на Северной стороне с сентября по октябрь 1942 года было расстреляно 200 человек и в районе лагеря по улице Пирогова, 1 было расстреляно 25 человек, что подтверждается показаниями свидетелей и актами произведенных раскопок.

На основании свидетельских показаний граждан Корабельного района Зинченко Наталии Дмитриевны, Дереевой Ефимии Тихоновны и Зинченко Веры Николаевны, проживающих по проспекту 25 Октября в доме 12, установлены факты зверского обращения с советскими военнопленными в лагере, организованном с 3 июля 1942 года в зданиях бывшего полуэкипажа Черноморского флота. В течение всей зимы — с ноября 1942 по апрель 1943 года — каждое утро немцы по 20–30 военнопленных заживо закапывали в воронках от авиабомб.

Комиссия установила, что за период с 1 июля 1942 года (с момента организации немцами лазарета) по февраль 1943 года «от нечеловеческих условий содержания умерло 2500 раненных военнопленных. При организации лазарета больным в течение 5–6 дней немцы не давали ни воды, ни хлеба, цинично заявляя при этом — это наказание за то, «что русские с особым упорством защищали Севастополь». «Бойцов и командиров швыряли на цементный пол, где они истекали кровью 7–8 дней и умирали» [2, л. 6].

Другое свидетельство: «4-го декабря 1943 года на станцию Севастополь прибыли из города Керчи 3 эшелона раненых военнопленных из Керченского десанта. Загрузив ими баржу, стоящую в Южной бухте у пристани, немцы подожгли ее. Раздались душераздирающие крики военнопленных».

Таким образом, погибло 3000 человек раненых, привезенных из Керчи, из которых 1000 сгорели, а 2000 человек были потоплены в море [2, л. 7–8].

На основании заявлений родственников и знакомых расстрелянных — Терещенко Игнатия, Поцелуева Ефима, Архипова Василия и других жителей г. Севастополя и произведенных 28, 29 мая и 6 июня 1944 года раскопок комиссия установила, что в районе Юхариной балки и хутора Полуди немцы расстреляли 63 человека, в числе которых были Ревякины Александр и Лидия, Терещенко Николай, Иваненко Яков, Калинин Георгий, Поцелуева Ефросиния и многие другие [3, л. 62].

«В октябре 1943 года, — показал священник отец Борис Пекарчук, — на станцию Севастополь прибыло 5 запломбированных вагонов с военнопленными. При вскрытии вагонов оказалось, что 98 человек были уже мертвы».

Жительница Севастополя Зинаида Морковкина, проживающая по спуску Петрова в доме № 21, рассказала, что «немцы выводили военнопленных группами из бывшей продовольственной базы Черноморского флота, избивали их палками и закапывали в ямах». Эти факты были подтверждены произведенными раскопками и актом комиссии Центрального района города Севастополя № 6 от 30 июня 1944 года, которым установлено наличие в трех ямах 150 скелетов, а также зарытие в ямы военнопленных полуживыми.

27 июня 1944 года раскопки подтвердили факт массового расстрела 2500 мирных жителей, о чем свидетельствовала гражданка Елена Терещенко, проживающая в поселке Новая Земля.

Дикую расправу учинили немцы над еврейским населением Севастополя. 12 июля 1942 года они «согнали женщин, детей и стариков на стадион «Динамо» и начали свою кровавую расправу. Отняв все вещи, подвергли евреев избиениям, затем побросали на машины и увезли на 4-й км Балаклавского шоссе и расстреляли у противотанкового рва свыше 1500 человек». Среди расстрелянных были профессор Фирзон А. М., доктор Звенигородский и другие врачи — Гершгорн, Пантофель, Цедербаум, инженер Херсонский, бухгалтер Мендельсон и другие».

Кроме того, большое количество евреев вывозилось из Севастополя для расстрела в деревню Старые Шули (ныне Штурмовое) Балаклавского района и деревню Болтачекрак у города Бахчиса-

рая, что подтвердили жители Бахчисарая Каракоз Захар Петрович, Калетинкин Дмитрий Дмитриевич и жители деревни Старые Шули З. Т. Кульзинская и Е. Я. Егошева.

Всего расстреляно 4200 евреев — мирных жителей [2, л. 9].

Гитлеровцы наряду с массовыми расстрелами практиковали злодейское потопление мирных граждан в открытом море. Пленный обер-ефрейтор Фридрих Файле из воинской части 2–19 М. К. А. (Морская транспортная рота) показывал: «Находясь в Севастопольском порту, я видел, как в порт на автомашинах привозили мирных граждан, среди которых были женщины и дети. Всех русских погрузили на баржу. Многие сопротивлялись, но их избивали и силой заставляли входить на суда. Всего было погружено около 3 тыс. человек. Баржи отчалили. Долго над бухтой стоял плач и вопли. Прошло несколько часов и баржи пришвартовались пустые. От команд этих барж я узнал, что всех выбросили за борт» [2, л. 10].

8 декабря 1943 года близ Севастополя было потоплено 5000 заключенных, содержащихся в городских тюрьмах и гестапо.

По ночам немецко-румынские изверги врываются в дома, избивали и насиловали женщин. «10 апреля 1944 г. группа пьяных немцев ворвалась в дом № 16 по ул. Дзержинского и изнасиловали 70-летнюю старуху Михайловскую, эта же группа немцев ворвалась в другую квартиру и изнасиловали гражданок Постникову и Воронцову».

Во втором разделе акта речь шла об использовании мирного населения в качестве маскировки военных транспортов и угоне в рабство.

С октября 1943 года фашисты начали эвакуацию из Севастополя своих войск и техники. Для маскировки военных транспортов они грузили на палубу мирных жителей — детей, женщин и стариков.

Так, заведующая промышленным отделом Севастопольской городской управы И. А. Волкова показала: «Для прикрытия транспорта, на которые грузились войска и грузы, на верхнюю палубу сажали мирных граждан — женщин, детей и стариков. Делалось это так: сперва объявлялась добровольная эвакуация в Германию, предлагалось взять с собой побольше вещей и явиться в ортскомендатуру. Население на добровольную эвакуацию не шло. Тогда немецкая жандармерия, под руководством начальника жандармерии — немца старшего лейтенанта Шреве оцепляла один из районов города, давая на сбор 30 минут, сгоняла население к машинам, насильно сажали людей и увозили транспортами» [2, л. 10].

Из письма А. Лазаренко: «... бездетных граждан от 15 до 45 лет насильно угоняли в Германию. Кто не хотел попасть в немецкое рабство и скрывался, тех гестаповцы ловили и вешали» [5, л. 12].

Свидетель И. А. Волков вспоминал: «Лиц, уклонявшихся от эвакуации в Германию, немцы ловили и топили».

Из показаний М. П. Соколенко, М. И. Лемешенко, Н. И. Легостаева: «14 сентября 1942 года со станции Севастополь было отправлено 2 эшелона по 60 вагонов в каждом эшелоне и по 55 человек в вагоне с гражданами. Двери были закрыты на болтах. Охрана очень строгая, никого к вагонам не подпускала, вагоны были грязные, из под живности, т. е. с навозом. По естественным надобностям из вагонов не отпускали, и все это происходило в вагонах. Оба эшелона ушли в один день. При отправлении слышались душераздирающие крики. В эшелонах находилась как молодежь, так и старики до 65 лет» [2, л. 10].

Комиссией было установлено, что за период оккупации города Севастополя немецко-румынскими захватчиками было расстреляно, сожжено, утоплено в море и умерщвлено 27306 человек мирных граждан и военнопленных.

Вывезено мирных жителей в качестве маскировки военных транспортов 9 тыс. человек и угнано в рабство 33600 человек мирных граждан (всего 42600).

Если на июнь 1941 года в Севастополе проживало 137 тыс. человек, то на день освобождения в нем осталось около 3 тыс. человек [7, с. 543].

В третьем разделе акта собраны материалы об уничтожении и разграблении промышленных предприятий города Севастополя в период оккупации.

Гитлеровцы с первых дней войны планомерно и систематически разрушали город, превращая его в руины.

Участник обороны Севастополя И. Н. Бажанов вспоминал, что с воздуха «город представлял из себя сплошной пожар... Вспышки от выстрелов всех типов оружия, вспышки от разрывов мин, снарядов, гранат, отдельные пожары, багрово-красные клубы дыма и всем так ненавистные моргающие осветительные и сигнальные ракеты, пунктиры трассирующих пуль и снарядов — все это представлялось нам с высоты в кошмарном виде огненного водоворота» [4, л. 36].

Заняв город, оккупанты разграбили уцелевшее оборудование, а техническое, энергетическое оборудование, инструменты и материалы были вывезены в Германию. Были разграблены: завод им. Серго Орджоникидзе со всеми сооружениями, судоверфьями и доками, авторемонтный завод,

мастерские Связьмортреста, Электромортреста, Мехстройзавода, мастерские военного порта, мясокомбинат, мощный холодильник и льдозавод, макаронная фабрика, мыловаренный завод, хлебозавод, пекарни, трикотажная фабрика, завод шампанских вин, швейная фабрика, завод «Молот», зернохранилище, 11 промысловых артелей.

Кроме того, комиссия констатировала: «... Разрушены ценнейшие сооружения Торгового и Военного порта, причалы, плавучие и паровые краны, склады, служебные помещения порта превращены в развалины. Фашисты взорвали, сожгли и разграбили 3 электростанции и высоковольтную сеть, лишив население города электроэнергии. Оборудование ГРЭС № 1, турбина мощностью 12 тысяч кв/а демонтированы и вывезены в Германию. Вывезено со станции 50 электромоторов, полностью разрушен железнодорожный узел, взорваны Камышловский мост и 4 тоннеля. Полностью уничтожена городская автоматическая телефонная станция. Разгромлены совхозы: им. Софьи Перовской, № 10 и № 14 треста пригородного хозяйства с поголовьем скота: свиней — 1800, крупного рогатого скота — 300, овец — 300, виноградники, а огородные культуры, парники и посевные площади — заминированы» [2, л. 13–14].

В четвертом разделе акта особо выделены факты разрушений и разграблений культурных ценностей. Пострадали культурно-просветительные учреждения города, исторические памятники и коммунальное хозяйство.

В Севастополе до войны было 28 школ, 2 техникума, 32 детских учреждения, 6 библиотек, 20 клубов, 2 театра, 4 музея и 432 памятника, которые были разграблены и разрушены. «Лучшая в Советском Союзе морская библиотека, насчитывающая 160 тыс. экземпляров книг, с большим числом редких, разграблена и сожжена. Биологическая станция Академии наук, основанная академиком Ковалевским в 1871 году, имевшая 16 аквариумов и отражавшая в экспонатах Азовское, Черное, Мраморное и Средиземное моря, — разрушена и сожжена. Малахов курган, Исторический бульвар, Братское кладбище — варварски разрушены. Все революционные памятники разрушены. Бронзовые фигуры увезены. Над памятником лейтенанта Шмидта надругались, сделал из него убежище, выбросив из могилы останки. Памятник 49 коммунарам, капитану Казарскому — разрушены. Взорваны башня Херсонесского маяка и башня часов (Минная). Исторические кладбища — английское и французское — совершенно разорены. Вандалы в беспомощной злобе специально подрывали шашками надмогильные памятники английским генералам и офицерам.

Из Владимирского собора выброшены останки адмиралов Лазарева, Корнилова, Истомина, Нахимова. Михайловская церковь, Петропавловский собор, Георгиевский монастырь — разрушены», — отмечено в акте [2, л. 14–17; 5, л. 63].

По показаниям ряда свидетелей комиссия установила, что разрушениями и грабежом культурных ценностей и памятников руководил ортскомендант полковник Гангш.

«Комплекс археологических памятников, относящихся к древнегреческой (с V до н. э. по I до н. э.), римской (I–IV в.) византийской (V–XV) эпохам, уничтожены и растащены. Собор св. Владимира, первоклассный памятник архитектуры и живописи, построенный на месте крещения князя Владимира, подорван, редчайшие экспонаты расхищены. Разрушением и расхищением музея руководили командир 123-й пехотной дивизии фон-Вивкан, адъютант граф Ламсдорф, капитан Вейскопф, обер-лейтенант Фохт и полковник Кольб».

Всем известна трагедия Панорамы. В газете «Маяк Коммуны» писали: «В результате прямых попаданий бомб и артиллерийских снарядов великий памятник русского народа, созданный в 1908 году знаменитым художником Рубо, разрушен. Совершен акт неслыханного в истории человечества злодеяния, дикого, разнузданного варварства. Лишь люди, потерявшие всякий человеческий облик, превратившиеся в диких зверей, способны поднять руку на такой памятник мировой культуры, каким являлась Севастопольская Панорама» [6].

Таким образом, разграблением и разрушением культурных ценностей, памятников и культурно-просветительных учреждений немецко-фашистские захватчики нанесли городу ущерб, выражающийся в сумме 645 620 000 рублей.

Фашистские варвары полностью уничтожили коммунальное хозяйство города. Они разрушили и сожгли: 7800 коммунальных, частновладельческих и хозяйственных домов с общей кубатурой 5.325.000 кубических метров, городской водопровод и канализацию, бани и прачечные. Полно-

стью уничтожены трамвайное хозяйство, городские электросети. Благоустроенные улицы, площади, набережные, бульвары, в том числе Приморский — излюбленное место отдыха горожан, превращены в пустыри.

В пятом разделе было констатировано разрушение учреждений здравоохранения и курортов.

Гитлеровцами был «разрушен весь комплекс зданий 1-й городской больницы, 2-я районная, 12 поликлиник и амбулаторий, 2 детские поликлиники, 2 детские консультации, 2 детские молочные кухни, 3 родильных дома, 2 диспансера, Военно-морской госпиталь, а ценное оборудование и мягкий инвентарь — расхищен».

«Имеющий мировую известность Институт физических методов лечения имени Сеченова и при нем клиника имени профессора Щербака и санаторий, основателем которого являлся ученый с мировым именем профессор Щербак, разрушены и сожжены. Городские курорты «Учкуевка», «Омега», дом отдыха судостроителей на даче Максимова и остальные дачи — разграблены и разрушены, ценное оборудование и аппаратура вывезены в Германию» [2, л. 17].

Ущерб в этой области составил 52 243 754 рубля, а всему народному хозяйству города был нанесен ущерб на сумму 2 162 499 000 рублей [1, л. 1, 2].

В конце актов имеются выводы и списки фамилий с указанием занимаемых должностей тех, кто был виновен в произведенных разрушениях и зверствах над мирным населением.

Сохранились в архиве письма и телеграммы в адрес военного трибунала, в которых не просьба, а «крик души» — «Судить беспощадно» тех, кто виновен в злодеяниях. Письма пронизаны болью и горечью потерь. Прикасаясь к пожелтевшим документам, написанным от руки, отчетливо понимаешь весь ужас войны.

Необходимо чаще обращаться к архивным документам, чтобы найти ответы на поставленные вопросы.

Правдивый взгляд в прошлое — это шаг в будущее.

Источники и литература:

1. Государственный архив г. Севастополя (ГАГС), ф. Р-79, оп. 2, д. 5.
2. ГАГС, ф. Р-434, оп. 2, д. 42.
3. ГАГС, ф. Р-539, оп. 1, д. 62.
4. ГАГС, ф. Р-539, оп. 1, д. 170.
5. ГАГС, ф. Р-539, оп. 1, д. 178.
6. Маяк Коммуны. — 1942. — 27 июня (№ 70).
7. Севастополь: Энциклопедический справочник. — Севастополь, 2008.

**МНОГОТИРАЖНЫЕ ГАЗЕТЫ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА ПЕРИОДА
ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ 1941–1942 ГГ.
(по документам фонда М. А. Любчикова)**

В Государственном архиве города Севастополя хранится фонд Михаила Андреевича Любчикова — члена Союза журналистов СССР, участника обороны и освобождения Севастополя. В годы Великой Отечественной войны М. Любчиков — старший инструктор по комсомольской работе в Военно-морском училище им. ЛКСМУ, с апреля 1942 года — помощник начальника Дома Военно-морского флота Новороссийской Военно-морской базы, с марта 1943 года — редактор многотиражной газеты 2-й бригады торпедных катеров «На страже рубежей». После войны Михаил Андреевич занимал различные должности в Политуправлении Черноморского флота, вышел в отставку в 1974 году в звании капитана I ранга.

В фонде М. А. Любчикова значительную часть составляют документы периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Это листовки и брошюры с описанием подвигов и биографиями Героев Советского Союза, получивших это звание в боях за Севастополь, Керчь, Малую землю, плакаты военных лет. К особо ценным документам отнесены подлинные: клятвы воинов-черноморцев, идущих в бой, за 1943 год, боевые листки кораблей ЧФ за 1941–1942 гг., воспоминания участников героической обороны Севастополя 1941–1942 гг., написанные в 1944–1945 гг. [2].

Большую группу документов за 1941–1945 гг. составляют подшивки газет «Красный черноморец» и «Красный Крым», а также многотиражных краснофлотских газет, которые не только представляют источниковедческую базу по изучению истории журналистики периода Второй мировой войны, но и содержат богатейший фактический материал по истории обороны и освобождения Севастополя в Великой Отечественной войне.

В условиях начавшейся войны вся агитационно-пропагандистская и организаторская деятельность прессы была направлена на то, чтобы каждый советский человек осознал личную ответственность за судьбу Родины и внес максимальный вклад в общую борьбу против немецко-фашистских захватчиков.

Новые задачи, вставшие перед прессой, потребовали перестроить ее работу, реорганизовать ее структуру, строго подчинив требованиям вой-

ны. Необходимо было создать на фронте массовую печать, широкая сеть которой позволила бы осуществить влияние на каждого воина; пополнить фронтовую прессу журналистскими кадрами; создать новые органы печати.

В начале войны ЦК ВКП (б) принял ряд постановлений по работе советских средств массовой информации. К числу важнейших относились постановления «О работе на фронте специальных корреспондентов» от 9 августа 1941 года и «О работе военных корреспондентов на фронте» от 9 августа 1942 года. Оба документа обязывали командующих создавать условия для нормальной работы военных корреспондентов. Партия приняла ряд решений в интересах и самой фронтовой печати. Среди важнейших директив выделяются такие, как «О мобилизации журналистских кадров в военную печать», «Об организации партийно-политической работы в условиях войны».

В период оборонительных боев за Севастополь вплоть до июня 1942 года в городе издавались местная газета «Маяк Коммуны» и газета Черноморского флота «Красный черноморец». Огромную мобилизующую роль играли краснофлотские газеты соединений и кораблей Черноморского флота. На флоте выходили 16 печатных газет, из них три в бригадах морской пехоты, одна в ОВРе («За Родину»), одна в частях Береговой обороны Главной базы («Защитник Севастополя»), на линкорах и крейсерах («На страже Родины» на линкоре «Парижская коммуна», «Тревога» на крейсере «Красный Кавказ»), в авиационных соединениях («Атака» у истребителей, «За победу» у бомбардировщиков). Кроме них практически в каждой части выходили стенные газеты и боевые листки.

Печатные газеты публиковали и пропагандировали приказы и распоряжения Верховного Главнокомандования, освещали героическую работу тыла, распространяли передовой опыт, воспитывали стойкость, отвагу, мастерство и самоотверженность, пропагандировали подвиги бойцов и офицеров, боевые традиции флота, боролись за железную воинскую дисциплину.

Политуправление Черноморского флота ежедневно получало все выпуски флотских газет и центральные издания, и редакторы многотиражек

имели возможность знакомиться с опытом лучших газет. Это значительно облегчало их работу.

О наиболее интересных фактах и примерах героизма редакторам сообщалось по телефону.

Все печатные газеты отправлялись в Москву, в Главполитуправление ВМФ, в Военно-морской музей и Книжную палату.

Доставлялась газета бойцам обычно вечером, так как днем пробраться к окопам было почти невозможно. На передовой газеты раздавались парторгам, агитаторам, командирам отделений. Читки проводились утром и днем.

Формат многотиражных газет был небольшим: половина или даже четверть стандартного печатного листа газеты. Рядом с названием всегда помещался призыв быть бдительными и не допустить, чтобы газета попала в руки врага: «С корабля не выносить!», «Прочти и передай товарищу! Из части не выносить!», «По прочтении уничтожить».

Практически с первых дней формирования 7, 8, 9-й бригад морской пехоты начинают выходить газеты этих воинских соединений.

В 8-й бригаде морской пехоты издавалась газета «Во славу Родины». Первый ее номер датирован 25 октября 1941 года, с этого времени экземпляры свежих номеров бойцы получали на передовой почти каждый день. Редакция газеты располагалась вблизи фронта, в домике у дороги на Качу. Ее коллектив вначале состоял из редактора старшего политрука А. Романова и молодых краснофлотцев: наборщика Сергея Сесина и печатника Бориса Ильина. Для оперативной переброски типографии в случае угрозы со стороны противника Политуправление Черноморского флота выделило редакции трехтонную автомашину. Водил ее краснофлотец Константин Кузьменко. Он же по совместительству был и наборщиком. В ноябре 1941 года удалось забрать в редакцию активного военкора старшего краснофлотца А. Бабынина, чьи заметки с передовой были полны живых впечатлений. Автомат, пистолет, гранаты наряду с карандашом и верстаткой были у каждого работника редакции и типографии с первого до последнего дня. «Сейчас даже не верится, — вспоминал Сергей Сесин годы спустя, — что мы в таких условиях небольшим коллективом ежедневно выпускали газету. Да нередко по боевой тревоге брались еще и за автоматы» [3, л. 15–16].

Почти в каждом номере газеты публиковались стихи поэта П. М. Панченко (1907–1994). Павел Михайлович Панченко — поэт и переводчик, до войны вышли его поэтические сборники «Отцовское солнце» (1935), «Аmino compañeros!»: Стихи об Испании» (1936). Он писал о рядовых

бойцах, мужественных защитниках Севастополя. Вслед за корреспонденциями Александра Бабынина, буквально «по горячим следам» слагались стихи: «Разведчики» (посвящается краснофлотцу Дорофееву), «Снайпер Машуков», «Санитар», «Сержант Николай Кузнецов». Простые и искренние строки его произведений были близки и понятны каждому моряку, легко запоминались и часто звучали в окопах, как, например, «Черноморская песня» [5, л. 23 об.]:

*Сколько гадов — не спрашивай,
Крой их в нос и корму!
Севастополя нашего —
Никогда! Никому!*

С февраля 1942 года выпускается газета 9-й бригады морской пехоты «Защитник Родины». Постоянные рубрики «В последний час», «На фронтах Отечественной войны» информировали пехотинцев о ходе боевых действий, «Памятка краснофлотца» учила оказывать первую медицинскую помощь, ориентироваться на местности, пользоваться трофейным оружием. В «Уголке краснофлотского юмора», который назывался «Прикладом по черепу» печатались басни, частушки, юморески. Острые, порой жестокие по содержанию, они были проникнуты твердой верой в победу [6, л. 4 об.]:

*«Выпрямляю фронт восточный» —
Гитлер врет, не уставая.
Но не вывезет бандита
Ни прямая, ни кривая.*

В 7-й бригаде морской пехоты под командованием полковника Е. И. Жидилова издавалась газета «В бой за Родину!». Первый номер газеты вышел 6 сентября 1941 года.

Штат редакции был небольшим: редактор политрук В. Кузьмин (с 1 декабря 1941 года), секретарь редакции старшина 1 статьи М. Марфин, литсотрудники старшина 2 статьи А. Корнеев и старшина 2 статьи Юрин — все не только хорошие журналисты, но и отважные бойцы. В типографии работали старшина 1-й статьи С. Черников, который числился начальником типографии и в то же время наборщиком, второй наборщик — старшина 1-й статьи А. Манусенко и печатник — матрос К. Козлов. Все они были вооружены автоматами и гранатами. Шофер Демиденко — пожилой краснофлотец из запаса — не расставался с винтовкой, штык от которой всегда носил на поясном ремне.

Оборудование типографии было более чем скромное: несколько наборных касс с небольшим количеством шрифтов и печатный станок «американка», который приводился в движение ногой [1, л. 212].

В первые дни наступления немцев на Севастополь редакция находилась на Корабельной стороне, затем в одной из штолен Инкермана, а ко второму штурму Севастополя располагалась в подвале на Максимовой даче.

Сотрудники газеты постоянно находились на передовых позициях бригады, благодаря чему корреспонденции были актуальны, газета располагала оперативной информацией о прошедших сражениях, рассказывала о подвигах защитников города и обстоятельно освещала фронтовые будни [8, с. 212–213].

Неизменным успехом пользовался уголок юмора газеты под названием «На штык». Особенно ждали бойцы публикаций с подписью «мичман Мартын Гик». Под этим псевдонимом писал А. А. Луначарский, работавший в газете до начала 1942 года. Анатолий Анатольевич Луначарский (сын первого наркома просвещения А. В. Луначарского) родился в 1911 году в Париже, где его родители находились в эмиграции. Анатолий получил превосходное домашнее образование и свободно владел французским и английским языками. Занимался журналистикой, литературой и переводческой деятельностью. Спустя месяц после начала Великой Отечественной войны, 20 июля 1941 года, вместе с группой московских писателей и журналистов Анатолий прибывает в Севастополь в распоряжение политуправления Черноморского флота. Вскоре после этого его направляют корреспондентом в газету «Бдительная вахта» — печатный орган соединения охраны водного района ЧФ в Севастополе.

Через два с половиной месяца А. Луначарский добивается перевода в газету «В бой за Родину». В номере за 7 октября 1941 года в ней напечатано его стихотворение «Песня гнева» [4, л. 9]:

*Песня гнева! Грими канонадой,
Алым вымпелом взвейся в бою!
Черноморец! Громи без пощады
Гадов, топчущих землю твою!*

В составе 7-й бригады морской пехоты, начиная с 29 октября 1941 года, лейтенант А. Луначарский принимал участие в боях на севере Крыма, в обороне Симферополя, в начале ноября 1941 года — в прорыве частей Приморской армии, в которую входила бригада, в Севастополь через горно-лесные районы юго-западного Крыма. Затем он участвовал в рядах морских пехотинцев в ноябре-декабре 1941 года в боях по отражению первого и второго штурмов Севастополя войсками 11-й немецкой армии [9].

Все это время в газете постоянно публикуются проникнутые ненавистью и гневом его стихи, басни, статьи.

10 сентября 1943 года А. А. Луначарский, который был одновременно и писателем, и бойцом, и политработником, погиб под Новороссийском, оставив нам очерки и рассказы, стихи и поэмы о героях-черноморцах. Посмертно награжден орденом Отечественной войны II степени и медалью «За оборону Севастополя».

В декабре 1941 года в газете «Красный черноморец» был помещен обзор газеты «В боях за Родину» под заголовком «Боевая краснофлотская», в котором газета получила высокую оценку [7, л. 2].

В период сравнительного затишья на севастопольском фронте всю зиму 1942 года газета широко пропагандировала боевой опыт морских пехотинцев, особенно в области разведки, использования боевой техники, снайперского движения, которое впервые зародилось в батальоне капитана Подчашинского.

В начале лета 1942 года подвал, где помещалась редакция газеты, пришлось покинуть, так как его целиком занял военно-морской госпиталь. Редакция переселилась в верхний этаж здания. Здесь выпускать газету пришлось буквально под градом бомб и снарядов противника. Линия фронта приблизилась к Максимовой даче настолько, что в районе ее уже действовали немецкие автоматчики. Тем не менее, газета регулярно выходила строго по установленной периодичности — через день. Последний номер газеты удалось выпустить 27 июня 1942 года и раздать читателям прямо в бою, который шел уже на Сапун-горе. Номер от 29 июня был сверстан, но напечатать его так и не удалось — был получен приказ комиссара бригады немедленно покинуть Максимову дачу. Работники редакции направились в Севастополь, потом на мыс Херсонес. Возобновить выпуск газеты уже не удалось. Так как типографию спасти было невозможно, моряки уничтожили ее.

Из всего коллектива газеты удалось вырваться лишь секретарю Михаилу Марфину и печатнику Константину Козлову. Коллектив газеты севастопольских морских пехотинцев «В бой за Родину» до конца выполнил свой долг перед Родиной [7, л. 4].

В третий период наступления на Севастополь в июне 1942 года фронтовые газеты мобилизовали личный состав на «отличное» выполнение первомайского приказа Сталина. «Бить врага по-севастопольски», «Умрем, но не отступим», «Ни шагу назад», «Кровь за кровь, смерть за смерть» — эти лозунги реально выражали настроение защитников Севастополя и призывали их к новым подвигам.

В ходе третьего наступления, помимо выходивших в Севастополе трех многотиражных газет

бригад морской пехоты, был организован выпуск еще четырех печатных газет: Береговой Обороны Главной Базы «Защитник Севастополя» (редактор политрук Журавлев), ОВРа «За Родину» (редактор политрук Яцкин), ПВО авиагруппы «Зенитчик» (редактор А. Баренгольц). Краснофлотская газета БО ГБ «Защитник Севастополя» (вышло 7 номеров газеты) в номере первом от 10 июня 1942 года поместила клятву коммунистов батареи капитана Никитенко. Клятву, принятую коммунистами на партийном собрании, газета донесла до личного состава батареи, ее приняли многие бойцы частей БО ГБ. Так газета конкретно помогала в передаче опыта фронтовой работы партийной организации, поднимала дух бойцов, вселяла уверенность в победе над врагом [7, л. 6–7].

В особо тяжелых условиях приходилось выпускать газету «За Родину». Типография этой газеты помещалась под небольшим навесом скалы, в маленькой пристройке (место расположения выяснить не удалось). Эта территория подвергалась многочисленным налетам вражеской авиации, артиллерийскому и минометному обстрелам. От разрывов бомб и снарядов рассыпался набор, перемешивался шрифт в кассах. Но наборщики Петров и Еремин продолжали набирать свою газету, хорошо понимая ее значение.

19 июня вышел первый номер газеты. В ней было опубликовано обращение Военного совета Черноморского флота, призывающее защитников Севастополя оправдать доверие советского народа и не отступить ни шагу назад. Во втором

номере, вышедшем 21 июня, газета рассказала читателям о подвиге Героя Советского Союза Ивана Карповича Голубца. Третий номер газеты не вышел. 22 июня типография была уничтожена взрывом вражеской бомбы [3, л. 9–10].

В Музее детской книги Центральной детской библиотеки имени Гайдара хранится изданный на серой газетной бумаге, пожелтевшей от времени, сборник «Газета в бою», который вышел в свет в 1942 году и явился некоторым обобщением опыта работы фронтовой печати. Сборник содержит статьи и очерки о работе нескольких армейских и флотских газет, среди которых — газеты, выходившие в осажденном Севастополе. Обращаясь к бойцам в самые тяжелые, последние дни обороны города, газета «За Родину» писала: «Скажите: «Я из Севастополя», и каждый житель Большой Земли... взглянет на вас восхищенными глазами, крепко пожмет вашу руку и воскликнет искренно, горячо: «Спасибо, товарищ!..» И суровые, бывалые воины... воздадут вам высокую воинскую честь. Это признание твоей доблести и героизма ты заслужил, севастополец, за июньские дни 1942 года».

Сегодня, когда открываются новые факты, рассекречиваются архивные фонды, переосмысливаются и объективно оцениваются исторические события, фронтовые многотиражные газеты остаются ценнейшими документами, свидетельством мужества и героизма военных корреспондентов, уже в 1941–1942 годах много сделавших для Великой Победы.

Источники и литература:

1. Государственный архив г. Севастополя (ГАГС), ф. Р-434, оп. 12, д. 3.
2. ГАГС, ф. Р-539, оп. 1, д. 62, 170, 171, 174–180.
3. ГАГС, ф. Р-539, оп. 1, д. 34.
4. ГАГС, ф. Р-539, оп. 1, д. 132.
5. ГАГС, ф. Р-539, оп. 1, д. 133.
6. ГАГС, ф. Р-539, оп. 1, д. 137.
7. ГАГС, ф. Р-539, оп. 1, д. 153.
8. Жидилов Е. И. Мы отстаивали Севастополь. — М.: Воениздат, 1960.
9. <http://www.ballion.ru/content/view/538/>

ШПАКОВА И. Е.

ВОПРОСЫ УСТНОЙ ИСТОРИИ. СЕВАСТОПОЛЬ В ПЕРИОД ОБОРОНЫ И ОККУПАЦИИ (1941–1944 гг.) В ВОСПОМИНАНИЯХ ДЕТЕЙ

С середины 40-х годов XX века устная история стала применяться как один из исследовательских методов, используемый самыми разнообразными социологическими и гуманитарными специальностями, в том числе и исторической наукой. Речь идет о ряде разработанных и постоянно развивающихся методов, с помощью которых

исследователь получает новые сведения на основании устного сообщения лиц, бывших участниками или свидетелями того или иного события, или лиц, чьи индивидуальные воспоминания, мнения и взгляды могут обогатить знания исследователя о рассматриваемой проблеме.

Устная история отражает так называемую «малую историю», воспоминания очевидцев, рассматривает сообщение отдельной личности как самобытную познавательную единицу. Таким образом, посредством устной истории исследователь получает новую информацию, знания и факты, которые обогащают, расширяют или корректируют существовавшее ранее представление о различных исторических событиях. Благодаря пережитому и переданному устами свидетеля историк получает возможность придать своему описанию более индивидуальный характер.

Современное архивоведение уделяет значительное внимание вопросам развития устной истории. Архивисты собирают некую сумму информации о прошлом, преломленном в судьбе конкретных людей, готовят документальные публикации по определенным темам, популяризуют данный источник посредством СМИ. Примером подобной работы в области устной истории является создание коллекции воспоминаний жителей Севастополя, переживших оборону и оккупацию Севастополя (1941–1944 гг.) в рамках проекта «Детство, опаленное войной».

Война началась для нашего города, как и для всего Советского Союза, внезапно. Севастополь — главная база Черноморского флота, подвергся нападению вражеской авиации уже в первую ночь войны. 22 июня 1941 года в 3 часа 15 минут гитлеровские бомбардировщики сбросили на парашютах морские мины новейшего образца с целью заблокировать корабли ЧФ в бухте, а затем уничтожить их [3, с. 103, 104]. Однако вражеская авиация, встреченная огнем противовоздушных сил флота, вынуждена была сбросить мины беспорядочно. Две из них упали на жилые кварталы. Свыше 150 человек гражданского населения было убито и ранено в Севастополе в первый день войны. С этой ужасной ночи начинаются практически все воспоминания жителей Севастополя. Жанна Викторовна Струнина написала о том, что накануне перешла в 4-й класс школы № 12 (здание сохранилось, ныне это интернат № 4) и учительница Л. Шкиптан вывезла своих учеников на прогулку в Инкерманскую долину. Дети радовались морю, солнцу, строили планы на лето. Но этим планам не суждено было сбыться. «В ночь с 21 на 22 июня, — вспоминает Жанна Викторовна, — меня разбудила стрельба. Открыла окно и смотрела, как прожекторы разрезали небо, видела, как над морем кружили самолеты и от них отделялись парашюты. Мы с мамой не понимали, что произошло. Накануне были учения, и мы предположили, что они продол-

жаются. Но это началась война» [1, л. 38]. Ирина Ильинична Петрова в первый день войны находилась в центре города. «На всю жизнь, — пишет она, — я запомнила эту ночь, взрывы и звон выбитых стекол. Запомнила и тишину потом, и молчаливую толпу. Все вышли из своих домов, собравшись кучками, никто не решался произнести роковое слово: «Война!» [1, л. 31].

С первых же дней войны началась подготовка Севастополя к обороне. В начале июля жители города вместе с частями гарнизона вышли на строительство оборонительных рубежей: в тяжелом каменистом грунте пробивали противотанковые рвы и окопы, сооружали доты и дзоты, блиндажи и командные пункты, устанавливали противотанковые заграждения [5, с. 567]. Не отставали от взрослых и дети. «Я с мамой поехала на Мекензиевы горы, — вспоминает И. И. Петрова, — там рыли длинный и довольно глубокий противотанковый ров. Я тоже взяла лопату, но добросить глину с камнями до верха не смогла, как ни старалась. Пошла искать другую работу. И вдруг увидела, что за рвом краснофлотцы укладывают куски дерна на какие-то холмики. Оказывается, так маскировали ДОТы и ДЗОТы. Видя, как тяжело они ступают по склону, я вызвалась укладывать дерн на макушку. У меня хорошо получалось, и старшина одобрил» [1, л. 31, 32].

В сентябре 1941 года на севере Крыма разгорелись ожесточенные бои. Слабо оснащенные боевой техникой войска 51-й Отдельной армии противостояли 11-й немецкой армии и румынскому горному корпусу [6, с. 578]. Лидия Николаевна Хаустова работала в медико-санитарной команде железнодорожной станции Севастополь, которой руководил врач Михаил Михайлович Скулари. Лидия Николаевна вспоминает, что в период боев за Перекоп оттуда в Севастополь шли эшелоны с ранеными. «И мы, тоненькие, хрупкие девчонки, которым было по 17–18 лет, выносили из вагонов раненых на носилках и несли их в здание вокзала и на привокзальную площадь. Эшелоны шли один за другим и у нас от тяжести на руках были кровавые мозоли. «Что ж вы, дядечки, такие тяжелые?» — говорили мы, когда уж очень уставали. А они смотрели на нас с такой жалостью, что слезы наворачивались на глаза. В районе паровозного депо в скале было сделано убежище: там находились школа и штаб санчасти. А на самой горе был пост. С него вели наблюдение и сообщали в штаб, где взорвались бомбы или снаряды, чтобы можно было оказать жителям медицинскую помощь. Как правило, успевали вовремя: делали перевязки, доставляли в санчасть. Но был случай,

когда в районе завода «Молот» (за зданием нынешнего ГП «Севастопольский винодельческий завод») взорвалась бомба. Мы поспешили на помощь, но она не понадобилась — человека разорвало на кусочки. Мы стали собирать их на брезент, эти кусочки были как живые, еще шевелились» [1, л. 43–44].

Немецкая авиация беспрестанно бомбила, а артиллерия вела огонь по Севастополю. Лидия Николаевна Хаустова пишет, что на город сбрасывали не только бомбы, но и пустые железные бочки и рельсы, которые в полете издавали жуткий свист. А из воспоминаний Гнеломской Анны Флавиановны можно узнать, что немцы сбрасывали еще и мины в виде детских игрушек — мячей, кукол. Достаточно было взять в руки такую игрушку, и она сразу же взрывалась [1, л. 13 об.].

Но детям в те дни было не до игрушек. Они, как могли, помогали защитникам города. По всему Севастополю вчерашние школьники собирали пустые бутылки из-под шампанского, которые впоследствии заполнялись горючей смесью. «Теперь понимаю, — написала И. И. Петрова, — не от хорошей жизни, а из-за отсутствия необходимого количества гранат и противотанковых орудий брали их будущие герои» [1, л. 32].

Корнеева Евгения Александровна, Кутузова Галина Васильевна, Мергасова Евгения Флавиановна и другие вспоминают, как помогали своим мамам, работавшим в госпиталях. Девочки ухаживали за ранеными, стирали белье, бинты. Мария Васильевна Самойлова вспоминает, что ее мама сутками дежурила в госпитале, и бабушка приносила оттуда сумки с окровавленными бинтами. Мария Васильевна с сестрой их стирали, сушили, а во время налетов вражеской авиации скатывали сухие бинты, сидя на корточках в убежище, которое устроил отец перед уходом на фронт. А убежище это было — простая щель в скале, в которой можно было находиться только согнувшись. Когда мыло закончилось, бабушка приносила глину из Ушаковой балки и стирка бинтов не останавливалась ни на один день [1, л. 34].

Город и фронт в те дни жили как единая боевая семья. Воспоминания Кутузовой (Кияшко) Валентины Павловны дают представление о жизни и быте жителей Севастополя, которые находились в Инкерманских штольнях (Спецкомбинат № 2). Именно шампанское, которое там хранилось, спасало людей в те тяжелые дни. Сначала шампанское хотели вылить, а пустые бутылки использовать для наполнения горючей смесью. Но когда из-за обстрелов невозможно стало ходить за водой, на шампанском готовили пищу и чай.

В штольнях образовался рабочий городок, в котором были школа, детский сад, ясли, хлебозавод, швейная и сапожная мастерские, госпиталь, клуб и общежитие. Каждая семья отгораживалась четырьмя простынями, проходы между импровизированными квартирами назывались «улицами», которые имели названия. Дети учились в школе, а в свободное от занятий время шили сумки для корма лошадей, вышивали кисеты и выступали с концертами перед ранеными. Раненых было настолько много, что тех, кому не хватило кроватей, клали на цементный пол, имеющий наклон, и в образовавшуюся канавку стекала кровь. Не каждый мог вынести вид большого количества крови, и часто те, кто приходил помочь в уходе за ранеными, теряли сознание. «Однажды, — пишет В. П. Кутузова (Кияшко), — когда я дежурила у постели раненого, прибежала медсестра и сказала, что у капитана, который привез раненых и ожидал их выгрузки, во время внезапно начавшегося артобстрела оторвало голову. Он без головы пробежал несколько метров и только потом упал замертво». Вспоминает Валентина Павловна и факт подрыва штолен нашими войсками. Знакомые краснофлотцы-взрывники предупреждали о готовящемся взрыве, но никто не верил в это, так как в штольнях было очень большое количество раненых, которые не могли самостоятельно передвигаться. Тем не менее взрыв прогремел неожиданно, в соседних штольнях воздушной волной все снесло, перевернуло, сорвало перегородки, помещение наполнилось ядовитым запахом угарного газа. Те, кто не мог двигаться, остались на кроватях, горящие люди вскакивали и тут же падали [1, л. 24, 25].

Однако, несмотря на мужество защитников города, в результате третьего наступления, начавшегося 7 июня 1942 года, противник, используя численное превосходство в технике и живой силе, сломил упорное сопротивление воинов севастопольского оборонительного района [5, с. 570]. Из воспоминаний Гнеломской Анны Флавиановны: «1 июля 1942 года наступила непривычная тишина. По радио выступил И. В. Сталин и сказал, что идет подкрепление, держитесь. Но уже через какое-то время по Нахимовскому проспекту ехали немецкие мотоциклисты, а на куполе Владимирского собора развевался немецкий флаг» [1, л. 13, 13 об.].

Немецко-румынские оккупанты начали с установления «нового порядка». Под «новым порядком» подразумевалось освобождение советского народа из «коммунистического плена» [4, с. 721]. Но эта «свобода» по своей жестокости превзошла многие ранее существовавшие виды

рабства. Все воспоминания о периоде оккупации начинаются с рассказов о мародерстве и жестокости захватчиков. «Немцы пришли к нам в дом, поставили нас к стенке, стали рыться в вещах. Папу арестовали и держали в застенках 6 месяцев. Остальным членам семьи чудом удалось избежать отправки в Германию» — вспоминают сестры Елена Флавиановна Мергасова и Анна Флавиановна Гнеломская [1, л. 14, 18, 18 об.].

Евгения Алексеевна Корнеева, жительница Лабораторного шоссе (ныне ул. Ревякина), в воспоминаниях пишет: «Первыми по Лабораторному шоссе в город вошли румыны, так говорили взрослые. Они вошли в наш дом, все что-то искали и забирали все, что им приглянулось. Моя сестра и два двоюродных брата стояли на улице около дома. Один солдат подошел к сестре, погладил ее по голове и сказал: «Пленный, пленный». После этого она долго болела и у нее выпали все волосы».

В июле 1942 года захватчики гнали по Лабораторному шоссе пленных защитников Севастополя. Они шли израненные, изможденные. «Мы, дети, вместе со взрослыми набирали в бутылки воду, закрывали их бумажными пробками и старались как-то передать их пленным, — продолжает в своих воспоминаниях Евгения Алексеевна Корнеева (Лялина). — На лошадях ехал немецкий конвой и если замечали, что пленным дают воду, били людей плетками. Плетками также подгоняли пленных, а если кто падал и не мог больше идти — пристреливали на месте. Некоторым пленным удалось бежать, и они прятались у жителей, переходя из одного дома в другой» [1, л. 19 об.].

15 июля 1942 года вышел приказ ортскоменданта г. Севастополя о проведении регистрации населения. В городе был установлен жесточайший режим прописки. А в августе 1942 года немцы ввели трудовую повинность. Все трудоспособное население Севастополя от 14 до 65 лет обязано было отработать 28 дней в месяц на строительстве оборонительных сооружений, шоссе и железных дорог, на расчистке улиц, домов и т. д. На работу жителей полиция сгоняла насильно. Для уклонявшихся применялась мера наказания — повешение или расстрел [4, с. 722]. Первого сентября 1942 года во дворе школы № 25 на ул. Пушкина (ныне на этом месте находится сквер им. Бузина) были повешены трое ребят: Николай Лялин, Анатолий Власов и Владимир Мацук. У каждого из них на груди была табличка с надписью «За саботаж». Об этом с болью пишет Е. А. Корнеева (Лялина). Ведь один из повешенных, Коля Лялин, ее двоюродный брат [4, с. 722; 1, л. 20].

Вспоминают очевидцы и о полуголодном существовании в оккупированном Севастополе.

Мария Васильевна Самойлова пишет, что бабушка приносила со свалки, куда немцы выбрасывали отходы камбуза, рыбы головы, хвосты и пр. Все это бабушка мыла, варила и кормила свою семью. А Степанова Раиса Антоновна вспоминает: «Наши, уходя, облили все припасы склада макаронно-мучной продукции (находился на ул. Портовой, напротив здания холодильника) керосином и подожгли, чтобы немцам не досталось. Местные жители тушили огонь и уносили с собой то, что удавалось спасти» [1, л. 34, 37]. Несмотря на то, что прошло много лет и, в основном, воспоминания написаны детьми, тем не менее, практически все помнят не только рецепт, но и дымно-керосиновый вкус лепешек, приготовленных из той муки.

Жители Севастополя голодали, но находили возможность каким-либо образом передать еду узникам лагерей для военнопленных, находившихся на территории города. На территории школы № 28 по ул. Лазаревской находился такой лагерь. «Каждый день военнопленных гнали на работу, а мы в это время шли в школу, — пишет Кутузова (Кияшко) В. П. — Они были плохо одеты и обуты, в основном в самodelки. По дороге пленные падали в голодные обмороки, немцы тут же их добивали дубинками и закапывали на обрыве над железной дорогой, за стеной, где сейчас памятник матросу Кошке. Передать пленным еду было невозможно, т. к. немцы избивали всех, кто пытался приблизиться к колонне» [1, л. 26]. После освобождения Севастополя учителя, родители и дети стали приводить школу в порядок. Со слезами на глазах читали они предсмертные записи на стенах классов. А в одном из них пол был пропитан кровью. Как выяснилось, там пытали и казнили пленных. «Очень жаль, — пишет Корнеева Евгения Алексеевна, — что школу разрушили, а место, где фашисты зверски издевались над нашими соотечественниками, не обозначили памятной доской».

22 месяца властвовали немецко-румынские захватчики в Севастополе, но час расплаты приближался. Вспоминает Евгения Алексеевна Корнеева (Лялина): «Когда немцы почувствовали, что приближаются наши войска, стали выгонять из домов жителей Лабораторного шоссе, оцепленного поверху гитлеровскими автоматчиками. Наша мама, вернувшись из города, рассказала, что видела, как немцы загружают баржи своими войсками. А на верхней палубе размещают женщин и детей [1, л. 20]. Кутузова (Кияшко) В. П.: «1 мая 1944 года гитлеровцы, погрузив гражданское население на грузовые машины, вывезли нас в Стрелецкую бухту и загнали нас на транс-

портное судно, в трюме которого сидели немцы и румыны. Началась бомбежка. Женщины стояли на палубе и, подняв детей над головами, плакали и кричали. Наше судно было повреждено. Волной смыло за борт несколько человек, молодой женщине с грудным ребенком оторвало обе ноги. Корабль стал тонуть, многие стояли на коленях и молились, мы с мамой попрощались и стали ждать смерти. Вода в бухте была красной от крови, раненные громко кричали. Командование транспорта приняло решение вернуться в город. Пришвартовались около госпиталя. Люди в панике бежали с корабля, но гитлеровцы пытались препятствовать нам. С трудом удалось прорваться, прибежали к своему дому (ул. Комсомольская, 12) и, спрятавшись в развалках, стали ждать освобождения» [1, л. 27].

Когда советские войска были совсем близко, многие привязывали красный материал на палку и выставляли такой импровизированный флаг на улицу.

Кутузова (Папуш) Галина Васильевна в период оккупации временно проживала с мамой в уце-

лвше́й комнате разрушенного дома в Балаклаве. Она вспоминает, с какой радостью они встречали первых советских разведчиков. Их было всего 7 человек, но это были предвестники долгожданного освобождения. Видела она, и как летели снаряды на Сапун-гору во время артподготовки перед штурмом [1, л. 30].

7 мая 1944 года Сапун-гора была взята советскими войсками, а к вечеру 9 мая освобожден Севастополь [2, с. 438]. Закончились мучения, страдания и унижения, принесенные жителям нашего города гитлеровскими оккупантами. Но память об этом осталась в сердцах не только взрослых, но и детей. Эти воспоминания не имеют срока давности. Особенно в современных условиях, когда некоторые средства массовой информации, а также лжеисторики в угоду сложившейся в стране политической ситуации фальсифицируют историю нашего государства. Воспоминания свидетелей тех трагических дней необходимы, прежде всего, нам, потомкам. Потому что предавая забвению прошлое, мы утрачиваем нашу историческую память.

Источники и литература:

1. Государственный архив города Севастополя (ГАГС), ф. Р-434, оп. 2, д. 73.
2. Агишева И. Ю. Крымская наступательная операция и освобождение Севастополя в 1944 году//Севастополь: энциклопедический справочник — Изд. 2-е. — Севастополь, 2008.
3. Ванев Г. И. Севастополь. Страницы истории. 1783–1983: справочник. — Симферополь: Таврия, 1983
4. Задорожная Н. Ф. Севастополь в период оккупации немецко-фашистскими войсками (1.07.1942–9.05.1944)//Севастополь: энциклопедический справочник. — Изд. 2-е. — Севастополь, 2008.
5. Смольская Л. М. Оборона Севастополя, главной базы Черноморского флота (30.10.1941–4.07.1942)//Севастополь: энциклопедический справочник. — Изд. 2-е. — Севастополь, 2008.
6. Стогний Д. Ю. 11-я армия Вермахта//Севастополь: энциклопедический справочник. — Изд. 2-е. — Севастополь, 2008.

АВАКЯН В. Р.

ДИНАМИКА ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ В ПОСЛЕВОЕННОМ СЕВАСТОПОЛЕ (1944–1957 гг.)

В период Великой Отечественной войны Севастополь был разрушен на 94%. Ущерб, нанесенный народному хозяйству, составил 2,5 млрд. рублей. Частично уцелели жилые площади, в основном, в малоэтажной застройке на окраинах города. Сохранилась незначительная часть подземных инженерных сооружений [8, с. 59].

Все жилые дома, магазины, предприятия, учреждения были превращены пожарами, воз-

душными налетами и взрывами в груды развалин. Повсюду на земле зияли огромные воронки и котлованы. Не улицы, а сплошное каменно-землистое месиво. Таким был Севастополь в мае 1944 года.

Еще до освобождения Севастополя постановлением Государственного комитета обороны СССР 26 апреля 1944 года была создана основная строительная организация «Севастопольстрой» под руководством наркома по строительству

И. В. Бехтина. Решением СНК СССР от 19 ноября 1944 года организован городской строительно-монтажный трест «Севастопольгражданстрой», подчиненный Горсовету.

Первоначально не было единой точки зрения по вопросу о том, каким же будет возрожденный Севастополь, будет ли он копией довоенного города, или это будет совершенно новый, современный город.

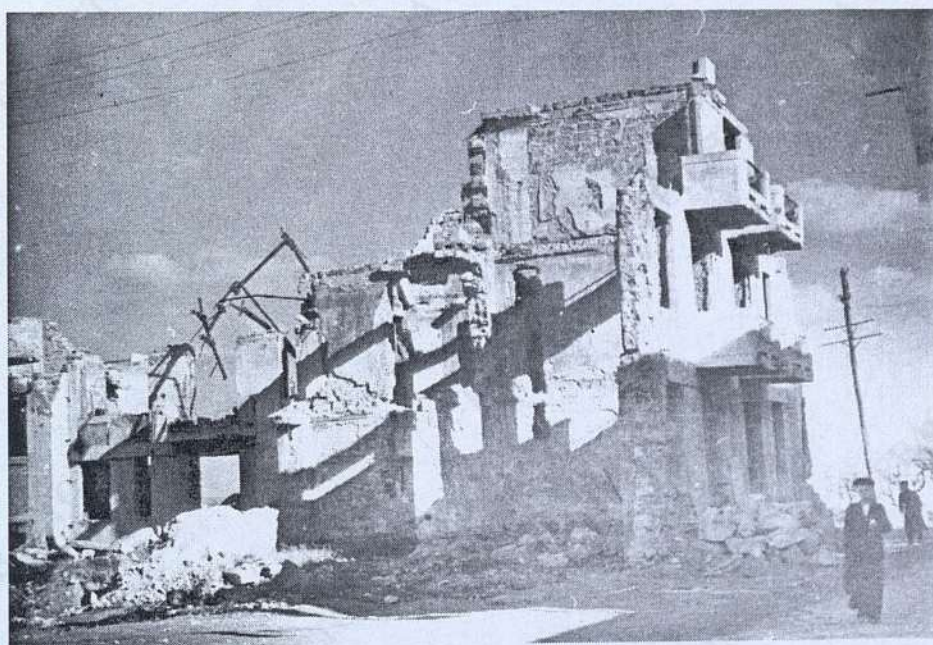
Придавая особо важное значение планировке Севастополя, Комитет по делам архитектуры при СНК СССР поручил разработку схемы Генерального плана города одновременно двум организациям: Центральному Проектному бюро Наркомвоенфлота — группе архитекторов под руководством профессора Г. Б. Бархина и Мастерской Академии архитектуры во главе с академиком М. Я. Гинзбургом. Предполагалось, что творческое соревнование двух указанных коллективов обеспечит высокое качество проекта планировки города, и к 1 января 1945 года город получит проект Генерального плана.

Профессор Бархин приезжал в Севастополь для ознакомления с местностью и спецификой города. В итоге он предложил фактически построить город заново. Вместо выявления и усиления исторически сложившегося и ярко выраженного характера города в проекте был представлен совершенно новый город — тяжелый академический, не связанный ни с традициями, ни с характером данного места. Проект изобилует излишествами в размерах декоративных сооружений (предусматривались 300-метровые колоннады, гигантские лестницы), имел ряд других крупных недостатков.

В Генеральном плане города не было решено размеще-

Разбитая Графская пристань. 4 мая 1944 г.

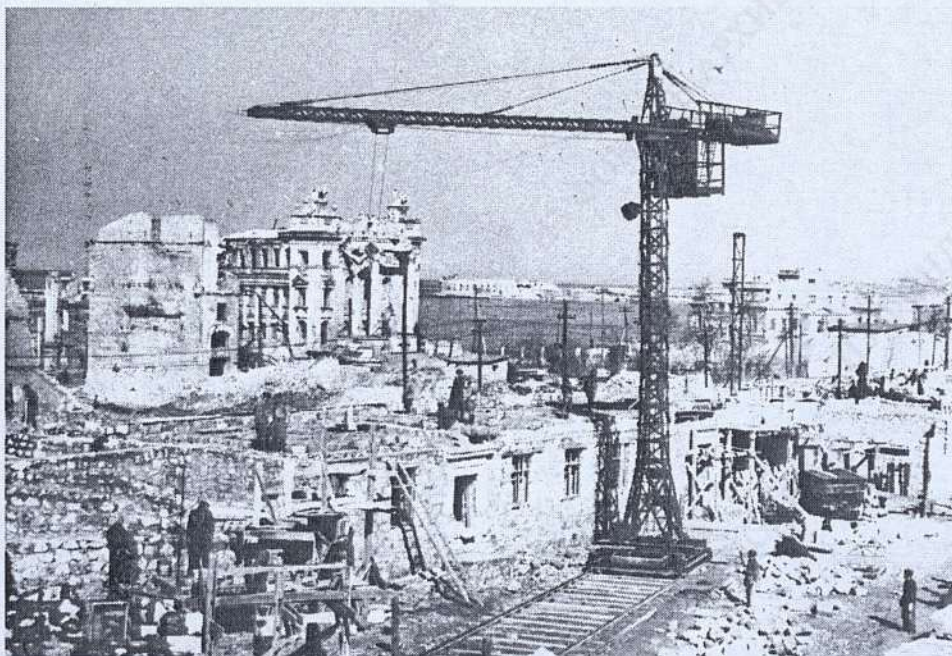
Руины центра города. 1946 г.

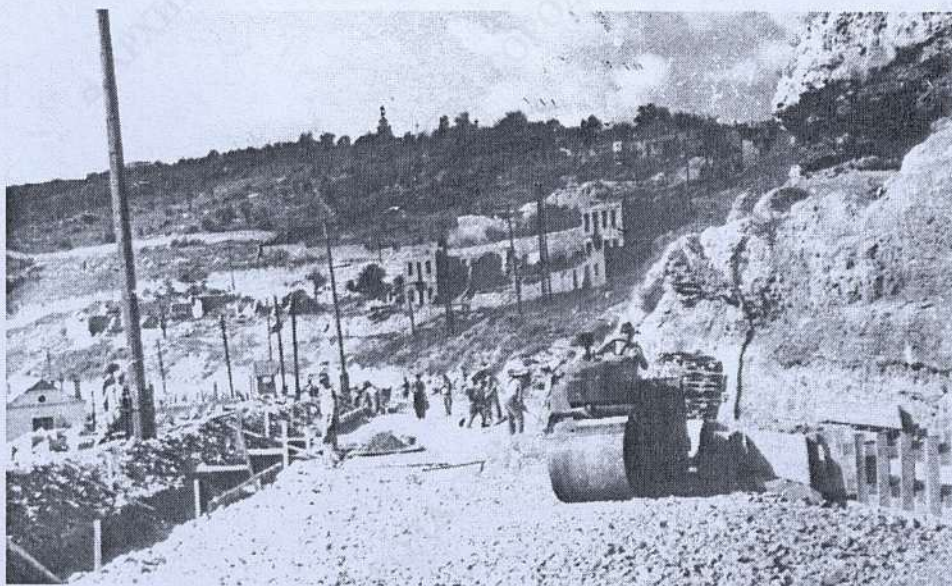
В освобожденном городе. 2-я пол.1940-х гг. Фото Покатило М.Б.

Разборка руин на улице Большая Морская. 1948 г.

Застройка проспекта Нахимова. 1948-1949 гг.

Строительство троллейбусной линии. Работают пленные немцы. 1948 г.

ние основных объектов ВМФ и предприятий города. Площадь Парадов (современная площадь Нахимова) решена была в проекте за счёт значительного сокращения Приморского бульвара, что привело бы к невозможности для населения Севастополя утрате ценного и красивого места отдыха. Размещение на площади Парадов памятника Славы в виде башни высотой 120 метров не согласовывалось с масштабами площади и застройки центральной части города [3, л. 2]. Очередность строительства, предлагаемая проектом, предусматривала в I-й и II-й очередях возведение, главным образом, многоэтажных построек, а строительство малоэтажных и одноэтажных домов было отнесено к III-й очереди, что противоречило жизненным потребностям и реальным возможностям восстановления города.

Ввиду своей оторванности от жизненных реалий, проект Г. Бархина не был реализован, и до 1949 года город восстанавливался, не имея Генерального плана.

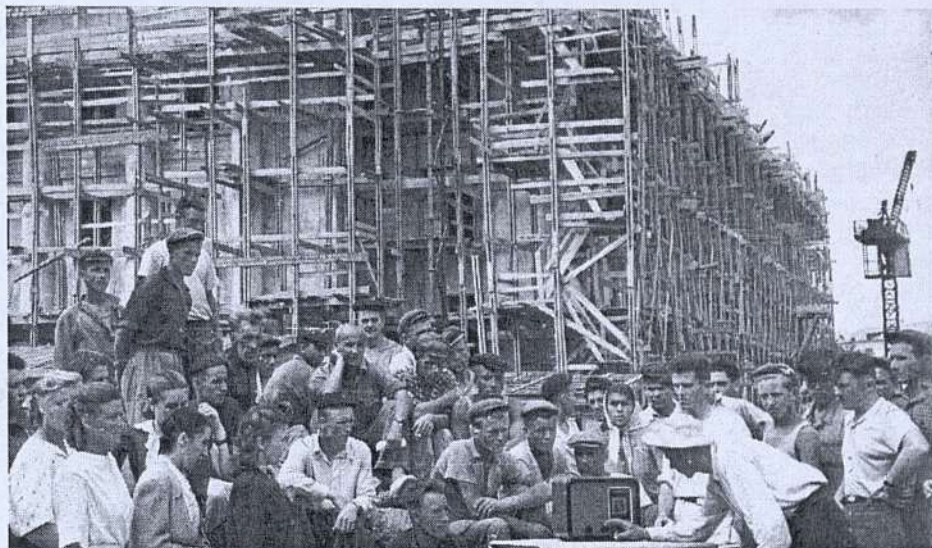
Возрождение Севастополя стало всенародной стройкой. Севастопольцы расчищали улицы, дороги от завалов, груд мусора, разбирали разрушенные стены кирпичных зданий, а добытый таким образом кирпич складывали в штабеля — это был первый ценный строительный материал [10, с. 24].

При разборке руин огромные трудности представляли старые дома. Стоит стена, одна стена в два, три этажа. Её валили тракторами. В то время погибло много строителей. Как вспоминал главный инженер «Севастопольвоенморстроя» С. Кангун: «Написано: «Мин нет», а под завалами находились и бомбы, и мины, и что угодно» [5, с. 115].

Наглядным примером служит здание бывшего Института физических методов лечения им. Сеченова. Здание, расположенное на самом берегу бухты, неоднократно подвергалось обстрелам и бомбежкам. Некоторые стены были буквально расслоены по вертикали. Мало того, фасады со стороны моря оказались нафаршированы неразорвавшимися снарядами, которые упрятались в податливом инкерманском камне и снаружи были незаметны. Но когда установили леса, строители стали обнаруживать их один за другим. Всего было извлечено из стен более 30 снарядов [4, л. 11].

В городе стало быстро расширяться черкасовское движение — работа добровольных бригад, члены которых в нерабочее время помогали восстанавливать город. Стал популярным лозунг «Каждому севастопольцу — вторую, строительную специальность!» Черкасовцы работали штукатурами, каменщиками, плотниками и малярами. Им было трудно выполнять эти работы, не имея специальной подготовки, было много неудач, приходилось по несколько раз переделывать работу, кладка выходила неровная, штукатурка не ложилась, как следует, но черкасовцы упорно и настойчиво добивались успеха в работе, овладевая квалификацией.

На сессии городского Совета в 1947 году отмечалось, что население охотно принимает участие в работах по благоустройству города. Однако результаты были весьма скромны, поскольку работы были организованы плохо, без необходимой предварительной подготовки, без продуманной расстановки сил. Не хватало плановости в работе черкасовских бригад, не были закреплены объекты.

Строители городского драматического театра в обеденный перерыв слушают радио. 1953 г. Фото Муравьева С.

Застройка улицы Большая Морская.

Площадь Нахимова (современная площадь Лазарева). 1950 г. Фото Муравьева С.

Так, к примеру, много труда было потрачено на посадку деревьев и цветов на Приморском бульваре, но, оставленные без присмотра, зеленые насаждения погибли [1, л. 140]. Черкасовские бригады, безусловно, оказывали огромную помощь в восстановлении хозяйства, однако они были не в состоянии решить вопросы по восстановлению важнейших объектов города, таких как школы, больницы, жилье.

Эта задача была поставлена перед «Севастопольгражданстроем», но трест по ряду причин с ней не справлялся. Выполнение трестом плана в 1945–1946 годах было признано неудовлетворительным. За 1945 год в Севастополе восстановлено жилой площади 11400 м², при плане 15000 м², достроена существующая гостиница на 40 мест и увеличена подача воды [1, л. 1]. Все остальные объекты, начатые строительством в 1946 году, полностью не были закончены (баня, детские сады, больницы). Восстановление жилого фонда производилось Исполкомом горсовета хозспособом и по договорам с другими организациями.

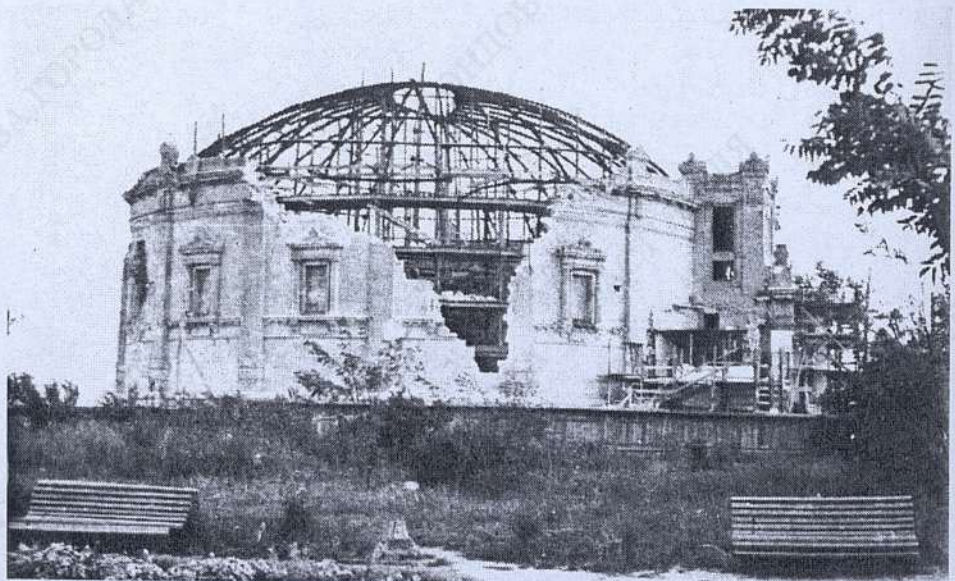
Одной из причин срыва плана восстановительных работ было отсутствие необходимого количества рабочих строительных специальностей. Так, для выполнения программы 1946 года «Севгражданстрою» требовалось 5770 человек, фактически же на 1 апреля 1946 года трест располагал 701 человеком, из них рабочих — 500 человек. При учете 500 человек военнопленных, наличие 1000 человек по тресту составляло 19% от потребности [1, л. 45]. При этом специалисты некоторых квалификаций (бетонщики, стекольщики) отсутствовали полностью.

Разрушенное здание
Института физических методов лечения им. Сеченова. 1941-1942 гг.

Вид железнодорожного вокзала после освобождения. 1944 г.

Разрушенное здание панорамы
«Оборона Севастополя 1854-1855 гг.». 13 августа 1949 г.

Дворец пионеров со стороны Приморского бульвара. 1962 г.

Здание железнодорожного вокзала. 1950-е гг.

Здание панорамы «Оборона Севастополя 1854-1855 гг.».

К восстановлению города привлекались военнопленные. Современники вспоминают: «По утрам и вечерам на строительные работы и обратно их вели в сопровождении вооруженных сержантов, которые шли впереди, позади и по бокам строя. Иногда случались попытки бегства отдельных пленных, которые сразу пресекались. Но если они удавались, то в городе объявляли тревогу. Население Севастополя относилось к пленным, в основном, безразлично» [7, с. 20].

Лагерное отделение, обеспечивающее город рабочей силой из военнопленных, было ликвидировано в сентябре 1949 года в связи с репатриацией военнопленных на родину.

В Севастополь направлялись рабочие из других областей, однако город не мог принять необходимое количество строителей из-за отсутствия жилья для иногородних.

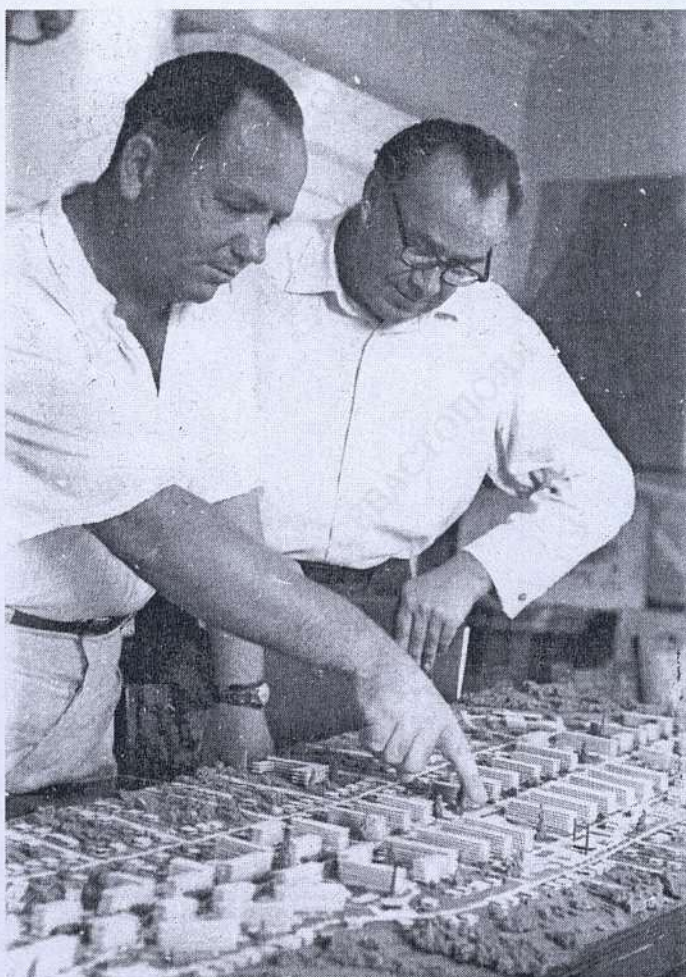
Также в документах отмечается, что в «Севастопольгражданстрое» царит организационная неразбериха, рабочая сила распылена и работает где угодно, только не на основных объектах.

Однако главной причиной неудовлетворительного выполнения работ в 1945–1946 годах было отсутствие производственно-технического оснащения, транспорта и обеспеченность ввозными строительными материалами. При годовой потребности леса 21650 м³ в течение года было получено 1679 м³, при потребности 2300 тонн цемента ничего не было получено, алебастра из 700 тонн получено было 17 тонн.

Поскольку восстановительные работы шли замедленными темпами, то обеспеченность населения жильем была крайне

Строительство Матросского клуба. 1-я пол.1950-х гг. Фото Покатило М.Б.

Архитектор города Артюхов В.М. (справа)
и начальник участка СУ-42
у макета застройки Куликова поля. 1960 г.

низкой. В 1946 году, при наличии в городе всего 154 тысяч кв. м жилой площади и 62 тысяч человек населения, обеспеченность на одного жителя составляла 2,5 м². В количестве 154 тысяч м² жилплощади входили и временно приспособленные помещения под жилье. В подвалах прожива-

ло 580 человек, в лестничных клетках — 368 человек, во временно приспособленных помещениях — 1215 человек, в пещерах и землянках — 222 человека. В такого рода жилье в общей сложности проживало 393 семьи и 2335 человек [1, л. 77–78].

«Люди жили в подвалах, в щелях, около моря — в пещерах, занавешивая вход в них тряпками. Идешь, бывало, по уже расчищенной матросами улице, и вдруг из груды камней вылезает какая-то старушка, хотя на самом деле молодая женщина, но уже очень изможденная войной и лишениями».

К примеру, в здании Института им. Сеченова проживало более трёхсот жильцов. Крыши над этим сооружением не было, и поэтому каждый приспособивался, как мог. В соседних разрушенных домах люди подбирали доски, балки, двери, шифер и отгораживали себе клетушку. В шахте лифта на поржавевших до предела тросах висела кабина. А под ней, забив решетчатые стены фанерой и досками, жила пожилая женщина. Кабина весила не менее полутонны, а женщина считала, что проживала с комфортом и спокойно спала по ночам [4, л. 10].

Историческими для Севастополя явились мероприятия 1948 года по ускорению его восстановления. Существует версия, что 9 октября 1948 года в Севастополь с неофициальным визитом приехал председатель Совнаркома И. В. Сталин. Об этом писал в своем дневнике командующий Черноморским флотом адмирал Ф. Октябрьский: «Говорят, прибыл по Лабораторному шоссе, проехал по кольцу и тем же маршрутом уехал. Якобы т. Сталин дал указание подработать возможность восстановления главной базы за 3–4 года. Сразу началась шумиха. Звонили Маленков, Чадаев, требовали в Москву представителей инженерного управления с документами» [6, с. 127].

Так или иначе, именно в 1948 году, 25 октября, Совет Министров СССР принял специальное постановление «О мероприятиях по ускорению восстановления Севастополя». Была поставлена задача: с 1949 по 1952 годы возродить город. Постановлением предусматривалось восстановить ВСЕ городское хозяйство, в том числе 332 тыс. кв. м жилой площади, школы, больницы, поликлинику, гостиницу, драматический театр, кинотеатры,

водопровод, канализацию, организовать троллейбусное движение.

Помимо этого, Севастопольскому горисполкому выделялось 20 млн. рублей на работы по благоустройству города (озеленение, очистку, освещение улиц). Причем в документах подчеркивалось, что сумма, выделенная Севастополю, была значительно выше, чем для других городов.

Министерствам предписывалось обеспечить восстанавливаемые и строящиеся объекты проектно-сметной документацией, оборудованием, строительными материалами, инвентарем.

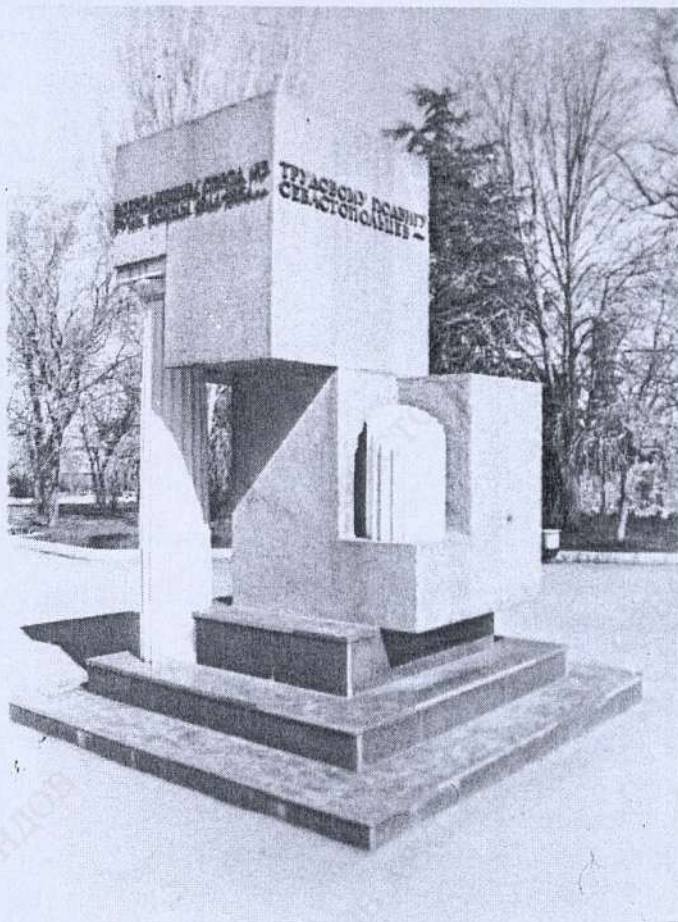
В целях обеспечения рабочей силой строительных организаций, осуществляющих восстановление Севастополя, на Министерство трудовых резервов была возложена мобилизация из разных областей Советского Союза в школы ФЗО в декабре 1948 года 12,5 тысяч человек для последующих работ по восстановлению Севастополя.

Постановление обязывало Министерство жилищно-гражданского строительства направить в Севастополь 300 квалифицированных рабочих и 50 инженерно-технических работников с других строек Министерства (им гарантировались премии, сохранение жилья) [2, л. 4].

Координационным центром работ стало Управление по восстановлению Севастополя при Совете Министров СССР под руководством И. В. Комзина, который на тот момент занимал должность заместителя министра строительства военных и военно-морских предприятий. Именно в 1948 году в город прибыли тысячи новых строителей. На базе небольших местных проектных бюро была создана крупная проектная организация «Горпроект», которая обеспечивала стройки проектной технической документацией.

А в 1949 году Комитет по делам архитектуры при Совете Министров СССР одобрил Генеральный план Севастополя на период до 1970 года, разработанный сотрудниками Горпроекта и Управления главного архитектора города под руководством архитекторов Ю. Траутмана, В. Артюхова и инженера И. Жилко. Авторы нового проекта пересмотрели, развили и усовершенствовали положения Генплана Г. Бархина, исходя все-таки из уже сложившейся планировочной структуры. Одновременно с генеральным планом города был детально разработан проект планировки и застройки центра.

Эти два основных планировочных документа легли в основу восстановления города и были реализованы без существенных отступлений в необычайно короткий срок — 4 года. Именно то обстоятельство, что эти документы создавались непосредственно в Севастополе с широким участием мест-

Памятник восстановителям Севастополя. 1988 г.

ных специалистов, знавших специфику города, позволило разработать их в короткий срок и обеспечить реальность их осуществления [8, с. 71].

К 1954 году Севастополь был восстановлен в объеме жилого фонда и городского хозяйства, превышающем довоенный уровень. А 19 февраля 1957 года Севастопольский городской комитет Коммунистической партии Украины сообщил в ЦК КП о завершении восстановления Севастополя.

В сороковую годовщину освобождения города от немецко-фашистских захватчиков, 8 мая 1984 года, в сквере Ленинского комсомола по проекту архитектора С. А. Целовальника был открыт Памятник восстановителям города-героя Севастополя. Мемориальная надпись на нем гласит: «Трудовому подвигу севастопольцев — строителям, проектировщикам, морякам-черноморцам и жителям Севастополя, возродившим город из руин войны». Но не только этот мемориал — весь Севастополь, восставший из пепла, стал живым памятником его восстановителям.

Источники и литература:

1. Государственный архив г. Севастополя (ГАГС), ф. Р-79, оп. 2, д. 37.
2. ГАГС, ф. Р-107, оп. 1, д. 1.
3. ГАГС, ф. Р-308, оп. 1, д. 9.
4. ГАГС, ф. Р-563, оп. 12, д. 11.
5. *Октябрьская Р. Ф.* Живые голоса. — Севастополь, 2001.
6. *Октябрьская Р. Ф.* Люди из прошлого. — Севастополь, 2007.
7. *Пишенина Л.* Встающий из руин. Послевоенный Севастополь: воспоминания. — Севастополь, 2007. — 92 с.
8. *Баглей А. И., Артюхов В. М.* Город-герой Севастополь. — М., 1975.
9. *Веникеев Е. В.* Архитектура Севастополя. — Симферополь: Таврия, 1983. — 208 с.
10. *Моторин Д. К.* Возрожденный Севастополь: очерки о восстановлении города 1944–1953 гг. — М., 1984. — 272 с.

КОРОТУН Е. В., ТЕРЕЩУК Н. М.

УЛИЦА ПОДГОРНАЯ В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА г. СЕВАСТОПОЛЯ

Каждая улица имеет свой имидж и шарм, судьбу и славу, достойна привязанности, признательности, любви и памяти. В биографии улицы, как в капле воды, отражается история жизни целых поколений, через судьбы людей прослеживаются переломные моменты жизни государства.

Улица Подгорная вошла в историю как улица, которая первой, на рассвете 22 июня 1941 года, встретила с огненным ураганом самой тяжелой и кровопролитной войны на нашей земле. Именно на ней был открыт счет первым жертвам среди мирных жителей.

По документам Государственного архива г. Севастополя мы попытались восстановить события, происходящие на ней в разное время.

Улица Подгорная расположена в центральной части Севастополя, у основания возвышенного левого берега Артиллерийской бухты, откуда, очевидно, и получила свое название. Застроена она была небольшими домиками, в которых жили ремесленники и мелкие торговцы. Первое упоминание о Подгорной в документах Госархива г. Севастополя относится к 1858 году, когда 7 июля в Севастопольском городском магистрате слушали отношение городской думы о возможных спорах, исках на имение отставного коллежского регистратора Строкова и жены его Надежды Захаровны, состоящего в 1 части на косогоре Малого бульвара и Подгорной улице в Артиллерийской слободке [2, л. 10].

Ценным источником по дореволюционной истории города являются Адрес-календари Севастопольского градоначальства, издаваемые с 1908 года, в которых помещались списки учреждений и чиновников, статистические, справочные и другие данные. В Адрес-календаре Севастопольского градоначальства на 1911 год по ул.

Подгорной значатся дома №№ 1–45 по нечетной стороне и 2–94 по четной. К этому времени здесь появились и многоквартирные дома, сдающиеся внаем. В одном из таких домов, № 9, проживал в это время уроженец Харьковской губернии Леонтий Елефтерьевич Бородавкин — родной дядя выдающейся украинской оперной певицы Оксаны Петрусенко, уроженки г. Севастополя, настоящее имя которой Ксения Андреевна Бородавкина. Оксана проживала в Севастополе до 1918 года, рано потеряла отца и, очевидно, часто гостила в семье дяди, где подрастали трое ее двоюродных братьев: Валентин, Борис и Анатолий, 1911, 1913 и 1914 гг. рождения. Пела она с раннего детства, звучный, сочный голос широчайшего диапазона будущей звезды оперной сцены слушали и жители улицы Подгорной.

Всего в Адрес-календарь внесены 53 жители ул. Подгорной, история 8 семей прослеживается вплоть до Великой Отечественной войны [1].

Более полный список жителей улицы имеется в фонде Производственного управления водопроводно-канализационного хозяйства Севастопольского управления коммунального хозяйства. По книге регистрации показаний водомеров на декабрь 1919 года установлены фамилии 35 домовладельцев по Подгорной [3, л. 30 об.–35], 23 человека из них сохранили свои дома до Великой Отечественной войны.

Наиболее информативным и ценным источником получения демографических, экономических, социальных сведений о населении Севастополя 1920-х годов является фонд исполнительного комитета Севастопольского районного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов (Р-420), где имеются именные списки избирателей в городской Со-

вет за 1925 год, составленные по улицам города. В списки внесены все проживающие, старше 18 лет, имеющие избирательные права. Кроме фамилии, имени, отчества, возраста или даты рождения имеются сведения о национальности, семейном положении, указывается род занятий, место службы, на чьи средства живет, использует ли наемный труд, членом какого профсоюза состоит, имел ли судимость или душевную болезнь, а также проставляется отметка о лишении избирательных прав.

Как следует из списка избирателей, на улице Подгорной в 1925 году было всего 53 дома, по четной стороне располагались дома с № 2 по № 28, с № 32 по № 86 и № 92, по нечетной — с № 9 по № 17, затем №№ 31, 35, 39, 41 и 49. застройка улиц в этом районе была очень плотной, поэтому фасады части домов выходили на соседние улицы. Большинство зданий были одноэтажными, на 1–2 квартиры, в самом большом 3-х этажном доме № 11 располагалось 23 квартиры. Острая проблема жилья в Севастополе коснулась и улицы Подгорной: большинство квартир были коммунальными, в частных домах сдавались комнаты и «углы». В 178 квартирах проживало 222 семьи (без учета родственников).

Число избирателей составило 403 человека: 189 мужчин и 214 женщин. В основном это были молодые, трудоспособные люди в возрасте до 40 лет (259 чел.), жителей среднего возраста (от 40 до 60 лет) — 120 чел., старше 60 лет — 21 чел.

По результатам Всесоюзной переписи населения, проходившей в декабре 1926 года, национальный состав населения Севастополя определялся следующими показателями: русские — 69,2%, украинцы — 11,4%, евреи — 7%, татары и греки — по 1,6%, армяне — 1,2%, крымчаки и караимы — по 1,1%, немцы — 0,5%, прочие — 5,3%. На Подгорной, кроме русских, составлявших 65,2% от числа жителей, проживали представители еще 12 национальностей: греки (16,1%), крымчаки (6,7%), евреи (4%), армяне (2,2%), караимы (2%), татары, поляки (по 1,5%), 3 литовца, 2 турка, 1 грузин, 1 молдаванка. Компактное проживание греков в районе Артиллерийской слободки имело давние традиции. Здесь же, на улице Артиллерийской, располагалось Греческое благотворительное общество, в 1890 году была освящена греческая церковь во имя Трех Святителей, работала греческая школа. В многоквартирных домах мирно соседствовали семьи разных национальностей. Крымчаки, придерживаясь своих национальных, религиозных и культурных традиций, предпочитали селиться вместе. Например,

в доме № 15 жили 3 семьи крымчаков, № 50–2, дома № 17, 52, 76 также принадлежали крымчакам. Держались друг друга и армяне, все 4 армянские семьи проживали в доме № 11.

По роду занятий среди жителей улицы Подгорной были представители практически всех социальных групп и множества профессий. Из женщин работали только 26 человек, остальные 188 были домохозяйками и жили на средства мужа или родственников, что было характерно для того времени. Из мужского населения не работали 23 человека, 14 из них были инвалидами и жили на социальное пособие, 2 не работали по старости и были на иждивении детей, 7 молодых людей учились.

В составе работающих были: военный моряк, пожарник, инженер, землемер, 4 чел. работали с финансами (2 бухгалтера, счетовод, кассир), 21 чел. были служащими различных контор и организаций.

Прослойку интеллигенции представляли 1 учительница, клубный работник и артист, медиков — фельдшер, сестра милосердия и санитарка. В списки внесен 1 священник.

Собственной торговлей занимались 16 чел., 5 — служили приказчиками.

Большинство жителей имели рабочие профессии. Чернорабочими и подсобными рабочими были 32 чел., 22 имели специальности слесарей, механиков, электриков, 16 чел. связали свою судьбу с морем (рыбаки, судовой механик, рулевые, шлюпочники), 6 чел. имели строительные специальности (3 плотника, каменщик, маляр, стекольщик), 2 работали в полиграфии (печатник и переплетчик). В сфере бытового обслуживания трудились 13 сапожников, 6 портных, 2 шапочника, 2 официанта, швейцар и парикмахер — всего 25 чел. 10 чел. производили продукты питания (3 пекаря, 3 кондитера, 2 колбасника, булочник и чебуречник), 5 чел. занимались кустарным промыслом.

Новая экономическая политика, проводимая советской властью в это время, переход к рыночной экономике вызвали спад промышленного производства и привели к значительному сокращению спроса на рабочую силу, в том числе и в Севастополе. Система хозрасчета поставила промышленные предприятия в такие условия, при которых излишний балласт рабочей силы способствовал снижению финансовых показателей и уменьшал заработную плату квалифицированным работникам и административному аппарату. Естественно, такая ситуация вызывала процесс «выталкивания» из производственных коллективов малоквалифицированных рабочих, молодежи,

как правило, не имевшей практического опыта. Массовые сокращения способствовали росту безработицы. Это проблема коснулась и ул. Подгорной, более 22% трудоспособных жителей которой зарегистрировались как безработные, среди них большинство молодежи и чернорабочих [27].

Ценным источником по изучению духовно-религиозной жизни населения в 1920-е годы являются документы церковного стола — структурного подразделения Севастопольского исполнительного комитета, в задачи которого входило заключение договоров с религиозными общинами, наблюдение за деятельностью религиозных общин и выполнением ими взятых обязательств, проверка законности использования культового имущества и другие вопросы взаимодействия государства и церкви.

По требованию церковного стола религиозные общины должны были предоставлять протоколы проведенных собраний, списки учредителей, священнослужителей, церковных Советов, «двадцаток», члены которых обязательно заполняли анкету, списки прихожан и множество других документов, по которым сегодня можно восстановить не только историю деятельности церкви или общества, но и получить сведения о конкретных людях и их судьбах.

Жители улицы Подгорной, многонациональные по составу, принадлежали к разным конфессиям и удовлетворяли свои религиозные потребности в соответствующих культовых учреждениях. Среди них были прихожане Главной еврейской синагоги (1 чел.) [22, л. 23], караимской кенасы (1 чел.) [25], католического костела (Рымдейко Моника Осиповна, 1878 г.р., литовка, уроженка г. Ковно, член «двадцатки» костела) [20, л. 74]. Из крымчаков, для которых всегда были характерны религиозная образованность и стремление отстаивать свою самобытность, прихожанами крымчацкого молитвенного дома по ул. Азовской, 3 были 17 чел., причем 6 из них состояли в «двадцатке». Это Кокуш Моше Авдеевич, 1870 г.р., Гурджи Даниэль Мордхович, 1856 г.р., Шолом Меер Абрамович, Даниэл Илья Давидович, 52 лет, Валит Акива Абрамович, 35 лет, и Бакши Юда Абрамович, 1868 г.р. По профессии все они были сапожниками [21, л. 7, 26].

Большинство жителей улицы были православного вероисповедания. Членами религиозной общины при греческом храме Трех Святителей, построенном в 1870 году на соседней улице, были 52 грека, среди которых и священник этой церкви с 1903 года Вукунас Григорий Георгиевич. Из анкеты, заполненной им при регистрации церковно-

священнослужителей в 1925 году, следует, что родился Григорий Георгиевич в 1873 году в Греции, на о. Хиос, образование получил, окончив гимназию и церковную школу в Киеве, служил священником, холост, в Севастополь прибыл по приглашению греческой общины [24, л. 5–15]. По понятным причинам в анкете, которая, по сути, являлась «доносом на самого себя», он не упомянул, что был кандидатом богословия, архимандритом с 1902 года, членом различных благотворительных комитетов и обществ, окончил не «церковную школу», а Киевскую духовную академию, с 1922 года возглавлял греческое благочиние в Крыму [31, с. 147]. Последние документы о Г. Вукунасе относятся к 1927 году, когда был издан циркуляр от 8 июля «О запрещении иностранцам заниматься религиозной пропагандой», исполнение которого фактически ликвидировало греческие общины. Умер он в Симферопольской тюрьме в 1939 году [30].

На Подгорной улице проживал с семьей еще один священник, Сухорученко Агапий Георгиевич, настоятель церкви св. мученика Иоанна Воина. Церковь эта действовала совсем не долго — около 10 лет. Она была построена в 1913–1915 гг. группой лиц — «представителей православных учителей» одного из «обновленческих» течений на территории Севастопольской артиллерийской крепости. Как следует из заявления в адрес Севисполкома, постройка и оборудование церкви, приобретение инвентаря были произведены на средства тех же лиц и пожертвования организовавшегося общества, которое вначале именовалось братством, а затем приходом. В штат военных церквей включена не была, крепостная артиллерия пользовалась этой церковью только для службы и имела своего священника в гарнизоне. За право ставить службы для воинских частей Крепостная артиллерия шефствовала над церковью, дав ей обозначить на печати «Церковь Севастопольской Крепостной Артиллерии» [19, л. 24]. Это не соответствовало действительности и было попыткой сохранить приход, так как гарнизонные церкви закрывались в первую очередь, а сам А.Г. Сухорученко, окончивший Томскую духовную семинарию, прибыл в Севастополь в 1916 году как священник Черноморского флота. На конец 1922 года количество прихожан церкви Иоанна Воина составило 327 человек. Это были жители близлежащих улиц Артиллерийской слободки, в том числе 32 жителя ул. Подгорной [23, л. 5–7 об.]. Решением Севокрисполкома от 19 марта 1923 года церковь была закрыта, но по политическим соображениям, как сообщалось

в НКВД Крыма, закрытие приостановили. 7 июня 1923 года правление церкви направило заявление в исполком с просьбой именовать религиозное общество Общиной Соборно-Апостольской Церкви без подчинения Южно-Крымскому духовно-церковному Управлению. Но процесс ликвидации остановить было уже невозможно, и решением КрымЦИКа от 21 января 1924 года церковь была закрыта с передачей ее под клуб, а прихожанам было предложено перейти в приходы «похожего течения» [23, л. 23, 44, 83].

В конце 1920-х — начале 1930-х годов по Севастополю прокатилась волна репрессий по отношению к «лишенцам» — отдельным категориям населения, лишенным избирательных прав ввиду их принадлежности к той или иной социальной группе. Механизм лишения избирательных прав и его особенности в Севастополе достаточно подробно описаны в работах сотрудников Государственного архива г. Севастополя, поэтому я останавлиюсь только на драматических событиях того времени, касающихся жителей улицы Подгорной. По документам о лишении избирательных прав и личным делам «лишенцев», входящим в состав фонда исполнительного комитета Севастопольского городского Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов, было выявлено 123 человека, проживающих по Подгорной. Основную группу составили торговцы (50 чел.) и их иждивенцы (33 чел.), а также домовладельцы (15 чел. и 2 иждивенца). По двум статьям, как торговцы и домовладельцы, были лишены права голоса 5 чел. и 9 иждивенцев. В число «лишенцев» попали также 4 священника и 2 их иждивенца, 2 спекулянта и перекупщика как лица, живущие на нетрудовые доходы, за использование наемного труда был лишен 1 чел. [6].

Как показывают исследования, при лишении избирательных прав допускались грубейшие нарушения и перегибы. Грузин Джоджуа Давид Семенович, 43 лет, имел патент на торговлю овощами с 1922 года, чтобы прокормить после смерти жены дочь Веру, которая умерла в 1928 году от туберкулеза легких и брюшины, и сына, больного туберкулезом костей. Сам участник Первой мировой войны, был ранен. В своем заявлении просит дать ему работу хотя бы сторожем. Но решение особой комиссии КрымЦИКа от 20 июля 1930 года было жестоким: «В ходатайстве отказать, выслать из Севастопольского района» [7].

Тяжелые испытания выпали на долю семьи Михаила Андреевича Загородкина. Из его жалобы: «Родился я 11 января 1869 года в Севастополе. Отец был кантонистом, участвовал в Крымской

войне рядовым Владимирского полка. Во время наступления англичан был ранен и отправлен на лечение в г. Орел. Купил мать у помещика за 15 руб., женился и переехал в Севастополь. В 1870 году отец служил в РОПиТ на боте № 16 матросом, и во время шторма сорвался гафель с грот-мачты и ему отбило обе ноги. Пролежал в госпитале 30 дней и умер от заражения крови. Мать осталась с 4 малолетними детьми 6, 4, 2 и 1 года. Получала пенсию 16 руб. и работала прачкой. В 11 лет отдала меня к мастеру в малярно-стекольный цех на 6 лет. В 1891 я был принят на службу в ЧФ на броненосец «12 апостолов». В 1897 был наказан за удар кап. 2 ранга Пальчикова, старшего офицера корабля, за издевательство — у меня умер ребенок Павел и я сделал отлучку, за это он меня избил в кровь. Пролежал в морском госпитале 18 дней. После службы в 1903 купил домик на Подгорной, 72, у меня было 4 детей, чтобы их прокормить открыл малярную лавочку». После дополнительного расследования Михаила Андреевича и его жену Ирину Ивановну 28 февраля 1927 года восстановили в избирательных правах, но уже в июле он был арестован ГПУ по ст. 58 п. 10 за антисоветскую пропаганду и после 4 месяцев тюрьмы был административно выслен в Мелитополь. Освобожден по амнистии, в 1929 году возвратился домой. Работал в ЭПРОНе маляром, когда 31 июля 1930 года его вновь лишили прав с высылкой из Севастополя. Все жалобы были отклонены [8].

Но некоторым «лишенцам» все же удавалось добиться справедливости. Иван Григорьевич Иващенко в свои 42 года был инвалидом Первой мировой войны без обеих ног, имел жену и 2 детей, занимался мелкой торговлей молочными продуктами с 1925 года по патенту, выданному вместо социального пособия. Был лишен избирательных прав и 16 марта 1930 года направил жалобу председателю ЦИК СССР М. И. Калинину, начинающуюся со слов: «Дорогой отец земли русской!» Был восстановлен в списках избирателей 8 мая 1930 года [9].

Всего были положительно решены после пересмотра дела 24 жителей Подгорной, в том числе 10 греческоподданных, для которых вердикт звучал так: «исключить из списков лиц, лишенных избирательных прав как иностранноподданных, не включая в число избирателей».

Шли годы, постепенно налаживалась жизнь города, строились новые дома, менялись и хорошили улицы. В списке домовладений г. Севастополя на 1 апреля 1938 года по ул. Подгорной значится 18 домов по четной стороне и 49 по нечет-

ной. 9 зданий принадлежали жилуправлению, 1 — Промбанку, остальные — частным владельцам, сведения о 26 из них имеются в указанных выше документах [1, л. 64].

22 июня 1941 года в 3 ч. 15 мин. на Севастополь с немецких самолетов были сброшены морские мины, одна из которых упала на улицу Подгорную. Под бесформенной кучей развалин домов № 32 и 34 были погребены люди, чьи имена были установлены много лет спустя по регистрационным книгам ЗАГСа. Список первых жертв войны приведен в рабочей тетради старшего научного редактора Книги Памяти города-героя Севастополя Б. М. Македонова.

Ул. Подгорная, 32:

— Годуадзе Анна Федоровна, 24 года, русская, мастер цеха № 1 завода № 1. Убита 22.06.41 при происшествии.

— Годуадзе Борис Дмитриевич, 31 год, грузин, шофер главвоенпорта. Убит 22.06 при происшествии.

— Годуадзе Виталий, 9 месяцев (20.09.40 г. рождения), грузин, убит 22.06 при происшествии.

Ул. Подгорная, 34:

— Бабаева Августа Васильевна, 42 года, русская, иждивенка бухгалтера военфлотторга. Убита 22.06.41 ввиду обвала.

— Бабаев Вадим Абрамович, 2 года, русский, иждивенец, убит ввиду обвала.

— Мангупли Сара Анисимовна, 43 года, крымчачка, иждивенка продавца (скупочный пункт). Убита при бомбежке 22.06.41.

— Мангупли Иосиф Иванович, 52 года, крымчак, продавец (скупочный пункт). Убит при бомбежке ввиду обвала 22.06.41.

— Соколова Варвара Григорьевна, 40 лет, русская, иждивенец в/служащего военпорта. Убита при бомбежке 22.06.41.

— Коретникова Елена Сергеевна, 13 лет, русская, иждивенка буфетчицы военторга. Убита при бомбежке 22.06.41.

— Бабаев Абрам Иосифович 35 лет, караим, бухгалтер военфлотторга. Убит при бомбежке 22.06.41.

— Демин Федор Ефимович, 55 лет, русский, заведующий Севгортторга. Убит при обвале дома.

— Макуха Мария Иосифовна, 1909 г. рождения, русская. Убита при обвале дома 22.06.41.

— Неизвестный гражданин (без документов), перелом грудины и ребер, убит при обвале дома 22.06.

— Неизвестная (без документов) извлечена из-под развалин. Убита при бомбежке дома 22.06.41.

— Неизвестная (без документов) извлечена из-под развалин. Убита при обвале дома 22.06.41.

— Неизвестная (без документов) извлечена из-под развалин. Убита при обвале дома 22.06.41.

Матросский переулок, 24 (граничит с Подгорной):

— Коврига Прасковья Алексеевна, 61 год, русская, иждивенка рыбака колхоза «Рыбацкая Коммуна». Убита при бомбежке 22.06.41.

— Панелоти Стефан Георгиевич, 47 лет, грек, парикмахер бантреста. Убит при обвале дома 22.06.41.

Ул. Греческая, 5:

— Уханова-Попова Наталья Алексеевна, 33 года, пенсионерка-инвалид. Убита при бомбежке 22.06.41.

19 человек, среди которых трое детей [28].

По картотеке Книги Памяти выявлены 11 человек — жителей ул. Подгорной, погибших и пропавших без вести при обороне Севастополя. Среди них отец и два сына, крымчаки по фамилии Шолом, Александр Матвеевич Сергеев, журналист газеты «Красный Черноморец» и другие [29].

Основным источником исследования периода немецкой оккупации Севастополя являются адресные листки, составленные отделением полиции немецкой отрскомендатуры. Проживающими по ул. Подгорной зарегистрировались 20 чел. — члены 8 семей, 3 из которых переехали с других улиц. Все они разместились в четырех домах — № 30, 31, 33 и 90 [1, л. 15, 18–19 об.; 12, л. 14, 17; 13, л. 14–15 об.; 14, л. 10, 15, 18; 15, л. 12–13 об.; 16, л. 19–21 об.; 17, л. 12; 18, л. 12].

Очевидно, другие дома были повреждены, ведь улица находилась в центре боевых действий, зоне постоянных бомбежек и артобстрелов. Не удивительно, что после освобождения Севастополя она была практически снесена с лица земли. Из 63 домов не пострадали только 12, разрушены: на 30% — 1 дом, на 50% — 1, на 70% — 10, на 75% — 1, на 85% — 1. Полностью уничтожены 47 домов [10, л. 159].

Сегодня это тихая, зеленая улица, на которой ежегодно 22 июня собираются севастопольцы, в чьих сердцах все стучит пепел потерь, произносятся скорбные слова, зажигают свечи, возлагают цветы. До недавнего времени на улице не было даже мало-мальского напоминания о трагедии, которая разыгралась в то предрассветное утро 1941 года. 22 июня 1996 года был торжественно открыт памятный знак безвинным жертвам (автор — архитектор Ю. Н. Ковалев) в виде стелы из серого гранита с мемориальным текстом.

В начале 1970-х годов композитор Юрий Слонов, участник обороны Севастополя, и поэт Николай Флеров написали песню, припев кото-

рой звучит так: «Улица Подгорная, а рядом — море Черное, а на Подгорной улице меня родная ждет. И пусть волна беснуется, но есть такая улица, на той Подгорной улице меня родная ждет».

Сегодня на карте Севастополя нет такой улицы. Решением исполнительного комитета Сева-

стопольского городского Совета народных депутатов от 5 мая 1975 года ул. Подгорная переименована в ул. К.П. Нефедова — начальника городского отдела НКВД [5, л. 107]. Но это название навсегда вошло в историю нашего города как суровое напоминание о том, что несет с собой война.

Источники и литература:

1. Адрес-календарь Севастопольского градоначальства на 1911 год. — Севастополь, 1911.
2. Государственный архив г. Севастополя (ГАГС), ф. 18, оп. 1, д. 5.
3. ГАГС, ф. Р-9, оп. 6, д. 2.
4. ГАГС, ф. Р-79, оп. 1, д. 739-а.
5. ГАГС, ф. Р-79, оп. 2, д. 2446.
6. ГАГС, ф. Р-79, оп. 2 л, д. 10, 49, 50.
7. ГАГС, ф. Р-79, оп. 2 л, д. 222.
8. ГАГС, ф. Р-79, оп. 2 л, д. 1560.
9. ГАГС, ф. Р-79, оп. 2 л, д. 1634.
10. ГАГС, ф. Р-308, оп. 3, д. 2.
11. ГАГС, ф. Р-312, оп. 1, д. 9.
12. ГАГС, ф. Р-312, оп. 1, д. 47.
13. ГАГС, ф. Р-312, оп. 1, д. 85.
14. ГАГС, ф. Р-312, оп. 1, д. 114.
15. ГАГС, ф. Р-312, оп. 1, д. 131.
16. ГАГС, ф. Р-312, оп. 1, д. 153.
17. ГАГС, ф. Р-312, оп. 1, д. 188.
18. ГАГС, ф. Р-312, оп. 1, д. 322.
19. ГАГС, ф. Р-420, оп. 1, д. 16.
20. ГАГС, ф. Р-420, оп. 1, д. 23.
21. ГАГС, ф. Р-420, оп. 1, д. 24.
22. ГАГС, ф. Р-420, оп. 1, д. 25.
23. ГАГС, ф. Р-420, оп. 1, д. 97.
24. ГАГС, ф. Р-420, оп. 1, д. 99.
25. ГАГС, ф. Р-420, оп. 1, д. 119.
26. ГАГС, ф. Р-420, оп. 1, д. 243.
27. ГАГС, ф. Р-420, оп. 6, д. 174.
28. ГАГС, ф. Р-570, оп. 1, д. 93.
29. ГАГС, ф. Р-570, Картотека персоналий на воинов, партизан, подпольщиков, вольнонаемных, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.
30. *Джуха И. Г.* «Греческая операция». — СПб., 2006.
31. *Катунин Ю. А.* Православие Крыма в 1917–1939 годах: проблема взаимоотношений с государством. — Симферополь, 2002.

V. СЕВАСТОПОЛЬ В СУДЬБАХ ЛЮДЕЙ

ФЕСЕНКО А. А.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДМИРАЛА А. С. ГРЕЙГА — ГЛАВНОГО КОМАНДИРА ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА И ПОРТОВ ЧЕРНОГО МОРЯ. 1813–1833 гг.

«... англичанин родом, но по пользе, принесенной России и русскому флоту, более русский, чем многие россияне»

П. И. Белавенец,
историк русского флота

Севастопольцам хорошо известны имена выдающихся флотоводцев Д. Н. Сенявина, Ф. Ф. Ушакова, М. П. Лазарева. Их вклад в развитие г. Севастополя изучен в отечественной историографии. Имя адмирала А. С. Грейга — главного командира Черноморского флота и портов, военного губернатора Севастополя и Николаева, находившегося в этой должности 17 лет, незаслуженно забыто потомками и известно лишь узкому кругу специалистов.

В историографии 1960–1980-х годов имя А. С. Грейга практически не упоминалось, а заслуги его в развитии г. Севастополя принижались. В частности, в монографии Г. И. Семина значится: «После Ушакова, до адмирала М. П. Лазарева во главе Черноморского флота не было выдающихся, талантливых людей. Хуже того, руководство флотом неоднократно поручалось иноземцам, нередко бездарным или проходимцам...» [11, с. 42].

Предназначение Алексея Грейга было predetermined с самого рождения. Отец Алексея — Самуил Карлович Грейг, шотландец по происхождению, в 1764 году поступил на службу в российский флот, отличился в Чесменском сражении, впоследствии получил должность главного командира Кронштадтского порта.

У семьи Грейга еще до рождения ребенка имелось царское распоряжение: сына произвести в мичманы, а дочь — во фрейлины. 6 сентября 1775 года у жены С. К. Грейга Сары Александровны родился мальчик. При крещении приняли его от купели Екатерина II и боевой соратник Самуила Грейга по Архипелагской экспедиции граф Орлов-Чесменский [3, с. 3].

23 июня 1785 года в 10-летнем возрасте закончилось домашнее воспитание и образование Алексея Грейга и он был послан на стажировку в Англию, где служил на судах флота, после чего

был произведен в лейтенанты. Стажировка длилась три года. По возвращению в Россию Алексей Грейг был назначен на корабль «Мстислав».

Семья Грейга была под покровительством Екатерины II, которая неоднократно отправляла Алексея и его брата Карла в Англию, где они изучали морские науки и участвовали в морских сражениях. Грейг служил волонтером на разных английских судах.

В 1798 году молодой офицер, капитан 2-го ранга получил в свое командование первое судно — большой 66-пушечный корабль «Ретвизан», взятый в плен у шведов в 1790 году.

1 января 1799 года Грейг был произведен в капитаны 1-го ранга. В этом же году он участвовал в высадке десанта на голландский берег и взятии крепости Гельдер, возле которой был захвачен в плен голландский флот. За успешные действия молодой командир был награжден первым военным отличием — орденом Св. Анны 2-й степени.

Новый век для А. С. Грейга начался новыми успехами. В 1801 году он был назначен председателем Комиссии для исправления Кронштадтского порта. В 1802 году вступивший на престол Александр I назначил Грейга членом утвержденного Комитета для исправления флота. Ему было всего 27 лет, и это был единственный капитан 1-го ранга среди шести адмиралов, входивших в комитет. В этом же году Грейг был награжден орденом Св. Георгия 4-го класса «за личную храбрость» [10, с. 63].

В 1803 году А. С. Грейг назначается капитан-командором, получает право командовать отрядом судов и небольшими эскадрами. Возглавив эскадру из четырех судов, он в 1804 году отправился в Средиземное море. А. С. Грейг крейсировал между островами Ионической республики, высадил десант в Неаполь, однако под давлени-

нием превосходящих сил французов вынужден был его снять и, прибыв на Корфу, поступил под командование Д. Н. Сенявина. В 1805 году ему был пожалован чин контр-адмирала. А. С. Грейг участвовал в русско-турецкой войне. В марте 1807 года под его командованием был взят остров Тенедос — важный опорный пункт у входа в Дарданеллы. За боевые успехи в Средиземноморской кампании контр-адмирал А. С. Грейг был награжден орденом Св. Анны 1-й степени.

В 1813 году Грейг командовал парусной и гребной флотилией при осаде Данцига, лично водил матросов своих судов на штурм неприятельских батарей. После взятия Данцига был произведен в вице-адмиралы и награжден орденом Св. Владимира 2-й степени. В этом же году принял российское подданство.

2 марта 1816 года адмирал Грейг назначен главным командиром Черноморского флота и портов, военным губернатором Николаева и Севастополя.

А. С. Грейг получил в наследство от своих предшественников разваленное хозяйство. Де-Траверсе, семь лет находившийся в должности главного командира Черноморского флота и портов, привел флот в состояние запущенности и упадка, однако составил проект застройки Севастополя, который предусматривал четкое разделение города на две части: все, относящееся к нуждам флота, ремонту и строительству кораблей, расквартированию экипажей переносилось на Корабельную сторону, а территория, прилегающая к Южной бухте, отводилась под застройку. Проект не был реализован, его воплощали в жизнь адмиралы А. С. Грейг и М. П. Лазарев [8, с. 76].

А. С. Грейг проявил большую заботу о развитии города. В 1804 году, когда Севастополь был объявлен главным военным портом, коммерческий порт закрыли, а вход купеческим кораблям запретили. Как следствие, цены на промышленные и продовольственные товары выросли и оказались выше, чем в других городах Крыма и даже в Петербурге [11, с. 42]. Многие вспоминали екатерининские времена, когда указом императрицы Севастополь был открыт «для всех народов, в дружбе с империей нашей пребывающих. В пользу торговли их... с подданными». Заходили тогда в Севастополь и Балаклавскую бухту иностранные суда, которые везли шелковые и шерстяные ткани, лимоны и апельсины, изюм и халву, финики и орехи, кофе и бумагу. Торги собирались по воскресеньям, а кроме того два раза в год проводились ярмарки.

Только благодаря настойчивости А. С. Грейга, неоднократным ходатайствам перед императором, докладным запискам министру финансов,

Алексей Грейг
(из личного фонда Ю. Крючкова),
публикуется впервые

18 октября 1819 года в Комитете Министров был рассмотрен вопрос о торговле в Севастополе, и 9 мая 1820 года открыт коммерческий порт, что в дальнейшем благоприятно сказалось на развитии города [6, с. 98–100].

Швартовались корабли в Артиллерийской бухте, где располагался городской рынок. Для продажи молочной и мясной продукции были сделаны специальные ряды. В изобилии продавали камбалу, хамсу, скумбрию. Особенно быстро расходилась султанка. Устрицы и мидии довершали морское изобилие. Был открыт базар на Северной стороне. Именно туда приезжали татары. Мелкие торговцы перекупали у них дрова, овечий сыр, баранину. Торговля велась и в лавках, где продавалось мыло, свечи, соль и другие мелочи [5, с. 52, 53].

Во время первого приезда в Севастополь в 1818 году император Александр I, обращаясь к А. С. Грейгу, сказал: «Адмирал! Береги Севастополь — это дорогой камень в короне Моей» [7, с. 271].

К 1820-м годам относится целый ряд мероприятий по благоустройству города. При Грейге в Севастополь был проведен водопровод пресной воды, действовало два фонтана и множество колодцев. Как свидетельствуют архивные документы, в Севастополе «... появился «дом для приезжих особ», «дворец флотского начальника», «благородное собрание», 29 домов для чиновников, канцелярий и караулен. Новые казармы вмещали до 10 тысяч команды».

Имение Грейгов под Ораниенбаумом
(ныне город Ломоносов ленинградской области). 2010 г. Фото Фесенко Д.И.

27 февраля 1819 года А. С. Грейгом в Севастополе была введена служба времени. Ежедневно, ровно в полдень, выстрелом из пушки давался сигнал, по которому проверялись и устанавливались корабельные, церковные и адмиралтейские часы. В 1822 году из Англии в Севастополь были доставлены главные городские часы, заказанные Грейгом. Часы были установлены на специально построенной в 1826 году башне, над главными воротами Адмиралтейства. В период первой обороны Севастополя французы сняли городские часы и установили их на деревянной башне у дома главнокомандующего французской армией Пелисье в Камышовой бухте. После заключения мирного договора увезли часы в Париж [7, с. 271].

Только в 1900 году городские часы вернулись на свое прежнее место и исправно несли службу вплоть до 1942 года, когда в одну из бомбардировок адмиралтейская башня была разрушена. Традиция, введенная адмиралом Грейгом, сохранялась до 90-х годов XX века. Ровно в полдень с Константиновской батареи раздавался выстрел пушки, и севастопольцы сверяли время, как и в былые времена. Сейчас эта традиция утрачена.

В 1820 году были введены в эксплуатацию два инкерманских маяка, «по створу которых можно было безопасно войти в Севастопольский рейд ночью». В этом же году сооружена церковь во имя св. апостолов Петра и Павла. В 1822 году учреждена библиотека для морских офицеров, хотя многие приписывают открытие библиотеки М. Лазареву, при котором было построено здание для библиотеки [7, с. 271].

В 1821 году за «ревностную службу» А. С. Грейг был награжден бриллиантовыми знаками к ордену Св. Александра Невского. В 1822 году за научную работу в области астрономии и руководство созданием обсерватории в Николаеве избран почетным членом Петербургской академии наук.

Именно при Грейге в 1824 году началась разбивка «общественного сада от морского ведомства» (ныне Матросский бульвар).

Адмирал реорганизовал Черноморский адмиралтейский департамент, самое серьезное внимание уделял совершенствованию конструкции кораблей Черноморского флота и технологии их постройки. Впервые были созданы паро-

Склеп Грейгов в Санкт-Петербурге. 2010 г. Фото Фесенко Д.И.

вые суда, введены новые типы парусных судов, улучшена артиллерия. Грейг ратовал за широкое применение научных методов при проектировании кораблей, развивал гидрографию и связь. С 1817 по 1822 годы ежегодно лично командовал эскадрами, крейсируя с ними в Черном море. За успешное руководство Черноморским флотом А.С. Грейг уже в 1818 году был награжден орденом Св. Александра Невского [10, с. 64].

Мореплаватели М.Н. Станюкович и Ф.Ф. Беллиногаузен, служившие на Черном море, в знак большого уважения к Грейгу называли его именем открытые географические пункты: мыс Грейга в Бристольском заливе Берингова моря и остров Грейга в Тихом океане.

Самым крупным предприятием в Севастополе являлось Адмиралтейство. В начале XIX века здесь уже не только ремонтировали, но и строили военные суда. Первым в 1810 году со стапелей был спущен 18-пушечный корвет «Крым», а самым знаменитым из всех построенных кораблей стал бриг «Меркурий». 7 мая 1820 года 20-пушечный красавец вышел в бухту. Тридцатиметровый корпус был набран из крымского дуба и английского ореха. Нос корабля украшала фигура бога Мер-

курия. В 1829 году экипаж брига «Меркурий» под командованием капитан-лейтенанта А.И. Казарского одержал блестящую победу над двумя турецкими линейными кораблями. Об этом событии и сейчас напоминает памятник А.И. Казарскому, на который 5 тыс. рублей пожаловал сам император Николай Павлович. На памятнике лаконичная надпись, как свидетельствуют документы архива, начертанная по указанию Николая I: «Казарскому. Потомству в пример». Это первый памятник на севастопольской земле. Он был закончен уже в Лазаревскую эпоху.

Под руководством Грейга в 1826 году создан первый штаб флота на Черном море, проложены первые телеграфные линии между Николаевом и Севастополем. Он лично составил техническое задание по созданию докового комплекса и проявил исключительную настойчивость, добиваясь практического продвижения проекта, осуществленного уже при М.П. Лазареве.

В 1825 году Грейг был назначен членом нового Комитета образования флота. Через 10 лет успешного управления Грейгом Черноморский флот снова превратился в мощную боевую организацию. В 1826 году Севастополь был обращен

в первоклассную крепость. В 1827 году Грейг был награжден орденом Св. Владимира 1-й степени.

А. С. Грейг являлся автором идеи о сооружении «достойного памятника» на месте крещения киевского князя Владимира в Херсонесе. Он взял на себя обязанность сохранить для потомков память о «колыбели христианской» и предписал «местному в Севастополе начальству» осуществлять надзор за херсонесскими развалинами. По проекту Грейга предполагалось «соорудить в Херсонесе цокольной, изящной архитектуры церковь и при ней богадельню для 30 человек» [1, л. 6–9].

Благодаря адмиралу, как сообщал врач Н. Закревский: «...дороги от Севастополя к Георгиевскому монастырю и к Херсонесу маяка пролегали уже не по дикой местности, а между множеством возделанных виноградных плантаций и подрастающих садов» [4, с. 103].

Период управления Грейга отмечен в архивных документах и природными катаклизмами. 27 августа 1820 года над Севастополем пронеслась буря. «В половине 4-го часа при жестоком ветре от юга вдруг весь горизонт помрачился, пошел проливной дождь с градом, довольно крупным, сопровождаемый сильными громовыми ударами и молнией... С тем вместе явился и Тифон (смерч — *А. Ф.*)» [9, с. 72].

В записке контр-адмирала Ф. Т. Быченского дано подробное описание разрушительных последствий смерча: «...срывал, ломал лавки, разметал торговщиков и их товары, сорвал городскую будку с места и разбил на части, опрокинул будку с часовым и следуя далее по улице и по тому же направлению через кордегардию, партикулярные дома и казенные служительские казармы. Срывал крыши железные и черепичные, потом... спустился вниз крутой горы в Южную бухту, подхватил стоящий на берегу катер 14-весельный и перенес оный на 30 сажен (более 60 м — *А. Ф.*)» [9, с. 72].

Смерч всасывал морскую воду на высоту до 10 м и выгонял на берег до 20 м. С корнем было вырвано около 50 молодых дубов, а у некоторых закручены ветви. В Ушаковой балке была разбросана каменная стена на протяжении более 50 м. Молнией было убито 6 человек и ранено 27. К счастью, смерч миновал центр города.

«После сего ужасного феномена Севастополь наполнен был крепким серным смоляным запахом, продолжающимся некоторое время. Атмосфера была густа. Воздух столь наполнен был электрическою силою, что люди чувствовали ненатуральное испарение и во всем теле какую-то слабость. К вечеру погода была тихая и облачная...» [9, с. 72].

Город рос, а вместе с ним подрастало первое поколение коренных севастопольцев. Состоятельные горожане жили на главных улицах — Екатерининской и Морской (впоследствии Большой Морской). А те, кто победнее, строили небольшие домики на городском холме. Сюда достопочтенные граждане не отваживались заглядывать в вечернее время. Это место прозвали «хребтом беззакония». Врач Н. Закревский писал: «Хребет беззакония» был застроен в беспорядке поставленными и кое-как на обрывистых местах прилепленными лачужками, лачужки с земляными и черепичными крышами, с закопченными и помутневшими стеклами были гнездилищем жильцов сбродного сословия...» [4, с. 311].

В таких лачугах нищета и болезни были частыми гостями. Иногда инфекционные заболевания приобретали эпидемический характер. В таких случаях городские власти вводили карантин, что для жителей было настоящим бедствием.

Грейговской период был отмечен и народными бунтами. Известность приобрел так называемый «чумной бунт». В мае 1928 года по приказу губернатора Новороссии графа М. С. Воронцова в Севастополе был введен карантин. Необходимость таких мер вызывалась вспышками холеры на Кавказском побережье, куда регулярно ходили корабли Черноморского флота. Однако «благоразумные меры» обернулись чудовищными злоупотреблениями. Заболевших любой болезнью определяли в чумные лазареты. Зимой людей велено было купать в море, а с марта 1830 года город превратился в тюрьму, так как всем, кроме чиновников и офицеров, запрещалось выходить из дома. Голод и произвол властей привели к вспышке стихийного возмущения. Жители слободок, матросы, мастерские громили квартиры состоятельных людей, отлавливали врачей и санитаров. Пять дней город находился в руках восставших, был убит военный губернатор генерал-лейтенант Н. А. Столыпин, а также ряд должностных лиц. 7 июня в город были стянуты войска и восстание подавлено. К следствию было привлечено до 6000 человек. Казни совершались 11 августа 1830 года публично, одновременно в трех концах города [2, л. 1–65].

Вместе с тем, при адмирале А. С. Грейге активно шло городское строительство, была открыта первая школа, аптека, первое гражданское учебное заведение для детей дворян, купцов и чиновников. Важным событием также было открытие коммерческой пассажирской линии Одесса — Ялта с заходом в Севастополь, это была первая в России пароходная линия.

В 1833 году в Севастополе открылось церковноприходское училище, в котором из 47 учеников 38 были детьми дворян, чиновников, купцов и иностранцев.

В 1833 году А. С. Грейг передал Черноморский флот М. П. Лазареву. Он был переведен в Санкт-Петербург, назначен членом Государственного Совета, председателем Комитета по строительству главной астрономической обсерватории на Пулковой горе.

Личная жизнь А. С. Грейга не была безоблачной. Любимая женщина Грейга Юлия Михайловна не была признана высшим обществом, так как была дочерью мелкого торговца иудейского вероисповедания. Жили они в гражданском браке, что вызвало неприязнь в офицерско-дворянской среде.

После рождения сына Грейг тайно обвенчался, однако в своем послужном списке писал: «Английского происхождения, холост».

Семейная жизнь Грейга не давала покоя николаевскому обществу. Так, Владимир Даль, служивший мичманом на Черноморском флоте, безнадежно влюбленный в супругу адмирала, пишет в ее адрес пасквилы, где высмеивает ее еврейское происхождение. Разразился страшный скандал, был суд, закончившийся гауптвахтой для молодого мичмана. С этих пасквилей, которые были расклеены по всему Николаеву, и началась травля адмирала Грейга. Однако этот поступок испортил и дальнейшую карьеру В. Даля. Ведь он нарушил законы чести, которые высоко ценились в среде морских офицеров и дворян. Всю жизнь за Владимиром Далем тянулось черное пятно, каждый раз поступая на новую службу, в формулярном списке он вынужден писать, что был осужден. С другой стороны, именно этот случай раскрыл талант Даля как писателя, ученого-диалектика, этнографа и автора «Толкового словаря живого Великорусского языка», который не утратил своего значения и до настоящего времени.

После переезда в Петербург Юлия Михайловна не была признана высшим светом и подверглась остракизму со стороны петербургских шовинистов и антисемитов. Двери особняков и дворцов знати были закрыты для Юлии Михайловны. Их гостеприимный дом аристократы также обходили стороной, на приглашения отвечали вежливым отказом. В последние годы жизни Грейга супруги жили уединенно в имении под Ораниенбаумом (ныне Ломоносов под Санкт-Петербургом). Кстати, здание бывшего имения Грейгов сохранилось. Не тронуло время фасад, внутри дома сохранилась дубовая лестница XIX века. Вокруг дачи красивый парк и озеро, затянута тиной.

В 1843 году, будучи уже в преклонном возрасте, А. С. Грейг, как и его отец, удостоился высшего отличия российского государства — ордена Св. Андрея Первозванного и знака «50-лет беспорочной службы».

18 января 1845 года на 70-м году жизни адмирал скончался. Он был похоронен на Смоленском кладбище в семейном склепе. Ныне склеп адмирала в полном запустении, а бронзовый барельеф на его памятнике похищен. Всю свою оставшуюся жизнь жена Грейга посвятила детям. Старший сын, Самуил, стал министром финансов России в 1878 году, Иван — полковником, Василий — действительным статским советником, управляющим Петербургской казенной палатой.

Официально Юлия Михайловна была признана женой Грейга только в 1873 году при открытии памятника адмиралу в Николаеве. Россия наконец примирилась с ее еврейским происхождением, признав в ней достойную супругу одного из прославленных граждан России. Она приехала вместе с сыновьями и великими князьями на открытие памятника, который воздвигли в ознаменование заслуг адмирала А. С. Грейга по управлению Черноморским флотом и развитию города Николаева, где находилось управление флотом, и где почти все годы прожил сам адмирал.

Величественный памятник, созданный по проекту архитектора Микешина, простоял в городе до 1922 года, затем, как писали в газете того времени, «рабочая рука стерла с лица земли этот призрак патриархальной эпохи, и адмирал нашел свой покой у ворот Краеведческого музея, где и лежит лицом вниз». В 1944 году бронзовая фигура адмирала была переплавлена.

Юлия Михайловна умерла в 1882 году и была похоронена в семейном склепе Грейгов.

После революции родственники Грейга покинули Россию, судьба их неизвестна, кроме правнучки адмирала, Лидии Николаевне Нейзе, 1902 года рождения. Она стала балериной, уехала в Германию с мужем Гансом, профессором Новороссийского политехнического института. В 1970-е годы, как рассказал исследователь Юрий Крючков, она передала Николаевскому краеведческому музею парадный портрет и подзорную трубу прадеда.

Нередко заслуги и деяния выдающихся личностей в силу идеологических и других причин забывались, и перед потомками они предстают не теми, кем были на самом деле. Такова участь адмирала А. С. Грейга. Было бы справедливо установить в Севастополе памятник адмиралу. В настоящее время именем А. Грейга названа улица на окраине Севастополя на 5 км Балаклавского шоссе.

Источники и литература:

1. Государственный архив города Севастополя (ГАГС). ф. 19, оп. 1, д. 67, л. 6–9.
2. Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ), ф. 8, оп. 1, д. 17.
3. *Асланбегов А.* Адмирал Алексей Самуилович Грейг: биографический очерк. — СПб., 1873.
4. *Закревский Н. И.* Воспоминание об адмирале А. С. Грейге (Из записок врача морской службы)//Морской сборник. — 1864. — № 1.
5. *Алтабаева Е., Коваленко В.* Потомству в пример. — Симферополь, 1999.
6. Известия Таврической ученой архивной комиссии. — 1891. — № 12.
7. Исторический путеводитель по Севастополю. — СПб, 1907.
8. История Севастополя в лицах: военные и гражданские руководители города и флотов. — Севастополь, 2008.
9. *Казарин В. П.* Крымская буря//Крымский архив. — 1997. — № 3.
10. *Макареев М. В., Рыжонков Г. Н.* Черноморский флот в биографиях командующих. 1783–2004. — Севастополь, 2004.
11. *Семин Г. И.* Севастополь: Исторический очерк. — М., 1955.

ФЕСЕНКО А. А.

АДМИРАЛ П. И. КИСЛИНСКИЙ. МОРЯК И СОЗИДАТЕЛЬ

В августе 2009 года в центре Севастополя, на правой стороне Мемориальной стены в честь героической обороны Севастополя 1941–1942 годов установлены гранитные плиты, на которых золотом выбиты имена почетных граждан города, получивших это звание до 1917 года. На сегодняшний день по архивным документам установлены имена семи человек, среди которых адмирал Петр Иванович Кислинский.

Родился будущий почетный гражданин Севастополя в 1806 году. В 14 лет поступил в Морской кадетский корпус, в 1823 произведен в чин мичмана и направлен на Черноморский флот. С тех пор верой и правдой нес службу под Андреевским флагом, участвовал в морских баталиях во время русско-турецких войн, отличался находчивостью и бесстрашием.

В годы войны 1828–1829 гг. П. И. Кислинский командовал иолом № 22, канонерской лодкой «Барсук». За отличие в морском сражении под Варной был награжден орденом Св. Анны 3 степени с бантом. Вскоре к этому ордену добавилась новая заслуженная награда — орден Св. Владимира 4 степени с бантом [5, с. 195]. Офицера отметили за умелые командирские действия на корабле «Пантелеймон» при взятии Сизополя и разгроме вражеских кораблей в Фаросском заливе.

Затем были новые бои, и опять в числе достойнейших звучала фамилия П. Кислинского. В 1831–1832 годах он участвовал во взятии крепости Геленджик, затем крейсировал вдоль абхазских берегов. За храбрость в боевых действиях против горцев в 1834 году Петр Иванович был отмечен золотой саблей «За храбрость». Службу продолжил на корабле «Память Евстафия»,

и в 1839 году произведен в капитан-лейтенанты. До 1842 года служил в Абхазии и за участие в 18 морских кампаниях был награжден орденом Св. Георгия 4 степени.

В 1844–1846 годах он командовал корветом «Оливуца» в эскадре вице-адмирала К. Ф. Литке, затем с великим князем Константином Николаевичем был в плавании по Средиземному морю. В 1846 году Кислинский награжден орденом Св. Анны 2 степени и неаполитанским орденом Св. Фердинанда.

В Севастополь в 1848 году Петр Иванович вернулся обстрелянным и многоопытным боевым офицером.

Когда началась Крымская война, с первых дней обороны Севастополя П. И. Кислинский стоял в гарнизоне — с 13 сентября 1854 по 27 августа 1855 года, всю оборону города. Сначала, в чине капитана 1 ранга, командовал линейным кораблем «Ягудиил». Потом, когда боевые действия приблизились к Севастополю, ему доверили руководить батареями на Пересыпи третьего отделения оборонительной линии (ныне на этом месте находится железнодорожный вокзал и сквер).

6 декабря 1854 года Петр Иванович за заслуги при обороне Севастополя был награжден орденом Св. Владимира 3 степени, назначен флигель-адъютантом. 20 июля 1855 года произведен в чин контр-адмирала с назначением финансового вознаграждения «на 800 рублей в год на 12 лет» [7, с. 275]. Два года командовал 5-й бригадой Черноморской флотской дивизии.

После окончания войны П. Кислинского перевели на новый для него, боевого моряка, участок службы. В мае 1858 года он был назначен севастопольским комендантом и исполняющим обя-

занности военного губернатора и занимал эти две должности целых шесть лет, пока в 1864 году военное губернаторство не было упразднено. В должности севастопольского коменданта находился до 1873 года.

Это было трудное время для Севастополя. После Крымской войны город представлял собой жалкое зрелище. В центральной части уцелело всего 14 домов, вместо улиц — тропинки, протоптанные в известковой пыли. Нельзя было узнать и бастионы. От земляных укреплений почти ничего не осталось. Немногочисленные жители кормились тем, что показывали приезжим руины некогда величественного города. В целом, к 1860 году местных жителей насчитывалось 6200 человек, это в 10 раз меньше, чем до войны [6, с. 160].

Возродить нормальную жизнь в Севастополе и выпало на долю Петра Ивановича. Работа закипела по всем направлениям. Со дна расчищаемых бухт были подняты затопленные корабли. В городском магистрате приступили к решению имущественных дел. При севастопольском порте была учреждена комиссия «для удовлетворения частных владельцев за затопленные в севастопольской бухте купеческие суда». При наличии судовых документов судовладельцам возмещался ущерб.

Именно по инициативе П. Кислинского в Севастополе было создано отделение Государственного банка.

И хотя Севастополь долго называли «мертвым городом», благодаря П. И. Кислинскому приметы новой жизни становились явственнее: они зримо проступали в лабиринтах узких улочек Корабельной стороны, Зеленой горки, где селились вернувшиеся яличники, мастеровые, отставные матросы. Открылся рынок в Артиллерийской бухте. Потребность населения в товарах первой необходимости удовлетворяли лавки, питейные заведения, кондитерские, устроенные в нескольких деревянных домах по улице Морской. В центре города были открыты несколько гостиниц, оборудованных предприимчивыми купцами. Севастополь начинал новую жизнь.

Благодаря прозорливости и стараниям Петра Ивановича, 24 апреля 1856 года Кабинетом министров одобрено учреждение пароходного акционерного общества для Черного, Азовского и других морей, получившего название «Русское общество пароходства и торговли» (РОПиТ). К концу 1858 года РОПиТ имело 17 пароходов, обеспечивало перевозку 57128 пассажиров и 2420032 пуда различных грузов [8, с. 98].

Общество сыграло большую роль в экономическом развитии города. При адмиралтействе

РОПиТ открыли ремесленную школу на 60 учащихся, ставшую кузницей мастеровых кадров.

В августе 1867 года Севастополь посетили американские туристы, среди которых был молодой журналист Самюэль Клеменс, впоследствии известный всему миру как писатель Марк Твен. В своей записной книжке он отмечал: «Город еще лежал в руинах, однако уже начался сбор пожертвований на увековечение памяти героев обороны. Взносы состояли от 5 до 50 копеек. Собранные деньги дали возможность начать работы на Братском кладбище. К 1867 году поставили 32 памятника над офицерскими могилами и 34 — над братскими. На самой высокой точке кладбищенского холма возводился храм Святого Николая» [4, с. 195–196].

Спустя время Севастопольский порт отнесли к портам 2 класса, потом объявили Севастополь, куда заходило все больше и больше судов из разных частей света, коммерческим портом... Город реально начал возрождаться.

Однако имя П. Кислинского связано не только с боевой и созидательной историей города, он был инициатором благотворительных мероприятий в городе. Возглавив местную комиссию по созданию Музея Севастопольской обороны, Петр Иванович организовал сбор добровольных пожертвований в фонд музея. Музейная экспозиция разместилась в пяти комнатах в доме генерала Э. И. Тотлебена. Экспонатами стали личные вещи, фотографии, документы участников обороны, картины художников И. К. Айвазовского, В. Е. Маковского, Ф. А. Рубо [2, л. 12; 3, л. 11].

За успешную деятельность на благо Севастополя и севастопольцев, уже в мирное время, П. Кислинского наградили орденами Св. Станислава 1 степени с мечами, Св. Анны 1 степени с мечами, Белого орла.

Так были отмечены заслуги П. И. Кислинского на официальном уровне. А благодарные севастопольцы 16 мая 1873 года на заседании городской думы присвоили ему «за неутомимость и храбрость в период обороны, за труды на благо города, в связи с 50-летним юбилеем» звание почетного гражданина города Севастополя, что и было утверждено высочайшим указом [1, л. 2, 3].

Портрет Петра Ивановича, как полагалось при почетном гражданстве, украсил зал заседаний городской думы. Спустя полгода, в первый день нового, 1874 года, П. Кислинского произвели в адмиралы.

В Севастополе П. И. Кислинский женился, он венчался с Анной Ивановной Головиной в 1836 году в Соборной Адмиралтейской Николаевской церкви.

В процессе исторического поиска удалось выяснить, что благодарная память севастопольцев сохранилась не только о Петре Ивановиче, но и о добрых делах его супруги Анны Ивановны. Пусть в более скромных масштабах, но она также помогала горожанам — в организации общественных мероприятий в пользу бедных.

Спектакли ее благотворительного женского театрального кружка, поставленные на импровизированной сцене полуразрушенного здания Морского собрания, лотереи по распродаже женских украшений приносили средства на помощь бедным, в том числе и на проведение рождественских и пасхальных праздников для детей малоимущих.

Город восстанавливался, и находились небольшие средства на увековечивание памяти героев обороны. Офицеры и солдаты, участвовавшие в боевых действиях в Севастополе, начали сбор денег на благоустройство военных кладбищ. Пожертвования приходили со всех концов России, их присылали не только офицеры, но и рядовые. Собранные деньги дали возможность начать

работы на Братском кладбище, где были преданы земле многие тысячи защитников Севастополя. С начала 1860-х годов кладбище перестало быть только мемориальным, поскольку здесь стали хоронить по их завещанию участников обороны, ушедших из жизни в мирное время.

17 июня адмирал П. И. Кислинский скончался и был похоронен на Братском кладбище Северной стороны Севастополя. Надгробие сохранилось до сегодняшнего времени и представляет собой обелиск из белого мрамора на ступенчатом пьедестале — жертвеннике. Сверху обелиска — рельефное изображение знамени. На лицевой стороне пьедестала — мемориальная надпись: «Адмирал Петр Иванович Кислинский. Родился пятого октября 1806 г. скончался 17 июня 1880 г.». Памятник отличается изяществом геометрического орнамента, тонкой высокохудожественной резьбой.

В городе, где земля была обильно полита кровью участников первой обороны, увековечивали память о них, сохраняя имена героев для новых поколений севастопольцев.

Источники и литература:

1. Государственный архив в Автономной Республике Крым, ф. 26, оп. 1, д. 25982.
2. Государственный архив города Севастополя (ГАГС), ф. 15, оп. 1, д. 2.
3. ГАГС, ф. 15, оп. 1, д. 4.
4. Алтабаева Е., Коваленко В. Потомству в пример. — Симферополь, 1999.
5. Достояние поклонения. Восточная (Крымская) война: первая героическая оборона Севастополя. — Севастополь-Симферополь, 2005.
6. История Севастополя в лицах: военные и гражданские руководители города и флотов. — Севастополь, 2008.
7. Левченко Л. Історія Миколаївського і Севастопольського військового губернаторства (1805–1900). — Миколаїв, 2006.
8. Севастополь: взгляд в прошлое. — Севастополь, 2006.

ИВИЦКАЯ О. Е.

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ХИРУРГ Н. И. ПИРОГОВ В БЛАГОДАРНОЙ ПАМЯТИ ПОТОМКОВ

13 ноября 1910 года состоялось заседание Таврической ученой архивной комиссии. Председатель Арсений Иванович Маркевич обратился к собранию со следующими словами: «Мм. гг. Сегодня исполнилось ровно сто лет со дня рождения ... великого русского человека Н. И. Пирогова, и по всей земле русской чествуется его память, как знаменитого хирурга, приобретшего своим врачебным искусством европейскую известность, как замечательного педагога, взгляды которого сохранили свое значение и в настоящее время, как великого мыслителя, в миросозерцании которого так гармонично сочетались дух и материя,

лучше сказать, одухотворялась материя. Гениальный ученый, он был и глубоко верующим христианином. С Тавридой связывает Пирогова дивная страница в его жизни — участие в Крымской войне в 1854–1855 гг., и я думаю, что самым достойным выражением наших чувств к его памяти в настоящую минуту будет краткое воспоминание о главных обстоятельствах его деятельности здесь в это время» [8, с. 119–120].

Прошло еще сто лет. В эти дни мы отмечаем 200-летие со дня рождения Н. И. Пирогова. И сегодня мы говорим о нем, как знаменитом хирурге, замечательном педагоге и великом мыслителе. Та-

ким он останется в благодарной памяти потомков навсегда.

Вопрос о сохранении имени Пирогова для потомков встал еще перед его учениками и продолжателями его дела, замечательными врачами, чьи имена стали гордостью отечественной медицины. Первым среди них следует назвать Николая Васильевича Склифосовского [7, с. 458]. Всю свою жизнь он занимался вопросом увековечения памяти своего учителя. Он посвятил ему немало выступлений. В мае 1881 года Склифосовский организовал торжества по случаю 50-летней деятельности Н. И. Пирогова. К этому времени хирург был уже тяжело болен, практически не у дел. Однако Н. В. Склифосовский лично приехал к Николаю Ивановичу с письмом от москвичей и приглашением на юбилей. Ему удалось получить согласие на приезд юбиляра в Москву. По просьбе Н. И. Пирогова юбилейные торжества проходили в его родном Московском университете 24 мая 1881 года, Н. И. Пирогову было присвоено звание почетного гражданина города Москвы. Выступил тогда знаменитый русский хирург не только в Московском университете, но и в Благородном собрании. Эти последние публичные выступления прославленного русского ученого были, как всегда, патриотичны и проникнуты твердой верой в «светлое будущее» Отчизны. Пирогов часто говорил: «Я люблю Россию, люблю честь родины, а не чины; это врожденное, его из сердца не вырвешь и не переделаешь...» [8, с. 123].

Практически все известные российские врачи в последующие годы отдавали дань памяти Н. И. Пирогову. Они по праву называли его патриархом русской хирургии. В протоколах общества русских врачей в Санкт-Петербурге за 1881–1882 годы есть речь С. П. Боткина о Н. И. Пирогове. В 1910 году издана книга В. М. Бехтерева «Н. И. Пирогов как научный и общественный деятель», 23 ноября 1906 года с речью на соединенном заседании медицинских обществ Петербурга, посвященном памяти Н. И. Пирогова выступил И. П. Павлов. Сохранились воспоминания о Пирогове И. И. Мечникова, статья Н. Н. Бурденко «Н. И. Пирогов с исторической точки зрения».

После смерти Н. И. Пирогова по инициативе Н. В. Склифосовского начался сбор средств на памятник в Москве. Модель памятника Н. И. Пирогова (автор скульптор Шервуд) была представлена императору Александру III [7, с. 459]. Императорское повеление было получено, и 5 августа 1897 года, накануне очередного Международного съезда врачей, памятник гениальному русскому врачу был открыт в Москве.

Торжественно отмечался по всей стране 100-летний юбилей со дня рождения Н. И. Пирогова. Практически во всех городах, где существовали общества врачей или университеты, проходили памятные заседания.

21 ноября 1910 года в Петербурге в зале городской думы прошло заседание, посвященное 100-летию Н. И. Пирогова. На нем с замечательной речью выступил выдающийся оратор своего времени Анатолий Федорович Кони. Его отец изучал медицину в Московском университете одновременно с Пироговым и «свято чтит своего товарища». Анатолий Федорович Кони в 1875 году был назначен членом Совета управления учреждений великой княжны Елены Павловны, которая вместе с Пироговым организовывала в России движение добровольной помощи больным и раненым. Кони в свое время писал о подвиге Н. И. Пирогова и сестер милосердия в Крымскую войну. Так что тема эта была близка А. Ф. Кони, он хорошо знал жизнь и деятельность замечательного хирурга. В заключение своей уникальной речи А. Ф. Кони сказал: «Наш известный историк Соловьев говорит, что народы любят ставить памятники своим выдающимся людям, но эти люди своей деятельностью сами ставят памятник своему народу. Такой памятник поставил и Пирогов, прославив русское имя далеко за пределами своей родины» [15].

Во время празднования 50-летнего юбилея ученой деятельности Н. И. Пирогова в Москве среди учеников и почитателей юбиляра зародилась мысль учредить врачебное общество имени Н. И. Пирогова, в основу которого легла идея общения врачей всей России.

Устав общества был утвержден в 1883 году, общество возникло в форме периодических съездов, которые стали называть Пироговскими. Первый съезд прошел в декабре 1885 года в Санкт-Петербурге. Последующие съезды проходили в Москве, Киеве, Казани. Созывались они регулярно 12 раз, кроме этого было 3 чрезвычайных съезда и один внеочередной. Внеочередной съезд состоялся в 1918 году, на нем выявились резкие разногласия членов общества в отношении к Советской власти.

На Пироговские съезды собирались врачи со всей страны, в среднем по 2–2,5 тысячи человек. По некоторым подсчетам на них присутствовал каждый десятый врач Российской империи. С каждым годом возрастало число секций. Особенное развитие получили секции земской медицины, общественной медицины и бытовых вопросов [6, с. 557].

В честных выступлениях врачей ставились серьезные вопросы ситуации со здоровьем на-

селения в стране. Так, в газете «Крымский вестник» за 29 апреля 1910 года было опубликовано сообщение о проходящем XI Пироговском съезде. В нем говорилось: «Очень оживленно проходит вечернее заседание по секции общественной медицины. А. И. Шингарев читает доклад о расходах на дело народного здоровья в бюджетах местных и государственных. Докладчик цифровыми данными доказывает, что на дело охранения народного здоровья всеми русскими городами вместе тратится меньше, чем одним только Парижем.

Между тем Россия занимает выдающееся место среди европейских государств по своему санитарному неблагополучию. Эпидемии у нас не прекращаются... Явление это зависит по преимуществу от пренебрежения интересами народного здоровья со стороны государства» [4]. Правительство было недовольно такими выступлениями врачей. После X съезда оно предупредило, что съезды будут запрещены, если на них кроме профессиональных вопросов будет резко критиковаться власть. Однако, как видно и из приведенной цитаты, критика продолжалась и после. Более того, она приобретала часто и более острый характер.

В работе съездов принимали участие С. П. Боткин, И. П. Павлов, Н. В. Склифосовский, В. М. Бехтерев, Ф. Ф. Эрисман многие другие известные врачи.

После 1918 года проведение съездов было запрещено [14, с. 893–894].

Однако память о замечательном соотечественнике сохранялась и в советские годы. В СССР с 1954 года проходили Всесоюзные чтения, названные именем Н. И. Пирогова. Местом их проведения стали разные города страны. Всесоюзные Пироговские чтения, приуроченные к 175-летию со дня рождения великого врача и ученого, выдающегося педагога и мыслителя, проходили в Севастополе в ноябре 1985 года [12].

В Крыму и Севастополе память о Пирогове бережно хранили наши земляки и, прежде всего, медики.

Так, трудящиеся города и моряки Черноморского флота провели памятные мероприятия к 75-летию смерти великого русского хирурга, участника первой героической обороны Севастополя 1854–1855 годов. 4 декабря 1956 года состоялась конференция городского научно-медицинского общества совместно с врачами Черноморского флота. В морской библиотеке состоялся библиографический обзор книг, посвященный Н. И. Пирогову [10].

Однако наиболее значительным из всех мемориальных мероприятий следует назвать от-

крытие памятной доски. В те декабрьские дни у входа на Матросский бульвар была установлена мемориальная доска из белого мрамора. На ней золотыми буквами было высечено: «Здесь в дни обороны г. Севастополя 1854–1855 гг. в здании Морского собрания помещался перевязочный пункт, в котором работал великий русский хирург Н. И. Пирогов». Таким стал первый памятник Н. И. Пирогову в Севастополе.

В Государственном архиве города Севастополя сохранилось решение исполнительного комитета Севастопольского городского Совета депутатов трудящихся «О присвоении имени Н. И. Пирогова первой городской больнице» от 17 августа 1967 года № 454, в котором говорилось: «Рассмотрев ходатайство коллектива медицинских работников 1-й городской больницы и городского отдела здравоохранения, исполнительный комитет Севастопольского городского Совета депутатов трудящихся РЕШИЛ:

Просить Совет Министров Украинской ССР о присвоении первой городской больницы города Севастополя имени выдающегося русского хирурга Николая Ивановича Пирогова» [1, л. 70].

Приказом Министерства охраны здоровья УССР от 17 ноября 1967 года № 575 доводилось до сведения, что Приказом Совета Министров УССР от 31 октября 1967 года № 721 1-й городской больнице г. Севастополя присвоено имя выдающегося русского хирурга Николая Ивановича Пирогова [2, л. 1]. На следующий день газета «Слава Севастополя» писала, что «на территории больничного городка, на центральной площадке, перед хирургическим корпусом будет установлен бюст Н. И. Пирогова. Над скульптурой в настоящее время работает скульптор Севастопольского художественного фонда Евдокия Михайловна Слюсарь» [11].

Из документов Государственного архива города Севастополя стало известно, что 16 августа 1968 года рубщиком на изготовление памятника Н. И. Пирогову в Севастопольские художественно-производственные мастерские был принят новый сотрудник [3, л. 6]. Работа над памятником продолжалась, и вскоре он был установлен на территории больницы. Таким образом, точная дата открытия памятника не установлена, однако принятая среди севастопольских авторов дата — 1967 год — не подтверждается имеющимися документами. Скорее всего, памятник был открыт в ноябре 1968 года.

Спустя два года на территории Военно-морского Краснознаменного госпиталя Черноморского флота состоялось открытие памятника академику Н. И. Пирогову. Это замечательное

событие осветила на своих страницах флотская газета «Флаг Родины»: «На открытие памятника Пирогову пришли медицинские работники госпиталя, представители воинских коллективов и учреждений гарнизона и города, ветераны медицинской службы флота. Памятник Н. И. Пирогову сооружен на средства медработников госпиталя и других медицинских учреждений КЧФ». В своем выступлении на открытии памятника полковник медицинской службы А. М. Приходько сказал: «Научные открытия Пирогова имеют мировое значение. Они оказали большое влияние на развитие хирургии во всех странах и сохранили свое значение для современной медицины». В выступлении подполковника медицинской службы В. Б. Пиастро говорилось, что «присвоение госпиталю — ведущему лечебному учреждению флота имени академика Н. И. Пирогова является признанием заслуг всех работников медицинской службы флота. Открытие памятника — это высокая оценка заслуг Н. И. Пирогова перед Черноморским флотом и Севастополем» [13].

В Советском Союзе именем Н. И. Пирогова были названы ряд населенных пунктов. Некоторые названия сохранились до наших дней.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 мая 1948 года о переименовании населенных пунктов Крымской области в Азовском районе Байгончак татарский был переименован в село Пирогово (ныне с. Октябрь) [5, с. 413], в Бахчисарайском районе появилась Пироговка. Позднее село территориально вошло в Нахимовский район г. Севастополя. В нашем городе также есть площадь и улица, названные именем Н. И. Пирогова.

В новейшей истории Украины и России имя великого врача, педагога и мыслителя Н. И. Пирогова не забыто.

Так, в России восстановлена традиция проведения Пироговских съездов врачей. Все началось с публикации в 1994 году в «Медицинской газете» заявления инициативной группы профессоров — медиков Г. А. Комарова, А. Г. Саркисян, М. М. Кузьменко. В прессе отмечалось, что I (17) Всероссийский Пироговский съезд проходил в 1995 году в обстановке конфронтации с правительством и Минздравом. Однако демократический форум медиков продолжил работу и в последующие годы. Число делегатов росло, в работе III (19) Всесоюзно-

го Пироговского съезда врачей впервые принимали участие студенты — медики. По мнению большинства делегатов IV (20) съезда этот съезд стал поворотным. Президент России В. В. Путин встретился с группой делегатов съезда 9 июня 2001 года. На этом съезде была принята Медико-социальная Хартия Российской Федерации [17].

Последний VI (22) Всесоюзный Пироговский съезд врачей состоялся в Москве в сентябре 2006 года [16]. Многие лечебные учреждения носят имя Н. И. Пирогова. Большую работу по увековечению памяти прославленного хирурга осуществляет Центр хирургии его имени.

В дореволюционные годы многие личные вещи и документы Н. И. Пирогова были переданы в медицинский музей в Санкт-Петербурге. К сожалению, прошедшие годы революций и войн не пощадили наследие выдающегося ученого. Не все удалось сохранить. Севастополю повезло больше. В Севастопольский музей обороны в 1900 году из Исторического музея поступили новые экспонаты, среди них был набор хирургических инструментов Н. И. Пирогова [9, с. 167]. Сегодня эти хирургические инструменты представлены в экспозиции зала, посвященного Крымской войне, в Музее Черноморского флота России. Действует и постоянно развивается прекрасный мемориальный музей-усадьба Н. И. Пирогова на территории Украины. Музей был создан по решению Советского правительства в 1947 году в селе Пирогово (с. Вишня).

Говоря о сохранении памяти Н. И. Пирогова, можно привести многочисленные примеры названий лечебных учреждений, медицинских институтов и университетов, улиц и площадей в различных городах Украины и России, носящих его имя. В нынешний юбилейный год немало прошло интересных конференций и мероприятий, посвященных великому хирургу, талантливому педагогу и замечательному мыслителю.

Любой юбилей отрывает нас от настоящего, чтобы оглянуться на прошлое и подвести итоги сделанному. Можно сказать, что имя Николая Ивановича Пирогова всегда сохранялось в благодарной памяти потомков. Нам не приходится его возвращать в нашу историю, и радостное осознание этого дает уверенность в том, что так будет всегда.

Источники и литература:

1. Государственный архив города Севастополя (ГАГС), ф. Р-79, оп. 2, д. 1291.
2. ГАГС, ф. Р-289, оп. 1-д, д. 25.

3. ГАГС, ф. Р-291, оп. 3, д. 23.
4. ГАГС, КМФ-4, оп. 1, ед. хр. 671 (Крымский вестник. — 1910. — 29 апреля).

5. Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998 гг.: Справочник. — Симферополь, 1999.
6. Большая советская энциклопедия: [В 30-ти т.]. — 3-е изд. Т. 19. — М., 1975.
7. Брежнев А. П. Пирогов. — М., 1990.
8. Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). — 1911. — № 45.
9. Исторический каталог Музея Севастопольской обороны. — СПб., 1904.
10. Слава Севастополя. — 1956. — 7 декабря.
11. Слава Севастополя. — 1967. — 18 ноября.
12. Слава Севастополя. — 1985. — 26 ноября.
13. Флаг родины. — 1970. — 12 декабря.
14. Энциклопедический словарь/Изд. Брокгауза Ф. А., Ефрона И. А. — Т. XVIII А. — СПб., 1896.
15. http://az.lib.ru/k/koni_a_f/text_0120.shtml
16. <http://rmass.ru/rubl/info/prog>
17. <http://rmass.ru/rubl/info/prog/93>

ФЕСЕНКО А. А.

МОРСКОЙ МИНИСТР И. К. ГРИГОРОВИЧ — ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО СЕВАСТОПОЛЯ

Почетное гражданство городов в России не регулировалось законодательно, однако было широко распространено в середине XIX — начале XX веков.

Не следует путать сословное почетное гражданство — потомственное и личное, с почетным гражданством городов. В отличие от сословного, почетное гражданство городов не связывалось с получением материальных преимуществ и социальных привилегий, не передавалось по наследству, как потомственное, а являлось мерой оценки деятельности человека, внесшего конкретный вклад в развитие города или страны в целом.

Звание почетного гражданина города присваивалось по решению городской думы, однако в силу сразу не вступало. Документ требовалось «повергнуть на Высочайшее Его Императорского Величества воззрение». Только после одобрения императором можно было объявлять счастливицу об оказанной ему чести. Звание присваивалось прижизненно. Вещественным выражением городской награды была папка «из сафьяновой кожи шагрень» шоколадного цвета на муаровом подкладе размером 9 x 12 вершков (40 x 53 см). В верхнем левом углу помещалась чеканная серебряная монограмма имени награждаемого, полное имя посередине выполнялось серебряным тиснением, внизу располагался эмалевый герб города. Заказывалась такая вещь, как правило, у петербургских мастеров и стоила довольно дорого для того времени — 110–150 рублей. В эту прекрасную обложку вкладывался приветственный адрес, который вручался торжественно почетному гражданину на заседании городской думы. Портреты почетных граждан украшали зал заседаний городской думы.

Революция 1917 года упразднила институт почетного гражданства [9, с. 76].

Тема дореволюционного почетного граждан-

ства практически не исследована. Этой темой занимался П. Я. Веселов, издавший в 1999 году документальную повесть «Звезды Севастополя», в которой из дореволюционных почетных граждан был назван только Лев Николаевич Толстой.

Автором сделана попытка выявления новых имен почетных граждан по документам Государственного архива г. Севастополя, Государственного архива в Автономной Республике Крым и Российского государственного архива ВМФ в Санкт-Петербурге. После исследовательской работы установлены имена семи почетных граждан дореволюционного Севастополя.

Некоторые из почетных граждан не являлись жителями Севастополя, но каждый из них внес личный, конкретный вклад в развитие города. Это выдающиеся люди своей эпохи, которым, как писали в архивных документах той поры, присваивали звания «за труды на благо Отечества».

Одним из таких почетных граждан, внесших вклад в развитие не только городов Российской империи, но и страны в целом, стал Иван Константинович Григорович. Этот факт был установлен по документам РГАВМФ в августе 2008 года.

Иван Константинович Григорович родился 26 января 1853 года в семье морского офицера. Решив продолжить семейную традицию, в 17 лет поступил в Морской корпус. В 1874 году он вышел из корпуса гардемаринном, после чего, пройдя годичную корабельную практику, был произведен в чин мичмана [8, л. 75].

Так началась непростая карьера будущего адмирала, морского министра Российской империи Ивана Константиновича Григоровича. Он прошел три войны — русско-турецкую, русско-японскую и Первую мировую.

Служба Ивана Григоровича началась в 1878 году, в период русско-турецкой войны, на крейсере «Забияка».

Впереди — 30 лет службы в качестве командира боевых кораблей, должность военно-морского атташе в Великобритании, командира эскадренного броненосца «Цесаревич», построенного во французском Тулоне, одного из лучших кораблей 1-й Тихоокеанской эскадры. В 1904 году Григорович — уже контр-адмирал и командир Порт-Артура, а «Цесаревич» — единственный броненосец, уцелевший в русско-японской войне.

18 апреля 1884 года в Морской Богоявленской церкви в Кронштадте лейтенант седьмого флотского экипажа Иван Константинович Григорович вступил в брак с Шемякиной Марией Николаевной.

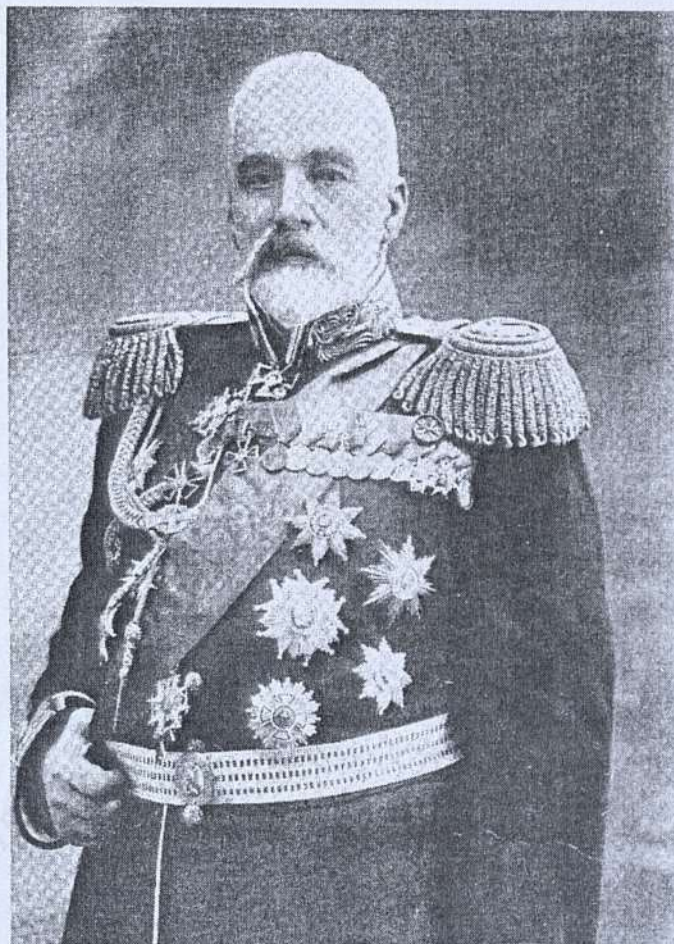
Через год у семьи Григоровичей родилась первая дочь Мария, а в 1901 году во Франции родилась вторая дочь, Наталья [5, л. 7]. Уже тогда Григорович командовал броненосцем «Цесаревич». Мария Николаевна на долгие годы стала верной спутницей Ивана Константиновича Григоровича.

После падения Порт-Артура И. Григорович возвратился в Петербург и был прикомандирован к Главному морскому штабу. С окончанием русско-японской войны он получил назначение на Черноморский флот, где совмещал две должности — начальника штаба и Главного командира Черноморского флота и портов. Участвовал в нормализации обстановки в городе Севастополе и на флоте после революционных событий 1905 года. 14 мая 1906 года в Севастополе, во время церковного парада по случаю дня коронавания их императорских высочеств Николая Александровича и Александры Федоровны, у Владимирского собора на центральном холме Григорович был тяжело ранен в голову и контужен от взрыва брошенной террористом бомбы [2, л. 122].

После длительного лечения возвратился на Балтику, однако своим вниманием никогда не оставлял Севастополь.

В 1911 году, с назначением Григоровича морским министром, в России началась новая эра в создании военного флота. Летом 1912 года была принята «Программа усиленного судостроения на 1913–1917 годы». Для Черноморского флота предстояло построить линейный корабль «Император Николай I», два легких крейсера типа «Адмирал Нахимов», 8 эсминцев типа «Новик» и 6 подводных лодок типа «Лебедь». В этом же году Григорович был произведен в адмиралы и введен в состав Государственного Совета.

Судостроительные программы из-за начала Первой мировой войны не были реализованы в полном объеме, однако корабли, построенные при Григоровиче, оказались долгожителями и приняли участие в Великой Отечественной войне. Адмиралом были переработаны пла-

И. К. Григорович,
морской министр российской империи
(из личного архива семьи Григорович). 1916 год.

ны ведения войны на море. Методы стрельбы и постановки минных заграждений считались, по утверждению английских союзников, верхом совершенства, так же как и подготовка личного состава. Начались реформы и в сфере подготовки морских офицеров.

Волновала И. К. Григоровича и проблема офицерского состава. В своих «Воспоминаниях бывшего морского министра» он писал: «...Одна из забот моих — это недостаток офицерского состава вследствие гибели многих во время Японской войны и ухода большого числа офицеров в отставку, не видевших в будущем ничего светлого для флота. ...Я надеюсь, что многие, увидев, что флот возрождается, вернуться опять на службу...» [10, с. 4].

По инициативе и при финансовой поддержке И. К. Григоровича в 1913 году в Севастополе был учрежден Морской кадетский корпус в балке Голландия. Благодаря морскому министру на его строительство было выделено из государственной казны 400 тысяч рублей. Заложено общежитие для преподавательского состава.

Первая очередь здания, строившегося по проекту талантливого русского инженера А. А. Венсана, была сдана в 1915 году [1, л. 4].

К сожалению, в период Первой мировой войны так и не было ни одного выпуска офицеров. В 1920 году при эвакуации войск Врангеля из Крыма Морской корпус в полном составе на кораблях Черноморской эскадры покинул Севастополь. По прибытии эскадры в Бизерту занятия в Морском корпусе продолжились. Было сделано пять выпусков морских офицеров, многие из которых затем поступили на службу во французский флот. Другие выпускники продолжили образование в Бельгии и Чехословакии, став морскими инженерами.

Благодаря этим мерам удалось добиться грамотной боевой эксплуатации кораблей в период Первой мировой войны, а также быстро восстановить систему подготовки кадров для судостроения и флота в первое десятилетие советской власти.

С именем Григоровича связано не только создание в Севастополе Морского корпуса. В 1916 году Ивану Константиновичу было присвоено звание Почетного гражданина нашего города. Это событие связано со строительством на Приморском бульваре Романовского института физических методов лечения, ныне известного как Дворец детства и юности.

Строительство института физических методов лечения шло более пяти лет, и на него было израсходовано 600 тыс. рублей. В институте было более 150 разных лабораторий, здесь предлагались различные виды услуг — ванны теплые морские, грязевые, сероводородные, кислородные, также был массаж, ингаляции и другие виды процедур. В 1916 году при институте был открыт отель-санаторий для лечения нижних чинов. Это стало возможным благодаря морскому министру Григоровичу: по его ходатайству из государственной казны городскому самоуправлению Севастополя было выделено на строительство санатория 550 тыс. рублей.

Строительство санатория лично курировал министр, в Первую мировую войну в нем лечились нижние чины.

22 октября 1916 года городская дума направила ходатайство императору о присвоении морскому министру высокого звания — «Почетный гражданин города Севастополя». Император издал указ о подтверждении почетного гражданства, о чем и было сообщено Григоровичу телеграммой, подписанной министром внутренних дел [6, л. 12].

Иван Григорович пользовался заслуженным авторитетом не только у офицеров флота, но и среди коллег в Совете Министров и в Государственной думе. Благодаря его организаторским способностям флот и судостроительная промышленность России заметно преобразились.

К 1917 году Россия обладала солидной судостроительной и судоремонтной базой. Общее число занятых на ней рабочих достигало 90 тысяч. В Петрограде Морское ведомство имело 11 профильных заводов. В составе Российского флота числилось 558 военных кораблей и более 500 судов торгового флота [10, с. 4].

Григорович был одним из тех, кто удержался на своей должности во время министерской чехарды 1917 года. Однако новой власти он был неугоден, и в марте 1917 года его отправили в отставку.

Морским министром был назначен Александр Иванович Гучков, оппонент Григоровича при прохождении Малой судостроительной программы в Государственной думе. 22 марта он направил И. К. Григоровичу письмо следующего содержания: «Милостивый государь Иван Константинович! Обстоятельства настоящего момента указывают на желательность подачи Вами прошения об отставке, которая будет принята Временным правительством. С совершенным почтением А. Гучков» [3, л. 21].

Приказом Армии и Флоту от 31 марта 1914 года № 14, адмирал Григорович был уволен от службы с формулировкой «по расстроенному здоровью с мундиром и пенсией», все хлопоты о назначении которой в 1917 году остались безрезультатными.

Так завершилась блестящая карьера генерал-адъютанта, члена Государственного Совета, кавалера многих российских и иностранных орденов, полного кавалера французских орденов «Почетного легиона», Почетного гражданина городов Таллинна (Ревеля), Николаева и Севастополя, морского министра, столь много сделавшего для Российского флота.

Оставшись не у дел, он не эмигрировал в полуголодные, трудные годы, а продолжал трудиться в сфере, которой посвятил всю свою жизнь. Вначале работал научным сотрудником в Морской исторической комиссии по изучению опыта Первой мировой войны на море, а с июня 1919 года по декабрь 1921 года старшим архивистом в Морском архиве [7, л. 16].

Жить и работать приходилось в невероятно трудных условиях. Петроград находился на осадном положении. Работники архива привлекались к дежурствам и общественным работам. Их беспокоили частые, преимущественно ночные, тревоги при посещении жилья представителями исполнительной власти, уплотнение квартир, появление в них подселенцев.

Григорович с семьей снимал жилье, так как с 1909 по 1917 год жил и работал Иван Константинович в здании адмиралтейства. У него не было частного жилья, квартира была служебной, и в 1917 году

Фрагмент выписки из журнала заседаний Городской Думы
о присвоении Григоровичу почетного гражданства (РГАВМФ). Фото Фесенко А.А.

к нему пришли с обыском. Новая власть выселила Григоровича из служебного жилья, и он практически был обречен на голодное существование.

Чтобы не умереть от голода вместе с семьей, Ивану Константиновичу пришлось вернуться к своему старому увлечению — живописи. Он рисовал изящные миниатюры с кораблями и морскими пейзажами. Но в 1920-е годы их никто не покупал, и Григорович занялся рисованием рекламной продукции — тортов и других сладостей для витрин и коробок кондитерских магазинов на Невском проспекте.

В 1922 году Григорович тяжело заболел. Болезнь быстро прогрессировала, он стал терять сознание и падать на улице. Врачи обнаружили у него опухоль головного мозга. В то время операций по их удалению в России не производили. Начались сложные и долгие хлопоты о разрешении на выезд для лечения за границу. С громадным трудом, благодаря ходатайству бывших сослуживцев, работавших в советском аппарате, разрешение было получено.

За границей Григоровича прооперировали. Талант живописца помог ему выжить в эмиграции.

Последний морской министр императорской России жил во Франции тем, что продавал свои картины, которые писал, сидя на берегу набережной Ментона. Две из них, написанные за полгода до смерти, хранятся у потомков Григоровича в Петербурге. Это уже не морские пейзажи чужой страны, а Родина — такая, какой помнил ее старый адмирал.

«На обороте написано: «Пирятино, усадьба», где его поместье было, а вторая — Финляндия, Финский залив. Самые дорогие, самые памятные, видимо, для него места. Он уже не корабли писал, а писал то, что его очень беспокоило, о чем сердце болело», — вспоминала Ольга Вадимовна, внучка адмирала.

Несмотря на полуголодное существование, от предложения английского правительства назначить пенсионное содержание Григорович, как русский офицер, верно служивший своему Отечеству, отказался. Он, незаслуженно забытый на Родине, остался верен ей до конца своих дней.

Григорович тосковал по Родине и хотел вернуться. Но в СССР наступили иные времена, чаще звучали слова «враг народа». Не мог Григорович подвергнуть свою семью опасности.

Однако одной из дочерей, Марии не удалось избежать лагерей ГУЛАГа.

3 марта 1930 года в 77-летнем возрасте Григорович скоропостижно скончался. Его прах был захоронен в Ментоне на частном кладбище Trabuquet на месте 1963, рассчитанном по страховке в 18 тыс. долларов на сто лет. Страховку оплатила английская подданная Ани Джексон. Отпевали Григоровича в стенах небольшой православной церкви Всех скорбящих радость 6 марта 1930 года.

На надгробии была высечена надпись на английском языке: «Всегда любимая, всегда дорогая, о Россия, иногда вспоминай о нем, кто так много думал о тебе...»

Сейчас та же эпитафия, но на русском, имеется на надгробии в фамильном склепе семьи Григоровичей на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге.

Летом 2005 года прах адмирала Григоровича был перевезен в Россию для перезахоронения. Корабли Черноморского флота — крейсер «Москва» и сторожевой корабль «Пытливый» — прибыли во французский Ментон для выполнения этой особой миссии.

Наталья Московченко, правнучка И.К. Григоровича, рассказала: «Когда мы были в Ментоне

на перезахоронении, поднялись с сыновьями моими на кладбище, и увидели, что могила прадедушки была направлена на порт. Он 75 лет смотрел на корабли, смотрел на море».

Последняя воля Григоровича — быть погребенным на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге. На плане склепа, справа от могилы жены, он собственноручно обозначил место для своего упокоения и написал: «Здесь прошу моих детей положить меня» [4, л. 20].

26 июля 2005 года трехкратный залп роты почетного караула возвестил о том, что завещание адмирала выполнено.

Возвращение праха И.К. Григоровича в Россию — это не просто выполнение последней воли морского министра Российской империи, это еще и восстановление исторической справедливости. После стольких лет забвения имя Ивана Константиновича Григоровича вернулось из прошлого, и Россия обрела одного из самых своих лучших граждан.

В августе 2009 года в городе Севастополе на площади Нахимова была торжественно открыта мемориальная доска, на которой золотом в граните выбиты имена дореволюционных почетных граждан. Есть там имя и Ивана Константиновича Григоровича.

Источники и литература:

1. Государственный архив г. Севастополя, м/п 378.
2. Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ), ф. Р-406, оп. 9, д. 992.
3. РГАВМФ, ф. Р-701, оп. 1, д. 1.
4. РГАВМФ, ф. Р-701, оп. 1, д. 69.
5. РГАВМФ, ф. Р-701, оп. 1, д. 78.
6. РГАВМФ, ф. Р-701, оп. 1, д. 80.
7. РГАВМФ, ф. Р-749, оп. 1, д. 367.
8. РГАВМФ, ф. Р-749, оп. 1, д. 369.
9. История Севастополя в лицах: военные и гражданские руководители города и флотов. — Севастополь, 2008.
10. *Сирый С. П.* Последний (18) морской министр императорской России. — Режим доступа: <http://www.morskoe-sobranie.ru/paga 4>.

ФЕСЕНКО А. А.

ЗА ТРУДЫ НА БЛАГО ОТЕЧЕСТВА. К 180-ЛЕТИЮ Е. В. БОГДАНОВИЧА — ПОЧЕТНОГО ГРАЖДАНИНА ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО СЕВАСТОПОЛЯ, УЧАСТНИКА КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Имя видного государственного и общественного деятеля, мецената, политика и автора патристических брошюр Евгения Васильевича Богдановича широко известно в России и незаслуженно забыто севастопольцами.

В 1903 году в благодарность за поддержку в трудные годы восстановления Севастополя после первой обороны горожане избрали его почетным гражданином города Севастополя.

Е. Богданович родился 26 февраля 1829 года в городе Николаеве, в дворянской семье полковника, участника Отечественной войны 1812 года. Образование получил в Морском кадетском корпусе. В 1845 году начал службу гардемаринном в Черноморском флоте: вначале на шхуне «Ласточка», затем на фрегате «Месемврия», позже на линейном корабле «Три Святителя» под командованием Ф. М. Новосильского. После этого был переведен

мичманом на Балтийский флот. Во время Крымской кампании 1853–1856 годов Е. В. Богданович был направлен на Днестр для оказания помощи 3-му корпусу под командованием Д. Е. Сакена. Отличился оперативным и качественным строительством моста через реку Днестр в Бендерах, предназначенного для перевозки военных грузов и движения войск, а также умелой организацией помощи раненым солдатам и офицерам. После Крымской кампании продолжил службу в Стрелковом батальоне Императорской Фамилии. Евгений Васильевич внес значительный вклад в организацию пожарных команд по всей России. Разработал принцип взаимного от огня страхования, на частные средства занимался устройством водопроводов по всей стране, в том числе и Севастополе, основал школу брандмейстеров, «Общество Голубого Креста» [13, с. 364].

В 1861 году был послан для борьбы с неурожаями и голодом в Вятскую и Пермскую губернии, где успешно справился с поручением.

Богданович был инициатором строительства ряда железных дорог. В 1866 году он заявил о необходимости постройки железной дороги, «могущей впоследствии быть проложенною до китайской границы и получить важное стратегическое и международное коммерческое значение». В 1868–1869 годах провел изыскания и разработал план строительства железной дороги Казань — Екатеринбург — Тюмень. Это стало началом истории возникновения Великого Сибирского пути, и многие жители городов, через которые прошла железная дорога, избрали Богдановича почетным гражданином. Его имя было увековечено в названии одной из узловых станций под Екатеринбургом, которая называется «Богданович». На международном географическом конгрессе в Париже в 1875 году получил награду за доклад о Великом Сибирском торговом пути «Париж — Пекин».

Богданович был членом Совета министров внутренних дел, старостой Исаакиевского собора и почетным членом правления Исаакиевского братства в Санкт-Петербурге [17, с. 122–123].

Севастополь после Крымской войны представлял собой жалкое зрелище. В центральной части уцелело всего 14 домов, вместо улиц — тропинки, протоптанные в известковой пыли. Нельзя было узнать и бастионы. От земляных укреплений почти ничего не осталось. Немногочисленные жители кормились тем, что показывали приезжим руины некогда величественного города. В целом, к 1860 году местных жителей насчитывалось 6200 человек, это в 10 раз меньше, чем до войны [14, с. 160].

Потребности населения в товарах первой необходимости удовлетворяли лавки, кондитерские, питейные заведения, устроенные в нескольких деревянных домах по улице Морской. Приличный вид имели несколько гостиниц, оборудованных предприимчивыми купцами. Одна из них, принадлежала Н. И. Ветцелю, который отремонтировал дом в начале Екатерининской улицы. Одноэтажное каменное здание привлекало особое внимание, так как здесь жил во время обороны П. С. Нахимов. В комнату, где спал адмирал, приезжих не селили, однако показывали ее гостям.

Уже с 1856 года Севастополь превратился в место паломничества. Из всех уголков России, а также из Франции, Англии, Италии и Турции люди потянулись к могилам родных и близких [11, с. 113–125].

Начало 70-х годов XIX века было переломным моментом в истории Севастополя. После отмены в 1871 году ограничительных статей Парижского мирного договора Россия вновь получила право иметь военный флот на Черном море. Началось возрождение черноморского военного флота и интенсивное восстановление Севастополя.

В 1875 году была пущена в эксплуатацию железная дорога, Севастополь был объявлен отпускным (экспортным) коммерческим портом. На территории порта были построены амбары, пакгаузы под экспорт зерна, подведена железнодорожная ветка к причалам Южной бухты. Часть Южной бухты была передана под коммерческий порт, что способствовало быстрому экономическому развитию города » [3, л. 12; 1, л. 4–8; 2, л. 4, 5].

Именно в этот период многие видные государственные и общественные деятели вносили свои личные жертвования на возрождение Севастополя после Крымской войны. В 1884 году Е. В. Богданович привез в Севастополь ссуду в 200 тыс. рублей. Впоследствии, как указывалось в газете «Севастопольский справочный листок», с помощью этой ссуды были обустроены улицы, проведен водопровод и построен спуск к морю в Южной бухте [9].

Как свидетельствуют архивные документы, в начале 80-х годов XIX века Севастополь стал центральным портом на Черном море, крупным торговым и благоустроенным городом. По выражению подполковника Штаба Одесского военного округа П. А. Валуева, Севастополь был самым богатым и обеспеченным среди черноморских городов России [10; 6; 7].

Е. Богданович прославился своей издательской и публицистической деятельностью. Будучи человеком глубоко религиозным, с 1879 года начал издавать журналы «Кафедра Исаакиевского собора» и «Кафедра Андреевского собора».

Принимал непосредственно участие в издании брошюр военно-патриотического характера. В то время их называли «ура-патриотического характера». Брошюры распространялись по всей России, нередко Евгений Васильевич привозил их лично, устраивал публичные бесплатные раздачи, участвовал в торжествах, посвященных знаменательным событиям в истории России.

14 сентября 1891 года Георгиевский монастырь праздновал свое тысячелетие, на котором присутствовал и Е. В. Богданович. По окончании крестного хода с водосвятием в покоях настоятеля состоялась трапеза для высшего духовенства и почетных гостей. Во время трапезы было произнесено несколько речей, из которых наиболее интересной оказалась речь Е. В. Богдановича: «Достопочтенное юбилейное собрание!.. Здесь каждая пядь земли служит для нашего Православия драгоценным напоминанием глубокой старины. Местность эту освятил своею проповедью апостол Андрей Первозванный, два века спустя здесь поучал Христовой вере епископ Василий, принявший здесь же мученичество за свою проповедь, сюда же со своими дружинами являлся равноапостольный князь Владимир, чтобы тут, в соседнем Херсонесе, воспринять свое крещение.

Наконец, эти места освящены стопами святого Георгия Победоносца, избравшего сей утес для совершения дивного православного чуда. Чтимый во всем христианском мире защитник христоробивых воинов, идущих на брань, как оберегатель мореплавателей, чтимый на Руси, как покровитель сельскохозяйственных трудов народа, сей угодник Божий неустанно, во все века, своим святым заступничеством охранял посвященную его святому имени райскую обитель — эту колыбель русской веры. Видимое доказательство такого заступничества сказывается в том, что хотя волею судеб в Тавриде в течение многих веков властвовали чуждые христианству пришельцы разных племен, но тем не менее насажденное апостолом Андреем Первозванным Христово учение сохранилось в обители святого Георгия незыблемым и несокрушенным...» [12, с. 31–38].

По окончании трапезы почетным гостям были розданы серебряные медали и бронзовые жетоны с изображением северного фасада монастыря.

В 1902 году в Севастополе состоялся грандиозный праздник, посвященный 100-летию со дня рождения выдающегося флотоводца Павла Степановича Нахимова.

Праздничная программа была рассчитана на три дня. Город был торжественно украшен. У Морского собрания среди многочисленных

флагов развевался один громадный флаг белого цвета. На нем была вышита буква «Н», а сверху из георгиевских лент сделан бант с цифрами «1802–1902». Такой же флаг венчал начало Нахимовского проспекта у часовни Святого Николая (ныне площадь Лазарева).

Во второй день торжества — день рождения адмирала — после окончания богослужения начался парад войск.

Участники церемониальным маршем прошли мимо памятника адмиралу Нахимову, затем по Екатерининской улице мимо дома, в котором жил адмирал, после чего разошлись по местам расположений. Оркестр играл «Нахимовский марш», именно тот, которым была встречена входящая в Севастополь после Синопского боя эскадра вице-адмирала Нахимова.

После парада отставным нижним чинам — участникам Синопского боя и защитникам Севастополя, живущим в городе и его окрестностях, — был устроен обед в морских казармах.

В 19 часов на Мичманском бульваре (ныне Матросский) в красиво декорированном шатре из флагов состоялся обед по подписке для господ — постоянных членов, а также гостей Морского собрания и офицеров гарнизона с семьями.

Во время обеда была прочитана телеграмма, которую в этот день Главный командир Черноморского флота и портов получил от Его Императорского Величества Государя Императора.

Были прочитаны многочисленные послания и ответные телеграммы, в том числе и в адрес генерала Е. В. Богдановича: «Черноморские моряки сердечно благодарят Вас за чудный подарок в виде изданного Вами сказания об отце — адмирале Павле Степановиче по случаю исполнившегося столетия со дня рождения этого богатыря-героя и, собравшись в Морском собрании, при участии чинов севастопольского гарнизона пьют за здоровье незабвенного глашатая бывших славных дел героев-черноморцев».

В этой телеграмме речь шла о биографическом очерке «Адмирал Павел Степанович Нахимов», вышедшем накануне юбилея. Очерк составил сын защитника Севастополя лейтенант И. П. Белавенец по поручению вице-адмирала С. П. Тыртова. Генерал-лейтенант Е. В. Богданович оказал содействие в издании брошюры и направил ее накануне юбилея в штаб Черноморского флота в количестве 20 тысяч экземпляров для бесплатной раздачи нижним чинам. Брошюра включала 172 страницы с 77 картинками и была роздана после парада [15, с. 3].

В начале XX века Севастополь превратился в культурный и промышленный центр, активно

шло городское строительство. Однако в этот период наряду с роскошными особняками и относительно благоустроенным центром существовали хаотически застроенные, грязные, совершенно не благоустроенные рабочие кварталы. Окраины не имели ни электрического освещения, ни постоянной транспортной связи с центром, ни водопровода, ни канализации. Богданович принимал активное участие в разработке «инструкции для исполнительных комиссий по сооружению в Севастополе ванного здания и канализации». Стоимость проекта канализационной сети и выводного коллектора, разработанного архитектором В. М. Вейзенем и гражданским инженером Г. П. Долинным, составила 1250 тысяч рублей. Проект долго не утверждали в Санкт-Петербурге, но благодаря поддержке Е. Богдановича он все-таки был утвержден в хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел 12 июля 1903 года. По ходатайству Е. Богдановича в 1903 году из Министерства внутренних дел было выделено 600 тыс. рублей на хозяйственные нужды города. (Однако в строй канализационная сеть и выводной коллектор вступили лишь в 1912 году).

Е. Богданович принимал активное участие в работе строительной комиссии по восстановлению памятников Севастопольской обороны, входил в комиссию по разработке программы празднования 50-летнего юбилея Севастопольской обороны, способствовал постройке водопровода для надобностей парка на 4-м бастионе.

Он был одним из авторов проекта по строительству железной дороги Севастополь — Ялта. Проект в 1903 году был утвержден, и началось отчуждение земель в районе Севастополя и Балаклавы. Однако проект не был реализован.

Это лишь часть добрых дел Богдановича, которые были выявлены автором при исследовании архивных документов.

1 июля 1903 года состоялось заседание городской думы, где был рассмотрен вопрос о присвоении Е. В. Богдановичу «за труды на благо Севастополя» высокого звания — «Почетный гражданин города Севастополя». Выступил городской голова А. Максимов и другие гласные (депутаты). В Санкт-Петербург была отправлена телеграмма следующего содержания: «Севастопольская городская дума на заседании 1 июля 1903 года избрала единогласно ваше превосходительство почетным гражданином г. Севастополя. О чем уведомляя прошу ваше превосходительство принять от меня искреннее и сердечное поздравление. Градоначальник, контр-адмирал Спицкий».

Е. Богданович ответил: «Отъезжая сейчас в обитель Св. Серафима, получил здесь ваше при-

ветствие. Радуюсь, что лестное для меня избрание состоялось в дни вашего правления Севастополем, его развитие и процветание будет предметом моей молитвы. Душевно приветствую. Богданович».

Резолюция императора не заставила себя долго ждать. 16 сентября 1903 года императорским указом Е. Богданович был утвержден в данном звании. На экстренном заседании городской думы 17 сентября городской голова А. Максимов зачитал перед гласными текст телеграммы, где сообщалось о высочайшем соизволении императора на присвоение генерал-лейтенанту Богдановичу звания почетного гражданина города Севастополя. Позже Е. Богдановичем по просьбе городского управления был прислан портрет «для помещения его в зале думских заседаний» [5].

Е. Богданович по своим политическим убеждениям был консерватором. Общественно-политическая роль Богдановича — автора пропагандистских «ура-патриотических брошюр» имела несравненно большее значение, чем административное влияние занимаемой им должности члена Совета министров внутренних дел. Богданович состоял в переписке с императором Николаем II. С 14 января 1909 года получал «тайное пособие» в размере 2000 рублей в год за «отлично-усердную службу», назначенное императором. Богданович издал много описаний святых мест и жизнеописаний наиболее чтимых святых, а также картин религиозно-нравственного и патриотического содержания, множество брошюр монархического характера для простонародья. Основные сочинения: «Наварин 1827–1877 гг.», «Синоп, 18 ноября 1853 г.», «Гвардия Русского Царя на Софийской дороге, 12 октября 1877 г.», «Стрелки Императорской Фамилии», «Россия на Дальнем Востоке» и другие [13, с. 364].

13 августа 1912 года к 100-летию войны 1812 года Богданович привез в Севастополь для судебных библиотек 200 экземпляров своего труда «1812 год». Патриотические брошюры Е. Богдановича для народа вошли в «десятки миллионов книжек, картин и листов для бесплатной раздачи по поводу важнейших событий» [18, с. 104].

Отец Иоанн Кронштадтский назвал Богдановича «сеятелем доброго слова». В честь Богдановича было основано 19 стипендий при учебных заведениях. Не остался в стороне и Севастополь. Так, 17 марта 1912 года в Санкт-Петербурге, в Министерстве внутренних дел, где трудился Е. Богданович 50 лет, на праздновании этого юбилея присутствующие собрали деньги на учреждение стипендии имени генерала в разных городах. Из собранной суммы 300 рублей были отправ-

лены городскому голове Севастополя Николаю Федоровичу Ергопуло для учреждения стипендии в одной из школ Севастополя, ввиду того, что генерал Богданович состоял почетным гражданином Севастополя.

Генерал был избран почетным гражданином десяти городов империи, таких как Тюмень, Екатеринбург, Харьков, Рыбинск, Муром, Камышлов, Севастополь и другие, почетным членом 26 ученых, просветительных и благотворительных обществ.

Будучи в преклонном возрасте, Евгений Васильевич был в курсе всех значимых событий, происходивших в Севастополе и на Черноморском флоте. К различным знаменательным датам он присылал в город поздравительные телеграммы. Так, 18 ноября 1913 года в Севастополь пришла приветственная телеграмма от генерала Богдановича по случаю 60-летней годовщины Синопской победы, в которой значилось: «Ослепший, больной старик, почти 70 лет назад начавший службу гардемаринном на парусном корабле «Три Святителя», когда в Черноморском флоте кипела работа и крепки были традиции, созданные его организаторами Грейгом и Лазаревым, хотел бы дожить до того желанного дня, когда пойдут под Андреевским флагом гардемаринны морского корпуса Черноморского флота. Давно ждет родное Черное море своей морской школы и невольно рисуется моему воображению величественное здание будущего корпуса, глядящее на севастопольский рейд, населенное веселою толпою будущих офицеров, воспитывающихся на новых подвигах старого славного родного флота, воплотившихся в последователях Лазарева, Корнилова, Нахимова. Хлопочите, настаивайте, дорогие товарищи по флоту, добивайтесь создания нового рассадника просвещенных русских моряков столь насущно необходимого... нельзя Черноморский флот долгие годы оставлять без своего морского корпуса. Имея во главе своей столь твердого, настоящего, неутомимого, главного начальника Морских сил Черного моря, как адмирал Эбергард, мы смело можем надеяться на осуществление нашей общей, давнишней мечты, тогда старый богатырь Севастополь, мощный сосед цветущей, прекрасной Царской резиденции, благоухающей Ливадии, встретит Венценосного Адмирала броненосного, бронепалубного, миноносного и подводного эскадрона, не только ее блестящим, опытным, подготовленным экипажем, но и своей молодежью, своими подрастающими свежими силами, готовящимися населить, одухотворить и повести на дело, непрерывно растущие мощью и числом боевые силы Черноморского флота. Да сбудется

эта надежда! Да оправдаются наши ожидания и да сольются сегодня, в годовщину бессмертного Синопского боя, все наши голоса в один громовой клич на Базосоздателя русского флота, на Вселюбленного Самодержца нашего Государя Императора. Ура! Генерал Богданович» [16, с. 3].

В 1913 году по инициативе морского министра И. К. Григоровича, впоследствии почетного гражданина г. Севастополя, был учрежден новый Морской корпус в Севастополе. Первая очередь здания на восточном склоне балки Голландия была сдана в 1915 году. Жаль, что генерал Богданович не смог увидеть, как воплотилась его мечта.

По матери Евгений Васильевич был племянником Георгиевского кавалера, генерала Льва Львовича Альбранта. Его братья продолжали славные традиции предков. Орест и Виктор героически погибли под Севастополем во время Крымской войны, Лев прославился храбростью в Малой Чечне.

Жена Богдановича Александра Викторовна (урожденная Бутовская) — была хозяйкой светского салона с серьезным политическим уклоном. Полностью разделяла политические взгляды мужа и помогала в его деятельности. В 1905–1907 годах, в смутное время, салон супругов Богдановичей на Исаакиевской площади в Петербурге стал штаб-квартирой «партии порядка» и всячески поддерживал патриотическое движение. Сын Богдановича Николай Евгеньевич служил вице-губернатором в Тамбове, 17 декабря 1905 года скончался от ран, полученных во время покушения на него террористом-революционером. Сам Евгений Васильевич скончался 1 сентября 1914 года в Ялте, был захоронен в Александро-Невской Лавре в г. Санкт-Петербурге [14, с. 160].

Более 100 лет Е. Богданович является почетным гражданином нашего города, однако об этом известно лишь узкому кругу лиц, историкам и краеведам.

22 августа 2009 года восстановлена историческая справедливость.

В нашем городе, у Мемориального комплекса в честь героев обороны Севастополя 1941–1942 гг., установлены гранитные плиты с именами почетных граждан дореволюционного Севастополя.

Среди семи фамилий в гранит золотыми буквами вписано имя Евгения Васильевича Богдановича.

Источники и литература:

1. Государственный архив города Севастополя (ГАГС), ф. 22, оп. 1, д. 19.
2. ГАГС, ф. 22, оп. 1, д. 54.
3. ГАГС, ф. 22, оп. 1, д. 62.
4. ГАГС, КМФ-4, оп. 1, ед. уч. 69/ед. хр. 450.
5. ГАГС, КМФ-4, оп. 1, ед. уч. 164/ед. хр. 544.
6. ГАГС, м/п 364,
7. ГАГС, м/п 365.
8. ГАГС, м/п 722.
9. ГАГС, м/п 1118.
10. ГАГС, м/п 1123.
11. Альминские чтения: материалы науч.-практ. конференции. — Симферополь: АнтикВА, 2008.
12. Балаклавский Свято-Георгиевский мужской монастырь. — М, 2001.
13. Большая энциклопедия. — Т. 3. — СПб., 1904.
14. История Севастополя в лицах: военные и гражданские руководители города и флотов. — Севастополь, 2008.
15. Крымский вестник. — 1902. — 24 июня. — С. 3.
16. Крымский вестник. — 1913. — 18 нояб. — С. 3.
17. Севастополь: Энциклопедический справочник. — 2-е изд., доп. и испр. — Симферополь, 2008.
18. Севастополь: взгляд в прошлое. — Севастополь, 2006.

ИВИЦКАЯ О. Е.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОГРАФ ЗНАМЕНИТОГО ИЗДАТЕЛЯ ГРИГОРИЯ МОСКВИЧА В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА Г. СЕВАСТОПОЛЯ

Прогрессивные начинания в сфере историко-краеведческой и культурно-просветительской деятельности Григория Москвича давно уже оценены по заслугам историками и краеведами Крыма. Деятельность уроженца Ялты по изданию путеводителей по Крыму, Кавказу и европейским странам в конце XIX — начале XX веков стала заметным явлением в издательском деле дореволюционной России. Она сыграла огромную роль и в становлении индустрии туризма в самых привлекательных регионах Российской империи. Уникальные места Крыма и Кавказа благодаря многочисленным изданиям путеводителей стали известны широкой публике. Их полюбили, стали посещать и изучать. Известны и востребованы до настоящего времени многочисленные прижизненные издания путеводителей Г. Москвича по Крыму, Кавказу, Волге, Санкт-Петербургу, Москве, Одессе, Ялте, Черноморскому побережью и Кавказским минеральным водам. Все-го, по данным самого Г. Г. Москвича, им издано 14 различных путеводителей [2, л. 29]. Делались они очень добротнo с прекрасными иллюстрациями и картами. В более поздних путеводителях по Крыму имелся краткий русско-татарский словарь под редакцией И. Гаспринского. В предисловии от издателя говорилось: «Словарь этот составлен членами Крымского Горного клуба профессорами — С. М. Танатароми и Р. А. Пренделем, инж. А. Л. Бертъе-Делагардом и др.»

Несмотря на частые переиздания и значительные тиражи, многие из путеводителей стали библиографической редкостью. Интерес к ним вы-

сок и в наши дни, именно поэтому они активно переиздаются современными издателями.

К каждому своему путеводителю Григорий Москвич давал эпиграф: «Знание своего отечества необходимо каждому, желающему с пользой для него трудиться» [3].

Что же известно нам о жизни основателя издания путеводителей в России, человека, так много сделавшего для пропаганды исторического краеведения и для развития туризма? Биографические сведения о Г. Г. Москвиче очень скудны. В знаменитых энциклопедиях они, как правило, вообще отсутствуют. Известно, что Г. Г. Москвич долго жил в Одессе, а в начале XX века переехал в Санкт-Петербург. Редакция «Путеводителей» располагалась по адресу ул. Троицкая, 23.

В Санкт-Петербурге Г. Москвич основал специальное издательство «Русский Бедекер», в названии использовав фамилию Карла Бедекера — известного немецкого издателя путеводителей и путешественника, который оставил подробные описания Европы [4, с. 166–167].

В предисловии к юбилейному, двадцать пятому изданию «Иллюстрированного практического путеводителя по Крыму» Григория Москвича, вышедшему в 1913 году, редактор позволил себе некоторое отступление от основной темы и немного написал о своей деятельности: «Настоящим изданием заканчивается *четверть века* моей путеводительской деятельности. Никто в своем деле не судья, но я позволю себе сказать два слова о моем издательстве.

В 1888 г. я издал *Путеводитель по Крыму*. В то время путеводители по России были редко-

стью и, работая с любовью 25 лет, создал единственное в России издательство путеводителей...

С чувством глубокого удовлетворения могу засвидетельствовать, что распространение моих путеводителей ежегодно увеличивается и растет, следовательно, интерес к нашей бескрайней, изумительной по разнообразию и красоте родине» [3, с. IV].

Москвич сам много путешествовал, был увлеченным краеведом и имел экскурсионное бюро на Кавказе. Главное бюро экскурсий находилось в Кисловодске с отделениями в Пятигорске, Железноводске, Ессентуках, Минеральных Водах, Владикавказе, Беслане. В Ростове и Новороссийске отделения находились на вокзалах. Профессор А. А. Непомнящий отмечает в своих работах, что Г. Г. Москвич первым в России поставил издание путеводителей на профессиональную основу. Его «Путеводители» составлялись коллективом авторов, а редактировал материал сам Москвич.

О жизни Григория Москвича имеются очень скудные сведения, предположительны и не подтверждены были документально даты его жизни. (Чаще всего в литературе назывались 1858–1942 годы).

В связи с этим значительным событием становятся любые архивные находки, которые стирают очередное белое пятно в биографии Г. Москвича.

В августе 1923 года севастопольская газета «Маяк коммуны» опубликовала объявление следующего содержания: «Путеводитель по Крыму Григория Москвича купит Г. Москвич». Назывался и адрес, куда следовало обращаться — ул. Троцкого, 6, «управление акц. общества Крымкурсо». Таким образом, становится известно, что издатель вернулся в Крым, живет в Севастополе. По его собственному утверждению ему еще раз удастся переиздать свой путеводитель в 1925 году. Об этом он упомянул в своем собственноручном заявлении 1927 года. Этот интересный документ был недавно обнаружен в фондах Государственного архива города Севастополя в документах Севастопольского райисполкома. Заявление Г. Г. Москвича написано на имя председателя Севастопольского райисполкома. Документ составлен по правилам делопроизводства. Вместо углового штампа вписано рукой автора: «Москвич Григорий Георгиевич. Автор 14 путеводителей с 1888 г. Балаклава. «Россия» 11/1–27 г. ».

Сложные события революции и гражданской войны уже уходили в прошлое. Многие известные россияне оказались в эмиграции, но было немало и тех, кто остался на родине. Григорий Москвич не эмигрировал в эти годы. К сожалению, мотив

принятого им решения не известен. Он оказался в Крыму, потеряв все свое недвижимое имущество. До революции известный издатель имел сеть книжных магазинов по всей стране. В Севастополе в конце XIX века его книжный магазин находился на Нахимовском проспекте [5, с. 152].

В 1927 году, как свидетельствует обнаруженный документ, издатель жил в Балаклаве. Из публикации в газете «Маяк коммуны» он узнал о том, что в Севастополе идет работа по подборке материала для путеводителя по Европе, который переиздает американское издательство. Это и побуждает Г. Москвича обратиться к председателю Севастопольского райисполкома с письмом, в котором он указывает адрес своего проживания на момент подачи заявления: Балаклава, гостиница «Россия».

Особый интерес вызывает следующий текст: «Мои 14 различных путеводителей с 1888 г. выдержали все вместе 223 издания в количестве 825 тысяч экземпляров» [2, л. 29]. Далее Г. Г. Москвич указывает, что последнее 29-е издание его путеводителя по Крыму вышло в 1925 году.

Заканчивается заявление так: «...желая, чтобы иностранцы имели все исчерпывающие данные о моем родном Крыме (я родился в Ялте) в современных условиях, и как первый и старейший в Союзе ССР составитель путеводителей предлагаю свои услуги бесплатно проредактировать, исправить и дополнить текст о Крыме для Американского издания Путеводителя по Европе» [2, л. 29]. Однако поучаствовать Григорию Георгиевичу в работе над текстом путеводителя не удалось, к этому моменту работа была уже закончена. На письме издателя имеется резолюция руководителя: «Материал выслан в Нью-Йорк». В работе по редактированию текста принимали участие те, кому доверяла советская власть. Этим и объясняются те корректировки, которые введены в присланный американскими издателями текст: Графская пристань называлась в это время пристанью Третьего Интернационала, а «главная деловая улица» [2, л. 21, 22] носила имя Троцкого.

Анализируя приведенный текст заявления Г. Москвича, можно сказать, что в это время известный издатель был явно не у дел, он не занимал никакой официальной должности, однако материально не нуждался.

Находка данного документа стала началом активного поиска в Крыму новых материалов об известном издателе. Сотрудники Государственного архива в Автономной Республике Крым представили ряд выявленных ими документов. Среди них — «Прощение» от 18 ноября 1897 года ялтинского мещанина Г. Г. Москвича в Ялтин-

скую мящанскую управу с просьбой выдать ему увольнительное удостоверение для причисления в севастопольские купцы [1, л. 239]. Такое удостоверение было выдано через 2 дня. Документ этот тоже сохранился [1, л. 240]. Из него становится известно, что 37-летний Григорий Москвич был православного вероисповедания, имел жену Анну Васильевну 33 лет и двух сыновей — Александра 3 лет и Вячеслава 2 лет. В удостоверении отмечалось, что он «под следствием и судом не состоит», недоимок за ним не числилось. В связи с этим интересно вспомнить, что путеводитель по Крыму 1889 года издания имел подзаголовок «Издание второе Анны Москвич». Семейное дело дало возможность создать капитал и позже перейти Москвичам в купеческое сословие. Из этого документа становится известен и год рождения известного издателя — 1860 год.

Как сложилась дальнейшая судьба Г.Г. Москвича нам еще предстоит узнать. Документы украинских и российских архивов могут дать ответы на поставленные вопросы в изучении его биографии.

Источники и литература:

1. Государственный архив в Автономной Республике Крым, ф. 620, оп. 1, д. 10.
2. Государственный архив города Севастополя, ф. Р-420, оп. 1, д. 471.
3. *Москвич Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. — СПб., 1913.
4. *Непомнящий А. А.* Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII — начало XX века). — Научно-справочные издания по истории Украины. Выпуск 46. — Киев, 1999.
5. *Чверткин Е. И.* Незабывтый Севастополь. Ч. 1. — Севастополь, 2008.

Документы о книгоиздателе Г.Г. Москвиче публикуются впервые. Документы имеют редакционные заголовки и размещены в хронологической последовательности. Датированы по времени их составления. Тексты документов переданы с сохранением стилистических и языковых особенностей. Написанные сокращенные слова воспроизведены в квадратных скобках без оговорок в примечаниях. В документах (№№ 1, 2), написанных до 1 февраля 1918 года, даты приводятся по старому стилю, в документе № 3 — по новому стилю. Подписи документов сохранены. В случае невозможности прочтения в подстрочном примечании оговаривается «Подпись неразборчива» (док. № 1). В конце каждого документа приводится легенда, в котором также указана подлинность документа. Резолюции, относящиеся к документам, расположены в конце. Документы публикуются на языке оригинала.

Документы к публикации подготовлены заместителем директора — главным хранителем фондов Государственного архива города Севастополя Н. М. Терещук.

№ 1

ПРОШЕНИЕ Г. Г. МОСКВИЧА В ЯЛТИНСКУЮ МЕЩАНСКУЮ УПРАВУ
О ВЫДАЧЕ УВОЛЬНИТЕЛЬНОГО СВИДЕТЕЛЬСТВА ДЛЯ ПРИЧИСЛЕНИЯ
В СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ КУПЦЫ

18 ноября 1897 года

Честь имею просить Ялтинскую мещанскую управу уволить меня и выдать увольнительное свидетельство для причисления себя в севаستопольские купцы.

Гр[игорий] Москвич

*Резолюция: Выдать удостоверение, что препятствий на переход в купцы не имеется**

ГААРК, ф. 620, оп. 1, д. 10, л. 239. Подлинник

№ 2

УДОСТОВЕРЕНИЕ, ВЫДАННОЕ ЯЛТИНСКОЙ МЕЩАНСКОЙ УПРАВой
Г. Г. МОСКВИЧУ НА ПЕРЕХОД В СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ КУПЦЫ

20 ноября 1897 года

Дано сие из Ял[тинской] мещ[анской] управы ялт[инскому] мещанину Григорию Георгиевичу Москвич[у] в том, что он состоит записанным в посемейной книге мещан г. Ялты под № 834, вероисповедания православного, которому от роду 37 лет, общест[венных] повин[ностей] и других недоимок по 1898 год не числится, под следствием и судом не состоит и на переходе его Москвича в севастопольские купцы с женою Анною Васильевной, 33 лет, сыновьями: Александром 3 лет и Вячеславом 2 лет, со стороны мещан[ской] управы препятствий не встречается.

В том Ялт[инская] мещ[анская] управа подписью и приложением печати удостоверяет.

ГААРК, ф. 620, оп. 1, д. 10, л. 240. Подлинник

* Далее неразборчивая подпись

ПИСЬМО АВТОРА ПУТЕВОДИТЕЛЕЙ Г.Г. МОСКВИЧА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
СЕВАСТОПОЛЬСКОГО РАЙИСПОЛКОМА С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ БЕСПЛАТНОЙ
РЕДАКЦИИ ПУТЕВОДИТЕЛЯ ПО КРЫМУ ДЛЯ АМЕРИКАНСКОГО ИЗДАНИЯ*

11 января 1927 года

Гражданин predisполком!

Мои 14 различных путеводителей суц[ествуют] с 1888 г[ода], выдержали все вместе 223 изд[ания] в количестве 825 тыс[яч] экз[емпляров], а мой «Путеводитель по Крыму» вышел в 1925 году 29 изданием, а желая, чтобы иностранцы имели все исчерпывающие данные о моем родном Крыме (я родился в Ялте) в современных условиях, и как первый и старейший в Союзе ССР составитель Путеводителей предлагаю свои услуги *бесплатно* проредактировать, исправить и дополнить текст о Крыме для американского издания Путеводителя по Европе (см. № 7 «Маяк Коммуны» от 19/1 [19]27 г[ода]).

Гр[игорий] Москвич

Р е з о л ю ц и я: ИА. ** Материал выслан в Нью-Йорк. М.***

Государственный архив города Севастополя, ф. Р-420, оп. 1, д. 471, л. 29. Подлинник

* Письмо составлено по правилам делопроизводства. Вместо углового штампа вписано рукой автора: Москвич Григорий Георгиевич. Автор 14 путеводителей с 1888 г. Балаклава. «Россия» 11/1-27 г.

** Аббревиатура не расшифрована

*** Предположительно — Мичурин, секретарь Севастопольского райисполкома

БАЛАКЛАВСКИЙ ПРОВИЗОР М. О. ЗОЛОТНИЦКИЙ

Уже канули в лету такие замечательные слова, относящиеся к аптечным работникам, как «провизор» и «гезель». В словарях Даля и Ушакова этим терминам даны четкие определения: немецкое слово «гезель» — это помощник или ученик в аптеке, а «провизор» — ученая степень, дающая право содержать аптеку.

По документам Государственного архива города Севастополя известно, что в период с 1903 по 1913 год в Севастополе было семь гражданских аптек, две из которых, на Екатерининской улице, принадлежали М. Ю. Виленчику, на Нахимовском проспекте находилась аптека А. М. Камбура, на Большой Морской улице 2 аптеки — Ш. А. Кауфмана и Т. О. Маллер, на Новороссийской улице — аптека С. В. Хайновского и на Корабельной стороне — И. И. Акимова. Сведениями о балаклавских аптеках авторы не располагали, пока не получили материал из Америки. Оказалось, что в Балаклаве аптека (по свидетельству внука — две аптеки, одна из которых в Севастополе) принадлежала выпускнику Юрьевского университета (г. Тарту) Золотницкому Хаиму Юдковичу (Михаилу Осиповичу), который после его окончания, по-видимому, сначала проживал в Симферополе, а затем надолго связал свою жизнь с Севастополем и Балаклавой. Предположение о симферопольском периоде жизни основано на выписке из метрической книги, выданной симферопольским раввином о рождении 27 декабря 1900 года дочери Хаима Юдковича и Хавы (Евы) Абрамовны Золотницких Рахиль-Розалии. Однозначно можно утверждать, что на территории Севастопольского градоначальства в 1903 году в Балаклаве была аптека провизора Хаима Юдковича Золотницкого, еврея, иудейского вероисповедания. Эти сведения взяты из Российского медицинского списка, изданного Медицинским департаментом Министерства внутренних дел по состоянию на 15 февраля 1903 года.

Как свидетельствуют документы Севастопольского полицмейстера, Михаил Осипович Золотницкий родился в 1869 году, вероисповедания иудейского. Его имущественный ценз в 1908 году составлял 1200 рублей. Был грамотен, под судом не был. В 1908 году значился присяжным заседателем, то есть выборным лицом из цензового населения, привлекавшимся для участия в заседаниях суда и в числе других заседателей выно-

сившим решение о виновности или невиновности обвиняемого [1, л. 6 об.—7]. Не подтверждается архивными документами наличие домовладения у М. О. Золотницкого, так как в 1911 году он проживал в Балаклаве в доме Манько А. П.

Нельзя не отметить тот факт, что именно о М. О. Золотницком А. И. Куприн упомянул в своих знаменитых «Листригонах»: «Все артели уходят на своих баркасах в море. Остальные жители поголовно на берегу: старики, женщины, дети, и оба толстых трактирщика, и седой кофейщик Иван Адамович, и аптекарь, занятой человек, прибежавший впопыхах на минутку (выделено автором), и добродушный фельдшер Евсей Маркович, и оба местных доктора». Не исключено, что А. И. Куприн, друживший с балаклавским фельдшером Евсеем Марковичем Аспизом, был также знаком и с провизором М. О. Золотницким. Ведь они являлись представителями немногочисленной интеллигенции, проживавшей в Балаклаве.

Если дореволюционный период жизни М. Золотницкого однозначен, то при изучении документов 1920-х годов возникают вопросы. Наверное, после революции и окончательного установления советской власти в Севастополе и Балаклаве он ставил во главу угла не политические убеждения, а свой профессионализм. Именно поэтому и остался работать.

Не удастся установить его судьбу в трудные первые годы после окончательного установления советской власти в Севастополе и Балаклаве за период с 1920 по 1924 годы. Но известно, что с 9 февраля 1925 года М. О. Золотницкий работал в различных аптеках города Севастополя и проживал в квартире на улице Ленина, 33 (бывш. Екатерининская) [3, л. 4]. Дальнейшие поиски документов привели авторов к именным спискам избирателей в Севастопольский городской Совет рабочих, крестьянских, красноармейских и военморских депутатов, составленных в 1925 году, которые приводятся почти дословно, несмотря на некоторые разночтения:

— Золотницкий Михаил Осипович, 56 лет, мужского пола, еврей, женат, глава семьи, служащий в аптекоуправлении, семья живет на средства — личные заработки, наемным трудом не пользуется, не член союза, под судом не был, душевной болезнью не болеет;

— Золотницкая Ева Абрамовна, 52 года, еврейка, замужем, жена Михаила Осиповича, домохозяйка, находится на иждивении мужа, не является членом союза, под судом не была, душевной болезнью не болеет;

— Золотницкая Елизавета Михайловна, 27 лет, девица, дочь Михаила Осиповича, инвалид, живет на средства отца, наемным трудом не пользуется, не является членом союза, под судом не была, душевной болезнью не болеет;

— Золотницкая Роза Михайловна, 24 года, девица, дочь Михаила Осиповича, служащая, безработная, живет на средства помощи союза мед. военмор., наемным трудом не пользуется, член союза «Медсантруд», не судима, душевной болезнью не болеет [4, л. 28 об.].

Так было в 1925 году. Следующий именной список избирателей — аптекарских работников, составленный в 1929 году, подтверждает все те же сведения о Михаиле Осиповиче, но с небольшой припиской — «лишенец» [2, л. 95 об.]. Личное дело лишенного, а затем восстановленного в избирательных правах провизора внесло некоторую ясность в вышеуказанный документ. В начале

1929 года М. О. Золотницкий действительно был лишен избирательных прав, как бывший торговец, имеющий аптеку в Балаклаве до 1920 года. Учитывая, что провизор наемный труд не использовал, аптеку держал только в дореволюционное время, КрымЦИК 16 апреля 1929 года восстановил Золотницкого Михаила Осиповича, его жену и одну из дочерей Елизавету в избирательных правах [3].

Дальнейшая судьба семьи в довоенных документах не просматривается, но фотография М. О. Золотницкого, сделанная фотографом М. Покатило и опубликованная в газете в 1930-е годы, доказывает, что он продолжал трудиться по своей специальности.

Знакомясь с воспоминаниями внука М. О. Золотницкого, авторы обратили внимание на фамилии друзей провизора. Выявленные сведения об этих людях даны в примечаниях.

Мы выражаем признательность нашему соотечественнику Григорию Акивовичу Мельницкому, проживающему в Америке (Бриджпорт, Коннектикут) за предоставленный материал о своем деде Золотницком Михаиле Осиповиче (Хаиме Юдковиче), его семье и окружении.

Источники и литература:

1. Государственный архив г. Севастополя (ГАГС), ф. 27, оп. 1, д. 5.
2. ГАГС, ф. Р-79, оп. 1, д. 489.
3. ГАГС, ф. Р-79, оп. 2 л, д. 1566.
4. ГАГС, ф. Р-420, оп. 6, д. 129.

Воспоминания внука М. О. Золотницкого Г. Мельницкого публикуются впервые. Документ имеет редакционный заголовок. Текст документа передан с сохранением стилистических и языковых особенностей. Написанные сокращенные слова воспроизведены в квадратных скобках без оговорок в примечаниях. Сокращенные названия учреждений расшифрованы в подстрочных примечаниях. Сокращенные имена и отчества не расшифровывались.

ВОСПОМИНАНИЯ ВНУКА ПРОВИЗОРА М. О. ЗОЛОТНИЦКОГО Г. О. МЕЛЬНИЦКОГО О СВОЕМ ДЕДЕ, СЕМЬЕ И ОКРУЖЕНИИ

5 февраля 2008 года

Мои короткие и отрывочные воспоминания основаны на сравнительно небольшом периоде жизни дедушки и моего общения с ним. К сожалению, дед скончался, когда мне исполнилось 10 лет. Помню я и знаю не так уж много. Время тогда было сложное для всех и для нашей семьи, в частности. Рассказывать детям о прошлом было не принято, особенно у тех, у кого в семье были безвинно репрессированные, либо так называемые «лишенцы», либо родственники заграницей. Но это уже другая история.

Мое имя Мельницкий Григорий Акивович. Я внук (единственный) Михаила Осиповича (Хаим Юдкович) и Евы (Хавы) Абрамовны Золотницких. Моя мама Роза (Рахиль) Михайловна Золотницкая — младшая дочь М. О. и Е. А. родилась в Симферопо-

поле 9 января 1900 г [ода]. У меня сохранилась «Метрическая выписка» за подписью Симферопольского Раввина, копию которой Вам посылаю. У М. О. и Е. А. была еще одна дочь — Люся [1]. Она долго болела и скончалась в середине 30-х годов в Севастополе.

Дед мой М. О. Золотницкий родился в 1869 г [оду]. В 1895 он окончил Юрьевский (Дерит, Тарту) университет со степенью провизора. Копию диплома посылаю, оригинал на пергаменте у меня в раме висит на стене.

Приехав в Севастополь, дед через некоторое время открыл две аптеки — в Севастополе и в Балаклаве [2]. Фото обеих аптек посылаю Вам, вместе с фото сохранившейся у меня подлинной* аптечной склянки, на которой отлита легко читаемая надпись «Аптека Золотницкого. Балаклава». Аптека в Севастополе была в 2-х этажном доме на 1-м этаже, а на 2-м этаже жила семья деда [3]. На фото дед стоит у входа в аптеку, а на балконе можно различить маленькую девочку. Это моя мама.

Когда власть захватили большевики, аптеки были экспроприированы, а дед продолжал работать в Севастопольской аптеке в качестве служащего-провизора [4]. По-видимому, М. О. был хорошим работником, судя по публикации его портрета в местной газете, подпись под фото вполне доброжелательная (копию также посылаю).

Вместе с дедом работал в Севастополе — Балаклаве еще один медработник — фельдшер Евсей Маркович Аспиз, которого я хорошо помню, т[ак] к[ак] после войны он с семьей (жена Фаня Михайловна [5], дочь Мирра) жил в Москве и они с дедом и с моей мамой встречались.

Евсей Маркович оставил воспоминания, но у меня их нет. Его дочь Мирра Евсеевна недавно ушла из жизни. Незадолго до этого она прислала мне в Штаты свою брошюру «Балаклавский альбом» [6]. Если этой публикации в Севастополе нет, и она интересует, я отдаю свой экземпляр.

По описанию в этой брошюре можно составить представление о культурной среде, в которой вращалась тогдашняя севастопольская интеллигенция. Между прочим, мой дед (хотя и не по имени) и «фельдшер Евсей Маркович» упоминаются в рассказе А. Куприна «Листригоны» [7].

Когда немцы подошли к Севастополю М. О. и Е. А. (а им было 72 и 70 лет) на небольшом баркасе вместе с примерно еще 20 беженцами переплыли из Крыма в Потти и остановились у родственников по фамилии Розэ. Через некоторое время старики самостоятельно добрались до г[орода] Сталинск (теперь Новокузнецк) в Сибири, где находились в эвакуации мои родители со мной. Это было в 1942 г [оду] и мне было 4 года.

Поселились М. О. и Е. А. вместе с нами на окраине Сталинска (поселок ДЗОЗ на берегу реки Томь). Там они прожили около 2 лет. Дедушка научил меня читать. Помню, как мы сажали с ним вместе картошку. Он разрезал клубни на 4 части, а я закапывал их в ямки.

У меня сохранилось фото дедушки со мной примерно 1940 года.

В 1944 г [оду] после освобождения Крыма дед получил вызов от Крымской администрации, и старики самостоятельно уехали из Сталинска, вернулись в Севастополь налаживать аптечное дело. Путешествие для них было очень трудное. Мама рассказывала, что на вокзале в Новосибирске они провели неделю на полу.

Вскоре (6 сентября 1944 г [ода]) мама со мной вернулась в Москву, а отец мой был послан на восстановление металлургических** предприятий на Юге Украины.

К тому времени мамина комната в коммунальной квартире (Трехпрудный пер[еулок] д. 11/13 кв. 220) была занята МГБшником*** (по фамилии Бушин) и мы поселились в том же доме, но в кв. 202, которую занимала семья моего отца Аки-

* Слово *подлинной* вписано над строкой

** Слово *металлургических* вписано под строкой

*** Имеется в виду сотрудник бывшего Министерства государственной безопасности

вы Григорьевича Мельницкого — мать Нишка Беньяминовна и два брата: Самуил и Вениамин с семьями.

Два года заняло у нас получить мамину комнату обратно, но это (через суд) удалось, и в 1946 г[оду] (в конце) М.О. и Е.А. приехали к нам в Москву, поселились в этой комнате, а мы остались с семьей отца.

М.О. обратился в Наркомздрав с просьбой использовать его по специальности. Его направили в главную московскую аптеку № 1 (бывшая Ферейна) на ул. 25 Октября, теперь Никольская — в самом центре Москвы. Он был назначен зав[едующим] рецептурным отделом и проработал еще 2 года до окончательного ухода на пенсию. Посылаю его фото в 1-й аптеке вместе с сотрудниками его отдела.

30 мая 1948 г[ода] днем он скончался от сердечного приступа, сидя у окна своей комнаты на 2-м этаже. Было ему 79 лет.

Похоронили мы его на Востряковском еврейском кладбище 31 мая (на следующий день). Через год с небольшим скончалась Ева Абрамовна — 24 сентября 1949 г[ода]. Похоронена там же, вместе с М.О.

Дедушка остался в моей памяти как очень деликатный, незлобивый, интеллигентный человек. Говорил тихим, мягким голосом, никогда в повышенных тонах. У обоих был богатый без акцента русский язык, также знали немецкий и конечно идиш. Дед очень много читал и любил гулять со мной, хотя и недалеко — все-таки возраст. Помню в 1947 г[оду] на мой день рождения (9 октября) дед с бабушкой подарили мне шахматы с трогательной надписью на обороте шахматной доски. Это поздравление у меня сохранилось до сих пор. Однажды еще в Сталинске я продемонстрировал деду умение читать надписи на заборе. Дед весьма мягко объяснил мне, что цитировать дома прочитанное нехорошо и делать этого не нужно.

Друг друга дед и бабушка называли только Мишенька и Эвочка.

Несколько слов о моей маме — их дочери. Мама также была аптекарским работником, и некоторое время работала в Севастополе в аптеке вместе с М.О.

В начале 30-х годов мама приехала в Москву и ее приняла семья Виктора Рафаиловича и Марии Абрамовны Кугель (см. «Балаклавский альбом», стр. 51) — также бывшие севастопольцы. Они занимали большую квартиру из 5-ти комнат и чтобы избежать «уплотнения» нежелательным контингентом, отдали 2 комнаты знакомым — одну из них моей маме. Мама поступила на работу в аптеку Протезного института (сейчас ЦИТО им. Приорова*). В 1938 г[оду] мама вышла замуж за моего отца Акиву Григорьевича, жившего с матерью и братьями в том же доме в соседнем подъезде. Проработала мама до начала войны, а затем (22 июля) мы были эвакуированы в г. Сталинск. Остальное я написал выше. Скончалась мама в Москве 17 декабря 1975 г[ода] и похоронена вместе с моим отцом, умершим 4 ноября 1970 г[ода].

Еще немного о других севастопольцах того времени, которых я знал или о которых слышал.

О семье Аспиз я уже писал.

Теперь о семье Кугель. Это весьма известная в России фамилия. Александр Рафаилович Кугель был, по-видимому, самым известным российским театральным критиком. Его брат Виктор Рафаилович в 30-е годы участвовал в подпольном сионистском движении, был арестован и конечно расстрелян. Его жена Мария Абрамовна пережила его на 20 лет. Я ее хорошо помню. У меня есть копия фото В.Р. и М.А. вместе с В.Е. Жаботинским. В свое время сестре М.А. делал предложение Йосеф Трумпельдор. Сын В.Р. и М.А. Рафаил Викторович Кугель (известный ученый, д[октор] т[ехнических] н[аук] с сыном Жаботинского Ари играл в шахматы. Раф. Викт. недавно скончался в Натани. Я последний раз с ним встречался в Израиле 5 лет тому назад.

* Центральный ордена Трудового Красного Знамени институт травматологии и ортопедии Н.Н. Приорова

Он публиковал в израильской периодике целый ряд статей/воспоминаний очень интересных. С его женой я созваниваюсь, дочь его Наташа — преподаватель иврита. Конечно, остался архив, который может быть полезен, что-нибудь есть о Крымском периоде. Во всяком случае, мне он разные истории рассказывал.

Еще помню доктора Якова Михайловича Гиммельфарб [8], севастопольца, который в Москве приходил к деду в гости.

Также Фаня Михайловна Эрман, семья Лавут (упоминается у Маяковского) и несколько греков понтийских. С одной гречанкой — ее имя Нюся Спаи [9], моя мама дружила. Помню, что работала она в ГУМе.

В Ялте жила семья Горенштейн (Кирова 20, кв. 18) — Фаня Григорьевна (кузина моей мамы) и ее сын Анатолий Исаакович с женой Зиной, сыном Виктором. Ан. Исаак. — человек в Крыму известный. Года 2 назад ему исполнилось 80 лет. Ветеран войны, был в плену, прошел через пять концлагерей, неоднократно бежал — последний раз за неделю до освобождения лагеря Красной Армией. Вышел к своим где-то под Варшавой. После «проверок» в СМЕРШе*, допросов в НКВД**, затем КГБ*** вернулся в Крым, работал в автобусном парке. С 2000 г[ода] на пенсии. Состоит в Союзе офицеров, входит в Союз борцов сопротивления и узников концлагерей. Сведения о нем опубликованы в 4-х книгах. В номере от 29 апреля 2005 г[ода] американская ежедневная русскоязычная газета «Новое Русское слово» напечатала большую статью о нем, которую также посылаю. В архиве у Ан. есть письмо от Стивена Спилберга с глубокой благодарностью за воспоминания о том, что ему выпало пережить в годы Холокоста. Во всяком случае, до прошлого года А. И. был жив, последний его адрес (в Массандре) и тел. у меня есть.

Еще одна крымская**** семья наших родственников — Костюков Арон Борисович (кузен моей мамы) с женой и сыном жили в Евпатории (ул. Революции, 2).

Вот, пожалуй, и все. Конечно, воспоминания мои весьма фрагментарны. Хотелось бы узнать как можно больше о жизни моих родных в Крыму. Заранее благодарен за любую помощь в этом деле. Мои 4 внука еще маленькие, но они *обязательно* спросят о своих корнях.

Г. Мельницкий

Примечания

В архивных документах за 1925 год она значится как Золотницкая Елизавета Михайловна, инвалид, 27 лет.

По действующему законодательству вторую аптеку в одном населенном пункте можно было открыть при численности населения более 7000 жителей и наличии 6000 рецептов. Авторы склоняются к мысли, что у Золотницкого М. О. была одна аптека, так как численность населения Балаклавы с предместьем Кадыковка в 1911 году составляла 2895 человек. Среди содержателей городских аптек его фамилия не значится. В личном деле лишённого избирательных прав М. О. Золотницкого тоже значится «аптека в Балаклаве».

* «Смерть шпионам» — особый отдел в войсках

** Народный комиссариат внутренних дел

*** Комитет государственной безопасности

**** Слово *крымская* вписано над строкой

Это был съемный дом, принадлежащий А. П. Манько. Алексей Петрович Манько был членом, или, как тогда называли, уполномоченным Балаклавского городского упрощенного управления. Вместе с тем, имея доходный дом, Манько А. П. проживал в доме Витмера. В 1921 году среди муниципализированных городских домов Балаклавы отсутствуют сведения о доме Золотницкого М. О., но значится дом Манько А. П.

В начале 1920-х годов в Севастополе было 8 государственных аптек и 6 сданных в аренду. Они отпускали лекарства по рецептам врачей. Рецепты были: платные, за счет здравоотдела, за счет страхкасы и за счет общего отдела Севастопольского райисполкома. В архивных документах упоминаются аптеки №№ 1, 2, 3, 4, 5, 10, 11, аптечный склад и аптечная лаборатория. В донесении участкового 1-го участка административного отдела Севастопольского райисполкома от 29 декабря 1930 г. упоминается работа М. О. Золотниц-

кого в аптеке № 5. А в справке уполномоченного объединения «Крымаптекоуправления» по Севастопольскому району А. Гидалевича указывается работа М. О. Золотницкого «в разных аптеках».

Аспиз Евсей Маркович (1877, Гомель — 1968, Москва), фельдшер г. Балаклавы (затем врач). Проживал в доме Василькиоти. Проработал в Балаклаве городским санитарным фельдшером 20 лет. 30 сентября 1922 года был направлен ЦК союза Медикосантруд в Москву на Высшие медицинские курсы. После учебы остался работать в Москве. С ним поехала его жена и годовалый ребенок. До революции состоял в партии социал-демократов (меньшевик). Был в дружеских отношениях со многими поэтами и писателями: Ф. Д. Батюшковым, Д. Н. Маминым-Сибиряком, С. М. Городецким, М. П. Арцыбашевым, А. Б. Дерманом, С. А. Найденовым, Н. Н. Никаноровым, И. С. Рукавишниковым, С. Г. Скитальцем. На одной из своих книг С. Г. Скиталец сделал дарственную надпись Е. М. Аспизу: «Балаклавскому Императору и моему другу государю Евсею Марковичу для памяти о бедном авторе этой книжки на многие лета». Е. М. Аспиз — автор очерка «С Куприным в Даниловском». В 1919 году женился на Ф. Гиммельфарб, сестре балаклавского врача Якова Михайловича Гиммельфарб. Их дочь Мирра Евсеевна, доктор биологических наук, член Союза журналистов, опубликовала воспоминания об отце и «Балаклавский альбом».

«Балаклавский альбом» издан в Москве в 2000 году Миррой Аспиз. В нем рассказывается об альбоме, который завела в 1905 году в балаклавской библиотеке ее работник, бывшая ссыльная Е. Д. Левенсон. В альбоме оставляли свои записи многие известные деятели литературы и искусства. После смерти Е. Д. Левенсон альбом хранился у Е. М. Аспиза и впоследствии был передан в отдел рукописей Российской государственной библиотеки (бывш. им. В. И. Ленина).

Цитата из произведения А. И. Куприна «Листригоны» приведена в предисловии. Кроме провизора и фельдшера А. И. Куприн упоминает двух местных докторов. Авторы предполагают, что речь идет о двух братьях, балаклавских вольнопрактикующих врачах Педьковых Владимире и Иване Львовиче. Заключение об увековечивании их А. И. Куприным сделано на основании их проживания в собственных домах недалеко от моря — на Базарной и Набережной улицах. И они могли наблюдать за выходом рыбаков в море. Педьков

Владимир Львович, 1852 года рождения, лекарь, окончил медицинский курс в 1876 году, надворный советник. В 1903 году был земским врачом в селе Гальбштадт Бердянского уезда Таврической губернии. Педьков Иван Львович, 1856 года рождения, лекарь, в 1881 году окончил медицинский курс, коллежский асессор. В 1903 году работал земским врачом в колонии Гнаденфельд Бердянского уезда Таврической губернии. Кроме того, в Балаклаве была земская больница и амбулатория, которая находилась в отдалении от бухты, в так называемом «Новом городке». Там работали земский врач Глинка Виктор Александрович, фельдшер Авдеенко Николай Антонович и акушерка Сираф Ферусина Соломоновна.

Гиммельфарб Яков Михайлович, родной брат жены Е. М. Аспиза, врач, член партии социал-революционеров. В Балаклаве в начале августа 1917 года на первом заседании новой городской думы был избран городским старостой. Деятельное участие в предвыборной агитации в Балаклаве и в составлении блока принимал скончавшийся к тому времени народоволец М. Н. Тригони. Яков Михайлович Гиммерфарб был другом эсера С. А. Никонова. По архивным документам установлены еще два человека с такой фамилией: Гиммельфарб Михаил (Моша) значится в 1923 году прихожанином Главной еврейской синагоги; Гиммельфарб З. — присяжный поверенный, в 1907 году награжденный орденом св. Анны 3 ст.

В Балаклаве проживали: Спаи Эммануил Павлович, мещанин, домовладелец, присяжный заседатель в 1908 году; Николай Павлович — рыбак, после революции в 1920-е годы был членом Балаклавского Совета; Константин Павлович — 1880 года рождения, в конце 1920-х годов работал в Центральном рабочем кооперативе (ЦРК), был казначеем греческого общества, а с 1929 года его председателем; Спаи Г. К. — в 1921 году проживал в Золотой балке, имел трех детей возрастом до пяти лет. Имеются сведения о двух учениках Константиновского реального училища: Спиридоне — ученике 5 класса в 1912 году, и Илье — 1897 года рождения, сыне мещанина, поступившего в училище в 1909 году. Установить, в каком родстве с ними находилась Нюся Спаи, пока не представляется возможным.

ИСТОРИЯ СЕМЬИ АПОШАНСКИХ В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ

Каждый из нас хранит дома свой небольшой семейный архив. Бережно перелистывая пожелтевшие листы и старые фотографии, мы возвращаемся в наше прошлое, грустим и улыбаемся, разглядывая страницы истории.

Один из таких семейных архивов в 2007 году был передан на хранение в Государственный архив города Севастополя и получил свое новое, уже архивное название — фонд Р-613 «Коллекция документальных материалов семьи Апошанских».

Семейная династия Апошанских — представители дореволюционной и советской интеллигенции, творчески одаренные люди. Центральной фигурой, вокруг имени которого создана архивная коллекция, является Владимир Михайлович Апошанский (1910–1943) — поэт, военный корреспондент газеты «Красный черноморец» в годы Великой Отечественной войны, участник обороны Одессы, Севастополя, Новороссийска, Кавказа.

Апошанский В. М. с сыном и супругой

Дорогами войны прошли многие журналисты, судьбы которых были связаны с Крымом — Константин Симонов, Евгений Петров, Леонид Соболев, Василий Кучер, Анатолий Луначарский, Александр Жаров, Александр Хамадан, Лазарь Лагин. «Мы те, кто росли под грохот орудий ...» Так говорил о себе и своих сверстниках Владимир Апошанский, журналист, поэт, воин.

Рукописи, довоенные сборники стихов, письма с фронта, статьи, вырезки из газет военного времени, фотографии, воспоминания — все эти подлинные, уже архивные документы помогают вспомнить и понять, каким человеком был Владимир Михайлович Апошанский.

Родился Владимир Апошанский 1 мая 1910 года в селе Погромца Курской области. Его отец Михаил Емельянович был учителем, мать Варвара Ивановна — бухгалтером [17]. Литературу Владимир полюбил с детства. Как и отец, стал писать стихи, печатал их в уездных и губернских изданиях. В 1930 году стал студентом Симферопольского педагогического института [12, л. 1]. Вступил в Крымское объединение поэтов и писателей. И в 1933 году были изданы две его книги — «Поэма о хлебе» [1] и сборник лирических стихотворений «Стихи» [2]. Положительно отозвался о его творчестве советский писатель-прозаик А. С. Новиков-Прибой [15, л. 39].

Потом — призыв в армию, и Владимир Апошанский зачислен на курсы командного состава в Севастопольском военно-морском училище имени ЛКСМ Украины [12, л. 2]. Службу молодой лейтенант начал в Батуми в должности минера. Командир базы в графе «недостатки» так написал про Апошанского: «Занимается писательством, ходит в литкружок и на разные литературные вечера» [15, л. 38, 39; 6, л. 25].

В 1940 году Владимир Апошанский стал корреспондентом газеты «Красный черноморец». Он был в начале своего творческого пути, когда началась война. С первых военных дней он получил боевое крещение на Дунайской флотилии и всегда находился там, где шли ожесточенные бои [9, л. 6]. «Красный черноморец» регулярно печатал полюбившиеся морякам очерки, репортажи, стихи молодого поэта [3–9; 15].

Затем была Одесса. Высадившись с морским десантом в сентябре 1941 года в районе Григо-

Апошанский В. М. (слева) и командир лидера эсминцев «Ташкент» Ерошенко В. Н.. 1940-е гг.

рьевки, он заменил выбывшего во время боя командира роты, повел в моряков в атаку. А когда принес очерк о бое, выслушал выговор редактора за то, что не указал фамилию офицера, который принял на себя командование отрядом. Только потом редактор узнал, что Апошанский не забыл фамилию, а не захотел писать о себе [15, л. 38]. За отвагу, мужество 22 декабря 1942 года Владимира Апошанского наградили медалью «За оборону Одессы» [13, л. 2].

А потом — в Крым. С пистолетом и гранатами за поясом, он меньше всего был похож на журналиста. Рослый, атлетического телосложения, Апошанский прекрасно владел всеми видами стрелкового оружия, приемами самбо, бокса, прекрасно бегал и плавал, любил футбол [15, л. 38, 39]. Он покорял своей жизнерадостностью, юмором, мог песней или интересным рассказом поднять настроение людям [10, л. 26].

Его корреспонденции были интересны и правдивы. «Чтобы писать о героях, надо быть рядом с ними», — говорил Владимир Апошанский. В редакции его видели только тогда, когда он приносил готовый материал и получал новое задание. Он все стремился увидеть своими глазами — в окопах и на подводных лодках, на катерах, эсминцах и боевых аэродромах. Чтобы написать о снайперах, отправлялся с винтовкой

с ними в поиск, писал о бронейщиках, лежа на нейтральной полосе с противотанковым ружьем. Его знали и уважали за смелость и решительность, он был надежным товарищем и опытным бойцом [15, л. 39; 10, л. 6].

В Севастополе Владимир Апошанский находился до последних дней. Когда редакция «Красного черноморца» эвакуировалась в Сочи, он был оставлен в Севастополе, писал о последних днях обороны — «Семь героев-черноморцев», «Героический Севастополь», «Моряки лидера «Ташкент», «Подвиг краснофлотца Чекаренко», «Испытание огнем» [4]. Издаваемый в Сочи «Красный черноморец» приходил в Севастополь еще месяц, а еще позже его сбрасывали с самолетов, как листовки. Владимир Апошанский был награжден медалью «За оборону Севастополя» [13, л. 1]. «... Севастополь! Твой светлый образ неотступно стоит перед нами. Доблестно выполнив свой долг, приняв на себя главный удар немцев и этим сорвав весеннее наступление Гитлера, ты пал в неравном бою, как витязь, покрытый знаменами бессмертной славы. Севастополь пал... Да здравствует Севастополь!» [4, л. 16]. В 1943 году Воениздат выпустил его книгу «Это было в июне» о последних днях обороны Севастополя.

В Керченском проливе «ста смертей» был ранен. Выздоровев, вернулся в строй. Потом он писал о Малой Земле [6].

Севастопольское литературное объединение. В нижнем ряду крайний справа — Апошанский В. М. 1938 г.

Одним из первых корреспондентов был удостоен двух высоких правительственных наград — ордена Отечественной войны I степени и ордена Боевого Красного Знамени. Ему предлагали ехать служить в Москву, в редакцию центральной газеты «Красный флот», но он отказался. «Настолько привык воевать, что боюсь, зачехну у вас», — писал Апошанский редактору.

25 сентября 1943 года он пошел с десантниками под Темрюк на Таманский полуостров. За несколько часов до выхода в море Владимир Апошанский узнал: задача десанта — произвести отвлекающий маневр. Его пытались отговорить — ведь это конец. «Переиначивать поздно. Ребята заранее знали, что я иду с ними. Отказаться — значит струсить. Как после этого я смогу жить и смотреть в глаза в глаза морякам?» [13, л. 38].

Командир группы погиб еще на мелководье, Апошанский привычно принял на себя командование. Бежал в морском кителе, на котором блестяли ордена, в то время как остальные командиры были в ватниках. Это может показаться непонятным — зачем так рисковать? Но таким был характер Апошанского, его жизненная позиция офицера, коммуниста. Таким остался Апошанский и в этом последнем бою.

Пули попали в руку и глаз. Тяжело раненый, он был захвачен немцами и изрублен штыками на глазах жителей деревни Чайкино. Позже на теле флотского корреспондента насчитают 119 ран [15, л. 16, 38].

Владимир Михайлович Апошанский был посмертно награжден медалью «За оборону Кавказа» [13, л. 3].

В некрологе, опубликованном 12 декабря 1943 года в газете «Красный черноморец», есть такие строки: «Большой любовью он любил флот, военно-морскую службу, романтику моря, он жил и работал в среде бойцов и офицеров, настойчиво изучал их быт и жизнь, тепло писал о моряках» [14, л. 7].

В память о нем редакция флотской газеты «Флаг Родины» учредила переходящий приз имени Апошанского, который ежегодно присуждается лучшему корреспонденту.

В Темрюке на мемориале воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, значится фамилия капитан-лейтенанта В. М. Апошанского [16, л. 5].

Международный планетный центр в 1986 году присвоил астероиду № 3190, открытому учеными крымской группы Института теоретической

астрономии АН СССР, имя военного журналиста и поэта Владимира Апошанского [16, л. 1, 9].

В 1992 году исполнительный комитет Севастопольского городского Совета народных депутатов назвал улицу в районе 7-го километра Балаклавского шоссе в честь Владимира Апошанского [9, л. 12].

Война разрушила короткое семейное счастье Апошанских. Евгения Михайловна, вдова В. М. Апошанского, воспитала сына Константина так, как просил его отец — «хорошим, честным, мужественным» [11, л. 1]. Константин Апошанский тоже стал журналистом — работал во «Флаге Родины», «Славе Севастополя», «Крымской правде», был редактором газеты «Труженник моря», заместителем главного редактора издательства «Таврия», корреспондентом ТАСС-ПАТАУ [18]. Газета «Флаг Родины» присудила ему приз имени его отца — Владимира Апошанского [19, л. 11].

Где бы ни работал Константин Апошанский, его знали как способного, инициативного журналиста, оперативно и квалифицированно освещающего любые вопросы. Став журналистом по призванию и долгу, он продолжил дело своего отца. Умер он в 1990 году, Евгении Михайловне Михеевой было суждено пережить и сына [20].

Не только женой, но и коллегой Константина Владимировича Апошанского стала Майя Петровна Апошанская. Глубокие знания географии, истории, ботаники, зоологии, гидробиологии, геологии позволили ей, редактору издательства «Таврия», отредактировать более 50 книг, почти все из которых готовились к публикации впервые [21]. В 1986 году Майя Петровна Апошанская вернулась в Севастополь. В Музее героической обороны и освобождения Севастополя она возглавила сектор «Книга Памяти». Благодаря этой работе севастопольцы смогли узнать имена героев, погибших при обороне и освобождении Севастополя, имена захваченных в плен, угнанных в Герма-

Апошанский В. М. (слева) с журналистом, спецкором ТАСС Радиокomiteта СССР в Севастополе Хамаданом (Файнгар) А. М. Не позднее июля 1942 г.

нию, расстрелянных в оккупированном Севастополе. С 2002 года она возглавляет редакционно-издательский отдел Музея. Под редакцией Майи Петровны Апошанской вышли многие справочники, путеводители по истории Севастополя и Крыма, учебные пособия и другие книги севастопольских историков и краеведов [22].

Сын Майи Петровны и Константина Владимировича Апошанских получил свое имя в честь дедушки Владимира Михайловича. Он тоже стал военным — капитан 2 ранга, офицер штаба Черноморского флота Российской Федерации.

Сегодня, к 100-летию со дня рождения Владимира Апошанского, мы еще раз вспоминаем его имя. Обычный человек, один из нас, он жил, учился, любил и работал на нашей крымской земле. Порядочность, благородство, самоотверженность в трудное для страны время — эти вечные моральные ценности навсегда внесли его имя в историю. Его помнят, он оставил достойных потомков. А Государственный архив города Севастополя кропотливо, бережно хранит каждую страницу истории, которую создаем мы с вами.

Источники и литература:

1. Государственный архив г. Севастополя (ГАГС), ф. Р-613, оп. 1, д. 1.
2. ГАГС, ф. Р-613, оп. 1, д. 2.
3. ГАГС, ф. Р-613, оп. 1, д. 4.
4. ГАГС, ф. Р-613, оп. 1, д. 5.
5. ГАГС, ф. Р-613, оп. 1, д. 6.
6. ГАГС, ф. Р-613, оп. 1, д. 7.
7. ГАГС, ф. Р-613, оп. 1, д. 8.
8. ГАГС, ф. Р-613, оп. 1, д. 9.
9. ГАГС, ф. Р-613, оп. 1, д. 11.
10. ГАГС, ф. Р-613, оп. 1, д. 12.
11. ГАГС, ф. Р-613, оп. 1, д. 13.
12. ГАГС, ф. Р-613, оп. 1, д. 14.
13. ГАГС, ф. Р-613, оп. 1, д. 15.
14. ГАГС, ф. Р-613, оп. 1, д. 16.
15. ГАГС, ф. Р-613, оп. 1, д. 17.
16. ГАГС, ф. Р-613, оп. 1, д. 18.
17. ГАГС, ф. Р-613, оп. 1, д. 20.
18. ГАГС, ф. Р-613, оп. 1, д. 53.
19. ГАГС, ф. Р-613, оп. 1, д. 55.
20. ГАГС, ф. Р-613, оп. 1, д. 57.
21. ГАГС, ф. Р-613, оп. 1, д. 68.
22. ГАГС, ф. Р-613, оп. 1, д. 70.

ДОКУМЕНТЫ ИННЫ АНАТОЛЬЕВНЫ АНТОНОВОЙ В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ

Для изучения экономической, социальной и политической жизни страны, ее культуры и науки важны и необходимы не только официальные документы учреждений и организаций. В течение жизни и деятельности каждого человека создаются и хранятся в семейных архивах документы, которые имеют свое название — документы личного происхождения. Письма, дневники, воспоминания, открытки передают эмоциональную атмосферу и дух эпохи, позволяют историкам исследовать не только события и факты прошлого, но и взглянуть на них через призму личного восприятия конкретных людей.

В 2011 году фонды Государственного архива города Севастополя пополнились документами Инны Анатольевны Антоновой — талантливого историка и археолога, директора Херсонесского историко-археологического музея в 1955–1971 годах, заместителя директора по научной работе музея в 1971–1980 годах, директора Херсонесского государственного заповедника в 1980–1985 годах. Скромного, доброго, открытого и отзывчивого человека с прекрасным чувством юмора. Семья и коллеги Инны Анатольевны Антоновой бережно сохранили ее письма, дневники, заметки, записи. Именно эти документы позволили вернуться в прошлое и еще раз вспомнить, каким человеком была Инна Анатольевна Антонова.

Родилась Инна Антонова в городе Омске в семье архитектора Анатолия Прокофьевича Антонова, знатока древнегреческой и древнеримской истории. В 1931 году семья Антоновых переехала на Кавказ, а в 1938 году — в Алма-Ату, где их и застала война [19, л. 3–5].

В 1946–1951 годах Инна Анатольевна училась на отделении археологии исторического факультета Ленинградского государственного университета им. Жданова. Обучение закончила с отличием [13, л. 1].

После окончания института была направлена на место строящегося Каховского водохранилища — исследовала археологические памятники. С 1952 по 1955 годы Инна Антонова — старший инструктор по музеям и охране памятников Херсонского областного исполкома, а затем — заведующая областным отделом культурно-просветительских учреждений Херсонского областного управления культуры.

7 сентября 1955 года Инна Анатольевна Антонова назначена на должность директора Херсонесского музея. Впервые за многие годы музей был возглавлен человеком, сочетающим в себе качества талантливого ученого и грамотного организатора.

В должности директора энергичная и влюбленная в свое дело Инна Анатольевна провела огромную работу по формированию дееспособного коллектива сотрудников, налаживанию музейной и научной жизни в Херсонесском музее [5, л. 18].

С 1955 по 1982 годы под ее руководством разрабатывается и внедряется новая методологическая база ведения археологических исследований и музейно-экспозиционной работы. В 1957 году возобновилась издательская деятельность по выпуску «Херсонесских сборников», в 1961 году начали выходить «Сообщения Херсонесского музея» [18, л. 1–13].

С 1959 года начался открытый осмотр посетителями коллекции эпитафических памятников, в 1963 году — коллекции средневековой архитектуры, в 1968 году — полихромных надгробий, в 1970 году — крупной керамической тары.

Под руководством И. А. Антоновой в 1968 году полностью перестраивается экспозиция отдела античной истории, проводится первый послевоенный ремонт здания. В 1982 году создается отвечающая современным требованиям экспозиция средневекового отдела [14; 15; 16, л. 19–45].

Объемные и сложные фортификационные сооружения античного Херсонеса — средневекового Херсона признаны в мировой археологической науке памятниками эталонного значения для Таврики. Исследования оборонительных сооружений Херсонеса, проводившиеся в 1960-е — 1970-е годы под руководством И. А. Антоновой, имели большое значение для развития методологической базы и методики ведения раскопок отечественной археологической науки, ведения реставрационно-консервационных работ. Огромный объем и качество проделанных работ были высоко оценены на проходившем в 1966 году на базе Херсонесского музея Всесоюзном совещании-семинаре «Консервация архитектурно-археологических памятников южных районов СССР» [2, л. 10; 17, л. 8, 9].

В последующие годы было восстановлено более 300 метров мозаичных полов и фресковых росписей храмовых зданий Херсонеса. Эти работы

Антонова И. А. — директор музея Херсонес Таврический. Сентябрь 1962 г. Фото Баженова А.В.

были удостоены Государственной премии Крыма [22, с. 185–187].

Инна Анатольевна лично руководила и разработкой генерального плана экспозиции городища, и работами по его благоустройству, и общим ходом исследований памятников городища, их реставрацией, открытием научно-реставрационных мастерских, открытием экспозиций музея. Шел постоянный поиск новых форм популяризации научного знания для населения. Совместно с городским обществом «Знание» создавались кинофильмы о Херсонесе и памятниках Крыма, читались лекции по истории, искусству в школах, организациях и учреждениях Севастополя [5, л. 18; 14; 15; 2, л. 8]

Особое внимание Инна Антонова уделяла работе со студентами, научной молодежью. В эти годы Херсонес становится своеобразной «археологической школой», центром практики студентов-историков, филологов-классиков, архитекторов и геодезистов. Ежегодно летнюю практику здесь проходили 300–400 студентов из десятка вузов страны, участвовали в раскопках и школьники из Ленинграда, Троицка, Киева и других городов страны [3; 4; 6; 8–10; 12].

В 1965 году число посетителей музея составило 450 тысяч человек (в 1955 году — всего 55 тысяч человек). В 1966 году музею была присвоена 1 ка-

тегория, а 13 декабря 1966 года Указом Верховного Совета СССР Инне Анатольевне было присвоено звание заслуженного работника культуры УССР с порядковым номером грамоты № 1 [7, л. 1]

В соответствии с приказом Министерства культуры УССР от 23 февраля 1978 года № 129 «О создании Херсонесского государственного историко-археологического заповедника в городе Севастополе» Херсонесский музей стал историко-археологическим заповедником [1, л. 2–3; 11, л. 16].

Организуя руководство работой музея и заповедника, Инна Анатольевна Антонова, вплоть до последнего года жизни, сама активно вела исследования фортификационных сооружений Херсонеса. По результатам этих исследований ею было опубликовано около 70 научных работ.

Скончалась Инна Анатольевна Антонова 19 сентября 2000 года. За полгода до смерти — 21 февраля 2000 года И. А. Антонова получила пожизненную государственную стипендию, назначенную Указом Президента Украины от 21 февраля 2000 года № 263/2000 «О поддержке выдающихся деятелей литературы, культуры, искусства Украины».

«Не предам Херсонеса, ни эллину, ни варвару...» — до самой смерти Инна Анатольевна Антонова осталась верна присяге херсонесита...

Источники и литература:

1. ГАГС, ф. Р-183, оп. 1, д. 492.
2. ГАГС, ф. Р-183, оп. 1, д. 497.
3. ГАГС, ф. Р-183, оп. 1, д. 525.
4. ГАГС, ф. Р-183, оп. 1, д. 554.
5. ГАГС, ф. Р-183, оп. 1, д. 557.
6. ГАГС, ф. Р-183, оп. 1, д. 581.
7. ГАГС, ф. Р-183, оп. 1, д. 592.
8. ГАГС, ф. Р-183, оп. 1, д. 612.
9. ГАГС, ф. Р-183, оп. 1, д. 636.
10. ГАГС, ф. Р-183, оп. 1, д. 656.
11. ГАГС, ф. Р-183, оп. 1, д. 889.
12. ГАГС, ф. Р-633, оп. 1, д. 18.
13. ГАГС, ф. Р-633, оп. 1, д. 51.
14. ГАГС, ф. Р-633, оп. 1, д. 57.
15. ГАГС, ф. Р-633, оп. 1, д. 58.
16. ГАГС, ф. Р-633, оп. 1, д. 63.
17. ГАГС, ф. Р-633, оп. 1, д. 67.
18. ГАГС, ф. Р-633, оп. 1, д. 68.
19. ГАГС, ф. Р-633, оп. 1, д. 80.
20. *Виргинская М.* Под звездой Херсонеса//Крымские известия. — 2000. — 3 окт.
21. Севастополь: энциклопед. справочник. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Севастополь, 2008.
22. *Сорочан С. Б.* Памяти Инны Анатольевны Антоновой//Российская археология. — 2001. — № 2.

АВАКЯН В. Р.

ИСТОРИЯ ПЕСНИ «ЛЕГЕНДАРНЫЙ СЕВАСТОПОЛЬ»: НОВЫЕ АРХИВНЫЕ НАХОДКИ

17 октября 1954 года Севастополь готовился отметить 100-летие первой героической обороны города. В этот день планировалось провести Праздник песни и танца, и кульминацией его должно было стать выступление 3-тысячного сводного хора на стадионе Черноморского флота [3, л. 3].

Руководство города и флота задолго до этого стало готовиться к предстоящему событию. Городу нужна была песня, которая бы воспела героические подвиги севастопольцев в дни Великой Отечественной войны. Сначала Политическое управление Черноморского флота решило опереться на местные творческие силы, но это не дало

желаемого результата. И тогда член Военного Совета вице-адмирал Николай Кулаков предложил пригласить известного московского композитора Вано Мурадели [4, л. 1]. В 1942–1944 годах он был начальником и художественным руководителем Центрального ансамбля Военно-морского флота СССР. Пережил как славу (лауреат Сталинской премии), так и гонения (его опера «Великая дружба» в Постановлении ЦК ВКП (б) от 10 февраля 1948 года подверглась необоснованно жесткой критике, опера была снята по личному распоряжению И. Сталина).

Песенное творчество В. Мурадели было широко известно во всей стране. Его песни любили и пели все. В годы войны им были созданы песни «На врага, за Родину, вперед!» (ст. В. Лебедева-Кумача), «Мы фашистов разобьем» (ст. С. Алымова). В послевоенный период он продолжил работу над созданием песен: «Марш молодежи мира» (ст. В. Харитоновой), «Партия — наш рулевой» (ст. С. Михалкова), «Марш советских патриотов» (ст. Л. Кондырева).

Первую песню о Севастополе Вано Мурадели написал совместно с поэтом Александром

Композитор Вано Мурадели среди учеников школы № 15.
Октябрь 1954 г. Фото Покатило М.Б.

Композитор Вано Мурадели среди педагогического коллектива школы № 15.
Октябрь 1954 г. Фото Покатило М.Б.

Жаровым. Песня, по словам самого композитора, получилась неплохая, но для такого грандиозного события нужно было что-то другое, с более мощным эмоциональным зарядом. Жаров отказался делать еще один вариант, поэтому Вано Ильич предложил написать стихи к песне о Севастополе другому поэту — Петру Градову. Как вспоминал Пётр Михайлович, «после разговора с Мурадели, по дороге домой — в автобусе и в метро — он думал только о Севастополе, вернее, о людях, которые принесли ему славу. И потом, несколько дней и бессонных ночей, ни о чем другом думать не мог, прочел все, что было в его библиотеке о защитниках города — в давние времена и в дни Великой Отечественной войны» [5, с. 8]. Итогом их творческого союза и стала песня «Легендарный Севастополь» — гимн нашего города.

Пётр Градов работал в театре им. Вл. Маяковского, был занят в одном из спектаклей, поэтому в Севастополь, на юбилей, Вано Мурадели поехал один.

В ходе научно-технической обработки документов в Государственном архиве были выявлены фотографии, которые иллюстрируют эту страницу жизни композитора. На снимках — две главные фигуры — Вано Ильич Мурадели и Борис Валентинович Боголепов — художественный руководитель Ансамбля песни и пляски Черноморского флота, заслуженный деятель искусств

Празднование 100-летия Первой героической обороны Севастополя 1854–1855 гг. на Графской пристани. 17 октября 1954 г.
Фото Покатило М.Б.

Композитор Мурадели В. И. и художественный руководитель Ансамбля песни и пляски ЧФ Боголепов Б. В. на территории музея «Херсонес Таврический». Октябрь 1954 г. Фото Покатило М.Б.

РСФСР. На Боголепова была возложена важная миссия: подготовить к выступлению на Празднике песни и танца сводный хор.

Участниками хора стали строители, рабочие предприятий, школьники, врачи, матросы, поэтому повсюду: в школах, клубах, воинских частях — шли репетиции. И Борис Валентинович как руководитель сводного хора присутствовал на спевках [12, с. 3].

На одну из таких репетиций — в школу № 15 — он приехал вместе с В. Мурадели. Надо сказать, бытовые условия там были далеко не идеальные. Школа одной из первых была открыта после освобождения Севастополя, но восстанавливали ее не квалифицированные рабочие, а родители учеников и педагоги своими силами. И за 10 лет не был проведен капитальный ремонт. Плохо были выкрашены полы, протекала крыша, и во многих местах начался обвал потолка [2, л. 1]. В школе даже не было отдельного кабинета музыки: фортепиано стояло в спортивном зале, и там проходили занятия. Но не случайно для посещения именитым композитором была выбрана именно школа № 15 — в ней был сильный хор, организованный Константином Лонгиновичем Смирновым, который также являлся руководителем городского оркестра русских народных инструментов. Школьный хор даже приглашали в Симферополь для записи на радио.

То обстоятельство, что сам композитор будет слушать их песни, очень вдохновило хористов. Пели они в этот день с подлинным профессиональным мастерством. Газета «Слава Севастополя» даже опубликовала заметку об этом событии. «Из окон школы далеко, к самой Стрелецкой бухте, неслась бодрая мелодия» [8, с. 3].

Также имеется ряд фотографий, снятых на территории Херсонеса Таврического. И это не случайно. В Севастополе В. Мурадели работал над окончательным вариантом мелодии песни «Легендарный Севастополь» и присутствовал на репетициях Ансамбля песни и пляски Черноморского флота, которому выпала честь представить песню Военному Совету Черноморского флота в Доме офицеров, а в сводном хоре в день праздника быть основным ядром и запевалой. Ансамбль же тогда располагался в небольшом одноэтажном доме возле Херсонеса. Мурадели любил побродить по херсонесским раскопкам, любовался морем.

На одной из репетиций Ансамбля между Боголеповым и Мурадели произошел творческий конфликт. Борис Валентинович вспоминал об этом позднее: «... припев на словах «Легендарный Севастополь» вызывает желание начинать первые два слога «Ле-ген/дарный» из-за такта, а не в такт, как это написано у Мурадели. После

небольшого спора Ваню Ильич сказал: «Пойдемте к хору — посоветуемся». Ваню Ильич обратился к артистам: «Друзья! У нас небольшое сомнение. Одна голова хорошо, много лучше». Сел за рояль и так убедительно спел, что в душе я уже был согласен с вариантом, предлагаемым Ваню Ильичом. Мнения артистов разделились. Решить вопрос окончательно предложили автору» [4, л. 8].

Однако Ваню Ильич прекратил работу, и спустя время Борис Валентинович застал его у Херсонесского колокола. «Он трогал колокол рукой, слушал его звук. Увидев Боголепова, пошел навстречу, сказав: «Все-таки надо в такт», — и запел припев, идя строевым шагом. — Для строя это будет лучше» [4, л. 9]. Боголепов согласился.

Юбилей 100-летия первой обороны Севастополя прошел под звуки песни «Легендарный Севастополь». На стадионе Черноморского флота сводный хор заполнил все восточные трибуны. Дирижировал Борис Боголепов. После исполнения «Легендарного Севастополя» он представил собравшимся композитора. Аплодисменты не утихали. Песню пришлось повторить еще раз. Второй раз дирижировал сам В. Мурадели [6, с. 2].

«Легендарный Севастополь» сразу стал музыкальным символом города. На Матросском клубе были установлены куранты, исполняющие каждый час припев этой полюбившейся всем песни.

Прошли годы, и только спустя 40 лет, 28 июля 1994 года решением сессии Севастопольского городского Совета XXI созыва песня была утверждена как официальный гимн города Севастополя [1, л. 43]. Тогда на рассмотрение комиссии по отбору предложений по тексту и музыке гимна города Севастополя были представлены песни и других авторов. Но депутаты единогласно проголосовали за песню В. Мурадели и П. Градова. И, согласно «Положению о гимне города Севастополя», «Легендарный Севастополь» исполняется во время торжественных церемоний и иных мероприятий, таких как: при открытии и закрытии сессий городского Совета, при открытии памятников, при встрече и проходах официальных делегаций.

Ваню Мурадели больше не посчастливилось побывать в Севастополе, а Петр Градов был впервые приглашен в город, который он воспел, в 1996 году.

На XVI сессии горсовета 6 октября 2000 года решением № 612 Петру Градову, как автору текста песни «Легендарный Севастополь», было присвоено звание «почетный гражданин города-героя Севастополя».

В 2006 году ситуация вокруг песни «Легендарный Севастополь» обострилась. Начальник телерадиоцентра ВМС Украины Мирослав Мамчак самовольно перевел песню на украинский

Композитор Мурадели В. И. и художественный руководитель Ансамбля песни и пляски ЧФ Боголепов Б. В. у Херсонесского колокола. Октябрь 1954 г. Фото Покатило М.Б.

язык и искажил ее первоначальный смысл. Так, «легендарный» Севастополь превратился в «величавый», в тексте появились древние русы, казаки, Киев и «белокаменная столица украинских моряков». Это было расценено многими севастопольцами как своеобразная провокация, нацеленная на разжигание розни между славянскими народами. Ситуация имела большой резонанс не только в Севастополе и носила как этический, так и юридический характер. Без разрешения наследников автора никто не имеет законного права ни на использование песни, ни на какие-либо ее переработки. Родственники П. Градова намерены были обратиться во Всероссийское агентство авторских прав, а потом и в суд, чтоб отстоять неприкосновенность творческой собственности создателя гимна [10, с. 3].

Чем бы ни закончилась эта история, гимн города — песня «Легендарный Севастополь» всегда будет любима севастопольцами в первоначальном варианте, прозвучавшем в октябре 1954 года.

Поэт Пётр Градов выступает на вечере встречи со студентами ЧФ МГУ. 11 июня 2002 г. Фото Метелкина Д.Г.

Источники и литература:

1. Государственный архив города Севастополя (ГАГС), ф. Р-79, оп. 2, д. 4857.
2. ГАГС, ф. Р-90, оп. 2, д. 190.
3. ГАГС, ф. Р-183, оп. 1, д. 21.
4. Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя, КП85496, инв. А 28922.
5. *Градов П. М.* Ты и море. — Севастополь, 2002. — 440 с.
6. Лейся, песня (на празднике песни и танца)//Слава Севастополя. — 1954. — 19 октября.
7. *Морской А.* Праздник песни и танца//Флаг Родины. — 1954. — 19 октября.
8. На репетиции школьного хора//Слава Севастополя. — 1954. — 5 октября.
9. *Рихтун Т.* Легендарный Севастополь превратился в величавый//Севастопольская газета. — 2006. — 25 мая.
10. Родственники автора защитят свои права на «Легендарный Севастополь»//Севастопольская газета. — 2006. — 8 июня.
11. Севастопольцы готовятся к 100-летию обороны//Флаг Родины. — 1954. — 6 октября.
12. *Шабунина М.* Готовятся к празднику песни и танца//Слава Севастополя. — 1954. — 2 октября.

ЮРИЙ ГАГАРИН — ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ

Каждая эпоха нуждается в своем герое, каждый герой выражает свою эпоху.

Ф. Энгельс

Севастополь, основанный 228 лет назад, стал поистине легендой, но не только название города, но и люди, жившие в нем, творили историю. Были и есть в истории Севастополя люди удивительной судьбы — почетные граждане города.

Почетное гражданство городов не регулировалось законодательно, однако было широко распространено в России в конце XIX — начале XX веков. Звание почетного гражданина города присваивалось по ходатайству городской думы и символизировало «исключительную форму выражения признательности и благодарности ... общества за деятельность на пользу города, а также дань уважения к людям, имеющим особые заслуги перед Отечеством».

В отличие от сословного почетного гражданства в двух его формах — потомственного и личного, введенного в России в 1832 году, новое звание не связывалось с получением материальных преимуществ и социальных привилегий, а являлось морально-нравственной оценкой деятельности человека, внесшего конкретный вклад в развитие города, края или страны в целом.

Революция 1917 года упразднила институт почетного гражданства [4, с. 74].

Восстановлено звание «Почетный гражданин города-героя Севастополя» было в 60-е годы XX века. Присваивалось звание решением исполкома городского Совета депутатов трудящихся.

12 апреля 1961 года Юрий Алексеевич Гагарин первым поднялся в космос и стал почетным гражданином многих городов СССР, в том числе и Севастополя.

В тот памятный апрельский солнечный день 12 апреля 1961 года, как вспоминал секретарь Севгорисполкома П. Я. Веселов, восторженно ликовавал весь Мир, вся страна, Севастополь: «Человек в Космосе!»

«Гагарин открыл Эру Космонавтики!» — говорили ученые мира.

«Гагарин — сын Земли и Солнца!» — утверждали журналисты.

Архивные документы свидетельствуют о том, что в Москве, Ленинграде, Киеве — повсюду, без каких-либо указаний сверху, люди сами собирались, устраивали митинги и собрания.

Не остался в стороне и Севастополь. Развороты городской газеты «Слава Севастополя» за 13 и 14 апреля были полностью посвящены этому знаменательному событию. В номере за 15 апреля, рядом с правительственным Указом о присвоении Ю. Гагарину звания Героя Советского Союза, было опубликовано решение исполнительного комитета Севастопольского городского Совета депутатов трудящихся от 15 апреля 1961 года № 149 о присвоении летчику-космонавту звания Почетного гражданина города-героя Севастополя.

В протоколе исполкома № 5 записано: «В ознаменование осуществленного 12 апреля 1961 года первого в мире полета в космическое пространство советского человека майора Ю. А. Гагарина на корабле-спутнике «Восток», и учитывая многочисленные предложения и пожелания трудящихся Севастополя, исполнительный комитет Севастопольского городского Совета депутатов трудящихся решил считать первого летчика-космонавта СССР, показавшего пример мужества, отваги и героизма во имя служения человечеству Юрия Алексеевича Гагарина Почетным гражданином города-героя Севастополя» [1, л. 133–134].

Этим же решением имя Гагарина было присвоено Стрелецкому шоссе (стало именоваться проспектом Гагарина), школе-интернату № 2 и детскому саду № 28 треста «Севастопольстрой».

Это решение в тот же день было сообщено Гагарину.

«Меня душевно растрогало и взволновало это неожиданное сообщение, — говорил Юрий Гагарин в первый приезд в Севастополь в сентябре 1961 года. — Я горжусь этим почетным званием! Постараюсь оправдать его своими дальнейшими делами в Космосе и на Земле» [2, с. 20].

6–7 августа 1961 года второй в истории человечества орбитальный полет в космос совершил Герман Титов. Учитывая многочисленные пожелания жителей города, 14 сентября 1961 года ему также было присвоено звание Почетного гражданина города-героя Севастополя.

21 сентября героини-космонавты Ю. А. Гагарин и Г. С. Титов прибыли в наш город.

Ю. А. Гагарин и Г. С. Титов на Сапун-горе. 21 сентября 1961 г. Фото Квитко Б.И.

«Хорошо помню тот теплый солнечный день 21 сентября 1961 года, — вспоминал П. Я. Веселов, — Юрий Гагарин и Герман Титов утром прибыли на белоснежном катере командующего Черноморским флотом из Фороса на Графскую пристань» [2, с. 26].

Это символично. Графская пристань — ровесница города и помнит встречи севастопольцев с прославленными адмиралами — Ф. Ушаковым, А. Грейгом, М. Лазаревым, П. Нахимовым.

На Графской — море людей. Среди встречающих — первые лица горкома Компартии Украины, горисполкома. Пока гости поднимались по лестнице, не стихала буря аплодисментов. И взрослые, и дети вручали Ю. Гагарину и Г. Титову букеты живых цветов, памятные сувениры, пожимали руки, говорили добрые слова, приветствия, пожелания [3, с. 1].

На встрече с космонавтами присутствовали журналисты газеты «Слава Севастополя» Дмитрий Ткаченко и Александр Баженов, именно им было поручено подготовить репортаж о Героях Космоса в очередной номер газеты.

Вместе с севастопольскими журналистами работали их московские и киевские коллеги, которые сопровождали на всех встречах космонавтов при посещении ими достопримечательностей нашего города.

Программа короткого визита была очень насыщенной. На машинах космонавты сразу же отправились в панораму «Оборона Севастополя 1854–1855 годов».

Весть о прибытии Гагарина и Титова в Севастополь мигом облетела весь город, и когда машины приехали к зданию панорамы, там собралось много людей. И здесь горячие овации, цветы и улыбки.

Гости с огромным интересом смотрели на талантливое живописное полотно о первой героической обороне Севастополя, внимательно слушали рассказ экскурсовода о мужестве, стойкости и отваге защитников города русской славы. Они записали проникновенные слова в книге отзывов [3, с. 1].

Затем гости отправились на Малахов курган, где после экскурсии посадили каштановые деревья на Аллее дружбы народов. У деревьев были поставлены таблички с фамилиями космонавтов. Эти каштаны выросли могучими. Каждый год,

посещая Малахов курган, их видят тысячи туристов и гостей нашего города. Очень обидно, что таблички с надписями бесследно исчезли в смутные времена «перестройки». Однако об этом помнят старожилы и сотрудники музея и передают эти сведения из поколения в поколение.

После посещения Малахова кургана космонавты вернулись на Графскую пристань, откуда катер доставил их на крейсер «Михаил Кутузов». Личный состав крейсера строгими рядами был выстроен вдоль корабля. Командующий Черноморским флотом В. А. Касатонов открыл торжественный митинг.

После праздничного концерта председатель Севастопольского горисполкома Сергей Петрович Кирсанов вручил Юрию Гагарину и Герману Титову дипломы о присвоении им звания Почетного гражданина города-героя Севастополя.

П. Я. Веселов вспоминал, что Ю. Гагарин сказал: «Это звание высокое и оно нас ко многому обязывает. Мы с Германом Титовым заверяем севастопольцев, что оправдаем это почетное звание своими делами на благо Отчизны...» [2, с. 28].

Командир крейсера «Михаил Кутузов» вручил гостям приветственные адреса, адмирал В. А. Касатонов — памятные подарки от личного состава Черноморского флота. В честь героев на борту крейсера командующим ЧФ был устроен прием. К вечеру гости покинули корабль и отправились на осмотр диорамы «Штурм Сапун-горы».

С огромным интересом космонавты смотрели на живописное полотно знаменитой диорамы «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года». Молча слушали рассказ экскурсовода о героических подвигах наших солдат и офицеров в дни освобождения Севастополя от гитлеровских захватчиков, не задавая никаких вопросов [3, с. 1].

По воспоминаниям современников, Юрий Гагарин был взволнован и всю дорогу до Фороса молчал.

В Севастополе Юрий Алексеевич бывал еще несколько раз и всегда тепло отзывался о севастопольцах, моряхах-черноморцах, об их трудовых и ратных делах.

Летчик-космонавт Ю. А. Гагарин сажает дерево на Алее дружбы. Малахов курган г. Севастополь. 21 сентября 1961 г. Фото Акуленко И.

стополяцах, моряхах-черноморцах, об их трудовых и ратных делах.

В 1975 году именем Юрия Алексеевича Гагарина назван один из районов нашего города.

Галерею Почетных граждан Севастополя, находящуюся в здании Севастопольской городской государственной администрации, украшает портрет Ю. А. Гагарина.

В центре Севастополя, на правой стороне Мемориала героической обороны Севастополя 1941–1942 гг. установлены гранитные плиты, на которых золотом выбиты имена почетных граждан города. Есть там и имя Юрия Алексеевича Гагарина.

Источники и литература:

1. Государственный архив города Севастополя, ф. Р-79, оп. 2, д. 723.
2. *Веселов П. Я.* Звезды Севастополя: документ. повести и очерки. — Т. 6. — Севастополь, 1999.
3. Герои космоса в Севастополе//Слава Севастополя. — 1961. — 22 сент.
4. История Севастополя в лицах: военные и гражданские руководители города и флотов. — Севастополь, 2008.

В. М. ШУКШИН И СЕВАСТОПОЛЬ

Широко бытует представление об архиве, как месте, где хранятся документы. И это верно. Однако совершенно забывается еще одно очень важное направление в работе архивов — выявление документов с целью их популяризации, проще говоря, их использование.

Уникальные документы почти полувековой давности, бережно хранящиеся в Государственном архиве города Севастополя, связаны с именем прославленного писателя, режиссера и сценариста Василия Макаровича Шукшина.

Шукшин и Севастополь, Шукшин и Черноморский флот — эти темы в разные годы волновали исследователей биографии Шукшина. Севастопольские литераторы Михаил Лезинский и Анатолий Марета совместно провели большую работу по сбору материалов, посвященных службе В. Шукшина на Черноморском флоте. Однако, в силу различных причин, не все документы были использованы журналистами в своей работе, более того, некоторые из них остались в Севастополе по воле случая. Сегодня, спустя многие годы, мы можем приоткрыть завесу неизвестности, сделать достоянием современников уникальные материалы биографии В. Шукшина, интересные документы и фотографии, выявленные в фондах личного происхождения М. Лезинского и А. Мареты.

Прежде всего, привлекают внимание подлинные письма матери Шукшина — Марии Сергеевны. Роль матери в формировании личности Шукшина была огромна. Исследователь творчества В. М. Шукшина Владимир Иванович Коробов писал, что это ведь только на первый взгляд «... вся ее материнская педагогика сводилась к тому, чтобы накормить, одеть, обууть, уберечь от болезней, выходить, если заболел. Седьмая в огромной, насчитывающей двенадцать детей семье крестьянина Сергея Федоровича Попова, она сызмальства была приучена к труду как основе жизни, переняла высокие нравственные качества русского народа, доброту его, совесть, «нутряное» чутье на правду и ложь. И все это, в свою очередь, передавала детям». Не случайно Василий Макарович, говоря, что мать имеет образование два класса, как-то заметил: «Но понимает она у меня не менее министра» [4, с. 78].

В севастопольском архиве хранится 24 письма, собственноручно написанных Марией Сергеевной. Несколько писем от нее были написаны

кем-то, видимо, писались они под диктовку, когда автор не мог сделать это собственноручно. Эти письма вызывают у читателя особые чувства. Прежде всего, перед нами встает трогательный образ замечательной матери с очень сложной судьбой. У нее была прекрасная память. Она пишет о своей жизни, о семье, о потерях близких людей, о знаменитом сыне: «Вася от отца остался, было ему два с половиной года и дочери четыре месяца. Я их одна растила» [1, л. 4]. Спустя несколько лет в семье появился отчим, но и он погиб на войне в 1942 году. Никакая беда не могла сломить дух этой удивительной русской женщины. Она работала и растила детей. Дочь и сын выросли, получили образование, обзавелись семьями. Из жизни уходили близкие и родные люди. Описывая свою жизнь и жизнь семьи, она с горечью напишет в одном из писем: «Вот пришло горе, всем горям горе. Вот это горе оглушило мою головушку, я себя забываю, не приведи боже такого горя никому» [1, л. 6]. Смерть сына она так и не смогла пережить. Стала болеть постоянно.

Воспоминания о Василии Макаровиче давались ей тяжело: «Я не могу о нем писать, через великую силу, полны глаза слез...» [1, л. 6]. Это была боль души, которую ничто не могло излечить. Человеческое участие она очень ценила: «...вот к празднику получила около сотни открыток. Милый дитенок любил, дорожил матерью, и как будто наказал людям: умру, не забывайте мою мать. Откуда только нет писем и я думаю: как же все люди знают, что он любил народ, милый сын, да он правда за народ, за правду он душеньку свою отдавал» [1, л. 5]. Эти письма были написаны Марией Сергеевной в 1976–1978 годах.

Из них мы узнаем и о службе В. Шукшина на Черноморском флоте в начале 50-х годов теперь уже прошлого столетия. Удивительно, что эта малограмотная женщина четко называет его звание — старший матрос. Только вместо специальности «радиот» использует народное выражение тех лет — «морзист» (от азбуки Морзе, которой пользуются радисты и сейчас) [1, л. 7]. Мать хранила и посланные ей из части благодарности. Служил Шукшин хорошо. В одном из писем Мария Сергеевна объясняет это характером сына: «Он же был спокойный, он послушный был, обидеть никого в своей жизни не обидел» [1, л. 7].

Воспоминания о В. Шукшине в письмах матери, как жемчужины, собранные в одно ожерелье.

В. М. Шукшин (в верхнем ряду крайний справа) во время службы на Черноморском Флоте.

Читаешь и узнаешь о его семье, работе, о том, как хранится память о Василии Макаровиче у него на родине, о созданных музеях, изданных о нем книгах. Видно, что переписку Мария Сергеевна вела со многими людьми. Обо всех она помнила, многим помогала, многих своих корреспондентов знакомила, понимая, что это поможет в общем деле — сохранить память о Шукшине. Иногда письма становились требовательными, она не любила, когда писали неправду о ее сыне.

В архиве хранятся и интересные фотографии, присланные Марией Сергеевной из своего семейного альбома. Особенно интересны ее личные фотографии, фотографии Шукшина разных лет, среди них — матрос Василий Шукшин, его товарищи по военно-морской службе. К сожалению, не все фотографии подписаны. Однако из некоторых подписей получаем определенную информацию, которая подтверждает краткие строчки официальной биографии В. М. Шукшина. Например, датированная июнем 1950 года надпись — «Лучшему товарищу — дней учебы в Ленинграде Шукшину Василию от Федорова Г.». Шукшин был призван на флот в 1949 году и начал свою службу в Балтийском экипаже, в 1950 году закон-

чил по 1 разряду специальные радиокурсы. Есть и севастопольские фотографии. В 1950–1952 годах Василий Макарович продолжил флотскую службу в одной из частей Черноморского флота в Севастополе. Она находилась в районе хутора Лукомский и имела особый режим секретности. Моряки в своей переписке называли ее крейсером «Лукомским» [1, л. 7, 39, 42]. Мария Сергеевна тоже считала, что ее сын служил на крейсере. В архиве хранятся несколько групповых фотографий моряков, среди которых без труда узнаем В. Шукшина. Эти фотографии переданы его сослуживцами севастопольским журналистам. Наиболее активную переписку с журналистами А. С. Маретой и М. Л. Лезинским вели В. Ермилов, В. Жупын, В. Мерзликин. В Севастополе жил Николай Филиппович Шмаков — командир отделения, в которое был зачислен матрос В. Шукшин.

Воспоминания этих людей служат прекрасным источником для биографии Василия Макаровича Шукшина. Образы сослуживцев позднее найдут отражение в рассказах и фильмах Шукшина. Так Василий Ермилов стал прообразом Пашки Колокольникова в фильме «Живет такой парень» [1, л. 66]. Добрый, отзывчивый тезка был близок

М. С. Шукшина

Шукшину. Интересны письма и Валентина Александровича Мерзликина. Он строг и требователен ко всем, кто пишет о Шукшине. Вот строки из его письма М. Л. Лезинскому: «Каждое слово, которое мы с Николаем Филипповичем (Шмаковым) преподносим читателям и слушателям о Василии Макаровиче, мы перепроверяем как минимум трижды, из трех независимых источников (имеются ввиду воспоминания товарищей по службе, с кем они переписывались и встречались регулярно)... Сейчас, как выразился у нас на кино вечере Станислав Иосифович Ростоцкий, у Шукшина находится очень много друзей, при жизни же были только сослуживцами и товарищами в лучшем случае... Я знаю, вы журналисты народ такой, статью напишите и напечатают ее, но будет ли в ней правда? Правда будет в воспоминаниях Жупына, моих, Коли Шмакова, Васи Ермилова, Бориса Степанова...» [1, л. 46 об.]. Он настоятельно советует авторам публикаций лично встретиться с Н. Шмаковым, жившим тогда в Севастополе. Таким образом, из этого письма становятся известны и имена некоторых черноморцев — сослуживцев В. Шукшина, с кем он был наиболее близок. Именно их воспоминания

позднее стали основой статей А. Мареты и М. Лезинского. Замеченные неточности в публикациях сразу же становились предметом обсуждения товарищей Шукшина по службе. Большие воспоминания о «Макарыче» (так часто называли Василия Макаровича бывшие черноморцы) оставил Владимир Семенович Жупын. О его воспоминаниях очень тепло отзывалась Мария Сергеевна: «Так хорошо написал, всю правду. Хорошо знает Васю...» [1, л. 65].

Не все устаивались ее похвалы. Первые публикации Владимира Ивановича Коробова она критиковала со знанием дела, верно подметив, что исследователь многое додумывает в биографии В. М. Шукшина, либо просто берет эпизоды из его рассказов и делает фактами биографии писателя, отождествляя автора с его литературными героями.

В целом воспоминания мичмана запаса В. С. Жупына о его совместной службе с Василием Шукшиным достойны отдельной самостоятельной публикации. Остановимся на некоторых отрывках из них. «Василий Макарович прибыл в Севастополь из г. Ломоносова Ленинградской области после окончания радиокурсов в 1950 году. Был он в группе Василия Ермилова, куда впоследствии был направлен на подвахту и я.

Василий Ермилов был очень толковым младшим командиром. Благодаря его заботе, его стараниям из нас никто не чувствовал себя в чем-то ущемленным.

И, может быть, то обстоятельство, что Вася Шукшин был сельским парнем, знал и видел хорошее в жизни и плохое, видел и испытал трудности в своей жизни, что пришлось и мне, все это в какой-то мере повлияло на наши отношения и доверие друг к другу...

Вахту мы несли в одной радиорубке, и часто приходилось менять друг друга на посту.

Наши командиры, старшие товарищи очень доходчиво, действительно оказывали нам помощь в освоении секретов службы и это помогало нам добросовестно выполнять воинский долг... Кто служил на флоте, тот знает, что значит ... радиосвязь» [1, л. 32].

Все сослуживцы отмечали молчаливость, некоторую замкнутость, неторопливость Шукшина, при этом подчеркивали его трудолюбие. Ему не надо было повторять приказание, работу он никогда не переделывал.

Не все в части знали, что В. Шукшин пишет рассказы. Но были и такие, кому он мог доверить свои сокровенные мысли. «Доверившись мне, — вспоминал В. Жупын, — Вася читал мне короткие, маленькие рассказы, штрихи и наброски из сель-

ской жизни... Писал о себе, о своих односельчанах. Уходя на стадион, мы усаживались на траву и он говорил: «Послушай...» Такие моменты доверительного чтения были исключительно редкими.

Уединяясь, Василий Макарович, мне кажется, читал больше для того, чтобы не самому читать, а чтоб была живая душа при нем.

Он знал меня, что я не укорю, не посмеюсь и не стану отговаривать его бросить писать... я с удовольствием слушал, его приятно было слушать, мне нравился его спокойный голос» [1, л. 33].

Уже в ранних произведениях Шукшина присутствовал его мягкий, трогательный юмор, об этом тоже говорится в воспоминаниях черноморцев, служивших с ним в Севастополе.

Еще одна тема возникает при знакомстве с воспоминаниями о Шукшине. Это состояние его здоровья. Василий Макарович никогда не жаловался товарищам на свое самочувствие, «хотя по внешнему виду было заметно, что с ним творится что-то неладное» [1, л. 35].

У матери Василия Макаровича хранилась копия интересного документа, «Свидетельство о болезни старшего матроса Шукшина Василия Макаровича» [3, л. 1]. Сейчас она тоже хранится в архиве. Свидетельство было составлено военно-врачебной комиссией 8025 Главного Военно-морского госпиталя ЧФ 25 ноября 1952 года. Первые признаки болезни появились у Шукшина еще до службы в 1947 году. С 1950 года он пользовался ежемесячно амбулаторным лечением по поводу хронического гастрита с частым освобождением от работ.

Лечение проводилось «при 110 поликлинике» (г. Севастополь), но улучшения не наблюдалось, и 12 ноября 1952 года Шукшин был госпитализирован. После тщательного исследования ему был поставлен диагноз — язвенная болезнь двенадцатиперстной кишки.

Военно-врачебная комиссия приняла серьезное решение: «На основании ст. 34 гр. 1 «Расписания болезней» приказа МВС СССР за № 130, от 1951 года

негоден к военной службе с исключением с учета». Подписали свидетельство: председатель военно-врачебной комиссии полковник м/с Семко и секретарь военно-врачебной комиссии Позднякова.

Из этого же документа можно почерпнуть и еще ряд сведений о В. М. Шукшине: год рождения 1929, место постоянного жительства до службы — Алтайский край, Сростинский район, призван на службу Ленинским РВК Московской области, беспартийный, образование 9 классов, профессия — рабочий. Помимо краткого анамнеза были указаны еще рост, тип телосложения, вес при поступлении в стационар. «За время лечения в весе убыл на 1 кг», — констатировали врачи. В заключении отмечалось, что заболевание получено в период прохождения военной службы.

В то время военные медики сделали все возможное. Медицина была бессильна решить эту тему иначе. Всю свою жизнь В. М. Шукшин стойчески переносил свои болезни и недуги. С. А. Герасимов, известный советский режиссер, вспоминал: «Здоровье у него было плохое. Но он, как всякий настоящий мужчина, не говорил об этом, преодолевая физическое недомогание молча» [2, л. 28].

А еще ему всегда не хватало времени заняться собой. В письмах родным он нередко писал, что устал, изнервничался, обещал съездит на курорт. Однако так и не ехал, ему все было некогда.

Мудрая Мария Сергеевна в своих письмах писала, что сын жил для людей, себя не жалел. «Так и не выдержало его сердечко, остановилось».

После службы в военно-морском флоте была большая творческая жизнь В. М. Шукшина. Его книги и фильмы полюбили миллионы людей. Великий гуманист своего времени, он опережал это время своим творчеством. Народная память о нем не ослабевает и с годами. В 1991 году, совсем ни к какому юбилею, севастопольцы назвали одну из улиц своего города именем Василия Шукшина.

Источники и литература:

1. Государственный архив города Севастополя (ГАГС), ф. Р-509, оп. 1, д. 96.
2. ГАГС, ф. Р-509, оп. 1, д. 97.
3. ГАГС, ф. Р-563, оп. 15, д. 25.
4. Коробов В. И. Василий Шукшин. Творчество. Личность. — М., 1978.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абакумов А. М.	123, 124	Арцыбашев М. П.	213
Абрабен Э. И.	91	Аспиз Е. М.	208, 210, 213
Абрамом П. Ф.	97	Аспиз М. Е.	210, 213
Абрамов Ф. Ф.	140	Астерман	99
Авдеев А. А.	63	Афанасий, архиепископ	20
Авдеенко Н. А.	213	Афанасьев	53
Аверченко А. А.	8	Ачкинази Б. М.	89
Ага М. С.	85	Ачкинази И. В.	89
Адлерберг А. Я.	63	Ачкинази И.-Д. И.	91
Азарьевич А.	85	Ачкинази Р. Я.	91
Айваз М.	85	Ачкинази С. Я.	91
Айвазовский И. К.	189	Ачкинази Э. Д.	91
Акимов	53	Ачкинази Я. М.	91
Акимов И. И.	208	Бабак Ф. Ф.	105
Алексакис О.	74	Бабенчиков В.	99
Александр I, император	16, 27, 36, 45, 182, 183	Бабаев А. И.	180
Александр II, император	73	Бабаев В. А.	180
Александр III, император	191	Бабаева А. В.	180
Александра Федоровна, императрица	195	Бабин Б. В.	89
Алексеев С. Т.	104	Бабицкий В. Е.	104
Алексиано А. П.	12	Бабушкин М. С.	104
Алексий, епископ Таврический	20	Бабынин А.	162
Алексий II, патриарх	17	Бажанов И. Н.	159
Аликин И. И.	104	Баженов А.	226
Алферьев Е. Н.	104	Баженов В.	97
Алферьев Н. Н.	104	Базов П.	69
Алымов С.	220	Бакаев М. И.	157
Альбрант Л. Л.	202	Баккал Е. Г.	83
Амет, адмирал	135	Баккал И. Ю.	86
Амет О.	80	Баккал Ю. И.	85, 86
Ангелиди Ф. К.	23	Бакши Г. В.	91
Андржеевский	104	Бакши Ю. А.	178
Андросов С. А.	30	Балабин П. И.	16
Анжельсон В. С.	104	Балицкий	124
Аноальди	65	Бальзам С. Д.	74
Антепович	104	Бамбуко А. Н.	20
Антонов А. П.	218	Бамбуко К. Н.	20
Антонов Д. Н.	72	Бамбуко С.	20
Антонова И. А.	8, 72, 218, 219	Баранов С.	75
Апосталиди	97	Барановский	147
Апостоли	53	Бардака Н. Г.	28
Апошанская М. П.	216	Баренгольц А.	164
Апошанский В. М.	214–217	Бархин Г. Б.	169, 170, 175
Апошанский К. В.	217	Батищев	32
Аргириди А.	61	Батюшков Ф. Д.	213
Аристов Е.	104	Беглов Х.	75
Арони	20	Бедекер К.	203
Арони Г. Ф.	21	Безони	20
Арони Н. Ф.	21	Бекбулатов М.	75
Артюхов В. М.	174, 175	Белавенец И. П.	104, 200
Архипов В.	158	Белавенец П. И.	182

Белановский Г. Д.	132	Быков А. П.	105
Беллинсгаузен Ф. Ф.	31, 185	Быков Н. А.	80, 90, 99
Беловодская Е.	93	Быченский Ф. Т.	186
Беловодский С.	93	Валентинов А. А.	141
Белый О. Б.	83	Валит А. А.	178
Берг В.	143	Валронт Я.	94
Берг Н.	90	Валуев П. А.	199
Бердник	104	Вальронд Е.	94
Беридзе В. И.	104	Вальронд К. Р.	94
Бертъе-Делагард А. Л.	203	Валявский А. М.	28,31
Берх С. А.	95	Ван-Кенербергер	105
Бершковский	104	Василий (Юдин), иеромонах	92
Бехтерев В. М.	191, 192	Василопуло	146
Бехтин И. В.	169	Васильев А.	24
Бианки А. И.	105	Васильев Ф. В.	22
Бизо	65	Вейзен В. М.	201
Билибин С. И.	71	Вейнбергер	53
Бильченко О. С.	105	Величковский Н. Н.	26
Бирюков П. И.	105	Веникеев Е. В.	18
Бисмарк О., фон	125	Венсан А. А.	195
Богаевский А. П.	135	Веприцкая И. А.	68
Богданович (Бутовская) А. В.	202	Верболозов	31, 33, 40
Богданович Е. В.	198–202	Верман	124
Богданович Н. Е.	202	Вернет Ф.	64
Боголепов Б. В.	221–223	Вернигорина А. П.	23
Бойе П. Г.	105	Веселкин М. И.	117
Боклевский В. К.	105	Веселов П. Я.	194, 225–227
Боклевский П. К.	105	Ветцель Н. И.	199
Бондаренко П. Т.	152	Викторов	105
Борисов Б. А.	152–155	Виленчик М. Ю.	208
Боровков А. Ф.	157	Вильковский В. И.	105
Бородавкин А. Л.	176	Вирен Н. Р.	105
Бородавкин Б. Л.	176	Вирен Р. В.	102
Бородавкин В. Л.	176	Витт И. О.	33
Бородавкин Л. Е.	176	Власов А.	167
Бородавкина К. А.	см. Петрусенко О.	Власов В. П.,	89
Бородин Л. А.	68	Волков И. А.	159
Бострем И. Ф.	97	Волкова И. А.	158
Боткин С. П.	191, 192	Волковицкий	117
Бочаров	103	Волохов Д. К.	70
Бракер А. Б.	65	Воробьев	53
Бретон	65	Воробьев С.	32, 40
Брискорн Ф. М.	36	Воронов	124
Брусенцов Г. Я.	8	Воронцов М. С.	19, 28–35, 65, 89, 186
Брюне	65	Воронцова	158
Бубнов В. В.	136, 137	Воскресенский	124
Бубырь П.	27	Воскресенский А. М.	105
Бузин	105	Врангель О. М.	142
Бузин В. И.	153	Врангель П. Н.	138–144, 146, 147
Бундов	86	Вукотич П. М.	68
Бурденко Н. Н.	191	Вукунас Г. Г.	178
Бурназ О. Д.	85	Гавриил, архиепископ	73
Бушаков В. А.	18	Гавриленко	105
Бушмарин В. Л.	105	Гаврилов Б. И.	30, 32

Гаврилов Н.	69	Грибцов (Гривцов)	124
Гавришев И.	25	Гриванов П. И.	106
Гавришев Л. Л.	105	Григорий, патриарх	12
Гагарин Ю. А.	225–227	Григорович И. К.	123, 194–198, 202
Газданов Г. И. (Гайто Газданов)	143	Григорович М. И.	195
Гамильтон	145	Григорович Н. И.	195
Гангш	160	Григорьев Д.	93
Гапоненко	106	Григорьев Р.	93
Гаркави М. И.	106	Грищенко А.	106
Гаспринский И.	76, 203	Гумуш Д. С.	150
Ге Л. А.	66, 97	Гурджи Д. М.	178
Герардини	65, 66	Гурский	106
Герасимов А. М.	136, 137	Густав Адольф, король	45
Герасимов С. А.	231	Гучков А. И.	123, 196
Герма	121	Гущин И. Я.	68
Гершгорн	158	Даксергоф М. Г.	106
Гетри Г.	65	Даль В. И.	187
Гидалевич А. Я.	38, 213	Дандри А. В.	24
Гиммельфарб Э.	213	Даниэл И. Д.	178
Гиммельфарб М.	213	Дахнович-Гацийский И. В.	48
Гиммельфарб Ф.	213	Делабель	53
Гиммельфарб Я. М.	212, 213	Делаграмматик Д.	32, 40
Гинзбург М. Я.	169	Демиденко	162
Гинтовн Г. В.	33	Демин Ф. Е.	180
Глезис А.	14	Демьянович А. П.	60, 61
Глинка В. А.	213	Деникин А. И.	135–138, 142, 143
Гнеломская А. Ф.	166, 167	Дереева Е. Т.	157
Годуадзе А. Ф.	180	Дерман А. Б.	213
Годуадзе Б. Д.	180	Джексон А.	198
Годуадзе В. Б.	180	Джелиль Ч. С.	75
Голенищев-Кутузов И. Л.	24	Дженгоз А.	75
Голиневич А.	106	Джоджуа Д. С.	179
Голицын А. Н.	38	Дзюбинский А. А.	106
Головачев	15	Диаманти	13
Головин А. К.	75	Дидим, игумен	93
Головина А. И.	189	Дмитриев	15, 32, 106
Головинский П. А.	106	Дмитриев 2-й И. С.	53
Голубец И. К.	164	Дмитриев П. Ф.	106
Голубчик Б.	106	Долголенко Я. В.	68, 70
Гольди	64	Долгополов Г. И.	106
Гордеев М. А.	106	Долин Б.	125
Гордон С. Дж.	64	Долинный Г. П.	201
Горенштейн А. И.	212	Дорожинский С. Ф.	103, 106
Горенштейн Ф. Г.	212	Дримджи М. А.	61
Городецкий С. М.	213	Дринкуотер	54
Городынский А. В.	124	Дрон Л.	107
Горпищенко П. Ф.	155	Дыбовский В. В.	107
Горчаков М. Д.	42, 44, 61, 63	Дюбуа	16
Гота Я. И.	90	Евгений, архиепископ Могилевский	93
Градов П. М.	221, 223	Евгений, иеромонах	93
Грейг А. С.	30–35, 39, 182–187	Евтеев Н. И.	68
Грейг С. К.	182	Егошева Е. Я.	158
Грейг Ю. М.	187	Екатерина II, императрица	10, 11, 18, 19, 73, 182
Грибенюк Ф. К.	157	Елена Павловна, великая княгиня	60, 191

Елизавета II, королева	65	Ивашкевич В. В.	108
Елкин А.	124	Иващенко И. Г.	179
Елшин	128	Игельстром О. А.	19, 89
Ерахмиелевич И.	87	Измерли Д. И.	91
Ергопуло Н. Ф.	202	Измерли С. Д. И.	91
Еремин	164	Ильин Б.	162
Ерина В. В.	153	Ильинский	108
Ермилов В.	229, 230	Иннокентий, архиепископ	60–62, 69, 70, 92, 96, 97
Есютин Г.	124	Иоффе А.	135
Ефимов М. Н.	107	Исидор, архимандрит	93
Ефремов В. П.	152, 157	Истомин В. И.	160
Жаботинский В. Е.	211	Кадыр-бей	12–14
Жаров А.	214, 220, 221	Казаков С. И.	157
Жидилов Е. И.	162	Казарский А. И.	185
Жилко И.	175	Казас А. С.	87
Жило Ф. Ф.	107	Казас И. И.	86
Жуков А. Е.	107	Казас М. И.	85, 86
Жуков Г. В.	152	Казас М. М.	86
Жуковский-Волынский Н.	107	Казначеев А. И.	31–33
Жупын В. С.	229, 230	Какулиди	20
Журавлев	164	Каледин А. М.	131
Завгородний П.	107	Калетинкин Д. Д.	158
Завьялов Л.	107	Калинин Г.	158
Загородкин М. А.	179	Калинин М. И.	179
Закаржевский В. Я.	107	Кальфа И. В.	149
Закревский Н. И.	32, 39, 93, 186	Камбур А. М.	208
Залесский Н.	124	Каминский А. М.	108
Замалетдин М.-З.	75	Канарский	108
Зарубин А. Г.	83	Кангун С. И.	170
Зарубин В. Г.	83	Канделаки	108
Зарядинов И.	79	Канин В. А.	135
Захарова О. Ю.	30	Каподистрия А. М.	17
Зацепа С.	27	Каподистрия И.	17
Звенигородский	158	Кара М. Я.	150
Зверьков С.	107	Кара Я. М.	150
Зворский С.	72	Каракоз З. П.	158
Зелинский	107	Карачурин	53
Зерен Б. А.	107	Карпов 6-й С. А.	48
Зинченко В. Н.	157	Карпов С. И.	108
Зинченко Н. Д.	157	Касаткин А.	108
Злыдин К.	65	Касатонов В. А.	227
Золотницкая Е. М.	209	Каткарт А.	65
Золотницкая Р. М.	208, 209	Каткарт Г.	64
Золотницкая Х. А.	208, 209, 211	Кауфман Ш. А.	208
Золотницкий М. О. (Х. Ю.)	208–212	Качинский В. Р.	108
Зосим, архимандрит	93	Качони	33, 34
Зюганов Д. В.	107	Кашин Н.	24
Иваненко Я.	158	Кедрин П.	36
Иванов И.	25	Кедров М. А.	139
Иванов Т.	29	Кемпбел	64
Иванов Ф. Г.	67, 75	Кендронис	20
Иванова М.	25	Кеппен П.	19
Иванова П.	25	Керенский А. Ф.	133
Иванович Н. А.	108	Кесарев Д.	93

Кефели Ефим С.	85, 87	Корнилович Г. В.	105, 109
Кефели Ефрем С.	87	Коробов В. И.	228, 230
Кефели И. И.	85	Корсаков Н. П.	31
Кефели С. О.	70, 71, 85	Корсаков С. Н.	109
Кива А.	25	Корсунский	154
Кива Л.	25	Костюков А. Г.	212
Кива Н.	25	Косоротов В. Г.	109
Кизиллов М. Б.	83, 89	Косцюшко-Валюжинич К. К.	94
Кикин	15	Косцюшко-Валюжинич Ксения	95
Киленин Н. А.	141	Косцюшко-Валюжинич М. П.	95
Кириллов	33, 53	Кохманский Е. В.	26
Кирион, епископ	93	Кочубей В. П.	37
Кириллук М. В.	157	Крайненко	29
Кирсанов С. П.	227	Красильщиков И. М.	68
Киселевич В. П.	108	Краснянский Н. Е.	109
Кислинский П. И.	188–190	Красовский К. В.	62
Кларендон Дж.	64	Крестьянников В. В.	8, 83
Клеменс С.	см. Твен М.	Кривошеин А. В.	139
Климент, митрополит	93	Крупинин Н.	156
Климов А.	93	Крыгин М. А.	109
Ключевский В. О.	59	Крылов А. Н.	123, 124
Кнорринг Н.	143	Крючков Ю.	183, 187
Кобылин С. Е.	108	Кубеницкий	109
Ковалев Ю. Н.	180	Кугель А. Р.	211
Кованько С. Н.	108	Кугель В. Р.	211
Коведяев Е. Е.	108	Кугель М. А.	211
Коврига П. А.	180	Кугель Р. В.	211
Коджак Я. С.	85	Кудрявцев В. М.	109
Козлов К.	162, 163	Кузнецов И. С.	123
Козлова А. Ф.	94	Кузьменко К.	162
Козодавлев О. П.	38	Кузьменко М. М.	193
Койчу	87	Кузьмин В.	162
Кокей А. Я.	85	Кулаков	32
Кокуш М. А.	178	Кулаков Н. М.	152, 220
Колбасьев А. Е.	109	Кулевич И. И.	109
Колен Г. Г.	109	Куликов Д. М.	28
Колесник П. А.	109	Кульзинская З. Т.	158
Кологерас Л. К.	94	Кульстрем С. К.	97
Колодкина В.	155	Кумани М. Н.	63
Колчак А. В.	123, 130, 133, 136	Кумыш А. Я.	87
Комаров Г. А.	193	Кун Бела	146
Комаров М. С.	109	Кундышев-Володин С. П.	67–69
Комзин И. В.	175	Куприн А. И.	208, 210, 213
Кондараки В. X.	18, 40	Кутепов А. П.	141
Кондырев Л.	220	Кутузова Г. В.	166, 167
Кони А. Ф.	191	Кутузова (Кияшко) В. П.	166, 167
Кононов И. А.	135	Куртин И. К.	68
Константин Николаевич, великий князь	188	Куцер В. Ю.	70
Коплевский	109	Кучер В.	214
Коретникова Е. С.	180	Кушнир	22
Корнеев А.	162	Лавут	212
Корнеева Е. А.	166, 167	Лагин Л.	214
Корниенко	123	Лазарев М. П.	8, 52, 54, 68, 73, 160, 182–185, 187
Корнилов В. А.	8, 54, 63, 67, 68, 75, 160		

Лазаренко А.	157, 159	Макуха М. И.	180
Ла-Мармор А.	65, 66	Маллер Т. О.	208
Ламанов К. М.	109	Мальгин Г. Т.	37
Ланг	31, 32, 40	Мамин-Сибиряк Д. Н.	213
Ландшафт М. М.	90	Мамчак М.	223
Ланжерон	72	Мангупли И. И.	91, 180
Ланцавеккиа	65	Мангупли С. А.	91, 180
Лаудон Д.	97	Манусенко А.	162
Лашков Ф.	89	Манько А. П.	208, 212
Лебедев-Кумач В.	220	Марета А. С.	228, 229, 230
Лебедева Э. И.	83	Маркевич А. И.	60, 190
Лебединцев А. Г.	60–62, 68	Маркелин, иеромонах	93
Левенсон Е. Д.	213	Мартиниан (Муратовский), архиепископ	69, 93, 94
Леви А. З.	91	Марфин М.	162, 163
Леви А. Я.	91	Марченко В. М.	110
Леви Э.	85, 90	Матусевич	32
Леви-Бобович Т. С.	83, 85, 87, 150	Махно Н.	137
Левин Н.	70	Мацук В.	167
Легостаев Н. И.	159	Мачука С.	69
Лезинский М. Л.	8, 228, 229, 230	Машуков Н. Н.	137–140
Лемешенко М. И.	159	Медведев	25
Лермонтов М. Ю.	32, 40	Медведев С. И.	135
Лесик П. И.	157	Медведь Р.	97
Лилиенберг	110	Мейсман И. В.	36
Линдберг И. К.	110	Мельницкий А. Г.	210
Линденер В. М.	110	Мельницкий Г. А.	209–212
Липранди П. П.	62	Мельниченко Д. Ф.	110
Литке К. Ф.	188	Мендельсон	158
Литке Ф. П.	55	Меншиков А. С.	30, 33, 34, 44, 61
Литтлбой	65	Мергасова Е. Ф.	166, 167
Лихачев Д. С.	88	Мерзликин В. А.	229, 230
Лобанов-Ростовский К.	110	Мерцалов М. М.	110
Лорей Г.	130	Метакса Е. П.	12, 13, 16, 17
Лощинский М. Ф.	94	Мечников И. И.	191
Лукин В. И.	129	Мизрахи М.	91
Луначарский А. А.	163, 214	Микешин М. О.	187
Луначарский А. В.	134, 163	Миклашевский Б. Р.	104, 110
Лучанинов Б. Н.	110	Миллер Б. М.	110
Лушников М.	69	Милохов В. А.	95
Любарский М. Г.	28	Милохова К. В.	95
Любчиков М. А.	8, 161	Милютин Д. А.	42, 49
Лялин Н.	167	Мингазов Г. Х.	82
Ляхов В. П.	128, 129	Миронов И.	156
Ляховский	147	Михайлов А. Л.	110
Мадан М.	127	Михайлов 3-й Н. Л.	111
Мадеев А.	69	Михайлова Д. Л. (Даша Севастопольская)	8
Мазуров	119, 120	Михайловская	158
Майкл Кентский, принц	65	Михалков С.	220
Макаров С. О.	94	Михеева Е. М.	216
Македонов Б. М.	180	Мозговой	23
Маковский В. Е.	189	Моисеев	157
Максимов А. А.	67–70, 201	Монтевеккьо, де Г.	66
Максимов Н. Н.	110	Моргунов П. А.	152
Максутов П. П.	63	Морковкина З.	158

Мороз	111	Орловский С. А.	69
Морозова В.	155	Орнек О.	66
Москвич А. В.	205	Осипов	145
Москвич Г. Г.	203–207	Осколков Ф. Я.	111
Московченко Н.	198	Оссоланус Г. Э.	111
Мошетти	66, 97	Остелецкий П. П.	136
Муки И.	84	Остен-Сакен Д. Е.	61, 62
Муравьев С.	171	Островская Н.	133
Мурадели В. И.	220–223	Остроградский Н.	111
Мустафа У.	80	Осьминин	53
Мухамеджанов К.	75	Павел I, император	11, 12, 14–17, 36
Мысик А. М.	111	Павлов И. П.	191, 192
Мысловский И. Ф.	28	Павловский А. И.	112
Нагорный Б. А.	111	Паксимаде Н. И.	61
Назарьев Н. С.	94	Палимпсестов В. И.	94
Найденов С. А.	213	Палимпсестов Д. И.	94
Наполеон Бонапарт	11	Палимпсестов И. И.	94
Наумов Н. А.	111	Палимпсестова Е. К.	94
Нафанаил (Куликов), архимандрит	93	Панелоти С. Г.	180
Нахимов П. С.	8, 53, 68, 160, 199, 200	Панпулов А. С.	86
Невский	99	Панпулов С. М.	84, 86
Негеревич С. С.	111	Пантофель	158
Нейзе Л. Н.	187	Панченко П. М.	162
Некора (Никора) А. Г.	26	Папанин И. Д.	154
Нельсон Г.	12, 16	Парфененко В. А.	112
Ненюков Д. В.	137	Пасечник	147
Непомнящий А. А.	204	Патаниоти Н. Ю.	33
Нефедов К. П.	152, 181	Паттон-Фантон-де-Веррайон П. И.	119
Никандров Н. Н.	213	Пашистова Н. В.	157
Никитенко	164	Педжак П. И.	98
Николай I, император	28, 31, 35, 49, 185	Педьков В. Л.	213
Николай II, император	84, 98, 123, 195, 201	Педьков И. Л.	213
Николай, великий князь	64	Пейсах Л. М.	91
Никонов С. А.	86, 213	Пейсах Т. Д.	91
Никонова Н. В.	86	Пейсонель, де Ш.	19
Новиков-Прибой А. С.	214	Пекарчук Б.	157, 158
Новицкий	111	Пелисье	184
Новосильский Ф. М.	68, 75, 199	Пембек Я.	87
Новосильцев Н. Н.	37	Перекрестов	32
Носов И.	32	Петр I	45, 50, 55, 72, 96, 103
Носов В. М.	27, 68	Петров	164
Оболенский В. А.	142, 143	Петров Е.	214
Ожегов С. И.	26	Петрова И. И.	165, 166
Озеров	111	Петрусенко О. (Бородавкина К. А.)	8, 176
Озоль	111	Петровский	102
Озоль И. Я.	111	Пиastro В. Б.	193
Октябрьский Ф. С.	153, 174	Пиврон	15
Окунев В. Г.	111	Пикин И. К.	69
Олейник Ю.	65, 66	Пирогов Н. И.	190–193
Олехнович Н. А.	111	Пискарев Ф.	29
Орельников Н.	94	Плавинский А. К.	112
Орио А.	17	Плахотников Д. П.	112
Орлов А. Ф.	64	Плеханов	129
Орлов-Чесменский А. Г.	182	Плющ К. Г.	27

Плябляс А.	21	Родионов Д. М.	61
Погосский Е. И.	112	Родионов М.	70
Подгорный Я. И.	135	Романов А.	162
Поддувалов Е.	93	Росновский А.	26
Подольский Е. А.	112	Ростоцкий С. И.	230
Подчашинский	163	Ротгольц Д. М.	74
Позднякова	231	Рубо Ф. А.	189
Покатило М. Б.	169, 174, 209, 220	Рукавишников И. С.	213
Покопцов	123	Рыбаков А.	124
Полигнотов Е. В.	112	Рыжков	33
Поликарп, архимандрит	92	Рымдейко М. О.	178
Полканов А. И.	31, 32, 39, 40	Саблин М. П.	135–138
Понтеве	65	Савва, архимандрит	93
Попков Я.	29	Савватий, монах	93
Попов С. Ф.	228	Савельев А. А.	112
Поскочин И. С.	14	Савинов И.	60
Постникова	158	Саймондус У.	54
Потемкин Г. А.	18	Сакен Д. Е.	199
Поцелуев Е.	158	Салабуга	113
Поцелуева Е.	158	Сальти К. Д.	30–32, 40
Прендель Р. А.	203	Самойлова М. В.	166, 167
Примо Д. П.	31	Сандерс, фон Л.	118
Приходько А. М.	193	Саприко Т. Л.	26
Прокопенко Л. В.	112	Сарандинаки Е. П.	11, 12
Прокофьев	53	Сарина А. А.	152, 153, 157
Протопопов В. Ф.	112	Саркисян А. Г.	193
Прохоров Д. А.	83	Сарнавский В. С.	97
Прусаков Н.	40	Сараф Ш. Б.	84
Пустошкин П. В.	15	Светухин Б. Д.	113
Путин В. В.	193	Свечников Д. И.	97
Путятин Н. С.	131	Сегал	113
Пчельников	53	Сейдон С. А.	80
Раве Ж.	66	Селивачев И. А.	14
Раглан Ф. Дж.	64	Селим III, султан	16
Рагозин Н. А.	112	Семенов	113, 117
Радецкий	40	Семенов А.	32, 40
Ракова Л. А.	154	Семенов К. Р.	113
Ратьков Н. В.	97	Семенов-Тяньшанский П. П.	84, 85, 89, 90
Ратьков-Рожнов Г. А.	94	Семенюшкин Н. Г.	154
Рахимов Н. Ю.	80	Семин Г. И.	8, 32, 182
Рахимов Ю. И.	75–80	Семко	231
Рахимова Ф.	80	Сен-Поль	65
Ревенко Д. Г.	99	Сенявин Д. Н.	14, 182, 183
Ревякин А. (В. Д.)	158	Сергеев А. М.	180
Ревякина Л. Т.	158	Сергеев Л.	68
Резанов А. Н.	69	Сергеев М. М.	113
Реймерс Н. А.	112	Сергеев-Ценский С.	124
Репин	157	Серокурова Л. В.	148
Ресульев Э. И.	82	Сесин С.	162
Рив Р. С.	65	Сеттаров О.	82
Римский-Корсаков М. М.	129	Сивропуло	20
Римский-Корсаков Т. И.	112	Сиденснер	125
Ричардопулос С.	14	Сидоренко Ю. А.	153
Родионов	32	Сидоров Г. М.	97

Симонов К.	214	Строганов П. А.	37
Синицкий Я.	93	Строков	176
Сираф Ф. С.	213	Строкова Н. З.	176
Скаловский И. С.	32	Струнина Ж. В.	165
Скалон М. Н.	142	Стулли С.	32, 40
Скирмут И.	113	Суворов А. В.	10, 18
Скиталец С. Г.	213	Судман	114
Склифософский Н. В.	191, 192	Суковский С. В.	155
Скоробогатов С. Н.	113	Сургучев М. Н.	153
Скулари М. М.	165	Суровцев	53
Славский Г. М.	157	Сухозанет Н. О.	42
Слащев Я. А.	136, 138, 141	Сухорученко А. Г.	178
Слонов Ю.	180	Сухотин Я. Ф.	10, 43
Слюсарь Е. М.	192	Сушицкий	99
Смирнов	154	Сушон В.	117, 118
Смирнов К. Л.	222	Сюрмен де, Ф.	65
Смит С.	11	Танатароми С. М.	203
Смоленский В. А.	138	Тараевич В. П.	114
Собецкий В. И.	135–137	Таран Ф.	27
Собко Н. П.	37	Тарасов И.	69
Соболев Л.	214	Татищев	129
Сокальский Г.	96	Твен М.	189
Соколенко М. П.	159	Телесницкий С. М.	15
Соколов В. Ф.	62	Телятников М. А.	69
Соколов П. И.	36, 37	Телятников П. А.	68, 69
Соколова В. Г.	180	Терещенко	157
Соловьев М.	29	Терещенко Е.	158
Соляник-Краса В. В.	113	Терещенко И.	158
Сорокин	94	Терещенко Н.	158
Сорокин К.	156	Терленди Г. К.	21
Сосновский А. Т.	113	Терленди Д.	21
Спаи Н.	212, 213	Тиктопуло	20, 21
Спаи Г. К.	213	Тиктопуло Г. А.	22
Спаи К. П.	213	Тимофеев Н. Д.	33, 35
Спаи Н. П.	213	Титов Г. С.	225–227
Спаи Э. П.	213	Тихомиров Н. П.	99
Сперанский М. М.	37	Ткач В. С.	114
Спиридов Г. А.	10, 13	Ткаченко Д.	226
Спицкий А. М.	201	Толстой А. П.	33, 34
Спрингрис М.	65	Толстой Л. Н.	194
Сталин И. В.	174, 220	Томара В. С.	11, 12, 17
Станкевич Ф. Ф.	99	Томиловский	15
Станюкович К. М.	73	Тонгур Б. Ю.	151
Станюкович М. Н.	68, 75, 185	Торренс	64
Станюкович О. М.	73	Тотлебен Э. И.	63, 189
Старушкин А. П.	152	Траверсе, де И. И.	27, 183
Стаховский В.	113	Трапезаров К.	19
Стаховский И. И.	113	Траутман Ю.	175
Степанов Б.	230	Треба	124
Степанов М.	113	Тригони М. Н.	73, 213
Степанова Р. А.	167	Тригони Н. И.	73
Столыпин Н. А.	31, 32, 40, 186	Трикмениди Г. Л.	23
Стренгвейс	64	Трумпельдор Й.	211
Строганов А. С.	16	Тулубьев В. И.	25

Тумаков П.	93	Хортон К.	65
Туроверов Н. Н.	143	Христиани В. В.	94
Турчанинов А. П.	32, 34	Христодуло Г.	20
Тыртов С. П.	94, 200	Христодуло Л. Г.	22
Тюфяев А. А.	114	Христопуло А. Х.	74
Уест А.	65	Хрулев С. А.	42, 63
Успасский П. П.	114	Цветков И. А.	23
Успенский В. В.	125	Цедербаум	158
Утгоф В. В.	114	Целио А.	21
Уханова-Попова Н. А.	180	Целио Александра	21
Ушаков П. Н.	43	Целио А. П.	22
Ушаков Ф. Ф.	10–18, 182	Целио О. В.	23
Фабрицкий С. С.	120	Целовальник С. А.	175
Файле Ф.	158	Церцанова	155
Фгученкова Х.	33	Цывинский Н. Я.	114
Федоров Г.	229	Чайковский В. Д.	126
Федорович М. И.	117	Чарльз Уэльский, принц	65
Федченко В. М.	114	Челноков	71
Феодосьев Е. П.	94	Черенков А.	124
Феодосьева Н. М.	94	Чернавин А.	114
Феолого В. И.	69	Черников С.	162
Феофан, епископ	97	Чернопятов В. М.	93
Феофанидис Ф. Г.	20	Черный А. А.	114
Фердинанд IV, король	16	Чернявский С. И.	53
Фесенко Д. И.	184, 185	Черчилль С.	64
Филянович Б. А.	114	Черчилль У.	64
Фирзон А. М.	158	Чиж С. А.	8
Фиркович А. С.	84	Чика	114
Фиркович Г.	70, 84	Чуприна В. И.	114
Флеров Н.	180	Шабо	12, 16
Форд Дж.	65	Шавшин В. Г.	18, 64, 83
Форпос	65	Шанито Р. Я.	91
Франко Ф.	109, 110, 112	Шапира Д.	83
Францкевич А. И.	114	Шапошников С.	125
Фриде Г. А.	114	Шапошников Ф. О.	28
Хабарова О. В.	72	Шатилов П. Н.	142
Хайновский С. В.	208	Шахов П. В.	115
Хаки-бей	97	Шварц А. В.	129
Халиль М.	80	Шевчук Ф. Ф.	115
Халиль Н.	79	Шейх-Ашири М. А.	115
Халиль С.	76	Шемякина М. Н.	195
Хамадан А.	214	Шервуд В. И.	191
Харитонов В.	220	Шиллинг Н. Н.	136
Харсун Л. С.	149	Шингарев А. И.	191
Хартахай Ф. А.	39	Ширинская А. А.	143
Харченко Д. И.	87	Широков В.	25
Харченко Ф. И.	84, 87	Шитт В. Э.	21
Харченко Ю. И.	87	Шишкин А.	124
Хаустова Л. Н.	165, 166	Шкиптан Л.	165
Хей К.	64	Шкуропетов К.	29
Херсонский	158	Шлычевский-Шлык П.	27
Херхеулидзе З. С.	30, 35	Шмаков Н. Ф.	229, 230
Хомяков П. Е.	114	Шмаров В. Л.	24
Хорошунов И. К.	98, 99	Шнидер О.	94

Шолом	91, 180	Энгельман	124
Шолом М. А.	178	Энгельмейер В. П.	115
Шостакович И. А.	12–14	Энгелези	20
Шрамков	31, 40	Энгелези В. К.	71
Шреве	159	Энегельгардт	32
Шрейбер Н. Н.	126	Эренбург И.	156
Штанке	127	Эрисман Ф. Ф.	192
Шторх А. К.	37	Эристов С.	115
Шуберт К. К.	126	Эрман Ф. М.	212
Шукшин В. М.	228–231	Эссен фон Р. Ф.	115
Шукшина М. С.	228–231	Юнкер А. К.	115
Шульман М.	141	Юрин	162
Шустров Н. Н.	108, 115	Юсуфов Х. Ю.	91
Щастный С. М.	32	Юткевич	115
Щепанский П. В.	63	Юфере П.	124
Щукин П.	29	Юхарин И. И.	16
Эбергард А. А.	130, 202	Яблонский Е. К.	40
Эдвиг Дж. М.	64	Якиманский Е. В.	97
Эдуардс Б. В.	64	Яновский Ф. Г.	96, 98
Эк Е. И.	27	Янычаре Д.	17
Эльфинстон Д.	10	Янышев Н. М.	95
Эмир-Сале А.	76	Ярыгин С. Я.	115
Эмиров Б.	76	Яцкин	164

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абрам, <i>форт</i>	15	Бендеры	118, 199
Абуис	128	Бердянск	137
Абхазия	188	Берингово море	185
Австро-Венгрия	118	Берлин	110, 135, 139, 141
Аджарис-цхали, <i>река</i>	127	Берн	125
Адриатическое море	14	Беслан	204
Азербайджан	131	Бессарабия	30, 32, 42
Азовское море	135-137	Биассалы, <i>деревня</i>	60
Ай-Тодор, <i>деревня</i>	78-80	Бизерта	105, 107, 111, 113, 114, 143, 196
Аккерман	118	Биюк-Мускомья, <i>деревня</i>	76
Акмечеть	см. Симферополь	Болгария	108, 117, 118, 122, 128, 130
Ак-Монай	136	Борчха	127
Александровская бухта (Севастополь)	29	Босут, <i>река</i>	117
Алешки	51	Босфор, <i>пролив</i>	11, 108, 109, 118, 122, 127-130
Алма-Ата	218	Браилов, <i>город</i>	50, 121
Алсу, <i>деревня</i>	60	Бристольский залив	185
Алтайский край	231	Брюссель	112
Анапа	138	Бургас	118, 122
Анатолия	127, 128, 130, 131	Валахия	119
Англия	49, 54, 63, 65, 66, 97, 107, 182, 184, 199	Ван, <i>озеро</i>	130, 131
Арабатская стрелка	135	Варна	118-120, 122, 128, 130
Ардаган	128	Варнаутка, <i>деревня</i>	79
Ардануч	127	Варненский залив	118, 119
Армения	131	Верхнесадовое, <i>село</i>	82
Армянск	21, 84	Видо, <i>остров</i>	14, 15
Артвин	127	Вилково	120
Артиллерийская бухта (Севастополь)	35, 183, 189	Вице, <i>река</i>	129
Архаве, <i>река</i>	127, 129	Вишня, <i>село</i>	193
Архангельск	29, 53	Владикавказ	204
Архангельская губерния	42	Волга	136, 203
Афон	92	Вон	128
Ахтиар	19, 90	Воронеж	23
Бабадагское, <i>озеро</i>	119	Галац, <i>город</i>	119, 121
Байгончак, <i>село</i> (совр. Октябрь)	193	Гасфорта, <i>гора</i> (Севастополь)	65, 66
Байдары, <i>село</i>	76, 78, 79	Геленджик	50, 138, 188
Балаклава	18, 19, 21-23, 30, 38, 61, 64-66, 84, 86, 87, 90, 100, 104, 136, 146, 201, 204, 208-210, 212, 213	Гельдер, <i>крепость</i>	182
Балканский полуостров	12	Геническ	135, 136
Балтийское море	49, 50	Германия	110, 113, 117, 118, 121, 131, 135, 158, 159, 187
Балчик	120	Горелое, <i>деревня</i>	137
Батум (Батуми)	106, 117, 126-131, 214	Грейга, <i>мыс</i>	185
Бахчисарай	61, 78, 90, 92, 146, 158	Грейга, <i>остров</i>	185
Бахчисарайский район	80, 193	Греция	17, 52, 74, 97, 104, 117, 150, 178
Башкирия	42	Грузия	82, 131, 155
Белград	104, 107	Дамаск	105
Белогорск	89, 90	Данциг	183
Бельбек	40	Дарданеллы (Дарданельский) пролив	10, 12, 183
Бельгия	112, 196	Дергачи, <i>хутор</i> (Севастополь)	65

Джаншиева хутор	22	Козлов	см. Евпатория
Днестр	199	Коктебель (Планерское)	136
Добруджа	118, 119	Колопотамус, река	129
Дунай	44, 50, 117, 119-121	Коннектикут, штат	105, 209
Евксиноград	118, 128	Константинополь	11, 12, 17, 52, 74, 104, 127, 135, 139, 141, 142, 145
Евпатория	84, 90, 91, 135, 212	Константинопольский пролив	11
Египет	11, 12	Констанца	108, 115, 119-122
Екатеринбург	199, 202	Корфу, остров, крепость	10-17, 183
Екатеринодар	135, 136	Краснодар	155
Елабуга	106	Кривенчик	см. Керменчик
Ени-Кей	128	Кронштадт, город и порт	51, 53, 195
Ессентуки	204	Лазаретто, остров	14, 15
Ефимовка, деревня	137	Лаки (с. Горянка)	18, 60
Железноводск	204	Ленинград	см. Санкт-Петербург
Занте, остров	11-13	Ломоносов, город	184, 187, 230
Запорожье	90	Лондон	107
Золотая балка, деревня	21	Лордшип	105
Зунгулдак (Зонгулдак)	105, 109, 122	Лос-Анджелес	108
Измаил	30, 51, 119	Лукомский, хутор (Севастополь)	229
Инкерман	40, 92, 154, 157	Майорка, остров	112
Ионические острова	11-13, 16, 17	Македония	118
Иркутск	110	Мальта, остров	16, 137
Испания	110, 112	Мамашай, деревня	79
Италия	11, 66, 97, 199	Мангалия	119
Кабардинка	138	Мангуш, селение	60
Кадыковка	18, 20-22, 60, 212	Мариуполь	129, 135, 137
Кады-кой	см. Кадыковка	Махмудия	121
Казань	191, 199	Мачин (совр. Мэчин), город	119, 121
Каир	150	Ментон	197, 198
Калиакрия, мыс	118, 119	Минеральные воды	204
Камары (с. Оборонное)	18-22, 60	Молдавия	119
Камчия, река	119	Морея, полуостров	10
Камышлов	202	Москва	24, 107, 113, 133, 134, 144, 146, 157, 162, 191, 193, 203, 210-213, 216, 225
Камышлы, деревня	78	Московская область	231
Камышовая бухта (Севастополь)	64, 70, 184	Муром	202
Карантинная бухта (Севастополь)	28	Неаполь	182
Карань (Флотское), селение	18-23, 60	Николаев, город и порт	33, 50, 51, 53, 54, 67, 117, 119, 120, 122, 124, 127, 135, 136, 138, 182-185, 187, 196, 198
Карасубазар	см. Белогорск	Ницца	106
Караурган	128	Новокузнецк	210, 211
Каркинитский залив	138	Новороссийск, город и порт	50, 117, 122, 126, 130, 134-136, 143, 163, 204, 214
Кача	60, 162	Новосибирск	210
Керасунд	128, 130	Нью-Йорк	108, 109, 115, 204
Керменчик (с. Высокое)	18, 60	Одесса, город и порт	30, 32, 38, 50, 52, 54, 61, 66, 104, 106-108, 117-120, 122, 126, 128, 129, 133, 135, 136, 138, 143, 146, 150, 151, 186, 203, 214
Керос, мыс	128		
Керченский пролив	117		
Керчь	50, 64, 126, 140, 152, 158		
Кефаллония, остров	11, 12, 14		
Киев	178, 191, 219, 225		
Килен-балка (Севастополь)	66		
Килия	108, 119, 121		
Кинбурн, крепость	48		
Кирилловка, деревня	137		
Кисловодск	152, 204		
Коварна	120		

Одесский залив	117		
Октябрь, село (б. Пирогово)	193		
Омск	137, 218		
Орду	128, 131		
Орел	107, 179		
Оренбург	44		
Орлиное, село	82		
Очаков	117, 138		
Панчево, город	141		
Парагвай	112		
Париж	8, 64, 103, 111, 113, 115, 125, 138, 143, 156, 163, 184, 199		
Перекоп	19, 146		
Перекопский залив	138		
Петроград	см. Санкт-Петербург		
Петрозаводск, город	55		
Пироговка, село	193		
Пирогово, село (б. Байгончак)	193		
Пицунда, мыс	130		
Платана	105, 130		
Покровское	137		
Полатхане	127		
Польша	41, 44, 113		
Порт-Артур	195		
Поти	126-128, 130, 210		
Прага	124		
Пятигорск	204		
Разелм, озеро	119, 121		
Ревель	106, 134, 196		
Рени, город	118, 119		
Рижский залив	120		
Ризе	109, 122, 123, 127-130		
Ростов-на-Дону	135, 204		
Румыния	32, 114, 117-119, 122, 130, 131		
Рыбинск	202		
Сальвадор, форт	15		
Самсун, город	127, 128, 131		
Сан-Франциско	106		
Санкт-Петербург	12, 16, 24, 27, 33, 35, 53, 101, 107, 117, 133, 183, 187, 191, 193-195, 197-199, 201-203, 219, 225		
Санта-Барбара	114		
Сарагоса	110		
Саракамыш	128		
Сарыч, мыс	127		
Сахтик, деревня	79		
Св. Мавры, остров	12, 14		
Северная, бухта (Севастополь)	125		
Сербия	104, 117, 118		
Сибирь	42, 210		
Симферополь	20, 22, 24, 30, 61, 79, 82, 84, 89, 90, 101, 134, 135, 142,		
		149, 152, 163, 208, 210, 222	
		Синое, озеро	119
		Синоп, город и порт	52, 68, 131
		Сирия	105
		Сочи	128, 215
		Средиземное море	10, 12, 16, 117, 182, 188
		Сремски(е) Карловцы, город	141
		Сростинский район	231
		Сталинск	см. Новокузнецк
		Стрелецкая бухта (Севастополь)	134, 140, 222
		Сулин	108, 111, 119-121
		Сурмине, залив	129
		Сухум-Кале (Сухуми), город и порт	50, 129, 130
		США	105-109, 111, 114, 115, 209
		Таганрог	135, 137
		Таманский полуостров	216
		Тамань	19
		Тамбов	202
		Темза, река	54
		Темрюк	216
		Тендеровская коса	117, 120, 136, 138
		Тенедос, остров	183
		Терибли	130
		Терме, река	131
		Топлы (совр. Тополевка), село	92
		Трапезунд	105, 127-132
		Троицк	219
		Туапсе	127, 128, 130, 131
		Тула	107
		Тулон	195
		Тульча, город	120, 121
		Тунис	112
		Турция	11, 12, 14, 15, 17, 63, 66, 76, 82, 91, 97, 114, 117, 118, 126, 127, 131, 199
		Тюмень	199, 202
		Узен-Башик, деревня	78, 80
		Узунджа, деревня	76
		Унье, город	127, 128
		Уппа, деревня	78
		Урал	80
		Уркуста, деревня	76, 78, 79
		Урмия, озеро	130, 131
		Уфа	152
		Ушаково село	23
		Фаросский залив	188
		Феодосия	33, 73, 84, 85, 117, 126, 140, 149
		Фидониси, остров	120
		Филиппины	106, 108
		Финский залив	53, 197
		Флотское	см. Карань
		Фокшаны, город	121
		Фолу, город	130

Франция	11, 44, 49, 63, 65, 66, 95-98, 105, 106, 109, 111, 113-115, 139, 197, 199	Чесма, <i>порт</i>	10
Харбин	115	Чехословакия	105, 196
Харьков	107, 146, 202	Чива, <i>мыс</i>	128, 131
Херсон	48, 50, 53, 73, 135, 136	Чили	113
Хиос, <i>остров</i>	12, 178	Чоргунь, <i>деревня</i>	78
Хиосский пролив	10	Шведт, <i>город</i>	45
Хопа, <i>город</i>	127, 128	Шули, <i>деревня</i>	78, 158
Хорлы, <i>село</i>	138, 141	Эгейское море	10
Хоста	130	Эрегли, <i>город</i>	122, 131
Царицын	134, 136	Эрзерум, <i>город</i>	127, 129
Цериго, <i>остров</i>	12, 13	Югославия	104, 105, 113, 115
Чайкино, <i>деревня</i>	216	Южная, <i>бухта</i> (Севастополь)	134, 158, 183, 186, 199
Черная, <i>река</i>	64	Ялта	66, 140, 186, 201-204, 212

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ СУДОВ

Адмирал Нахимов, крейсер	195	Гагара, подводная лодка	134
Адольф, тральщик	136	Гагра, транспорт	57
Ай-Тодор, пароход	127	Гаджибей, эсминец	134
Аккерман, транспорт	58	Гайдамак, ледокол	137
Алмаз, вспомогательный крейсер	127, 130	Гамидие, крейсер	118, 127
Алмаз, яхта	135, 137	Гебен (Явуз Султан Селим), крейсер	117, 118, 122, 127-129
Альбатрос, тральщик	135, 137	Генерал Алексеев, линкор	см. Воля
Амалия, тральщик	135	Генерал Корнилов, крейсер,	см. Кагул
Андия, пароход	58	Георгий, вспомогательное судно	135, 137, 138
Андромаха, корвет	56	Георгий Победоносец, линкор	135
Арагва, транспорт	57	Гневный, эсминец	104
Аргонавт, бриг	50, 58	Гостогай, транспорт	58
Аргонавт, паровая шхуна	58	Граф Игнатьев, пароход	136
Ариадна, корвет	56	Грегор, пароход	136
Аю-Даг, сетевой заградитель	129	Григорий Великия Армении, фрегат	12, 17
Баклан, тральщик	135, 137	Грозный, канонерская лодка	136, 137
Балаклава, транспорт	58	Грозный, пароход	58
Барсук, канонерская лодка	188	Громкий, эсминец	134
Батум, пароход	136	Громоносец, пароход	57
Бдительный, эсминец	153	Дарго, пароход	57
Бердянск, пароход	57	Двенадцать Апостолов, линкор	53, 54, 57
Березань, транспорт	56, 126, 135, 136	Дельфин, катер	136
Берк-И-Сатвет, крейсер	126, 127	Дерзкий, эсминец	134
Берх, крейсер	128	Днепровец, канонерская лодка	137
Беспокойный, эсминец	129, 135, 137, 138	Днестр, транспорт	57
Беспощадный, эсминец	153	Доб, транспорт	58
Бессарабия, пароходо-фрегат	50, 58	Добровolec, буксир	136
Бештау, минный заградитель	117	Добыча, транспорт	136
Бзыбь, транспорт	58	Дозор, моторный катер	127
Богородица Казанская	17	Донец, канонерская лодка	117, 120, 129, 135
Богоявление Господне	12, 17	Дротик, шхуна	57
Боец, пароход	56	Дунай, транспорт	56, 117, 135
Босфор, линкор	58	Дыхтау, минный заградитель	126, 127
Бреслау (Мидили), крейсер	104, 110, 117, 118, 122, 126-129	Евангелистрия, шхуна	130
Буг, транспорт	58, 127, 135, 137, 138	Евстафий, линкор	86, 105, 122, 129, 130
Бурдейл, транспорт	129	Екатеринодар, транспорт	137
Буревестник, подводная лодка	138	Елизавета, крейсер	120
Быстрый, эсминец	105, 135	Елизавета Волонта-ди-Дио, шхуна	130
Вальдек Руссо, броненосец	143	Жанетта, тральщик	119
Варна, линкор	58, 120	Жаркий, эсминец	127, 128, 134, 137, 138
Великий князь Константин, линкор	50, 53, 54, 58	Железняков, эсминец	153
Веста, транспорт	136, 138	Живой, эсминец	119, 127-129, 134-137, 141
Виктор, линкор	10	Живучий, эсминец	128
Владимир, пароходо-фрегат	54, 57, 68	Жуткий, эсминец	135
Возрождение, транспорт	135	Забияка, шхуна	57, 194
Волга, транспорт	138	Заветный, эсминец	128, 136
Воля, линкор	134, 135, 137	Завидный, эсминец	128, 131, 135
Вперед, госпитальное судно	130		
Гавриил, линкор	57		

Захарий и Елисавета, линкор	14, 17	Лазарев, пароход	127
Звонкий, эсминец	128, 135, 137	Ласточка, шхуна	57, 199
Зоркий, эсминец	128, 134, 135, 137, 138	Лебедь, подводная лодка	195
Илья Муромец	141	Легкий, тендер	57
Император Николай I, броненосец	107, 119, 195	Ледокол № 1	137
Императрица Екатерина Великая, линкор	119, 128, 129	Ледокол № 4	136
Императрица Мария, линейный корабль	57, 110, 122-126, 128, 129, 136	Лейтенант Пущин, эсминец	119, 128, 129
Иоанн Златоуст, линкор	129, 130	Лейтенант Шестаков, эсминец	134
Иол № 22	188	Летчик, посыльное судно	138
Италия, транспорт	135	Мамай, транспорт	57
К-3, канонерская лодка	137	Маргарита, транспорт	136
К-10, канонерская лодка	136	Мария Магдалина	17
К-11, канонерская лодка	137	Меджидие, крейсер	118
К-12, канонерская лодка	136	Меркурий, канонерская лодка	94
К-15, канонерская лодка	134, 136	Меркурий, бриг	50, 56, 185
К-17, канонерская лодка	137	Месемврия, фрегат	57, 199
Кагул, крейсер	56, 67, 134-138, 140	Мидили, крейсер,	см. «Бреслау»
Казарский, посыльное судно	135	Мидия, фрегат	58
Калиакрия, эсминец	134	Миноносец № 270	136
Калипсо, корвет	58	Михаил Кутузов, крейсер	227
Капитан-лейтенант Баранов, эсминец	134	Могучий, пароход	58
Капитан Сакен, эсминец	131, 134, 135, 137, 138	Молодец, пароход	57
Карась, подводная лодка	119	Морж, подводная лодка	122
Карп, подводная лодка	119	Моряк, транспорт	137
Катер № 405	136	Москва, крейсер	198
Кашалот, подводная лодка	131	Мстислав	182
Керчь, эсминец	134	Навархия, фрегат	15
Килия, транспорт	58	Надежда, транспорт	135
Кинбурн, транспорт	57	Налим, подводная лодка	130
Кишинев, транспорт	57	Неарк, бриг	57
Коварна, фрегат	58	Незаможник, эсминец	153
Кодос, транспорт	58	Нерпа, подводная лодка	122
Колхида, пароход	56, 138	Николай, вспомогательное судно	135
Константин, минный заградитель	127	Новик, эсминец	195
Константин, пароход	136	Одесса, пароходо-фрегат	54, 58
Корнилов, пароход	58	Оливуца, корвет	188
Коршун, пароход	136	Олимпиада, пароход	134
Краб, подводный минный заградитель	118, 120, 122	Опыт, шхуна	56
Красная Абхазия, канонерская лодка	153	Орест, корвет	57
Красный Аджаристан, канонерская лодка	153	Орианда, яхта	56
Красный Кавказ, крейсер	161	Орфей, бриг	57
Кронштадт, транспорт	134	Память Евстафия	188
Крым, пароходо-фрегат	54, 56, 185	Память Меркурия, крейсер	120, 130, 134
Ксения, минный заградитель	127	Панагия Апотуменгана	17
Кубанец, канонерская лодка	120, 129, 135, 136	Пантелеймон, линкор	129, 130
Кубань, транспорт	57	Париж, линкор	53, 57
Кулевчи, фрегат	58	Парижская коммуна, линкор	161
Лаба, транспорт	57	Пароход № 328	134
		Пароход № 410	134
		Пейк, крейсер	127
		Перикл, пароход	136
		Персей, бриг	58
		Петр Великий, пароход	57, 146
		Пилад, корвет	56

Полезный, пароход	135, 136	Таврида, пароход	127
Портица, транспорт	58	Таганрог, пароход	56
Португалия, госпитальное судно	129	Тамань, пароход	56
Поспешный, эсминец	56, 119, 134, 137, 138	Ташкент, эсминец	153
Поти, транспорт	135, 137	Тезей, бриг	56
Превеза, транспорт	135	Темеш, монитор	117
Принцесса Евгения Ольденбургская, пароход	127	Теодор, пароход	127
Принцип, пароход	128	Терец, канонерская лодка	120, 136, 137
Проворный, тендер	56	Трапезунд, пароход	128
Пронзительный, эсминец	129, 134	Тревориан, транспорт	129
Прут, транспорт	56	Три Иерарха (Трех Иерархов), линкор	54, 58
Прыткий, катер	145	Три Святителя, линкор	54, 56, 135, 199, 202
Птолемей, бриг	58	Туркестан, транспорт	136
Пылкий, эсминец	134, 138	Тюлень, подводная лодка	118, 122, 135, 137
Пытливый, сторожевой корабль	198	U-33, подводная лодка	129, 130
R-10	см. Зоркий	U-38, подводная лодка	130
Работник, тральщик	121	UB-7, подводная лодка	130
Рени, транспорт	57	UB-8, подводная лодка	130
Ретвизан	182	UB-14, подводная лодка	129, 130
Рион, транспорт	56	UB-45, подводная лодка	130
Роза, тральщик	120, 135-137	Уралец, канонерская лодка	95
Романов, пароход	127	Урания, пароход	136
Ростислав, линкор	57, 119, 129	Уриил, линкор	56
Самос, монитор	117	US-3	см. Утка
Саратов, транспорт	135	US-4	см. Гагара
Свободная Россия, линкор	134	Утка, подводная лодка	134, 137
Свободный, эсминец	153	F-20	см. пароход № 410
Святая Ирина, акат	11, 17	F-21	см. К-15
Святая Троица, линкор	11, 17	F-22	см. Олимпиада
Святой Михаил	17	F-24	см. Пароход № 328
Святой Николай, пароход	127	Фемистокл, бриг	56
Святой Павел, фрегат	10, 11, 15, 17	Феодосия, транспорт	57
Святой Петр	17	Фидониси, эсминец	124, 134
Святослав, линкор	57	Флейе, плавучая мастерская,	см. Кронштадт
Северная звезда, пароход	127	Флора, фрегат	31, 58
Селафаил, линкор	56	Харакс, транспорт	137
Сизополь, фрегат	57	Херсонес, пароходо-фрегат	54, 58
Силистрия, линкор	53	Храбрый, линкор	56
Синоп, линкор	117	Цемес, транспорт	56
Скат, подводная лодка	130	Цесаревич, эскадренный броненосец	195
Скиф, тральщик	136	Цесаревич Алексей Николаевич, пароход	127
Скорый, тендер	58	Цесаревич Георгий, вспомогательный крейсер	136-138
Смелая, шхуна	50, 58	Черномор, спасательный пароход	127, 136, 137
Сметливый, эсминец	134	Чесма, линкор	56
София, транспорт	136	Чесма, эскадренный броненосец	94
Соча, транспорт	56	Четырдаг, пароход	136
Сошествие Св. Духа	17	Чурубаш, тральщик	136
Стрела, яхта	56	Шквал, сторожевой корабль	153
Стремительный, эсминец	129, 131, 134	Шторм, сторожевой корабль	153
Строгий, эсминец	129	Шумны, миноносец	120
Субаши, транспорт	57	Экватор, госпитальное судно	109
Сухум-Кале, транспорт	58	Эльборус, пароход	54, 57, 136
Счастливыи, эсминец	134	Эндимион, бриг	56

Эней, бриг	58	Ягудиил, линкор	28, 56, 188
Юлия, транспорт	136	Язон, тральщик	136
Явуз Султан Селим, крейсер, см. Гебен		Ялта, транспорт	57, 140

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АССР	- Автономная советская социалистическая республика
ВКП(б)	- Всероссийская коммунистическая партия (большевиков)
ВМС	- Военно-морские силы
ВСЮР	- Вооруженные силы Юга России
ВЦИК	- Всесоюзный центральный исполнительный комитет
ГАГС	- Государственный архив г. Севастополя
ГКО	- Городской комитет обороны
ГПУ	- Главное политическое управление
ГУК	- Главное управление кораблестроения
ГУЛАГ	- Государственное управление лагерей
ЗАГС	- Отдел записи актов гражданского состояния
ИТК	- Исправительно-трудовая колония
КАО	- Корпусной авиационный отряд
КИМ	- Корпус инженеров-механиков флота
КИМСЧ	- Корпус инженеров-механиков строительной части
ККИ	- Корпус корабельных инженеров
КМА	- Корпус морской артиллерии
КФШ	- Корпус флотских штурманов
МГШ	- Морской генеральный штаб
МПВО	- Местная противовоздушная оборона
НИИ	- Научно-исследовательский институт
НКВД	- Народный комиссариат внутренних дел
НКЮ	- Народный комиссариат юстиции
НЭП	- Новая экономическая политика
ОВФ	- Отдел воздушного флота
Помгол	- Комитет помощи голодающим
РВК	- районный военный комиссариат
РГАВМФ	- Российский государственный архив военно-морского флота
РИК	- Районный исполнительный комитет
РКИ	- Рабоче-крестьянская инспекция
РККА	- Рабоче-крестьянская Красная Армия
РОПиТ	- Российское общество пароходства и торговли
РСДРП(б)	- Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)
РСФСР	- Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СНК	- Совет Народных Комиссаров
СОР	- Севастопольский оборонительный район
ТАСС	- Телеграфное агенство Советского Союза
ТОКДП	- Таврическое и Одесское караимское духовное правление
УССР	- Украинская Советская социалистическая республика
ЦАУ	- Центральное административное управление
ЦАУ	- Центральное архивное управление
ЦРК	- Центральный Рабочий Кооператив
ЧК	- Чрезвычайная комиссия
ЭОН	- Экспедиция особого назначения
ЭПРОН	- Экспедиция подводных работ особого назначения

НАУКОВЕ ВИДАННЯ

**МИНУЛЕ СЕВАСТОПОЛЯ
В АРХІВНИХ ДОКУМЕНТАХ**

Наукові статті підготовлені співробітниками
Державного архіву м. Севастополя
(російською мовою)

Укладачі

Кузнецова Тетяна Олександрівна

Терещук Наталія Михайлівна

Комп'ютерна верстка М. Ареф'єв

Коректор О. Коротун

Здано до набору 01.05. 2011. Підписано до друку 28.06.2011

Формат видання 60x84/8. Папір офсетний № 1

Гарнітура Times. Друк офсетний

Ум. -друк. арк. 29,3. Обл.-вид. арк. 25,84

Тираж 50 прим. Замовлення №39

Оригінал-макет виготовлено Видавництвом ПП Ареф'єв М.Є.

99053, Севастополь, пров. Матроський, 24

Свідоцтво про реєстрацію СВ № 002 від 26.12.2001

Тел.: + 38 (0692) 45 35 92

E-mail: intersfera65@mail.ru

Надруковано у друкарні ПП «Інтерсфера»

99053, Севастополь, пров. Матроський, 24

Тел.: + 38 (0692) 45 35 92

E-mail: intersfera65@mail.ru

